

Алтай

в трудах ученых
и путешественников
XVIII – начала XX веков

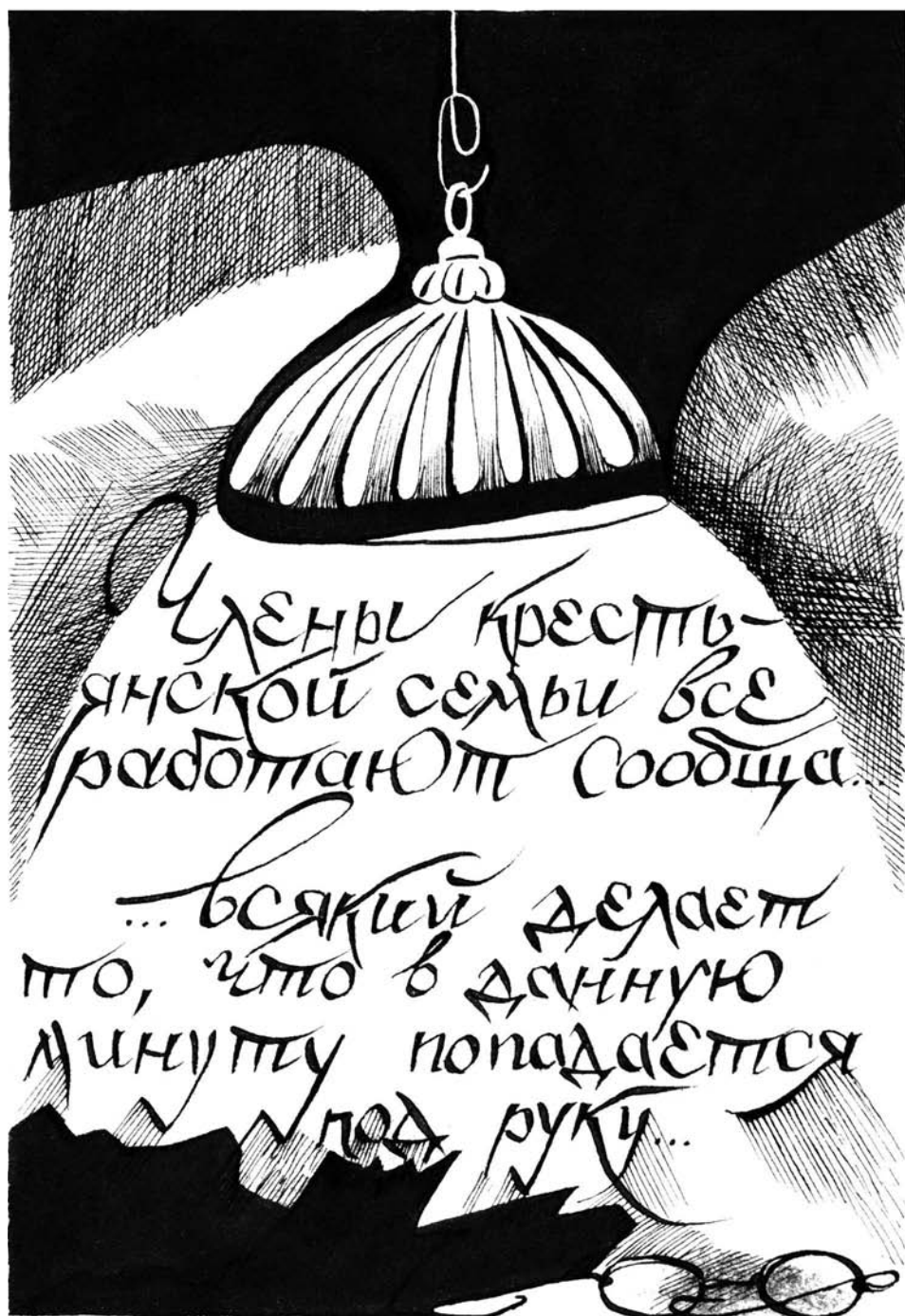

Алтай

в трудах ученых
и путешественников
XVIII – начала XX веков

Том 5

Члены крестьян-
ской семьи все
работают сообща.

...всякий делает
то, что в данную
минуту попадается
под руку...

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова»

Алтай

В трудах ученых
и путешественников
XVIII – начала XX веков

Том 5

Барнаул
2017

ББК 63.3 (2Рос-4Алт)
А 521

Издание подготовлено в рамках Губернаторского издательского проекта

Составители:

В.А. Скубневский, д.и.н., проф., член-корр. Рос. Академии естествознания,
В.П. Кладова, Н.В. Воробьева, С.Н. Ермакова, А.Д. Тетерина

Редакционная коллегия:

В.А. Скубневский (научн. редактор), В.П. Кладова (отв. редактор),
Т.И. Егорова (отв. за выпуск)

Художественное оформление и дизайн
К.М. Паршина

В оформлении обложки использован акварельный рисунок Ивана Меркульева
«Вид озера Кольвана с южной стороны». XVIII в.

А 521 Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков:
в 5 т. – Барнаул: Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова, 2017. –
Т. 5. – 624 с.

Пятый том издания «Алтай в трудах ученых и путешественников
XVIII – начала XX веков» включает труды ученых конца XIX – начала
XX вв. по вопросам социально-экономического и социокультурного раз-
вития Алтая.

ISBN

ББК 63.3 (2Рос-4Алт)

© КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная
библиотека им. В.Я. Шишкова», 2017.

© К.М. Паршина, художественное оформление
и дизайн, 2017.

Предисловие

«Члены крестьянской семьи все работают сообща на семью, причем, ни один в отдельности не претендует, пока он остается в семье, на результаты своих трудов, – все в семье общее. В самом ходе работ, так называемого, специального «разделения труда» мы не встречаем; всякий делает то, что в данную минуту попадает под руку, что в данную минуту наиболее нужно».
(С. Л. Чудновский)

В пятом томе публикуются труды семи авторов, они были изданы в конце XIX–начале XX вв., с 1894 по 1907 г. В числе авторов и профессиональные ученые (Д.Н. Беликов, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, Ф.Н. Белявский) и любители истории, по современной терминологии – краеведы (Е.П. Рылова, И.И. Тыжнов, М.В. Швецова). С.Л. Чудновский и М.В. Швецова являлись политическими ссыльными.

Все работы данного тома посвящены вопросам заселения Сибири (Д.Н. Беликов), крестьянству (С.Л. Чудновский, Д.Н. Беликов, Е.П. Рылова), а очерк В.П. Семенова-Тянь-Шанского и Ф.Н. Белявского – региону в целом. М.В. Швецова и Е.П. Рылова были членами Общества любителей исследования Алтая в Барнауле (с 1902 г. – Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества) и выполняли свои исследования по его заданию. Работы И.И. Тыжнова и Е.П. Рыловой были опубликованы в «Алтайском сборнике» – периодическом издании Географического общества.

Работа Д.Н. Беликова «Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк XVII-XVIII столетий) была частью большой книги «Научные очерки Томского края», изданной в 1898 г. Уникальность работы Беликова состоит в том, что он собрал огромный по объему материал о заселении юга Западной Сибири, в том числе территории будущего Алтайского горного округа, о времени возникновения очень многих населенных пунктов, именах первых жителей. К тому же многие документы, в том числе церковные, на которые опирался автор, не сохранились к настоящему времени. В исследовании Д.Н. Беликова показана роль казачества, ссыльных, беглых крестьян в освоении края, говорится о взаимоотношениях с коренными жителями Сибири. Коснулся автор и вопроса о возвращении в Россию при Екатерине II староверов из Польши, которые в основном были расселены в Сибири, в том числе на Алтае.

Именно этой группе населения – «полякам» Змеиногорского округа посвящена статья М.В. Швецово́й, материалы она собирала в 1898 г., а исследование носит скорее этнографический характер. Автор рассмотрела вопросы расселения староверов («поляков») по деревням Змеиногорского округа, их религиозные представления и обряды, занятия, жилища, одежду, традиции, семейные отношения. Автор сама собрала тексты песен, а также приводит тексты песен, собранные В.П. Ивановым.

Крестьянству посвящена и работа С.Л. Чудновского, материалы для которой автором были собраны в 1884-1885 гг. По определению самого автора, он ознакомился с «обычно-правовыми воззрениями крестьян», используя личные беседы («беседовал с тысячами крестьян»), копии с 2 208 решений 57 волостных и третейских судов Алтайского горного округа. Обширная источниковая основа позволила Чудновскому рассмотреть ряд вопросов, в том числе – ход заселения края, гражданское право, союз родителей и детей и семейные отношения, вопросы опеки и попечительства, способы приобретения имущества. Труд Чудновского несет бесценную информацию о жизни крестьянства второй половины XIX в.

Статья И.И. Тыжнова «Из истории горнозаводского населения на Алтае» имеет подзаголовок «Материалы для истории крепостного права в Сибири». Если большинство авторов, которые писали о горнозаводском производстве Алтая, главное внимание уделяли технической

стороне, то Тыжнова в большей мере интересовали вопросы формирования кадров мастеровых, приписка к заводам крестьян и их положение. Он пришел к выводу о наличии на кабинетских землях Алтая до 1861 г. настоящего крепостного права, рассматривает он и ряд других вопросов, например, развития в крае горнозаводского образования, медицины и др.

Обследование школ Алтайского горного округа Е.П. Рылова провела в 1894 г., данный труд имеет несомненную значимость при изучении истории народного образования, ибо данные официальной статистики в этом вопросе весьма скудны. Автору удалось собрать информацию о количестве и типах школ, их финансировании, состоянии зданий, составе учителей и учеников, школьной мебели, библиотеках и др.

Завершает 5-й том большая по объему статья «Русский Алтай» из многотомного издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Это справочное издание содержит огромный и разнообразный материал о территориях, населении, городах и сельских населенных пунктах, путях сообщения, экономике, учреждениях культуры. Редактором этого издания был сын известного русского географа П.П. Семенова-Тян-Шанского Вениамин Петрович, также видный русский и советский географ, что во многом предопределило высокий научный уровень данного труда.

Чудновский Соломон Лазаревич (13 (25) марта 1849 – 21 авг. (3 сент.) 1912), ссыльный народник, этнограф, экономист, член Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.

Родился в Херсоне в семье купца. В 1868 г. окончил Херсонскую гимназию, зачислен на юридический факультет Новороссийского университета, но вскоре перевелся в Петербургскую медико-хирургическую академию. В марте 1869 г. арестован за участие в студенческих волнениях, исключен из академии и выслан под гласный надзор полиции в г. Херсон. В ноябре 1870 г. переехал в Одессу, а в 1871 г. поступил в Новороссийский университет. Сблизился с А.И. Желябовым, студентом Новороссийского университета, будущим организатором покушения на царя Александра II. В октябре 1872 г. освобожден от надзора с правом повсеместного проживания, с 1873 г. слушал лекции на медицинском факультете Венского университета. В конце 1873 г. вернулся в Одессу, занимался доставкой нелегальной литературы. 27 января 1874 г. арестован в Одессе, привлечен к дознанию по делу о пропаганде в империи. Содержался под стражей, затем летом 1876 г. был переправлен из Одессы в Санкт-Петербург, заключен в Петропавловскую крепость.

23 января 1878 г. по «процессу 193-х» был осужден и приговорен к 5 годам каторги, замененной ссылкой в Тобольскую губернию, поселен в Ялуторовске, затем в Енисейске, с 23 марта 1883 г. – в Томске. В 1883-1886 гг. участвовал в издании томской газеты «Сибирская жизнь».

По поручению Западно-Сибирского отдела Русского географического общества летом 1884 г. и зимой 1885 г. предпринял две экспедиции на Алтай, с целью изучения переселений, среди которых были крестьянские и горнозаводские. Им было обследовано 30 крестьянских общин Алтайской волости, Бийского округа. Благодаря покровительству томского губернатора, для Чудновского были открыты текущее делопроизводство и архивы волостных прав-

лений Бийского, Барнаульского и Кузнецкого округов, по его желанию собирались сходы в селениях.

В 1886 г. служил в Омске в управлении государственных имуществ, в 1887 г. – в Ялуторовске, в 1888 г. участвовал в составлении экономического отчета Приангарского края в экспедиции инженера М.В. Чинцова по исследованию порогов р. Ангары. В конце 1880-х жил в Иркутске, служил агентом второго Российского страхового от огня общества и общества взаимного страхования жизни «Нью-Йорк», сотрудничал с газетой «Восточное обозрение». После окончания 23 января 1893 г. отбывания обязательного срока вернулся в Одессу, служил секретарем Одесского отделения кассы взаимопомощи литераторам и ученым, с февраля 1896 по 1906 г. – в Одесской городской управе секретарем правления Южно-Российского общества печатного дела. После 1905 г. примкнул к левой группе конституционных демократов.

Статья «Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа» была опубликована в литературном и научном журнале «Русское богатство» в 1894 г. Журнал «Русское богатство» выходил в С[анкт]-Петербурге в 1876-1918 гг. С начала 1880-х годов вокруг журнала начинает объединяться группа народников, в 1890-х годах «Русское богатство» – орган либерального народничества.

С.Л. ЧУДНОВСКИЙ

**ОЧЕРКИ НАРОДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО БЫТА
АЛТАЙСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА**

Во время предпринятых мною в 1884-[18]85 гг. поездок, при содействии Западно-Сибирского отдела Географического общества, по Алтайскому горному округу для статистико-экономических исследований, я долгом своим считал воспользоваться этим случаем также и для того, чтобы ознакомиться отчасти и с обычно-правовыми воззрениями крестьян того района, исследование которого я предпринял.

Считал я это своим долгом не только потому, что вопрос этот всегда очень меня интересовал, но и потому, что мне известно было, какое громадное значение отделение этнографии Русск[ого] геогр[афического] общества придает народным юридическим обычаям. И это понятно. Недостаточное и слишком отрывочное знакомство с этими обычаями слишком часто вызывает полное непонимание со стороны правящей интеллигенции нашей народной жизни и ее основных норм, а такое непонимание обуславливает, в свою очередь, тот факт, что «большая часть мнений о безнравственности народа, об отсутствии в нем уважения к закону, происходят» по справедливому замечанию почтенного Е. Якушкина¹, «от приложения требований строгого права (*juris stricti*) к таким случаям, к которым они вовсе не могут быть приложены по народным понятиям». Именно непониманием обычно-правовых норм народной жизни можно объяснить себе крики против волостных судов, многие поверхностные обвинения народа нашего в варварстве, в отсутствии «чувства законности» и т. п. Все те, кому по счастливому случаю удалось более или менее ознакомиться с внутренним процессом народной жизни, хорошо знают, что где бы ни жил русский крестьянин, он в обычной своей жизни всюду руководится, по верному замечанию этнографического отделения Русского географического общества, «не сводом законов, не уставами, учреждениями, положениями и т. п., исходящими от верховной власти, от правительства, а своими неписаными законами, выработанными жизнью, и установившимися юридическими воззрениями и обычаями». От этого и происходит то, что многое, что на взгляд кабинетных теоретиков является «отсутствием

¹ [Якушкин Е.] Обычное право: материалы для библиографии обычного права. Вып. I. [Ярославль: тип. губернского правления, 1875]. С. XX.

чувства законности», часто, очень часто составляет нечто совсем иное, даже противоположное. Потому-то еще в XVIII ст[олетии], в особенности же в XIX ст[олетии], обращено было столь серьезное внимание на изучение юридического быта народа со стороны ученых и путешественников (И.И. Лепехина, П.С. Палласа, И.М. Снегирева, В.В. Тарновского и др.), вслед за которыми и высокопоставленные государственные люди (напр., управляющий министерством государственных имуществ граф П.Д. Киселев) санкционировали важность и настоятельную даже необходимость близкого ознакомления с народными юридическими обычаями.

При тех исключительных условиях, при каких предпринята была поездка моя на Алтай, было бы, разумеется, с моей стороны несколько смело надеяться на возможность разносторонне и полно «ознакомиться с юридической и общественной жизнью» и «уловить все разнообразие» юридических обычаев алтайских крестьян. Однако же, благодаря любезному содействию покойного томского губернатора И.И. Красовского, мне все-таки удалось приобрести кое-что ценное и по этому вопросу, не говоря уже о личных беседах с тысячами крестьян небольшого, исследованного мною района, об вопросах, производившихся мною по *второй* программе отделения этнографии Географического общества (изд[ания] 1877 г.), мне удалось получить в свое распоряжение подлинные копии с 2 208 решений всех 57-ми волостных и третейских судов Алтайского горного округа; сверх того, в моих материалах имеется немало копий из книг сделок и договоров волостных правлений и подлинные засвидетельствованные копии с приговоров всех сельских обществ, входящих в состав Алтайского горного округа, о раскладке податей и повинностей на 1885 год. В руках моих, словом, сосредоточился материал, вполне достаточный для того, чтобы набросать хоть в общих чертах обычно-бытовой очерк того района, исследование которого выпало на мою долю, очерк, составляющий необходимое, так сказать, дополнение к очеркам моим об алтайской поземельной общине и о раскольниках на Алтае, напечатанным в «Сев[ерном] вестнике», и к очерку о переселенческом деле на Алтае, изданному Восточно-Сибирским отделом Географического общества отдельной книжкой. В совокупности все это представит более или менее полную картину жизни алтайских крестьян.

15 лет тому назад кн[язем] Н.А. Костровым составлен был сборник юридических обычаев крестьян-старожилов Томской губернии, издан-

ный им отдельной брошюрой¹. Но во 1) у кн[язя] Кострова для всей Томской губернии было «около 3[-х] тысяч решений», в моем распоряжении имеется, помимо труда кн[язя] Кострова, еще 2 208 решений для одного лишь Алтайского горного округа, т. е. лишь для половины района, занимаемого Томской губернией; во 2) кн[язь] Костров сгруппировал «только те юридические обычаи, которые существуют между православными крестьянами-старожилами Томской губернии», я же пытаюсь обозреть юридические обычаи всего населения Горного округа, и поступаю так потому, что во многих случаях крайне трудно, по моему мнению, провести различие между обычаями православного и раскольничьего населения, весьма заметно изо дня в день взаимно друг на друга влияющих. Семейное право, обычаи, охватывающие союз родовой и семейный, в данном отношении, составляют, разумеется, исключение, но эти-то именно обычаи настолько интересны, что я во время своих разъездов занимался тщательным их собиранием и в своем месте надеюсь отмечать соответствующие обычаи разных элементов населения; в 3) кн[язь] Костров, при составлении своего сборника, руководствовался программой, изданной Географическим обществом еще в 1864 г., т. е. программой, которая, по сознанию отделения этнографии Геогр[афического] общества, после целого ряда исследований о нашем обычном праве за 10-летний период 1864-1874 гг., «несмотря на все ее достоинства, значительно устарела». Я же придерживался, главным образом, программы по гражданскому праву П.А. Матвеева, изданной комиссией о народных юридических обычаях при отделении этнографии в 1877 г., и программы по уголовному праву И.Я. Фойницкого, т. е. программ, при составлении которых уже приняты были во внимание все ценные исследования предшествовавшего десятилетия; наконец, в 4) в распоряжении кн[язя] Кострова были решения волостных судов начала семидесятых годов и второй половины шестидесятых годов, в моем же распоряжении имеются для всех 53 волостей Алтайского горного округа решения 2-й половины 1883 г. и 1-й половины 1884 г., судов, лично мною исследованных волостей (Смоленской, Алтайской, Змеиногорской и Сростинской) и наиболее характерные решения 1876-1883 годов. Десятилетний период в жизни населения, пережившего сравнительно столь недавно такой серьезный кризис, как освобождение от обязательных заводских работ, слишком заметный

¹ Юридический обычай крестьян-старожилов Томской губернии / составил кн[язь] Н. Костров. Томск: [Печатано в Томской Губернской тип.], 1876. [118 с.]

период для того, чтобы многие обычаи остались без всякого видоизменения и чтобы не возникло много новых обычаев, обуславливаемых видоизменившимися факторами экономической жизни алтайского населения: всякое *право*, а тем более народное обычное право настолько тесно и неразрывно связано с материальной жизнью, что оно никоим образом не может не развиваться и не изменять своих отношений и норм, раз бытовые условия и экономические основы, продуктом которых право это является, реформируются и развиваются, или даже совсем видоизменяются.

Вышесказанное позволяет мне думать, что, несмотря на все свои пробелы и недостатки, предлагаемый мною вниманию читателя труд может составить некоторое дополнение и существенную поправку к почтенному труду кн[язя] Н.А. Кострова, хорошо сознававшего «неудовлетворительность и неполноту» своего сборника.

ВСТУПЛЕНИЕ

Этнографический состав населения. Ход заселения Алтайского горного округа и общая характеристика последнего.

Этнографический состав населения Алтайского горного округа довольно разношерстный. В округах Бийском, Барнаульском, Кузнецком и части Томского, в совокупности своей и составляющих Алтайский горный округ, принадлежащий на праве вотчинной собственности Кабинету Его Величества, мы встречаем рядом с коренным православным населением всевозможных толков и согласий раскольников. Географическое положение Горного округа, площадь которого простирается между 49° и 56° с[еверной] ш[ироты] и 95° и 108° в[осточной] д[олготы], до 7 800 кв. миль или до 382 000 кв. верст, масса гор и ущелий, которыми он изобилует, представляли слишком выгодные условия для того, чтобы служить убежищем от бдительного ока заседателя и исправника, местом укрывательства от гонений и преследований местных властей. С другой стороны, благодатный климат, богатая растительность, прекрасные пастбища, девственные леса и обилие рек и ключей, падающих с высоких гор на прекрасные плодородные долины, давали укрываемым полную возможность, уединившись в почти недоступные трущобы, находить для себя там

вдоволь пропитания, занимаясь хлебопашеством и, главным образом, скотоводством, пчеловодством, звероловством и др. промыслами. По некоторым уголкам Алтайской волости, напр., приходилось мне разъезжать в марте (1885 г.), во время таяния снегов, и, по горькому опыту, я мог убедиться, что сообщение с некоторыми гнездами раскола в это время если не абсолютно невозможно, то, во всяком случае, сопряжено с немалым риском для здоровья, а отчасти и для жизни, таковы, напр., селения *Лютаева, Песчаная, Карпова, Медведевка* и др., как бы защищенные от всего внешнего мира со всех сторон облегающими их горами и девственной чащей.

Выразить в цифрах количественный состав этого населения, простиравшегося в общей массе к 1-му июля 1882 года до 277 894 наличных душ муж. пола, весьма трудно, а, пожалуй, и невозможно, ибо официально в рубрике «православных и единоверцев» фигурирует обширная масса разных толков раскольников, «приписанных» к этой рубрике помимо их воли и согласия, а отчасти даже и ведома, что ими резко и откровенно заявляется всем, кто только не носит кокарды и от кого нельзя рассчитывать получить за оное немедленного возмездия¹. Напр[имер], при моих разъездах по Алтайской волости, Бийского округа мне приходилось чуть не на каждом шагу наталкиваться на всевозможные раскольничьи секты – поповцев, беспоповцев, поморцев, православных христиан и др.; иные селения ими переполнены, напр., дер. *Нижне-Каянча* на две трети почти заселена «чашечниками», т. е. раскольниками, которых православные («мирские») прозвали так потому, что они де имеют свои чашки и ни за

¹ В «Обзоре Томской губернии» за 1881 г. «раскольников» показано всего-навсего 9 929 душ, но цифра эта в несколько раз ниже действительной. Эта своеобразная цифра имеет весьма немудрое происхождение: в той массе «единоверцев», численность которых сообщается с численностью православных определена в 964 386 д[уш], включено очень много лишь «приписных», а не действительных единоверцев, т. е. чисто фиктивных. Один следующий из многих подобных примеров может показать, насколько приведенная цифра ниже действительной: в одном лишь Алтайском единоверческом приходе, обнимающем девять из 38 селений Алтайской волости, насчитывается 1 996 душ «приписных» единоверцев; сам священник высказал нам свое убеждение, что, по меньшей мере, половина этого количества фактически раскольники, а отнюдь не единоверцы. Я же лично убедился, что не менее трех четвертей этого числа, т. е. около 1 500 душ – самые завзятые раскольники. А ведь таких «приписных» единоверцев можно найти во всех 57 волостях Горного округа!

что не согласятся есть из одной чашки с «мирскими». «Чашечники» подразделяются на «поповцев» и «беспоповцев», и из этих-то сект состоит значительнейшая часть населения Алтайской волости, как и Ануйской и некоторых других.

Здесьние поповцы – почти все австрийского толка; беспоповцы же подразделяются на поморцев, стариковщину и «православных христиан», попадаются (хоть и весьма мало) и немояки, субботники, молоткане и др. сектанты.

Как известно, Сибирь и на первых порах, и в продолжение почти всего периода ее принадлежности к России, заселялась вольными и невольными выходцами из Европейской России. Задолго еще до завоевания русскими Сибири, в эту «землю мрака» ходили новгородцы, проникшие в нынешний Березовский округ в первую половину XI ст[олетия]. Когда донские казаки, в конце XVI в., окончательно завоевали Сибирь, Москва принялась усердно заселять обширные, почти пустынные и безлюдные пространства; предписано было направить туда ямщиков, плотников, в особенности же «пашенных людей» из «Сольвычегодска на посаде» и всего его уезда, из Перми, Верхотурья, Каргополя, Вятки, Великого Устюга и иных местностей, ближайших к Сибири, с предложением всем этим «охочим людям» разных льгот. В XVII ст[олетии], при Михаиле Федоровиче, Сибирь становится страной ссылки, и туда направляются (по суду и административным порядком) «лихие люди» из всех губерний и уездов Европ[ейской] России. От восприятия ссыльного элемента не освобождена была на первых порах и юго-западная часть Томской губернии, только с 1808 г. Алтайский горный округ, как собственность Кабинета Его Величества, изъят был из числа ссылочных районов. Рядом с ссылкой тянутся своим чередом и с большою интенсивностью и вольно-народные переселения, постоянно и постепенно все более и более расширяющиеся, не взирая ни на какие преграды и внешние препятствия.

Стало быть, основным ферментом сибирского населения явились новгородцы, сольвычегодцы и устюжане. С дальнейшим же течением времени ядро это воспринимало в себя, ассимилируя представителей самых разнообразных местностей и элементов; трудно найти в Сибири такой уголок, в котором население не было бы «смесью племен и наречий».

Изложенный сжато исторический факт вполне подтверждается и филологическими данными, между прочим, и данными, сообщае-

мыми Гр.Н. Потаниным в вып. VI «Этнографического сборника», изданного в 1864 году. Установлено именно, что население Сибири, а в том числе и население юго-западной части Томской губернии, говорит наречием новгородских колоний (Архангельской, Вологодской, Пермской и др. соседних губерний), причем местами наречие это больше приближается к новгородскому наречию, местами же, именно на Алтае, усиливается «авосящее» наречие; местами же оба эти наречия сливаются в среднее между ними¹. Кое-где на Алтае замечается, правда, и отклонение от новгородского наречия, но это обуславливается вкрапленным в среду алтайского населения в довольно заметных размерах, так называемых «поляков», переселенных сюда из Польши при Екатерине II, ими заселены селения: Алейское, Екатерининское, Шипуновское, Паутовское, Алтайское, Гилевское и мн[огие] другие по рекам Убе, Ульбе и др. Эти «поляки», как утверждает Гр.Н. Потанин, и в чем мы отчасти и лично убедились, сохранили свой особенный выговор и много своеобразных слов. Они, как и беглые русские крестьяне, известные на Алтае под названием «каменьщиков», выдаются из среды остального русского населения своим высоким ростом, статным сложением, своей неустрашимостью, находчивостью, своей одеждой и пр.

Приведенная историко-этнографическая справка, при всей своей краткости и общности, показывает, однако, что обычаи и обычно-правовые нормы населения Алтайского горного округа, в первоначальном своем виде, должны были представлять амальгаму обычно-правовых норм Европ[ейской] России, и что амальгама эта, с течением времени, должна была неизбежно видоизменяться, принаравливаясь к новым условиям жизни. В новейшее же время, с освобождением горнозаводских крестьян от крепостной зависимости и с расширением переселенческого движения в пределы Горного округа до крайних своих пределов, круг этих норм опять-таки должен был претерпеть кое-какие видоизменения.

Наконец, нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что помимо коренного русского населения в Алтайском горном округе, как и в Сибири вообще, весьма заметный элемент населения составляют различные инородческие племена. Первые сибирские пионеры – казаки и служилые люди, как и торговые, промышленные

¹ [Потанин Г.Н.] Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // [Этнографический сборник. 1864. Вып. IV]. С. 1-2.

и всякие иные «охочие» люди, состояли преимущественно (и, пожалуй, почти исключительно) из холостых людей, женское русское население на первых порах было крайне редкое; вполне понятно, что скрещивание русских с инородками («татарскими, остяцкими, вогулицкими, калмыцкими погаными жонками») стало здесь практиковаться с первого же момента завоевания Сибири и в форме брака, и в форме простого блуда, как жаловался еще в 1622 г. патриарх Филарет, и как долго после него жаловались тобольские митрополиты. Мало того, само правительство предписывало по временам женить служилых людей на крещеных инородках. Путешественник Паллас констатировал, что «благосостоятельные русские сельские жители, а также и многие горожане с давних пор уже имеют обычай выбирать себе в жены бурятских или монгольских женщин, кровь которых, по их уверению, горячее крови русских женщин, и буряты, побуждаемые временными выгодами или расчетами, охотно дозволяли своим дочерям креститься и выходить замуж за русских. Встречаются и такие примеры, что богатые буряты крестятся из-за того только, чтобы иметь возможность взять замуж за себя русских женщин». Само собою разумеется, что этот фактор, в связи с физико-географическими, климатическими и этнологическими условиями новой страны, должен был вызвать заметные изменения в великорусской народности в Сибири. Один из даровитейших и глубокомысленных исследователей Сибири Щапов констатировал, что в то время, как «в умственном складе великорусского человека более отразилось влияние продолжительного исторического тысячелетнего опыта и отчасти влияние европейски образованного класса», «в умонастроении сибиряка более отпечатлелось влияние дикой сибирской природы» и почти полная забывчивость всей древнерусской старины, всех этических сказаний или былин великорусского народа, даже большей части великорусских народных верований или суеверий, примет и обрядов увеселительных.

Предгория Алтая стали колонизироваться с начала XVIII ст[олетия] с легкой руки Демидова, соблазненного сведениями о богатых рудах в Кольванских горах. Первоначальная колонизация комплектовалась и здесь, преимущественно, из людей бездомных и безродных, холостых, которые в поисках своих за женами не могли, разумеется, также избежать соприкосновения с встречающимся на Алтае инородческим элементом, численность которого определялась здесь

к 1880 г. в 45 000 душ с лишком¹; они скрещивались с калмычками и другими совершенно уже ныне обрусевшими комондинцами², кузнецкими и черневыми татарами. Исследуя в 1880 г. инородческое население Алтая, г[осподин] Ядринцев убедился, что «в некоторых местах вырождение произвело то, что невозможно отличить русских от потомков инородцев, смешанных с русскими». Г[осподин] Ядринцев констатировал на Алтае «скрещивание и полное смешение целых волостей», он проследил по ревизским сказкам нарастание населения в Чумышской инородной управе, где было до десяти семей инородцев в прошлом столетии³, а ныне потомки их образовали целые деревни и представляют многочисленное поколение. Хотя исследование инородческого элемента, да и вообще этнографическое исследование не входило в мою задачу, но и я воспользовался некоторыми случаями, чтобы лично убедиться в заметном распространении этого явления. Недалеко, напр., от села Алтайского (верстах в семи), расположено небольшое селение дворов в 50-60 *Sarasa*, составляющее с Чергинским аулом (заселком в 5 некрещеных дворов) маленькую управу в 129 рев[изских] душ. Почти все население Сарасы состоит сплошь из крещеных киргиз совершенно обрусевших, хотя инородчески-киргизский тип заметно еще сохранился и довольно резко бросается в глаза: толстые, сплюснутые носы, толстые мясистые подбородки, щелеватые глаза, толстые, немного оттопыренные губы. Мне же попадались киргизы и 1-го и 2-го и 3-го колена, т. е. не только такие, которые сами были крещены, но и такие, отцы или даже деды которых были крещены. Из двух ясачных 2-го колена, с которыми я познакомился, у обоих деды были крещены, но у одного из них и бабушка, и мать были из русских, а у другого – и бабушка, и мать были

¹ В книге своей «Сибирь, как колония» г[осподин] Ядринцев определяет общую численность инородческого населения всей Томской губернии в 63 608 д[уш], в том числе: татар – 19 986, бухарцев – 152, самоедов – 2 916, остяков – 4 211, алтайцев-телеутов – 5 731, черневых татар – 23 594 и калмыков – 17 018. По округам инородцы распределяются: в Бийском – 22 034, Кузнецком – 20 788, Барнаульском – 1 236, Томском – 14 155, Мариинском – 1 870 и Каинском – 2 225. Для определения приблизительной численности инородцев Алтайского горного округа должны быть отброшены инородцы Томского, Мариинского и Каинского округов в числе 18 250 д[уш], так что на долю Горного округа и останется около 45 358 душ.

² Кумандинцами (*Ред.*)

³ Т. е. XVIII в. (*Ред.*)

из киргиз (крещеных): на лицах первых совсем почти исчезли типические инородческие черты, в облике же другого они вполне сохранились. Мне пришлось также встретиться с двумя *сродными* братьями: по отцу они оба «одной колоды» *Матвеевых*, по матерям же они «разных колод»: один «колоды Бухаринской», мать которой (т. е. бабушка данного субъекта) была русская, другой по матери «колоды Старковой», тоже русской; отцы у обоих из киргиз; и вот оба эти брата сохранили в облике своем типические черты киргиза, хотя и не в одинаковой степени. В этом уголке и поныне царит в полной силе «*сумешица*», т. е. киргизы женятся на крестьянках, а крестьяне – на киргизках. То же явление мне пришлось подметить и в с. *Улале*, главном стане Алтайской миссии, заселенном сплошь обрусевшим инородческим населением, так же в с. *Тарханске*, где резиденция Быстрянской инородной управы.

Подобное бесперывное взаимное скрещивание русских с инородцами не могло и не может, понятно, до известной степени не отражаться также и на привычках, обычаях, нравах и даже на обычно-правовых нормах алтайского населения вообще: сближаясь с инородцами, русское население не могло, разумеется, не усваивать при этом (и, как доказывают исследования, не усваивать довольно многого) как из их языка, верований, обычаев и привычек, так и из занятий и всего бытового склада. Исследователи Сибири не без большого основания полагают, что, между прочим, западно-сибирское русское население (в особенности же приалтайское) преимущественно скотоводством занялось, благодаря именно инородцам, от которых они заимствовали даже некоторые приемы земледельческой техники. Также констатировано, что казаки, проживающие на границе Киргизской степи, позаимствовали у киргизов одежду, обычай и язык; нечто подобное замечено и у крестьян на Бухтарме, на южной границе Сибири. Г[осподин] Ядринцев, посетивший Алтай в 1878 и в 1880 гг. с специальною целью изучения инородческого населения, констатировал, что русские крестьяне «поставили в калмыцких землях» пасеки, купцы – заимки и магазины для склада орехов.

Предыдущие беглые замечания мы сочли нелишним предпослать обзору обычно-правового мировоззрения населения Алтайского горного округа, к которому теперь и переходим.

І. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

А. Право семейное

1. Брачное право

Русское население Алтая (м[ожет] б[ыть] не без влияния соприкасающегося с ним инородческого элемента) при заключении браков не считается особенно строго со *степенями родства*. Хотя запрещение брачных отношений между родственниками первых семи степеней общеизвестно, но алтайцы почему-то считают вообще недозволительным брачный союз лишь при родстве до 5-й степени включительно. Непреодолимым препятствием к брачному союзу признается также духовное родство (побратимство, усыновление, кумовство и т. п.). Не пользуется сочувствием и брак с приемными. Но нигде на Алтае не считается препятствием для брачного союза ношение одной и той же фамилии, проживание в одном селении. Хотя браки между православными и раскольниками (поповцами, беспоповцами, поморцами и др.) явление не частое, однако же, они имеют место; разница в религиозных верованиях (правильнее, обрядах) и даже различие национальности не играют, безусловно, запретительной роли при брачных отношениях на Алтае.

Стараясь выяснить себе те *мотивы*, которые играют главную роль при заключении брака и при выборе невесты в том уголке Алтая, исследованием которого я занимался в 1884-[18]85 годах, я не без отрадного чувства должен был придти к убеждению, что элемент *симпатии, взаимного влечения и любви* играет при этом весьма заметную роль. Правда, родительский авторитет, воля отца и матери, как и ближайших родственников, в крестьянской среде на Алтае, как и в других местах, имеют громадное значение, но значение этих факторов здесь отнюдь не *повелевающее*: *половинковцы*, напр., самым категорическим образом уверяли меня, что у них взаимное влечение молодых людей является одним из наиболее существенных мотивов для вступления в брак. При переезде моем из д. *Панфиловой* в с. *Усть-Искитимское*, мне попался в ямщики молодой, живой и разбитной парень, которому пошел 16-й год. Парень этот посвятил меня в свою сердечную тайну: я узнал, что он весь поглощен думушкой о женитьбе. У него «на примете» есть молодая девушка, которая очень ему нравится, та обещает пообождать, пока он

не соберется с деньгами. Дело в том, что он состоит в рабочих («с 10 лет я на козлах») и получает 55 руб. в год на хозяйском содержании, при таком жаловании ему-де можно бы было и не откладывать в долгий ящик осуществление его заветной мечты, да горе-то его в том, что ему приходится платить отцовские долги, так как старик его «шибко пьет». И вот, он потихоньку копит деньги и терпеливо ждет, за девушку он не боится, она сдержит слово и ни за кого другого не пойдет: «Я верю ей, как себе», – трогательно закончил свою сердечную исповедь парень.

Преобладанием при заключении брачных союзов элемента взаимной симпатии, я склонен объяснить и то обстоятельство, что нигде на Алтае мне не приходилось наталкиваться на унижительные для женщины обряды, символически изображающие юридическое воззрение на брак, как на рабство девушки, вроде, напр., поднесения невестой кнута жениху: «Не слыхивали мы», – говорили мне, смеясь новочемровцы и другие, – чтобы на себя молодая бич принесла!»

Нужно вообще заметить, что браки с согласия одних лишь родителей без предварительного добровольного соглашения брачующихся на Алтае явление редкое и встречаются преимущественно у «русских». Само собою разумеется, и на Алтае в деле супружеского союза видную роль играют трудовое начало и хозяйственные соображения. Интересуясь в девушке дородством, непорочностью, послушливостью и т. п., обращают большое внимание и на имущественный достаток родителей девушки и на рабочую способность самой девушки. Но тут приходится не упускать из вида, что Алтай является главным пунктом, привлекающим русских новоселов, кое-где образующих отдельные общества, а кое-где – значительную долю населения: в среде обоих этих элементов населения, старожилов и новоселов, и проявляется значительная разница в преобладающих мотивах, обуславливающих выбор невесты; сибиряки преимущественное внимание обращают на «природу», русские – на рабочую силу; факт этот отмечен мною в особенности в с. Старо-Белокуриха, где новоселы составляют преобладающую часть населения.

Наиболее распространенным нормальным возрастом для вступления в брак можно считать на Алтае для девушек 16-17 лет, для парней же – 18-19 лет; лишь в немногих селениях мною отмечено для парней 18-20 лет, а для девушек – 17-18 лет. При этом не принято ни относительно парней, ни относительно девушек соблюдать очереди: если подвернется случай выдать замуж младшую дочь или женить младшего сына, когда старшие еще не пристроены, то этим на Алтае отнюдь

не стесняются. Не считаются также особенно строго с взаимоотношением между возрастaми жениха и невесты. Духовное родство (кумовство, усыновление и пр.) препятствует брачным связям.

Общеустановленный канонический закон, установивший обязательный минимальный возраст для вступления в брак, нередко разными путями на Алтае обходится. Напр., в д. *Александровке* распространен обычай, пользующийся как бы всеобщей санкцией, сожительства в замужестве «до выхода из годов» без венчанья, с одного лишь (и обязательного) «благословения стариков». Этот обычай пришлось мне отметить и в *Тоураке*, *Кугане*, с. *Алтайском* и в других селениях. Передаем характерный рассказ по этому поводу куганца *Евсея Тупицина*: «Вот у меня была хорошая скотина, «полный заворот», нужна хозяйка. Стал я высматривать невесту, и понравилась мне девка в Шимках; поговорил я со стариками. «Приезжайте», – говорят, – на Петровки». Послал я туда сына и мать. Спрашиваю сына, как он вернулся: «Глянется тебе невеста?» «Мне глянется, а как вам?» «Не мне с нею жить, а тебе». Послал опять сына туда с вином: сын поехал, а я был на пасеке. Возвращаюсь и застаю дома сына, да не одного, а с невестою. Она пошла за ним «убегом», старики согласия не дали. Поехал я в волость хлопотать, чтобы священник их повенчал. Говорит, по метрике им года не вышли, возми-де из волости удостоверение, что годы вышли, тогда обвенчаю. Прежде в волости годы «покупали», бывало, если года не вышли, платишь «за год» 10-15 рублей и дают тебе удостоверение, что вышли-де года, ну а ныне, как пошли рекрутские списки, строго стало, ни за что уже нельзя «купить года». Что делать? Поехал я «в Сибирку»¹, и тот священник не венчает. Ничего не поделаешь! Стал жить парень с невестой, как с женой, а тем временем и родители невесты «простили», парень мой заплатил ее отцу 40 рублей, да самой дал 12 рублей «на подъем», да старикам поставил еще два ведра вина. Мне денег своих жалко стало: стало мне дело почитай в 60 рублей, а как молодая вдруг раздумает и уйдет! Подумал я, да и съездил к архиерею в Бийск хлопотать, тот и разрешил обвенчать, хотя сыну еще полгода не вышло. Так-то прожили они полтора года без венца».

Об аналогичном случае в д. *Александровке* мною также занесено в мои дневники: *Егор Екимов* отпраздновал свою свадьбу в 1884 году, и та обошлась ему 70 рублей, но еще в 1885 г., когда я ездил по Алтайской волости, Екимов не был обвенчан. Дело в том, что в 1884 г. Екимову было

¹Т. е. в д. Сибирячиху.

только 16 лет, а невесте его – 15 л[ет], «они из годов не вышли». Егору же очень нужна была «работница» (старуха-мать была совсем больна), вот родители и «благословили» молодых при свидетелях в присутствии старосты, который засвидетельствовал подписку Егора, что он, мол, обязуется обвенчаться, когда выйдут года. В той же д. Александровке прожили, как муж и жена, Дмитриевы 4 года до венчанья.

Что сожителство в течение некоторого времени без венчания является до некоторой степени санкционированным явлением, доказывает отчасти следующее решение, записанное в книге решений волостных и третейских судов Чарышского волостного правления 23-го марта 1884 года под № 16: мещанка г. Барнаула девица *Настасья Тачалова* обратилась к суду с жалобой на крестьянина Тобольской губернии, Ишимского округа, Бердюжской волости, села Истоминского, *Захара Ревягина*. При разбирательстве дела выяснилось, что Тачалова год тому назад была обручена с Ревягиным, и с этого времени жила в доме последнего «в видах скорого их свенчанья законным порядком, которое не было совершено вскоре после обручения только потому, что для этого еще не было нужных документов, которые Ревягин хотел выхлопотать откуда следует в самом непродолжительном времени, но и до настоящего времени их не имеет, да и нисколько не старается об этом, а Тачалова между тем жить с ним не обвенчанной не желает». Вол[остной] суд определил: «все принадлежащие мещанке Тачаловой одежные вещи, а также одного быка и телку от крестьянина Ревягина отобрать и возвратить просительнице» согласно просьбе последней.

Нужно, однако, оговориться, что обычай супружеского сожителства до венчания, до выхода из годов, ныне не особенно распространен на Алтае: крестьяне, главным образом, опасаются того, чтобы расходы, с которыми сопряжено заключение брачного союза, не пропали при этом условии зря.

Для вступления в брак на Алтае требуется обязательно благословение и разрешение родителей. Если большаком в семье является не отец или мать, а какой-либо другой ее член, то требуется и его согласие; однако же, без последнего находят возможным и обойтись, родительское же благословение требуется обязательно. Старики с. Айского, напр., строгим и серьезным тоном убеждали меня в том, что брак без родительского благословения впрок не пойдет: либо молодой, либо молодая, а то и оба непременно-де в таком случае помрут. Если у кого-либо из молодых нет в живых отца или матери, то обычай требует заручить-

ся согласиём вотчима или мачехи. Если кто-либо из молодых круглый сирота, у которого ни одной родной души не осталось на свете, то обычай требует согласия «доброего человека». И любопытно, что в последнем случае ни опекун, ни опекунша никакого значения не имеют: народ, по-видимому, не усматривает в них того «доброего человека», согласие которого нужно и желательно для прочности брачного союза.

На процедуре сватовства останавливаться подробно нет надобности, так как она в достаточной степени исчерпана в монографии кн[язя] Кострова. Вот вкратце наиболее распространенная ее форма. Если девушка уже намечена и сыном, и отцом, последний отправляется сватать ее. Входит он в дом намеченной девушки, крестится перед образом, обращается к отцу девушки и, называя его по имени-отчеству, заявляет ему: «у тебя дочь, а у меня сын», я-де приехал сватать твою дочь, «она мне нравится, отдай девку замуж за сына». Отец девушки, по обычаю, должен при этом непременно «ломаться»: дочь-де моя, говорит он, еще молода, она мне больно мила, она хорошая работница, я и в мыслях-де еще не имел выдавать ее замуж; дай мне денек-другой, надо пообдумать да посообразить. Отец-сват удаляется, а отец девушки созывает всю наличную родню и предлагает дело на обсуждение семейного совета. Если последний выскажется отрицательно («не выдавать»), то отец девушки, когда сват к нему вторично явится, категорически ему откажет, в противном же случае, он вновь, как требует обычай, начинает «ломаться» и требует еще времени на размышление; в таком вторичном «ломании» сват усматривает благоприятный исход, он понимает, что дело налаживается и начинает угощать отца девушки вином, которое он в это второе посещение припасает на всякий случай за пазухой. Бывает и так (в особенности у раскольников), что парень, задумав жениться, сватом посылает своего дружку: процедура в этом случае такая же, как и в первом.

Когда сват после вторичного «ломанья» появляется вновь, получает, обыкновенно, окончательное согласие; тут же часто происходит (иногда же откладывается на день, на два, редко – на неделю) и «рукобитье». За сговором через одну-полторы или две недели следует и самая свадьба, которая бывает одновременно с венчанием, последнее откладывается разве тогда, когда «года не выйдут».

В тех местах, где преобладает «российский» элемент, процедура сватовства немного варьируется. Напр., в Алтайской волости есть село *Сычевка*, больше чем наполовину заселенное «российскими». Здесь дело происходит так. Кто-либо из родных жениха или из «соседей»,

а то и сам парень, облюбовав для себя девушку, отправляется к ее родителям и прямо объясняет им, что вот понравилась-де им их дочь, «хочу-де ее посватать». Если родители девушки против претендента ничего не имеют, они отвечают ему: «мы подумаем, приходи завтра». При вторичном посещении претендента, отец девушки, в случае согласия, говорит ему без дальних околичностей: «неси водку»; претендент приносит полуштоф или штоф, который родители девушки на радостях и распивают, вечером того же дня жених приносит закуску и происходит сговор. Через день или два после сговора происходит «запой» (по российскому, а по местному – «рукобитье») и назначается день свадьбы – через неделю-другую, иногда через месяц, редко – через более продолжительное время, и то лишь тогда, когда молодые не достигли требуемого возраста. В Сычевке, как и вообще у «российских», проживающих на Алтае, за рукобитьем следует «девишник»: собираются подруги невесты, поют вместе с нею соответствующие песни, убирают невесту и выводят ее к родителям жениха, причем невеста преподносит отцу жениха шаровары, рубаху, еще что-нибудь. Сам же жених на девишнике вовсе не бывает.

При первых разъездах моих по Алтаю, меня немало поражали рассказы о том, что алтайские крестьяне «покупают невест». Так, напр., александровцы уверяли меня, что это имеет место в селении *Демьяновском*. Ямщик, везший меня из Кугана в с. Алтайское, также подтвердил, что и в его околотке практикуется «покупка невест», как обычное явление, правда, он-то, ямщик, за свою жену ничего «не заплатил», но вот сын его заплатил «за девку» 40 рублей, другие платят по 60 рублей и больше: «я кормил, поил, содержал девку, сколько израсходовал, так ты заплати», – убежденным тоном оправдывал этот обычай ямщик. В этой «покупке невесты», про которую мне приходилось слышать неоднократно, явно сказалось влияние туземного инородческого элемента Алтая; в некоторых уголках Алтая крестьяне плату за невесту прямо называют «калымом». Так, приходилось беседовать о калыме в с. *Усть-Искитимском* и его окрестностях (Томского округа); здесь размер калыма доходит у богатых крестьян (у комиссаровских и др.) до 200 рублей и больше, даже у бедных он не бывает меньше 40-50 рублей. В дер. *Мажамихе* (того же округа) богатые женихи уплачивают невесте 100-150 рублей, средние – 40-100 рублей, а бедные – 20-30 рублей и даже больше, причем отцу невесты платят еще независимо от этого сапогами, вином и т. п. (в других местах сапогами дарят не отца не-

весты, а ее брата). В дер. *Подонинской* (той же Усть-Искитимской волости) крестьяне побогаче уплачивают за невесту 100-150 руб., а 50-40 рублей дает «самый худой», да сверх того отцу невесты преподносят вино, изредка, впрочем, и деньгами, причем богатому жениху приходится иногда уплачивать отцу невесты до 100 рублей, но в последнем случае он в свою очередь обязывается обычаем «благословить» молодых в приличной форме. В дер. *Талой*, напр., женихи побогаче уплачивают невесте 100-200 рублей; но такие невесты бывают «очень лопотны», у них бывает до 30 платьев, в числе которых найдутся платья стоимостью в 30 и даже в 50 рублей; за такой невестой и отец дает, обыкновенно, в приданое много скота, меда и всякой домашности; кроме того, от такой невесты для родных жениха требуются и ценные подарки, на которые расходуется иногда до 50 рублей.

Вышеизложенное показывает, что «калым» у русских совсем не то, что «калым» у инородцев. Это в сущности не плата за невесту, а плата невесте, причем кое-где платят и родителю последней, который, однако, и в свою очередь отдаривает молодых. Кое-где на Алтае плата невесте и ее родителям называется «взносной» или платой «на снос»¹, а плата ее отцу – «дарами»; это название я встречал в Тальской волости, Томского округа и в др. местах. «Дары», впрочем, полагаются не одному отцу, а вообще и родне, и даже всем участвующим в поезде: дружке, полудружью, тысяцкому, боярину и др.

Плата невесте «на снос» или «на подъем», жених получает, в свою очередь, от родителей невесты *приданое*, носящее иногда (напр., в с. Ново-Чемровке) название «награждения» и «наделка». Но это приданое, которое дается часто только после свадьбы (через месяц-другой, а то даже и через год), признается почти повсеместно, как увидим ниже, жениным имуществом, которым муж может лишь временно распоряжаться: в случае смерти жены, если не осталось детей, приданое, обыкновенно, возвращается полностью в ее род. Надо, однако, оговориться, что мне не приходилось слышать, чтоб с мужа взыскивалось это имущество, раз муж его растратил.

Состав приданого различен. Оно дается деньгами, скотом, вещами, медом и всякой «домашностью». Из массы решений волостных судов относительно приданого считаю не лишним привести несколько наибо-

¹ Плата «на подъем», «на снос» и пр. как бы назначается на гардероб жены. Она называется иногда еще «запросом» (если деньгами) или «приносом» (вещами).

лее характерных, рельефно обрисовывающих воззрения крестьянского населения Алтая на этот предмет.

1) Крестьянин *Верх-Бухтарминской* волости (Бийского округа), деревни Белой Дмитрий Петров Барсуков обратился в волостной суд с заявлением: дочь его – Барсукова была в сводном браке с сыном крестьянина той же волости деревни *Язовой* – Назара *Зайцева*, затем «расторгнула» этот брак и ушла обратно к своему отцу, так как терпела от мужа «часто временные нанесения побоев» и «разные притеснения»; Барсуков и ходатайствовал об отобрании «приданого имущества», данного им дочери при вступлении в сводный брак. Волостной суд «в виду распространения беззаконства» положил: «Барсуков обязан уплатить Зайцеву деньгами двадцать два рубля, а Зайцев обязан Барсукову возвратить, согласно приложенному при заявлении счету, все приданое, причем предупредить их, Зайцева и Барсукова, чтобы на будущее время не распространяли беззаконства в бракосочетании». Хотя в данном случае дело усложнилось «беззаконством», в виде «сводного брака», сильно распространенного на Алтае, в особенности в раскольничьем населении, и Барсуков поплатился за это «беззаконство» 22 рублями, но приданое все же признано подлежащим возвращению.

2) Крестьянин *Нижне-Кулундинской* волости (Барнаульского округа) деревни *Трубачевой* Леонтий *Беспалов* жалуется суду, что его родная сестра Варвара, при выходе в замужество за Луку *Койнова*, «привела в приданое» корову 2-х годов и овцу, затем, прожив в замужестве 12 лет, умерла, не оставив наследников, почему он просит, чтобы Койнов возвратил ему корову и овцу. «1884 года, марта 21 дня, при разборе этого дела, Лука Койнов добровольно отдал Беспаловым бычка 3 годов и овцу, на что Беспаловы миролюбиво согласились и со своей стороны отдали ему сарафан с рукавами темный, полшалок бумажной, юбку стеженную и пояс крестьянского изделия. А потому волостной суд определил: настоящую добровольную сделку записать в книгу».

3) Крестьянин деревни *Большой Речки*, волости *Владимирской* (Бийского округа) Евлампий Васильев *Резанов* жалуется: мать его снохи Афимья Мироновна *Короткова* захватила перину, стоящую 14 рублей, оставленную у нее дочерью Марией (снохой Резанова) и самовольно продала ее. «Спрошенная по этому делу ответчица Афимья Короткова захвата перины не отрицает, говоря, что она, хотя перину эту и отдавала в приданое за дочерью, но теперь, не желая отдать в пользование дочери, отобрала от последней и продала, как собственность. Волостной суд,

по соображении настоящего обстоятельства, постановил: захваченную перину приказать крестьянке Афимье Коротковой возвратить просителю – Евлампию Резанову, в противном случае взыскать с нее деньги 14 руб., за самовольствование и захват перины подвергнуть ее наказанию – вымыть в волостном правлении пол».

4) Под 30 апреля 1884 г., за № 91 в книге на записку решений Алтайского волостного суда находим: назад тому 6 лет крестьянин *Алтайской* волости (Бийского округа), деревни *Песчаной* Терентий *Фефелов* вступил в сводный брак с дочерью крестьянина Ануйской волости, деревни Тумановой (Бийского же округа) Григорья *Корешкова*, Лукерьей; ныне же, вследствие несогласий, Корешкова с Фефеловым разошлась и Лукерья ушла к отцу своему в дер. Туманову, но при уходе ее Фефелов не возвратил ей приданого (коровы, лошади, свиньи и трех овчин), какое Корешков судом и взыскивает. Волостной суд определил: «обязать Фефелова, чтобы он ныне же возвратил Корешкову из приданого одну лошадь и корову, а овчины и свинью оставить во владении Фефелова».

5) В той же книге под 12 января 1884 г. за № 3 находим: пять лет тому назад крестьянин деревни Деминой, Никифор Иванов *Зятков*, женился на дочери крестьянина деревни Кугана Нестера Яковлева *Ванеева*, Анне, за которой взял в приданое телку по 2 году, овцу, ящик и шаль. В октябре 1883 г. Анна умерла, и Ванеев ищет судом упомянутое приданое от Зяткова. Волостной суд, «имея в виду, что после смерти Анны Нестеровой Зятковой не осталось детей-наследников, определил: выданные Ванеевым в приданое дочери его Анне Зятковой вещи, как то: ящик, шаль, ковер и телку, обязать Зяткова возвратить Ванееву, а овцу оставить во владении Зяткова».

6) При выходе в 1880 г. в замужество дочери крестьянина *Карасукской* волости (Бийского округа), села Ярковского Елисея *Фомина*, Федоры Фоминой за сына крестьянина той же волости, деревни *Иткульской*, Петра *Табатчикова*, Елисей Фомин дал Табатчикову в приданое лошадь рыжую, стоящую 8 рублей, два ирбитских ящика, обитых жестью, стоящих 3 рубля, шубу овчинную, крытую сукном, стоящую 8 руб., пальто сатиновое, стоящее 2 руб., две шелковые шали – черную, стоящую 2 руб., и алую, стоящую 2 руб., три платья сатиновых, стоящих 5 руб. и 4 пары ленных¹ скатертей, стоящих 3 руб., – всего на сумму 41 рубль. Так как Федора умерла, а детей наследников после нее не осталось, то волостной суд определяет: «с крестьянина дер. Иткульской

¹ Вероятно, льняных. (Ред.)

Петра Табатчикова взыскать прописанное выше имущество, или же по стоимости имущества деньги сорок один руб. и по взыскании выдать крестьянину села Ярковского Елисею Фомину».

7) Обыватель Федор *Гилев* жалуется Риддерскому волостному суду: дочь его Надежда, прожив 1 год и 10 месяцев в замужестве за обывателем Петром *Нагибиным*, умерла, не оставив детей-наследников; между тем Нагибин удерживает данные им, Гилевым, дочери в приданое: 2 подушки, 2 чайника, 4 стакана, 4 пары чашек, 7 тарелок, 1 полоскательную чашку, 1 литовку, 5 полотенец, 1 стенное зеркало, противень и 2 иконы. Суд (25 мая 1884 г.) положил: возвратить Гилеву все упомянутые вещи, кроме 2 стаканов, 2 пар чашек, 2 полотенец и одной иконы.

8) Под 5 февраля за № 34 в книге Сростинского волостного суда занесено: крестьянка деревни Талицы Марфа Егорова *Шестакова* просит отобрать от ее свекрови Анны Шестаковой принесенное ею в приданое имущество. Волостной суд, не входя в разбирательство семейной ссоры Шестаковых, определил: ответчицу Анну Шестакову и мужа ее Илью Михеева Шестакова обязать отдать снохе имущество, данное ей ее отцом в приданое.

9) В книге Енисейского волостного суда за 1885 год под № 3 находим: крестьянин деревни Бехтемирской Алексей Аксенов *Позасухин* и дочь его Агафья, по мужу *Попова*, заявили, что последняя вышла в 1883 году замуж за сына ответчика Попова – Максима, поступившего в военную службу. Агафья не пожелала остаться в доме свекра, а перешла к отцу своему Позасухину. Свекор Попов, недовольный этим, задержал имущество, данное Агафье ее отцом в приданое, а именно: платье в 3 р. 50 к., юбку белую бриллиантовую – 2 р., кофту набуковую – 4 р., шаль – 4 р. 50 к., полшалок сатиновый – 1 р. 50 к., платок бриллиантовый – 30 к., скатерти белые в 6 ниток – 2 р., рукотерник – 70 к., 7 женских рубах – 7 р., 3 мужских рубахи – 3 р., подушку пуховую – 3 р., пимы – 1 р. 20 к., шобур – 1 р., чулки (2 п[ары]) – 1 р.; всего на сумму – 35 р. 70 к., которые просители и просят отобрать от Попова или взыскать с него 35 р. 70 коп. Волостные судьи, находясь по делам службы в деревне Бехтемирской, поручили кандидату по старосте Цоплонову проверить и оценить отыскиваемое просителями имущество, но жена и дети Попова (сам он был в отлучке) старосту в дом свой не пустили и не позволили ему проверить имущество снохи. Сам Попов, вызванный в волостной суд, объяснил, что у него, действительно, осталось имущество снохи Агафьи, но какое, он объяснить не желает и не

выдает его потому, что истратил на нее больше того, что она с отцом взыскивают с него. В виду уклончивости Попова и семейных его от проверки имущества Агафьи, вол[остной] суд признал жалобу просителей подлежащей удовлетворению: просимое имущество отобрать у Попова и передать просителям, а в случае утраты взыскать с него в их пользу 35 р. 70 коп.

Наконец, 10) 2 мая 1884 года Бурлинский волостной суд (№ 7) разбирает следующее дело. Крестьянин деревни Зеленской, Ординской волости, Кирилл Шихалев выдавал в 1881 году дочь свою Александру замуж за крестьянина села Крутихинского, Бурлинской волости, Фому Лопаткина, дал за нею в приданое черную корову и пуховую шаль, а так как Александра в 1884 г. умерла бездетной, то Шихалев и просит отобрать это имущество у Лопаткина и возвратить ему. При разбирательстве дела выяснилось, что еще 2 года назад Лопаткин продал черную корову за 13 руб., по желанию покойной жены, употребившей вырученные деньги на свои надобности, что же касается пуховой шали стоимостью в 5 руб., то Лопаткин утверждал, что она была куплена на его деньги. В виду этого волостной суд постановил: в иске коровы отказать; что же касается шали, то, в виду недоказанности, на чьи деньги она куплена, взыскать за нее с Лопаткина в пользу Шихалева половину стоимости – 2 р. 50 коп.

Приведенные примеры в достаточной мере обрисовывают мировоззрение крестьянского населения Алтая на приданое.

Случается (и не особенно редко), что по окончании всех предважительных церемоний: сватовства, сговора, рукобитья и т. п., брак расстраивается по несогласию той или другой стороны. Тогда, по общепринятому обычаю, по крайней мере, в среде православного населения, виновная в нарушении условий сторона должна вознаградить другую сторону за убытки, сопряженные с[о] сватовством, сговором и пр. До чего общераспространен этот обычай, показывают следующие решения волостных судов, взятые нами на выдержку из множества подобных решений.

1) В книге на записку решений Сростинского волостного суда за 1875 год мы находим: а) под № 49, инородец Быстрянской инородной управы Соколов жалуется: в марте ([18]75 г.) он сосватал за сына своего Василия крестьянскую дочь Мавру Кайгородову и выдал ей при этом в вспомошествование (по ее бедности) 7 рублей, 12 аршин ситцу

(2 р. 52 к.), шаль (2 р.) с тем, чтобы брак совершить в апреле, после Пасхи. Полагаясь на слово Мавры, он, Соколов, переговорил насчет венчания с[о] священником и выдал тому 7 руб., не считая 3 руб., данных при этом и местному священнику. Теперь же (дело разбиралось 28 апреля) Кайгородова от вступления в брак отказывается. Суд определил: с Кайгородовой взыскать 16 рублей на удовлетворение Соколова; сверх того, отца Кайгородовой, за вмешательство в судебное разбирательство и за грубое поведение на суде, подвергнуть аресту при волостном правлении на трое суток; б) под № 103, крестьянин деревни Ташты Пантелей Шипилов заявил: в январе ([18]75 г.) он высватал за сына своего девицу Прасковью у однодеревенца Игнатия Карпова. Так как по справке в книге метрической Смоленской церкви оказалось, что Прасковья несовершеннолетняя и что ей исполнится 16 лет только 15 июня, то условились обождать. В течение семи месяцев Шипилов израсходовал на невесту 32 руб. 30 коп.; между тем Прасковья, достигши совершеннолетия, «сделала отказ, по случаю того, что жених назначен в нынешнем году на призыв к жеребью, опасаясь, дабы он не мог последовать на действительную службу, но отец невесты употребленных отцом жениха денег на расходы 32 р. 30 к. возратить не согласился». Волостной суд постановил: взыскать с крестьянина Карпова в пользу Шипилова 32 р. 30 к., а «за невежливое и грубое обращение на суде подвергнуть штрафу в пользу мирского волостного капитала 1 руб.».

2) В книге на записку решений Алтайского волостного суда находим: а) за 1882 г. под № 73, крестьянин дер. Каменки Тарабрин запросватал на слово дочь свою за сына крестьянина села Ново-Тырышкинского Ипата Алексева Тырышкина, и «угощался по этому поводу последним и был доведен от села Ново-Тырышкинского до деревни Каменки, куда он пригласил Тырышкина с женихом и родственниками для рукобитья; по явке же их для означенного дела в согласии своем на выдачу дочери в замужество за сына Тырышкина отказал, чем вовлек в непроизводительный расход Тырышкина», который и просит взыскать с Тарабрина 5 рублей. Суд определил: взыскать с Тарабрина в пользу Тырышкина 4 руб., а «за обман Мирона Тарабрина подвергнуть штрафу в пользу мирского волостного капитала в размере 50 коп.»; б) за 1884 г. под № 26, крестьянин деревни Сетовки Филипп Автомонов Гарбовский, в заявлении от 11 января ([18]84 г.) просит суд взыскать с крестьянина Орловской губернии Михаила Семенова Польшаева 9 рублей убытков, понесенных им при сватовстве дочери последнего, вышедшей

потом замуж за другого. На суде Польшаев не возражал против иска Гарбовского и признал себя обязанным уплатить ему 9 руб., в число которых он тут же уплатил 4 руб., обязавшись добавить остальные 5 руб., но с тем условием, чтобы Гарбовский возвратил ему оставленные у него 7 десятков льна и 25 аршин холста. Волостной суд определил: «взыскать с Польшаева остальные деньги пять рублей и удовлетворить Гарбовского, последнего же обязать возвратить Польшаеву семь десятков льна и 25 аршин холста»; в) за 1884 г. под № 53, при разбирательстве (29 февраля [18]84 г.) дела по заявлению крестьянина деревни Камышенки Емельяна Ларионова Первых, оказалось: крестьянин Воронежской губернии Гаврило Григорьев Маслов «первоначально дочь Марину просватал за крестьянина Максима Николаева Милохова, проживающего в деревне Камышенке, а потом, когда невеста от этого жениха отказалась, то Маслов дочь свою Марину просватал за сына Емельяна Ларионова Первых Степана; вследствие чего Первых и сделал свадебных расходов на 15 рублей; но Маслов ему от невесты отказал, не рассчитавшись с Первых за понесенные им расходы. А потому волостной суд определил: взыскать с Маслова деньги пятнадцать рублей, удовлетворить Емельяна Первых, вовлеченного так обманщически Масловым в расходы, и за поступок этот подвергнуть Маслова штрафу в пользу мирского волостного капитала в размере трех руб.»

3) Между решениями Смоленского волостного суда за 1877 г. под № 102 находим: крестьянин с. Верх-Ануйского Павел Евсеев Кузьмин просит с крестьянина того же села Степана Митрофанова Бортникова «за убытки, при высватании за сына своего дочери Бортникова Афимьи и ушедшей за другого жениха, всего *двадцать шесть* рублей серебром». Волостной суд, «учинив разбирательство по жалобе крестьянина Павла Кузьмина на Бортникова, так как последний, то есть Бортников, дочь свою Афимью просватал за сына Кузьмина Илью, по молодости которого был учинен между ними уговор, о совершении брака их детей отлагали до сентября месяца 1877 года (дело разбиралось 9 августа), причем Бортников вырядил с Кузьмина деньгами 6 рублей. О чем подтвердил со стороны ответчика крестьянин Василий Зубарев, вместо которых Бортников получил от Кузьмина сукна на 2 руб. 25 коп., ботинки и масла на 1 р. 30 к. и деньгами 2 руб. 45 к., независимо этого на угощение гостей из родства со стороны Бортникова, за вино и съестные припасы (при высватании невесты) 8 руб., и за бесчестие и утраты время 1 руб., а всего – пятнадцать рублей на удовлетворение просителя Павла Кузь-

мина, взыскать с ответчика Степана Бортникова, который опровергнув уговор, не ожидал срок, дочь, просватанную за Кузьмина, выдал в замужество за другого жениха Маховикова. За неповиновение и грубости неуместных слов против вол[остного] суда подвергнуть оштрафованию в доход волости со Степана Бортникова 1 руб. и Максима Бортникова 50 коп.»

4) 29 февраля 1884 года Белоярский волостной суд разбирал следующее дело (№ 4). Крестьянка Оренбургской губернии Екатерина Прокопьева Пойлова заявила, что крестьянин д. Баюновой Василий Филиппов Баюнов высватал ее дочь за брата своего Федора, «за что ею и было принято от Баюнова в задаток 15 руб. деньгами, на что и купила ящик и потребное количество разного товара. Затем Федор Баюнов от взятия дочери просительницы в замужество отказался, высватав другую невесту, а купленные вещи и ящик, по подкупу посторонних крестьян во время вечера, самовольно утащили, где также было ситцу собственного, купленного на свои деньги на сумму два рубля, а потому она и просит приказать крестьянину Баюнову возвратить принадлежащий ей ситец и уплатить за время поездок в волостное правление 2 руб. Вызванный на волостной суд крестьянин Василий Баюнов суду отозвался, что он действительно высватал дочь просительницы за своего брата, но, по случаю многих предстоящих ходатайств за сведениями о дочери просительницы на вступление в брак, отказался и купленные им ее дочери разные товары, по отказу от нее, действительно взял, где и ситец просительницы Пойловой у него, которое он все ей согласен возвратить беспрекословно. Волостной суд в силу признательности ответчика Баюнова определяет: приказать крестьянину Федору Баюнову самовольно захваченные вещи, принадлежащие просительнице Пойловой, ей возвратить и за самовольный захват чужого имущества, без ведения сельского старосты, подвергнуть оштрафованию в пользу Пойловой одним рублем».

5) а) 21 февраля 1884 г. Усть-Каменогорский волостной суд (№ 3) разбирал просьбу крестьянина Степана Федорова Берестова взыскать с крестьянина Ивана Остафьева Грохотова 10 руб. убытков, понесенных им вследствие отказа ответчика выдать дочь свою в замужество за сына просителя, Филиппа, за которого она была просватана, и за причиненное этим бесчестие. Так как между спорящими состоялась, по предложению суда, миролюбивая сделка, в силу которой Берестов получил от Грохотова 2 руб., то разбирательство на этом и покончилось; б) Тот же

суд разбирает 15-го апреля 1884 г. (№ 77) следующее дело: крестьянин Константин Лепунов заявил, что в 1883 году он высватал за своего сына дочь крестьянина Фрола Лепунова, девицу Павлу, «за что, вследствие обоюдного согласия, заплатил ему деньгами 35 руб. и купил для невесты нарядов, а также израсходовал на вино и другие съестные припасы как-то: мясо, масло, рыбу и пр. 89 руб. 23 коп.; между тем, нанеся ему убыток, ответчик Лепунов не выдал почему-то свою дочь в замужество за его сына, а потому Константин Лепунов просит взыскать с Фрола Лепунова понесенные им убытки, за исключением 35 р., которые он получил уже с ответчика Лепунова. Спрошенный на суде ответчик Фрол Лепунов объяснил, что он действительно просватал дочь свою Павлу за сына просителя Лепунова, но затем желание свое переменял и отказался выдать дочь свою в замужество за сына Константина Лепунова; убытки же просителю Лепунову он не считает себя обязанным платить на том основании, что купленные им наряды для невесты остались у него, просителя, а вино и съестные припасы израсходованы при высватании его дочери на общих гостей их. Рассмотрев настоящее обстоятельство, волостной суд находит, что ответчик Фрол Лепунов, просватав дочь свою, и отказавшись затем через некоторое время выдать ее в замужество за сына Лепунова, действительно нанес ему убыток, так как он в этот промежуток времени успел уже купить для невесты наряды и другие припасы, необходимые на свадьбе, и эти последние отдал Фролу Лепунову, который израсходовал их по собственному усмотрению, а потому постановил: взыскать с ответчика Лепунова в пользу Константина Лепунова понесенные сим последним убытки 89 руб. 23 коп., а именно: за 13 аршин материи двух сортов – 12 руб. 50 коп., за атласную шаль – 10 р., за 6 бумажных шалей – 6 руб., за $4\frac{1}{4}$ ведра вина – 25 р. 50 к., за 2 пуда нельмы – 8 р., за $\frac{1}{2}$ пуда скоромного масла – 4 р., за 2 пуда мяса – 3 р. 20 к., за чай, сахар и ягоды – 6 р., за телеграмму в Томск – 3 руб. 45 коп., за шесть поездок в г. Усть-Каменогорск – 6 р., за один пуд солову и один пуд крупы – 1 р. и за написание прошения на имя Преосвященного о разрешении брака и пересылку его в Томск – 3 руб. 58 коп. Просителя же Лепунова обязать отдать Фролу Лепунову купленные для его дочери девять аршин материи с атласными полосами, четыре аршина алой материи, атласную шаль и 6 шалей бумажных».

б) 4 февраля 1884 г. Касмалинский волостной суд разбирает (№ 14) жалобу крестьянина Кузьмы Гришанова на крестьянина Калистрата Дюньдина: последний просватал дочь свою за сына Гришанова, но вы-

дал ее потом замуж за другого, отчего он, Гришанов, понес убытков 25 руб.; Дюньдин возвратил ему 16 рублей, и он, Гришанов, просит взыскать в его пользу еще 9 рублей. Дюньдин на суде показал, что дочь его вышла замуж за другого без его, Дюньдина, веденя, и он во всех убытках, понесенных Гришановым, с последним рассчитался; общественники же показали, что Дюньдин обязывался уплатить Гришанову убытков 25 руб., а уплатил только 16 руб. Суд постановил: «так как крестьянин Кузьма Гришанов вполне не доказал расхода своего, почему взыскать с Калистрата Дюньдина на удовлетворение такового Гришанова 4 руб.»

7) Бывает, что волостной суд в жалобах подобных просителей и отказывает. Так, напр., в книге на записку решений Верх-Черевинского волостного суда за 1884 г. мы под № 13 встречаемся с разбирательством по взысканию крестьянином Алексеем Колоуховым с крестьянина Ивана Белоусова 15 рублей «за невыполнение брачного договора». Разбирая это дело, 13 января 1884 г. на месте волостной суд «через расспросы причастных к делу лиц находит, что проситель не окончательно высватал дочь Белоусова, а потому, признав жалобу Колоухина посему неосновательною, постановляет: «оставить таковую без последствий». В той же книге под № 97 записано разбирательство дела (16 июня) по иску крестьянина Анания Тонкова с крестьянина Моисея Егорова «за убытки, издержанные за высватанную невесту, дочь его Марфу, издержанные на вытребование метрической справки и на просватание 3 руб. 30 коп., а после этого Марфа вышла за другого в замужество, всего 17 рублей». На суде Моисей Егоров показал, что «дочь свою действительно просватывал за Анания с таким условием, чтобы он на невесту приготовил приносу на 30 руб. и 3 ведра водки, и всего прочего в количестве денег около 60 руб., но Ананий, по неимению у себя денег, не сделал, а хотя и давал в задаток 5 р., которые получил обратно и водки выпил на 3 руб. 30 коп., а Моисей приготовлял к свадьбе разного съестного припаса не менее 3 руб. и все это окончили обоюдно, по неустойке своего слова в приносе, Моисей Ананьину невесту отдал за другого, поэтому суд определил: «когда Ананий данные в задаток деньги 5 руб. получил, а остальные издержки у них были обоюдные, поэтому Ананию Тонкову в просьбе отказать». Также в книге на записку решений Владимирского волостного суда за 1884 г. мы находим разбирательство (№ 39) по такому делу: крестьянка Анна Бронусова просит взыскать по представленной ею описи вещи, оставшиеся после смерти ее дочери Пелагеи и задержанные свекром последней Феклистом Федоровым на

сумму 98 руб. 50 коп. Ответчик Федоров сознаваясь, что действительно после смерти снохи остались вещи, хотя и не столько, сколько показала просительница, сам, однако, не объяснил, сколько вещей, какие именно и на какую сумму остались, а заявил лишь, что вещи он не возвратит, так как издержал на свадьбу более 100 рублей. Волостной суд постановил: отобрать от Федорова задержанные им вещи и возвратить Бронуосовой (кроме коровы, быка и двух телок, которых Бронуосова добровольно оставила Федорову на поминование души мужа), а буде вещей тот не отдаст, то взыскать с него 83 руб. 50 коп.

Переходим теперь к свадьбе и свадебным обычаям.

Во всех тех случаях, когда молодые вышли из годов, свадьба празднуется вслед за венчанием. Расходы по свадьбе покрываются родителями жениха. Она продолжается, обыкновенно, около недели и обходится довольно дорого. Напр[имер], в дер. Лютаевке (Алтайской волости) одна свадьба обошлась в 60 рублей: пришлось заплатить своему попу 20 руб. да Ново-Тырышкинскому (приход невесты) – 10 руб., три ведра вина стоили 18 руб., да рублей 12-15 ушло на закуски.

Проживающие на Алтае «чашечники» обходятся вовсе без венчания, а у беспоповцев вся церемония состоит в следующем: после предварительного согласия жениха и невесты, родители обеих сторон, в присутствии пяти свидетелей, «благословляют» молодых иконой, после чего молодые обмениваются кольцами.

В составе свадебного поезда наиболее почетными лицами являются «*тысяцкий*» и «*повозный*». Их роль – распорядительно-хозяйственная. У «российских» же главным лицом в свадебном поезде является *дружка*, которого выбирают из среды родных. Дружка заведует и распоряжается всеми свадебными церемониями, он оберегает молодых «от злых людей», ездит с женихом к невесте и т. д.; ему полагаются от невесты дары: штаны, вино (с обеих сторон), иногда и деньги (в селе Старо-Белокурихе принято давать деньгами рубль). В помощь дружке выбирается *полудружье*, заменяющий дружку в случае его отлучки. В деревнях Александровке и Тоураке мне пришлось слышать об участии в свадебном поезде *большого дружки* и *малого дружки*; последний, вероятно, и соответствует полудружью. Кроме дружки и полудружья у «российских» участвуют еще *тысяцкий* и *боярин*, но последние два преимущественно почетные гости – «вино только пьют», говорили мне о них во многих селениях, подчиняясь при этом так же, как и другие, рас-

поряжениям дружки. Должен оговориться, однако, что звание «дружки» кое-где на Алтае вовсе неизвестно; так, лютаевцы объясняли мне, что на их свадьбах бывает только один поезжанин, на обязанности которого – править конями, но он у них не носит особого звания.

Важную роль играет еще *сваха*. Она вместе с дружкой провожает молодых в «подклеть», где сваха раздевает молодую и молодого до рубашки и затем оставляет их; спустя некоторое время, она вновь является в «подклеть» и, если дело обстоит «благополучно», т. е. если окажется, что молодая сберегла свое целомудрие, то сваха с дружкой показывает гостям ее рубашку, причем молодой и отец его кланяются в ноги родителям невесты. Однако же, несоблюдение целомудрия не влечет за собою тех позорных последствий, с какими встречается в других местах. На Алтае дело ограничивается лишь тем, что гостям не предъясняется рубашка молодой. «Целомудрие», вообще, не из тех добродетелей, которые особенно ценятся в среде алтайского крестьянства. Любовные связи до свадьбы на Алтае не составляют редкого явления, даже приживание детей в девичестве не очень позорится. Можно сказать, что целомудрие в глазах алтайцев *желательная* добродетель, но не *обязательная*. В дер. Половинке, как и во многих других селениях, уверяли меня, что этот грех здесь всегда «прикрывают», дружки и свахи даже не стесняются заявлять, что все «исправно» и показывают даже всему честному народу в доказательство рубашку невестину, замазанную какою-нибудь кровью. Крестьяне с. Шульгина Лога категорически заявили мне: «если б и был грех с девушкой, мы бы прикрывали». По их воззрениям, это не преступление, а только грех, за который вправе судить лишь тот, против кого девушка «согрешила». Как у них, так и у крестьян многих других селений, ни девушка, ни мать ее никакой кары и никакому позору за потерю девственности не подвергаются: «разве предупредишь дочь, чтобы она не стеряла», добродушно объясняли мне во многих местах. На прелюбодеяние и то на Алтае часто смотрят весьма снисходительно. «У нас это не строго ничего», – говорили мне варюшинцы. «Мы за этим не гонимся, – иронизировали старобелокурих[ин]цы, – только-де невеста, «стерявшая» девственность, «будет подешевле». Правда, есть и исключения. Кое-где, убедившись в «неисправности» невесты, дружки преподносят ее матери дырявый горшок или дырявую корчагу, но это скорее явление исключительное. Мне пришлось констатировать такое явление в дер. Нижне-Каянче, хотя и здесь молодой, обыкновенно, тщательно прикрывает свой «позор» от посторонних.

Вернемся, однако, к свадебным обычаям.

Тысяцкие или дружки на другой день после свадьбы приглашают гостей «к столу» к родителям молодой: здесь молодые, становясь на колени, преподносят каждому из приглашенных по стакану вина, начиная угощение с отца молодой и строго придерживаясь определенно установленного как бы иерархического порядка. Каждый угощаемый, в свою очередь, «благословляет» чем-либо молодых: отец дарит им корову, лошадь, овцу, вообще, что-либо из скота или чего-либо другого, это и есть собственно «*приданое*». Другие гости, посторонние, «благословляют» также ульем пчел, овечкой, небольшими деньгами и т. п. Затем, обычно установленный порядок требует, чтобы все приглашенные «к столу» приглашали пирующих к себе, так что «гулянка» затягивается иногда на довольно продолжительное время. Весьма распространен на Алтае обычай, чтобы родители молодой на другой же день после свадьбы (если они из одного селения с родителями молодого) угощали «блинами», причем происходит и, так называемое, «поднесение на блинок». Блины печет сама молодая и сама обносит ими гостей, а молодой рядом с нею преподносит вино. Гости при этом награждают молодых «на блины» или «на блинок»: кто дает рубль, кто 50, кто 20 копеек, богачи дают «пятитку», а то и «десятку», ближайшая же родня дарит на блинок кобылу, корову, теленка, улей пчел и т. п. Впрочем, хотя «поднесение на блинок» и сильно распространенный на Алтае обычай, но он не повсеместен. Так, напр., в Лютаевке он имеет место между поморцами, но не существует в среде православных.

Если молодая из другого селения и свадьба справляется летом в рабочую пору, то к родителям молодой новобрачные отправляются только через 3-4 месяца после свадьбы, а если дело происходит в зимнее время, то отправляются вслед за тем, как «гулянка» у родни молодого окончилась.

Нельзя не отметить того характерного факта, что участие в свадебной гулянке налагает, по обычаю, известные права и обязанности, невыполнение которых доводит до судебного разбирательства. Вот образчик. В книге на записку решений волостного и третейского судов Усть-Каменогорского волостного правления на 1884 год по № 56 находим: крестьянин Коновалов в заявлении своем от 17 марта пишет, что «в 1877 году, он, по просьбе ответчика Лепунова, помогал ему женить его сына, т. е. по местному обычаю гулял на его свадьбе, на что и израсходовал 6 рублей, и что ответчик Лепунов также обещался гулять на

его, просителя свадьбы, когда он будет женить своего сына, но обещания этого не выполнил, хотя был приглашен на его, Коновалова, свадьбу, а потому и просит взыскать с Лепунова понесенные им, на свадьбе сего последнего, убытки 6 рублей. Спрошенный на суде ответчик Лепунов объяснил, что он не отказался бы гулять на свадьбе Коновалова, но его в то время не было дома, поставленный же на суд просителем Коноваловым свидетель Семен Шахов, участвовавший на его свадьбе, показал, что он приглашал от имени Коновалова Лепунова гулять на его свадьбу, но сей последний почему-то отказался. Рассмотрев настоящее обстоятельство, волостной суд нашел, что ответчик Лепунов, отказавшись гулять на свадьбе Коновалова, должен вознаградить сего последнего за убытки, понесенные им на его, Лепунова, свадьбе и потому постановил: взыскать с Лепунова в пользу просителя Коновалова понесенные сим последним от свадьбы первого убытки, в размере 6 рублей».

Нужно оговориться, что, при всеобщей распространенности взыскания убытков, в случае отказа одной из сторон вступить в брак, обычай этот, однако, преимущественно имеет место в среде православного населения и значительно реже между раскольниками.

Свадьбы справляются по преимуществу осенью и зимою в мясоед, после Крещения до масленицы; значительно меньше бывает свадеб летом, в особенности в страдную пору.

Алтай [из]обилует раскольничьим элементом, брачное право которого налагает свой отпечаток и на брачное право прочего населения. В его среде практикуются сводные браки, немало браков совершается и «убегом». Не доезжая еще до Барнаула, мне уже, начиная с селения Гонбинского, приходилось слышать о браках убегом, о которых тем чаще слышишь, чем глубже забираешься в центры раскольничьих поселений. В Алтайской, напр., волости, в селениях Куегане, Тоураке и др. они составляют заурядное явление. Вот почти доподлинный рассказ по этому поводу ямщика, везшего меня из д. Куегана в село Алтайское: «Я и сам наполовину убегом венчался», – с улыбкой заметил он, когда беседа наша коснулась брачных отношений в его околотке. «У нас обычай такой: убегут молодые да обвенчаются, а затем преподнесут родителям вина, те и «простятся»: кто сейчас же простит, а кто через полгода, даже через год... Чтобы били молодых при прощении даже для вида одного – такого обычая у нас нет, – продолжал мой собеседник, – а вот нехорошо здесь, что проклинаят, а когда простят – снимают проклятие.

За что на них сердиться-то! Ну, убежит, значит ей нравится, и пусть на себя пеняет, ежели на несчастье попадет»... Из дальнейшей беседы нашей выяснилось, что у самого ямщика сын женился убогом. Мало того, только еще «лонись» (т. е. в прошлом году) он помог постороннему парню «украсть» девку у своего же шурина: девке-то этот парень (солдат) очень понравился, ей уже за 30 лет, в молодости она была очень разборчива на женихов и всем отказывала, а тут вдруг ей сильно захотелось пойти за солдата. Родители ее заупрямились: не хотят отдавать за солдата, да и баста! Нечего делать, молодые «пообзадачились» (задали друг другу задатка), да обратились к нему, ямщику, за содействием. Он и помог, и вот каким образом: подошел он в условленное время к дому шурина своего, оставив невдалеке лошадей, девка незаметно вышла «на улку», ямщик подхватил ее, посадил на своих лошадей и вихрем вывез за деревню, где поджидал ее парень, помчавшийся вместе с нею в с. Алтайское, где их и обвенчали. На другой день ямщик явился было как ни в чем не бывало к своему шурина, но жена последнего приняла его далеко недружелюбно, принялась даже бить его. Собеседник мой принял сначала такой прием «за шутку», но когда рассвирепевшая шуринова женахватила его «шлейкой» по лбу, так что кровь заструилась, он понял, что с ним не шутят... «Молодку-то, – заключил ямщик свой рассказ, – старики скоро простили, а я и теперь «в лихих», и мы друг у дружки не бываем...»

Браки «убогом» распространены на Алтае почти повсеместно. Приходилось мне слышать о них и в Бийском округе, и в Барнаульском, и в Кузнецком, и в Томском. В селе Усть-Искитимском, напр., Томского округа, мне называли поименно многих обывателей, венчавшихся таким именно путем. В с. Айском браки убогом – сплошное явление; здесь невеста дает жениху «задаток» – платок, холст, рушник, колечко и т. п., затем жених, по предварительному уговору с невестой, в известное время и в известном месте подхватывает ее и на время скрывает у кого-либо из соседей. Тогда родитель молодого является к родителю молодой с вином и «простятся»; после этого, обыкновенно, молодые «быдто бы с добра» венчаются, так как здесь поп не повенчает иначе, как «с добра». В Нижне-Каянче попы и это обходят: они запишут «на бумаге», что родители-де согласие свое дали, и сами за родителей подпишут, иронически объясняли ниже-каянчовцы, в особенности, если православные священники венчают старообрядцев. Когда невеста старше 20 лет, священники считают, вообще, возможным обходиться без

согласия родителей. У беспоповцев девушки, достигши 25 лет, также (согласно-де Кормчей книге) выходят из-под воли родителей и могут выходить замуж без согласия родителей: родители сами виноваты, если не выдали девку замуж до 25 лет, сентенционно объясняли мне.

Бывает и так (напр., в дер. Талой), что матери соглашаются добровольно выдавать дочерей своих замуж, а отец противится. Тогда венчание происходит и без его согласия, и он потом охотно соглашается выдать «бумагу» с «прощением», получив за это угощение вином и разные дары.

Обычай венчаться убегом во многих местах известен под кличкой «кражи невест». В д. Панфиловой, напр., невест сплошь и рядом «воруют»: девушка выйдет в заранее условленное место (преимущественно, к воде), ее подхватят и умчат. Один комиссаровский крестьянин, Иван Михайлов Щеглов рассказал мне следующее: в 1879 г. ему захотелось женить своего сына на дочери крестьянина из селения Плешки, Касаткина, но так как последний не давал своего согласия, то они, Щегловы, устроили дело «убегом», дав невесте на руки «калыма» 110 рублей¹. Когда состоялось «прощение» родителей молодой, Касаткиных, Иван Михайлов уплатил еще и отцу молодой 35 рублей...

«Кража» или «убег», надо заметить, часто совершаются потому, что во многих местах крайне неохотно выдают замуж дочерей, ценя в них рабочую силу. Иногда прибегают к «краже» или «убегу» с тайного согласия родителей обеих сторон, ради сокращения свадебных расходов: о таких случаях мне рассказывали в Алтайской волости (Бийского округа), Усть-Искитимской волости (Томского округа) и др. местах, и, хотя в этих случаях «кража» и «убег», так сказать, фиктивные, все же приходится платить отцу невесты при «прощении» «следуемое».

Случается иногда, хотя очень редко, что невесту «воруют» не только помимо согласия ее родителей, но даже и помимо ее согласия. Такие случаи доходят и до суда, отнюдь им не мирволящего. Напр[имер], в книге решений суда Владимирской волости (Бийского округа) за 1884 г., мы под № 2 находим: крестьянин села Верх-Убинского Илья Киселев

¹ Пользуемся вновь случаем, чтобы оттенить сущность этого рода «калыма». Невеста его никому не отдает, а тратит все исключительно на себя. Этот калым составляет заметную статью в бюджете крестьянина. Щеглов, напр., прожил с женой около 5 лет. Незадолго до моего прибытия в этот район, жена его умерла; уже у него на примете была девушка, за которую, по его предположению, ему придется заплатить рублей 200, а может быть, и больше.

просил взыскать с крестьянина Фомы Гусева 10 рублей, «задержанные им при взятии в задаток во время сватания дочери последнего, Хавроньи, в замужество за сына его Ильи Киселева, Ефтея». Суд нашел: «проситель Ильи Киселев, без согласия отца невесты, девицы Хавроньи, Фомы Гусева и самой невесты на брак, с сыном его Ефтеем увели последнюю насильно с намерением повенчать в церкви, но невеста во время пути следования кричала и заявляла об этом проезжающим, причем изорвали на ней два бисера и три ленточки, а потому постановил: взыскать с крестьянина Фомы Гусева на удовлетворение Ильи Киселева из 10 [руб.] – два р[уб.], а 8 р. оставить в пользу Фомы Гусева за бесчестие дочери его Хавроньи и за изорванный бисер».

Муж, глава дома, в том числе и жены своей, и власть его над последней, поэтому крепка и почти безгранична, но это скорее в теории, чем на практике, в особенности в среде не российского элемента. Довольно часто случается, что при дурном обращении мужей жены уходят от них к своим родителям, обращаются с жалобами к «старикам», а то и к волостным судьям, решающим ссору отобранием подписок о согласном житье, или (как читаем в книге решений волостного суда Сростинского волостного правления) делают мужу выговор, грозя ему на будущее время более строгим взысканием (1875 г. № 34). Бывает и так, что вол[остной] суд, при нежелании жены продолжать с мужем сожительство, благодаря его жестокому обращению, обязывает мужа возвратить жене принадлежащее ей имущество. Напр[имер], в книге решений вол[остного] и трет[ейского] судов Ордынского вол[остного] правления (Барнаульского округа) на 1884 г. под № 5 находим следующее дело: крестьянка д. Ново-Шаронской, Степанида Алексеева Тропина обратилась к суду с просьбой наложить меру наказания на мужа ее Михаила Васильева и свекра Василья Андреева Тропиных за жестокое обращение с нею и за нанесение ей побоев, и вместе с тем возвратить ей имущество, принесенное ею в дом свекра и мужа при выходе в замужество, так как она, Степанида, отныне совместного жительства с мужем иметь не согласна. Так как общественники поведение Степаниды одобрили, хотя относительно побоев и отозвались, что не знают, кто именно их наносил Степаниде, суд определил: «так как просительница с мужем совместного жительства иметь не согласна, то имущество муж и свекор обязываются выдать просительнице, что же касается нанесения побоев и наложения за то меры наказания, то обстоятельство это оста-

вить без положения, чем дело и считать решенным»... Мало того, если жена категорически настаивает на невозможности продолжать совместное сожитие с мужем и у нее есть дети, которых ей нечем пропитывать, суд обязывает мужа заботиться о пропитании детей. Так, напр., в той же книге Орд[инского] вол[остного] правления под № 10 записано следующее дело: крестьянка д. Федосихи Мавра Архипова Круглова обратилась в суд с просьбой вызвать ее мужа Луку Круглова и обязать его доставлять пропитание ей с малолетними двумя детьми. Лука Круглов на предложение суда примириться и жить совместно с женой заявил, что он на это не согласен, так как опасается за жизнь свою, но согласен уплачивать жене на детей по двадцати пудов хлеба в год. «Волостной суд, не видя примирения тяжущихся, определил: обязать крестьянина Луку Круглова хлеб двадцать пудов в год уплачивать детям, чем дело и считать решенным»... Знакомясь с различными решениями вол[остных] судов, узнаем, что бывают случаи, что мужья отказывают женам от дома, ввиду их «расстроенного здоровья», в таких случаях суд обязывает мужей доставлять женам пропитание.

Вообще говоря, раздельное житье супругов составляет на Алтае довольно обыденное явление, к которому как мир, так и власти и судьи относятся очень терпимо. Когда жена, живя отдельно от мужа, обратится в волостной суд с просьбой заставить мужа выдавать ей и детям нужное на пропитание, суд почти всегда, не входя даже в разбирательство вопроса о причинах раздельного житья, удовлетворяет справедливое требование жены, не покушаясь ни малейше на ее человеческое достоинство и на ее личность.

О выдаче билетов на раздельное житье, о *формальных* разводах в среде алтайского крестьянского населения мне нигде не приходилось слышать, хотя, повторяю, «самовольное» расхождение супругов – нередкое на Алтае явление, обуславливающееся иногда и различиями в религиозных воззрениях. В Старо-Белокурихе, напр., мне указали на такой случай, когда «молодые развелись потому, что молодая, православная, не пожелала перейти в веру мужа – «поморье».

В заключение этой главы, мне остается еще отметить, что, по смерти одного из супругов, остающийся в живых вступает, обыкновенно, в новый брак не ранее, чем через шесть недель. Обычай требует, чтобы вдова-сноха оставалась в доме свекра до «сорочин», хотя бывали случаи, что она уходила и раньше. Случается, хотя и весьма редко, что овдовевший супруг вступает в новый брак еще до истечения обычных

шести недель; в таких случаях, однако, священник соглашается венчать лишь тогда, когда убедится, что овдовевший вынужден к столь скорому браку весьма уважительной «нуждой», отсутствием всякой рабочей силы при малолетних детях и т. п.

II. Союз родителей и детей и семейные отношения

Двор алтайца-сторожила по большей части не так многосемен, как двор новосела, так как разделы в сибирских семьях практикуются значительно чаще, чем в «российских». Сплошь и рядом приходилось слышать о постоянно учащающихся домашних разделах. В *Белокурихе*, напр., семьи все маленькие, раздробленные. В *Шульгином Логе* я нашел лишь одну семью, в которую входили четыре женатых сына с семьями.

Отец и мать являются почти неограниченными властителями над детьми: они вправе делать с детьми все что угодно, только убивать их не вправе, полагают алтайцы. *Новочемровцы*, впрочем, напирая на неограниченность родительской власти, указывали еще на одно ее ограничение: родители не вправе-де принудить детей к вступлению в брак. Во всем же прочем власть их не ограничена, они вправе наказывать детей розгами, отдавать в батраки и т. д.

Отдача родителями сыновей в батраки – чрезвычайно распространенное на Алтае явление. В редкой из книг решений волостных и третейских судов не найдется нескольких тяжб, характерных для родительской власти в этой форме. Приведу лишь следующее дело, записанное в кн[иге] *Салаирского* вол[остного] правления на 1884 г. (№ 5, от 9 марта): крестьянин *Касьминской* волости, д. Байкомской, Карп Герасимов *Шакурин* словесно заявил вол[остному] суду, что отставной рядовой, проживающий в д. Гавриловской (Салаирской волости), Леонтий Осипов Уфимцев отдал ему в домовые работники родного сына своего Степана сроком на один год, по 20 июля 1884 г. за 65 рублей, в число которых Леонтий *Уфимцев* взял у него, Шакурина, денег 45 руб. для выкупа сына его, Степана, жившего до того в работниках у крестьянина Бачатской волости дер. Мережской, Аристарха Уфимцева, да сам Степан взял еще 8 руб. 65 коп. Но, прожив у него, Шакурина, лишь два месяца и 3 дня, Степан от него ушел, денег же 42 р. 56¹/₂ коп. (11 руб. 13 коп. были заслужены) не уплатил ни сам Леонтий, ни сын его Степан. Почему Шакурин и просит в[олостной] суд взыскать с Леонтия и Степана 42 руб. 56¹/₂ коп. Хотя Леонтий и Степан отпирались от того,

что они брали у Шакурина деньги на выкуп Степана, но так как их показание ничем не подтвердилось, а жалоба Шакурина подтвержена свидетельскими показаниями, то в[олостной] суд приговорил взыскать с ответчиков 42 руб. 56¹/₂ коп. на удовлетворение Шакурина.

Относительно сыновей родительская власть распространяется как на неженатых и невыделенных, так и на женатых и выделенных. Что же касается дочерей, то те подчиняются родительскому режиму лишь до тех пор, пока остаются в девушках, раз же дочь вышла замуж, она переходит под власть мужа и его родителей.

Мир, как и волостные суды, довольно сурово относится к неповиновению родительской власти, к дерзостям, наносимым отцу или матери, и неизменно карает за них провинившихся, если только к нему обратятся. Дела по «неповиновению» и «дерзостям» можно найти в любой из книг на записку решений волостных и третейских судов. За 1884 г. мы нашли их в книгах Змеиногорского, Касмалинского, Алтайского, Нижне-Кулундинского, Бобровского, Ильинского, Нижне-Чарышского, Локтевского, Бачатского, Кривоирковского и др. волостных правлений. Вот несколько примеров: в книге *Змеиногорского* вол[остного] суда под № 3 (от 22 марта) записано: «обыватель Филипп Иванов *Боровских* жалуется на своего сына Василия, что тот делает ему и матери дерзости, и кроме того просил, чтобы он заработал ему деньги 50 руб., потраченные на его женитьбу, так как сын его Василий, женись, уезжает ныне к теще в Ново-Алейский». Вол[остной] суд, разбирая это дело, нашел, что «проситель Боровских, желая пристроить к хорошей жизни сына, женил его ныне и, не имея на свадьбу денег, продал из имущества своего на 119 руб., употребил деньги на свадьбу сына (чего не отвергает и ответчик – сын), но он вместо всякой благодарности нанес дерзости родителям и ушел на квартиру и намеревается уехать к теще в Ново-Алейский форпост, и, 2-е, что Василий Боровских, действительно, по удостоверению волостного суда, оказался непокорным и дерзким родителям (мать его также заявила лично на суде об его дерзости и неповиновении), а потому приговорил: по согласию родителей Василия Боровских обязать, чтобы он не оставил родителей, жил с ними вместе, или же уплатил им пятьдесят руб., употребленные отцом на свадьбу (отец-проситель изъявил желание получить с него только эту сумму), за неповиновение же родительской власти и нанесенные им дерзости наказать розгами двадцатью ударами».

В книге *Алтайского* волостного суда под № 81 (от 23 апреля) записано дело по просьбе крестьянина дер. Ново-Белокурихи «о наложении

на сына его Никифора меры наказания за нанесение ему им оскорблений скверноматерскими словами». Так как на суде подтвердилось, что Никифор «частовременно наносит оскорбления скверноматерскими словами отцу своему Прокопию», то в[олостной] суд определил: «Никифора Пахомова за оскорбление им отца своего скверноматерскими словами подвергнуть аресту в волостной тюрьме на семь суток». В книге решений *Нижне-Кулундинского* в[олостного] суда за № 4 (от 27 марта) записано также разбирательство дела «за нанесение оскорблений словами и действием родной своей матери Матрене Куликовой» сыном ее Арефием Куликовым. Так как факт оскорбления подтвердился свидетельскими показаниями, то в[олостной] суд «положил: за вышеупомянутый поступок крестьянина Арефия Куликова наказать розгами двадцатью ударами» и т. д.

Муж, как глава дома, глава и жены своей, с которою он волен поступать по своему усмотрению; однако же, правá на истязание жены за ним не признается. Будучи главой жены, муж обязан и содержать ее, хотя бы она по немощам своим и потеряла способность работать на семью. В книге решений *Убинского* вол[остного] суда за 1884 г. мы, напр., под № 16 (от 22 января) находим следующее дело: крестьянин дер. Староалейской, Андреян *Чесноков*, обратился к суду с ходатайством, чтобы крестьянин Евдоким Филиппов взял к себе на содержание жену свою Наталью. На суде выяснилось, что Чесноков «родную свою сестру, вдову первым браком Наталью, выдал в замужество за крестьянина дер. Староалейской Евдокима Филиппова, который таковую вместе с падчеркою, девушкою 12 лет, в скором времени после брака от себя выгнал, как больную, которою он, Чесноков, пропитывает вот уже 1¹/₂ года, почему просит обязать Филиппова доставлять жене его Наталье содержание или взял бы ее к себе на пропитание; независимо сего, просит о возврате ему, Чеснокову, и избы с сениями, выстроенных им для зятя своего Филиппова». Филиппов на суде «изъявил полное желание взять на свое содержание больную свою жену с тем самым приданым, с которым она была от него выгна[н]а, но избы с сениями он Чеснокову не возвратит на том основании, что изба эта куплена им, Филипповым, на его же деньги». Чесноков доказать своего права на эту избу не мог. Суд определил: «в иске Чеснокову в отобрании избы отказать, предоставив ему право доставить суду более ясные доказательства, а Филиппова обязать взять на пропитание больную его жену Наталью к себе, с тем обязательством, что если он не будет содержать ее при себе как жену свою, то по уходе ее

от него вновь к брату Чеснокову или кому другому, он, Филипов, обязан доставлять жене своей в каждый месяц по 2 пуда пшеничной муки и деньгами на приварок 2 руб.». Еще более характерным для выяснения воззрений алтайского крестьянства на сущность взаимных отношений между супругами представляются следующие два решения *Алтайского* и *Верх-Чумышского* волостных судов, записанных в книгах 1884 г. под № 7 и 87. Из первого усматривается следующее: крестьянин д. Булатовой Иван Сидоров *Шелепов*, «ведя распутную и несогласную с женой своей Татьяной Липонтьевой жизнь, в июле месяце прошлого года с нею разошелся, продолжая вести распутную жизнь, каковой образ жизни Шелепова заставил отказаться от совместной с ним жизни и жену его Татьяну Шелепову, получившую от Шелепова на свое пропитание часть имущества, а так как при ней находится малолетний сын Василий, то вол[остной] суд определил: обязать Ивана Шелепова выдать из имущества жене его Татьяне Шелеповой на пропитание сына ее малолетнего Василья еще одну кобылу рыжую и корову, шерстью красную, и тем удовлетворить просительницу, за распутную же жизнь подвергнуть Шелепова штрафу в пользу мирского вол[остного] капитала в размере двадцати пяти коп.». Решение же Верх-Чумышского вол[остного] суда (№ 87) вот в чем состоит: рассматривая жалобу крестьянской жены дер. Жуланихи Анны Герасимовой Чекрыжовой, вол[остной] суд нашел: «1) что муж ее крестьянин Сидор Чекрыжов, вступя в прелюбодейную связь с Настасьей Ивановой Старшиной, бросил на произвол судьбы жену свою Анну Герасимову; 2) что Чекрыжов, оставляя жену свою, отдал Настасье Старшиной вещи, означенные в иске Чекрыжовой на сумму 48 руб. 80 коп.; 3) что вещи эти, в виду крайне неодобрительного поведения Старшиной, в отсутствие Чекрыжова, легко могут изломаться; 4) что известные уже (из иска) вещи действительно приобретены на средства обоих Чекрыжовых; 5) что Настасья Иванова Старшина не имеет при себе письменного вида на отлучку, не имеет никакого законного права проживать вне места жительства, а тем более расстраивать супружескую жизнь. В виду вышеизложенного, вол[остной] суд определяет: 1) немедленно обязать Старшину вернуть Чекрыжовой все сполна означенные вещи; 2) предложить Жуланихинскому сельскому старосте выдворить из деревни Жуланихи Настасью Старшину, как занимающуюся развратством и не имеющую при себе письменного документа о своей личности, предупредив старосту, что если он не исполнит подобного распоряжения, то будет подлежать от-

ветственности». *Риддерский* вол[остной] суд, к которому жена обывателя Евстафия Кайминокова, Елена *Спиридонова*, обратилась с просьбой заставить мужа ее Евстафия доставить ей пропитание, ибо он не имеет с нею общего сожития более девяти лет, «по случаю связи его с девочкой Анной Перфильевой и прижитых им ей детей», пришел к заключению: «так как дело это наперед сего разбиралось несколько раз, то эту просьбу их разбирательством дальнейшего хода и решения судебным порядком передать г[осподину] Риддерскому полицейскому приставу». Словом, раздельное житье супругов по разным причинам составляет на Алтае довольно заурядное явление.

Супружеская «неверность» хотя и не вызывает особых кар, но все же не пользуется общественным одобрением и считается предосудительной; при этом, как и в нашем интеллигентном обществе, нарушение супружеской верности со стороны жены преследуется гораздо строже, так как жена-де должна быть «покорна» своему мужу. Не преследуя «неверности», как тяжкого преступления, вол[остной] суд все же не оставляет ее без наказания, раз о ней доходит до него дело; вот, напр., что записано в книге решений *Касмалинского* вол[остного] суда за 1884 г. под № 100 (от 3-го июня): «Крестьянин Макар *Терехов* предъявил жалобу на крестьянина Зиновия *Черепанова* в том, что он, Черепанов, имел любовную связь с женою его, Терехова, Марьей, что вызвало «семейное расстройство», и сверх того Черепанов произносит угрозы на него, Макара Терехова». Суд нашел: «крестьянская жена Марья Терехова на спрос созналась в имении прелюбодейной связи с крестьянином Зиновием Черепановым, а равно сей последний не отверг этого, в произношении угроз против крестьянина Макара Терехова не сознался, определил: крестьянина Зиновия Черепанова за любовную связь с крестьянской женой Марьей Тереховой наказать розгами 20 ударами, а Марию Терехову за означенный поступок употребить в общественную работу на три дня».

Само собой разумеется, в семье составной, состоящей из семьи отца и семей женатых сыновей или внуков, главой дома является старший в роде, который и признается большаком семьи; в случае смерти этого большака, его заменяет старший брат или старший сын. Если семья недовольна своим большаком, если последний запивает горькую, если он «испорчен» и ведет хозяйство нерадиво, семья собственным коллективным усмотрением ставит на его место кого-либо другого из своих

членов, а в случае спора прибегает к миру, который негодного большака сменяет. «Ежели в семье бунт или непорядок, мир требует другого большака», объясняли *верхкатуницы*. Отказ от звания большака бывает и в случае неисправности перед миром, и в случае домашних беспорядков. От *солоновцев* я узнал, что у них был случай, когда мир отказал некоему *Перфильеву* от большака, так как он «шибко занимается пьянством». В дер. *Сетовке* сообщали мне даже о таком случае, когда не мир, а волостной суд отставил большака. Общим правилом считается, что большаками бывают лишь женатые или вдовцы, хотя иногда (напр., в дер. *Черге*) попадают и холостые.

Большак распоряжается всем, что касается семьи и семейного имущества; однако же ни отчуждать, ни приобретать что-либо, помимо согласия остальных членов семьи, он не может.

Во главе женского хозяйства стоит «большуха», каковой может быть и не жена большака, и даже девушка, лишь бы она было «умственная», как объясняли мне новочемровцы.

Как ни велика роль большака и большухи, однако же, как мы уже заметили, и мир, и волостной суд нередко выступают на помощь обиженным членам семьи, не находящим себе другой защиты. В последней особенно нуждаются снохи, мужья которых находятся в военной службе. Вот, напр., два дела, доходивших до разбирательства *Сростинского* волостного суда. В 1875 г. (№ 95) крестьянка деревни Усятской Ульяна *Денисова* обратилась к суду с жалобой на сноху свою, солдатку Татьяну Денисову, обвиняя последнюю в намерении отравить ее, Ульяну. Из акта, составленного сельским старостой в присутствии общества, видно, что извет Ульяны Денисовой был совершенно ложным, почему волостной суд определил: «по случаю несогласия их в житье, приказать деверям Татьяны, Петру и Матвею Денисовым, поставить для проживания впредь до выхода из службы мужа ее отдельную избу и обязать доставлять для отопления оной дрова и по одному пуду каждый месяц муки, для пропитания ее малолетних детей, а просительницу Ульяну Денисову, за сделанный ложный извет, подвергнуть штрафу в пользу мирского волостного капитала 50 коп. и, кроме того, взыскать с нее же один рубль в виде бесчестия снохе ее, Татьяне». В решениях того же волостного суда за 1877 год мы находим под № 90 (от 14 октября) следующее: солдатская жена Авдотья *Попова* просит суд взыскать с ее свекра Ермолая Попова имущество, задержанное последним при уходе ее мужа в военную службу. Так как жалоба Поповой оказалась справедливой,

то волостной суд определил: «возвратить Авдотье принадлежащих ей лошадь, корову и жеребенка».

Члены крестьянской семьи все работают сообща на семью, причем ни один в отдельности не претендует, пока он остается в семье, на результаты своих трудов, все в семье *общее*. В самом ходе работ, так называемого, специального «разделения труда» мы не встречаем; всякий делает то, что в данную минуту попадает под руку, что в данную минуту наиболее нужно. В общем можно сказать, что полевые работы приходятся на долю мужиков, а домашние – на долю баб, но это отнюдь не значит, чтобы бабы не участвовали в полевых работах, а мужики – в домашних.

Само собою разумеется, что всякий член семьи, работающий на нее, имеет право на известную долю в ее доходах и достатках, когда дело доходит до раздела последних. При семейном разделе, при выделе того или другого из сыновей, принимается во внимание именно тот труд, какой понесен выделяемым на семью, степень участия его в приобретении семейного имущества. Случается, правда, что, разозлившись на сына, отец при выделе обойдет его и даже вовсе оставит без надела, но это уже исключительные случаи, да и в этих случаях и мир, и волостные судьи, не взирая на преклонение их перед святостью родительской власти, большею частью принимают сторону обиженного сына. Так, напр., в книге решений волостных судов *Касмалинского* волостного правления под № 90 (от 21-го июня) записано: крестьянин дер. Рожнев Лог, Игнатий *Молоков*, жаловался на сына своего Гаврилу за то, что тот не дал никакого надела ушедшему от него сыну Василью, и просил поэтому суд приказать Гаврилу возвратить ему, Игнатию, часть скота и имущества. При разбирательстве дела, Гаврило показал, что он ничем не выделил Василия потому, что тот ушел самовольно. Суд определил: «приказать крестьянину Гаврилу Молокову отдать сыну своему Василию одну кобылу, двух коров, теленка, меньшака, другого малого теленка, телку с одром». Или, напр., крестьянин дер. Карагайки, *Сростинской* волости, Дмитрий Калинин жалуется *Сростинскому* волостному суду (кн[ига] решений 1875 г., № 135) на своего отца Константина, что тот стесняет его, отогнал от себя, не дав ему никакого наделка, да еще заставил его платить в течение 6-7 лет подати, потом заставил его уплатить за него долг 10 руб.; что «ныне весной сеял из половины отцу гречиху, вспахал землю и купил у отца лошадь за 25 руб., отдав в задаток 5 руб.,

которую отец отобрал, не возвращая задатка и не давая причитающейся на долю сына гречихи». Так как общество жалобу Дмитрия Калинина подтвердило, то волостной суд определил: «платеж податей за отца положить на Дмитрия третью часть, а две части на самого Константина и другого сына, также отдельно от него живущего, из числа же на долю Дмитрия причитающейся гречихи выделить 10 пудов и отобрать от него, Константина, лошадь и выдать сыну его Дмитрию, которую он ему продавал, а Дмитрия обязать уплатить остальные за оную деньги 20 рублей». Вообще, наделение каждого сына долею семейного имущества составляет один из основных принципов юридического быта алтайских крестьян, причем, однако, и получающий долю имущества, уже в силу самого факта выдела, принимает на себя некоторые имущественные обязательства по отношению к отцу – кормить его на старости лет, платить за него соответствующую долю податей и т. п. Напр[имер], в книге решений вол[остных] судов *Сростинского* волостного правления за 1875 год, под № 21-м записано: крестьянин с. Верх-Катунского Николай *Ожогин* жалуется, что родной сын его Сидор, отделенный «с полною домашностью», не платит за него податей и повинностей, взваливая это бремя на старшего, совсем бедного сына, у которого он, Николай, живет. Суд определил: приказать Сидору уплачивать за отца все повинности и подати за половину года, а за другую половину года должен уплачивать старший брат. Но, повторяем, эти обязательства вытекают из факта наделения отделяемых сыновей долею имущества. Раз не было надела, нельзя претендовать на сына за невыполнение подобного обязательства. Вот, напр., крестьянин села Ново-Чемровского, *Бийской* волости, Иван *Чиликин* и жена его Федосья обратились к Бийскому волостному суду (Кн[ига] решен[ий] за 1884 г., № 8, 15 января) с просьбой, обязать их сына Петра уплачивать подати за отца и доставлять родителям пропитание. Так как общество села Ново-Чемровского удостоверило, что Петр Чиликин отделен был своим отцом в 1879 году без наделения его долею обоюдно нажитого имущества, и в то время, как отец, Иван Чиликин, остался с сыновьями, Ионою 19 лет и Андреем 16 л[ет], в доме своем при полном хозяйстве, Петр Чиликин, имея жену и малолетних детей, работая на Иткульском винокуренном заводе, лишь с трудом пропитывает семью и что еще в придачу Иван Чиликин угнал у Петра отдельно нажитую им лошадь и тайно продал ее в Бийске, волостной суд определил: «просителям Ивану и Федосье Чиликиным в просьбе об обязании сына их Петра нести за первого платеж

податей и давать обоим пропитание, за недачею в надел части нажитого имущества и как имеющих при себе другого сына, годного работника, отказать».

Сама процедура семейных разделов бывает обставлена некоторыми обрядами; напр., у *новочемровцев* выделы детей сопровождаются благословением иконами и разрезыванием хлеба; в *Шульгином Логе* благославляют также иконой и хлебом, но последнего не разрезают; в дер. *Черновой* также благославляют иконами, причем выделяемые кланяются старикам в ноги, целуют икону, которая при них остается, затем выделяемые целуются с родителями и уходят. Самый раздел носит различные названия: новочемровцы называют его *отделом*; шульгинлогцы – *отделком* и *наделком*; черновцы – *разделом*, *наследством* и т. д.

Все алтайцы жалуются, что за последнее время значительно усилились семейные разделы, благодаря распрям и семейным раздорам; крестьяне признают их вредными для хозяйства, которое не может вестись «одинокими» так успешно, как «семейными», но ничего не могут поделить. Бывали случаи, что разошедшиеся члены семьи вновь сходились вместе, но такие случаи редки, да и мало проку из этого выходит, скоро они вновь расходятся.

Хотя в основе семейных разделов, несомненно, лежит трудовое начало, но большую роль (иногда даже преобладающую) играет воля отца, его симпатия и антипатия. Напр[имер], в деревне *Половинке* старики объяснили мне: «иной, бывает, совсем мало против родителей работал, а ему больше достается». Нередко бывает, что, если сын уходит «самовольно», без согласия отца, последний его ничем из семейного имущества не наделяет, разве вмешается мир или суд. Вообще, при жизни своей отец распоряжается разделом по своему усмотрению, распределяет имущество или поровну между всеми сыновьями, не обращая внимания на их возраст, качества, количество едоков в их семьях и т. п., или же, наоборот, одному отдает предпочтение перед другим, принимая во внимание степень уважения и почтения к себе. Конечно, при этих разделах отец долю имущества оставляет себе, и эта доля переходит потом к тому из сыновей, при котором он живет, или кому он укажет, если живет отдельно; в последнем случае, если наследник его доли им не указан, она распределяется между всеми сыновьями. Если раздел происходит между братьями после смерти отца, то производится поровну между ними, в случае спора обращаются к участию старосты, который созывает общество для производства раздела, если бы и это не помогло,

то тогда уже обращаются к содействию волостного суда, но это бывает сравнительно редко. Раздел производится иногда «во избежание греха» (напр., в *Шульгином Логе*) по жеребью, и жребиями служат копейки (каждый замечает год копейки) или бумажки с номерами. Надо заметить, что дом и строения не принято при семейных разделах делить, они достаются, обыкновенно, одному сыну по усмотрению отца, а этот уже обязан предоставить другим что-нибудь лишнее из скота, хлеба и пр., или ставить им дом, или выплачивать им их доли деньгами. В большинстве случаев дом достается младшему сыну, но этого не следует считать общим правилом.

Читатель заметил уже, что при разделах фигурируют как бы одни сыновья. И действительно, женщины в разделах участия не принимают, зато и коровья их приданого в раздел не идут. Незамужним девушкам выделяют, обыкновенно, лошадь, корову, овцу, часть хлеба, вообще, какую-либо долю по усмотрению братьев, это «приданое», в состав которого при этом деньги почти никогда не входят.

Когда мир производит раздел, он часто выделяет дочерям седьмую часть («по закону»). Кстати заметить при этом, что когда мир производит раздел, он, придерживаясь в общем принципа равного раздела, младшим дает иногда больше на том основании, что им необходимо еще обеспечить воспитание.

В весьма редких случаях при семейных разделах составляются письменные акты – записи; о таковых я слышал лишь в деревне *Сетовке*. В громадном же большинстве случаев дело обходится без записей и даже без свидетелей и посредников. Основные принципы разделов изложены выше, но от них, конечно, бывают и кое-какие отклонения. Чтобы конкретнее представить характер этих разделов, приведу некоторые из записанных мною примеров.

В 1882 году в деревне Лютаевке, *Алтайской* волости, состоялся семейный раздел у крестьянина *Тарабарина*. Отец остался лишь при старшем сыне Михаиле, на долю которого пришлось 12 коров, 2 лошади и дом с его обзаводством; другому же брату досталось 10 коров и 2 лошади, да поставили ему амбар. Раздел произвели «любя»: скотину добрую с доброй, худую с худой.

В этой же деревне около того же времени отделился от семьи Степан *Фирснор*: после смерти отца осталось 4 брата и мать; 3 брата осталось при матери, отделился он один. Имущество все разделили на четыре части и на каждого брата пришлось по 3 коровы, по 2 мерина, по 5 овец и

по 5 ульев пчел; «лопоть» (одер) и та разделена была на четыре равные части. Мать на свой пай оставила себе одну лошадь и одну корову. Так как дом остался «при семье», то мать поставила Степану дом (поменьше своего, в 6 арш[ин] длины и ширины). Кроме сыновей в семье были еще две дочери, но на их долю при разделе ничего не досталось: лошадь и корову мать и взяла для них. При том же, так как они работают «в семье», то последняя, вероятно, и даст им при выходе в замужество что-либо в приданое.

В 1884 году Мирон *Тарабрин* отделил в дер. *Каменке* (той же волости) старшего сына Петра, оставшись сам жить с младшим, Сидором. Оценив дом в 200 рублей, он дал каждому по 100 рублей. Скотину он предварительно рассортировал, оценив ее по качеству и разделив на два равных пая, которые и распределил потом по жеребью: он отрезал от палки две палочки, на одной наметил одну зарубку, на другой – другую и указал сыновьям, какой кого жребий, потом сложил их в шапку и бросил ее на землю, чей жребий первым выпал, тому достался и первый пай. Мельница осталась в общем владении обоих братьев. Надо заметить, что Тарабрин – переселенец из Самарской губернии, между каменцами же, старожилами, жеребьевки при разделах не бывает.

В д. *Ростошак* (той же волости) крестьянин *Зубцов*, имея двух сыновей, отделил одного, добивавшегося этого, чтобы дело обошлось «без греха». Он «наймом» поставил ему дом, оставшись с другим сыном в своем доме. Скотину и прочее имущество разделил на две равные части, отделив для себя лошадь, да для старухи корову (пчел, впрочем, он разделил на три пая – сыновьям по паю, да себе пай – 15 ульев). *Зубцов* «сводил» хорошую корову с хорошей, худую с худой, жеребенка с жеребенком: «берите всякий, какую хотите». Запасный хлеб тоже поделен был на два пая. Что же касается «лопоти», то каждый взял свою и т. д.

В общем, надо сознаться, семейные разделы производятся миролюбиво, по правде и справедливости. Но везде бывают исключения, так и в данном случае. Однако, и мир, и вол[остные] судьи довольно энергически защищают права обиженных, коль скоро таковые к ним обращаются, хоть бы обидчиком явился даже отец. Мне пришлось беседовать со стариками дер. Александровки (Алтайской вол.) по поводу произведенного у них раздела, при участии мира. В каждом слове этих «стариков» сквозило незыблемое убеждение в обязательности правды и справедливости при этом семейном акте имущественного характера и серьезности долга и значения «мира». Передавая мне рассказ о том, как

при одном разделе мачеха «надула» мир, указав на какое-то имущество, принадлежавшее покойному ее мужу, как на свое, один из этих «стариков» в негодующих выражениях оттенил тот именно факт, что мачеха эта осмелилась обмануть «целый мир»!

Повторяю, по общему воззрению алтайских крестьян, все, что приобретено *семьей*, т. е. членами этой семьи, составляет их *общее* достояние, достояние всей семьи, как нераздельного целого, составляет собственность всего *дома*, как общественной единицы: общи все доходы, общи все расходы, общи и долги, платеж которых одинаково обязателен для всех членов семьи.

Девушки, проработав до замужества в семье, и на свою часть получив соответственную долю имущества, в виде приданого, становятся после замужества членами семей своих мужей, в которых они живут. Бывают, однако, случаи, что в семьи вступают члены не только женского пола, но и мужского; напр., в деревне Черновой (Алтайской волости) мною зарегистрирован такой случай, что старик-тесть, после смерти единственного работника, сына, принял в дом свой «в сыновья» зятя; передавая мне об этом, старик сделал комментарий: «надо как-нибудь докормиться». Этот комментарий, при всей своей лаконичности, вполне уясняет трудовое основание этого семейного акта. В сс. Верх-Айском, Айском (Алт[айской] вол.) и другие старики объясняли мне, что если в каких-либо семьях нет сыновей, или если последние, по каким-либо причинам выделяются и живут врозь, то семьи принимают в дом зятьев, которым тогда и завещается все семейное имущество.

Принятие «в сыновья», «в наследники», являющееся в сущности ничем иным, как актом усыновления, на Алтае – явление довольно распространенное; напр., незадолго до посещения мною д. Сетовки (Алт[айской] в[ол.]), осенью 1884 г., умер крестьянин Казанцев; так как сыновей не осталось, то вдова Казанцева приняла «в наследники» своего зятя Осокина. Бывают и такие случаи: умирает в семье сын, и на попечении отца остается вдова его с детьми; лишенный рабочей мужской силы, свекор приискивает для снохи-вдовы такого мужа, который согласился бы вступить в его дом: зять этот и вступает в дом со всеми правами члена семьи. Отношение такого вступающего члена к семье и взгляд крестьянства на эти отношения я могу иллюстрировать следующим решением Алтайского волостного суда, записанным в кн[иге] за 1884 г. под № 8 (от 19 января): проживающий в с. Сычевском крестьянин Тамбовской губ. Антон Мартынов *Носов* жалуется суду: он женился

14 лет назад на снохе крестьянина села Сычевского Иоакима Долгова, вдове умершего его сына, Степаниде, имевшей от первого брака с Селиверстом Долговым 3 малол[етних] детей; при вступлении его в брак с[о] Степанидой, Иоаким Долгов, по взаимному с Носовым соглашению, принял последнего к себе в дом с тем, чтобы он пропитывал его самого и малолетних сирот. Он, Носов, это обязательство исполнял, даже одного из сирот, внука Долгова, женил. Весною 1883 г. Степанида умерла, и Долгов его, Антона Носова, с малолетними детьми (рожденными от второго брака Степаниды с ним, Носовым) выгнал из дома, не выделив ему части из имущества, нажитого ими вместе в течение 14 лет. Волостной суд жалобу Носова признал вполне заслуживающей удовлетворения и определил: обязать Долгова немедленно выделить Антону Носову одну лошадь, кобылу рыжую, одну корову бурую с теленком, двух средних свиней, телегу на ходу со всей упряжью и котел.

В данном случае прием совершился свекром. Бывает, конечно, и так, что после смерти мужа вдова, живущая собственным домом, принимает в него второго мужа, который становится к пасынкам в такие же отношения, какие существуют между членами одной семьи, т. е. все имущество, наживаемое им совместно с пасынками, составляет общее достояние семьи, так что при семейном разделе всякий вправе требовать для себя соответствующую долю из этого общего имущества. В книге реш[ений] вол[остного] и трет[ейского] суда той же Алтайской волости за 1884 г. под № 79 (от 31 марта) записано, напр., такое решение: обыватель дер. Каменки Николай *Слободчиков* в заявлении, поданном 29 февраля 1884 г. в волостное правление, объяснил, что 10 лет тому назад он женился на вдове-крестьянке Елене *Захарьевой* и вошел в ее дом. От первого брака у Елены Захарьевой было три сына: Кондратий (9 лет), Тимофей (8 лет) и Алексей (5 лет); за десятилетнее сожителство с Захарьевой он, Слободчиков, прижил с нею двух дочерей: Ефимию (8 лет) и Анну (7 лет), да сына Степана (4 лет). И вот пасынки, Кондратий и Тимофей Захарьевы, «достигая ныне уже совершеннолетний возраст, не стали ему делать уважения и, наконец, ему первым из них нанесены обиды действием». В виду этого, Слободчиков просил сделать раздел нажитого имения между ним и пасынками, ибо, когда он женился на их матери, имущество семьи, оставшееся после Захарьева, состояло из 6 лошадей и 4 коров, а он привел своих 4 лошадей и одну корову; ныне же имущество состоит из 12 лошадей, 10 коров с молодятником, 11 овец с молодятником, двух свиней, да 8 поросят». Волостной суд,

ввиду этих обстоятельств, постановил: скот и все прочее имущество разделить между Слободчиковым и его пасынками на две равные части.

«Усыновление» в форме ли «принятия в сыновья» или в форме «принятия в наследники», повторяем, есть общераспространенное явление на Алтае; напр., у новочемровцев усыновляются не только мальчики, но и девочки; усыновление совершается во всех возрастах, хотя преимущество и отдается малолетним, и усыновляются безразлично как родственники, так и чужие. Право усыновления предоставляется одинаково мужчинам и женщинам. При совершении акта усыновления, никаких особых обрядов не существует. Хотя отец и мать (родные) усыновляемого теряют всякую власть над последним, и усыновляемые становятся к усыновляющим в отношения родных сыновей и дочерей («кто кормит, тот отец»); однако же, усыновляемые сохраняют свои фамилии и никаких специальных названий («влазень» и т. п.) для них не существует; при самом приеме их «в сыновья» или «в наследники» не заключается никаких письменных условий или завещаний. Бывают, впрочем, и исключения; напр., в с. Айском усыновляемый принимает фамилию усыновляющего. Во всяком же случае, усыновляемые приобретают право на долю в имуществе семей, на которые они работают, и могут рассчитывать на покровительство мира, в случае отказа в этой доле. Напр[имер], в кн[иге] решений вол[остного] и трет[ейского] суд[ов] Кузнецкой волости (Кузнецкого округа) за 1885 г. под № 5 от 14 января записано решение по такому делу: крестьянин дер. Букиной, Дмитрий *Волишевский* жалуется на родственника своего, однодеревенца Ивана Волишевского: он жил у последнего «вместо родного сына» 8 лет, а теперь тот отказал ему жить у него в доме и не дал ему никакого надела; он просит поэтому, взыскать с Ивана за 8 лет 70 руб. Иван Волишевский на суде объяснил: действительно, Дмитрий жил у него 8 лет вместо сына и тот за него уплачивал все подати и повинности, но теперь Дмитрий «стал жить развратно, картежничать, пьянствовать и пр.», а когда Иван стал отклонять Дмитрия от этих «художеств», то последний ушел из его дома; он не согласен заплатить ему 70 руб., но готов отделить ему часть скотины и ржи. Суд нашел: так как Дмитрий жил у Ивана за родного сына, то последний не обязан уплатить ему деньгами, а может наделить его имуществом, дабы тот мог иметь свое хозяйство, и присудил ему получить от Ивана мерина гнедого, черную корову с теленком, белого быка, овечку с ягненком, 15 загонов земли, засеянной рожью и 400 снопов ржи.

Повсеместно признается обязанность родителей кормить и содержать своих детей, пока те не придут в рабочий возраст, но вместе с тем общепризнана и обязанность со стороны детей содержать родителей в старости и вообще тогда, когда, по той или другой причине, они станут не способны содержать себя собственным трудом; дети обязаны также хоронить родителей, поминать их и т. д. В случае, если дети уклоняются от исполнения своих обязанностей по отношению к их родителям, то мир вмешивается в дело и заставляет исполнить эти обязанности.

Выше мы заметили, что алтайские крестьяне не особенно строго относятся к потере девушками целомудрия. Вместе с тем мы не находим у них и презрительно-оскорбительного, жестоко-несправедливого отношения к незаконнорожденным. Ни о каких оскорбительных прозвищах по отношению к последним мы на Алтае не слышали. Матери в равной мере заботятся о незаконнорожденных детях, как и о законнорожденных; а буде «объявится отец», то и за ним признается обязанность заботиться о прижитых им вне брака детях.

Этот очерк был бы не полон, если бы мы в заключение не остановились на *снохачестве*. Это прискорбное явление имеет место и на Алтае в такой же мере, как и в среде русского крестьянства. «Грех» этот, правда, редко выплывает на свет Божий, однако, существование его никем не отрицается, да и в книгах решений вол[остных] и трет[ейских] судов можно найти немало фактических его подтверждений. Вот, напр., в книге решений Касмалинского вол[остного] правления за 1884 г. под № 13 (от 3 февраля) записано следующее дело: солдатская жена Федосья Мухортова жалуется на свекра своего Тимофея Мухортова, что тот выгнал ее с детьми из дому за то, что она не согласилась на связь с ним, так что она вынуждена жить помощью посторонних лиц. Мухортов на суде, правда, отрицал этот факт, объяснив, что он выгнал ее потому, что она ему «не повинуется», и согласился принять ее с детьми обратно в свой дом. Суд признал это достаточным с его стороны удовлетворением.

III. Опека и попечительство

Можно признать обычным правилом в среде алтайского крестьянства назначение опекунов и попечителей над сиротами и их имуществом, преимущественно и, прежде всего из лиц, состоящих в более или менее близком родстве с этими сиротами. Назначение

это исходит, обыкновенно, от самих родителей, а в случае смерти одного из них, естественным опекуном и попечителем считается остающийся в живых. Правило это, кажется нам, признается бесспорным не только по отношению к родителю-отцу, но и родительнице-матери: «домохозяйка и будет правительша», объясняли нам лютаевцы. Только в исключительных случаях, когда, напр., мать или отец «не в здравом уме» или проявили себя своей расточительностью и вообще неодобрительным поведением, общество назначает в опекуны и попечители, минуя отца или мать, кого-либо из среды других родственников сирот, если таковые имеются и признаются обществом заслуживающими доверия, если же таковых не окажется, то общество выбирает в опекуны кого-либо из других сообщественников.

В большинстве случаев, повторяем, опекунов назначают сами родители, но если смерть постигла их скоропостижно или они по какой-либо иной причине не сделали соответствующего распоряжения, обязанность эту принимает на себя общество. Обыкновенно, оно составляет при этом опись оставшемуся после них имуществу, которое вместе с описью передается в волостное правление; детей же, сирот, оно передает на воспитание кому-либо из своих членов, пользующихся хорошей репутацией, при том, впрочем, условии, если тот изъявит на это свое согласие, так как считается неудобным и нецелесообразным кому бы то ни было *навязывать* опеку, да и нет, впрочем, никакой в этом надобности, так как всегда находится достаточно на это охотников. Общество, как и волостное правление и волостной суд, к назначению опекунов и попечителей относится очень серьезно и отнюдь не смотрит на него как на одну лишь пустую формальность. В этом легко убедиться, как по самой процедуре избрания опекунов, так и по многим решениям волостных судов. Вот, напр., крестьянка дер. Новочесноковки (Алтайской волости) Александра Агафонова Черепанова обращается в волостной суд с просьбой «уполномочить» ее мужа Семена Андреева Черепанова быть опекуном над имуществом, оставшимся после смерти ее первого мужа, до совершеннолетия детей ее от первого брака. Так как при произведенном волостным судьей Поповым «удостоверении», Новочесноковское общество отозвалось, что Черепанов (отчим сирот) «не заслуживает этой доверенности вообще, как человек недобросовестный, который ведет жизнь самую неприличную, частовременно пьянствует, легко может имение это превратить к

уничтожению и малолетних привести в бедственное положение», и так как сам Попов, сверх того, дознал, что Черепановы, выручив от продажи в д. Баюновой принадлежавшей сиротам мелкой домашней утвари 7 руб., по дороге пропили эти деньги, да продали еще на пьянство медное сито, то волостной суд (9 марта 1885 г.) определил: Черепановой в просьбе ее о назначении Черепанова опекуном и попечителем отказать, «а так как назначение опекунов и попечителей и проверка их действий зависит от усмотрения того общества, где проживают малолетние, то предложить Баюновскому обществу учредить над имуществом сказанных сирот Шерстобитовых опеку».

Выше мы заметили, что в тех случаях, когда обществу приходится самому позаботиться об устройстве участи сирот, оно передает принадлежащие им имущество при описи на хранение в волостное правление, а последнее вводит во владение этим имуществом наследников-сирот, по достижении ими 18-летнего возраста. У других (напр., у черновцев) опекаемые вступают в свои права только 22 лет. Однако же, это не есть общее правило. В большинстве случаев имущество передается обществом тем же лицам, которые избираются им в опекуны или попечители и на обязанности которых лежит принять все нужные меры к охране интересов опекаемых ими, как духовных, так и материальных. Если в числе оставшегося имущества имеются деньги, то они сдаются, обыкновенно, в сберегательную кассу и опекунам предоставляется пользоваться процентами с этого капитала, а если в числе имущества имеется скот, то его продают, а вырученные за него деньги сдаются на приращение.

В общем, существующие в Алтайском горном округе обычаи, относительно опеки и попечительства, почти совпадают с постановленными на этот предмет еще в 1825 году бывшим Советом Главного управления Западной Сибири правилами, которые, в свою очередь, основаны были во всем существенном на этих самых обычаях, оказавшихся настолько устойчивыми и прочными, что и до самого последнего времени остались почти без всяких изменений.

В заключение мы должны отметить, что книги на записку решений волостных и третейских судов убеждают в том, что как ни осторожно действует общество при выборе опекунов, однако же, растраты имущества опекаемых ими сирот не составляют исключительного явления на Алтае.

IV. Способы приобретения имущества

Само собою разумеется, что на Алтае, как и всюду, главным занятием крестьянского населения является хлебопашество, а за ним скотоводство (в некоторых волостях, впрочем, скотоводство даже преобладает). Поэтому на первом плане следует поставить способ приобретения земельных угодий. Об этом предмете нам пришлось подробно говорить в очерке алтайской поземельной общины, и мы ограничимся здесь лишь характеристикой этого способа в самых общих чертах.

Наблюдения во время двукратной поездки по Алтайскому горному округу привели нас к безусловному убеждению в том, что здесь повсеместно одна только форма землевладения и существует, это – *общинная*, причем владеют здесь пахотной землей почти исключительно по *захватному способу* или по способу «*первого завладения*». Мы говорим «почти», так как в последнее время кое-где, благодаря нахлынувшей сюда со всех сторон переселенческой волне, уже перешли или собираются перейти к *переделам*. В то время, к которому относятся наши исследования (1884–1885 гг.), случаи переделов пахотной земли были еще единичными и исключительными; лично мне известны были тогда всего 8 случаев переделов пашни; за последнее десятилетие, в виду беспрерывно растущего переселенческого движения, без сомнения, число переделов уже значительно больше, но полагаем, что и в настоящую минуту поземельная община с правом *первого занятия* земли составляет преобладающий тип поземельной общины на Алтае, тип, занесенный в Сибирь вообще и на Алтай – в частности, без сомнения, из Северной России, из земель сольвычегодцев, устюжан, новгородцев и пермяков. Пахотная земля всюду почти составляет *общую собственность*, которой распоряжается *мир*. Это, говоря вообще, в частности же всякий член общества, заняв какой-либо участок земли, соразмерный его рабочей силе, распоряжается им бессрочно, до тех пор, пока участок этот настолько истощится, что приходится его бросить.

Не то следует сказать о *покосах*. Хотя и ими во многих местах пользуются по захватному способу, но в данном случае последний не составляет уже такого всеобщего явления, как в отношении пахотной земли. Дальние покосные места и наименее ценные в качественном отношении и теперь еще находятся в пользовании по способу «первого завладения», но покосы ближние, расположенные недалеко от селений и, в особенности, более доброкачественные из них почти всюду уже переде-

ляются, причем способы и сроки переделов весьма разнообразны; общим основанием при этих переделах можно признавать лишь то, что критерием при разверстке является не пространство покосного места, а количество сена, получающегося с покосного участка. Покосы, вообще, делят по качеству своему на сорта, и каждому общиннику приходится, обыкновенно, паек в каждом сорте. Самая разверстка производится по самым разнообразным способам, описанным мною в вышеупомянутом очерке.

Что касается *леса*, то строевой лес составляет на Алтае собственность Кабинета, разрешающего пользоваться для собственных потребностей каждой платежной души известным количеством бревен и дров, за что крестьяне обязаны производить окопку леса и тушение лесных пожаров; дровяной же лес приобретает большую часть из собственного мирского леса, который во многих местах также переделывается по душам, *делянкам* различных размеров ($1\frac{1}{2}$ десят[ины], 2 десятины, 25 саж[ен] в длину и в ширину и т. д.). Однако же и мирским лесом в очень многих местах еще пользуются по-прежнему, вольным способом: всякий берет себе из него столько, сколько ему нужно. Но что лес в глазах всех есть мирская собственность, видно из того, что во многих местах, в силу общественных приговоров, лес оставляется «в заказе» на определенное назначенное время (20-10 лет).

Наконец, относительно *усадеб* нужно констатировать, что хотя они и считаются мирскою собственностью, однако, нигде переделам не подвергаются и переходят из поколения в поколение от отцов к детям, в силу, так сказать, наследственного права. Но так как всякий общественник имеет право на усадебную оседлость, то, в случае размножения семьи, когда и наследственной усадьбы для всех не хватает, мир отводит нуждающимся новую усадебную оседлость.

Переходя теперь к способам приобретения другого имущества, мы, прежде всего, остановимся на *наследственном праве*, в основе которого лежит то же самое начало, которое в среде алтайского крестьянства, как и всюду на Руси, составляет основу имущественных отношений вообще, *трудоуое начало*. Строго говоря, лишь соучастие в приобретении имущества дает право на унаследование его целиком или частью. Правда, это основное начало нередко затемняется и другими элементами, но почти всегда есть возможность добраться до него, под сколькими бы пластами оно ни скрывалось. Имущество составляет достояние не индивидуальное, а семейное, достояние *всех* членов семьи, участвовавших

в его приобретении, и поэтому, со смертью главы дома, оно не должно выходить за пределы этого дома, если только в последнем остались члены, участвовавшие в его приобретении.

Выше мы видели, что при выходе девушки в замужество, на ее пай из семейного имущества уделяется большая или меньшая часть. Это имущество – приданое, которое жена приносит с собою в дом мужа, после ее смерти, если она умрет бездетной, возвращается обратно в ее дом, к тем, кто прямо или косвенно участвовал в его приобретении. Характерную иллюстрацию к этому явлению дает нам, между прочим, следующее дело, извлекаемое нами из книги решений волостного и третейского судов за 1884 г. (№ 99, от 3 апреля): крестьянская дочь дер. Ельцовки, Бийской волости, Харитинья Донских просит взыскать с крестьянина Соснового Лога Ильи Таловского оставшееся после его жены (а ее сестры) имущество: саврасую кобылу, 70 коп. денег, 3 трубы холста, одеяло, подушку, скатерть, полотенце, две пары тиговых штанов и половиков. Илья Таловский объяснил на суде, что кобылу он отдал священнику, в вознаграждение за похороны жены, остальное же все имущество принадлежит ему. Однако, на суде установлено было, что отданная священнику кобыла родилась от приведенной покойной женой Таловского в приданое кобылы, а последняя продана была Таловским для собственных надобностей, и ему следовало бы за похороны заплатить поэтому из собственных денег, тем более, что покойная жена проработала у него целое лето. В виду этих обстоятельств, суд определил, что кобылу Таловский должен отдать Харитинье Донских, имеющей право и на одну трубу холста.

Или вот что находим мы в книге решений волостного и третейского судов Риддерского волостного правления за 1884 г. (№ 33): обыватель с. Риддерского Федор Гилев жалуется на обывателя того же села, отставного мастерового Петра Нагибина, что тот удержал у себя приданные вещи его умершей дочери Надежды (2 подушки, 2 чайника, 4 стакана, 4 пары чашек, платье, 7 тарелок, полоскательную чашку, литовку, 5 полотенец, стенное зеркало, противень и 2 иконы), а между тем Надежда в замужестве за Нагибиным прожила всего год и 10 месяцев и детей после себя не оставила. Суд определил: вещи покойной Надежды (кроме одной подушки, 2 стаканов, 2 пар чашек, 2 полотенец и одной иконы) возвратит Гилеву. Повторяем, хотя и признается, что супруги наследуют друг другу, но это довольно условно: имущество жены переходит к мужу лишь тогда, когда они прожили совместно много лет, жена может

получить долю наследства после мужа, но по усмотрению наследников, и т. д.

Но если в основе наследственного права и лежит трудовое начало, то это еще не значит, что на Алтае отрицается право завещать имущество по своему усмотрению, нет, всякий волен завещать кому угодно и что угодно, и права этого никто категорически не отрицает, но весь крестьянский обиход до того всецело поглощается трудовым началом, что самое право завещания инстинктивно им импульсируется и обуславливается. Нужно заметить, что право завещания никакими *внешними* факторами и нормами не стесняется; напр., в 1869 году умерла в деревне Талице (Сростинской волости) крестьянка Селиванова и завещала все свое имущество (кроме коровы, данной ей ее братом в приданое) церкви, муж ее, Лифонтий Селиванов, в святости исполнил ее завещание. Или, крестьянин села Енисейского, Григорий Пестерев, во время продолжительной болезни своей, проживал у крестьянина Прокопия Лопатина, который и похоронил его. В награду за это Пестерев перед смертью (в декабре 1875 г.) завещал Лопатину все свое имущество. Брат Григория, Дмитрий Пестерев, обратился в волостной суд с просьбой возвратить ему имущество, оставшееся после смерти брата его, но суд, принимая во внимание завещание Григория, Дмитрию в иске отказал, оставив все имущество у Лопатина.

В общем можно сказать, что остающаяся после смерти мужа жена получает долю наследства только по усмотрению наследников, если она бездетна, если же у нее остались малолетние дети, она является их естественной опекуной. После смерти жены, если у нее остались дети, принадлежавшее ей имущество переходит, обыкновенно, к последним, если же она умерла бездетной, ее имущество возвращается, обыкновенно, в ее род, а если она прожила много лет с мужем, то имущество ее может перейти к нему. После смерти отделенных детей, если после них не осталось потомства, все их имущество возвращается к родителю, если же при этом у беспотомственно умершего осталась жена, ей выделяется незначительная часть имущества, да и то не всегда.

Еще сравнительно недавно, по уверению стариков, завещаний вовсе никто не оставлял, все делалось по раз [и] навсегда принятому обычаю. Затем пошли в ход завещания, сначала преимущественно или даже исключительно словесные, а в последнее время приобретают все больше и больше прав гражданства письменные духовные завещания: «Деды еще завещали, – объясняли мне в деревне Сетовке (Алтайской воло-

сти), – чтобы все проделывалось на словах, а ныне пошло все на бумаге». Однако, и теперь еще преобладают словесные духовные завещания, напр., в дер. Шульгин Лог (Алтайской волости) письменных духовных завещаний вовсе не встречается, или вовсе без них обходятся, или ограничиваются словесными духовными завещаниями, учиняемыми при свидетелях-родственниках, которым завещатели поручают иметь наблюдение за точным исполнением их воли. Для крепости словесного завещания признается необходимым присутствие свидетелей.

Завещания совершаются не только при смерти, когда таковая уже, так сказать, на носу, а еще и заблаговременно, когда смерть представляется лишь в перспективе, на всякий случай; тогда завещатель выговаривает, что сыновья обязаны, как его самого, так и жену его, и дочерей, если таковые еще не пристроены, кормить до самой смерти, а по наступлении таковой честно похоронить их и поминать их души; сестер же сирот кормить до замужества и заботиться о выдаче их в замужество.

В иных местах письменные завещания уже начинают вытеснять словесные, напр., в дер. Ново-Чемровке, заселенной на две трети «российскими» переселенцами, в обычае уже одни лишь письменные духовные завещания. «Слово» здесь уже настолько потеряло свою прежнюю силу и прежнее патриархальное значение, что словесные завещания, заключенные без свидетелей, лишены всякого значения.

Если отец умер, не оставив духовного завещания, то отделенные им уже при жизни дети права на наследование имущества уже не имеют, если остались еще дети не отделенные, между которыми все оставшееся имущество делится поровну. Тут исходят из того положения, что отделенные дети уже при жизни получили, так сказать, все, соразмерно трудовому участию в приобретении семейного имущества, так что все, что осталось, есть уже продукт труда не отделенных.

Приобретается на Алтае всякого рода имущество также и по способу *дарения* при разных случаях. Никаких письменных условий при этом не бывает, но, в силу прочно установившегося обычая, раз подаренная вещь, обратно уже не при каких условиях не отбирается.

Переходя теперь к *сделкам и договорам*, я должен, прежде всего, констатировать, что, при беседах со стариками разных селений, мне часто приходилось слышать от них сетования на то, что прошли и миновали патриархальные времена, когда все в житейском обиходе, как в имущественных, так и в других отношениях, держалось на одном слове, когда это слово всюду и везде было свято и крепко: ныне слово на каждом

шагу нарушается «без стыда», так что положиться на слово довольно рискованно. К счастью, сетования эти отчасти преувеличены, а отчасти являются продуктом лишь усложнившихся условий жизни. При том же это все-таки не составляет еще общего явления: есть исключения, и исключений таких пока еще немало, напр., в деревне *Половинке* слово, по уверению стариков, еще «крепко, как камень», но это, однако же, исключение, а не правило. Теперь уже немногие на Алтае полагаются на словесные условия, громадное большинство предпочитает всякого рода сделки и договоры облекать в письменную форму, в виде ли частных расписок, договоров, условий и т. п., или в виде записей, заносимых в специальные книги, существующие в волостных правлениях для записывания сделок и договоров, заключенных в пределах волости.

В обрядах, коими сопровождается заключение разных сделок, своеобразного, специфически алтайского, мало. В большинстве случаев сделки сопровождаются *магарычами*, введенными, однако, по убеждению стариков, российскими переселенцами, а также *рукобитиями* – ударами по рукам при свидетелях или без таковых, один на один. Исполнение сделки стараются обеспечить *порукой*, которую в большинстве случаев не трудно найти, хотя на Алтае частенько приходится, по уверению стариков, платить за эту поруку, как это подтверждается довольно распространенными здесь поговорками, вроде: «порука – мука», «кто поручится, тот и научится», «тот печалься, кто ручался» и т. п. По-видимому, это зависит от того, что хотя поручителей и «мотают», но материально отвечать приходится им редко, чаще всего дело ограничивается тем, что возьмут с поручителей бутылку вина, да разопьют ее.

Рассмотрим некоторые из наиболее распространенных на Алтае сделок и договоров.

Заем. Ссуды денежные составляют на Алтае повсеместно распространенное явление, причем ссуды почти всюду делаются под проценты, под рост. Условия займа довольно-таки тягостны, в особенности в пунктах притрактовых или близких к тракту. Условия эти бывают особенно тягостны, когда деньги занимаются *под будущую работу*. Если проценты и рост в чистом их виде кое-где еще считаются «грехом» (как, напр., между шипуновцами), то тот же рост, не денежный, а в форме будущей отработки, нигде не считается предосудительным. В дер. *Гонбиной* «богачи» взимают проценты в размере 20 коп. с рубля, а иной не стесняется брать и 30%; если же деньги занимаются под работу, то заемщики обязываются сжать, напр., десятину за 4 руб., между тем как,

нанимая работника в страдную пору, ему приходится давать за ту же десятину 8 руб., т. е., попросту говоря, с него взимается целых 100% и даже не за целый год! Первый «богач» дер. Худяшевой, крестьянин Конев, держит 5-6 годовых работников, но у него обширная пашня, в страдную пору работает у него человек 100, этих-то последних временных работников Конев и нанимает в то время, когда у них наибольшая нужда в деньгах: он раздает под будущую отработку земли рубля по $2\frac{1}{2}$ за десятину, между тем как другим, нанимающим рабочих в самую страду, приходится платить не менее 6-7 руб. за десятину; те самые шипуновцы, которые считают «грехом» брать за ссуды проценты, с чистою совестью берут их в форме задавания денег под отработку и, не подозревая, по-видимому, что этот род процентов ничем не лучше и не легче для заемщиков денежной формы. В с. Шипуновке, как и в окрестных селениях, сжать десятину в страдную пору стоит 5-6 рублей, а, задавая деньги вперед зимою, они уславливают цену в 3 р. - 3 р. 50 коп., т. е. берут попросту за свой заем больше 100 проц[ентов] годовых.

Ссуды даются не только под будущую работу, но и под имущество и разные *продукты работы* самих заемщиков: «под быков», «под орех», «под масло» и т. п. Эта форма ссуды не менее разорительна для заемщиков. В дер. Булатовой, напр., местный кулак Потап Субботин задает нуждающимся крестьянам под масло 3 р. - 3 р. 50 коп. за пуд, которое он сам продает по 8-9 рублей, или задает под хлеб 20-30 коп. за пуд, сбывая сам этот пуд за 60-70 коп.

Заем (в особенности денежный) в большинстве случаев дается под *расписку* частную или учиненную в сельской управе. Но надо сказать, что и в тех случаях, когда заем делается без расписки, кредитор редко теряет. Если заемщику даже вздумается отпереться от долга (таких случаев немного), то волостной суд мало стесняется внешнею формальною стороною, а руководствуется почти всегда одним лишь внутренним убеждением. Вот, напр., жалуется суду крестьянин деревни Усяцкой Филиппов, что крестьянин Полиевкт Савин взял у него в ноябре 1873 г. взаймы 2 руб. и не отдает, суд определяет: хотя Савин и запирается в своем долге, но так как таковой подтверждается свидетельством бывшего при этом купеческого сына Спиридона Жданова, то взыскать с ответчика 2 руб. (Кн[ига] на зап[ись] реш[ений] вол[остного] и трет[ейского] суд[ов] Сростинского вол[остного] правления 1875 г. № 12); или: тарский мещанин Денис Кичеров жалуется, что крестьяне дер. Корогужинской в разное время и на разные суммы брали у него денег в долг, который

он и просит взыскать с них. Хотя Кичеров при жалобе никаких доказательств не представил, но «во уважение его просьбы и старости лет», вол[остной] суд допросил указанных им лиц и определил взыскать с тех, кто сам в долге сознался (ibid., № 65).

Долговые записи весьма несложны: в них обозначается *сумма долга, происхождение долга, срок уплаты и последствия неуплаты* в условленный срок. Приведем для образца одну запись из книги сделок и договоров Смоленского волостного правления за 1875 год: крестьянин села Смоленского Василий Семенов Коровин остался должен крестьянину деревни Песчаной Егору Михайлову Юдину за купленный у него дом 100 рублей; срок уплаты – 29 июня 1875 года; в случае неуплаты в срок Юдин имеет право отобрать обратно дом (№ 24). Надо заметить, что в этих записях уплата выговаривается не только деньгами, но и разной работой (земледельческой, плотничьей и т. п.), а также продуктами. Часто в записи выговаривается *неустойка*, в случае неплатежа в условленный срок, и неустойка временами довольно чувствительная, напр., 19 ноября 1875 года крестьянин с. Верх-Ануйского Никита Рогозин взял заимообразно у крестьянина с. Старо-Тырышкинского Савелия Тырышкина 16 р. с тем, что если деньги эти в срок не будут уплачены, то Рогозин должен отдать в виде неустойки Тырышкину 7 ульев пчел и одну лошадь (мерин серый). Или, напр., в книге сделок и догов[оров] того же Смоленского волостного правления за 1876 год находим расписку мещанина Ильи Семенихина: он обязывается уплатить купцу Павлу Кричевцеву взятые у него заимообразно 22 р. по первому востребованию, в противном случае, Кричевцеву предоставляется взять в виде неустойки одну лошадь.

Заем обеспечивается еще, кроме неустойки, *поручителями*, а также *наложением запрещения* на имущество. Напр[имер], 18 июня 1883 года крестьянин с. Смоленского, Сысой Киприянов Орехов, взял под расписку у мещанина Посысоева 43 рубля со сроком уплаты к 18 июля того же года, причем Посысоев вправе, в случае неустойки, взять у Орехова, по своему выбору, 3 лошади; а долг купцу Андрею Пастухову в 44 р. тот же Сысой Киприянов обеспечивает уже неустойкой в 5 лошадей. Крестьянин с. Быстрого Истока (Нижне-Чарышской волости) Иван Никитенко взял 16 июня 1876 года у вышеупомянутого купца Павла Кричевцева под расписку 50 р., обязавшись за эти деньги доставить к 20 июля скоромного масла по 4 р. 25 коп. за пуд; а 3 октября того же 1876 года, у того же Павла Кричевцева, другой крестьянин с. Смоленского Андрей

Кузнецов взял 70 р. и обязался уплатить ему 14 ноября скоромным маслом, со скидкою по 25 коп. с пуда против существовавших в то время цен, в виде же неустойки, на случай неудовлетворения обязательства в срок, выговаривалось право за Кричевцевым отобрать у Кузнецова по выбору своему 2-х жеребцов. У того же Кричевцева 8 января 1877 года инородец Уймонской инородной управы Иван Казанцев взял под расписку заимообразно 170 руб., с обязательством уплатить не деньгами, а рогатым скотом и т. д.

Этот Павел Кричевцев фигурирует в книгах крестьянских сделок и договоров почти во всех волостных правлениях Алтайского горного округа, это кредитор обширного района. Сам по себе Кричевцев настолько любопытный тип, что я позволю себе маленькое отступление, чтобы охарактеризовать этого разжившегося крестьянина, играющего (по крайней мере, игравшего) весьма видную роль в районе моих исследований.

Резиденция Кричевцева в обширном селе Смоленском, Бийского округа. Он переселился сюда из России и живет здесь уже 30 лет; ведет весьма обширную торговлю, обороты которой простираются до 300 [000]-400 000 руб. в год; главная отрасль его торговли – рогатый скот, которого он продает в год на 90 [000]-100 000 рублей, а самая главная страсть – лошади. Ими он всецело увлечен и поглощен, не столько как купец-торговец, сколько как любитель-охотник. О лошадях он рассказывает с нежною любовью, с восторгом, доходящим до пафоса, до поэзии. Нет той жертвы, которой он не согласился бы принести ради этих лошадей, в них как бы смысл его существования, его жизненное назначение; они составляют высший пункт его гордости, его тщеславия. А так как он в то же время перворазрядный кулак и ссужает весь округ деньгами и товарами, то лошади, во всех заключаемых им с должниками сделок, составляют предмет обеспечения неустойки. Кричевцев – человек с кипучей и энергичной натурой. На жизнь и на «дела» он смотрит, как на «войну»: «я всегда на войне», это любимая его прибаутка, которой он украшает свою деловую беседу. «Мне немало труда стоило поставить себя на боевую линию», «я первый иду на войну», – этими фразами он то и дело уснащал свою речь, беседуя со мной о торговле. «Да ты опиши, – закончил он свою длинную беседу со мною, – как я, одинокий, вышел на такую линию, так и у вас в России довольны будут». Таков этот купец из крестьян, вечно кочующий и рыскающий, для которого конец в 2-3 тысячи верст – плевое дело, который верховую

езду любит до безумия, до страсти, такую езду, чтобы дух захватывало, чтобы промчатся без отдыха и передышки 40-50 верст. Влюбленный в своих лошадей, он, однако, требует, чтобы и они, как и его работники, покорялись и подчинялись ему, беспрекословно исполняли бы его железную волю: «ей сказано сделай зараз 200 верст, и она должна сделать», – с хвастовством заметил он, показывая мне лучших лошадей. «Если я назначу заранее, что должен на них проехать в неделю 1 000 верст, то должен проехать, опоздать могу не более как 10-15 минут». И хотя этот Кричевцев – кулак, но не из кровопийц, к которым относятся даже с презрением; он поступает «по закону и по-божески», щадя по возможности своих клиентов.

Прошу извинения за маленькое отступление.

Личный наем составляет предмет весьма многих сделок, заносимых в книги волостных правлений. В этих условиях найма также записываются *условия найма, срок найма, размер платы и размер штрафов* в случае прогулов. Вычеты за прогульные дни достигают значительных размеров; напр., из наемной платы (на винокур[енном] заводе) в 8 руб. в месяц назначается вычет за прогульный день в 50 коп.; или, при плате (плотнику) в 50 руб., от 16 февраля (1877 г.) по 1 октября, вычет за прогульный день определяется также в 50 к. Или: крестьянин с. Катунского Трофим Ильин, отдав в работники бийскому мещанину Василию Иванову сына своего Малофея на 1 год за 60 руб. (с обувью Иванова во время работы в кожевенном заведении и своей – во время уличной работы), обязывается в данной им подписке, что если Малофей уйдет раньше срока, то он должен уплатить неустойку в 25 руб., а за прогульные дни подвергается вычетам по 1 руб. в день. Годовая плата весьма разнообразна: 60, 70, 90 рублей, а также и меньше; одежда частью хозяйская, частью своя, содержание большею частью хозяйское. В договорах личного найма обращает на себя внимание часто встречающееся обязательство *замены* нанимающегося кем-либо другим, если бы нанявшийся по каким-либо причинам не мог бы выполнить договора до конца. Напр[имер], 3 января 1876 г. крестьянин с. Смоленского Алексей Жиганов нанялся к диакону Хитрову в работники на 1 год за 25 руб., и в заключенном условии выговорено, что, в случае болезни или других причин, обязанность работника должен выполнить за него брат его Иван. Или в книге сделок и договоров того же волостного правления за 1887 г. (№ 4) записано такое условие: крестьянин с. Смоленского Егор Лисных нанялся в работники к тому же диакону Хитрову за 23 р. 50 к. за

год с тем, что если он заболит, то вместо него поступит брат его Пахом. Под следующим № (5) занесена подписка, данная крестьянином того же села Калистратом Первухиным односельцу Петру Козакову: Первухин отдает Козакову сына своего в работники с платою по 3 р. в месяц, если же тот окажется к работе неспособен, то за него должен работать сам Калистрат.

При найме работников наниматели часто обязываются в дополнение к условленной денежной плате, вспахать еще для семьи нанимающегося на своих лошадях некоторую часть пашни, которая засеивается иногда своими же семенами, а иногда семенами нанимающегося.

Казенные заводы Кабинета Его Величества доставляли значительное подспорье в работе для населения, в особенности в некоторых горнозаводских волостях: Змеиногорской, Риддерской, Локтевской и др. В числе договоров о найме встречаются и условия о найме на прииски.

Помочи составляют на Алтае также довольно распространенное явление в страду и в покос, а также иногда при постройке домов. Крестьяне на «помочи» смотрят именно как на «помощь друг дружке». Они устраиваются, преимущественно, по праздничным дням, хотя случаются и в будни. По мнению многих стариков, с которыми мне приходилось беседовать, помочи не обходятся дешевле, чем наемная работа, так как приходится угощать помочан, и угощать получше, но «хлопот меньше», да дружнее работают, что весьма важно при сравнительно непродолжительном периоде рабочего времени. При том же угощение делается из своих припасов, что для крестьянина гораздо легче, чем платить деньгами. Особенное значение «помочи» имеют для богачей, имеющих большие запашки и нуждающихся в большом количестве рабочих рук для своевременной уборки хлеба и сенокосения; для крестьянина среднего и малоимущего они являются значительным подспорьем; богачам же доставляют даже солидную экономию, почему они не прочь злоупотреблять ими в своих выгодах. В вышеупомянутой деревне Худяшевой есть богач Худяшов, постоянных годовых работников он держит 3-4 человека; а между тем пашня у него обширная. Для своевременной уборки хлеба ему необходима одновременно большая, сравнительно, масса работников, наемка которых в горячее рабочее время сопряжена бы была с[о] значительными расходами: Худяшов предпочитает прибегать к «помочам», на которые созывает человек 100–200, и они дружно в двое-трое суток уберут его хлеб или скосят ему траву. Правда, Худяшов хорошо угощает «помочан», но не подлежит сомнению, что угощение

это обходится ему, во всяком случае, не столько, сколько пришлось бы уплатить при найме такой массы рабочих на наличные деньги, к тому же за деньги в страдную пору не так легко найти на короткое время такую массу рабочих рук.

Так как значительный район Алтайского горного округа по преимуществу скотоводческий, то много договоров и сделок имеют предметом своим *доставку сена*: один или несколько крестьян, в отдельности или компанией, обязываются на определенных условиях и к определенному сроку доставить определенное количество копен сена; за поставку, напр., 1 000 копен сена (при хозяйской траве) получают по 50-85 рублей, причем содержание во время работ по поставке сена относится на счет подрядившихся. При этого рода договорах, так же в большинстве случаев выговаривается *неустойка*; напр., за каждую не поставленную сотню копен подрядившиеся платят по 15-25 рублей (напр., в селе Смоленском), или же ставится условие – приобретать в таком случае сено на счет подрядившихся, по какой бы то ни было цене.

Сравнительное богатство в лошадях вызывает на Алтае занятие по *доставке товаров* из разных пунктов в гг. Томск, Барнаул, Семипалатинск и др., а также на Ирбитскую ярмарку и обратно. Эта доставка составляет также объект многих договоров, как и разбирательств волостных судов. В условиях по доставке подрядчики ответственны за целостность товаров всем своим имуществом; напр., из записанной под 28 апреля 1876 г. подписки крестьянина Алтайской волости, дер. Верх-Сетовки, Ивана Зуева видно, что он остался должным купцу Кричевцеву за утерянны в г. Ирбите товары последнего 293 рубля, за что обязался отдать Кричевцеву лошадь в 60 руб., уплатить 1 января 1877 года 60 руб., 1878 г. – 60 руб. и к 1 января 1879 г. – остальные 113 рублей, а в случае неуплаты, ответственность своим имуществом. Или, напр., в книге реш[ений] волостн[ых] и третейск[их] судов Белоярской волости за 1884 год мы под № 15 находим такое дело: крестьянин дер. Чесноковки Иван Солонин 4 апреля 1884 г. обратился в волостной суд с[о] следующей просьбой: зимою он доставлял от бийского 1-й гильдии купца Алексея Морозова разный товар в гг. Барнаул и Бийск, причем по заключенному с Морозовым условию, сроком доставки назначено было время со 2 по 22 февраля; по случаю неблагоприятной погоды, ямщики просрочили 4 суток, за это Морозов высчитал с каждого пуда, за каждые просроченные сутки по 10 коп. Ямщики Николай и Филипп Солонины и Николай Нестеров высчитанную просрочку на себя не принимают и требуют от

него, Ивана Солонина, уплаты высчитанных денег и он просит, поэтому суд сделать с ответчиками должный расчет. Ответчики на суде объяснили, что просрочка произошла по небрежности подрядчика Солонина, так как он каждому из них выдал в г. Ирбите не более 10 руб., все время в дороге пьянствовал, не выдавал своевременно денег, а благодаря этому дворники постоянных дворов отпускали овес для корма скота дорожке против других. Из свидетельских показаний, однако, выяснилось, что Солонин и пьянство его тут ни при чем, что просрочка обусловлена бурной и холодной погодой и имела место и у других доставщиков, поэтому суд определил, что упомянутые ящики должны принять просрочку на себя, в общей сумме 46 руб. 40 коп. (464 пуда товара). Подобных случаев просрочки и тяжбы между доставщиками и ящиками по книгам решения волостного суда мы находим целую массу, и они подтверждают, как то, что «доставка» довольно распространенный промысел, так и то, что промысел этот сосредотачивается в руках подрядчиков-доставщиков, являющихся как бы посредниками между отправителями товаров и ящиками и получающих часто за свое посредничество львиную долю. В экономической жизни Сибири вообще «доставка» играла всегда, играет и теперь весьма видную роль, которая с проведением Сибирской железной дороги должна значительно уменьшиться. Она имеет целую (иногда довольно сложную) организацию, составлявшую неоднократно предмет многих, довольно интересных и любопытных исследований. Может быть, когда-нибудь я специально вернусь еще к этому любопытному фактору прошлой, а отчасти и современной жизни Сибири; теперь же должен констатировать, что вообще «доставка» всевозможных предметов и во всевозможных видах составляет содержание очень многих сделок и договоров, регистрируемых в соответствующих книгах волостных правлений. Так как Алтайский округ живет преимущественно скотоводством, то покупка и продажа рогатого скота и его продуктов, как и доставка таковых, составляют объекты множества сделок. Во многих пунктах Алтая существенным подспорным промыслом является ореховый промысел, и сделки относительно доставки кедровых орехов фигурируют во многих записях; в районе, напр., Черного Ануя доставлять орехи подряжаются киргизы, причем доставляют по весьма низким ценам, тем более низким, чем выше задаток, который они получают при заключении условия. В сделках с киргизами одною из договаривающихся сторон, опять-таки во многих случаях, является выше упомянутый Кричевцев; и в этого рода сделках всегда выговари-

вается неустойка; напр., по сделке, заключенной в 1875 г., киргизы обязывались доставить к 20 сентября 1875 г. 200 пудов ореха, по 70 коп. за пуд, а в случае неисполнения условия к сроку должны были в виде неустойки отдать Кричевцеву «по одной лошади, каких только угодно будет выбрать Кричевцеву из их лошадей», а так как Кричевцев большой любитель лошадей, то ему, конечно, всегда «угодно» выбирать самых лучших...

Не останавливаясь на разных сделках по купле и продаже лошадей, рогатого скота, пчел, запродаже масла, меда и проч., на сделках с пастухами за пастьбу лошадей, коров, овец и т. п., заметим лишь, что редкая сделка, редкий договор обходится без неустойки, более или менее чувствительной для более слабой из договаривающихся сторон. Не останавливаясь также на *артельных* мельницах, рыболовных артелях и некоторых других, так как нам приходилось уже говорить о них в монографии об алтайской поземельной общине, мы не можем обойти одной интересной сделки, составляющей предмет записи многих книг – это так называемые *бега*.

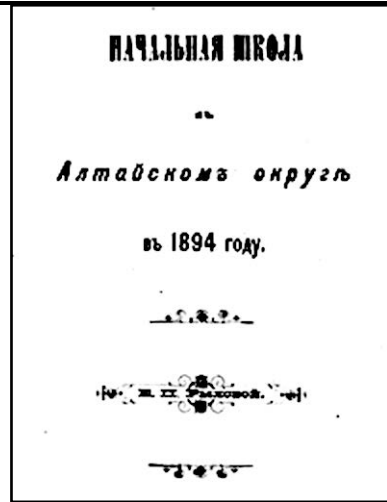
Эти «бегá» составляют довольно распространенное явление на Алтае. Мне приходилось наталкиваться на них и в Кузнецком, и в Бийском, и в Барнаульском округах, как на любимый спорт, играющий в бюджете любителей не последнюю роль. Напр., в селении Пестеревке (Касьминской волости, Кузнецкого округа), как и во многих соседних с ним селениях, сильно распространен обычай, что 5-6 (случается и больше, и меньше) хозяев «закладывают» кто пятитку, кто десятку, а кто и четвертную с тем, что тот, кто на своей лошади первым пробежит условленное расстояние, тот получит заложенные деньги. Этот обычай распространен и в Верх-Чумышской и в других волостях. Условия бега более или менее общие и обязательные; нарушение их временами восходит до разбирательства волостного суда, который строго относится к нарушителям этих условий. Напр[имер], в книге реш[ений] вол[остного] и трет[ейского] судов Верх-Чумышского вол[остного] правления за 1884 год мы находим такое дело: крестьянин деревни Сахаровой Иван Самойлов Сахаров просит взыскать с[о] Степана Яковлева Корковина за то, что последний, во время бега Сахарова с лошадьми крестьян Семиона Сартакова, Алексея Корковина, Алексея Сахарова и Якова Полковникова, несколько раз брался драть бегуна Сахарова, сталкивал его в сторону и «сронил» с него седока, чем загородил путь бегуну Сахарова «выбегать присужденных 35 рублей». При разбирательстве дела кре-

стьяне деревни Сахаровой заявили суду, что они были очевидцами, как бежали лошади Ивана Сахарова, Степана Корковина, Алексея Сахарова и Якова Полковникова из дер. Филатовой в дер. Корковину, видели, что Степан Корковин драл бегуна Сахарова, сталкивал в сторону и сронил с него седока, а если бы Корковин этого не сделал, то общественники полагают, что лошадь Ивана Сахарова опередила бы других бегунов и владелец ее получил бы определенные за бег 35 руб., которых по милости Корковина лишился. Волостной суд признал Корковина виновным и определил: приказать Степану Яковлеву Корковину уплатить Ивану Самойлову Сахарову 30 рублей. До чего подобные случаи здесь не редки, видно уже из того, что это решение состоялось 21 января 1884 г., а уже 6 марта того же года мы находим в той же книге и другое аналогичное решение: крестьянин села Дмитровского Михайло Нестеров Зарешнов просит взыскать с крестьянина дер. Ново-Оплеухиной Викула Землянова 12 р. «за помешательство бега». Основываясь на показаниях свидетеля Якова Зарешнова, суд признал Землянова виновным в «помешательстве бегу» и, в виду добровольной уступки Зарешнова, постановил взыскать с Викула Землянова 6 рублей. Многие крестьяне из «бегов» составляют для себя постоянное занятие, разъезжая из *села в село* и участвуя в них.

Вот то небольшое из сферы обычного гражданского права крестьян Алтайского горного округа, с чем мы сочли полезным познакомить читателей. В следующей, последней статье мы остановимся на обычном уголовном праве алтайского крестьянства.

Чудновский С.Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Русское богатство: ежемесячный литературный и научный журнал. Санкт-Петербург: типолитография Б.М. Вольфа, 1894. № 7. С. 25-70; № 8. С. 185-200.

Шылова Е.П. (? – ?), педагог, член-сотрудник Общества любителей исследования Алтая.

Окончила высшие педагогические курсы в Санкт-Петербурге. По предложению С.П. Швецова, Общество любителей исследования Алтая пригласило ее разобрать собранный материал, полученный в ходе исследования 114 начальных школ Алтайского округа в 1894 г. Собранные сведения были обработаны в 1896 г., по просьбе автора окончательная редакция была проведена С.П. Швецовым.

Работа «Начальная школа в Алтайском округе в 1894 году» была опубликована в третьем томе «Алтайского сборника», издании Общества любителей исследования Алтая, изданного в 1898 г. в типографии Главного управления Алтайского округа.

Е.П. РЫЛОВА

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В 1894 ГОДУ

Из статьи П.А. Голубева о положении народного образования в Алтайском округе известно, что «до 1839 года, кроме 7 горных «частных» при заводах, во всем округе, да и во всей губернии, не было ни одного сельского училища...»¹. «В 1839 году в помощь администрации по школьному делу было призвано духовенство. Указом Синода 1838 года было предписано Томской епархии открывать школы для крестьян»². К январю 1863 года Консистория указала на 70 церковно-приходских школ, «но, – читаем дальше, – из неоднократных заявлений директора училищ и других лиц учебной администрации видно, что эти отчеты не отличались точностью, особенно с открытием в казенных селениях общих училищ, священники часто указывают на последние, как на свои, так что нередко одна и та же школа включалась в отчет священника как церковная, а в отчет штатного смотрителя – как сельское училище»³.

Школьное дело на Алтае стало выдвигаться лишь с [18]60-х годов, когда был «общий всероссийский подъем духа». «Высшая администрация идет рука об руку с общественной инициативой, – читаем у г[осподина] Голубева, – в 1864 году генерал-губернатор Западной Сибири хлопочет и получает разрешение на замену учителей-священников в сельских школах светскими лицами с тем условием, чтобы Закон Божий преподавался священниками»⁴. За 30-летний промежуток времени заботы о народом образовании сделали шаг вперед; так, в 1889 году сельских школ в Алтайском округе насчитывается 211; принимая во внимание, что пространство, на котором они раскинуты, очень велико, приходится желать возможно большего количества школ, чтобы сделать население более грамотным, чем это мы видим теперь в Сибири. «Если масса русского народа Европейской России, – по словам г[осподина] Страннолюбского, – занимает одно из самых последних мест во всем современном человечестве по своему умственному образованию,

¹ Алтай: историко-статистический сборник [по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа]. Томск: [типолитография Михайлова и Макушина]. 1890 г. Стр. 242.

² [Там же]. Стр. 243.

³ Там же.

⁴ Там же. Стр. 246.

то что сказать о Сибири, где процент грамотных для русского населения не превосходит 5-6, а для инородческого – даже 2 процента, где одна школа приходится, по официальным данным последнего времени, на 2 486 человек, расселенных по деревням, отстоящим одна от другой на десятки, даже сотни верст.

Действительно, ничем иным, как «огромным и постыдным пятном невежества является она даже рядом с пресловутым олицетворением духовной лени и неподвижности – Китаем, где, по крайней мере, 60% населения обладают начальным образованием. В Сибири до сих пор нет народного образования, как стройной государственной системы, а есть только ряд чисто филантропических усилий отдельных лиц, казенных и частных учреждений, стремящихся внести хоть частицу света в[о] тьму сибирского невежества»¹.

Такова характеристика, какую делает современному положению школьного дела в Сибири один из наших видных общественных деятелей-педагогов в журнале, посвященном вопросам народного образования. Характеристика, может быть, несколько резкая, но вполне отвечающая тому, что представляет собою Сибирь в рассматриваемом отношении в настоящее время.

Но это только общий серый фон, на котором мы не видим тех разнообразных штрихов, что в своей совокупности создают картину. И это вполне понятно: пока что для такой картины еще нет всех необходимых элементов, еще нужно собирать и разрабатывать предварительный материал.

Общество любителей исследования Алтая, стремившееся, насколько позволяли его скромные силы и средства, служить живым интересам края, не могло, разумеется, не обратить своего внимания на современное положение начального образования в Алтайском округе, не могло не сделать попытки в направлении более близкого ознакомления с этим положением.

Такая попытка была сделана в 1894 году по предложению председателя нашего общества А.Н. Недзвецкого, предложившего и самую программу исследования, в основу которой легла программа, выработанная Обществом охранения народного здоровья. Сама работа по исследованию была организована таким образом: по всем начальным школам Алтайского округа, о существовании которых могли быть собраны хоть какие-нибудь сведения, рассылались особые бланки с во-

¹ [Михайлович А. Письмо из Томска] // Образование. [1896]. № 1. С. 81.

просными пунктами программы и с просьбой к учителям дать о[б] их школах соответствующие сведения. Присланные ответы легли в основу предлагаемой статьи, которая и представляет собой сводку полученного от г[оспод] учителей материала.

Говоря о рассылке программ по школам, необходимо сказать два слова о том, насколько избранный Обществом прием ознакомления с положением начального образования оказался удачным, насколько собранного материала достаточно для общих выводов.

Прежде всего, нам придется отметить тот факт, что Совет не мог найти достаточно полных сведений о количестве существующих в Алтайском округе начальных школ. Как может быть ни много способно возбудить это обстоятельство вопросов, тем не менее, это факт, притом не заключающий в себе ничего неожиданного. Алтайские начальные школы находятся в ведении различных ведомств, из которых некоторые не публикуют своих школьных отчетов во всеобщее сведение, а если может быть и публикуют, то в таком, по всей вероятности, ограниченном количестве, что добыть иной отчет представляется делом совершенно невозможным, по крайней мере, таким оно оказалось для нашего Общества. Отчеты других ведомств, хотя и содержат в себе нужные сведения, но настолько уже запоздавшие, что пользование ими во многом оказывалось недостаточным. Все это было причиной того, что совет Общества не мог разослать свои бланки **во все** школы, существовавшие в 1894 году, некоторые из них остались совершенно незатронутыми работами Общества. Таковы, например, некоторые из школ церковно-приходских в Бийском округе, некоторые школы казачьего ведомства и т. д. В общем количество незатронутых школ не должно быть велико, так как за предыдущее время имевшиеся в распоряжении Совета сведения о школах были довольно полны, не было, следовательно, сведений о некоторых школах, открывшихся в последние три-четыре года. Зная степень быстроты, с какой у нас развивается дело начального образования, мы должны допустить, что число вновь открывшихся школ, о которых Обществу не удалось добыть сведения, не должно быть велико и не выходить за пределы единиц для каждого из существующих типов школ, кроме волостных и горнозаводских, о которых имелись полные сведения.

Другое обстоятельство, на которое необходимо указать, состоит в том, что далеко не все учителя, по неизвестным нам причинам, откликнулись на призыв Общества.

Сведения были получены всего о 114 школах. Из статьи г[осподина] Голубева видно, что в [18]89 году в Алтайском округе было 211 школ. Из 114 школ, о которых получены сведения, 21 не входят в счет тех 211, о которых говорит г[осподин] Голубев, и мы можем допустить, что все они открыты впоследствии. Если допустить, что процент вновь открытых школ среди тех, сведений о которых нет, был тот же, что и для тех, о которых сведения имеются, то общее увеличение числа школ нужно считать приблизительно на 48 для всего Алтайского округа, прибавляя какое-то число к приводимому г[осподином] Голубевым, получим приблизительное число существовавших в [18]94 г. начальных школ, именно – 259. Следовательно, школы, приславшие сведения по программе Общества, составляют значительно меньше половины всех школ – 44,4%.

Из этого видно, что материал, находящийся в нашем распоряжении, далеко не полон. Не можем мы также сказать, что доставленные г[осподами] учителями сведения были всегда удовлетворительно составлены, особенно это относится к школам церковно-приходским и школам грамоты. Но и за всем тем материал, составленный Обществом, содержит в себе столько ценных данных, что разработка его представляет значительный интерес не только местный, для Алтайского округа, но и более общий и широкий.

В дальнейшем изложении весь имеющийся материал нами сгруппирован по тем признакам, различие которых дают сами школы, совершенно независимо от административных делений (уездов), на которые разбит Алтайский округ:

- 1) школы сельско-волостные,
- 2) школы церковно-приходские,
- 3) школы грамоты,
- 4) школы горнозаводские,
- 5) школы миссионерские,
- 6) школы казачьи,
- 7) частная школа – Константиновская.

Сельско-волостные¹ школы по своему типу близко подходят к земским школам в Европейской России; имеют 3-годовалый курс и дают право окончившим курс ученикам получать льготные свидетельства IV-го разряда по отбыванию воинской повинности. Содержатся эти школы на средства губернского земского сбора, сельских и волостных

¹ Сообщаемые сведения заимствованы из «Алтая», 1890 г.

обществ, находятся в ведении Министерства внутренних дел и под непосредственным наблюдением чиновников по крестьянским делам; в педагогическом отношении они подчинены Министерству народного просвещения, которое наблюдает за ними через штатных смотрителей уездных училищ. Школы этого типа существуют с 1860-х гг.

Школы духовного ведомства (церковно-приходские и грамоты) стали усиленно открываться с 1887 года, когда на их устройство было назначено 30 000 рублей (по 10 000 руб. в год) из губернских и волостных средств; деньги эти находятся в распоряжении епархиального училищного совета, откуда школы и получают свое содержание с незначительной приплатой от сельских обществ и частных лиц. Ученики школ церковно-приходских, по окончании 3-годичного курса, имеют право на льготное свидетельство IV-го разряда. Школы грамоты, с годичным и двухгодичным курсом, правом этим не пользуются.

Школы миссионерские средства получают исключительно из Алтайской духовной миссии. Большинство учащихся – киргизы и калмыки. Обучение религиозное, подспорьем к которому служат грамотность и письмо; преподавание ведется на русском языке. Свидетельств на льготу по воинской повинности окончившие ученики не получают.

Школы казачьи открываются и содержатся казачьим войсковым хозяйственным управлением. Продолжительность курса и права те же, что и в школах сельско-волостных. Как хозяйственной, так и педагогической сторонами дела заведует войсковое начальство.

Школы горнозаводские ведут начало своего существования с прошлого столетия¹. «Наиболее прочная организация с правильными штатами дана горнозаводским школам Положением 4-го августа 1836 года; в своих главных частях это Положение действует и донныне, с изменением лишь программ преподавания и вознаграждения учителям»². Как хозяйственной, так и педагогическую частями заведует Главное управление Алтайского округа. «Специально для школ не имеется ни заведующих лиц, ни особого учреждения. За школами наблюдают те же чины заводоуправления, у которых на руках находится масса и своих специально заводских обязанностей»³, – говорит г[осподин] Голубев. В действительности это несколько не так: в учебном отношении школы подчинены управляющему Барнаульским горным училищем, кото-

¹ Т. е. XVIII в. (Ред.)

² «Алтай», стр. 279.

³ Там же. Стр. 282.

рый в то же время является и инспектором начальных горнозаводских школ; ему же представляются и отчеты школ об успехах преподавания.

Курс 3-годичный, окончившие получают льготное свидетельство IV-го разряда по воинской повинности.

Единственная частная школа, о которой имеются сведения в наших материалах, находится в Бийском округе, на стекольном заводе и принадлежит владельцу завода И.К. Платонову, исключительно на средства которого она и содержится. В педагогическом отношении она подчинена училищной администрации наравне с волостными и сельскими школами.

Сообразно принятой советом Общества любителей исследования Алтая программе, собранный материал распределен нами в таком порядке:

1) школьные помещения: сюда вошли все данные о самих школах и их обстановке, рассматриваемые с точки зрения санитарно-педагогической;

2) учительский персонал: состав преподавателей, степень их подготовки к педагогической деятельности, материальное положение и проч.;

3) учащиеся: их численность, распределение по школам и проч.;

4) средства, на которые содержатся школы каждого из перечисленных выше типов начальных школ.

ШКОЛЬНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ

Из имеющихся данных о 114 школах рассмотрим те, которые относятся к устройству школьных помещений, и постараемся выяснить, насколько последние удовлетворяют требованиям современной школьной гигиены. Сельские школы в Алтайском округе помещаются в зданиях собственных, общественных, казенных и принадлежащих частным лицам или церкви. «Собственным» помещением называется то, которое куплено или выстроено специально для школы; «общественным» помещением – то, которое принадлежит всему сельскому обществу, но по приговору отведено под школу. «Казенное» помещение – временное помещение школы в казенном доме. Группируя по этим признакам все школы, о которых в нашем распоряжении имеются материалы, получаем следующую таблицу.

Школы	Всего школ	Школы помещаются в домах:					
		собственных	наемных	общественных	церковных	частных	казенных
Сельско-волостные	38	28	4	5	«	1	«
Церковно-приходские	41	17	4	«	20	«	«
Грамоты	16	3	4	1	7	1	«
Горнозаводские	8	«	«	«	«	«	8
Миссионерские	5	3	«	«	1	1	«
Казачьи	5	5	«	«	«	«	«
Частные	1	«	«	«	«	1	«
Итого	114	56	12	6	28	4	8

Если более или менее обеспеченными школами будем считать те, которые имеют собственные и казенные здания, а также Константиновскую школу, то из выше приведенной таблицы увидим, что таких школ всего 65, более половины школ собственными помещениями не обеспечены. Рассматривая те же цифры в применении к принятым группам школ, находим: казачьи школы все имеют **свои** помещения; из школ сельско-общественных – почти три четверти (73,7%); церковно-приходские – менее половины (40,8%); школы грамоты имеют свои помещения всего только три (18,7 %) и т. д. **Наемными** помещениями пользуются сельско-волостные школы (10,5%), церковно-приходские (12,8%) и школы грамоты (25,0%); **общественными** – сельско-волостные (13,1 %) и одна школа грамоты. **Частными** помещениями пользуются сельско-волостные школы – одна, школы грамоты – одна и миссионерские – одна же, да Константиновская школа г[осподина] Платонова. С **казенными** помещениями мы встречаемся в горнозаводских школах, из которых нет ни одной, которая пользовалась бы каким-нибудь иным помещением.

Очень многие школы грамоты (43,7%) помещаются в церковных сторожках, такими же сторожками пользуются около половины (48,8%) церковно-приходских школ и одна миссионерская.

Как с педагогической, санитарной, так и с общественно-культурной точки зрения чрезвычайно важно знать положение школы по отношению других зданий и учреждений селения. Нельзя назвать нормальным со стороны как педагогической, так и общественно-культурной, когда школа помещается рядом с кабаком, где можно постоянно видеть сцены менее всего уместные для школы; то же нужно сказать о близости

волости, где производится «суд и расправа», наказание розгами отцов и братьев школьников и проч. Не может быть желательным с тех же точек зрения помещение школы в непосредственном соседстве с этапом, острогом, госпиталем; с педагогической стороны – помещение школы в жилом доме и т. д. Школьная гигиена находит нежелательным помещение школ в церковных оградах, куда приходят больные всевозможными болезнями, приносят покойников и т. д., что может оказывать влияние на состояние здоровья детей. Желательно избегать даже близости жилых домов, скученности построек и проч. Самое желательное положение школы вблизи реки, роши, на открытой площади и проч. Группировка имеющегося материала в этом направлении дает следующую таблицу:

Школы	Всего школ	Число школ, около которых помещаются:						
		церковь	жилые дома	лавки	питьей[ые] завед[ения]	волостн[ые] правл[ения]	роша, река, площадь	этап
Сельско-волостные	38	20	25	5	1	15	1	1
Церковно-приходские	41	37	24	2	2	«	«	«
Грамоты	16	8	9	«	1	«	1	«
Горнозаводские	8	3	8	«	«	«	«	«
Миссионерские	5	1	1	«	«	«	«	«
Казачьи	5	«	4	«	«	«	1	«
Частные	1	«	«	«	«	«	1	«
Итого	114	69	71	7	4	15	4	1

Имеющийся материал не дает ответа, сколько из 69 школ, находящихся вблизи церквей, помещается в церковной ограде и сколько школ в соседстве с церковью. В большинстве случаев в селениях Алтайского округа церкви находятся на открытых площадях среди села, почему школы, помещающиеся вне церковных оград, но вблизи церквей, должны быть отнесены к числу тех, которые поставлены, с рассматриваемой точки зрения, в наиболее благоприятные условия. Этого, конечно, нельзя сказать о школах, находящихся в церковных оградах, и тем более, в самом церковном здании – в сторожках. Не нужно забывать, что в церковных оградах нередко находится и сельское кладбище, близость к которому школ не может быть желательной.

Рассматривая остальные графы той же таблицы, убеждаемся, что в большинстве случаев положение школы не может быть признано вполне удовлетворительным: школ, находящихся на открытом месте, вблизи рощи, реки всего 4, считая, в том числе, частную Константиновскую. Большинство же школ находится вблизи жилых домов (62,3%), несколько более $\frac{1}{8}$ школ (13,1%) находится в непосредственном соседстве с волостным правлением, четыре школы – рядом с кабаком, одна – этапом.

Школа должна помещаться в здании, построенном на совершенно открытом со всех сторон месте. Не только питейные заведения, волостное правление, лавки, даже жилые избы не должны окружать школу потому, что разговорный шум, смех, пение, брань и т. п. – все врывается в класс во время занятий и мешает работать. Так, учитель школы грамоты Боровлянской (Кайлинской вол., Томского окр.) говорит: «Благодаря близости кабака, в летнее время все срамословие и сквернословие целиком проникает в комнату и приходится бросать занятия и без надобности увольнять детей домой, пока не прекратится поток ругани».

Обратимся к отдельным категориям школ. Огромное большинство школ церковно-приходских помещаются около церкви или среди деревни – 95,1%; 4,9% имеют рядом питейное заведение и лавки¹.

Сельско-волостных школ помещается около церкви 52,6%, среди деревни – 65,8%, рядом с волостным правлением – 39,5%, рядом с этапом – 2,6%², с питейным заведением – 2,6%³, одна школа помещается на совершенно открытом месте около рощи, вблизи реки.

Школы горнозаводские все помещаются среди жилых домов, кроме того 3 из них⁴ – в одном здании с госпиталем для рабочих или с заводской конторой.

Из казачьих – одна школа около рощи и 80 % – около жилых домов.

Местность, где помещаются школы миссионерские, известно о двух школах, одна около церкви, другая – среди деревни.

Частная Константиновская школа находится «среди площади, совершенно отдельно».

¹ Федосовская (Ординской вол., Барнаульского окр.) и Батуриная (Спаской вол., Томского окр.).

² Шемонаевская (Александровской вол., Бийского окр.).

³ Тюменцевская (Кулундинской вол., Барнаульского окр.).

⁴ Змеиногорская, Николаевская (Александровской вол.), Белоусовская (Бобровской вол.).

Может быть еще более неблагоприятны условия, в каких находятся алтайские школы по отношению садов, школьных дворов и проч., где бы дети могли, отдыхая от занятий, играть и бегать, что для них, безусловно, необходимо. Относящиеся сюда цифры показывают следующее:

Школы:	Число школ	Имеют около дома:			
		Огород	Двор	Сад	Итого
Сельско-волостные	38	7	16	7	30
Церковно-приходские	41	3	8	3	14
Грамоты	16	«	1	«	1
Горнозаводские	8	«	5	3	8
Миссионерские	5	«	1	«	1
Казачьи	5	1	2	«	3
Частная Константиновская	1	1	1	1	3
Итого	114	12	34	14	60

На 114 школ приходится всего 60, имеющих сад, огород или двор (52,7%). «Ученикам негде играть», «ученики играют на улице, нет двора», «нет места для игры и отдыха ученикам, играют на площади перед домом», «место для огорода есть, но никто не сочувствует и не загородит его» и т. д., и т. д. пишут учителя в своих ответах на разосланную программу. Рассматривая школы по категориям, видим, что если и есть отведенные куски земли, то в большинстве это приходится на долю школ сельско-волостных – 76,3%, если исключить школы горнозаводские, каждая из которых пользуется школьными дворами, и школу Константиновскую, около которой есть сад, и огород, и большой двор. Церковно-приходские школы имеют всего лишь 14 школ с[о] двором или садом (34,1%), да и то сад зачастую принадлежит не школе, а церкви (церковная ограда), и пользование им для школы недоступно. Казачьих школ, имеющих дворы и огороды – 60%, миссионерских – 20%. Что касается школ грамоты, то из них только одна имеет двор, который характеризуется учителем в таких словах: «двор при школе самый укромный». Есть такие педагоги из алтайских господ учителей, которые имеют на этот предмет вполне «упрощенный» взгляд. В ответе о Мануиловской школе грамоты (Ояшинской вол., Томского окр.) читаем: «Сада нет. Учитель игр не признает, по его личному мнению ученикам достаточно упражнения в добродетели и в духовных науках».

От положения, занимаемого школой, обратимся к самим школам, правильнее выражаясь, к школьным зданиям и посмотрим, насколько они удовлетворяют элементарным требованиям школьной гигиены.

По характеру построек все школьные здания деревянные, исключая Кольванскую горнозаводскую школу, здание которой каменное. Большинство зданий одноэтажные (92,2%), крыши почти везде тесовые (97,8%): только две горнозаводские школы имеют железные крыши, да Ярковская (Карасукской вол., Барнаульского окр.) церковно-приходская школа имеет крышу дерновую. Из 94 школ, о которых у нас имеются в этом отношении данные, в 21 крыши так ветхи и плохи, что протекают (23,3%). В сельско-волостных школах здания с протекающими крышами составляют 21,4%; нужно заметить, что такие крыши имеют «собственные» здания¹. Школ церковно-приходских с протекающими крышами 8,6%, а школ грамоты – 25%. Самый же большой процент никуда не годных, дырявых, протекающих крыш падает на школы миссионерские – 60% и школы казачьи – 40%.

От крыш обратимся к стенам, состояние которых в школьных зданиях определяет и температуру в них зимою.

Число школ со стенами:	Сельско-волостн[ые]	Церковно-приходск[ие]	Грамоты	Горно-заводск[ие]	Миссионерские]	Казачьи	Частн[ые]	Итого
Обтесанными	17	12	4	8	«	4	1	46
Оштукатуренными	10	6	2	7	«	4	1	30
Оклеенными	«	1	«	1	«	«	«	2
Общее число школ	29	31	13	8	5	5	1	98 ²

Внутренняя отделка стен в 52 школах (53%) представляет из себя «стены просто бревенчатые», употребляя выражение одного из учителей. Обтесанные стены имеют 46 школ (47,0%). Обтесанные же стены не во всех известных нам школах оштукатурены, а лишь в 30, что составляет 30,6%. Оклеенных обоями 2 школы (2,0%). Самый большой процент школ,

¹ Некоторые школьные здания очень стары: так, в Аче (Кайлинской вол., Томского окр.) здание существует 85 лет, Карпысакская (Кайлинской вол.) – 75 лет и т. д.

² О 16 школах сведений не имеется.

имеющих оштукатуренные стены, находим в школах горнозаводских – 87,5%. Казачьи оштукатуренные стены имеют 80%. В церковно-приходских школах [о]штукатуренные стены всего в 6 школах – 16,1%, в школах грамоты – 15,3%. Из миссионерских же нет ни одной школы, не только с [о]штукатуренными стенами, но даже с обтесанными. В школе Ынырской (Бийского окр.) «здание со времени постройки не конопачено».

Школа Константиновская (частная) имеет не только обтесанные и выштукатуренные стены, но и «окрашивается известкой два раза в год». Нужно думать, что и во всех остальных школах с оштукатуренными стенами, последние «окрашиваются известкой» или мелом, хотя отметок об этом и не находим в ответах учителей.

Во многих школах стены сыры, покрыты плесенью, промерзают, что не может не отражаться на здоровье как детей, так и преподавателей.

Стены в школах	Сельско-волостн[ые]	Церковно-приходск[ие]	Грамоты	Горно-заводск[ие]	Миссионерские]	Казачьи	Частн[ые]	Итого
Покрыты плесенью	5	«	2	?	3	1	«	10
Промерзают	8	7	3	?	3	1	«	22
Общее число школ	28	30	13	8	5	5	1	90 ¹

Школы с промерзающими стенами составляют 24,4 %, а с[о] стенами покрытыми плесенью – 11,1%. Более всего промерзающих стен имеют школы миссионерские – 60%, затем следуют сельско-волостные – 28,5%, церковно-приходские – 23,3%, грамоты – 23% и казачьи – 20%. Только школа Константиновская вполне удовлетворительна. Не удивительно, что очень многие учителя жалуются на неудовлетворительное состояние крыш и стен в школьных зданиях.

Приведем здесь наиболее характерные в этом отношении отзывы г[оспод] учителей.

Пайвинская (Кривошековской вол., Томского окр.) **церковно-приходская** школа. «...Здание собственное, тесное, неудобное, во время дождя все льет в класс, сырость страшная».

Афонинская (Бачатской вол., Кузнецкого окр.) **церковно-приходская**. «Во время ветров и пурги всю школу насквозь продувает, не-

¹ О 27 школах сведения не доставлены.

возможно сидеть даже в шубах, в означенные дни ученики не занимаются»...

Шелковниковская (Тутальской вол., Томского окр.) **церковно-приходская**. «Стены всю зиму промерзают, сыро и холодно, особенно во время ветра – всю школу продувает, сидят дети в шубах».

Лосихинская (Верх-Чумышской вол., Барнаульского окр.) школа **грамоты**. «Церковная сторожка, где помещается школа, крайне мала, неудобна, холодна. Стены промерзают, сырость страшная, холодно сидеть даже в шубах»...

Черемновская (Шадринской вол., Барнаульского окр.) **церковно-приходская**. «Крыша деревянная, покрытая землей, через которую весной во время таяния снега и дождей вода протекает в класс».

Лосихинская (Верх-Чумышской вол. Барнаульского окр.) школа **грамоты**. «В здании сырость, углы и стены промерзают, углы плесневеют. Так холодно, что дети сидят в шубах во время занятий».

Бийская (Бийского окр.) **миссионерская**. «Крыша деревянная, ветхая, весной и осенью сильная течь. Ремонта не бывает. От течи плесень, грибы на стенах, углы промерзают. Здание со времени постройки не конопачено. Так студено, что ученики сидят в шубах или уходят домой»...

Тюдралинская (Ануйской вол., Бийского окр.) **миссионерская**. «Холодно, невозможно заниматься, стены насквозь промерзают и плесне[ве]ют».

Маральевская (Антониевская ст[аница]) **казачья**. «Во время буранов на чердаке снег, падающий через трубы; весной, от тающего снега на чердаке, в класс каплет с потолка. Во время ветров и буранов класс настолько выстывает, что дети сидят в шубах; тепловых рам не вставляется».

Николаевская (Антониевская ст[аница]) **казачья**. «...Вследствие нерадения общества, которое дает сырой тальник, да и то редко, в классе такой ужасный холод, что невозможно заниматься, дети или сидят в шубах, или уходят домой».

Ояш[инская] ([Ояшинской] вол., Томского окр.) **сельско-волостная**. «Крыша во время дождей протекает так, что вода течет во всю высоту углов».

Христо-Рождественская (Кузнецкой вол., Кузнецкого окр.) **сельско-волостная**. «Зимой углы промерзают, после чего бывает сильная сырость. Училище основано [в] 1875 году. С тех пор не было ремонта, да и по всей вероятности не будет. Крыльцо совсем развалилось».

Сары-Чумышская (Уксунайской вол., Кузнецкого окр.) **сельско-волостная**. «Стены, углы промерзают, в классе зимой так холод-

но, что без шубы невозможно заниматься, душно, дымно, печи коптят; сажи, копоти на стенах на $\frac{1}{2}$ вершка».

Шеманаевская¹ (Александровской вол., Бийского окр.) **сельско-волостная**. «Крыша деревянная, протекает, углы и косяки промокают насквозь. Зимой углы и за косяками промерзает. Рамы плохи, стары, зимой мокнут, пропускают холод, потеют, на подоконниках в морозы лед, а весной вода льет».

Чистюньская ([Чистюньской] вол., Бийского окр.) **сельско-волостная**. «Дует. Если накалить печь, **t-ra** подымается до 20° - 23° R; ученики угорают, жалуются на головные боли, уходят домой; иначе же **t-ra** $8-11^{\circ}$ R».

Читая эти краткие характеристики, деланные учителями своим школам, кажется, что они сделаны одним лицом, написаны одной рукой, до того сходны условия, в каких находятся школы, разбросанные по всему обширному Алтайскому округу. Нужно проникнуться этим единоклассным воплем десятков безвестных тружеников, чтобы понять всю неудовлетворительность и ненормальность того положения, в каком находится дело начального образования в Алтайском округе.

Если, как видно из ответов учителей², школы всех категорий очень неудовлетворительны со стороны стен и крыш, то не лучше содержатся и полы.

Школы ³ :	Число школ, о которых имеются сведения	Число школ с полами:		
		С накатом	Без наката	Крашеными
Сельско-волостные	28	18	10	9
Церковно-приходские	30	7	23	5
Грамоты	13	4	9	2
Горнозаводские	8	4	4	6
Миссионерские	5	2	3	1
Казачьи	5	1	4	1
Частная Константиновская	1	1	«	1
Итого	90	37	53	25

Из приведенной таблицы видно, что большинство школ имеют полы неудовлетворительного устройства: значительное большинство школ

¹ Современное написание – Шеманаевская. (Ред.)

² За недостатком места приведены только некоторые из них.

³ В 24 школах по этому вопросу сведения не доставлены.

(58,9%) имеют полы одинарные, без земляного под ним наката, причем окрашены полы всего лишь в 25 школах (27,8%). Есть школы, где вместо пола земля, где пол полусгнил, имеет дыры, в которых можно сломать ногу и т. д. Наиболее плохих полов, без наката, имеют школы казачьи – 80%, церковно-приходские – 76,7%, грамоты – 69,2% и миссионерские – 60%. Вот несколько относящихся сюда характеристик, сделанных учителями:

Тюдралинская (Ануйской вол., Бийского окр.) **миссионерская**. «Пол без наката, прожжен так, что можно свободно вступать в дыры».

Черемновская (Шадринской вол., Барнаульского окр.) **церковно-приходская**. «Без наката, в одной комнате деревянный, в другой – земляной».

Ярковская (Карасукской вол., Барнаульского окр.) **церковно-приходская**. «Пол без наката, старый, весь в дырах».

«Пол плох», «пол со щелями», «пол шатается» читаем отзывы учителей школ грамоты и церковно-приходских. Хотя большинство школ сельско-волостных (64,3%) и половина школ горнозаводских (50,0%) имеет полы с накатом, и хотя таких школ в этих двух разрядах более, чем в любом из остальных, тем не менее и среди сельско-волостных школ есть такие, которые имеют очень плохие полы; то же и в школах горнозаводских.

Ояшинская ([Ояшинской] вол., Томского окр.) **сельско-волостная**. «Пол расшатался, расцелился, нужен ремонт».

Тюменцевская (Кулундинской вол., Барнаульского окр.) **сельско-волостная**. «Пол без наката, имеет огромные щели, дует».

Шемонаевская (Александровской вол., Бийского окр.) **сельско-волостная**. «Пол деревянный без наката, неровный, плахи все шевелятся, при ходьбе стук и скрип. Щели между досками так велики, что ручки, карандаши, линейки свободно исчезают под пол».

Крутихинская (Бурлинской вол., Барнаульского окр.) **сельско-волостная**. «Без наката, от времени в некоторых местах прогнило так, что имеет сквозные щели, дыры, через которые весной и осенью проходит сильная сырость».

Окрашенных полов в школах очень немного – 27,8%. Большинство окрашенных полов имеют школы горнозаводские – 75%, затем сельско-волостные – 32,1%, миссионерские и казачьи – по 20%, а школы церковно-приходские – 16,6%, школы грамоты – всего лишь 15,5%.

Как часто возобновляется окраска, сведений в наших материалах нет, хотя с точки зрения школьной гигиены этот вопрос и не может быть безразличным.

После всего только что изложенного, становится вполне понятным, что во многих школах настолько холодно, что дети должны сидеть в шубах, а в некоторых и это невозможно, приходится отпускать детей домой. Чтобы покончить с этим, сгруппируем отзывы учителей по двум признакам: во-первых, где просто «холодно» и, во-вторых, где настолько холодно, что дети должны сидеть во время занятий в шубах. Получается следующая любопытная таблица:

Число школ, в которых:	Сельско-волостн[ые]	Церковно-приходск[ие]	Грамоты	Горно-заводск[ие]	Миссионерск[ие]	Казачьи	Частн[ые]	Итого
Холодно	11	11	5	?	4	2	«	32
Дети сидят в шубах	2	8	5	?	3	2	«	20
Общее число школ ¹	33	36	13	8	5	5	1	101

Таким образом, около трети школ (31,6%), в которых очень холодно, и более одной пятой школ (19,3%), в которых невозможно заниматься без теплых шуб. Наибольший процент холодных помещений (80 %) принадлежит школам миссионерским и казачьим (40%). Насколько холодно в них, мы уже видели из заявлений учителей. Из школ церковно-приходских – 30,5% холодных, а 22,2%, в которых дети могут сидеть не иначе, как в шубах. В школах грамоты большинство помещений очень холодных и т. д.

Придерживаясь принятого порядка, приведем несколько общих отзывов г[оспод] учителей.

Локтевская (Легостаевской вол., Барнаульского окр.) **грамоты**. «Школа помещается в здании, нарочито выстроенном при церковной сторожке. Холодно ужасно. Ученики сидят в шубах».

Боровлянская (Кайлинской вол., Томского окр.) **грамоты**. «Зимой в школе такой страшный холод, что в 1893/4 году лопнули от мороза две чернильницы, бутылка с чернилами промерзла и чернила испортились. Печь дымит постоянно, все книги, вещи и платье пропитываются каким-то зловонием».

Шипуновская (Алейской вол., Бийского окр.) **церковно-приходская**. «Зимой такой холод в классе, что ученики сидят в шубах, здание старое, тепловые рамы ветхи, вставляются плохо. Печь совсем не греет».

¹ Сведений по этому вопросу не дано в 13 школах.

Выдрихинская (Александровской вол., Бийского окр.) **церковно-приходская**. «Тепловых рам не имеется. В классе холодно ужасно, сидят в шубах, воздух тяжелый, дым выкидывается из плохо устроенной печи, дети угорают».

Школы сельско-волостные тоже имеют много помещений холодных (33,3%), но школ, где настолько холодно, что дети принуждены сидеть в шубах, немного (6,1%). 25% школ холодных и 12,5% школ, в которых дети сидят в шубах. О трех горнозаводских школах сведений не имеется, об остальных же 5 школах находим отметки: «тепла достаточно», «тепло», «дети не зябнут» и т. п.

Ко всему сказанному будет не лишним прибавить, что в **пяти** школах, о которых имеются соответствующие данные, нет в окнах двойных рам, с чем школьная гигиена, разумеется, примириться не может ни в каком случае. Вот эти школы: Маральевская казачья, Тюдралинская и Быстринская миссионерские, Выдри[хи]нская и Черемновская церковно-приходские.

Кроме всего вышеизложенного, классные помещения в сельских школах Алтайского округа тесны, темны и недостаточно освещены. На втором съезде врачей губернского Московского земства в 1877 году выработаны и установлены следующие требования, какие могут быть предъявляемы школам со стороны простора и света: «На одного ученика квадратной площади пола должно быть **не менее 2,75 кв. арш[ина]**. Кубического содержания на одного ученика должно приходиться не менее 11,8 куб. арш[ина]. Процентное отношение световой поверхности к площади пола должно быть не менее 17%»¹.

Попробуем прикинуть эту мерку к тому, что нам дает действительность Алтайского округа, насколько она отразилась в лежащих перед нами материалах. Измерение 119 классных комнат в 105 школах дало следующие результаты:

Средний размер площади пола классной комнаты – **66,8 кв. ар[шина]**.

На одного ученика классной площади пола – **2,4 кв. ар[шина]**.

Средний размер кубического содержания классных комнат – **258,7 куб. ар[шина]**.

На одного ученика кубического содержания воздуха – **9,3 куб. ар[шина]**.

¹ [Орлова В.И.] Народное образование в Московской губернии. [Москва: Моск. губ. земство], 1884 г., стр. 126.

Процентное отношение световой поверхности к площади пола в среднем (для 104 школ – 118 комнат) – **13,6%**.

Из этого видно, что алтайские школьные помещения не удовлетворяют требованиям в каком бы отношении из установленных выше, мы их не взяли: воздуху менее требуемого на 2,5 куб. арш[ина] на одного ученика; процентное отношение световой поверхности менее на 3,4%; квадратная же площадь пола в среднем менее нормы на 0,3%. Чтобы яснее очертить рассматриваемое явление, сопоставим алтайские школы с начальными земскими школами Московской¹ и Новгородской² губерний. Оказывается, что школы Алтайского округа несравненно «душнее» и темнее, чем земские школы названных губерний.

Площадь пола в среднем на одну классную комнату алтайский школ = **66,8** кв. арш[ина], в Новгородской губернии = **84,6** кв. арш[ина], в Московской губернии = **107,6** кв. арш[ина]; кубическое содержание воздуха в алтайских школах = **258,7** куб. арш[ина], в Новгородской губернии = **312,1** куб. арш[ина], а в Московской губернии = **427** куб. арш[инов].

Рассмотрим теперь какие средние размеры имеют классные помещения в различных категориях школ:

Школы:	Всего школ	Число школ измеренных	В них классн[ых] комнат	Площадь их пола в квадрат[атных] арш[инах]	Площадь пола в среднем на 1 классную комн[ату]	На 1 ученика квадратн[ых] арш[ин] площади пола	Кубическое содержание классн[ых] помещ[ений] в арш[инах]
Сельско-волостные	38	36	40	3316,0	82,9	2,4	12268,0
Церковно-приходские	41	37	41	2078,0	50,7	1,9	7273,0
Грамоты	16	13	13	730,6	56,9	2,3	2702,9
Горнозаводские	8	8	11	1061,5	96,5	4,3	5413,1
Миссионерские	5	5	5	231,0	46,2	1,9	1178,0
Казачьи	5	5	8	420,5	52,6	2,8	1428,4
Частные	1	1	1	114,3	114,3	3,9	525,8
Итого	114	1105	119	7952,5	66,8	2,4	30789,2

¹ [Орлова В.И.] Народное образование в Московской губернии. 1884 г., стр. 125.

² Тютрюмов [И.М.] Народная школа на Севере // Рус[ская] мысль. 1888. Январь. Стр. 80.

Продолжение таблицы

Школы:	Кубическое содержание [ие] в сред[нем] на 1 школу	На 1 ученика кубическ[их] арш[ин]	Светов[ая] поверх[ность] в классах в квадратн[ых] арш[инах]	% отношен[ие] светов[ой] поверх[ности] к площади пола	Число учащихся в измерен[ных] школах	
					Всего	Среднее
Сельско-волостные	306,7	8,9	476,5	14,4	1375	36
Церковно-приходские	177,4	6,9	287,8	13,7	1041	28
Грамоты	207,9	8,6	88,2	12,0	314	24
Горнозаводские	492,1	21,7	135,0	12,7	249	31
Миссионерские	235,6	9,3	45,3	19,6	127	25
Казачьи	178,8	9,5	38,0	9,0	151	30
Частные	525,8	14,2	Неизвестно		37	37
Итого	2124,3 ¹	9,3	1070,8	13,6 ²	3294	31

Сравнивая данные размеры с требованиями школьной гигиены, принятыми 2-м съездом врачей, видим, что школа частная Константиновская вполне удовлетворительна, как в отношении квадратной площади пола, так и по кубическому содержанию воздуха; к сожалению, нет данных о размерах окон, почему и неизвестно процентное отношение световой поверхности к площади пола.

Школы духовного ведомства очень далеки от удовлетворения требованиям школьной гигиены; так, квадратная площадь пола на одного ученика в церковно-приходских и миссионерских школах ниже требуемого на 0,85 кв. арш[ина]. В школах грамоты – на 0,4 кв. арш[ина]. Кубическое содержание воздуха на одного ученика менее в церковно-приходских на 4,9 куб. арш[ина], в школах грамоты – на 3,2 куб. арш[ина] и в миссионерских – на 2,5 куб. арш[ина]. В церковно-приходских школах, несмотря на небольшое количество учеников (в среднем 28 человек на школу), по тесноте помещения пришлось отказать в 7 школах из 41. Каменская, наприм., (Бурлинской вол., Бар-

¹Цифра подсчитана редактором, в источнике опечатка (268,7).

²Процентное отношение световой поверхности к площади пола вычислено: взято не 7952,5 кв. арш[ина] общей площади пола, а 7838,2 кв. арш[ина], т. е. на 114,3 [менее].

наульского округа) церковно-приходская: «Школа так мала и тесна, что может едва вместить 25 человек, а учеников 35, приходится с 10-ю заниматься после обеда отдельно». Из 16 школ грамоты отказано в приеме в 3 школах: Власихинской (Шадринской вол., Барнаульского окр.), Лосихинской (Верх-Чумышской вол., Барнаульского окр.) и Парфеновской (Касмалинской вол., Барнаульского окр.). В некоторых же школах учеников 5-6 человек, так что «не только отказывать, звать приходится»¹.

Процентное отношение световой поверхности к площади пола менее необходимого на 3,3% в церковно-приходских школах и на 5% – в школах грамоты. Школы миссионерские освещены достаточно.

Школы горнозаводские удовлетворительны со стороны квадратной площади пола: на ученика в среднем приходится 4,3 кв. арш[ина]; куб[ического] содержания воздуха – 21,7 куб. арш[ина], что выше требований на 10,7 куб. арш[ина], но свету в классах маловато, так как процентное отношение световой поверхности к поверхности пола менее нормы на 4,3%. В приеме отказано по неизвестным причинам в 2-х школах.

От недостатка освещения страдают больше всего школы казачьи – на 8% менее процентного отношения световой поверхности к площади пола. Воздуха не хватает на одного ученика 1,5 куб. арш[ина]. Отказано в приеме из 5 школ в 3-х.

Что касается до школ сельско-волостных, то они также не могут быть признаны удовлетворительными со стороны необходимого количества воздуха и света. Так, кубического содержания воздуха не хватает против нормы на одного ученика 2,1 куб. арш[ина], а процентное отношение световой поверхности – менее на 2,6%. Но все-таки эти школы ближе к норме, чем школы церковно-приходские и грамоты, тем более, что учащихся в среднем на школу здесь более, чем в церковно-приходских; в первых – 36 учеников, а во вторых – 28, а в школах грамоты – 24. Отказано по тесноте помещения в 13 школах из 38.

Не удовлетворяя по размерам требований школьной гигиены, школьные помещения лишены к тому же и необходимой вентиляции.

¹ В следующих главах об этой стороне дела придется говорить подробнее.

Школы	Общее число школ	Вентиляторы:				
		в окне	в печи	в стене	продырявленные листы	итого
Сельско-волостные	37	15	3	9	1	28
Церковно-приходские	40	6	5	14	«	35
Грамоты	13	2	1	1	«	4
Горнозаводские	8	7	«	«	«	7
Миссионерские	5	2	«	1	«	3
Казачьи	5	«	«	1	1	2
Частная Константиновская	1	1	«	«	«	1
Итого	109	33	9	26	2	70

Из 109 школ всего 70 (64,2%) имеют какую-либо вентиляцию, а 35,8% школ совершенно не вентилируются. Из 70 школ более или менее нормальную вентиляцию (оконную и печную) имеют 42 школы, причем оконную – 33 школы (30,3%), печную – 9 школ (8,2%). Большинство вентилируемых помещений принадлежит школам горнозаводским – 87,5%, сельско-волостным – 40,5% и миссионерским – 40%. Школ же церковно-приходских всего 15% и грамоты – 15,4% с оконной вентиляцией. В казачьих – ни в одной школе нет оконной или печной вентиляции. В 28 школах, насколько можно судить по отзывам учителей, вентиляция очень плоха. Некоторые из этих отзывов весьма характерны.

Лосихинская (Верх-Чумышской вол., Барнаульского окр.) **грамоты**. «Дыра в стене, заткнутая тряпицей».

Семено-Красиловская (Верх-Чумышской вол., Барнаульского окр.) **церковно-приходская**. «Пробита в стене дырка, да из под дверей дует».

Шемонаевская (Александровской вол., Бийского окр.) **сельско-волостная**. «Есть в стене с восточной стороны дыра, чем и вентилируется класс, ужасно душно, очень часто приходится во время уроков отворять наружную дверь...холодно».

Коуракская (Тарсминской вол., Кузнецкого окр.) **церковно-приходская**. «Для вентиляции сделано одно круглое отверстие в стене, имеющее диаметром $\frac{3}{4}$ вершка, закрывается деревянной втулкой».

Большинство ответов о стенной вентиляции в этом роде, но мы не приводим их здесь, не желая излишне растягивать статью.

Каждая сколько-нибудь благоустроенная школа должна иметь особую рекреационную комнату, где дети могли бы проводить время в переменах между уроками, когда классы должны подвергнуться вентиляции. Точно так же школа должна иметь особую комнату – прихожую, где оставлялось бы верхнее платье приходящих школьников, т. к. оставаться в шубах во время урока или же сваливать их в самой классной комнате неудобно во всех отношениях и, между прочим, в том, что это еще более способствует порче воздуха в классе, что не должно допускаться ни в коем случае. Как в том, так и в другом отношении алтайские школы оставляют желать весьма многого.

Число школ:	Сельско-волостн[ие]	Церковно-приходск[ие]	Грамоты	Горнозаводск[ие]	Миссионерск[ие]	Казахи	Частная	Итого
Общее, о которых имеются сведения	29	33	14	8	5	5	1	95
Имеющих рекреационные комнаты	1	1	«	1	1	1	«	5
Имеющих теплые передние	26	16	4	4	1	3	1	55

Школ, имеющих особые рекреационные комнаты всего лишь 5 из 95, о которых имеются соответственные отметки, т. е. немного более 5% школ, поставленных в этом отношении в более нормальные условия, а 94,7% школ совсем не имеют рекреационных комнат и дети должны во время перемен оставаться в тех же классных комнатах, в которых находились и во время урока. Это приобретает особое значение, когда мы припомним, что во многих школах совершенно отсутствует вентиляция, в других она мало удовлетворительна. Не нужно забывать, что дети занимаются ежедневно 5 часов (с тремя переменами по 5, 10 и 30 минут в большинстве школ) в холодных, низких, душных классах. К этому надо еще прибавить, что 42,2% школ не имеют передних, где бы оставлялась верхняя одежда и последнюю дети принуждены снимать в самом классе. Можно себе представить, в каком же спертom, тяжелом воздухе приходится учить и учиться! Необходимо заметить, что классные комнаты содержатся очень грязно, полы моются редко: так, в **сельско-волостных** школах из 28 (о которых имеются сведения) –

7 школ (25%), в которых полы моются **3 раза в год**. В **церковно-приходских** – из 27 школ в 4 моют полы 10 раз в год, в 3-[х] – 4 раза в год, в 1 – 3 раза в год и в 1 – 2 раза в год. Из 13 школ **грамоты** о 4 сказано очень неопределенно: «когда придет нужда», «когда понадобится» и т. п. Может **никогда** не понадобится, может 2 раза в год или 1 раз в год, это зависит от взгляда близко стоящих людей. О школах горнозаводских сведения неудовлетворительны, почему о них ничего **определенного** сказать нельзя. **Казачьи**: школа **Маральевская** 3 раза в год моется, остальные через две недели. **Миссионерские**: школа **Ынырская** моется 2 раза в год, **Онгудайская** – 4 раза в год, остальные три – через 2-3 недели. В **Константиновской** частной школе – еженедельно.

Насколько тяжело должны себя чувствовать дети и учащие в школах столь дурно обставленных в гигиеническом отношении, пишут сами учителя, хотя, к сожалению, некоторые из них этот вопрос обходят молчанием по понятным причинам. Вот несколько таких отзывов.

Боровлянская (Кайлинской вол., Томского окр.) **школа грамоты**. «Комната очень мала, приходится дышать $\frac{1}{10}$ необходимого для учащихся и учащихся воздуха. Вентиляция отсутствует. Зимой, особенно Постом, воздух до того испорчен, тяжел, такой смрад, что невозможно дышать, не только свежему человеку, но и привычному; печь вечно дымит, все пропитывается зловонием».

Шемонаевская (Александровской вол., Бийского окр.) **сельско-волостная**. «Пол некрашенный, моется редко, можно сказать, что пол очень грязный. Вентиляций нет, есть дыра в стене, чем и проветривается класс, очень душно, приходится открывать наружную дверь... Дети болеют часто; в 1893/4 году было у всех детей заболевание глаз, начинавшееся гноением. На головные боли жалуются, хотя не часто. Придя с легкой головной болью, ученики скоро жалуются на нестерпимую боль... Бывают не часто носовые кровотечения» и т. д.

При тех антигигиенических условиях, при которых приходится учиться детям в школах Алтайского округа, не только болезни глаз, о которых говорит шемонаевский учитель, возможны еще худшие и очень серьезные общие заболевания как детей, так и учителей.

Помимо того, что процентное отношение световой площади к площади пола в алтайских школах не удовлетворяют требованиям гигиены, не без влияния остается и направление света, падающего на парты. Большинство алтайских школ и в этом отношении не соответствует требованиям школьной гигиены, выраженным, например, профессором ги-

гиены Эрисманом в Московском собрании врачей 9-го марта 1895 года¹: «В классных комнатах наиболее целесообразным является **одностороннее**² освещение. В школах необходимо заботиться о том, чтобы на тетради ученика во время письма не образовались тени от правой руки или головы ученика, или от его соседей, и чтобы пишущий, в силу этого, не был вынужден принимать кривое и наклонное положение тела, содействующее развитию близорукости и постепенному искривлению позвоночника и всего скелета, **то классные комнаты должны освещаться исключительно с левой стороны... При отсутствии или недостатке света слева дело не может быть поправлено доставлением классной комнате даже огромного количества света с других сторон**».

Что в этом отношении дает нам алтайская действительность, это видно из следующей таблички:

Свет падает в школах:	Слева	Справа	Прямо	Сзади	Справа и слева	Справа и прямо	Справа и сзади	Слева и прямо	Слева и сзади	Общее число школ
Сельско-волостных	7	1	2	«	9	2	4	4	7	36
Церковно-приходских	4	12	2	2	6	5	3	2	1	37
Грамоты	2	3	2	«	2	«	«	2	1	13
Горнозаводских	3	1	2	«	2	«	«	«	«	8
Миссионерских	1	3	1	«	«	«	«	«	«	5
Казачьих	1	1	«	«	«	«	1	1	1	5
Частной Константиновской	1	«	«	«	«	«	«	«	«	1
Итого	19	21	10	2	19	7	8	9	10	105

Из 105 школ, о которых имеются сведения, всего 19, что составляет 18%, имеют левостороннее освещение; остальные же школы (82%) имеют освещение неправильное. Из церковно-приходских 2 школы, в которых свет падает во время занятий сзади. Коневская (Ояшинской вол., Томского окр.) грамоты. «Во время занятий свет падает на одних **сзади и слева**, на других – **справа и прямо**, на третьих – **сзади и спра-**

¹ [Эрисман Ф. Санитарная обстановка учебных заведений] // Вестник воспитания. 1895 г. Апрель, стр. 16.

² Курсив подлинника.

ва, на четвертых – **прямо** и **слева**; такое расположение света объясняется тем, что все ученики сидят **вокруг** одного большого стола».

Припоминая все, что нами было сказано о школьных помещениях, мы должны сказать, что в огромном большинстве случаев они не отвечают элементарным требованиям школьной гигиены, хотя бы эти требования были сведены к двум-трем основным положениям. Есть школьные помещения, которые не только не удовлетворяют требованиям школьной гигиены, но даже и тем, какие могут быть предъявлены к какому бы то ни было человеческому жилищу.

В школьной гигиене видное место занимает вопрос о классной мебели, ибо не рационально устроенная мебель способствует медленному искривлению позвоночника, а за ним и всего скелета, развивает близорукость у детей и другие страдания. Из имеющегося материала видно, что классная мебель в школах Алтайского округа более чем ненормальна: стара, не отремонтирована, совершенно не приспособлена к росту учащихся и т. д. Так, из 88 школ, о которых имеются сведения, лишь 4 имеют столы 3-х размеров, а все же остальные имеют столы «одинаковых» размеров. Большинство столов «простые», т. е. на четырех ножках горизонтально положенная доска, очень большие, на 14-15 человек каждый; к столу приставляются длинные скамьи, на которых сидят дети со всех 4 сторон. Если же в некоторых школах и имеются столы, претендующие на название «школьных парт», но, во-первых, их слишком мало, а, во-вторых, они очень старой системы, наприм., [18]36 года на 5, 6, 8 человек и, в третьих, требуют основательного ремонта.

Ответы г[оспод] учителей об этих «партах» нужно признать неудовлетворительными, очевидно, многие из них сами недостаточно разбираются в достоинствах и недостатках школьной мебели; так, определяя, согласно программе, дистанцию в 4-6,5 верш[ка], они не говорят, какая это дистанция, положительная (+) или отрицательная (-), что чрезвычайно важно: если она +, то такие парты никуда не годны, а если -, то дистанция слишком велика, а, следовательно, столы не могут [быть] признаны удовлетворительными. Новейшей же классной мебели проф[ессора] Эрисмана, признанной за вполне рациональную и вводимую во все учебные заведения и школы России, в школах Алтайского округа нет. «Парты» системы бар[она] Корфа и «[18]36-го года» имеются лишь в нескольких сельско-волостных и горнозаводских школах. Обратимся к характеристикам классной мебели самих учителей.

Жерновская (Александровской вол., Бийского окр.) **сельско-волостная**. «Столы никуда не годны, сделаны по разному фасону, грубой крестьянской работы».

Но бывает, что и таких «никуда не годных» столов не хватает в школах (наприм., в **Чистюньской** (Барнаульской вол., Барнаульского окр.) **сельско-волостной** и детям приходится отказывать от приема в школу. «Ученикам, – говорит учитель Чистюньской школы, – отказываю по недостатку мебели».

Если в сельско-волостных и горнозаводских школах мебель не рациональна, то что же можно сказать о мебели в школах духовного ведомства? В этом, как и во многих других случаях, наиболее удобным будет выслушать близко стоящих лиц – учителей.

Черемновская (Шадринской вол., Барнаульского окр.) **церковно-приходская**. «Столы незатейливой формы: мало-мало прибитые к ножкам две откосные доски, за которыми на неприкрепленных скамьях сидят 14 учеников».

Лосихинская (Верх-Чумышской вол., Барнаульского окр.) **грамоты**. «Столы не приспособлены нисколько к занятиям, имеют форму обыкновенных столов с придвижными скамьями. Сколочены кое-как, от прикосновения шатаются и качаются во все стороны».

Бирюлинская (Быстр[янской] упр[авы]) **миссионерская**. «Столы обыкновенные, простые, из двух плах, вместе сбитых» и т. д.

Словом, мебель школ духовного ведомства, по меткому выражению г[осподина] преподавателя «незатейливой формы». Насколько детям удобно учиться за такими столами, которые от одного прикосновения качаются во все стороны, думаем, нечего и говорить, можно только пожалеть этих детей, вынужденных учиться за такими столами.

В казачьих школах классные столы – «парты», старинной системы, исключая Чарышскую, в которой 36 парт на 2 человека, но размеры их не указаны, т. е. нельзя определить их близости к нормальному школьному столу, хотя хорошо уже и то, что не 18 человек сидят «кругом стола», а всего 2 ребенка и «за столом».

Более удовлетворительная классная мебель находится в частной Константиновской школе, где мы находим 25 парт, на 2 человека каждая, различных размеров, приноровленных к росту учащихся; каждая парта имеет прикрепленную скамью, подвижную доску и спинку. Чтобы закончить эту главу о школьных помещениях и обстановке самих школ, нам нужно несколько остановиться еще на двух обстоятельствах,

для здоровья детей-школьников имеющих огромное значение, именно: в чем содержится вода, которую дети пьют в школе, и что представляют собой школьные ватерклозеты.

Данные о питьевой воде, сведенные в таблицу, имеют следующий вид:

В школах	Общее число школ	Откуда берут питьевую воду				Питьевая вода содержится в сосуде:					
		из реки	из колодца	из озера	из ключа	деревянном	жестяжном	стеклянном	медном	цинковом	глинянном
Сельско-волостных	30	22	5	2	1	16	10	2	«	«	2
Церковно-приходских	28	19	5	1	3	8	17	«	1	«	2
Грамоты	13	8	2	2	1	9	4	«	«	«	«
Горнозаводских	8	5	1	«	2	1	3	2	«	1	1
Миссионерских	5	5	«	«	«	2	2	«	«	«	1
Казачьих	3	2	«	«	1	1	«	«	2	«	«
Частной Константиновской	1	1	«	«	«	«	1	«	«	«	«
Итого	88	62	13	5	7	37	37	4	3	1	6

Рассматривая первую половину таблицы, мы убеждаемся, что питьевая вода в большинстве школ берется из реки (70,4%), из озера пользуется водой всего 5,6%, из ключа – 9% и из колодца – 14,6%. Уже из этих общих цифр можно заключить, что в огромном большинстве случаев школы снабжаются хорошей водой. В том же убеждают и отзывы учителей, какие мы находим в наших материалах.

Карасукская ([Карасукской] вол., Барнаульского окр.) **сельско-волостная**. «Вода исследована профессором университета Залеским в 1893 году и признана наилучшей из вод Барнаульского округа».

По отзывам почти всех учителей вода берется чистая, хорошая; исключение составляют школы:

Тутальская ([Тутальской] вол., Томского окр.) **сельско-волостная**, где «вода берется из речки, очень загрязненной».

Мануйловская (Кайлинской вол., Томского окр.) **грамоты**, где «вода берется из болотистой речки».

В *церковно-приходской* школе *Ярковской* (Карасукской вол., Барнаульского окр.). «Летом вода берется из реки, а зимой пьют талый снег (?)».

Насколько чиста вода из талого снега, учитель не пишет. Содержится вода в большинстве случаев или в деревянном (42%) сосуде, или в жестяном (42%). В стеклянных сосудах содержится вода только в 4 школах – двух сельско-волостных и двух горнозаводских. Пьют дети жестяным ковшом, исключая школы частной Константиновской, где вода содержится в железном ведре с краном, и дети пьют из кружек. Но есть школы, которые даже и в этом отношении заставляют останавливаться перед собой в полнейшем недоумении. Так, в *Тюдралинской* (Ануйской вол., Бийского окр.) *миссионерской* школе дети «воду пьют из реки припадая». Каким образом зимою дети припадают к реке и пьют, к сожалению, г[осподин] учитель не поясняет. В школе *казачьей Маральевской* (Ануйской вол., Бийского окр.) «питьевой воды не имеется в школе, для утоления жажды ученики ходят в дома товарищей, живущих близь школы».

В *Николаевской* (ст[аница] Антоньевская) *казачьей*. «Воды нет, по мере надобности ученики ходят в соседи».

Насколько такие прогулки неудобны и нецелесообразны ясно для всякого, хоть немного знакомого с школьным делом.

Перехожу к школьным ватерклозетам, сводя имеющиеся данные в таблицу. По этому вопросу сведения имеются по 101 школе.

Школы:	Общее число школ	Школ, имеющ[их] отхожие места	Отхожие места:					
			Теплые	Холодные	В здании	Во дворе	Отдельно для мальчиков и девочек	Общие
Сельско-волостные	32	32	1	31	12	20	8	24
Церковно-приходские	37	20	«	20	2	18	1	18
Грамоты	13	5	«	5	«	5	«	5
Горнозаводские	8	7	«	7	2	5	1	6
Миссионерские	5	2	«	2	«	2	«	2
Казачьи	5	1	«	1	1	«	1	«
Частная Константинов[ская]	1	1	«	1	1	«	1	«
Итого	101	68	1	67	18	50	12	55

Как видно из приведенной таблицы, всего 67,3 % школ имеют какие-либо отхожие места, остальные же (32,7 %) не имеют таковых и ученикам некуда выходить. Из 101 школы теплое отхожее место имеется всего только при одной сельско-волостной школе, остальные же школы все, если и имеют отхожие места, то холодные. Школы, где отхожие места устроены при самом здании, составляют всего лишь 17,8% из всех школ, о которых имеются сведения, а 49,5% школ имеют их во дворе. Более половины школ имеют отхожие места **общие** для мальчиков и девочек (55,4%), что крайне неудобно, отдельные же имеют всего 12 школ (11,9%). Рассматривая школы по категориям, видим, что в школах духовного ведомства на этот вопрос очень и очень мало обращено внимания, так в школах грамоты из 13 только 5 имеют отхожие места (38,5%), все они холодные, во дворе и общие; школы миссионерские (40%) имеют отхожие места тоже общие, во дворе, холодные. **Власихинская** (Шадринской вол., Барнаульского окр.) **грамоты**. «Отхожим местом служит скотный двор, куда ходят девочки и мальчики». Из церковно-приходских всего 54,4% школ имеют отхожие места, причем все они холодные, во дворе – 48,5%, общих – 51,3%, всего лишь одна школа имеет отхожее место отдельное (для мальчиков и девочек), в здании отхожее место имеют две школы (5,4%).

Красноярская (Ординской вол., Барнаульского окр.) **церковно-приходская**. «Отхожее место холодное, общее, крайне загрязненное, неудобное, в 20 саж[енях] от школы».

Черемновская (Шадринской вол., Барнаульского окр.) **церковно-приходская**. «Отхожего места, кроме холодного скотного двора, нет».

Койновская (Бер[д]ской вол., Барнаульского окр.) **церковно-приходская**. «Устроен ретирад, но крайне неудобный, без крыши, дверей, общий для девочек и мальчиков».

Кузнецовская (Шелковниковской вол., Бийского окр.) **церковно-приходская**. «Нет отхожего места, караульщики из дров делают убежище».

Из 5 казачьих школ только одна имеет отхожее место.

При всех школах сельско-волостных имеются отхожие места. Хотя подавляющее большинство холодных (96,9%), но при здании (37,5%) и отдельных (25%), нельзя сказать, чтобы все были удобно устроены.

Малышевская ([Малышевской] вол., Барнаульского окр.) **сельско-волостная**. «Отхожее место есть, но крайне неудобное».

Лянинская (Лянинской вол., Барнаульского окр.) **сельско-волостная**. «Отхожее место – двор, покрытый плахами».

Что касается до школ горнозаводских, то из 8 школ 7 имеют холодные отхожие места, 1 школа имеет отдельное, а 6 школ (75%) – общие отхожие места. В школе **Змеиногорской горнозаводской** (Бийского окр.). «Есть отхожее место, но общее для служащих в конторе и учеников».

Приведенные выше многочисленные факты убеждают нас, что в санитарном отношении огромное большинство начальных школ Алтайского округа, по имевшимся в нашем распоряжении материалам, оставляет желать весьма многого, с какой бы точки зрения на них не взглянуть. Есть школы, которые в гигиеническом отношении должны быть признаны абсолютно не отвечающими своему назначению. Строго говоря, из всех 114 школ, сведения о которых доставлены их учителями, нет ни одной, которая **удовлетворяла бы всем минимальным требованиям** школьной гигиены. Даже частная Константиновская школа, на Ивановском стеклоделательном заводе в Бийском округе, лучшая из всех школ, о которых имеются сведения, и та не может быть признанной вполне удовлетворительной, так как страдает многими весьма важными недостатками: отсутствием рекреационной комнаты, оконной вентиляции, отсутствием теплых отхожих мест и т. п.

Учительский персонал

Из 114 школ, откликнувшихся на обращение к ним Общества, сведения об учительском персонале дали только 106 или 92,9%.

В каждой школе преобладает один учитель или учительница, кроме законоучителя, не имея помощников; исключение составляет школа г[осподина] Платонова, где двое преподавателей. Успех школьного дела, между прочим, находится в прямой зависимости от личности учителя: чем образованнее и гуманнее учитель, тем успешнее идут занятия, тем скорее является стремление «бежать в школу», тем более, наконец, окружающая темная среда начинает с доверием относиться к школе и, по мере сил, стараться обставить ее лучше в материальном отношении. Судить о подготовленности учителя к педагогической деятельности можно по тому, в каком учебном заведении он обучался или окончил курс, да отчасти по данным самими г[осподами] учителями ответам на программу Общества. Разделим всех преподавателей на две категории: преподавателей с **достаточной подготовкой**, куда войдут окончившие учительскую семинарию, духовную семинарию, реальное училище, классическую гимназию (не ниже 7-го класса), институт, гимназию, епархиальное женское

училище, получившие домашнее образование, но выдержавшие экзамен на звание «*домашней учительницы*» и преподавателей **без достаточной подготовки**: не окончивших духовную семинарию, гимназию, реальное училище, окончивших Горное Барнаульское училище, городские и уездные училища, духовные и светские низшие школы, окончивших и не окончивших женскую прогимназию и проч.

Распределив учительский персонал сообразно этому делению преподавателей, получим следующую небезынтересную табличку:

В школах:	Общее число учащихся	Учащие с достат[очной] подготов[кой]		Учащие без дост[аточной] подготов[ки]	
		Число	% к общему числу	Число	% к общему числу
Сельско-волостных	38	29	76,3	9	23,7
Церковно-приходских	35	11	31,4	24	68,6
Грамоты	14	2	14,3	12	85,7
Горнозаводских	8	6	75,0	2	25,0
Миссионерских	5	1	20,0	4	80,0
Казачьих	5	1	20,0	4	80,0
Частной Константинов[ской]	2	2	100,0	«	«
Итого	107	52	48,6	55	51,4

Таким образом, мы видим, что преподавателей с достаточной подготовкой меньше половины (48,6%). Неудовлетворительность наличного состава преподавателей станет яснее и очевиднее, если для сопоставления привести цифры об учительском персонале в земских школах внутренней России. В земских, например, школах Московской губернии в 1884 году преподаватели, имеющие достаточную подготовку, составляли 75%¹, а в 1892/3 году – 81,8%². Преподаватели начальной сельской школы Новгородской губ.³, имеющие *специальную подготовку*,

¹ [Орлова В.И.] Народное образование Московск[ой] губ. [Москва]: Изд. Моск. губернк. земства за 1884 г. [1073 с.].

² [Оленин А., Самарин Ф.] Сведения о состоянии земск[их] начальн[ых] народн[ых] училищ Московск[ой] губ. в 1892-[18]93 уч[ебном] г[оду]. [Москва, 1893].

³ Очерк народн[ого] образов[ания] в Новгор[одской] губ[ернии] за 1894/5 учеб[ный] г[од]. Новгород: Тип. А.С. Федорова, 1887. 555 с.].

т. е. окончившие учительскую семинарию, женскую гимназию (8-й кл.), институт с педагогическим классом, составляли 75% и т. д.

Из преподавателей учителей – 60 (56,1%) и учительниц – 47 (43,9%). Степень подготовки учителей и учительниц отдельно выражается двумя следующими табличками:

Учителя:

В школах	Всего учащихся	Учительниц		Институты		Учит[ель-ские] семинарии		Гимназии				Епарх[и-альные] учил[ища]	
				Окон-ч[или]		Окон-ч[или]		Окон-ч[или]		Не окон-ч[или]		Окон-ч[или]	
		число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
Сельско-волос[тных]	38	20	52,6	«	«	«	«	9	45,0	«	«	1	5,0
Церковно-прих[одских]	35	15	42,9	1	6,7	«	«	«	«	6	40,0	7	46,7
Грамоты	14	1	7,2	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«
Горнозаводских	8	6	75,0	«	«	«	«	3	50,0	«	«	1	16,7
Миссионерских	5	1	20,0	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«
Казачьих	5	3	60,0	«	«	«	«	1	33,3	«	«	«	«
Част[ной] Констан[тиновской]	2	1	50,0	«	«	1	100	«	«	«	«	«	«
Итого	107	47	43,9	1	2,1	1	2,1	13	27,7	6	12,8	9	19,2

[Продолжение таблицы]

В школах	Всего учащихся	Прогимна-з[ии]		Домаш[нее] обр[азование]		Приюты		Достаточно подготов[лены]		Недостаточно подготов[лены]	
		Окон[чили]				Окон[чили]					
		число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
Сельско-волос[тных]	38	6	30,3	3	15,0	1	5,0	13	65,0	7	36,0
Церковно-прих[одских]	35	1	6,6	«	«	«	«	8	53,3	7	16,7
Грамоты	14	1	100	«	«	«	«	«	«	1	100
Горнозаводских	8	1	16,7	1	16,6	«	«	5	83,3	1	16,7
Миссионерских	5	«	«	1	100	«	«	1	100	«	«
Казачьих	5	2	66,7	«	«	«	«	1	33,3	2	66,7
Част[ной] Констан[тиновской]	2	«	«	«	«	«	«	1	100	«	«
Итого	107	11	23,4	5	10,6	1	2,1	29	61,7	18	38,3

Учительницы

В школах	Всего учащихся	Учителей	Учительск[ие] семинарии				Средн[ие] светск[ие] учебн[ые] завед[ения]				Низшие светские					
			окон-ч[или]		не окон-ч[или]		окон-ч[или]		не окон-ч[или]		окон-ч[или]		не окон-ч[или]			
			число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%		
Сельско-волостн[ых]	38	18	14	77,8	«	«	«	«	1	5,6	2	11,1	«	«		
Церковно-приход[ских]	35	20	2	10,0	«	«	«	«	1	5,0	2	10,0	«	«		
Грамоты	14	13	3	«	«	«	«	1	7,7	1	7,7	2	15,4	2	15,4	
Горно-заводских	8	2	«	«	«	«	«	1	50	«	«	«	«	«	«	
Миссионерских	5	4	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	
Казачьих	5	2	«	«	«	«	«	«	«	«	«	2	100	«	«	
Частн[ой] Константин.	2	1	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	
Итого	107	60	16	26,7	«	«	«	«	2	3,3	3	5,0	8	13,3	2	3,3

[Продолжение таблицы]

В школах	Всего учащихся	Учителей	Средние духовные				Низшие духовные				Домашнее образование[ие]		Достат[очной] подг[отовки]		Недостат[ной] подготовки		
			окон-ч[или]		не окон-ч[или]		окон-ч[или]		не окон-ч[или]		« <th colspan="2">« <th colspan="2">« </th></th>		« <th colspan="2">« </th>		«		
			число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	
Сельско-волостн[ых]	38	18	«	«	«	«	«	«	«	«	«	1	5,5	16	88,9	2	11,1
Церковно-приход[ских]	35	20	1	5,0	1	5,0	8	40,0	5	25,0	«	«	3	15,0	17	85,0	
Грамоты	14	13	«	«	1	7,7	1	7,7	5	38,4	«	«	2	15,4	11	84,6	
Горно-заводских	8	2	1	50,0	«	«	«	«	«	«	«	«	«	1	50,0	1	50,0
Миссионерских	5	4	«	«	«	«	4	100	«	«	«	«	«	«	4	100	
Казачьих	5	2	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	2	100	
Частн[ой] Константин.	2	1	«	«	«	«	«	«	«	«	«	1	100	1	100	«	«
Итого	107	60	2	3,3	2	3,3	13	21,7	10	16,7	2	3,3	23	38,3	37	61,7	

Образовательный ценз учительниц выше, чем учителей, а именно: с достаточной подготовкой учительницы составляют 61,7%, а учителя – только 38,3%. Учителей, не окончивших курс в низших светских и духовных училищах – 23,3%, а учительниц, не окончивших женскую гимназию – всего 12,8%, да и то ими пройден курс не ниже прогимназического (5-го класса гимназии). Таким образом, и состав преподавателей, не обладающих достаточной подготовкой, все-таки несколько выше среди учительниц, нежели учителей. Это объясняется, конечно, тем, что мужской интеллигентный труд легче находит себе приложение, и мужчины на учительскую деятельность, плохо оплачиваемую и дурно обставленную, не так охотно идут, как женщины, для которых способы приложения труда гораздо более ограничены.

Рассматривая школы по различным категориям, видим, что самый неудовлетворительный учительский персонал находится в школах духовного ведомства. Учителя церковно-приходских школ без достаточной подготовки составляют 68,6%, школ грамоты – даже 85,7%, миссионерских – 80%. Большинство учителей псаломщики, многие не окончили курса даже в низших светских или духовных училищах, таких в церковно-приходских школах 25%, а в школах грамоты – 53,8%; среди учителей этой категории попадают даже уволенные из 1-го или 2-го класса духовного училища, как, например, в церковно-приходской школе Ярквской (Карасукской вол., Барнаульского окр.) или школе грамоты Парфеновской (Касмалинской вол., Барнаульского окр.). Количество учеников у таких преподавателей очень разнообразно: 5, 6, 8, 9, а в школе Боровской (Касмалинской вол., Барнаульского окр.) – 83 ученика (сообщается самим учителем). В Орско-Станецкой школе (Чаусской вол.) учителю 15 лет, окончил курс в сельской школе. Как идут занятия у этого учителя-юноши неизвестно.

Трудно представить себе, чему могут научить детей такие преподаватели, как, наприм., в школе грамоты Локтевской (Барнаульского окр.), где учитель псаломщик, не окончивший духовного училища, пишет на присланном им в Общество бланке так: «В приеме отказа не было, приглашения к одаче были несколько раз»... В этой школе всего 13 детей, а в этом же селе есть школа сельско-волостная, где учитель, окончивший курс учительской семинарии, имеет 81 ученика. В Бобровской (Чарышской вол., Барнаульского окр.) школе грамоты учитель пишет: «Ученики не совсем исправно ходят в школу по отрывкам родителей на домашние работы, а некоторые, проучившись 3-4 мес[яца], совсем оставляют училище. Не только отказывать причту, приходится

упрашивать родителей отдавать детей в школу учиться грамоте». Неудивительно, что крестьяне не отдают в школу и считают не нужным учение, приносящим мало пользы. Было бы удивительно, если бы это было не так. Подобные преподаватели не только не подвинут школьное дело вперед, они способны только тормозить его. Учителя миссионерских школ все без достаточной подготовки, и только одна учительница имеет свидетельство на звание домашней учительницы. Учителя так же, как и в школах грамоты, поражают своей безграмотностью. Тюдралинская (Ануйской вол., Бийского окр.) миссионерская: «Пять перемен, каждый перемен 5 минут», или «выдается учебные книги» и т. д. Учитель миссионерской школы улуса Куз[e]деевского (Кузнецкого окр.) пишет: «не исправно», «внеи» и т. п.

Крестьяне предпочитают отдавать своих детей «вольным учителям», платя им 1 рубль в год с ученика и давая даровую квартиру, несмотря на то, что школы духовного ведомства даровые¹. Самый большой процент преподавателей с достаточной подготовкой имеют школы сельско-волостные – 76,3% (без достаточной подготовки – 23,7%). Учителя составляют 88,9%, а учительницы – 65% с достаточной подготовкой. Также и школы горнозаводские достаточно подготовленных преподавателей имеют 75%. Среди учительниц, обладающих достаточной подготовкой – 83,3%, а среди учителей – 50%. Между преподавателями названных школ нет ни одного уволенного из какого-либо учебного заведения, а не окончивших [курс] в среднем учебном заведении – всего 5,6%. Среднее количество учеников – 37,3% в сельско-волостных школах², учеников менее 19 нет ни в одной школе, крайние же колебания – от 30 до 82. Школы сельско-волостные и горнозаводские, имеющие преподавателей с достаточной подготовкой – 76,3% и 75%, можно считать удовлетворительными со стороны учительского персонала. Образовательный ценз учителя и учительницы в школе частной Константиновской вполне удовлетворителен.

Может быть, низкий образовательный ценз преподавателей начальных школ Алтайского округа находится в известной зависимости от степени материального обеспечения, какое дает здешняя школа своему учителю, от той обстановки, в какой ему приходится жить и работать. Многие факты предыдущей главы уже отвечают на этот вопрос. Посмотрим, что говорят другие факты, другие цифры.

¹ О вольных учителях будет сказано ниже.

² В церковно-приходских – 30, в школах грамоты – 20.

Учителей¹, получающих в год по: (в рублях)

В школах	Число учител[ей]	Число учител[ей]																	
		40-50	60	84	96	100	108	120	150	180	200	240	260	300	320	360	380	Безвозмездно	
Сельско-волостн[ых]	18	«	«	«	«	«	«	«	«	«	14	«	1	«	1	«	2	«	
Церковно-приход[ских]	8	«	4	«	«	1	«	2	1	«	«	«	«	«	«	«	«	«	8
Грамоты	7	1	2	«	2	«	«	2	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	3
Казачьих	2	«	«	«	«	«	«	2	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«
Горнозаводских	2	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	1	«	«	«	«	1	«	«
Миссионерских	4	«	«	1	«	«	2	1	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«
Частн[ой] Константин[овской]	Неизвестно																		
Итого	41	1	6	1	2	1	2	7	1	«	14	1	1	«	1	1	2	«	11

Учительниц, получающих в год по: (в рублях)

В школах:	Всего учительниц]	Число учительниц]											
		100	108	120	150	180	200	240	250	260	300	320	360
Сельско-волостных	20	«	«	«	«	«	18	«	«	«	2	«	«
Церковно-приходских	13	«	«	5	2	4	«	«	2	«	«	«	«
Грамоты	1	«	«	1	«	«	«	«	«	«	«	«	«
Горнозаводских	6	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«	6
Миссионерских	1	«	1	«	«	«	«	«	«	«	«	«	«
Казачьих	3	«	«	3	«	«	«	«	«	«	«	«	«
Итого	44	«	1	9	2	4	18	«	2	«	2	«	6

Наконец, общий расход на учительский персонал и средний размер вознаграждения последнего выражается такими цифрами:

¹ Неизвестно получаемое содержание преподавателями в 12 церковно-приходских школах, грамоты и в частной Константиновской; в 8 церк[овно]-прих[одских] и 3 шк[олах] грамоты преподавание бесплатное.

В школах:	Учителя		Учительн[ицы]		Те и другие	
	получающие всего в год	в средн[ем] на 1-го в год	получающие всего в год	в средн[ем] на 1-го в год	получающие всего в год	в средн[ем] на 1 преп[одавателя] в г[од]
Сельско- волостных	4 140	230	4 200	210	8 340	219,75
Церковно- приходских	730	91,25	2 120	163,10	2 850	135,71
Грамоты	592	84,56	120	120	712	89
Горно- заводских	600	300	2 160	360	2 760	345
Миссионерских	312	78	108	108	420	84
Казачьих	240	120	360	120	600	120
Итого	6 614	161,32	9 068	206,10	15 682	184,50

Таким образом, в среднем на одного преподавателя жалованья приходится 184 руб. 50 коп. в год (161 руб. 32 коп. – жалованье учителя и 206 руб. 32 коп. – учительницы). Если сравним эти средние с[о] средними для земских губерний, то оказывается, что жалованье, получаемое преподавателями школ Алтайского округа, гораздо менее, чем в тех губерниях. В Новгородской губернии¹ в среднем преподаватель сельских школ получает 256 руб. (учитель – 268 руб. 10 коп., учительница – 223 руб. 30 коп.). В Острогожском уезде, Воронежской губ.² на преподавателя в среднем приходится 218 руб. 17 коп. (учитель – 233 руб. 95 коп., учительница – 202 руб. 78 коп.).

В Московской губ.³ средний оклад преподавателю – 300 руб. после трехлетней службы, исключая Московского уезда, где преподаватели при вступлении в должность получают уже 300 руб., кроме того все учителя сельских школ через известный промежуток времени получают прибавку, а именно: «через первые три года по 25 руб., через следующие три – по 50 руб.; таким образом, годовой оклад наивысший доходит до 475 руб. в год. Наградных выдается через первые три года по 25 руб., через следующие 6 лет – по 50 руб.», кроме того «за выслугу лет – по 60 руб. через каждые пять лет». Вот что читаем по этому поводу относительно Полтавской губ.⁴: «Во многих уездах земскими собраниями ежегодно назначается большая или меньшая сумма для раздачи денежных наград лучшим из учащихся. Лубенская земская управа в отчете своем за 1886 год предлагает, оставляя теперешнее жалованье, обеспечить еще учителей землю, десятин около 10 на училище, в виде руги, как это существует для церковного причта. В улучшении материального положения видит она лучшее средство привлечения в школы и удержания при них подготовленных личностей».

В Алтайском же округе, по заявлению самих учителей, никаких наград и прибавок не полагается. Некоторым учителям и учительницам при таком ничтожном жаловании приходится из этих же денег самим еще нанимать для себя и квартиру, т. к. весьма многие школы не имеют помещения для учителя.

¹ Тютрюмов [И.М.] Народная школа на Севере [(опыт разработки статистических данных по народному образованию) // Русская мысль. 1888. № 3 С. 16-36; № 5. С. 21-42; № 6. С. 50-69].

² [Орлова В.И.] Народное образование в Острогожском уезде: [с планами школ и картою грамотности. Воронеж: Воронеж. губ. земство] за 1887 г. Стр. 73.

³ Народное образование в Московской губернии за 1884 г. Стр. 53.

⁴ В настоящее время этот порядок уже изменен.

В школах ¹ :	Число учителей, о которых имеются сведения	Квартиры учителей			
		При школе	Наним[аемые] общ[еством]	Сами наним[ают]	Итого отдельно от школы
Сельско-волостных	38	28	4	6	10
Церковно-приходских	18	7	«	11	11
Грамоты	5	5	«	«	«
Горнозаводских	8	«	«	8	8
Миссионерских	5	4	«	1	1
Казачьих	2	1	1	«	1
Частной Константиновской	1	1	«	«	«
Итого	77	46	5	26	31

В общем, нанимающие квартиру преподаватели составляют 33,8%. Некоторым учителям квартиру дает сельское общество отдельно от школы (6,5%). Всего же учителей, живущих отдельно от школы, исключая церковнослужителей, 31 человек, что составляет 40,3%. Это крайне неудобно, как для преподавателя, так и вообще для школьного дела. Малое содержание не дает возможности удовлетворить самые необходимые и скромные потребности интеллигентного человека. Преподаватель не имеет возможности уехать в вакационное время в губернский город, не имеет возможности выписать себе какой-либо журнал или газету, даже специально-педагогическую, чтобы следить за современной педагогикой. Это самое тягостное, что испытывают учителя сельских школ, лишенные интеллигентного общества; вот отчего, как увидим ниже, преподаватели, умалчивая о других нуждах, чаще всего жалуются на отсутствие книг и журналов. Но потребность иметь новое печатное слово настолько велика, что некоторые учителя, получая даже 150 руб. в год, урезают себя во всем другом и выписывают хотя самый дешевый журнал или газетку. Казенных библиотек для учительского персонала самое ничтожное количество.

¹ О помещении 4 училищ неизвестно, а 19 церковнослужителей, занимающих место учителей, живут не при школе, вероятно, в церковных домах. Из 14 учителей школ грамоты – 9 церковнослужители, неизвестно где живут, но не при школе.

Из 114 школ периодические издания получают всего лишь в 11 школах (9,6%), а 103 школы (90,4%) не имеют ни газеты, ни журнала. Выписывается следующее: «Русский начальный учитель» (8 экз.), «Север» (3 экз.), «Детское чтение» (1 экз.), «Воспитание и обучение» (1 экз.), «Народная школа» (1 экз.) и «Сибирский листок» (1 экз.).

Постановка библиотечного дела оставляет желать весьма многого, что положение учителя еще более ухудшает.

В школах:	Всего школ	Школ, имеющих библиот[еку]	Количество книг	В среднем на 1 школу
Сельско-волостных	38	21	902	23,7
Церковно-приходских	41	11	320	7,8
Грамоты	16	1	12	0,75
Горнозаводских	8	2	82	10,3
Казачьих	5	4	66	13,5
Миссионерских	5	3	427	85,4
Частной Константиновской	1	1	23	23
Итого	114	43	1 832	16

Как видно из таблицы, библиотеки имеют 43 школы из 144, что составляет 37,4%; на каждую школу приходится в среднем 16 книг. Все эти библиотеки состоят из учебников и всевозможных методик, по заявлениям самих учителей, и лишь в библиотеках 4-х школ имеются книги литературного содержания. Это сельско-волостные школы: **Тутальская** вол. и **Чаусская** вол. (Томского окр.), **Крутихинская** (Бурлинской вол.) и **Лянинская** вол. (Барнаульского округа).

Обратимся к рассмотрению вопроса о вознаграждении преподавателей и проч. по отношению [к] каждой категории школ Алтайского округа отдельно.

В сельско-волостных школах тяжелый труд учителя оплачивается в среднем 219,75 руб. в год.

Большинство из учителей получают 200 руб. в год (14 учителей из 18 и 18 учительниц из 20), и всего два учителя получают в год по 380 руб. и две учительницы – по 300 руб. Такое вознаграждение должно быть признано более, чем скромным. А между тем, именно сельско-волостные школы, как мы видели выше, имеют наибольший процент учителей и учительниц с достаточной подготовкой.

Даровые квартиры при школах имеют 73,7% учителей. Остальные учителя нанимают квартиры сами из получаемого жалованья.

Каковы же даровые квартиры при школах?

Квартирой в **одну** комнату пользуются 5 учителей (13,2%), в **две** комнаты – 12 учителей (31,6%), в **три** комнаты – 4 учителя (10,5%), в **четыре** комнаты имеет квартиру **один** учитель (Чистюньская, Барнаульской вол., Бийского округа).

Приведем несколько характеристик самих г[оспод] учителей.

В Барлакской (Кр[ивошековской] вол., Томского окр.) учительница, проживши тут 4 года, пишет: «Живу при школе. Грязно, холодно страшно, душно, вентиляции нет. Плохо ведется хозяйственная часть. Полы нужно перебрать, стены проконопатить, оштукатурить, потолок сбить, печи поправить, словом, капитально ремонтировать училище. Никто о школе не заботится. Необходимо избрать попечителя. Если не находится из лиц образованных и влиятельных, то всегда можно выбрать честного человека из крестьян, готового послужить охотно делу школы».

В Чаусской ([Чаусской] вол., Томск[ого] окр.) сельско-волостной [школе] учительница живет в школе 17 лет, получая 200 руб. в год жалованья. «Живу при школе. Полное отсутствие гигиенической обстановки... Необходимо улучшить материальную обеспеченность училища».

В Вороновской (Ур[тамской] вол., Томск[ого] окр.) сельско-волостной [школе] учительница живет 4 года, вообще же учителствует (сельск[ая] учит[ельница]) 10 лет. «Неудобства испытываю страшные: холодная, тесная, плохая квартира и скудное содержание (200 руб.). Учить можно, только построив новое здание» и т. д.

Что касается до квартир, нанимаемых обществом для учителей, то на этот счет наши материалы дают очень немного, именно имеются сведения только об одной Тальменской ([Тальменской] вол., Барнаульского окр.) сельско-волостной [школе]. «Общество нанимает отдельный дом – холодный, сырой».

Неудивительно, что при жаловании в 200 руб., из которых значительную долю нужно тратить на наем квартиры, некоторые учителя, помимо прямой своей обязанности учительского дела, ищут еще дела себе «на стороне», что должно отразиться на результатах школьного преподавания очень плохо. Занятия в школе так многосложны и трудны, что в земских школах едва двое (учитель и помощник) с 60-70 деть-

ми справляются¹. В школах же Алтайского округа приходится работать одному учителю, да и тому необходимо отвлекаться от прямых своих обязанностей посторонним заработком.

Вот что пишет о положении начального учителя преподаватель сельско-волостной школы Сары-Чумышской (Кузн[ецкого] окр.), окончивший курс учительской семинарии в 1878 году и служащий в этой школе учителем уже 16 лет... Сказав, что учителя должны быть обеспечены за выслугу лет, по примеру служащих во всех других ведомствах, он продолжает: «Учитель, положим, старается заниматься с детьми, но чем же старания его вознаграждаются? Теперь, когда сельский учитель здоров и молод, ему есть чем жить, а потом, когда состарится или будет нездоров чем-нибудь. Что тогда делать? Вот теперь-то, когда каждый учитель знает свою будущность и старается заняться хозяйством, стараясь хоть что-нибудь приобрести себе на старость лет. Теперь, господа любители нашего школьного дела, можете сами догадаться, почему школьное дело не может стать на твердую почву. Мое мнение такое, так как я был у многих сельских учителей и все держатся моего мнения: или убежать в другое ведомство, или же заняться хозяйством. Никто из сельских учителей об этом не напишет и, может быть, никогда не напишет, отчего школьное дело стоит на плохой почве. Я уже в настоящее время писать осмелился».

Обращение именно к «хозяйству», т. е. к земледелию, пчеловодству и проч. объясняется тем, что в современной деревне нет спроса на интеллигентный труд, и кроме «хозяйства» не остается выбора для учителя.

Библиотеки для учителей имеются в 21 школе, что составляет 59,8%. Книг на каждую школу в среднем приходится 23,1. 17 школ лишены библиотек. Учитель **Ояшинской** ([Ояшинской] вол., Томск[ого] окр.) сельско-волостной школы пишет: «Испытываю неудобства в отсутствии библиотеки нешкольной». Учительница **Чилинской** (Уртамской вол., Томск[ого] окр.): «Библиотеки, кроме детских книжек, нет. Нигде нельзя достать книг для чтения за неудобством доставки, негде почерпнуть из книг ответов на волнующие вопросы относительно обучения и воспитания детей». Периодические издания выписывают 5 учителей, двое из них выписывают *на свой счет*. Ояшинский учитель – «Сибирский листок» и в Гутовской (Касьминской вол., Томск[ого]

¹ См. данные о Новгородской, Московской, Воронежской, Полтавской губерниях.

окр.) – «Север». В трех школах выписываются журналы на «казенный счет», из каких именно сумм не упомянуто, исключая школы **Дубровинской** (Ояшинской вол., Томск[ого] окр.), учитель которой пишет: «Выписываю «Север», «Родину» и «Детское чтение» из 50 руб., ассигнуемых на учебные пособия». Такому заявлению, конечно, можно только удивляться, т. к. эти 50 руб. в год отпускаются, как известно, на приобретение учебников, досок, грифелей, бумаги и т. д., а вовсе не на пополнение библиотек г[оспод] учителей, да еще такими изданиями, как «Север» и «Родина».

Желательно, чтобы учителя и учительницы сельско-волостных школ, как более нормальных, были бы лучше обеспечиваемы и поощряемы наградами, чтобы они не были вынуждены заниматься «посторонней работой», а все свои занятия отдавали бы школе.

В школах церковно-приходских учителя в среднем в год получают 135 руб. 71 коп. (учителя – 91 руб. 25 к. и учительницы – 163 руб. 10 к.); в 8 школах детей обучают **бесплатно** церковнослужители, а в 8 школах церковнослужители, уча детей, получают 40-96 руб. в год. Светских учителей 17 человек, они получают в год от 100 руб. до 250 руб. Две учительницы получают по 250 руб. в год. Учителя с достаточной подготовкой (53,3%), получая 120-150 руб. в год, должны из этих денег сами нанимать себе квартиру, ибо таковые при менее чем в $\frac{2}{5}$ школ – 39,9%, да и то это квартиры, в которых, по отзывам учителей, невозможно жить. Так о **Кулаковской** школе (Тутальской вол., Томск[ого] окр.) учитель пишет: «одна комната маленькая, тесная, душная, отделенная легкой перегородкой от класса и коридора». О школе **Зеледеевской** (Ояшинской вол., Томск[ого] окр.) читаем: «при школе учителю дается одна комната, страшно тесная, спертый душный воздух. Неимение отхожего места. Если бы Господь послал доброго человека, хоть уже не новое здание выстроить, а только бы это отремонтировать, мы были бы вечными богомольцами за этого человека». Учительница этой школы вдова, имеет дочь, учительствует 12 лет, в Зеледеевской школе уже 5 лет служит. Более сносное помещение для учителя в школах **Койновской** (Бер[д]ской вол., Барнаульского окр.), три комнаты и **Красноярской** (Ординской вол., Барнаульского окр.), две комнаты. В школе Калтайской (Ояшинской вол., Томск[ого] окр.): «Квартиры при школе нет, квартирных денег не выдается, из 120 руб. в год за квартиру плачу 42 руб. Неудобства в тесноте помещения и в истощении средств на наем оной» (?).

Библиотеки для учителей в жалком виде, из 41 школы они имеются лишь в 11 школах (26,8%), на каждую школу в среднем приходится 7,8 книги; библиотеки состоят из учебников и руководств. Не все преподаватели даже сознают необходимость библиотек. Так, учитель (священник) школы **Боровой Форпост** (Покровской вол., Барнаульского окр.) на вопрос: «имеется ли библиотека для учителей?», ответил: «время не пришло»...

В более худших условиях находятся платные учителя школ грамоты; их всего 5 человек (31,2%). Два учителя получают по 96 руб. и трое – по 120 руб. в год каждый. Квартиры имеют при школах. Но какие? Г[оспода] учителя на этот счет дают некоторые разъяснения. В Боровлянке (Кайлинской вол., Томск[ого] окр.): «Квартира при школе есть – маленькая комнатка, в которой и помещаюсь, платя 6 р. в год (из 120 р.). Отопление на мой счет. Квартирных денег не дается. Комната помещается во втором этаже, над нежилой кладовой, с полу зимой страшный холод. Кладовой для сохранения съестных припасов и разной домашней утвари нет, все приходится держать в той же комнате. Зимой хозяин дома занимается выделкой овчин, весь аромат квашеных овчин проникает сквозь плохую дверь в мою квартиру и поглощается мною и моим семейством. Зимой комната представляет хаос невообразимый: кадки, кадочки, чугуны, горшки и т. п. Запах такой удушливый, что трудно дышать». Не лучше квартира у учителя **Бородулинской** (Александровской вол., Бийского окр.) школы: «Квартира при школе в одну комнату, совсем не приспособлена для жилья – страшно мала, холодна и неудобна».

Иметь библиотеки школам грамоты, очевидно, также еще «время не пришло»: на 16 школ имеется одна библиотечка в **Бородулинской** (Александровской вол., Бийского окр.) школе: «В ней 12 книг педагогического содержания, все они от ветхости настолько развалились, что не годны для чтения».

Периодические журналы или газеты не выписываются: «Средства так малы, что нет возможности что-либо выписать».

В школах миссионерских тоже очень ограниченный годовой оклад – 84 руб. в среднем на преподавателя (78 р. – учителя, 108 [руб.] – учительницы). Высший оклад – 120 руб. в год. Квартиры даровые при школах, только один учитель нанимает на свои средства. 60% школ имеют библиотеки, в среднем на каждую школу приходится 85,4 книги. К сожалению, мы [не] знаем, что это за книги. Учителя школ казачьих все получают одинаковое содержание – 120 руб. в год. О двух учителях

известно, что квартиру для них нанимает казачье общество отдельно от школы. Библиотеки для учителей имеют 4 школы (80%); на каждую школу в среднем приходится 13,5 книги.

Более приличное содержание получают учителя школ горнозаводских, сравнительно со всеми другими школами, а именно, в среднем 345 руб. в год. Квартиры нанимают сами учителя, отдельно от школ. Учителя о неудобствах квартир ничего не заявляют. В двух школах есть библиотеки – 82 книги, так что на каждую школу в среднем приходится 10,3 книги. В пяти школах на казенный счет выписывается «Русский начальный учитель».

Годовой оклад частной школы Константиновской не известен. Квартиры для учителей просторные, в 4 комнаты. В библиотеке для учителей 23 тома.

В школах сельско-волостных из 38 в 37 Закон Божий преподают священники, а в одной **Чилинской** (Урт[амской] вол., Томск[ого] окр.) – учительница. Все законоучителя получают одинаковое содержание по 60 руб. в год.

В горнозаводских школах Закон Божий преподают тоже священники, получая по 72 руб. в год; в школе **Колыванской** (Бийского окр.) законоучитель получает 80 руб. в год.

В 29 церковно-приходских школах занимаются Законом Божиим священники; в 4 – дьяконы, все безвозмездно. В 8 школах неизвестно, кто преподает.

В 9 школах грамоты неизвестно, кто преподает Закон Божий; в 3 – учителя и в 4 – священники, бесплатно.

Сведений о преподавателях Закона Божия в миссионерских, казачьих и частной Константиновской школах в наших материалах нет.

Кончая краткий обзор учительского персонала, необходимо сказать несколько слов о попечителях школ, как о лицах, близко стоящих к школьному делу и на обязанности которых лежит забота о благоустройстве школ. По Закону 25 мая 1874 года, «земству, а также городам и сельским обществам, учреждающим и содержащим народные училища, предоставлено право для **ближайшего** заведывания оными избирать особых школьных попечителей и попечительниц, утверждение и увольнение которых по представлению уездных училищных советов предоставлено губернскому училищному совету (стр. 13). Заведуя делами вверенных школ

и являясь вполне ответственными за порядок в них (стр. 14), попечители и попечительницы имеют право заседать и подавать голос в уездном училищном совете только по делам своих училищ» (стр. 13)¹.

Из 114 школ, 30 имеют попечителей, что составляет 26,3%.

Школы:	Сельско-волостн[ые]	Церковно-приходск[ие]	Грамоты	Горно-заводск[ие]	Миссионерск[ие]	Казачьи	Частная Константиновск[ая]	Итого
Общее число	38	41	16	8	5	5	1	114
Не имеют попечител[ей]	24	35	13	8	5	«	«	83
%	63,1	85,4	81,3	100,0	100,0	0,0	0,0	72,8

Наибольший процент школ, не имеющих попечителя, принадлежит школам миссионерским – 100%, церковно-приходским – 85,4% и грамоты – 81,3%.

В школах сельско-волостных попечители есть в 14 школах; в церковно-приходских – в 6, грамоты – в 3, в казачьих – в 5 и в частной Константиновской, так что всего попечителей – 30 человек. Принимая во внимание сословие попечителей, получим следующую таблицу:

дворян	– 1 или	3,3%
солдат	– 1 [или]	3,3%
почетн[ых] гражд[ан]	– 2 [или]	6,7%
казаков	– 4 [или]	13,3%
купцов	– 5 [или]	16,7%
мещан	– 6 [или]	20,0%
крестьян	– 8 [или]	26,7%

Звание 3 попечителей неизвестно. Как видно из таблицы, больше всего попечителей – крестьян (26,7%). Сведения, доставленные учителями о деятельности попечителей, очень кратки, да и то не о всех 30. Среди попечителей нет ни одной женщины. Помощь, оказываемая попечителями школам, выражается в таких формах.

¹[Орлова В.И.] Народное образование в Московской губернии 1884 г. Стр. 42.

Ояш[инская] ([Ояшинской] вол., Томск[ого] окр.) **сельско-волостная**. «Попечитель – личный гражданин Широков, волостной писарь, помогает школе по мере надобности. Пожертвовал стол и три парты».

Ярская (Ояшинской вол., Томского окр.) **сельско-волостная**. «Попечитель – крестьянин Гайман, выбран обществом, взноса и обязательной помощи не делает. К училищу его деятельность ничем не выражается, он даже тяготится оказать помощь учителю, ограничиваясь на предложения обещанием, которое приходится ждать до тех пор, пока не последует отказ».

Дубровинская (Ояшинской вол., Томского окр.) **сельско-волостная**. «Попечитель – томский мещанин Никанор Дмитриевич Мезенцов выбран обществом и утвержден губернатором. Обязательного взноса не делает, но относится сочувственно к школе, в продолжении 8 лет пожертвовал: деньгами 700 руб., дом под школу, всю школьную обстановку и часы».

Красноярская (Ординской вол., Барнаульского окр.) **церковно-приходская**. «Попечитель купец Толстиков пожертвовал здание под училище».

Стуковская (Шадринской вол., Барнаульского окр.) **церковно-приходская**. «Попечитель дает на содержание училища».

Камень (Барнаульского окр.), **церковно-приходская**. «Попечитель – мещанин г. Тюмени дает денег на содержание училища 120 руб. в год».

Власихинская (Шадринской вол., Барнаульского окр.) **грамоты**. «Попечитель г[осподин] Штильке дает дом под школу и содержание учителю. Стараниями г[осподина] Штильке устроена при школе «Воскресная школа». Дом же необходимо отремонтировать».

Деятельность попечителей, о которых имеются сведения, ограничивается денежной поддержкой, но некоторые попечители, как видели выше, мало обращают внимания на необходимость ремонта школьных помещений; так в школе **Христо-Рождественской** (Кузнецкой вол., Кузнецкого окр.) **сельско-волостной**. «Попечитель – волостной писарь. Школа существует с 1875 года, не отремонтирована ни разу, сыро, стены промерзают, холодно страшно, вентиляций нет. Просьбы обратиться на это внимание остаются без ответа». Такое же невнимательное отношение попечителей в школах: **Сары-Чумышской** (Уксунайской вол., Кузнецкого окр.) **сельско-волостной**, **Ильинской** ([Ильинской] вол., Кузнецкого окр.) **сельско-волостной**, **Тюменцевской** (Кулун-

динской вол., Барнаульского округа), **Спаской** ([Спаской] вол., Томского окр.) **сельско-волостной**, **Дубровинской** (Ояшинской вол., Томского окр.) и друг[их] школах.

В казачьих школах хотя и имеются попечители везде, тем не менее в санитарном отношении эти школы совсем неудовлетворительны.

В чем проявляется деятельность попечителей этих школ, из ответов г[оспод] учителей не видно.

Учащиеся

Сведения, доставленные учителями об учащихся, отличаются крайней неопределенностью, неточностью, а на многие вопросы программы и совсем не дано ответов.

Сравнивая среднее количество учащихся на школу в 1894 году и в 1889 году¹, видим, что оно возросло, другими словами, увеличилась потребность в школе.

В школах:	1889 г.	1894 г.
Сельско-волостных	31,0	38,2
Церковно-приходских	20,0	30,8
Грамоты	?	22,8
Горнозаводских	34,0	34,5
Миссионерских	34,0	25,4
Казачьих	40,0	30,2
Частной Константиновской	30,0	72,0
Итого	25,1	32,6

Предлагаемая табличка позволяет проследить этот факт по отношению не только вообще начальных школ Алтайского округа, но и по отношению каждой из категорий школ; позволяет проследить не только рост потребности, но для некоторых разрядов школ – казачьих, миссионерских, и ее сокращение.

В среднем на школу потребность возросла на 7,5 ученика, если ее выразить в числе учеников, обучающихся в школах.

Самый большой прирост учеников в школах церковно-приходских (+10,8), затем в сельско-волостных (+7,2). В школах горнозаводских

¹Цитированная уже статья в сборнике П.А. Голубева «Алтай».

прирост очень незначителен (+0,5). В миссионерских школах учеников в 1894 году менее, чем в 1889 году на 8,6 ученика на школу, а в казачьих – даже на 9 учеников.

Число учеников в школе частной Константиновской увеличилось на 42 ученика.

О распределении учащихся по школам дает представление следующая табличка.

В школах:	Число школ	Общее число учащихся обоого пола	Мальчиков	Девочек	Среднее на 1 шк[олу] мальчик[ов]	Среднее на 1 шк[олу] девочек	Тех и друг[их] в среднем	Число школ, в которых не обучаются девочки
Сельско-волостных	38	1 453	1 083	370	28,5	9,7	38,2	«
Церковно-приходских ¹	39	1 203	940	263	24,1	6,7	30,8	5
Грамоты	16	365	294	71	18,4	4,4	22,8	3
Горнозаводских	8	276	231	45	28,9	5,6	34,5	5
Миссионерских	5	127	97	30	19,4	6,0	25,4	1
Казачьих	5	151	141	10	28,2	2,0	30,2	4
Частной Константиновской	1	72	41	31	41	31	72	«
Итого	112	3 647	2 827	820	25,2	7,3	32,6	18

Из этого видно, что большинство учащихся составляют мальчики (77,5%); на обучение девочек еще смотрят крестьяне, как на нечто не необходимое. Если оставить в стороне Константиновскую частную школу, где девочки составляют 43%, наибольшее число учащихся девочек принадлежит школам сельско-волостным (25,5%) и миссионерским (25,6%). Остальные категории школ в рассматриваемом отношении распределяются в такой последовательности: учащиеся девочки в школах церковно-приходских составляют 21,8%, в школах грамоты – 19,4%, в горнозаводских – 16,3% и в казачьих – 6,6%. Из 5 казачьих школ девочек не принимают в 4 (80%). В сельско-волостных школах девочки обучаются во всех. Вообще из 112 школ, о которых имеются соответствующие сведения, девочки не учатся в 18 (15,8%). Во всех

¹ Сведений о количестве учеников в 2 школах не дано.

школах, исключая миссионерские и частную Константиновскую, кроме детей сибиряков-старожилов, обучаются дети и переселенцев.

В 49 школах из 112 (43,7%) учителя свидетельствуют, что «переселенцы охотнее посылают своих детей в школу, чем сибиряки-старожилы».

Чтобы проверить эти явления, надо было бы сопоставить процентное отношение учащихся переселенцев ко всем переселенцам или только к переселенцам школьного возраста данного пункта с процентным отношением учащихся сибиряков ко всем сибирякам или к сибирякам школьного возраста того же пункта. Но этого мы не могли сделать, т. к. в нашем распоряжении нет данных о количестве населения в нужных нам пунктах Алтайского округа, а тем более о распределении его на переселенцев и старожилов.

Имеющийся же цифровой материал показывает нам следующее:

В школах:	Сельско-волостн[ых]	Церковно-приходск[их]	Грамоты	Горно-заводск[их]	Миссионерск[их]	Казачьих	Частной	Итого
Общее число учащихся	1 453	1 203	365	276	127	151	72	3 647
Число учащихся переселенцев	403	480	131	7	«	7	«	1 028
Общее число школ	38	39	16	8	5	5	1	112
Число школ, посещаемых переселенцами	28	24	9	1	«	1	«	63

Дети переселенцев составляют 28,2% общего числа учащихся и посещают 63 школы из 112 (56,2%). Первое место по количеству учащихся-переселенцев занимают школы церковно-приходские (39,9%) и грамоты (35,5%), затем сельско-волостные (27,7%). В казачьих школах переселенцев немного (4,6%), почти так же мало и в школах горнозаводских (2,5%).

Наши материалы не дают сведений о распределении учащихся по народностям, вероисповеданиям и проч., а потому мы и переходим непосредственно к возрастному составу учащихся, сгруппировав имеющиеся данные в следующую таблицу:

Количество учеников по возрастам:

В школах:	6 лет	7 лет	8 лет	9 лет	10 лет	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет и старше]	Итого	Число учащихся[ср], возр[аст] котор[ых] неизвес[тен]	Общее число учеников]
	Сельско- волостных	2	76	219	259	252	204	150	64	17	9	1 252	201
Церковно- приходских	17	82	163	191	218	179	126	89	28	20	1 113	90	1 203
Грамоты	4	27	47	52	59	40	35	25	15	5	309	56	365
Горнозаводских	«	9	48	60	56	38	44	12	6	3	276	«	276
Миссионерских	8	11	17	11	23	12	23	6	9	7	127	«	127
Казачьих	«	5	13	20	28	41	21	13	8	2	151	«	151
Частной Константиновск[ой]	«	«	12	13	14	12	14	5	2	«	72	«	72
Итого	31	210	519	606	650	526	413	214	85	46	3 300	347	3 647

Количество учеников по возрастам в процентах:

В школах:	6 лет	7 лет	8 лет	9 лет	10 лет	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет и старш[е]
Сельско-волостных	0,2	6,1	17,2	20,7	20,3	16,4	11,9	5,1	1,4	0,7
Церковно-приходских	1,5	7,5	14,6	17,2	19,6	16,1	11,3	7,9	2,5	1,8
Грамоты	1,3	8,4	15,2	16,8	19,1	13,0	11,3	8,1	4,9	1,9
Горнозаводских	«	3,3	17,4	21,7	20,3	13,7	15,9	4,4	2,2	1,1
Миссионерских	6,3	8,7	13,4	8,7	18,1	9,4	18,1	4,7	7,1	5,5
Казачьих	«	3,3	8,6	13,2	18,5	27,1	13,9	8,7	5,3	1,3
Частной Константиновской	«	«	16,7	18,1	19,4	16,7	19,4	6,9	2,8	«
Итого	0,9	6,4	15,7	18,4	19,7	15,9	12,5	6,5	2,6	1,4

Большинство учащихся имеет возраст от 8-11 лет; с 12 лет число учащихся быстро понижается, так что 15-летние составляют всего 1,4%. Это можно сказать не только по отношению всех вообще школ округа, но в такой же степени и по отношению [к] каждой категории, на которые разделяются школы Алтайского округа. Для приема возраст не определен: 6-летних детей [хотя] и немного (0,9%), но они есть в школах сельско-волостных, церковно-приходских, грамоты и казачьих. Как видно из приведенной таблицы, самый большой процент детей в возрасте 10 лет (19,7%). По отзывам учителей, крестьяне редко оставляют детей в школе после 12-летнего возраста, отбирая их для полевых и домашних работ, а также отдавая в рабочие к чужим людям. В школах церковно-приходских и грамоты очень многие из учеников отбираются из школы «по неизвестным причинам». В ответах г[оспод] учителей читаем:

Федосовская (Ординской вол., Барнаульского окр.) **церковно-приходская** школа. «Почти все ушли по несочувствию к школе».

Пайвинская (Кривошековской вол., Томского окр.) **церковно-приходская**. «Выбыло 13 человек по нежеланию».

Секисовская (Вл[адимирской] вол., Бийского окр.) **церковно-приходская**. «17 человек ушло по неизвестным причинам».

Смоленская (Верхотомской вол., Кузнецкого окр.) **церковно-приходская**. «В году [выбыло] 8 учеников по желанию родителей».

Чулымская (Карасукской вол., Барнаульского окр.) **церковно-приходская**. «За год ушло 30 человек по неизвестным причинам».

Боровлянская (Кайлинской вол., Томского окр.) **грамоты**. «Крестьяне на учение смотрят как на роскошь, без которой легко можно обойтись, учат тогда, когда ребенок мешает дома, 7-8 лет, а лишь подрастет, разовьется, едва станет понимать, что объясняешь, сейчас же отбирают на работу»...

Из **39** школ церковно-приходских на полевые работы взяли родители своих детей из **22** школ (56,4%) и школы остались после Пасхи без учеников. С шестой недели Великого поста почти все школы грамоты пустуют.

К сожалению, нет сведений о количестве действительно бывших учебных дней в году, но можно предположить, что оно очень невелико в школах духовного ведомства, если не во всех, то во многих, особенно, если принять во внимание, что учение начинается с половины сентября и кончается в марте, Рождественские каникулы $2\frac{1}{2}$ недели, однодневные праздники, да роспуск учителем учеников «во все холодные дни по невозможности сидеть от холода в классах» и т. д.

Две миссионерские школы ученики покидают для ухода на фабрики, а из 3-х школ уходят «по бедности» (количество не известно). «По неизвестным причинам» уходят ученики из **казачьей** школы **Николаевской** (Антониевской ст[аницы]), в остальных же 4-х школах учатся до окончания курса, за редкими исключениями, то же самое и в школах горнозаводских. В школах сельско-волостных для полевых работ ушло совсем из 12 школ 223 ученика (старшее и среднее отделение), что в среднем составит 18,6 ученика на школу. Вот что говорят по этому поводу сами учителя.

Шемонаевская (Александровской вол., Бийского окр.) **сельско-волостная** школа. «Для полного окончания курса учеников остается очень мало. На третий год – меньше половины. Полевые работы весной отнимают $\frac{2}{3}$ учеников. Учитель дорожит, как золотом, оставшимися учениками. Родители считают подростка 13 лет заменяющего наемника. Тяжело окончить курс мальчику в сельской школе, тяжело и школе».

Крутихинская (Бурлинской вол., Барнаульского окр.) **сельско-волостная**. «Много способствует неуспешному преподаванию поздний сбор учеников и ранний уход всех учеников из старшего отделения на полевые работы».

Жерновская (Александровской вол., Бийского окр.) **сельско-волостная**. «После Пасхи на полевые работы родители отбирают учеников из старшего отделения больше половины».

Многие ученики оставляют школу по бедности, по неимению одежды и обуви. Так, в школе **Салаирской** ([Салаирской] вол., Кузнецкого окр.) **сельско-волостной** в 1894 году вышло из школы 30 учеников «за неимением одежды и обуви».

И так много школ, в которых ученики или по неизвестным причинам, или для домашних и полевых работ, или по бедности оставляют учение, не окончив курса. Кроме этого, учителя еще жалуются на неаккуратное посещение школы учениками, на ученические манкировки, которые представляют собою общее явление во всех школах.

Причины манкировок разнообразны: «по болезни», «по неизвестным причинам», «по домашним работам», «по ленности», «по неимению одежды» и т. д.

Учитель школы **грамоты Боровлянской** (Кайлинской вол., Томского окр.), жалуясь на манкировки учеников, объясняет их причину в нежелании родителей учить своих детей как следует: «с болью в сердце приходится видеть, как способного ребенка, едва выучившегося читать, отбирают и не пускают в школу. Весьма немногие учат своих детей ради учения. Большинство говорит так: «нам не в писаря, будет и этого», вот в таком-то взгляде на учение и лежит корень манкировок однодневных и многодневных. По моему мнению, единственная мера против родительского заблуждения может быть общая учебная повинность. По крайней мере, для селений, в которых существуют школы. Когда же народ поймет необходимость и пользу учения, тогда принудительные меры могут быть отменены». Учительница **Зеледеевской** школы (Ояшинской вол., Томского окр.) **сельско-волостной** видит причину манкировок «не в нерадении родителей, а в их бедности, в неимении средств обуть и одеть ребенка. Большинство детей с охотою бежит в школу и просит «поучить». Ласковое слово, любовь к ребятам, чтение – вот что привязывает ребят, а наказания, принуждения дети чуждаются и бегут из школы». Аккуратное посещение детьми школы, конечно, зависит от массы причин, но одна из главных – личность самого учителя, а затем обстановка школы. Меры, рекомендуемые учителем школы Боровлянской, не могут быть признаны целесообразными уже потому одному, что плохая та школа, которая для своего пополнения должна прибегать к принуждению и «повинностям».

Во всяком случае, все приведенные выше факты убеждают лишь в одном, что начальная школа Алтайского округа, к какому бы из существующих типов она не принадлежала, не занимает в жизни деревни того положения, какое ей принадлежало бы по праву. Происходит ли это вследствие невежества населения, его бедности, неудовлетворительной постановки самой школы, личности преподавателя, категорического ответа наши материалы не дают, на основании их можно делать лишь кое-какие догадки, налицо же остается один факт, который и необходимо было отметить.

Но рядом с этим фактом наблюдается и другой, который не оставляет ни малейшего сомнения, что в части населения уже пробуждено более сознательное отношение к школе, ради которой оно мирится с некоторыми очень существенными неудобствами. Мы говорим о посещении школ детьми из других селений. Нужно знать сибирские расстояния между деревнями, чтобы понять значение этого факта. Вот относящиеся сюда цифры.

В школах	Сельско- волостн[ых]	Церковно- приход[ских]	Грамоты	Горно- заводск[их]	Миссио- нерск[их]	Казач[ьих]	Частной Конст[антин- новской]	Итого
Общее число учеников	1 453	1 203	365	276	127	151	72	3 647
Приезж[ающих] из друг[их] дер[евень]	127	57	11	4	5	26	«	230
%	8,7	4,8	3,0	1,4	3,9	17,2	«	6,4

Из этой таблицы видны скромные размеры отмеченного выше явления: большинство учащихся живет в том же селе, где школа, со своими родителями. Приезжих из других деревень немного, так, для всех школ приезжих 6,4%. Наибольший процент приезжих падает на школы казачьи – 17% и сельско-волостные – 8,7%. Сообщения некоторых из г[оспод] учителей показывают, что при иных условиях этот процент мог бы быть значительнее. Так, в школе Христо-Рождественской (Кузнецкой вол., Кузн[ецкого] окр.) сельско-волостной: «волостное правление отказывает в приеме ученикам из других деревень»; в школе Маслянинской (Николаевской вол., Барн[аульского] окр.): «в [18]94

году сразу оставили школу 23 ученика по следующей причине: до 1894 года было установлено, по недостатку учеников, содержать от каждого сельского общества по одному ученику на общественный счет, всего было 26 учеников. По распоряжению же г[осподина] чиновника по крестьянским делам в 1894 г. велено было отказать всем ученикам, содержащимся на казенный счет, от переполнения учениками училища». На вопрос же «скольким ученикам отказано в приеме?», учитель отвечает: «отказывать по недостатку места ученикам не приходилось...».

Как видно из нижеследующей таблицы, большинство приезжих учеников живет у родственников (31,3%); на квартирах у крестьян живет 25,6%. При школах же живет 9,1% учеников.

В школах:	Общее число приезжих учащихся:	Приезжие ученики живут			
		У крестьян (в наем.)	У родствен[ников]	При училище	Неизвестно где
Сельско-волостных	127	54	45	11	17
Церковно-приходских	57	5	16	10	26
Грамоты	11	«	11	«	«
Горнозаводских	4	«	«	«	4
Миссионерских	5	«	«	«	5
Казачьих	26	«	«	«	26
Итого	230	59	72	21	78

При школе *Христо-Рождественской* (Кузнецкой вол., Кузн[ецкого] окр.) *сельско-волостной* имеется «приют», где помещалось в [18]93/4 году 11 человек, но в [18]94 году «отказано» в приеме приезжим; также имеется приют для детей в церковно-приходской школе *Елбанской* (Нижне-Чарышской вол., Томского окр.)¹, где живет 10 человек приезжих учеников. Каковы эти приюты, насколько они рационально устроены материалы не дают ответа. Большинство приезжих учеников живет на квартирах у родственников: так, в сельско-волостных школах – 35,4%, в церковно-приходских – 28,1% и грамоты – 100%. Где живут приезжие ученики школ горнозаводских, казачьих и миссионерских неизвестно.

¹ Автор ошибается: Нижне-Чарышская волость находилась в Бийском округе. (Ред.)

Вследствие малого количества школ, учеников иногда привозят в школу из очень дальних деревень, что видно из следующей таблицы.

Приезжие ученики из деревень, находящихся от села, где школа, на расстоянии:

В школах:	Всего приезж[их]	1-3 в[ерсты]	3-5 в[ерст]	5-10 в[ерст]	10-20 в[ерст]	20-30 в[ерст]	30-40 в[ерст]	40-50 в[ерст]	50-100 в[ерст]	Неизвестн[ое] число верст
Сельско-волостных	127	5	21	12	26	22	12	8	«	21
Церковно-приходских	57	«	1	16	18	11	2	2	«	7
Грамоты	11	«	«	2	5	1	«	3	«	«
Горнозаводских	4	«	2	«	«	«	«	2	«	«
Миссионерских	5	«	«	«	5	«	«	«	«	«
Казачьих	26	«	«	«	6	18	«	«	2	«
Итого	230	5	24	30	60	52	14	15	2	28

Два ученика в казачьих школах привезены за 60-75 верст. Самое большое количество приезжих учеников за 10-20 верст (26,1%) и 20-30 вер[ст] (22,6%); процент приезжих вообще увеличивается с 3-вер[стного] расстояния до 30-верстного, а затем падает, так, от 40-50 вер[ст] приезжие составляют уже всего 6,5%, а свыше 50 верст – 0,9%.

Как можно судить по этим данным, крестьяне очень желают иметь грамотных детей, иначе не привозили бы в школы так далеко, почему и нельзя согласиться с приведенным выше мнением боровлянского учителя, что крестьяне не понимают пользы учения и потворствуют детям в лени и пр. Делать обобщения на основании единичных фактов, хотя бы и вполне достоверных, нельзя.

В школах сельско-волостных, горнозаводских, казачьих, церковно-приходских и частной Константиновской курс учения 3-годичный, по прошествии которого ученики, выдержавшие экзамен, получают льготное свидетельство 4-го разряда по отбыванию воинской повинности. Школы грамоты и миссионерские не дают этого права.

Об успехах школьного дела можно судить более или менее верно по количеству кончающих и по количеству оставляющих школу учеников, но о последнем, как выше упомянуто, за неимением данных, определенного ска-

зять ничего нельзя. Для сопоставления данных об окончивших курс в [18]94 году, мы имеем соответствующие сведения за предыдущий [18]93 год.

В школах:	Число школ, о которых имеются данные		Число школ, в которых произв[одится] экзамен		Процент школ, давших выпуск	
	1893 г.	1894 г.	1893 г.	1894 г.	1893 г.	1894 г.
Сельско-волостных	38	38	21	13	52,6	34,2
Церковно-приходских	38	39	9	11	23,6	28,2
Горно-заводских	8	8	7	5	87,5	62,5
Казачьих	5	5	1	2	20,0	40,0
Итого ¹	89	90	38	31	42,6	34,4

Сравнивая результаты учения в 89 школах, о которых имеются данные за 1894 и 1893 гг. узнаем, что процент школ, из которых был выпуск в 1894 году, понизился вообще перед процентом школ, давших выпуск в 1893 году, на 8,2%; в школах сельско-волостных – даже на 18,8%; горнозаводских – на 25,0%; напротив, он повысился в школах церковно-приходских на 4,5% и казачьих – на 20,0%.

Для объяснения этого факта мы имеем следующие данные.

В 1894 г. в сельско-волостных школах Томского округа экзамены произведены всего в 2-х школах: Спасской ([Спасской] вол.) и Ярквской (Ояшинской вол.). Во многих школах ученики были готовы к экзамену, но таковые не производились. Вот что по этому поводу пишет один учитель: «Весной учителя всех школ, обыкновенно, в марте или апреле, получают уведомление от штатного смотрителя о дне экзамена в каждой школе. Но такого уведомления в 1894 году никто не получил, но все ждали, что экзамены будут, так как они начинаются в наших школах числа 5-го – 6-го июня и продолжаются до Петрова дня (!). По мере приближения дня экзамена, среди учителей начали ходить слухи, что экзаменов не будет, потому что учителям-экзаменаторам (они из Томского уездного училища) не выдают ни денег, нужных для проездов по школам, ни бланков. Послали в Томск штатному смотрителю телеграмму, спрашивая, будут ли экзамены? В ответ получили телеграмму

¹ О частной Константиновской школе будет сказано особо.

следующего содержания: «экзаменов не будет, можете учеников распустить на каникулы». При личном свидании штатный смотритель объяснил так: «губернатор не разрешил выдачу бланков или денег на проезд по школам по распоряжению Министерства внутренних дел». В декабре 1894 г. штатный смотритель...объехал ... несколько школ, в которых и был произведен экзамен». Отсутствие экзамена производит тяжелое впечатление на детей и их родителей. Учитель другой школы пишет¹: «Население, привыкшее с уважением относиться ко дню экзамена, как [к] торжеству, было поражено и угнетено, когда узнало, что экзаменов не будет, вследствие чего пришлось выслушать следующие заявления: «мы платим деньги на содержание училища, лишаемся работников в горячее рабочее время, а вы лишаете детей возможности получить льготное свидетельство!» Такие жалобы крестьян пришлось выслушать очень многим учителям Томского округа в 1894 году. В школах церковно-приходских, давших выпуск, из 11 школ в 9, преподавали учительницы, а в тех школах, где преподавали церковнослужители, выпуск был всего в 2-х школах, по два ученика в каждой.

В школах:	Окончивш[их в] 1893 г.			Окончивш[их в] 1894 г.		
	Школы, давш[ие] вып[уск] 1893 г.	Всего учеников	Среднее на 1 школу	Всего учеников	Среднее на 1 shk[олу]	Школы, давшие вып[уск в] 1894 г.
Сельско-волостных	21	63	3	40	3,1	13
Горно-заводских	7	23	3,3	17	3,4	5
Церковно-приходских	9	15	1,7	33	3,0	11
Казачьих	1	2	2,0	4	2,0	2
Итого	38	91	2,7	94	3,0	31

Если сравнить окончивших учеников по количеству в 1894 г. с 1893 г., то оказывается, что число окончивших курс учеников в 1894 г. в общем увеличилось на 0,3² ученика в среднем на школу. Церковно-приходские увеличили число окончивших на 2,3 ученика на школу.

¹ По понятным причинам мы не приводим здесь имена тех из учителей, которыми были сделаны эти сообщения.

² Окончивших учеников будем везде считать: окончивших мальчиков, получивших льготные свидетельства IV разряда.

Сельско-волостные и горнозаводские увеличили число окончивших на 0,1 уч[еника] на школу. Школы казачьи дали те же результаты в 1894 г., что и в 1893 г. В школах сельско-волостных количество учеников, окончивших в 1893 г., в среднем на 1 школу, более чем число окончивших в школах церковно-приходских на 1,6 уч[еника], а в 1894 г. средние выводы почти одинаковы, что произошло вследствие отсутствия экзамена в сельско-волостных школах Томского округа.

В каком отношении окончившие курс стоят ко всем учащимся, показывает следующая табличка.

В 1894 г.	Сельско-волостн[ые]	Церковно-приходск[ие]	Горно-заводск[ие]	Казачьи	Итого
Общее число учащихся	1 453	1 203	276	151	3 083
Число окончивших учеников	40	33	17	4	94
% отношение к общему числу	2,7	2,7	6,2	1,3	3,0

Самый большой процент окончивших из общего числа учащихся падает на школы горнозаводские (6,2%). Самый же малый – на школы казачьи (1,3%); процент окончивших в школах сельско-волостных и церковно-приходских одинаков – 2,7%, притом несколько низший среднего для всех школ – 3,0%.

Если же сравнить результаты занятий 1894 г. с 1889 г.¹, то получим разницу, говорящую за то, что школьное дело в Алтайском округе подвинулось вперед, хотя и незначительно. Так, сельско-волостные школы в среднем из одной школы в 1889 г. выпустили 2,8 ученика, а в 1894 г. – 3,1 ученика (+0,3). Школы горнозаводские увеличили количество окончивших учеников в 1894 году против 1889 года на +3,6 ученика в среднем на одну школу. Церковно-приходские школы в 1889 г. из 64 школ дали выпуск всего 5 школ (7,8%), а в 1894 году из 41 школы дали выпуск 11 школ (26,8%).

В частной Константиновской школе окончило учеников: в 1889 г. – 11 человек, в 1893 г. – 10 и в 1894 г. – 6 учеников. Почему число окончивших уменьшается, неизвестно.

Кроме обучения грамоте, в некоторых школах преподается пение,

¹ «Алтай», стр. 272 и 273.

гимнастика, ремесла и, так называемые, рукоделья, но число таких школ очень незначительно, что видно из таблицы:

В школах:	Общее число школ	Число школ, в котор[ых] преподается:				Число школ, где производят воскрес[ные] чтения и беседы
		Пение	Гимнастика	Ремесла	Рукоделия	
Сельско-волостных	38	21	1	2	2	5
Церковно-приходских	41	23	«	1	2	11
Грамоты	16	10	«	«	«	6
Горно-заводских	8	6	1	1	«	«
Миссионерских	5	5	«	«	«	3
Казачьих	5	2	«	1	«	«
Частной Константиновской	1	1	1	1	1	«
Итого	114	68	3	6	5	25

Пение преподается в большинстве школ (59,6%) или самими учителями, или кем-нибудь из церковнослужителей; а в школе **Сорокинской** (Чумышской вол., Барнаул[ьского] окр.) **сельско-волостной** преподает пение волостной писарь; в **Тальменской** ([Тальменской] вол., Барнаул[ьского] окр.) **сельско-волостной** – жена священника. Совсем иначе обстоит дело преподавания ремес[е]л, рукоделия и гимнастики: процент школ, в которых преподаются ремесла (5,2%) и рукоделия (4,3%) – самый ничтожный.

Учитель-священник **церковно-приходской** школы выс[елка] **Боровой Форпост** (Покр[овской] вол., Барн[аульского] окр.) на предложенный вопрос о ремеслах отвечает: «Ручной труд и преподавание ремес[е]л возможно в образцовых школах и при образцовых учителях».

Учителя некоторых школ изъявляют полную готовность заняться преподаванием ручного труда. Так, в **Шемонаевской** школе (Александровской вол., Бийского окр.) **сельско-волостной** учитель пишет: «Инструменты, верстаки есть, преподавать могу сам, а ручной труд не веду за неимением средств и помещения, где бы можно было заниматься».

В школах: *сельско-волостной Анисимовской* (Боровлянской вол., Барн[аульского] окр.), *Терской казачьей* (Антоньевской станицы) и *церковно-приходской Елбанской* (Нижне-Чарышской вол., Бийск[ого] окр.) преподается переплетное мастерство, причем в первой и во второй руководит занятиями учитель, а в последней «приезжает иногда переплетчик и показывает». Во всех 3-х школах имеется достаточное количество переплетных инструментов.

В *горнозаводской школе Колыванской* ([Колыванской] вол., Бийского окр.) «преподается рисование, лепка из глины и резьба по камню». Нужно заметить, что главным занятием населения служит гранильный и шлифовальный труд, приложение которого оно находит на местной шлифовальной фабрике Кабинета Е г о В е л и ч е с т в а, ведомству которого принадлежит сама школа.

Всего 2,6% школ имеют приспособления для гимнастических упражнений. В *Колыванской школе горнозаводской* гимнастикой дети занимаются во все учебное время в перемены в нарочно для этого устроенной комнате. В частной Константиновской гимнастика устроена в роще и дети занимаются ею только летом.

Только в 25 селениях, где есть школы (21,9%), устраиваются чтения или беседы с окончившими курс и взрослыми. Чтения в большинстве случаев духовного содержания, производятся священниками в церквях. В школах же чтения светского содержания устраиваются очень редко: в сельско-волостных школах из 38 только в трех учителя по праздникам читают для детей и желающих крестьян; выбор чтений не известен. В школе *Николаевской казачьей* учитель заявляет следующее относительно народных чтений: «народные чтения очень желали открыть, но их не разрешил штатный смотритель, найдя невозможным ходатайствовать перед директором народных училищ о разрешении устройства чтений потому, что, по его мнению, не нашлось человека, который мог бы вести контроль над этим чтением».

Что касается до воскресных повторительных классов или воскресной школы для взрослых и окончивших учеников, то таковая имеется всего лишь при одной школе из 114 школ, именно при Власихинской (Шадринской вол., Барнаульского окр.) школе грамоты, где попечителем г[осподин] Штильке.

Из ответов, данных учителями, составила нижеследующая таблица, показывающая количество школ, имеющих ученические библиотеки, в которые не включены учебники.

В школах:	Общее число школ	Число школ с библиот[еками]	Общее количество экземпляров	Количество экземпляр[ов] на школу
Сельско-волостных	38	37	9 940	261,5
Церковно-приходских	41	27	2 903	70,8
Грамоты	16	8	473	29,6
Горнозаводских	8	8	1 144	143
Миссионерских	5	2	100	20
Казачьих	5	5	203	40,6
Частной Константиновской	1	1	265	265
Итого	114	88	15 028	131,8

По количеству имеющихся книг в библиотеках, кроме частной Константиновской (265 кн.), можно считать удовлетворительными школы сельско-волостные, где в среднем на школу приходится 261,5 книги и где школы, имеющие библиотеки, составляют 97,4%. Нельзя сказать, чтобы все 37 школ имели достаточное количество книг в библиотеках, т. к. всего 11 школ, которых библиотеки удовлетворительны по количеству экземпляров, а именно:

Гутовская (Кайлинской вол., Томского окр.) – 635 книг, **Анисимовская** (Барнаульской вол., Барнаульского окр.) – 686 книг, **Кривошековская** ([Кривошековской] вол., Томского окр.) – 653, **Тулинская** (Бер[д]ской вол., Барнаульского окр.) – 520, **Лянинская** ([Лянинской] вол., Барнаульского окр.) – 510, **Сары-Чумышская** (Уксунайской вол., Кузнецкого окр.) – 548 кн., **Салаирская** ([Салаирской] вол., Кузнецкого окр.) – 415, **Тальменская** ([Тальменской] вол., Барнаульского окр.) – 410 кн., **Жерновская** (Александровской вол., Бийского окр.) – 375 кн., **Сорокинская** (Чумышской вол., Барнаульского окр.) – 360 кн. и **Чаусская** ([Чаусской] вол., Томского окр.) – 331 книгу. Остальные же школы имеют в библиотеках книг от 25 до 100. В **Сростинской** ([Сростинской] вол., Бийского окр.) всего 18 книг имеет библиотека. **Чилинская** (Уртамской вол., Томского окр.) совсем не имеет библиотеки. Общее заявление учителей сельско-волостных школ – о необходимости пополнять библиотеки, т. к. наличного количества книг не хватает для желающих.

Горнозаводские школы, хотя и все имеют библиотеки, но в среднем на школу здесь приходится 144 книги, так что уступают школам сель-

ско-волостным. Школы духовного ведомства очень бедны библиотеками. Так, 14 школ из 41 церковно-приходской, 8 школ из 16 грамоты и 3 из 5 миссионерских совсем не имеют библиотек, а если 65,8% школ церковно-приходских и 5% грамоты и имеют библиотеки, то почти все книги духовного содержания, да и количество их очень ограничено, так как на школы грамоты в среднем приходится 29,6 книги, на церковно-приходские – 70,8 книги, на миссионерские – 20 книг.

Большинство таких-то маленьких библиотек имеются в школах, где преподают светские учителя. Не везде и сознается необходимость ученических библиотек: учитель-священник школы **Боровой Формост** (Покровской вол., Барнаульского окр.) церковно-приходской на вопрос: «имеется ли ученическая библиотека?» пишет: **«нет, да и не к чему»**. Что ожидать от школы, учитель которой заявляет, что не нужно библиотеки? Выучившись грамоте в такой школе, дети скоро и забудут, да и интерес к учению пропадает без чтения книг. Недаром же в такие школы «нужно упрашивать отдавать в школу, да и то нейдут».

В школах казачьих во всех есть библиотеки, но в очень ограниченном количестве экземпляров книг – 40 экземпляров в среднем на школу.

Вообще все библиотеки очень бедны, в среднем на одну школу приходится 131,8 кн[иги], что очень недостаточно, если принять во внимание, что при учении необходимо пополнять знания чтением книг, а также давать книги окончившим и всем грамотным крестьянам, отношение которых к чтению в большинстве случаев очень благоприятное, что и видно из таблицы:

Число школ, в которых пользуются из библиотек книгами	Школы:							Итого
	Сельско-волостн[ые]	Церков[но]-приход[ские]	Грамот[ы]	Горнозавод[ские]	Миссионер[ские]	Казачьих	Частная Константинов[ская]	
Окончившие курс	19	7	1	2	«	2	1	30
Окончившие курс и взрослое население	14	18	2	1	1	2	1	39
Охотно берут книги	27	20	2	3	1	4	1	58
Равнодушно относятся	6	3	1	«	«	«	«	10
Совсем не берут	5	4	5	5	1	1	«	21

58 учителей из 89 (тех школ, где есть библиотеки) свидетельствуют об охотном чтении населения и окончивших курс и в 31 селе отношение равно-

душное или вовсе не берут книг. Самое большое количество сел, где население охотно читает, принадлежит к тем, где школы сельско-волостные (71,1%).

Для более ясного представления о том, как население относится к чтению книг из ученических библиотек, приведем более характерные отзывы об этом учителей в различных категориях школ; так, в **сельско-волостных** школах:

Ояш ([Ояшинской] вол., Томского окр.): «296 книг. Книги берут окончившие и взрослые, читают очень охотно, выдачей довольны – **это для них новость**».

Вороново (Уртамской вол., Томского окр.): «105 кн[иг]. Пользуются окончившие и взрослые, просят очень многие, книг не хватает. Библиотека очень нуждается в пополнении».

Чилино (Уртамской вол., Томского окр.): «Усиленно просят, дать нечего, нет библиотеки».

Чаусская ([Чаусской] вол., Томского окр.): «331 книга. Берут учащиеся и окончившие. Взрослые не желают».

Гутовское (Томской губ., Кайлинской вол.): «633 кн[иги]. Берут охотно».

Кривощеково (Кривощековской] вол., Томского окр.): «653. Читают охотно. Книг не хватает, испытываю сильную нужду в пополнении библиотеки».

Медведское (Легостаевской вол., Барнаульского окр.): «317. Желających читать масса, библиотека так мала, что невозможно удовлетворить желающих».

Анисимовская (Боровлянской вол., Барнаульского окр.): «686 книг. Взрослым даю только тем, кого знаю за добросовестных людей. Читают много и очень охотно».

Маслянинская (Николаевской вол., Барнаульского окр.): «308. Взрослым **не даю, хотя многие просят**, боюсь, что изорвут, библиотека так мала и ветха, что скоро ученикам нечего будет читать».

Тальменская ([Тальменской] вол., Барнаульского окр.): «410. Кроме своих односельчан приходят многие из соседних деревень и сел за книгами. Потерь не бывает. Обращаются аккуратно и охотно читают».

Шемонаевская ([Шемонаевской] вол., Бийского окр.): «101. Библиотека очень мала. С каждым годом количество читающих все возрастает и возрастает. Масса просит книг. Возвращают аккуратно».

Локтевская ([Локтевской] вол., Бийского окр.): «211. Пользуются взрослые очень охотно. Возвращают весьма аккуратно».

Риддерская ([Риддерской] вол., Бийского окр.): «126. Грамотных очень мало, почему никто и не берет книг».

Сары-Чумышская (Уксунайской вол., Кузнецкого округа): «Читают все охотно».

Учителя школ **церковно-приходских** пишут следующее:

Пайвинская (Кривошековской вол., Томского окр.): «167. Библиотека пополняется редко. Крайней нужды в ней нет».

Зеледеевская (Ояшинской вол., Барнаульского окр.): «Просят книг очень многие, давать нечего».

Секисовская (Владимирской вол., Бийск[ого] окр.): «114. Крестьяне-единоверцы книг для чтения не берут, считают их вредными, ведутщими во ад».

Красноярская (Ординской вол., Барнаульского окр.): «Нет книг даже для учащихся, взрослые просят, дать нечего».

Афонинская (Бачатской вол., Кузнецкого окр.): «336. Читают с любовью и охотой как старожилы, так и переселенцы».

Боровой Форпост (Покровской вол., Барнаульского окр.): «Взрослые не берут, да и допускать не к чему».

Из школ **грамоты** лучшая по количеству книг в библиотеке **Власихинская** (Шадринской вол., Барнаульского окр.): «Книг 170. Берут взрослые и окончившие курс охотно».

В библиотеке школы **Лосихинской** (Верх-Чумышской вол., Барнаульского окр.) всего 8 книг. Учитель пишет: «Берут все, читают охотно». Мудрено всех желающих удовлетворить 8-ю книгами.

Тюдралинская (Ануйской вол., Бийского округа) миссионерская: «Не пользуются книгами никто потому, что дать нечего. По неимению **библиотеки**, для домашнего чтения **выдаются** учебные книги, Евангелие, например».

В большинстве школ **горнозаводских** книгами из библиотек пользуются учащиеся. Учитель школы **Гурьевской** (Салаирской вол., Кузнецкого окр.) пишет: «В библиотеке 40 книг. Взрослые берут на стороне, часто покупают дешевые издания «Посредника».

Школы казачьи очень бедны книгами.

Учитель Маральевской школы (Антоньевской ст[аницы]) пишет: «Всего 1 книга и 8 брошюр, нечего давать ученикам, не то что взрослым». И так, по заявлениям учителей, потребность к чтению у населения есть, но мало удовлетворяется в большинстве случаев по недостатку книг, по отсутствию библиотек, а также от малой подготовленности самих преподавателей, которые думают, что чтение книг для крестьян «пустое времяпровождение». Не лишено интереса привести здесь некоторые данные о школьных

библиотеках в земской России. Многие земства и уездные, и губернские озабочены лучшей постановкой библиотечного в школах дела, т. к. без возможности читать впоследствии книги и сама школа теряет свое значение. Так, в Московской губ. «в 1879 году на помощь уездам в деле устройства библиотек при земских школах приходит губернское земство, которое, по постановлению собрания, выдает по 25 руб. на школу, если уездное земство со своей стороны отпускает на тот же предмет не менее 25 рублей»¹. Благодаря такой заботливости земства «число школьных библиотек за последнее десятилетие (1882/3 учеб[ный] год – 1892/3 учеб[ный] год) заметно увеличилось почти во всех уездах, причем число их росло значительно быстрее числа школ: в то время, как число последних за 10 лет увеличилось в 1,22 раза, число библиотек возросло в 3,12 раза»².

Из отчета о народном образовании в Новгородской губернии за 1884/5 учебн[ый] год видим, что на каждую библиотеку в среднем приходилось 211 книг, библиотечки эти не могли удовлетворить желающих пользоваться книгой, а потому «кроме учреждения маленьких библиотечек при школах, предназначенных главным образом для учащихся, земство дало толчек к распространению среди населения полезных книг путем организации книжных складов в наиболее населенных пунктах губернии. Помимо усилий уездных земств в этом деле играет видную роль частная инициатива»³.

За последние года в Европейской России видное место занимают так называемые «передвижные сельские библиотеки». Так, в 1891 году Прасковия Дмитриевна Антипова, имея книжный склад «Костромич» в г. Костроме, организовала особый тип «четырёх школьных библиотек», сделала выбор книг и предложила уездному земству Костромской губернии ввести в своих уездах такие библиотеки. Земства откликнулись на это благое нововведение и вот 5-й год, как сельские школы и села уездов Костромской губернии постоянно имеют переменные библиотеки. «Особенность этих библиотек заключается в том, что **4 школы раз могут пользоваться** библиотекой в 50 руб., при затрате со стороны земства одной четверти этой суммы на школу»⁴. Кроме Костромской

¹ [Орлова В.И.] «Народное образование в Московской губернии за 1884 г.», стр. 142.

² «Статистический отчет по училищам Московской губернии за 1892/3 учеб[ный] год», стр. 20.

³ «Очерк народного образования в Новгородской губернии» за 1894/5 учеб[ный] год, стр. 62.

⁴ Подробную организацию см. «Четырёх школьная библиотека», типа книжного склада «Костромич» П.Д. Антиповой. 1893 г.

губернии, «четырёхшкольные библиотеки» из склада «Костромич» с 1893 года были выписаны в губернии: Нижегородскую, Рязанскую, Тульскую, Владимирскую и Симбирскую; в общей сложности с 18 декабря 1891 года по 1-е апреля 1896 года выпущено складом «Костромич» 59 четырёхшкольных библиотек. Такие библиотеки выписываются не только земствами и учительскими советами, но и попечителями школ.

Расходы по содержанию школ

В целях настоящей работы было бы чрезвычайно важно определить расходы, какие несет население и каждое из ведомств, имеющих свои школы, на народное образование в Алтайском округе. К сожалению, имеющийся материал не позволяет это сделать с тою полнотой, какая потребовалась бы, а потому мы должны будем ограничиться лишь немногими чертами. Нужно сказать при этом, что цифровой материал имеется только о 91 школе из 114, что составит около 78%. Следующая таблица дает нам представление о количестве расходуемых сумм разными ведомствами на школу, а также указывает и те слагаемые, из которых эти суммы составляются.

Отпускается на содержание школ: (в рублях)

Школы:	Школы, о котор[ых] имеют[ся] сведения	Из сумм земск[ого] сбора и сред[ств] казны		Из сельско-общественных сумм		Из сумм духовн[ого] ведомства		Из сумм ведом[ства] Кабинета Его Величества		Из сумм частных лиц		Итого	В среднем на школу
		%		%		%		%		%			
Сельско-волостные	37	13 544	80,2	3 180	18,8	«	«	«	«	184	1,0	16 908	456,9
Церковно-приходские	28	«	«	485	14,8	2 603	79,3	«	«	195	5,9	3 283	117,2
Школы грамоты	10	«	«	266	27,0	678	68,9	«	«	40	4,1	984	98,4
Горно-заводские	8	«	«	«	«	«	«	4015	100	«	«	4 015	501,8
Миссионерские	4	«	«	«	«	430	100	«	«	«	«	430	107,5
Казачьи	4	610 ¹	98,1	12	1,9	«	«	«	«	«	«	622	155,5

¹ Из хозяйственных сумм казачьего войска.

Рассматривая эти ряды цифр, мы убеждаемся, что для содержания сельско-волостных школ существуют три источника, а главным из которых является губернский земский сбор (80,2%), затем средства, отпускаемые сельскими обществами (18,8%) и, наконец, пожертвования частных лиц (1,0%) общей суммы. Церковно-приходские школы и школы грамоты черпают средства так же из трех источников: средств духовного ведомства, которые для первых составляют 79,3% годового бюджета, для вторых – 68,9%; остальные два источника те же, что и в школах сельско-волостных: сельские общества, доставляющие 14,3 и 27,0% и частные пожертвования – 5,9 и 4,1%. С пожертвованиями частных лиц мы уже не встречаемся более ни по отношению одного из следующих разрядов школ: горнозаводские содержатся исключительно на средства Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, как миссионерские – на средства духовного ведомства. Общественная же помощь наблюдается еще в казачьих школах (1,9%), где главным источником служат войсковые средства.

Переходя к другому вопросу, о сравнительных расходах по содержанию школ каждого из разрядов школ, о которых имеются сведения, узнаем, что наибольшие расходы несет Горное ведомство, на каждую школу которого расходуется 501,8 рублей в среднем; следующее место занимают школы сельско-волостные – 456,9 руб.; третье – казачьи, расходуемые по 155,5 руб. на школу; церковно-приходские – 117,2 руб.; миссионерские – 107,4 руб. на школу и, наконец, последнее место принадлежит школам грамоты, на которые расходуется по 98,4 руб. в среднем на каждую. Размер расходов по содержанию вообще средней начальной школы в Алтайском округе выражается 190,3 рубля.

Для определения стоимости годового расхода на одного ученика в школах различных типов, мы сгруппировали имеющиеся данные таким образом:

Школы	Число школ	Число учащихся	Средн[ее] содержание всех школ	В среднем одного ученика
Сельско-волостные	37	1 354	16 908	12,4
Церковно-приходские	28	907	3 283	3,6
Грамоты	10	273	984	3,6
Горнозаводские	8	275	4 015	14,6
Миссионерские	4	95	430	4,5
Казачьи	4	87	622	7,1
Итого ¹	91	2 992	26 423	8,7

¹ Видимо, выпущена частная Константиновская школа. (Ред.)

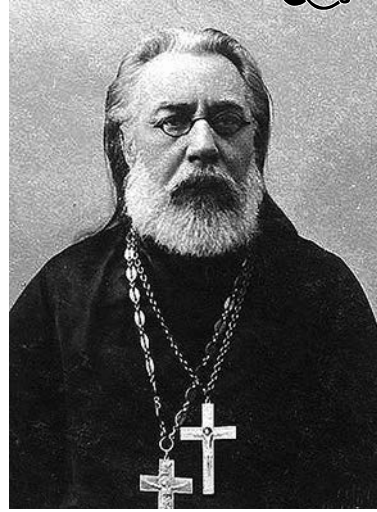

Средний размер расхода на ученика для всех школ выражается в 8,7 рубля. Первое место по величине расходов принадлежит горнозаводским школам, а следующее – сельско-волостным, здесь расходы далеко превышают средний для всех школ. Немного ниже среднего расхода на ученика, в казачьих школах и далеко ниже – в школах духовного ведомства.

Этими немногими данными мы и закончим нашу статью.

Рылова Е.П. Начальная школа в Алтайском округе в 1894 году // Алтайский сборник / издание Общества любителей исследования Алтая. Барнаул: Типолитография при Главном управлении Алтайского округа, 1898. Т. 3. С. 1-74.

Беликов Дмитрий Никанорович (19 (31) октября 1852 – 10 августа 1932), священнослужитель, историк, профессор императорского Томского университета, общественный деятель.

Родился в семье священника, учился в Симбирской духовной семинарии. В 1874-1878 гг. учился в Казанской духовной академии на церковно-историческом отделении, которую закончил со степенью кандидата богословия. Оставлен при академии приват-доцентом на кафедре общей гражданской истории. В 1882 г. рукоположен в священники Покровской церкви в Казани. В 1887 г. защитил магистерскую диссертацию и утвержден Святейшим синодом в звании магистра богословия.

В октябре 1889 г. назначен на должность профессора богословия императорского Томского университета. В Томск он прибыл весной 1890 г. и заведовал кафедрой богословия до 1904 г. Занимаясь изучением истории Сибири, Д.Н. Беликов глубоко разрабатывал местные архивы. Многие документы сохранились только благодаря его публикациям. В августе 1900 г. получил назначение Министерства народного просвещения на должность преподавателя богословия в Томском технологическом институте. С 1902 г., с открытием в Томске общеобразовательных вечерних классов, вел там занятия на общественных началах.

В 1902 г. после защиты диссертации в Казанской духовной академии утвержден Священным синодом в степени доктора церковной истории. В феврале 1904 г. удостоен звания заслуженного профессора Томского университета, а в марте того же года, за выслугой лет, выведен за штат с назначением пенсии в размере прежнего жалования, с сохранением звания профессора и учебных поручений по кафедре.

В 1906 г. был избран членом Государственного совета Российской империи от белого духовенства, переехал в Санкт-Петербург, где продолжал преподава-

тельскую деятельность. В 1920 г. вернулся в Сибирь: в 1920-1922 – епископ Омский, архиепископ, с 1926 – архиепископ Томский, с 1928 – «митрополит» в расколе Временного Высшего церковного Совета. 6 февраля 1926 г. арестован, а 23 февраля того же года освобожден «без всяких последствий». В 1927 г. возглавил епархиальный съезд в Томске, объявил Томскую православную епархию автокефальной. В том же году перешел в так называемый григорианский раскол, в 1928 избран митрополитом Сибирским.

Похоронен в Томске на Южном кладбище, могила сохранилась.

Работа Д.Н. Беликова «Первые русские крестьяне насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: (общий очерк XVII и XVIII столетий)» опубликована в сборнике, выпущенным Западно-Сибирским Обществом сельского хозяйства – «Научные очерки Томского края. Сборник публичных лекций по различным вопросам естествознания и сельского хозяйства». Книга напечатана в Томске в типолитографии М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского в 1898 г.

Непосредственное участие в подготовке сборника принимали ученые Томского университета, в частности профессор Н.Ф. Кашенко, являвшийся председателем Общества и редактором издания. Собранные в книге тексты лекций были прочитаны в актовом зале Томского университета членами Общества. Отдельные статьи сборника получили вторую жизнь в виде самостоятельных книг или брошюр-оттисков с подзаголовком на обложке: «Из серии публичных лекций, организованных Томским отделом Императорского Московского общества сельского хозяйства в первом полугодии 1897 года», каждая статья имела собственную пагинацию, что позволяло издателям не делать нового типографского набора при выпуске книг-оттисков.

По мнению главного редактора сборника Н.Ф. Кашенко, основная задача издания – «возбудить в своих читателях интерес и любовь к той местности, где они живут и трудятся», усилить потребность в изучении края, «где природа еще так мало изучена, а утилизация ее богатств только начинается».

Д.Н. Беликов

**ПЕРВЫЕ РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ-НАСЕЛЬНИКИ
ТОМСКОГО КРАЯ И РАЗНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ
ИХ ЖИЗНИ И БЫТА**

(Общий очерк за XVII и XVIII столетия)

В 1604 году в центре обширной Сибирской страны на правой стороне р. Томи при впадении в нее речки Ушайки трудом и энергией завоевателей Сибири основалось новое русское поселение, названное сначала Томским острогом, а затем вскоре переименованное в Томский город. Образовался чрезвычайно важный стратегический пункт, под прикрытием которого должно было, по крайней мере на первых порах, совершаться заселение русскими насельниками огромного Томского края.

Прежде всего, этот пункт дал от себя разветвления в виде других военно-укрепленных мест, рассеянных по рр. Томи и Оби. В 1617 г. томские служилые люди при содействии своих собратий из Тобольска, Тюмени и Верхотурья построили на Томи же реке, при впадении в нее Кондомы, Кузнецкий острог, в свою очередь переименованный также в Кузнецкий город, а затем, для связи Томска с Кузнецком, поставили остроги Мунгатский, Верхне-Томский и Сосновский. Остроги Уртамский, Умревинский, Чаусский, Белоярский были построены по р. Оби на протяжении от впадения в нее [р.] Томи вплоть до нынешнего Барнаула или, пожалуй, до Бийска, если сюда причислить и Бийскую крепость, построенную, впрочем, не в XVII, а в начале следующего XVIII стол[етия], именно в 1709 году¹.

Кроме того, служилые люди – казаки и стрельцы с их сотниками, пятидесятниками и десятниками оказали весьма важную колонизаторскую услугу для края тем, что, пользуясь промежутками мирного состояния, выходили из своих острогов и в большей или меньшей дали от

¹ Время основания большинства перечисленных острогов см. у Слоцова [П.А.] Истор[ическое] обозрение Сибири. СПб., 1886. [Кн. 1]. С. 114-115. По Гмелину, Умревинский острог построен также, как и Бийск, в 1709 г., а Чаусский – в 1713 г. Насколько верны сообщения Гмелина, сказать не можем. [Johann Georg] Gmelins Reise durch Sibirien [von dem Jahr 1733 bis 1743]. Gottingen, 1752. Th. 4. S. 78, 83. (Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири. Ч. 4. С. 78, 83. (Ред.)).

последних устраивали хутора или, по сибирскому выражению, заводили заимки. Здесь они имели избы, содержали рабочий скот, косили сено и, по мере сил и средств, занимались хлебопашеством. Правительство не только ничего не имело против заимочного хозяйства служилых людей, наоборот, было радо ему. Оно поощряло это дело и покровительствовало ему, с одной стороны, потому, что видело в заимках новые узлы для прикрепления отдаленной страны и новое средство обрусения ее. С другой, раздавая служилым людям, по их челобитьям, земельные участки под пашни и «дворовую сельтьбу», «под скотинный выпуск и под сенные покосы», оно слагало с себя обязанность платить указанным людям если не денежное, то, по крайней мере, хлебное жалование, да еще с них же нередко брало за пользование землями по 4 или по 5 снопов с сотни в свою казенную пользу¹.

Хутора или заимки, принадлежавшие отдельным лицам из служилого класса при естественном увеличении их семейств и путем последующих присоединений сюда еще людей пришлых со стороны, превращались в поселки и деревни². Не в дальних расстояниях от Томска и почти по всем от него направлениям доселе существуют и развиваются деревни и села: Батурино, Вершинина, Кулаково, Саломатово, Болтовская, Аксенова, Белоусова, Магадава, Протопопово, Поломошная, Крутиково, Воронина, Белобородова, Попадейкино и проч. Все эти селения были основаны служилыми людьми, имена и фамилии которых встречаются в разных печатных и письменных памятниках томской старины и всего больше в старинных синодиках, доселе хранящихся в ризницах томских церквей: Соборной, мужского Алексеевского монастыря и Христорождественской (Никольской). В большей дали от Томска к

¹ В 1661 г. подал томским воеводам челобитную казачий голова Зиновий Литосов и в челобитье просил дать ему «дикия порозжия» земли по р. Чубуру 200 десятин. Земля была дана в межах сына боярского Ягловского и конного казака Томилки Максимова с товарищи. См. у Беликова [Д.Н.] Старинные монастыри Томского края. Томск: [Паровая типо-лит. П.И. Макушина], 1898. Приложение № III; О наделении служилых людей земельными участками за хлебное жалование. См., наприм., Акт[ы] истор[ические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841-1842. Т.] III, № 110 и Памятники сибир[ской] истории [XVIII века. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1882-1885]. Кн. 1. С. 216-217.

² Казачьи заимки около Нарыма и Томска мы видим помеченными и на атласе Ремезова.

тому же разряду селений нужно причислить дер. Былину, Серединину, села Молчаново, Кожевниково, Гутово и др.

Близ Кузнецкого города кузнецкие служилые люди завели деревни: Атаманову, Безрукову, Куртукову и др.

Непосредственно после основания сначала Томска, а затем и Кузнецка, правительство усиленно выражает свою заботливость, чтобы вновь завоеванный край не пустовал не только служилыми людьми, но и пашенными крестьянами, необходимыми тем больше, что служилые сразу за пашню взяться не могли и хлебное для них продовольствие нужно было доставлять из далекого Тобольска, что совершалось с «великою нужею» и огромными проволочками. Сразу после постройки Томска его основатели Гаврило Писемский и Василий Тырков по царскому указу должны были «прибрать» к новому городу в служилые люди и на пашню из зырян 50 человек. Но вместо 50 Писемский и Тырков нашли всего 5 человек, а больше «прибрать было не из кого». Царское веление, однако, должно было быть исполнено. В 1605 г. исполнение его было препоручено верхотурскому воеводе Плещееву, получившему предписание, чтобы выслал 50 человек для томской государевой службы и на томскую пашню непременно, «прибрав» их из охочих, гулящих людей. При этом требовалось, чтобы в служилые люди были присланы «молодцы молодые, добрые, стрелять умеющие». Переселенцы прибыли в Томск из Верхотурья чрез Сургут на средства из государевой казны¹. Несомненно, такие же присылки повторялись не раз и в последующие ближайшие годы. В 1620-х годах пашенные крестьяне упоминаются не только около Томска, но и близ Кузнецка, построенного, как упомянуто, в 1617 г.²

В конце 1631 г. из Москвы пришло в Верхотурье, к воеводе Бояшеву, новое повеление: послать в Томск и [в] Томского разряда остроги верхотурских пашенных крестьян в количестве 100 хозяев «добрых, заводных, семьянистых, лучших людей», выдав им в подмогу на переселение по 10 руб. на семью. Побуждением к переселению служило то, указанное в грамоте обстоятельство, что в Томском разряде пашенных крестьян и пахоты было еще мало, а около Верхотурья и вообще в местностях Тобольского разряда «крестьян уже довольно и хлебная пахота учала быть большая и хлеб родился добрый».

¹ Акты истор[ические]. СПб., 1841-1842. Т.] II, № 52.

² См. Наказ Кузнецкому воеводе Голенищеву-Кутузову // Акты истор[ические]. СПб., 1842]. Т. III, № 135.

Интересно, как отнеслись к изложенному распоряжению верхотурские крестьяне. Прослышав о предстоящем переселении, они увидели в нем ссылку, ссылку страшную в отдаленный глухой, неведомый край, и ударились в бега. Бежали в лесные местности по рр. Каме и Уфе, а также в острожки и деревни, принадлежавшие Строгановым, где с выгодою для себя их укрывали строгановские приказчики. Бегства умножились до такой степени, что заставили воеводу приостановиться исполнением царского указа и послать к крестьянам сына боярского Андрея Перхова для уговоров, чтобы «ссылки не боялись и жили на старых местах по-прежнему»¹. Тем не менее из Москвы настаивали, что если нельзя от Верхотурья отправить к Томску 100 человек, то препроводили бы 80 или, по самой меньшей мере, 50 хозяев. Было отправлено 80 хозяев с женами и детьми и со всем пашенным заводом².

Этих крестьян, как и их предшественников по переселению, мы должны назвать государевыми крестьянами, так как они посланы были к Томску на царскую десятинную пашню, что значило, что за свой земельный надел каждая крестьянская семья должна была обрабатывать в пользу казны на разные местные потребности, по крайней мере, одну десятину. Из дальнейших, несомненно, много раз повторявшихся присылок в занимающий нас край государевых крестьян, мы знаем только две, имевшие место уже во второй половине XVII века. Именно, в 1668 г.³ и в 80-х годах этого же столетия⁴. В последнем случае из России были отправлены на пашни около Уртамского (на Оби) острога дворцовые крестьяне, для которых в названном остроге царевна Софья Алексеевна построила церковь во имя Вознесения Господня и от себя наградила этот далекий от Москвы храм утварью, книгами и колоколами⁵. Мучительная тоска по родине, неизбежная в душевном состоянии каждого переселенца, по воле тех или иных судеб очутившегося в стране чужой и далекой, у первого насельника Томского края должна была значительно умериться. Она должна была много потерять в своей болезненной

¹ Акты истор[ические]. СПб., 1841-1842]. [Т.] III, № 172.

² Там же, № 179.

³ Словцов [П.А.] Истор[ическое] обозр[ение] Сибири. СПб.: [Тип. И.Н. Скороходова], 1886. [Кн.] I. С. 114.

⁴ Т. е. XVII в. (Ред.)

⁵ Это известие мы почерпаем из доношения томского дворянина Соболевского в Томский Алексеевский монастырь «к приказным делам» от 1733 г. // Архив Томского Алексеевского монастыря. Связка 15.

остроте от того, что приш[е]лец встречал в новых местах природу нетронутую, находил поля тучные, способные к обильному плодородию, тому плодородию, которое так восторженно описывал известный сибирский историк Миллер¹.

Край далекий, но девственный и хлебородный, начал привлекать к себе и самовольных пришельцев. То были гулящие люди и с ними люди беглые. Гулящим человеком в древней Руси назывался крестьянин, не прикрепленный к государству тяглом или к вотчиннику службой или работой. Это был вольный человек, который мог бродить по широкой Руси, отыскивая там или здесь свое крестьянское счастье, то или другое, на его взгляд, лучшее для своего поселения место, связанное затем уже с неизбежным прикреплением. Западные части Сибири были заселяемы на первый раз преимущественно охочими из гулящих людей. По завоевании томской страны, гулящие стали проникать и сюда, осаживаясь здесь или прямо на пустых местах, или предварительно приставая к хутору казака, двору государева крестьянина в качестве половника или захребетника².

Нужно заметить, что в то давнее время гулящие могли найти для оседлости много простора и на этом просторе много добрых земель и в пределах Европейской России, особенно, по ее восточным и южным окраинам. Но мы видим, что многие из людей указанного названия с упорством стремятся в Сибирь и движутся по ней, не страшась никакой дали. Упорство заставляет предположить, что очень часто под именем гулящих шли в Сибирь и селились в ней беглые из тяглых людей, убежавших или от нищеты, или от холопей доли, или от кнута и плетей за содеянное преступление³.

¹ Miller. Sammlung Russische Geschichte. [St.-Peterburg, 1763] В[d.] 8, [S. 1-5]; В царской грамоте томскому воеводе Вельяминову от 1670 г. сказано, что, по сказкам служилых людей, «хлеб родится в Томском и Кузнецком лучше Тобольского» // [Кузнецов И.П.] Истор[ические] акты [XVIII столетия: материалы для истории Сибири: вып. 1-2] /собрал [и издал] Инн. Кузнецов. Томск: [Типо-литогр. Михайлова и Макушина], 1890. Вып. 1. № 16.

² Мы имеем пред собою копию с переписных книг крестьян Томского и Кузнецкого монастырей. Копия написана в самом начале XVIII века. Но и в это время некоторые из домовитых крестьян еще имели при себе захребетников. Так, в копии значатся: «половник Климент Созонов, у него на подворье Афанасий Сторожев, у Сторожева дети: Петр, Тимофей. Федор Яковлев[ич] Хонжин..., у него живет половник Созонт Семенов, у него сын Яков» и т. д.

³ Таковую догадку находим у Буцинского [П.И.] Заселение Сибири [и быт первых ее насельников]. Харьков: [тип. Губернского правления], 1889. С. 217 и дал[ее].

Повторяем, одновременно и рядом с действительными или мнимыми гулящими текли в наш край водным путем и сушею и те беглые, которые назывались так на официальном языке. Проследить в подробностях движение вольнонародной колонизации в Томско-Кузнецкой стране трудно вообще, а за XVII век едва ли и возможно и за недостаточей документов, и затем, что во многих случаях оно не могло быть занесено в документы, так как совершалось скрытно, шло в стороне от начальственных глаз. Передадим нам известные случаи.

Около 1646 г. был большой недород хлеба в северных и северо-восточных частях Европейской России, и «государю ведомо учинилось, что с Руси, с поморских городов: с Устюга Великого, с Соли Вычегодской, из Перми, с Вятки, с Кевроли, с Мезени и из иных русских городов, с посадов и уездов сошли в Сибирь посадские и многие крестьяне от хлебного недороду и бедности, с женами и детьми, с[о] своих тяглых жеребьев и начали жить в сибирских городах и уездах на церковных землях и за детьми боярскими, за подъячими и за всякими служилыми людьми на пашнях во крестьянех, и в половниках, и у ямщиков и пашенных крестьян в захребетниках, и денежного и хлебного оброку в государеву казну не платят». Их велено было сыскать, переписать и оставить здесь же в Сибири с тем только условием, чтобы были сведены в пашенные крестьяне на государеву пашню, дабы «никто в избылых не был»¹.

Такое же массовое бегство в Сибирь и из уездов тех же поморских городов повторилось в 1670 г., повторилось до такой степени усиленно, что «в уездах Устюжском и Усольском стала великая пустота»².

Что многие из этих поморских беглецов достигли отдаленных Томска и Кузнецка, это не может подлежать ни малейшему сомнению. Ставим так смело свое заключение, исходя из следующих соображений.

1) Уезды более западных частей Сибири в то время были уже достаточно заселены, а беглецы, конечно, не всегда хотели оставаться на чужих землях в положении половников и захребетников.

2) В уцелевших печатных и письменных памятниках томской старины крестьяне из Устюга, Соль-Вычегодска, Кайгорода, Яренска, Вятки встречаются постоянно и особенно часто упоминаются они уже в названных старинных томских синодиках.

3) Доселе крестьяне Томского и Кузнецкого округов высоко чтут праздник 8 июля. Они чтут его не потому, что это праздник Казанской

¹ Доп[олнение] к Актам истор[ическим]. СПб., 1846-1872]. Т. III, № 14.

² Доп[олнение] к Актам истор[ическим]. СПб., 1857]. [Т.] VI, № 19.

иконы Божией Матери, а потому, что то Прокопьев день, т. е. день преподобного Прокопия Устюжского, считающегося покровителем всего Вологодского края.

В самом начале 1660-х годов в русских местностях, прилегавших к среднему протяжению Уральского хребта, произвели огромный разгром башкирцы, враждебно вторгавшиеся сюда не раз прежде и после. В погроме, о котором говорим, враги у пашенных крестьян животы пограбили и многих из людей убили. Между прочим, башкирцы произвели тогда нападение на монастыри Спасский, на р. Сылве, Невьянский и Далматов¹. Разгром до такой степени напугал и опустошил крестьян, что многие из них оставаться в тех местностях более не захотели, бежали глубже в Сибирь и дошли до Томска.

Вот сюда относящийся любопытный документ, найденный нами в архиве Томского Алексеевского монастыря. В сентябре 1663 года явились в Томскую Приказную Палату и подали воеводам Бутурлину и Поводову челобитие крестьяне Тимошка Степанов, да Мартышко, да Андронко Степановы же, да Ерофейка и Юрка Петровы и многие др. В челобитной было написано, что пришли с Исети от Далматова монастыря, где в прошлом году развевали их башкирцы, с погрому они остались с женами и детьми наги и босы, прибрели в Томск и питаются здесь Христовым именем, бродя меж дворов. Просили воевод дать им дозволение записаться во крестьяне за Алексеевским монастырем. Дозволение не замедлило последовать, и строитель Алексеевской обители, старец Исая, снабдив пришельцев всем необходимым для крестьянского обзаведения, поселил их на монастырской земле по р. Паче и тем положил начало самой главной монастырской вотчине в с. Пачинском².

Спустя 10 лет, тот же монастырь прибрал прихожих людей в лице крестьян Давыдовых с племянники и товарищи, и поселил их на своем Иштанском участке³. Братья Давыдовы с товарищи были из гулящего класса. И вообще гулящие и беглые во второй половине XVII в. заходили в наш край так нередко, что к 1682 г. монахи названного монастыря набрали из них для себя крестьян в количестве уже нескольких десятков дворов и, кроме Пачинской и Иштанской, завели еще две деревни: Шегарскую, по р. Шегарке, впадающей в Обь и Тайменскую, по р. Тайменке, впадающей в Томь. Немало в то же время крестьянских дворов

¹ Допол[нение] к Актам истор[ическим]. СПб., 1857]. [Т.]VI, № 124, 138.

² См. у Беликова [Д.Н.] Старинные монастыри Томского края. С. 17.

³ Там же. С. 17.

собралось и у мужского Христорождественского монастыря, находившегося вблизи Кузнецкого города¹.

К концу XVII стол[етия] наплыв в Сибирь беглых пришельцев увеличился еще больше. Он умножился теми людьми, которых изгоняла из Руси не материальная нужда и не стремление уклониться от тягла, а вытесняли причины, лежащие в высшей сфере духовных интересов. После 1667 года старообрядческий раскол окончательно отделился от церкви и подвергся преследованию. Меры гражданского преследования, усиливаясь постепенно, завершились, наконец, изданием строжайших постановлений царевны Софьи Алексеевны. Постановления обрекали на сожжение в срубе всякого раскольника, который стал бы открыто хулить церковь, произвел бы в народе мятеж или соблазн и остался бы нераскаянным, равным образом «раскольщика», который бы снова ушел в раскол после предшествующего обращения. Тот же законодательный акт определил смертную казнь расколоучителям, избличенным в перекрещивании и самим перекрещенным, если бы не захотели возвратиться в православие: битье кнутом и вместе ссылку в дальние города уличенным в тайной принадлежности к расколу или только укрывавшим у себя раскольников без объявления о них по начальству².

В виду этих не только грозных, но прямо кровавых статей, раскольники кинулись в леса на пустынное жительство. Но и в лесные дебри добирались сыщики, которым велено было смотреть накрепко, чтобы раскольники в лесах и волостях не жили, а где объявятся, пойманных ссылать, пристанища их разорять, а имущества продавать в пользу казны. Куда же деваться?

В то тяжелое для старообрядцев время, пишет П.И. Мельников, из конца в конец Русской земли раздавался голос наставников раскола: «за рубежом древнее благочестие во ослабе»³, т. е. за границей старообрядчество свободно, не преследуется. И громадные толпы старообрядцев

¹ См. выше цитованную копию с переписных книг монастыр[ских] крестьян. В 1721 г. казначей Томского Алексеевского монастыря иеромонах Дионисий писал томскому коменданту Козлову: «в прошлых годах гуляющие люди давали на себя записи (монастырю) во крестьянство и давана была им из монастыря ссуда скотом и хлебом» // Арх[ив] Том[ского] Алек[сеевского] монастыря. Связ[ка] 11.

² Мельников [П.И.] Исторические очерки поповщины. Москва: [В Университетской типографии], 1864. С. 59-60.

³ Там же. С. 61.

бросились в Швецию, в Пруссию, Польшу, Турцию и за Кавказ. Но многие, не выходя из пределов обширного Отечества, нашли себе приют в глухих пространствах отдаленной Сибири. Как много было в последние десятки лет XVII столетия раскольников в лесных местах по р[р.] Туре, Ишиму, Тоболу, это слишком хорошо известно из посланий против раскола, написанных Тобольским митрополитом Игнатием Римским-Корсаковым и из др. многочисленных документов, напечатанных в исторических Актах.

В грамоте Верхотурскому воеводе Михаилу Толстово от 1683 г. цари Петр и Иоанн Алексеевичи писали, что из поморских городов мимо Верхотурья, Верхотурского и Тобольского уездов снова ринулись в Сибирь беглецы в огромном числе. Беглецов шло так много, что цари распорядились поставить, где пристойно, заставы, чтобы «отнудь беглых крестьян в Сибирь не пропускать»¹.

Думаем, что в числе этих утеклецов раскольники представляли преобладающий элемент, так как население Поморья в то время было почти сплошь на стороне старообрядства.

Что раскольники достигали и Томска, это доказывается тем, что они заходили значительно дальше пределов уезда этого города. Уже в 1673 году в Енисейске был раскольнический бунт². Что же касается Томска, то в 1690-х годах здесь уже имел место крупный случай раскольнического самосожигательства³.

Кроме раскольничьих беглецов, несомненно, попали к Томску и некоторые из раскольников ссыльных. К сожалению, сведений на этот счет не имеем, за исключением одного случая. В 1688 г. с Москвы послан был в томскую ссылку с нарочными провожатыми «злой раскольник» донской казак Федька Боярченко⁴.

Во всяком случае, ссыльные в Сибирь составляли очень немаловажный элемент в формации первенцев русского крестьянства в томской стороне. Перечислять все случаи ссылок в Сибирь преступников разного рода для определения их на пашню, следя за этими случаями по историческим актам XVII века, не находим нужным. Ограничимся

¹ Акты истор[ические]. СПб., 1842]. Т. V, № 108.

² Допол[нения] к Акт[ам] истор[ическим]. СПб., 1857. Т. VI, № 69. [С. 268-269.]

³ Послания [блаженного] Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань: [в Тип. Губернского правления], 1855. С. 129-131.

⁴ Истор[ические] Акты, собранные Инн. Кузнецовым. [Томск, 1890.] Вып. 1. С. 15.

указанием следующего, непосредственно касающегося нашего края, любопытного факта. В 1648 г. Кузнецкий воевода Афанасий Зубов писал государю: «в прошлых годах присланы в Кузнецкий острог ссыльные люди, воры и мошенники, многие холостые, и велено их устроить в Кузнецком остроге на пашню, и за тех за ссыльных людей старые томские пашенные крестьяне дочерей своих и племянниц не дают, а выдают их за казачьих детей и племянников». При этом Зубов сообщал, что в видах стеснения браков служилых людей на дочерях пашенных крестьян, он уже распорядился брать с каждой свадьбы в казну 5 руб., «потому что ссыльным кроме дочерей пашенных крестьян жениться не на ком». Прописав это, воевода спрашивал: как поступать дальше? Из Москвы вышло приказание, чтобы пашенные крестьяне, под опасением за послушание большой пени, дочерей своих в замужество за ссыльных выдавали, дабы «можно было теми браками ссыльных от побегов унять и в местах ссылки укрепить»¹.

В 1666 г. Томский воевода Вельяминов получил из Москвы нечто вроде выговора за то, что удерживал в Томском ссыльных, по указам назначенных в разные другие сибирские города и уезды².

В конце XVII в. ссыльных почему-то усиленно отправляли на пашни к Уртамскому (на Оби) острогу. В 1692 г. здесь было поселено сначала 13 ссыльных человек, затем 15. В следующих 1694 и 1695 гг. сюда было послано «во крестьяны» еще три партии колодников, присланных из различных мест Европейской России³.

Случалось, что в число ссыльных, посылаемых на сибирскую пашню, попадали и люди привилегированных состояний. Опальные дьяки и подъячие трудились с сохой и бороной около Енисейска и в Якутской области, после чего их дети и внуки уже навсегда оставались в крестьянстве. Многие из сосланных детей боярских работали крестьянской работой в местностях Тобольского разряда и, несомненно, попадали для той же работы и на поля томско-кузнецкие. В 1618 г. был сослан в Томск атаман запорожских черкас Михайло Скиба, но его велено было поверстать в казачью службу⁴. Приказано было поверстать в рядовую казачью службу сообщников «изменника и клятвопреступника» запорожского атамана Игнатова, нежинского полковника Матюшку Гвин-

¹ Акт[ы] Истор[ические]. Т. IV, № 27.

² Истор[ические] Акты, собран[ные] Инн. Кузнецовым. [Вып.] I. № 14.

³ См. там же. [Вып.] I. № 26 и [Вып.] II. № 17, 18 и 19.

⁴ Буцинский [П.И.] Заселение Сибири. С. 201.

товка, сосланного с женою и с сыновьями в 1672 г. в Кузнецк, и есаула Пашку Грибовича, в том же году очутившегося в томской ссылке¹. Эти привилегированные ссыльные, так[им] образ[ом], на пашню не попали, тем более, что Грибович вскоре бежал в свою вольную Запорожскую Сечь. Но не отделались от томской пашни сосланные казачий атаман Янка Губарь с товарищи, и даже один поп по имени Ипат, поселенный верстах в 20 от Томска там, где ныне стоит д. Ипатова. Коренные крестьяне этой деревни все имеют одну фамилию Поповых и рассказывают о своем отдаленном предке, что он был священником из сосланных, и что на место ссылки принес с родины свою семейную икону, которая хранится в Ипатовской часовне и доселе, представляя предмет высокогочествования не только у ипатовских, но и среди крестьян окрестных деревень².

Среди ссыльных в Сибири, ее городах и уездах очень немало проживало иноземцев, особенно, из военнопленных. Были поляки, литвинцы и немцы ливонские. Попал в Тобольскую ссылку даже один «французанин», принявший в Сибири православие и дослужившийся здесь до чина сына боярского³. Препровождались такого рода ссыльные и к Томску. Литовцы входили в состав не только тюменских, тобольских, но и томских служилых людей и, наравне с другими казаками, имели около Томска заимки и пашни⁴. В самом конце XVII в. ссыльный поляк Станислав Оснинский проживал в Томской монастырской вотчине, с. Пачинском, откуда писал очень почтительные письма к настоятелю Алексеевской обители с келарем и братиею. Впрочем, православные иноки держали у себя поляка-католика не на пашне, а у дела надзора за монастырской пашней и для сборов пятинного хлеба с монастырских крестьян⁵.

¹ Доп[олнения] к Акт[ам] истор[ическим]. [Т.] VI. № 5.

² О ссыльных на томскую пашню Губаря с товарищи см. Истор[ические] Акты, собр[анные] Инн. Кузнецовым. [Вып.] I, № 3. Предание о попе Ипате нам довелось вычитать в приходском отчете свящ[еника] с. Спасского за 1884 г. // Арх[ив] Том[ской] Консистории. О том же Ипате см. Исторические Акты, собранные Инн. Кузнецовым. [Вып.] I, № 32. Здесь он назван безместным попом.

³ Буцинский [П.И.]. Заселение Сибири. С. 199.

⁴ Томские служилые люди «инородческого списка» и среди них Филипп Болтовский упомянуты, между прочим, в царской грамоте томскому воеводе Вельяминову от 1670 г. // Истор[ические] Акты, собр[анные] Ин. Кузнецовым. Вып. I, № 16.

⁵ См. [Беликов Д.Н.] Старин[ные] монастыри Том[ского] края. С. 46.

Ссылные убежали из Сибири очень нередко. Но особенно наклонностью к побегам отличались сосланные из черкас и иноземцев. Совершенно понятно: тоска по родине давила их гораздо сильнее, чем ссылных из великороссийского народа. В 1620 г. Тобольский воевода послал в Томск на пашню 19 человек из военнопленных литовцев. Соединившись с несколькими из удалых казаков, набранных также из ссылных, литовцы разбили на Иртыше казенный караван, с которым следовали к Томскому городу и бежали сначала в Березовский край, а оттуда чрез Уральский хребет в северную часть России с тем, чтобы добраться до родной Литвы. Беглецы были почти все перебиты погонею, которую снаряжали за ними воеводы разных российских городов. Их побег представляет целую эпопею, разумеется, с своеобразным характером разбойнического молодечества и подвигов в таком же духе¹.

Итак, в продолжение XVII столетия наш Томский край, кроме казачьих поселений, колонизовался крестьянами «переведенцами», т. е. переведенными из других мест России и Сибири на государеву пашню или, иначе, крестьянами государевыми, гулящими людьми и беглыми, среди которых было много раскольников и, наконец, людьми ссылными. В общем, к началу XVIII в. край населен был все-таки очень скудно. По атласу Ремезова, начертанному в 1701 году, на обширном просторе Томско-Кузнецкого района мы насчитали менее 90 русских селений. Но из них огромное большинство состояло из деревень только с единицами дворов. Сел с церковью насчитывалось не более 11. Сюда относились: Спасское, на [р.] Томи, Спасское, около р. Яи, Сосновский острог, Кулаково, Верхотомский острог, Богородское и Уртамский острог, на [р.] Оби, Зелеево, Николаевское, Иктаринское, Ильинское или Красный Яр, близ Кузнецка².

¹ Буцинский [П.И.] Заселен[ие] Сибири. С. 204 и дал[ее].

² По атласу Ремезова в самом начале XVIII в. в Томском ведомстве состояли следующие русские селения: село Спасское, на [р.] Томи, с. Спасское, около Яи, деревня Бурнашева, Семилужки, деревня Воронова, деревня Заварзина, острог Сосновский, село Иктара, Константиново, Кирино, село Кулаково, Пещеркова, с. Пачинское, д. Макарова, Безъязыково, Ильино, Басалаво, Саломатово, Гутова, Чахлова, с. Зелеево, Варюхино, Пашкова, Лаева, Емельянова, Десятова, Колесникова, Петрова, Грибанова, Заицкова, Сеченова, Перова, Карбышева, Нелюбина, Лаврова, Иштан, село Никольское, на Оби, Першино, Кривошеева, Лавровых, Былинных, Дорохова, острог Уртамский, Тарчинская, Корбы, Канаева, Астраханцева, Баргышево, Краева, Елизарова, Потелово, село Богородское, Трубачево, Андреево, Шегарская, Катаковы, Вершинина, Цыганова, Кураковская.

Наступило время великой преобразовательной деятельности великого царя Петра I. Вся Россия представлялась тогда, по изображению одного иностранца, «как бы одним заводом. Повсюду извлекались из недр земных сокровища до того сокровища, повсюду слышны были стук молотов и секир, ковавших мечи, якоря и всякие орудия и сооружались корабли военные и всякого рода морские и речные суда; повсюду лились пушки, мортиры, бомбы, ядра; ткались сукна, всякого рода полотна и везде при всех таких работах впереди виден был сам монарх, как мастер и указатель»¹.

Так, часто повторяющееся здесь слово *повсюду* составляет, конечно, риторическую украсу описания, но общий характер многохлопотливой эпохи иностранец изобразил верно.

Наступила эпоха самой напряженной в России жизни, причем царь требовал, чтобы каждый непременно участвовал в перестройке государства трудом или деньгами, чтобы, по старинному выражению, «никто в избылых не был». Огромная для народа тяжесть преобразовательного дела увеличивалась еще от того, что оно велось рядом и одновременно с продолжительной и чрезвычайно дорого стоившей бедному государству великой Северной войной.

Подати взимались с неопустительною строгостью, и они были необычайно многочисленны и разнообразны. Кроме обычного окладного подушного сбора, с крестьян брали деньги на генеральный провиант,

В Кузнецком ведомстве: дер. Сидорова, Мокроусова, Тихонова, Антонова, Герасимова, Бедарева, Верхотомский острог, Евтифеева, Карпова, Атаманово I, Попова, Долговых, Кондратьева, Ефремова, Гуськина, Куртукова, Грошевская, Лаврова, Атаманово II, Меньшикова, Петлина, Шабалино, Сметанниково, с. Ильинское (Красный Яр то ж), Красулино, Шорохова, Калачиково, Толмачева, Воровскова.

Впрочем, нужно заметить, что на карте Ремезова русские поселения Томско-Кузнецкого края обозначены не во всей полноте.

Из одного архивного дела мы с удивлением узнаем, что во второй половине XVII ст[олетия] русские деревни имелись уже близ нынешнего Бийска и р. Катуня. Эти деревни Фоминская и Соколова. По показанию крестьян, данному в 1789 г., Фоминская была заведена около 1660 г., а Соколова – в 1695 г. // Дело об отдаче в оброк рыбных ловель по р. Катуня 1795 г. Мы пользуемся этим делом благодаря любезности г[осподина] библиотекаря Том[ского] университета Ст[ефана] Кир[овича] Кузнецова.

¹ Шапов [А.П.] Рус[ский] раскол старообрядства. [Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина], 1859. С. 492.

на морской провиант, на провиант в Смоленской магазее, на покупку и корм драгунских лошадей, на винтер-квартиры, на городовое строение, на подъем каменщиков, пильщиков (при постройке Петербурга), на постройку кораблей, дело каналов, деньги ландратские, рекрутские, седельные, уздьяные и проч., проч.¹ Правительство брало, конечно, не с одних только крестьян. «Оно брало со всех и везде, где только можно было взять»². Подати и сборы, великие сами по себе, умножались еще более от злоупотреблений сборщиков, которые, несмотря на всю зоркость императора, несмотря на его неумолимую строгость к злоупотребителям, все-таки ухитрялись брать дани измышленные, вроде хомутейных, прикольных с водяных судов, о которых (данях) говорит Посошков³. Подати были громадны. Но сверх их огромны были работы, к которым привлекал государь податное население на государственную пользу. Для постройки Петербурга ежегодно в продолжение многих лет высылалось из разных областей России до 40 000 работников, из которых массы гибли от трудов и болезней⁴. Многие тысячи народа ежегодно же требовались для постройки крепости на острове Котлине. Многочисленные работники трудились над делом разных сооружений в Азове, на одном конце России, и прорытия длинного Ладожского канала – на другом. Словом, от русского народа преобразователь потребовал такой работы, какой прежде он никогда не испытывал, какой доселе не представлял.

А как при почти непрерывных военных действиях были часты рекрутские наборы? В продолжение рассматриваемого царствования всех рекрутских наборов, общих и частных, насчитывают до 40⁵. В самой высокой мере обременительная воинская повинность наводила ужас в народе уже одною непомерной горестью в начальном положении рекрута. В одном из официальных документов это положение изображено

¹ См., наприм., перечень сборов и податей, какие требовались с томских монастырских крестьян // [Беликов Д.Н.] Старин[ные] монастыри Том[ского] края. С. 19, примечан[ия].

² Соловьев [С.М.] История России [с древнейших времен. М.: В Университетской тип.], 1866. Т. XVI. С.12.

³ Шапов [А.П. Русский] раскол старообр[ядства. Казань], 185[8]. С. 496.

⁴ Шапов [А.П.] [Русский раскол старообрядства]. С. 492. См. Костомаров [Н.И.] Истор[ия] России в жизнеоп[исаниях ее главнейших деятелей]. [Т.] VI. С. 609.

⁵ Шапов [А.П. Русский раскол старообрядства]. С. 502.

так: «Когда в губерниях рекрут собирают, то сначала из домов их везут скованных, а приведчи в город, держут в великой тесноте по тюрьмам и острогам не по малому времени и так[им] образом еще на месте изнузив. А потом из губерний отправляют, упуская удобное время, жестокою распутицею, отчего на дороге приключаются многие болезни, помирают безвременно»¹. Но и дальнейшая судьба уцелевшего солдата, при суровой дисциплине, при «частых дальних походушках» и изнурительных военных работах, при постоянных недостачах в войсковом провианте, представляла одно чуть не сплошное горе-злосчастье. Не говорим уже о частых военных стычках и генеральных баталиях. Достаточно сказать, что из солдат, взятых для Шведской войны, домой почти никто не вернулся. Неудивительно, что во избежание рекрутской повинности, крестьяне не только брели врознь, но и калечили себя, рвали себе зубы, рубили пальцы на руках.

Тяжелое было это время, трудная для народа година. «Повсюду кипит удесятеренная деятельность, повсюду насильственные меры, невыносимые тягости, набор в рекруты и матросы, набор в школы и новые учреждения, указной стгон рабочих для казенных построек, а тут на каждом шагу денежные сборы для бесконечной войны, для бесчисленных новых нужд государственных. Казна берет решительно со всего: с торгов, с промыслов, с душ, с потребления, берет даже с продажи дубовых гробов, как с предмета роскоши. Сил подчас не хватает, дохнуть некогда»². Не по-прежнему уже крихтели русские крестьяне от разных тягостей старорусских царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, теперь стонали они великим всенародным стоном.

Думаем, однако, что история не может этот народный стон поставить в упрек гиганту-царю, так величаво высящемуся в прошлых судьбах России, так ярко осветившему русскую жизнь сиянием своего несравненного гения, гения с мозолями на руках, работавшего не только царственным трудом на престоле, но и в роли плотника, бомбардира и шкипера. Заставляя трудиться других, он и сам трудился не покладая рук; заставляя подданных переживать трудную годину, он и сам, по его выражению, обретался «в несносных печалех». Никакая жертва не казалась Петру I слишком великой, когда имелась в виду цель общей пользы государства, дело приподнятия условий его жизни для всестороннего прогресса. Не

¹ Соловьев [С.М.] Истор[ия] России [с древнейших времен. Т.] XVI. С. 202.

² Петров [М.Н.] Очерки из всемирн[ой] истории. Харьков: [В.А. Сыхра], 1882. С. 436.

щадя для блага будущей России личных жертв и себя самого, он не боялся привести в страшное напряжение и народные силы, побуждая доселе косных русских людей «силою делать себе добро»¹.

Но народ еще не понимал этого добра, он не в состоянии был проникнуть в планы и цели Петра. Народ знал только тягости реформы и как прежде при всякой тягости, так теперь в особенности ринулся наутек. Трудно за Петровское время отыскать документ, касающийся внутреннего быта крестьян, где бы отсутствовали правительственные жалобы на крестьянские бегства. Крестьяне бежали от податей, от военной службы, от казенных работ, бежали, говорит Посошков, в понизовые места, в Украинские, в зарубежные: «чужия страны населяли, а свою пустоту покидали». Напрасно на тех путях, по которым шли беглецы, правительство ставило заставы. Утеkleцы умели пробираться по глухим тропам, минуя заграждения. Крестьяне православной веры бежали от многочисленных тягот гражданской жизни, а раскольники, на которых положен был двойной подушный оклад, которые должны были платить еще за право ношения бороды, которых хотя не в такой степени, как в правление Софьи, но все-таки в общем преследовать за веру не переставали, раскольники, кроме побуждений в тягостях состояния, бежали от тлетворного и всепагубного, по их мнению, духа времени. Если уже православные в реформе Петра, направленной к сближению России с Западом, усматривали разрушение русской национальности, если уже в их среде несомненно раздавались толки, что Петр не мог быть царем русского происхождения, что он государь, подмененный в Швеции, если у православных находились лица вроде Талицких, Левиных и Докукиных, которые, соображая время и знамения времени с записями в своих тетрадях, выводили, что Петр никто иной, как антихрист, то что сказать о раскольниках, с их всегда воспаленным воображением на тему об антихристе. «Император, – говорили раскольники по поводу, напри[м]ер, I всенародной ревизии, – сиречь единоначальник или единовластитель народное описание учини, называя то ревизиею или исчислением душ человеческих, которые приняли его за императора или за единовластного правителя. Мы же от Христа-Спаса научихомся закон и заповеди Его сохранить и веру святую блюсти и такому лжехристу в послушество отдаться не хотим и в книги его законопреступные писатися с нечестивыми никогда не будем, да и хотящим писатися никому не советуем:

¹ Петров [М.Н.] Очерки из всемирн[ой] истории. Харьков: [В.А. Сыхра], 1882. С. 427.

творите с нами, что хотите, ибо есмы христиане единого исповедания вселенских соборов, св[ятых] отец и св[ятых] страдальцев Соловецкой обители, пострадавших за древнее благочестие, того исповедания и мы держимся и в книги ваши законопреступные, гражданские, в силу указа вашего императора, не пишемся, ибо мы от крещения записаны есмы в книги животные у царя небесного, понеже видим во св[ятюм] Писании, яко прежде бывши в России благочестивии цари Иван Васильевич, Феодор Иванович, Михаил Феодорович и Алексей Михайлович, бывший в благочестии до Никона патриарха, яко сии вси народного исчисления от мала до велика, мужеска полу и женска, живых и мертвых и всего вообще человечества не творили и оставляли то в судьбу правительства всемогущего Бога. Зрите человецы, вонмите и рассмотрите по святому писанию, в киих летех жительствуем, и кто ныне обладает нами?»¹.

Так думали и писали раскольники о Петре, усматривая во всех частностях его реформы ухищрения антихриста, а во всем духе реформы – дух антихристов и, разумеется, старались бежать от «антихриста» во всякие глухие места. Леса поморские и керженские переполнились раскольническими беглецами. Но керженских раскольников в то время сильно тревожил нижегородский епископ Питирим (бывший когда-то сам раскольником) с[о] своим очень ревностным помощником в лице нижегородского вице-губернатора Юрия Ржевского. Значит, керженцам нужно было бежать куда-нибудь дальше.

Если что с особой силою двинуло дело колонизации в Сибири вообще и в Томском крае в частности, то это преобразовательная деятельность Петра I и народное ею недовольство. За «рубеж свейский» (шведский) или польский бежало податное население, главным образом, из западных областей России, в Новороссийское понизовье шли крестьяне из-под Москвы. Но беглецы с Поволжья и в особенности из северо-восточных частей России устремились к Камню и за Камень, т. е. к Уралу и за него. В Башкирию, т. е. в земли по среднему и южному протяжению Уральского хребта, беглецы являлись толпами. На заводах Демидова их укрывались тысячи. Производивший в Сибири первую народную перепись полковник Солнцев-Засекин донес в 1725 г. Сенату, что в провинциях Соли-Камской на соляных и Тобольской – на серебряных, медных

¹ Шапов [А.П.] [Русский] раск[ол] старообр[ядства]. С. 482-483. О Петре, как антихристе см. еще у Соловьева С.М. Истор[ия] России [с древнейших времен]. Т. XVI. Гл. 1.; [Т.] XVIII. Гл. 3 и у Пыпина [А.П. Петр Великий в народном предании] // Вестник Европы. 1897. Август. С. 640-690.

и железных заводах оказалось множество крестьян-работников из беглых разных мест России и в перепись не попавших. Сенат, выслушав донесение, с[о] своей стороны заметил, что на сибирских заводах, как, наприм., у Строгановых, беглые уже издавна находят себе приют, беглых там укрывают и законы о них не исполняют¹. Как велика была численность беглецов на заводах Демидова, можно судить по тому, что Геннин, надзиравший за уральскими заводами, перебрал у Демидова 10 000 руб. за то, что закрывал глаза на беглых, работавших на заводах². Но не все беглецы оседали на Урале, не всем нравилась незавидная доля рабочего, своим почти даровым трудом обогащавшего уральских заводчиков. Большинство, переваливая «Камень», текло в дальнейшие части Сибири. Да и для беглецов, трудившихся на заводах, Урал часто служил только этапом для перехода сюда же, т. е. глубже в Сибирь. Бежали в Сибирь всякого рода крестьяне, но в громадной массе беглецы принадлежали расколу. Нижегородский епископ Питирим свидетельствовал, что из Керженских лесов староверы уходили преимущественно в сибирские области, и мы понимаем отсюда, почему и доселе в Сибири раскольника зовут «кержаком» и даже единоверческую церковь в Томске называют «кержацкою» церковью. Как вообще было изобильно раскольников в Сибири за время Петра В[еликого], доказывается следующим выразительным документом. В 1722 г. в Нижний явился капитан Сверчков с партией упорных старообрядцев, назначенных на сибирскую каторгу. «Уведомились мы, – писали затем царю еписк[оп] Питирим и Ржевский, – что посланы в Сибирь раскольники необратившиеся и в том числе Василий Власов, злой расколозаводчик и учитель, которому не только в ссылке, но и на сем свете, по мнению нашему, быть не надлежит», а в Сибирь и без того «многие раскольщики описные и неописные бегут и селятся в сибирских городех. И ежели еще этим каторжным раскольникам дозволено будет быть в сибирских же городах, и дастся им воля, то они, собравшись с беглыми раскольниками, могут произвести немалые пакости к возмущению народа». Результатом этого указания было следующее распоряжение государя: «послать из канцелярии Сената к капитану нарочно курьера, дабы его с оными посланными с ним раскольщиками, где он их найдет, возвратить немедленно

¹ Пол[ное] собр[ание] зак[онов Российской империи, с 1649 года]. Т. VII, № 4699. (Далее – ПСЗРИ. Ред.)

² Соловьев [С.М.] Истор[ия] России [с древнейших времен. СПб.], 1870. Т. XX. С. 204-205.

в Москву, а с Москвы послать в Адмиралтейство и отдать их в вечную работу в Рогервик, и впредь раскольщиков в Сибирь отнюдь не присылать, а посылать в Рогервик, где делают новую гавань¹.

Двигались беглецы в Сибирь, отыскивая на ее свободных пространствах, в ее глухих степях или дремучих тайгах удобное и сокровенное от начальства жительство и, двигаясь, достигали Томских пределов, где в то время мест удобных для потаенного или, по крайней мере, относительно спокойного жительства было великое множество. Многие из многочисленных деревень нынешнего Барнаульского округа, в XVIII в. составлявших приходы Белоярский, Малышевский, Чингизский, Бердский, Легостаевский были застроены беглецами Петровского времени. При первой ревизии в г. Кузнецке было переписано 1 363 крестьянских ревизских души, а в уезде (куда в то время принадлежали и земли нынешнего Барнаульского округа) – 1 511 душ². Цифры невелики, тем не менее выразительны они для стороны, где в недавнее время была чуть не сплошная пустота. При этом, конечно, нужно заметить, что многие из беглецов в ревизию не писались, оставаясь в укрывательстве в недоступных для начальства углах. Что местному начальству было трудно и даже иногда невозможно добираться до таких углов, это, между прочим, видно из следующего обстоятельства. В 1722 г. томский воевода Павел Федорович Загряский отдал приказ томскому дворянину Прокопьеву, чтобы переписал пашенных крестьян, гулящих и всякого рода русских людей Томского уезда в Сосновском стану для взятия с них положенных податей. Прокопьев донес затем, что с гулящих людей собрать подати оказалось нельзя, ибо «живут от Сосновского острога по разным местам и в дальних расстояниях»³. А сколько в Томском крае было за то время раскольников, это указывает нам тобольский митрополит Антоний I Стаховский. Делая выговор томскому архимандриту Порфирию за то, что многих томских жителей показал бывшими на исповеди ложно, митрополит обличал ложь, главным образом, тем, что в Томске и около него «самое дно раскольников содержитя»⁴.

¹ Памятники Сибир[ской] истории. [СПб., 1885. Кн.] 2, № 94. Соловьев [С.М. История России с древнейших времен. СПб.], 1868. [Т.] XVIII. С. 212.

² Архив Колывано-Воскрес[енского] горного начальства в Барнауле. Столп дел по описи № 461. Л. 253.

³ Доношение дворянина Никифора Прокопьева //Арх[ив] Томск[ого] Алексеев[ского] монастыря. Св[язка] 4.

⁴ [Беликов Д.Н.] Старинные монастыри Том[ского] края. [Томск, 1898]. С. 29.

Бегства продолжались и в царствования ближайших преемников Петра I, потому что условия крестьянской жизни, в общем, оставались те же, что были и при Петре. Только без такого величавого кормчего на государственном корабле, без такого хозяина, каким был великий император, и при постоянных интригах при дворе со стороны разных правительственных чинов, стало больше сутолочи в государстве и больше в нем злоупотреблений. Подати с крестьян брали прежние, суровость рекрутских наборов не изменилась. Значительно реже и в меньших массах стали собирать народ на работы по государственным сооружениям. Но зато страдали крестьяне от частых хлебных недородов и пережили неопикуемый страх в виду жестокостей, с которыми взыскивали с крестьян многие накопившиеся недоимки мрачной памяти доимочная канцелярия, учрежденная Бироном, главным образом, для удовлетворения, как выражались в старину, своей бездельной корысти.

В 1727 г. члены Верховного Совета свидетельствовали, что крестьяне бегут в Польшу, Запорожье, к башкирам, в раскол: «итак, мы нашими крестьянами снабжаем не только Польшу, но и собственных злодеев». Причину этого грустного обстоятельства Совет усматривал в том, что «никто из командиров ни о чем больше не думает, как только о том, чтобы взять у крестьянина последнее в подать и этим выслуживаться, не принимая в расчет, что после крестьянин без всего останется, или вовсе куда-нибудь убежит»¹. Генерал-прокурор Ягужинский в записке, поданной государыне о мерах облегчения крестьян говорил, что «крестьяне от тяжести податей и от неурожаев не токмо лошадей и скот, но и семянной хлеб распродавать принуждены и сами терпят голод..., и множество (их) бежит за рубеж и в Башкиры, чему и заставы не помогают»². Сенат, рассуждая по поводу этой записки, находил, что в предупреждение побегов не только нужно выбрать в каждой местности сотников, пятидесятников, десятников, но, кроме того, следует перепоручить крестьян круговую порукою. Это будет крепче караулов, потому что тогда крестьяне принуждены будут сами себя караулить: «нельзя тому стать, чтобы крестьяне друг о друге не узнавали, ибо кто захочет бежать, то пред

¹ Соловьев [С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1868. Т.] XVIII. С. 294.

² Соловьев [С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1868]. Т. XVIII. С. 280.

побегом спроваживает в способные к побегу места скот и пожитки, а иные пред побегом все продают»¹.

Минуем целый ряд других подобных же свидетельств о крестьянских бегствах и ограничимся указанием на то, что, по словам Болтина, от мучительств Бирона убежало за границу 250 000 крестьянских душ².

А вообще всех, не известно куда бежавших крестьян, в течение только девяти лет, от 1727 по 1736 г., история указывает в цифре около 400 000 чел.³

Сколько за время царствований Екатерины I, Петра II и Анны Ивановны убежало крестьян чрез Башкирию и Уральский хребет в Сибирь, это в точности, конечно, не известно. Но что бежало много, в том не может быть ни малейшего сомнения. Татищев, побывавший в Демидовских заводах в 1733 г., нашел там 3 000 беглых раскольников, живших и работавших на заводах въявь. Татищев должен был их переписать. Приказчик Демидова захотел отклонить его от этого дела и принес ему взятку в 2 000 руб., отвергнутую честным генералом с презрением⁴. Но и сами беглецы-раскольники не постеснялись заявить Татищеву, что если он не оставит своего намерения относительно их переписи, они уедут в Сибирь дальше. Привелось исполнить дело переписи со всевозможною для беглых мягкостью и таковою же в отношении к ним осторожностью.

Познакомимся ближе с образчиками беглецов, пришедших в наш Томский край до вступления на престол Елизаветы Петровны.

1) Ил[л]арион Абросов пришел с отцом из Архангелогородской губернии, предварительно поживши с ним несколько лет у Демидова на Невьянском заводе. Явившись в глубь Сибири с Урала, они остановились и обосновались в деревне Усть-Чумыше.

2) Зотей Бородухин и Ив. Плотников из Архангелогородской же губернии. Пришли в Сибирь в конце царствования Петра I.

3) Петр Красильников пришел из России с отцом, братом и женой к р. Оби, в район Малышевской слободы и поселились здесь сначала на пустом месте, а затем перешли в дер. Усть-Чарыш.

¹ Соловьев [С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1868]. Т. XVIII. С. 280.

² Шапов [А.П. Русский] раскол старообряд[ства. Казань, 1858]. С. 490.

³ Щебальский [П.] Чтение из русской истории[(с исхода XVII века): в 6 вып.]. [М.: В Университетской типографии], 1874. Вып. IV. С. 125.

⁴ Соловьев [С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1868. Т.] XX. С. 203.

4) Алексей Исаков от матери слышал, что с отцом пришел из Устюга к р. Оби, в Бердский острог.

5) Василий Степанов родом из Устюга же. В Сибирь пришел с отцом. Сначала скитался «меж дворов» в Томском ведомстве, затем ушел в Барнаульскую степь на одиночное жительство.

6) Алексей Овчинников, из Нижегородской губернии, Керженской волости. Свезен был оттуда матерью, за скудость хлеба в 1714 г., в деревню Чарышскую.

7) Егор Корел, из Олонца, деревни Суждальской. Ушел с родины в 1729 г. Пришел в Сибирь, долгое время бродил по разным деревням около Оби и, наконец, основался в дер. Тугозвоновой.

8) Василий Казанцев, Даниил Богданов, Фома Колотилов, из Казанской губернии, пришли к г. Кузнецку до первой ревизии, т. е. до 1721 года.

9) Сидор Антипин и Ив. Вагин, из Московской губернии. Из них последний ушел с отцом «до ревизии Солнцева» и, поселившись Малышевской слободы, в дер. Сопляковой, завел здесь свой дом.

10) Василий Пискунов с товарищами, из Нижегородской губернии, Арзамасского уезда.

11) Игнатий Брутов от матери слышал, что пришел с отцом «из российских городов» еще до переписи Солнцева и поселился в районе Белолярской слободы.

12) Прохор Низовских, из Устюга. Явился в Сибирь будто бы с паспортом, но паспорт на дороге сгорел.

13) Василий Орлов, из Московской губ., из города Суздаля, деревни Пущенской. Вышел в Сибирь в 1738 г. и поселился около дер. Артамоновой, Бердского острога.

14) Кузьма Гуляев с племянником Антоном Никифоровым – мордовского рода. Ушли с родины в 1738 г. и поселились около Чаусского острога.

Мы перечислили только единичные примеры российских беглецов в Томский край, взявши эти примеры на удачу из длинных перечневых списков, найденных нами в бумагах Барнаульского горного архива¹. Да и в эти длинные списки занесены только те из бежавших, которые не записались во II[-ю] ревизию. Следовательно, все из беглецов, захотевших после многообразных блужданий, жить открыто, на легальных основаниях, и ко II[-й] ревизии явившихся, в указанные перечни попасть не могли.

Пред нами довольно длинные же списки беглецов из Тобольской области и из ее дистриктов: Тарского, Ялуторовского, Ишимского и др.

¹ Архив Колывано-Воскресенского горного начальства. Столп д[ел] № 35.

Является сам собою вопрос: что заставляло этих людей менять свои сибирские места в пользу Томской стороны? Сами они указывали то на недород хлеба, то на выпашку полей. Разумеется, могли побуждать к переселениям и эти причины, заставлявшие крестьян искать более хлебобородных и более тучных полей. Но, думается нам, что в нередких случаях и эти пришельцы принадлежали к составу российских беглецов, передвигавшихся к томским пределам постепенно, чрез посредство непродолжительной оседлости в более западных сибирских частях. Но если это были давние сибиряки, то не забудем, что общие тяготы крестьянской жизни в эпоху Петра и его преемников не могли миновать и сибирских старожилов. От тягостей можно было укрываться только в более пустых и более глухих местах, каких в Томской стране было изобильно. В самом деле, если тобольские пришельцы уходили с [о] своих мест к дальней Оби и за нее только от хлебного недорода или выпашки полей, то почему уклонялись от записей в ревизские сказки?

Берем опять наудачу несколько беглецов этого разряда.

1) Яков Угрюмов, из Тарского ведомства. После разных блужданий поселился в дер. Бажевой, Белоярской слободы, где и построил свой двор.

2) Ив. Аксенов, из Курганской слободы, Тобольского ведомства, откуда самовольно ушел в 1728 году. Сначала поселился в деревне Красный Яр, Чаусского острога, а затем перешел в дер. Карматскую, Белоярской слободы.

3) Ефрем Михайлов, Ишимского дистрикта, из дер. Гаевой. Около 1718 г. был взят в рекруты и отправлен в Петербург, но с дороги бежал. Спустя 8 лет после бегства объявился в Сибирской канцелярии, из которой его отпустили домой. Но ушел и из дому, ушел за [р.] Обь и завел двор в дер. Черкуновой, Белоярской слободы.

4) Тимофей Чепарин, из Аятской слободы. Ушел оттуда в 1728 г. и ходил по разным местам, прежде чем пришел к берегу Оби.

5) Кирилл Койнов, из Тобольского ведомства деревни Койновой. Ушел с родины вместе с братом в 1728 г. Жили сначала в пустых местах, затем он, Кирилл, поселился в дер. Орде, Чаусского острога, а брат домообзавелся в другой деревне, от него получившей свое название, т. е. в дер. Койновой.

6) Михайло Тарасов, из Тюменского ведомства дер. Гилевой. Ушел оттуда в 1738 г. в дер. Курзу, Чаусского острога, а отсюда перешел в д. Зайцеву, Бердского острога.

7) Ив[ан] Фоминский, из Камышловской слободы, по р. Пышме. Пришел в Бердский острог к прежде вышедшему сюда родному дяде.

8) Амфилохийев, из Шадринского дистрикта. Пришел в 1733 г. в дер. Сует[к]у, Чаусского острога, а отсюда перешел в дер. Караканскую, Кузнецкого ведомства, где поставил свой двор и женился.

И т[ак] дал[ее], т. д.¹

То обстоятельство, что в перечне, которым пользуемся, встречается очень немало крестьян, убежавших из Аятской, Абацкой слобод (Тоб[ольского] вед[омства]) и из-под [г.] Тюмени, указывает, по нашему мнению, ясно, что эти люди пришли в Томскую область по расколу, так как из других источников нам известно, что те слободы были сильно населены раскольниками и в начале XVIII в. раскол преследовался там весьма жестоко. Очень часто затем упоминаются перебежчики из г. Тары и его округа. Из другого документа мы узнаем, что в 1735 г. томский воевода получил из Сибирской канцелярии указ о сыске крестьян и разночинцев, самовольно ушедших из Тары же и волостей Тарского ведомства. И сыщики во главе с офицером нашли немало тарских семей, бежавших в 1722, 1724 и в позднейшие годы и поселившихся, главным образом, в деревнях Чаусского острога². Усиленное бегство из Тары наводит на мысль, что в данном случае имело важное значение то большое розыскное дело о тарянах, которое вызвано было их отказом присягнуть супруге императора Петра I Екатерине, после того, как Петр короновал ее в 1722 г. Известно, что при этом страшном розыске один из главных зачинщиков сопротивления Бочагов с несколькими из общников заперся в доме и поджог под домом порох, чтобы взлететь на воздух. Поджог не удался и запершиеся были схвачены живыми. Но это обстоятельство только усилило строгость розыска, от которого пострадало более 1 000 человек³. Все эти страхи и строгости не могли не навести паники на тарских жителей всяких чинов и не заставить их брести врознь. Некоторые из них убежали в раскольническую пустынь старца Сергия⁴, а некоторые утекли дальше на восток, к Кузнецку и Томску.

¹ Архив Колывано-Воскресен[ского] горного начальства. Столпы дел по описи № 35 и без описи от 1749 г.

² Арх[ив] Том[ского] Алекс[еевского] монаст[ыря]. Связка 3.

³ Словцов [П.А.] Истор[ическое] обзор[ение] Сибири. [Кн]. I. С. 266.; Соловьев [С.М.] Истор[ия] России [с древнейших времен]. [Т.] XVIII. С. 238.

⁴ Памятники Сибир[ской] истор[ии]. СПб., 1885. Кн. II, № 110. О старце Сергии здесь говорится, что в свою пустынь он принимал «приходящих из разных мест, а наипаче тарских обывателей, которые, не похотя быть у присяги, бежали к нему».

Все изложенное подтверждает высказанную нами догадку, что тоболичи и, в частности, таряне уходили в томские пределы преимущественно от тягостей, характеризующих время Петра I и его ближайших преемников.

Предприимчивый владетель Уральских заводов Акинфий Демидов, прослышав в конце царствования Петра о богатых залежах медных руд в Алтайских горах, отправил туда с Урала для проверки слуха олонечких стариков Матвия Кудрявцева, Леонтия и Андрея Кабановых. Старики вернулись через год и принесли Демидову образцы руды, добытой из древних «чудских» копей Синеи сопки или Синюхи. Демидов не замедлил заявить о своей находке обербергамту Геннину и в начале 1727 г. получил дозволение разрабатывать алтайские руды в свою пользу. Построены были сначала одна печка на р. Локтевке, а затем завод на рч. Белой, названный Кольвано-Воскресенским. Оказалось, что из Алтайских гор можно было извлекать не только медь, но и серебро и даже золото. Тем усиленнее пошла горно-алтайская деятельность энергичного Демидова. В 1735 г. Кольванский завод взят был в казну, а в 1739 г. снова возвращен прежнему владельцу, построившему, кроме Кольванского, еще заводы: Барнаульский, в 1739 г. и Шульбинский, на р. Шульбе, в 1744 г. Но с 1747 года заводы снова были изъяты из частной собственности и перешли в собственность Кабинета Ее Величества, причем назначенный для управления ими бригадир Беэр должен был тщательно описать и оценить их, чтобы из казны уплатить «что должно» наследникам Демидова¹.

С открытием медных руд в недрах Синеи сопки, повлекшем к устройству на Алтае горных заводов, в деле колонизации Томского или, точнее, Томско-Барнаульского края явились новые стимулы, которые, перемешиваясь с вольно-народными, принимают принудительный характер.

Для добычи руд и очень сложного дела их обработки, понятно, требовалось много рабочих рук. И вот еще Демидов то и дело отправляет из Невьянска на Алтай целые партии рабочих с[о] своими приказчиками. То опять-таки были беглые, которых у Демидова на Урале состоял огромный запас. По отрывочным документам, бывшим под на-

¹Извлекаем эти сведения из рукописной, разнообразного содержания, тетради, принадлежавшей известному знатоку Алтая, ныне умершему чиновнику Алтайского ведомства Ст[епану] Ив[ановичу] Гуляеву. См. Краткий историч[еский] очерк Алтайского округа: [(1747-1897)]. СПб.: [типография А.С. Суворина], 1897 и ПСЗРИ. [Т.] VII. № 9403.

шими руками, мы могли бы перечислить многих крестьян, заявивших переписчикам П[-й] ревизии, что они из беглых, пришли в Сибирь в числе демидовских рабочих и, уклоняясь от заводских работ, убежали и здесь, в Сибири, то от Колыванского, то от Барнаульского завода для того, чтобы пристать для жительства к вольным деревням. Кроме указаний на этот счет, разбросанных там и здесь, мы видели в архиве большое дело с перечнем демидовских переведенцев на Алтай, прибывших сюда в 1744 г. Все переведенцы были из российских беглецов, ушедших в промежуток от 1725 по 1735 г. кто из Архангелогородской, кто из Московской, кто из Казанской и Нижегородской губ., кто из Устюжского и Вятского края¹. Когда заводы были взяты на имя государыни Елизаветы Петровны, к ним для работ были приписаны все крестьяне Белоярской, Малышевской слобод, Бикатунской крепости и Бердского острога². «А понеже известно, – писала государыня в Именном указе Беэру, – что при оных заводах места к поселению людей довольные и всем потребным к житию человеческому изобильныя, и для того по рекам, близ оных заводов текущим, селить *пришлых* в Сибирь, кои явились по нынешней генералитетской переписи и оные пришлые люди, чьи бы они ни были, должны зарабатывать на заводах, первое, подати государственныя по 70 к., другое – подати помещикам по 40 к.» (в год)³. Таким образ[ом], кроме причисленных к заводам сибирских крестьян, к ним, заводам, нужно было приписывать людей, пришлых самовольно в Сибирь, или иначе – людей беглых. И вот начинаются облавы на беглых на протяжении от самого Урала до Иркутска. А беглых в Сибири и теперь было достаточно, так как разные тяготы, угнетавшие крестьянскую жизнь там, в Центральной России, не исчезали.

Правда, в царствование Елизаветы Петровны крестьянские подати были облегчены, но зато распространенный в Отечестве раскол преследовался гораздо сильнее, чем было это при Петре I и даже при Анне Ивановне. В продолжении 40[-х] и 50-х годов прошлого столетия⁴ для раскола как бы вернулось то огнепальное время, каким в его истории

¹ Арх[ив] Колывано-Воскр[есенского] гор[ного] начальства. В столпе дел № 35.

² Впрочем, приписные крестьяне в количестве 400 дворов были у Алтайских заводов и за время, когда ими владел еще Демидов. Сибирские крестьяне были причислены к Демидову в 1740 и 1742 гг.

³ ПСЗРИ. [Т.] XII. № 9403.

⁴ Т. е. XVIII в. (*Ред.*)

был ознаменован конец XVII века. В виду преследований, «староверцы» горели там и здесь. Горели одни, наиболее фанатичные, другие бежали для укрывательства от властей, бежали по тем путям, которые уже давно были протоптаны русским лаптем и из которых один вел на восток, в Сибирь, в ее необозримые степи, в ее неоглядные, угрюмые и глухие черни или тайги. Помимо утеснений, какие испытывали раскольники, существовали и другие, более общие горести. Известно, что царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II были временем наиболее полного развития крепостного права с его жестокостями, с его подавлением не только гражданской, но, пожалуй, и человеческой личности того, кто в мозолистых своих руках держал соху, эту опору благосостояния России, нашу матушку:

«Неизменную кормилицу,
Вековечную работницу».

При Петре I можно было укрыться от крепостной зависимости самовольным уходом в военную службу. Тяжела была последняя, но при всей ее тягости крестьянин в нередких случаях готов был предпочесть ее крепостной неволе. В царствование Елизаветы крестьянину законным образом уйти от помещика было уже некуда. Крепостные, самовольно уходившие в солдаты, были наказываемы кнутом. Как тяжело русский крестьянин чувствовал на себе гнет состояния в крепостных условиях, доказывается крестьянскими восстаниями против крепостных владельцев. Восстаниями переполнено царствование Елизаветы, они постоянно повторялись и при Екатерине, выразившись, наконец, в том огромном больном нарыве на историческом организме русского государства, который известен под именем пугачевщины. В начале царствования Екатерины II, Петр Ив[анович] Панин подал государыне свое мнение о мерах пресечения крестьянского бегства, причем указал следующие причины этого, удручавшего государство, явления: 1) «строгость как духовного, так и светского начальства к раскольникам; 2) привычка помещиков продавать крепостных отдельно от их семей, а также продавать в рекруты за чужие деревни, без всякого внимания к огорчению и разорению оставшихся семейств; 3) чрезмерно дурное содержание рекрут; 4) ничем вообще не ограниченная власть помещиков над крестьянами, причем неумеренная роскошь заставляет первых брать с последних подати и употреблять в работы не только тяжкие,

но и превосходящие силы человеческие и т. д.»¹. Дворяне-депутаты известной Екатерининской комиссии сильно печаловались, что постоянные бегства крестьян наносят благосостоянию дворянства огромный ущерб. Известно, что в первые годы своего правления Екатерина II заговорила было об освобождении крепостных или, по крайней мере, как предлагала в своем либеральном Наказе, об облегчении бремени в положении последних. А на деле все кончилось тем, что крепостное право распространено было на Белоруссию и Малороссию, где его прежде не существовало, помещик получил власть ссылать по своему усмотрению крестьянина в Сибирь, и крестьяне лишены были возможности жаловаться на притеснения и жестокости своих господ без опасения за такую продерзость подвергнуться битью кнутом и идти затем на поселение².

Как при Елизавете и Екатерине было много бежавших в Сибирь красноречиво доказывается тем, что на одних Уральских заводах беглых насчитывали десятки тысяч душ³. Что касается, в частности, Томского края, то, по архивным материалам, беглые нам встречаются здесь чаще всего единичными личностями и семьями. Мы, однако, ограничимся сообщением указаний только на беглецов группами. Вот едут в Томскую Сибирь крестьяне Ставалдины с товарищами. Всех их на пути хотели было задержать, но беглецы успели укрыться, оставив в руках поимщиков одну женщину⁴. Вот еще 13 беглых семей, найденных в 1745 г. в деревнях Ординской, Малой Кривошековой и Ярской⁵. Вот еще не-

¹ Соловьев [С.М.] Истор[ия] России [с древнейших времен]. [Т.] XXV. С. 145.

² В 1767 г. 22 августа состоялось такое распоряжение: «которые люди и крестьяне в должном у помещиков своих послушании не останутся и в противность 2 уложенной главы, 13 пункта недозволенные на помещиков, своих челобитные, а наипаче Ея Императорскому Величеству в собственные руки подавать отважатся, то, как челобитчики, так и сочинители сих челобитен наказаны будут кнутом и прямо сошлются в вечную работу в Нерчинск, с зачетом их помещикам в рекруты» // Правиков [Ф.Д.] Памятник из законов [руководствующий к познанию приказного обряда, собранный по азбучному порядку]. Ч. 1. М.: [Вольная тип. М. Пономарева], 1803. С. 137; Соловьев [С.М.] История России [с древнейших времен] Т. XXVII. Гл. 1. С. 333-334.

³ В 1747 г. беглых было найдено на Урале 16 391 д[уша]. Соловьев [С.М.] История России с древнейших времен. Т.] XXII. Гл. II. С. 398.

⁴ Арх[ив] Том[ской] Д[уховной] Консistorии. Указ Тобольск[ой] Консistorии Том[скому] Дух[овному] правлению от 11 мая 1752 г.

⁵ Промемория ревизоров по II ревизии в Томскую воеводскую канцелярию // Моност[ырский] Арх[ив]. Св[язка] 4.

сколько монастырских крестьян, пришедших к Томску без паспортов с Урала, и 30 семей, поселившихся по р. Кыргызинской, в Чаусском стану и т. д.¹ По-прежнему являлись беглецы и из Тары, скрывавшиеся, несомненно, от преследования по расколу. В 1749 г. из Тарского района вышло самовольно 100 семей, найденных затем в самых отдаленных углах Кузнецкого уезда².

Как сказано, «пришлых» в то время приписывали к заводам и селили на заводских землях. И в Барнаульском горном архиве тянутся целые ряды дел о пришлых, взятых то в Иркутске или около него, то присланных под конвоем из Тобольска, то из Томска или Кузнецка и т. д.³

С конца царствования Елизаветы Петровны количество сел и деревень, причисленных к Колывано-Воскресенскому горному ведомству, увеличилось. С 12 янв[аря] 1761 г. были прикреплены к заводам все крестьяне, жившие в Томском и Кузнецком уездах, не исключая и крестьян, которые имели оседлость в самых Томске и Кузнецке, и которые во многих случаях происходили от бывших служилых людей и сибирских детей боярских. Количество рабочих сил при заводах увеличилось, но беглых присылать в заводское ведомство все-таки не переставали. Случалось, что в числе беглых приписывали к заводам и таких лиц, которые приписке по законам не подлежали. Между другими пришлыми, высланными из Тобольска в 1749 г., находился некто Ив. Коплин, прибывший в Сибирь из Тотьмы, из тамошних посадских людей. Его причислили к заводам, но отец запротестовал, указывая, что сын

¹ Арх[ив] Том[ского] Ал[ексеевского] Монаст[ыря]. Св[язка] 4.

² Арх[ив] Колыв[ано]-Воскр[есенского] гор[ного] нач[альства]. В столпе д[ел] № 79.

³ См. огромный список пришлых, приписанных к заводам в арх[иве] Колыв[ано]-Воскр[есенского] гор[ного] нач[альства]. Столп дел № 85, см. столпы: № 30, 79, 110, 172. Между прочим, в 1748 г. велено было выслать к Алтайским заводам некоторых из пришлых, проживавших в Невьянской демидовской богадельне. Нарочно посланному в Невьянск сержанту приказано было захватить из богадельни 53 чел., оказавшихся годными к работе // Арх[ив] К[олывано]-Воскр[есенского] г[орного] п[равления]. Столп д[ел] № 30. По сообщению Гуляева, в конце 1740-х годов пришлых было приписано к заводам всего 2 216 душ. // Тетрадь Гуляева (в рукописи). 1 янв. 1759 г. Колыв[ано]-Воскр[есенская] Канц[елярия] писала бригадиру Фрауендорфу, что в скором времени ожидает присылки для заселения заводских земель 400 «пришлых» семей // Чт[ения] при императорском общ[естве] ист[ории] и др[евностей] россий[ских]. 1867. Кн. 2. С. 261.

отправился в Сибирь, не как праздношатающийся, а «для купечества», что при II[-й] ревизии в оклад он положен и ныне насильственно взят в Колывано-Воскресенское ведомство только потому, что паспорт оказался у него просроченным. Несмотря на это заявление, Колывано-Воскресенская канцелярия протесту не вняла и Коплина отпустить не захотела¹. В том же 1749 г. томский воевода прислал к заводам 48 человек, пришедших в Сибирь на заработки с паспортами. На этот раз Канцелярия смиловалась, присланных отпустила назад, поставив усердному воеводе на вид, что в данном случае он поступил «неосмотрительно»².

Но исчерпаем по возможности полнее обзор колонизации края за XVIII в. при посредстве беглых.

Императрица Екатерина II, ослабив строгость гражданских постановлений против раскола, между прочим, задалась целью вернуть из заграницы раскольников, бежавших туда в прежние годы, причем прощала все их вины и указала им места для поселения, с освобождением на 6 лет от всяких податей, в нынешних Астраханской, Саратовской, Оренбургской и Самарской губерниях, но более всего – в Сибири, близ Тобольска, в Барабинской степи и в ведомстве Усть-Каменогорска. Хлынули волной раскольники из-за рубежа в давно покинутое Отечество, но, однако, не все. Жители Польской Ветки и раскольнических слобод около нее из-за рубежа выходить не хотели и, мало того, стали очень громко заявлять себя частыми разбоями как в самой Польше, так и в сопредельных российских местах. Упорство и буйства беглецов заставили императрицу послать туда генерал-майора Маслова с войском. Маслов разорил Ветку и вывел оттуда до 20 000 раскольников, которые и были затем препровождены на поселение в Сибирь. Немало их было поселено в Барабинской степи, но, особенно много, в Алтайских горах по рр. Убе, Ульбе, Глубокой и прочим притокам Иртыша, с правой стороны. Это были прадеды тех раскольников, которые ныне составляют самое зажиточное население в Бийском и Змеиногорском округах и которые известны там под странным именем «поляков» (выходцы из Польши)³.

¹ Арх[ив] Колыв[ано]-Воскр[есенского] гор[ного] начальства. В столпе д[ел] № 94.

² Арх[ив] К[олывано]-Воскр[есенского] гор[ного] нач[альства]. В столпе д[ел] № 30. Л. 170.

³ Варадинов [Н.В.] История Мин[истерства] вн[утренних] дел: [ч. 1-3]. Кн. VIII. [СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1863]. С. 31; см. Мельников [П.И.] Истор[ические] очерки поповщины. Москва, 1864. С. 255.

При Колывано-Воскресенских заводах, в царствование Екатерины II, значительно умножившихся в числе¹, состоял всегда огромный штат рабочих: мастеровых, рудокопов, угольщиков, плавильщиков и проч., которые несли чрезвычайно обременительный и изнурительный труд. Рабочие набирались из крестьян всех селений, причисленных к заводам и отбывали заводский труд, как воинскую повинность. Кроме того, для исполнения многочисленных заводских поручений, наприм., рубки леса, приготовления дров или угля, вывозки этого материала к заводам, перевозки к заводам руды назначались и сами крестьяне по очереди или целыми деревнями, или отдельными семьями из деревень. Работы были тяжелые, а для «бергалов», так назывались постоянные рабочие, каторжный в точном смысле этого слова². За неисправности в работах, за провинности рабочих наказания царили жестокие. Кнута, плетей, кошек и том[у] подоб[ных] прелестей горные начальники, в большинстве иностранцы, для русской спины не жалели. Поэтому, естественно, что в обширном ведомстве «Колывано-Воскресенского горного начальства»

¹ В 1764 г. был построен *Павловский завод*, на р. Касмале (притоке [р.] Оби), в 1765 г. – *Сузунский медно-плавильный* (где чеканилась медная сибирская монета), в 1771 г. – *Железотомский*, на Томь-Чумыше, в 1775 г. – *Алейский*, 1782-1783 г. – сереброплавильный *Локтевский* и в 1795 г. – *Гавриловский*. Кроме заводов, много рабочих требовалось на рудники: *Змеевский* (Змеиногорский), *Богоявленский*, *Бутырский*, *Гольцовский*, *Шемонаихинский*, *Таловский*, *Золотушинский*, *Семеновский*, *Салаирский* (открыт с 1781 г.), *Риддерский* (открыт с 1784 г.), *Петровский* и *Титовский* (с 1787 г.), *Зыряновский* (открыт с 1791 г.) и др. // Краткий истор[ический] очерк Алт[айского] округа. С. 15-17.

² Огромные трудности заводских работ очень ярко изображены в Кратком [историческом] очерке Алтайск[ого] окр[уга]. (1747-1897). С. 13-14, примеч[ание]. Чтобы избавиться от непосильных работ, мастеровые нередко ложно возводили на себя тяжкие преступления, и нередко же решались на самоубийство. Как страшны были наказания, практиковавшиеся в Колыванском ведомстве, страшны не только для мастеровых, но и для заводских крестьян, показывает такой, напр., случай. В 1834 г. крестьянин дер. Журавлихи, Чумышской вол. Спиридон Новоселов, только лишь вернувшийся домой с очередных работ на Змеиногорском руднике, нанес себе тяжелую рану ножом в пах. При дознании Новоселов показал, что хотел лишиться себя жизни из-за того, что жители Журавлихи возвели на него обвинение в покраже 6 лошадей и потому убоился, что «его будет теснить начальство». // Арх[ив] Колыв[ано]-Воскр[есенского] горного начальства]. Связка дел под заглав[ием] «Частные происшествия» за 1834-[183]5 г.

в свою очередь происходили беспрестанные бегства. Как и следует ожидать, бегали, преимущественно, «бергалы», но случалось, что по их следам и заводские крестьяне, особенно из недавних приписных-пришлых. Бегали в разные стороны, но самым уютным местом для укрытия беглецы считали тот угол юго-восточного Алтая, который известен под именем Бухтарминского края. Изборожженный огромными горами, среди которых высятся такие гиганты, как Катунские белки, Холзун, сама величавая Белуха, испещренный неисчислимыми пропастями и ущельями, этот малодоступный край доставлял такие удобства для беглого человека в смысле искомой им безопасности и в отношении добычи жизненных средств, каких не могла дать дремучая тайга. Бежать в горы Бухтарминского Алтая – это, по выражению томских крестьян, значило уйти «в Камень». Отсюда бухтарминские беглецы носили название «каменьщиков». В 1748 г. бежали «в Камень» шмельцеры Битков и Плотников. Но прежде чем успели удалиться вглубь «Камня», они были пойманы. На расспросах, под кнутом, беглецы рассказали, что ушли в бега для того, чтобы «жить в легкости» и что с ними на р. Убе были и другие товарищи, ушедшие дальше в горы с тем, «чтобы их никто и никогда не мог отыскать»¹. В других случаях бергалы уходили к Бухтарме целыми толпами. В 1764 г. сюда сразу ушло 25 человек из рабочих Змеевского рудника. Кроме бергалов и заводских крестьян, сюда же за Камень, текли преступники с каторги и особенно часто раскольники, искавшие того загадочного Беловодья, где будто бы во всем сиянии царит красота древнего благочестия. Имеется указание, что на это место впервые зашли именно раскольнические старцы, забредшие сюда чуть ли не во времена Петра В[еликого]². Словом, здесь постепенно накопилось население в несколько сот человек. Оно завело хлебопашество, но, главным образом, содержалось от звероловства и от рыбного промысла на р. Черном Иртыше и на оз. Зайсан. Звериные шкуры гор-

¹ Арх[ив] Колыв[ано]-Воскр[есенского] гор[ного] нач[альства]. Столп д[ел] № 79.

² Принтц [А.] Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Том[ской] губернии // Зап[иски] Рус[ского] географ[ического] общества. 1867. Т. I. С. 547. В 1773 г. в Красноярскую земскую избу (на Иртыше) привели беглого раскольника Гордея Еремеева. Он показал, что пришел из России в Сибирь вместе с раскольниками-поляками, а затем скрылся в Камень по р. Бухтарме, жил там «с прочими беглецы, питаюсь рыбою и зверьем» // Арх[ив] Кол[ывано]-Воск[ресенского] гор[ного] нач[альства]. Столп д[ел] № 718.

ных козлов, маралов, белки, выдры, соболя и бобра каменьщики сбывали китайцам, а иногда русским из ближайших к ним пограничных поселений, куда иногда беглецы позволяли себе являться потаенно. Потаенно же они ездили за солью к соляным озерам, в 50 верстах от Локтевского завода. Недоставало в их беглой среде женщин, и это вынуждало беглецов на рискованные подвиги похищения жен. «Сабинянок», в своем роде, они доставали из тех же русских пограничных деревень, куда скрытно являлись для торга или мены добытых звериных шкур. В целях лучшего укрывательства, каменьщики жили избушками, раскиданными врознь. Сходились или съезжались вместе, как запорожцы на раду, только в экстренных случаях для решения каких-либо общих дел, а также для суда и расправы. Буйств, воровства и убийств в этой вольной компании было довольно. За тяжкие преступления каменьщики наказывали виновных, привязывая их к маленькому плоту и пуская последний по чрезвычайно быстрой Бухтарме, а иногда преступника убивали тут же, на месте суда.

Разные непорядки в жизни, раздоры между собою, а, главное, сознание, что нельзя же жить вечно своей одинокой, от всех отчужденной партией, заставили каменьщиков чаще и чаще подумывать о явке. Но кому явиться? Русскому начальству. Это было очень рискованно, потому что за бегство и преступления, предшествовавшие бегству, можно было пострадать очень жестоко.

Сохранилось известие, что беглецы просили о принятии их в китайское подданство. Но Богдыхан отказал, не находя ничего лестного для небесной империи в подданстве русской буйной гольтубы. Да и сами каменьщики разочаровались в задуманном намерении, когда их доверенные, посланные для переговоров с китайскими властями, вернувшись из китайского города Хобдо, рассказали до какой степени часто совершались пред их глазами казни у китайцев, казни мучительные даже за ничтожные преступления. Между тем на Бухтарме был открыт серебряный Зыряновский рудник, и горное начальство принялось усиленно снаряжать отряды рабочих и мастеров на новое место своей горной деятельности. Каменьщики не могли более оставаться в безызвестности. В 1790 г. они объявились прибывшему в Бухтарму чиновнику Приезжеву, изъявляя, в случае, если им дано будет прощение, готовность на всякую услугу, какую бы ни потребовало от них правительство. Дело пошло по инстанциям и дошло до Государыни. Указом, данным на имя сибирского генерал-губернатора Пиля, Екатерина обрадовала каменьщиков своим полным прощением, подчинив их, наравне с алтайскими

телеутами, управлению инородческой управы, почему до 1882 г. они именовались странным для русских именем ясачных инородцев¹.

Ходатайствовали о прощении 250 мужчин и 67 женщ[ин], но после всех каменщиков оказалось значительно большее число. Вышед из отдельных избышек, каменщики образовали деревни Сенную, Огневую, Александровку, Быкову, Белую, Язовую и др.

Из мероприятий, направленных в продолжение XVIII в. к колонизации нас занимающего края вполне легальным элементом, нам прежде всего известно заселение военных линий: Иртышской, Колыванской и Кузнецкой. Повелением Петра В[еликого] в 1714 г. из Тобольска снаряжена была экспедиция в «Яркань», или в Восточный Туркестан, для отыскания месторождений золота по рр. Аму- и Сыр-Дарьям. Экспедиция, состоявшая под начальством сначала подполковника Бухгольца, потом Ступина и гвардии-майора Лихарева, до золота не добралась, но зато оказала ту услугу Сибири, что по Иртышу построила крепости Ямышевскую, Омскую, Железинскую, Долонскую, Семипалатную, Убинскую, Усть-Каменогорскую (1715-1720 [гг.]). Это и составило линию Иртышских крепостей, которая была чрезвычайно важна для обережения сибирского населения от набегов калмыков и киргиз. Колыванская линия была устроена в 1759 г. и проходила от Иртыша вдоль р. Убы до впадения в нее рч. Шемонаихи. Далее чрез форпост Шемонаиху, д[д.] Екатерининскую, Старо-Алейскую, Змеиногорский рудник, Колыванский завод, Белорецкий форпост она тянулась до дер. Маралихи. Третья, Военно-Кузнецкая линия, открытая в 1760-х годах, шла от Усть-Каменогорска до Кузнецка чрез Телецкое озеро и Бийскую крепость¹. Обе последние линии проведены были для обережения южных пределов Томского края от вторжений

¹ О каменщиках см. указанную выше статью в Зап[исках] Рус[ского] географ[ического] общества, а также у Щеглова [И.В.] Хронологич[еский] перечень важнейш[их] данных из истор[ии] Сибири. [Иркутск: Изд. Восточно-Сибирского отдела Имп. РГО, 1883]. С. 324 и дал[ее] и Краткий истор[ический] очерк] Алтайского округа. С. 10-11, примеч.

² В 1771 г. в состав Кузнецкой линии входили: поселок Ульбинский, Бобровская защита, Сеитовский редут, Верх-Убинская защита, Большерецкая, Плоская, Ключевский маяк, Верх-Белорецкая защита, форпосты: Тигирецкий, Яровский, Чарышский, маяк Сосновский, шанцы Маралых рог, маяк Слюденский, форпост Антоновский, маяк Николаевский, Терские шанцы, крепости: Ануйская, Катунская, Бийская, Бехтемирская, форпост Новиковский, Курбеевский и гор. Кузнецк // Костров. Г[ород] Кузнецк: (историко-статистический очерк). Отд. оттиск из Томских губ[ернских] ведом[остей] за 1879.

не столько уже со стороны калмыков, сколько китайцев. Крепости и форпосты по всем линиям сначала были заселены исключительно солдатами из Тобольска, солдатами из ссыльных¹ и казаками из городов Томска, Нарыма и Сургута, с присоединением сюда некоторой части казаков с Дона и даже ссыльных запорожцев². Но правительство и местные власти заботились о заселении пустых, прилегавших к крепостям, земель и более надежным, более постоянным, крестьянским элементом. Так, в 1758 г., когда открытие Колыванской линии только еще проектировалось, Сибирская губернская канцелярия указом предписала Енисейской провинциальной канцелярии опубликовать немедленно о вызове желающих переселиться из Енисейской провинции к Бийской крепости крестьян, разночинцев и посадских людей. Вызов был объявлен и в результате оказалось, что в 1759 [г.] из Енисейской провинции пожелало перейти к Бийску сначала 197 душ муж. пола³, а затем 178 душ муж. пола и 128 женского⁴. Кроме крестьян из Енисейской провинции, к Бийску в то же время явились на переселение пахари из других сибирских мест в количестве 66 д[уш] муж. пола и 37 женского⁵. При учреждении Кузнецкой линии, генерал-майор Веймарн и бригадир Фрауендорф сделали в Сенат представление о необходимости переселения к Усть-Каменогорску и на земли по рекам Убе, Ульбе, Березовке и Глубокой, по крайней мере, 2 000 «настоящих работников», хотя бы насильственным нарядом из крестьян Тобольской провинции. Переселения насильственным путем Сенат не одобрил и предписал ограничиться переводением тех только, «кои сами того пожелают», с трехлетней льготой от всяких податей и повинностей⁶.

В 1760 г. добровольно захотели переехать на те реки пашенных крестьян из Тобольских дистриктов 211 душ мужского и 150 д[уш]

¹ См. Арх[ив] Колыв[ано]-Воскр[есенского] г[орного] нач[альства]. № 448. В 1773 г. были пойманы солдаты-дезертиры Тимофеев, из Москвы и Иванов, из Петербурга. По наказанию, их отправили на Иртышскую линию // Арх[ив] К[олывано]-Воскр[есенского] г[орного] нач[альства]. Столп д[ел] № 718.

² Щеглов [И.В.] Хронологический перечень важнейших данных из истор[ии] Сибири. [Иркутск,] 1883. С. 292.

³ [Потанин Г.Н.] Матер[иалы] для истории Сиб[ири] // Чт[ения] при императорском общ[естве] истор[ии] и древ[ностей] росси[йских]. 1867. Кн. 2. С. 259-260.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Там же. С. 262-263.

⁶ ПСЗРИ. Т. XV. № 14124.

женского пола¹. И кроме того, в этом и следующих 1761 и 1762 гг. из Тобольских же уездов много шло сюда крестьян отдельными семьями². Нет сомнения, что случаи добровольных крестьянских переселений как к Бийску, так и к Усть-Каменогорску бывали не раз и потом, но вполне основательное опасение на счет возможного закрепощения в пользу Колыванских заводов все-таки должно было сильно тормозить свободное движение в эти благодатные подалтайские местности крестьянских семей из разных др. частей Сибирской страны. Насильственное переведение сюда раскольников с Ветки мы уже видели.

В 1773 г. из Сената последовал запрос Коллегии Экономии: сколько в Московской провинции таких сел и деревень, крестьяне которых имеют недостаток в земле и сколько из таких малоземельных крестьян можно было бы выселить в другие места? Коллегия Экономии ответила, что по одному Московскому уезду крестьян с малыми наделами найдется «очень довольное число». Сенат определил высылать таковых в Сибирь для заселения «нужных сибирских местностей»³. Но нам неизвестно, было ли это определение приведено в исполнение и, если было, то попало ли сколько-нибудь подмосковных экономических крестьян на поселение в наш Томский край?

Гораздо более определенными сведениями мы располагаем относительно заселения принадлежащей Томскому краю Барабинской степи. Обширная степь до половины XVIII века, за исключением редких инородческих поселений и трех русских военных пунктов, представляла пустопорожнее место. Между тем население здесь было нужно и для развития земледелия, и для того, что[бы] продолжить по Барабе устройство большого сухопутного Сибирского тракта, доведенного к 1750-м годам только до Тары, и, наконец, для ямской гоньбы по этому тракту от Тары до Томска. В 1755 г. сибирский губернатор Мятлев выхлопотал разрешение на переведение сюда ямщиков из старинных северных сибирских ямских селений Демьянка и Самарова (по самому низовью р. Иртыша). Вскоре ямщицье население на Барабе значительно умножилось. В 1761 г., по представлению начальника Колыванских заводов пол-

¹ [Потанин Г.Н.] Материалы для истории Сиб[ири] // Чт[ения в императорском] общ[естве] истор[ии] и древ[ностей] росси[йских]. 1867. Кн. 2. С. 263-265.

² Там же. С. 265.

³ Соловьев [С.М.] Истор[ия] Рос[сии с древнейших времен. Т.] XXIX. Кн. 6. С. 1023.

ковника Порошина, сюда из Демьянска же и Самарова было переведено еще 1 559 человек, так что названные ямские селения опустели почти совершенно¹. Как упомянуто выше, в начале царствования Екатерины II в Барабу прибыла часть раскольников, выведенных из Польши. А губернатор Чичерин, кроме того, усиленно причислял к составу барабинских ямщиков и крестьян еще «посельщиков», т. е. людей сосланных из России. В общем при Чичерине степь оживалась населением, которое, исполнив трудное дело проведения тракта по низменной, болотистой местности, взялось и за земледелие².

Большую дорогу от Томска по направлению к Иркутску тот же Чичерин старался заселять крестьянами из разных сибирских мест и, в особенности, из Енисейской провинции. Он присылал их сюда взамен рекрутчины. Без ссыльных не обошлось и в этом восточном углу Том[ского] края³.

Остается сказать о ссыльных специально. Колонники идут из России в Сибирь во все продолжение XVIII в. целыми партиями и во многих случаях останавливаются в Тобольске и в Томске для распределения их отсюда по селам и деревням. Длинный ряд ссыльных, пришедших к Томску и осевших в нем и около него, открывается за XVIII в., партией пленных шведов, пришедшею сюда из Тобольска в 1814 г. Тоскливо этим несчастным было уже в Тобольске, где, доходя до крайней степени в своей печали о потере родины, многие из них посягали на свою жизнь и некоторые застрелились. Еще тоскливее они должны были чувствовать себя в более отдаленном и значительно менее культурном, чем

¹ Лопарев, Хрисанф. Самарово [– село Тобольской губернии и округа]. СПб.: [Типография Императорской Академии Наук], 1896. С. 28.

² В 1764 г. Кольвано-Воскрес[енская] канцелярия свидетельствовала, что крестьяне, «переселенные по проектам сибир[ских] губернаторов Мятлева и Соймонова в Барабинскую степь для устройства дороги и гоньбы ямщиной, совершили трудное и изнурительное для них дело и только теперь начинают приниматься за пашню» // Арх[ив] К[ольвано]-В[оскресенского] г[орного] н[ачальства]. Столл д[ел] № 461. Но это трудное дело проложения дороги продолжалось и при губернаторе Чичерине. При Чичерине от 1762 по 1780 г. были основаны и распространены следующие по Барабе селения: Мураши, Ново-Тутальское, Назарово, Карачинское, Козловское, Ичинское, Турумовское, Верхне-Омское, Ново-Разино, Антошкино, Осиновы Колки, Колмаково, Крутологовское, Чулымское, Сергино, Иткульское // Костров. Каинская Бараба. С. 35. Отд. оттиск из Том[ских] губ[ернских] вед[омостей] за 1874 г.

³ [Голодников К. Город] Тобольск и его окрестности. Тобольск, [1886]. С. 66; Словцов [П.А.] Истор[ическое] обозрение Сибири. 1886. [Кн.] II. С. 36, 40.

Тобольск, г. Томске. Может быть, и в Томске кто-нибудь из них старался рассеивать тоску тем же благородным делом, каким шведы занимались в Тобольске, т. е. обучением грамоте детей местных граждан¹. Мы не знаем об этом с достоверностью, но знаем, что в Томске некоторые из военнопленных занимались столярным ремеслом и плотничной работой, или же вели мелочную торговлю, причем иногда не гнушались торговать вином, добытым законом запрещенной самосядкой². Несомненно, многие из пленников остались в Томске и ближних к нему деревнях навсегда, слившись с местным населением и растворившись в нем. В 1730 г. Иван-швед подрядился построить надворные строения на монастырской заимке, существующей и доселе на р. Киргизке³.

В 1759 г. последовало распоряжение, чтобы, в виду недостаточности женщин в Сибири и, в особенности, в местностях около крепостей по линиям Иртышской и Колыванской, ссыльных женок и девок тобольское начальство препровождало для поселения преимущественно к тем крайним местам⁴. И в том же 1759 г. начальник Иртышской линии Фраундорф получил из Тобольска следующую промеморию: «Оказавшихся по осмотру в губернской канцелярии годных на поселение женского пола колодниц всего 43 для препровождения к Вашему Высокоблагородию отданы плывущему в Иртышские крепости с провиантом квартирмейстеру Боголепову. И Ваше Высокоблагородие соблаговолили б тех женок и девок в назначенныя Вами места определить на поселение с дозволением, ежели тех женок и девок кто пожелает взять в замужество, то позволять только оседлым крестьянам и разночинцам, а не военнотруждающим, дабы они не могли с мужьями из тех мест выбывать»⁵.

¹ [Curt Friedrich] von Wreech. [Wahrhafte und umstandliche] Historie schwedisch Gefangenen in Russland und Sibirien. Sorau, 1725. S. 33, 250, 565.

² В архиве Томского Алексеевского монастыря имеется реестр дел комендантской канцелярии от 1721 года. В реестре означены три дела о провозе шведскими пленниками «посторонняго вина с винокуреннаго посудую». Здесь же помечено и такое обстоятельство: «Янв. 10 дня взята записка шведскаго пленника капитана... об убийстве брата его шведскаго пленника, зажеге его квартиры и о грабеже пожитков». Связка 3.

³ См. наше исследование: [Беликов Д.И.] Стар[инные] монастыри Том[ского] края. С. 69.

⁴ Щеглов [И.В.] Хронолог[ический] переч[исление] важнейших данных по истории Сибири. С. 261.

⁵ [Потанин Г.Н.] Матер[иалы] для истор[ии] Сибири // Чт[ения] в императорском общ[естве] истор[ии] и др[евностей] российских]. 1867 г. Кн. 2. С. 266.

Подобные же партии присылались на Иртышскую и Кольванскую линии не раз и потом. Колодниц направляли сюда в возрасте от 19 до 40 лет. А каковы эти женщины были по своему нравственному состоянию, видно из следующих показаний. В одной партии, состоявшей из 42 женщин, 3 было сослано за зажигательство помещичьих имений, 16 – за мужеубийство, 7 – за детоубийство, 4 – за укрывательство воров, 5 – за воровство, 1 – за побег, 1 – за ложное показание на мужа и за 5-ю вин не помечено. Женщины другой партии (из 33 челов[век]) подверглись ссылке: 4 – за зажигательство, 1 – за отцеубийство, 8 – за мужеубийство, 8 – за убийство, 2 – за воровство, 3 – за побеги, 2 – за волшебство, 3 – за детоубийство, 1 – за кровосмешение с отцом и 1 – за укрывательство преступления¹.

Тем не менее, колодницы быстро находили себе женихов и не только в среде крестьян и разночинцев, но и военнотружущих казаков. Что касается других военных чинов вместе с офицерами, то они довольствовались тем только, что из «присыльных» отбирали ту или другую себе «в услуженье».

Еще чаще на линии отправляли колодников из мужчин и в целях заселения пустопорожных мест, и затем, чтобы доставить крепостям дешевых работников для починки крепостных сооружений. В 1761 г. сибирский губернатор Соймонов писал в Сенат, что летом этого года в разных месяцах и числах из Тобольска выслано в Нерчинск колодников 312 чел., и кроме того имеется к отсылке еще 210 чел., «а уповательно, что скоро и того больше оных (в Сибирь) прищется». Сойманов находил, что если направить к Нерчинску всю массу сосланных чрез Тобольск преступников, то там «в провианте окажется недостаток». В виду этого губернатор просил у Сената дозволения указанных 210 человек, а равным образом колодников, которые будут присылаться впредь, направлять или на Барнаульские серебряные заводы, или на Иртышскую линию для починки и переделки тамошнего крепостного строения. Велено было отправлять на Иртышскую линию до тех пор, пока «в Нерчинских заводах хлеба довольно не заготовится»². Такие же распоряжения повторялись и в последующие годы, причем преступников отсылали не только на Иртышскую, но и на Кольванскую и Кузнецкую линии к китайским пределам. В своем архивном материале нам встречались не раз заявления со стороны отдельных из колодников лиц,

¹ [Потанин Г.Н.] Матер[иалы] для истор[ии] Сибири // Чт[ения в императорском] общ[естве] истор[ии] и др[евностей российских]. 1867 г. Кн. 2. С. 267.

² ПСЗРИ. Т. XV, № 11331.

в которых заявлениях они просили поторопиться их браковенчанием в виду необходимости идти на поселение к китайской границе¹.

После 1747 г. немало шло колодников для работ и на Колывано-Воскресенских серебряных заводах. В нередких случаях ссыльные трудились здесь с кандалами на ногах, пока не отбывали сроки наказания, после чего начальство распределяло их по деревням, или же, за старостию и болезнью, отправляло в заводские богадельни. С 1762 года Колывано-Воскресенские власти начали отказываться от приема сосланных преступников на заводские работы из опасения «крайнего помешательства и совершенного вреда» в заводской деятельности².

Но по известию, которое мы встретили в рукописной тетради Гуляева, в 70[-х] и 80[-х] годах прошлого столетия³ в Змеевском руднике отбывали каторгу некоторые «генералы» из босоногой армии Пугачева.

На линии и к Колывано-Воскресенским заводам преимущественно отсылались преступники, сосланные в Сибирь «в работы», т. е. приговоренные к каторге. Что же касается до ссыльно-поселенцев, число которых в Сибири особенно умножилось с тех пор, как помещикам дано было право ссылать на сибирское житье своих крепостных, то людей этого разряда можно было встретить во множестве томских сел и деревень, не говоря уже о Барабе или о поселках по Иркутскому тракту.

Вообще сколько ссыльных перешло в население Томского края за протекший XVIII в. статистики на этот счет нет, да о ней в то время не хлопотали. Владеем в этом случае только отрывочными показаниями. Наприм[ер], население Иткульского прихода (в Барабе) за 1782 г. состояло сплошь из ссыльных. Их насчитывалось здесь с малолетками 1 560 душ муж. пола и 1 104 женского. В следующем 1783 г. в приходе с. Семилужного, в самом Семилужном и дер. Халдеевой сосланных проживало 173 д[уши] муж. и 158 ж[ен.] пола. Среди многочисленных деревень, входивших в состав прихода с. Спасо-Яйского, находились: Колыонский станец, [дер.] Почитанская и станец Турунтаевский. Они также исключительно были заселены ссыльными. За указанный 1783 г. в первом насчитывалось ссыльных 225 д[уш] муж. и 120 д[уш] ж[ен.] пола, во второй – 48 м[уж.] и 46 ж[ен.] пола и в третьем – 78 м[уж.] и 44 ж[ен.] пола⁴. Известно, что все перечисленные здесь деревни (ныне

¹ ПСЗРИ. № 18610.

² ПСЗРИ. Т. XV, № 11414.

³ Т. е. XVIII в. (Ред.)

⁴ Все эти цифры заимствуем из Духов[ных] росписей за 1782 и 1783 г. Росписи хранятся в арх[иве] Том[ской] Д[уховной] консистории.

большие селения) находятся, начиная от Семилужного, на восток от Томска, по Иркутскому тракту. На этом же тракту в пределах нынешней Томской губ. имелись и имеются селения Боготольское и Красно-речинское. По словам Палласа, посетившего Томский край в 1771 г., с. Боготольское состояло за этот год из 160 дворов, из которых 50 принадлежало крестьянам-переведенцам из Енисейской провинции, а все остальные – ссыльным. Население с. Красноречинского состояло из 150 семейств, «кои по большей части были сосланы из России на поселение»¹.

Имеется сведение, что в 1804 г. в Томской губернии было предпринято водворение более 7 000 ссыльных с обеспечением их в хозяйственном отношении на сумму 383 000 руб. асс[игнациями]. Но сколько их было водворено в действительности, в источнике, которым в настоящем случае пользуемся, указаний нет и только глухо замечено здесь, что водворение удалось не вполне². Из дел Томского дух[овного] правления нам известно, что во втором десятке лет нынешнего столетия³ Томская экспедиция о ссыльных выдавала ссыльным брачных разрешений от 30 до 50 и более в год.

В то время ссыльные женились на ссыльных же, и вот образчики таких браков:

Ссыльный Михайло Веселой и таковая же Аксинья Михайловская просят у томского губернатора дозволения сочетаться законным браком. А по справкам в Канцелярии о водворении ссыльных оказалось: Михайло Веселой приведен в Томск 11 октября 1817 г. из Бессарабской области после наказания кнутом с вырезанием ноздрей за смертоубийство. Подлежал ссылке в Иркутскую губернию на каторжную работу, но, по болезненному состоянию, оставлен в Томске для причисления к поселению. Невеста, Аксинья Михайловская поступила в Томск в 1820 году из Таврической губ., бывшая прапорщица. Сослана по сомнению в убийстве мужа, телесному наказанию не подвергалась. Препятствий к браку не оказалось, и он был повенчан⁴.

Другой пример. Жених, посельщик Каравайников, из ярославских мещан. Сослан после наказания кнутом с вырезанием ноздрей за кражи и грабеж. Невеста, Ульяна Иванова, из крестьянских женок Саратов-

¹ Паллас [П.С.] Путешествие [по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской Императорской Академии наук. СПб.: При Императорской Академии наук, 1786]. Кн. II. Ч. 2. С. 44[0]-442.

² Щеглов [И.В.] Хронологический перечень [важнейших данных по истории Сибири]. С. 357.

³ Т. е. XIX в. (Ред.)

⁴ Арх[ив] Томской духовной консистории. Столп дел за 1820-1822 годы.

ской губ., сослана также по наказанию кнутом за принятие и сокрытие грабленных вещей. Оба следовали в Иркутскую губ., но оставлены для водворения в Томском уезде: первый по его кузнечному мастерству, вторая – по болезненному состоянию.

Пример третий. Жених, посельщик Василий Филиппов, из государственных крестьян Смоленской губернии. Сослан без наказания по оговору в делании фальшивых ассигнаций. Невеста, Матрена Григорьева, из крестьянских девок. Сослана без наказания по подозрению в таком же преступлении¹.

Браков в подобном виде мы могли бы представить в громадном множестве.

В своем общем очерке мы представили все элементы, из которых сложилось крестьянское население, колонизовавшее Томскую страну. Как и всю Сибирь, ее колонизовали «мужики схожие» из разных мест и среди них наибольшее количество составляли люди, которых вытолкали из России или лихота от разных гражданских горестей и тягостей, или беда от содеянного преступления.

Прежде чем говорить, как «схожие» люди устраивались среди необозримых полей и дремучих лесов томской шири и пустоши в бытовом смысле, нам должно еще привести показания о постепенном нарастании томского крестьянства, сколько этих показаний можно собрать по нашему материалу в цифровых данных, как равно и о количестве томских селений и деревень.

Мы уже видели, что при переписи I ревизии в Кузнецке и его обширном уезде (нынешние округа Кузнецкий, Барнаульский и Бийский) было найдено крестьян 2 874 души². Непосредственно после второй ревизии в ведомстве Колывано-Воскресенских заводов, куда принадлежали слободы: Белоярская, Малышевская с их деревнями, и деревни, прилегавшие к Бикатунской крепости и Бердскому острогу вместе с этими, крепостию и острогом, состояло 8 948 душ муж. пол[а]. А в 1759 г. в Кузнецке и во всем его обширном уезде крестьянского населения насчитывалось уже в количестве 17 698 д[уш]³.

¹ Арх[ив] Том[ской] д[уховной] консистории. Столпы д[ел] Том[ского] д[уховного] правл[ения] за 1812 и 1819 г.

² Арх[ив] Колывано-Воскр[есенского] горн[ого] начальства. Столп дел по описи № 461. Л. 253.

³ Эту цифру извлекаем из ответа, данного Колывано-Воскресенской канцелярией военному начальству в 1751 г. // Арх[ив] Колывано-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Столп дел по описи № 94. Л. 329. См. столп № 259.

Третья ревизия (1763 г.) обнаружила, что

при Барнаульском заводе цеховых, посадских, разночинцев и крестьян состояло мужского пола:	737 д[уш]
При Колыванском заводе и в деревнях по рр. Чарышу и Алею жило крестьян, цеховых, посадских и разночинцев	2 642 д[уши]
При Шульбинском, на Иртыше	103 д[уши]
При Ирбинском ¹ заводе	196 д[уш]
В городе Кузнецке и Бочатском селе с его деревнями разночинцев и крестьян	5 280 д[уш]
В Бердском остроге и его деревнях посадских и крестьян	3 587 д[уш]
В Малышевской слободе с деревнями	3 797 д[уш]
В Белоярской слободе с деревнями	4 835 д[уш]
В ведении Бийской земской избы	1 461 д[уша]
В гор. Томске и пригородних деревнях разночинцев и крестьян	4 922 д[уши]
В Сосновском, Чаусском и прочих острогах с прилежавшими к ним селениями и деревнями и в Каинском форпосте	12 479 д[уш]
Всего м[уж.] п[ола]	40 039 д[уш] ²

Щеглов в своем «Перечне важнейших данных из истории Сибири» сообщает, что при 6-й ревизии в 1797 г. всего населения в Томской губернии было 209 785 душ, кроме ясачных (32 155 д[уш])³, но, к сожалению, у него не указано в каких размерах нужно понимать тогдашний район Томской губернии, которая, как губерния, была открыта только с 1804 г. Из других источников⁴ нам известно, что за 1808 г. все население Томской губернии состояло из 220 000 душ, но сюда, кроме округов Томского с Нарымским краем, Кузнецкого и Бийского, включено еще

¹ Ирбинский завод принадлежал по местоположению к Енисейской провинции, хотя и состоял в ведомстве Кол[ывано]-Воскр[есенского] горного начальства.

² Арх[ив] Колывано-Воскр[есенского] горн[ого] начальства. Столп дел по описи № 511. Л. 218-220. Здесь нет исчисления крестьянского населения в Нарымском крае, где крестьян было очень мало, но все-таки было.

³ Щеглов [И.В.] Хронол[огический] перечень [важнейших данных из истории Сибири]. С. 82.

⁴ Справка из архива Томского губернского правления.

население уездов Красноярского, Енисейского и Туруханского, которые в то время причислялись к Томской губернии¹ и которых мы в настоящем обозрении о колонизации Томского края в виду не имели.

Обе последние из приведенных нами цифр по отношению к численности крестьянского состава в занимающей нас стране, являются так[им] обр[азом] очень неопределенными.

Ясно одно, именно то, что после 3-й ревизии крестьянское население нашего края должно было сильно возрасти и вследствие прибытия на Алтай и Барабу раскольников из Польши, и по причине усиленного распределения по томским деревням многочисленного ссыльного элемента.

Обозначить постепенное появление в Томском крае за протекший XVIII в. новых селений, представляется делом не только трудным, но, при настоящем состоянии томских архивов, едва ли и возможным. Мы знаем только, что очень много новых деревень явилось в нынешнем Барнаульском округе в царствование Петра В[еликого] и за время, непосредственно следовавшее за этим царствованием. А в промежуток от 1748 по 1760 [г.] в Приалтайской стране были вновь застроены деревни:

По р. *Локтевке*: а) на мысу р. Локтевки, на 6¹/₂ версты ниже курьи², б) на месте, в то время известном под именем «Озерки» (на правой стороне Локтевки), и в) пониже Озерок, на 9 верст. В первой было к 1760 г. 20, во второй – 50 и в третьей – 15 дворов.

По р. *Алею* – 14 деревень, из которых самой меньшей по количеству дворов была деревня при устье речки Гольцевой (9 дворов) и самой большой – деревня при устье речки Усть-Янцевой (60 дворов).

По р. *Чарышу* – 3 деревни с 66 дворами во всех и форпост Казанской Божией Матери, с сотнею дворов.

По р. *Белой* – деревня Речкуново³ с 20 дворами и форпост, при переезде чрез [р.] Белую, по дороге Чагырской (30 дворов).

По р. *Убе* – форпосты Шемонаевский, Красноярский и деревни: Убинская, с 16 дворами, и Колыванка (?), на речке Верхней Колыванке, с 15 дворами⁴.

¹ См. ПСЗРИ. Т. XXVIII, № 21183.

² Курья – старое русло. (*Ред.*)

³ У автора – Рычкуново. (*Ред.*)

⁴ [Потанин Г.Н.] Матер[иалы] для истории Сиб[ири] // Чт[ения в императорском] общ[естве] истор[ии] и древ[ностей] Росси[йских]. 1867 г. Кн [2]. [С.] 270-274.

В 1771 г. Паллас на своем пути от Усть-Каменогорска до Барнаула, нашел деревни: *Прапорщикову*, *Уваровскую* (казачья), *Глубокую*, *Крутую Березовку*, *Красноярскую*, на Иртыше (20 дворов), *Красноярский форпост* (200 дворов) и *Зевакину* – все близ Усть-Каменогорска; *Шемонаиху*, на р. Убе, около Шемонаихинского форпоста, *Екатерининскую*, на р. Алее, около Екатерининского форпоста, *Старо-Алейскую* (150 дворов), *Корболиху* и *Гилеву*, близ Змеиногорского рудника, *Колыванку* (17 дворов пришлых из-под Иркутска), близ Колыванского завода, *Карлову* (20 дворов) и *Карпову* (13 дворов), на р. Чарыше; от Алтайских гор по Барнаульской дороге: *Курьинскую*, *Луговой станец* (15 дворов), *Белоглазову* (3 двора), с. *Кашино* (20 дворов), к которому, по словам ученого, было причислено около сотни мелких деревень; *Карымы*, *Порож[н]еву* и *Барнаульскую*¹, около Барнаульского бора; *Панюшеву*, *Чистюньку*, *Усть-Калманку*², *Шадрину* и *Буранову*³. Не причисляем сюда упоминаемые ученым военные поселения по Колыванской и Кузнецкой линиям⁴ и поселения заводские (заводы Шульбинский, Колыванский, Барнаульский, Ново-Павловский и Змеиногорский рудник).

Таким образом, южная Алтайская сторона Томского края в период от 1748 по 1770 г. начала заселяться уже очень значительно. Между тем в 30-х годах прошлого столетия⁵ известный путешественник по Сибири Гмелин (старший), проехавший от Семипалатинска на Томск чрез Усть-Каменогорск, Барнаульский завод и Кузнецк, сообщил нам, что по всему протяжению своей дороги от Усть-Каменогорска до Барнаула он почти совсем не встретил русских селений. За исключением Колывано-Воскресенского завода, он нашел здесь только несколько деревенок по р. Чарышу, построенных демидовскими рабочими из Невьянска, с

¹ Деревню Барнаульскую нужно отличать от Барнаульского завода (нынешнего г. Барнаула).

² Вероятно, Калманка. (Ред.)

³ Паллас [П.С.] Путешествие [по разным местам Российского государства]. Кн. II, ч. 2. С. 203-374. Красноярская, Крутая Березовка, Шемонаиха, Екатерининская, Старо-Алейская, по сообщению Палласа, были населены преимущественно польскими выходцами (раскольниками с Ветки).

⁴ Военные поселения были иногда ничтожны по количеству населения. В Белорецкой защите проживало, наприм[ер], только 3 драгуна и несколько казаков; не больше военных жителей было и в Тигирецком и некоторых др. форпостах // Паллас [П.С.] Путешествие [по разным местам Российского государства]. Кн. II, ч. 2. С. 276, 283.

⁵ Т. е. XVIII в. (Ред.)

населением во всех этих деревнях около 50 д[уш] муж. п[ола]. Вообще сообщения Гмелина о русских поселениях в Томской стране, чрез которые ему довелось пройти, для нас небезынтересны, потому стараемся их исчислить. Около нын[ешнего] Барнаула в 1734 г. Гмелин побывал в деревне *Касмале*, на речке того же имени, при впадении ее в Обь. Близ Касмалы он встретил еще *две* маленьких деревни с 2 дворами в каждой и затем по направлению к Кузнецку прошел чрез русские селения: *Усть-Чумыш*, *Тальменку*¹, *Анисимову* (Боровлянка), *Кашгарай*, основанное русским крестьянином Колесниковым, *Легостаеву*, *Белоголову*, близ р. Берди, *Брюханову*, *Бачатскую*, *Ильинский погост* или Красноярское, *Безрукову*, *Муратову*, *Шумарину*, *Задеву*, на берегу [р.] Кондомы, и город Кузнецк. От этого последнего ученый проследовал к Томску чрез *Мамушеву* (деревня татарского и рус[ского] населения), *Мунгатский острог*, *Бородину*, *Верхо-Томский*, *Сосновский остроги* и г. Томск. Из Томска Гмелин посетил деревни *Нелюбину* и село *Богородское*, а потом, направляясь к Енисейску, проехал деревню *Семилужки* и села: *Спасское*, на р. Яе, и *Суранское*. Далее при путешествии по томским пределам упоминаются татарские становища и среди них только одно русское поселение, именно *Мелесский острог*².

На обратном пути от крайних пределов северо-восточной Сибири наш путешественник, достигнув Томска в 1741 г., отправился в дальнейший к России путь чрез Барабу и, в пределах нынешней Томской губернии, нашел русские селения и деревни: *Калтайской станец*, *Варюхину*, *Лоницкову*, *Санкину* или *Панову*, *Черную*, *Елизарову*, *Пашкову*, *Жукову*, *Умревинский острог*, *Скалинскую*, *Чаусский острог*, *Большую Оешскую* с 80 дворами, *Малую Оешскую*, *пять* маленьких деревень вверх по реке Оеше, *Подволошную* и в Барабе – казачьи форпосты: *Убинский*, *Каинский* и *Тартасский*³.

Перечень, извлеченный из Гмелина, доказывает, как еще редко тогда в Томской области встречались жилые места с русским населением.

По Именному Указу императрицы Екатерины II от 1 мая 1779 г.⁴ все протяжение Томского края от севера на юг, до китайской границы и от запада на восток, от Омска до Абакана было включено в состав Колыванской

¹ У автора – Тайменька. (Ред.)

² Gmelin J. G. Reise d[urch] Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Gottingen, 1751-1752. Th[eil] I. S. 213-336.

³ Gmelin J. G. Reise d[urch] Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Gottingen, 1751-1752. Th[eil] 4. S. 1-125.

⁴ ПСЗРИ. Т. XX, № 14868.

области с разделением ее на четыре уезда: Томский, Барнаульский, Кузнецкий и Бурлинский. В одном из томских архивов нам посчастливилось найти составленный в 1782 г. список всех населенных мест указанной новооткрытой Кольванской области. Полагая, что в этом списке мы встретили немаловажный документ для истории заселения нас занимающей страны, признаем уместным воспроизвести его в приложении к настоящему труду.

II

Как жили пришельцы в Томский край, русские крестьяне, его первые насельники?

В материальном отношении на первых порах жили, конечно, очень скудно.

Вот свидетельства о том, прежде всего за XVII век.

Кузнецкие служилые люди в 1680 г. говорили о себе, что они «нуждны и бедны, а Кузнецкое де место крайное, стоит меж многих немирных иноземцев, а пашни свои на себя пашут с великою нужею, и киргизы, и калмыки к ним под Кузнецкой и под уезды войною приходят и людей побивают, лошадей и рогатый скот отгоняют, и на полях хлеб толочат без остатку, и всех их розоряют»¹. «Нуждны и бедны» должны были показывать о себе и новопоселенные крестьяне и даже те из них, которые назывались «государевыми» и которые приходили к Томску или к Кузнецку с царскою подмогою². Многое из подмоги истрачивалось уже на пути, при длинных переездах, положим, из-под Туринска, Верхотурска или Тобольска. Остатков едва хватало на покрытие самых насущных нужд при домообзаводстве на новых местах³. Еще менее состоятельны должны были быть насельники из гулящего класса или людей беглых. «Наги и босы» говорили, указывая на себя, крестьяне, пришедшие к Томску в 1663 г. с Исети, после башкирского разгрома тамошних мест и были

¹ Акты истор[ические]. Т. V, № 67.

² О царской денежной подмоге крестьянам, переводимым к Томску, по 10 руб. на семью, кроме грамоты <...>, см. еще царскую грамоту Верхотурскому воеводе от 1632 г. мая, 25 // Рус[ская] истор[ическая] библиот[ека, издаваемая] Археографической комиссией. Т. I, № 149.

³ Случались и злоупотребления подмогою со стороны местных властей. В 1688 году Томский сын боярский Соболевский получил из Сибирского приказа на подмогу и в ссуду крестьянам Уртамской слободы 200 р., но Томский воевода кн[язь] Семен Вяземский удержал у Соболевского 150 руб. // Истор[ические] акты, собран[ные Инн.] Кузнецовым. [Вып.] I, № 26.

рады, что им удалось записаться за Томским Алексеевским монастырем, как нередко записывались за ним и другие такие же пришельцы, несмотря на то, что условия записи были для них очень нелегки.

Многие из гулящих охотно шли на первых порах в «половники» к казаку или жили на положении захребетника за хозяином из государевых крестьян.

А как по прибытии в Сибирь скитались беглые, видно из следующих примеров. Крестьянин Бояркин, пришедший в Томскую область в 1736 г., рассказывал о себе, что 12 лет жил с семьей на рч. Бурле и питался, «промышляя рыбу и меняя рыбу на хлеб у проезжающих людей»¹. Крестьянин Койнов говорил, что, пришед из Тобольского ведомства на р. Карасук, проживал в кое-как построенной избушке 2 года и прокармливался здесь почти исключительно птичьим и звериным мясом². Беглые братья Кондратий и Евсей Плотниковы передавали, что когда с родителями пришли в Томское ведомство, то, остановившись на пустом месте около р. Кырзы, жили долго в земляной избе. Отец умер здесь, оставив их малолетками. Без отца перешли в другую избушку, где жили три года и содержались милостынею, которую собирала мать, «бродя по жилым местам». После смерти матери в 1733 г. они, ставши уже взрослыми, перебрались с другими пришлыми крестьянами Шестаковым и Голубцовым на новое место, к устью р. Кырзы, где вчетвером построили совместный дом, и в этом доме вчетвером же «живут и поныне» (1749 г.)³. Беглый Иванов, пришедший в Сибирь около 1766 г., проживал довольно долгое время на берегу озера в Барнаульском бору, пропитываясь «от зверья и от рыбной ловли, так как завести хлебопашество средств не имел»⁴. В 1779 г. один из беглецов показывал, что по прибытии из России с отцом, матерью и братом, остановился сначала в ведомстве Сосновского острога, около дер. Смолиной, а потом со всею семьею переехал [из] Бочацкого⁵ села в дер. Горскую, где жили с год

¹ Арх[ив] Колывано-Воскр[есенского] гор[ного] нач[альства]. Столп дел о пришлых без описи, от 1734 г.

² Арх[ив] Колывано-Воскр[есенского] гор[ного] нач[альства]. В столпе д[ел] № 35.

³ Список 30 семей беглых крестьян, найденных по р. Кыргызинской // Арх[ив] Том[ского] Алексеевск[ого] монастыря. Связка 4.

⁴ Арх[ив] Колыв[ано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 511.

⁵ Современное написание – Бачатское. (Ред.)

в доме крестьянина-старожила. Отсюда ушли «в суху степь, к озерам Соловьевым» и, живя на этом месте в одиночной избушке, питались от рыбной добычи. Рыбу излишнюю продавали проезжающим людям или меняли на хлеб и одежду¹.

Примеров подобного скитальничества и таковой же бедности в среде беглых мы могли бы исчислить во множестве. Но для краткости ограничимся только еще следующими сообщениями.

Гмелин на пути от Кузнецка к Томску, между прочим, останавливался в деревне Мамушевой, где среди татар проживала и семья русского крестьянина. Домишко, принадлежавший этой последней семье, своим убожеством решительно изумил иностранного путешественника². В конце 1750-х годов начальник Колыванских заводов генер[ал] Порошин снарядил экспедицию из солдат и горных рабочих для разыскания рудных мест на Алтайских вершинах. Среди диких гор в вершине р. Тигирека экспедиция нашла деревню из русских беглецов, которые, вследствие недавнего перехода в дальнюю сторону, жили чрезвычайно скудно³.

Когда с 1747 г. самовольно пришлых в Сибирь начинает забирать в свое ведение Колывано-Воскресенское горное начальство и селить их под своим надзором на кабинетских землях, новопоселенные немалое время живут еще в большой нужде.

В 1750 г. Колывано-Воскресенская Канцелярия, указывая на трудность продовольствия военных людей, содержавшихся для охраны заводов, объясняла недостатки провианта тем, что «новопоселенные крестьяне и донные еще домами и пашнями, и прочим крестьянским заводом не исправились и многие у себя лошадей не имеют и живут скудно, так что и дневное пропитание с немалою нуждою имеют»⁴. Переселенцы, вышедшие к Бийску из Енисейской провинции в 1759 г. в количестве 178 душ муж. пола и 128 женского, на первых порах имели

¹ Арх[ив] К[олывано]-В[оскресенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 991.

² Gmelin J. G. Reise d[urch] Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Gottingen, 1751-1752. Th[eil]. B[and] I, S[eite] 298.

³ Фальк [И.П. Записки путешествия академика Фалька/] Пол[ное] собр[ание] ученых путешествий [по России. СПб.: при императорской Академии наук], 1824. Т. VI. С. 442.

⁴ Арх[ив] Колыв[ано]-Воск[ресенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 94.

в своем достатке лошадей 118, коров – 13 и овец – 1¹. Свидетельство Колывано-Воскресенского начальства о разорении и бедности барабинских крестьян, вследствие того, что весь свой труд они вынуждены были отдавать на устройство и исправление большой Сибирской дороги на топких, болотистых местах, это свидетельство мы уже приводили.

Иное дело, когда крестьяне уже обживались на новых местах и, подгоняемые нуждою, а иногда и мерами от начальства, не жалели труда для своего крестьянского дела. Земледельческий труд на девственных землях был благодарный: урожаи, особенно в Кузнецком ведомстве, куда в XVII и прошлом² столетиях причислялись земли Барнаульские и Бийские, были обильны. Но труд требовался от крестьянина огромный. Нужно было плохой старорусской сохой поднимать целину и притом в большинстве случаев поросшую вековым лесом. Следовательно, нужно было предварительно расчищать почву для пашни, снимать лес, выкорчевывать деревья. Иркутские ссыльные крестьяне в одной из челобитных говорили о себе, что пришли в Сибирь «на пень да на колоду»³. Тем более так должны были сказать о себе томские крестьяне, потому что в томском районе лесов было значительно больше. Но зато томские крестьянские насельники и истребляли лес, как своего заклятого врага. Его не только рубили, но и жгли сотнями, а иногда и тысячами десятин. Начальство мало обращало внимания на эту крестьянскую войну с деревом, а иной раз готово было ее и поощрять. Правда, в 1755 г. Тобольская губернская канцелярия особым указом предписала крестьянам, «чтобы в хоромное и всякое строение лесу, особливо матераго кедровнику, напрасно и тщетно для малых своих бездельных корыстей, кроме сущее законных надобностей и нужд, отнюдь не опустошали и не рубили, а потребные с тех кедров орешки и шишки обирали, а не порубали бы не только всего дерева, но и сучья берегли»⁴. Но, во-первых, не было возможности уследить за исполнением этого приказа во всех

¹ [Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири] // Чт[ения в императорском] общ[естве] истор[ии] и древн[остей]. 1867. Кн. 2, стр. 266.

² Т. е. XVIII в. (Ред.)

³ Доп[олнения] к Акт[ам] истор[ическим]. Т. X, № 57.

⁴ Это распоряжение Сибирской канцелярии мы нашли прописанным в указе Тобольской духовной консистории томскому архимандриту Исаии от 25 авг. 1755 г. за № 1783 // Арх[ив] Том[ского] Алекс[еевского] монаст[ыря]. Св. 16. Впрочем, еще ранее запрещалось сибирякам жечь леса, где производился собольный лов // ПСЗРИ. [Т.] XII, № 8881.

углах обширного края, а, во-вторых, у властей и не было особенного желания следить по этому делу. По крайней мере в 1800 г. начальство по вопросу об обережении сибирских лесов рассуждало уже иначе. Оно находило, что «растущие в Тобольской и Иркутской губерниях леса по отдаленности и за неимением водяной коммуникации в пользу Адмиралтейства обращены быть не могут, а по обширности их и по числу обитателей в тех губерниях едва-ли могут в течение нескольких веков истребиться, то, судя по сему, не настоят надобности упоминаемым лесам делать подробного описания, при том же гораздо нужнее в тамошнем краю ободрять разведение пашен и расчистки для населения, нежели сохранять леса, кои ни к каким портам доставлять не можно»¹.

Когда первый сибирский и, в частности, томский русский насельник принимался за хозяйство во всю свою силу, в захватах полей, лугов и всяких угодий он уже не стеснялся. Захватывал земли, что называется *larga manu*². Московское правительство требовало, впрочем, чтобы кузнецкие служилые люди пахали за хлебное жалование 10 десятин в поле, «а в дву потому ж»³. Но само же это правительство знало, что в Сибири «у служилых и у посадских людей и у пашенных крестьян, пашенных земель и сенных покосов занято много, а не одни заимки, и те свои лишние земли иногда продают и закладывают, а иные дают в заклад по душам в монастыри», и, зная это, на своих требованиях об ограничении наделов особенно не настаивало, тем более в отношении к местностям, «где людей было мало, а земель порожних много»⁴. А таков именно и был в то время Томский край. В первой половине XVIII в. ограничительные на счет надела требования если и предъявлялись, то опять-таки только на бумаге. Кто и как мог узнать, сколько забирали себе земли крестьяне, селившиеся во многих случаях самовольно, да притом в таких местностях, куда властям добираться было не всегда легко, и где насельники делались явными спустя уже несколько лет после своего прихода в новую сторону?

Во всяком случае, первый томский крестьянин брал земли столько, сколько хотел. В 1767 году импер[атрица] Екатерина II с упреком указывала, что томские крестьяне имеют в своем владении «от 500 до 1 000

¹ Арх[ив] Том[ского] Алекс[еевского] монастыря. Связка 9. Среди бумаг 1800 г.

² *Largo manu* (лат.) – щедро. (Ред.)

³ Акт[ы] истор[ические]. Т. V, № 67.

⁴ Там же. Т. III, № 138.

десятин на душу, кроме лугов и лесов, коим и числа нет, но и тем они остаются недовольны, отнимая земли у инородцев»¹.

В самом деле первые русские поселенцы Томской страны постоянно вторгались в исконные владения ясачных инородцев, насильственно забирая огромные части этих владений в свою пользу. Делалось это тем с большею ревностью, что в нередких случаях пашенные поля и сенокосные луга русские находили у инородцев к пользованию уже готовыми, т. е. от кустарника и леса их прежним давним трудом уже очищенными. Мы имели пред собою огромное дело о притеснении ясачных, поднятое сибирским губернатором Д.И. Чичериным. Следственная комиссия, назначенная по этому делу из Тобольска и действовавшая в Томске и Кузнецке в 1764-[176]6 годах, раскрыла, что русские обижали ясачных тем, что селились на их землях, отнимали у них леса, разные угодья и рыбные ловли. Члены комиссии во главе с капитаном Борошковым и лейб-гвардии поручиком Бобрищевым-Пушкиным осмотрели у кузнецких крестьян владенные записи, выданные им кузнецкими воеводами, и оказалось, что множество записей дано было в ущерб инородцам и в нарушение их старинных владенных прав. Особенно не церемонились с ясачными чиновники Колывано-Воскресенского ведомства Кругликов и Молчанов, которые, как сказано в деле, «под претекстом размножения хлебопашества нарочно, выжидая от ясашных взяток, переселяют приписных к заводам крестьян на такие места, где у ясашных были звериные промыслы: лисьи, бобровые и соболиные гнезда». Те места ясачные берегли и «старались всегда ловить зверя столько, чтобы в тех лесах завод оставался», между тем новопоселенные русские «вылавливают и выбирают зверя без остатку». Вообще Кругликов и Молчанов своими произвольными, притеснительными и корыстными действиями довели ясачных до того, что «великое множество иноверцов перебежало в китайския владения, а другие ушли в самые отдаленные леса, где и сыскать их не можно»².

Кроме насильственного захвата земель, русские беспокоили инородцев и своим общим истребительным отношением к лесам. В 1754 г. ясачные пожаловались, что обыватели Верхотомского округа бр[атья]

¹ Арх[ив] Колыв[ано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Столп д[ел] № 510.

² Дело о притеснении ясачных инородцев // Арх[ив] Колыв[ано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Столп [дел] № 510. См. столп № 461 «Об обидах ясашным».

Сусловы пустили от себя огонь и пожгли край тайги, версты на $1\frac{1}{2}$ шириною, «а в этой тайге прежде был зверь – лось, а ныне того зверя стало меньше»¹.

Как ни велики были земельные участки у старинных томских крестьян, часто они оставались недовольны и ими, и, поживши на одном месте несколько лет, переходили в другие местности, на их взгляд более удобные и более изобильные. Переходили под предлогом, что на прежнем жилище поля выпахались, или они всегда были малопродуктивны. Но мы думаем, что у насельников из беглых передвижение нередко входило в привычку. И еще резоннее находим объяснение в том, что, при огромном множестве и просторе незанятых мест, у крестьян, в деле выбора лучших для оседлости участков земли и угодий, разбегались глаза.

Крестьянские передвижения из одного угла Томского края в другой были постоянным явлением в продолжении XVII и начала XVIII в. Но они продолжаются и позднее, когда начальство Кабинетского ведомства взяло томскую колонизацию под свой надзор, подчинило ее своей регистрации. В 1759 г. сама Колывано-Воскресенская канцелярия свидетельствовала, что «в здешних местах крестьяне, имеющие пашни и земли, оные оставляют и вновь распахивают не по малому числу, а иные затем и деревни прежняя туне оставляют и, переезжая, в других местах селятся»². В 1746 г. просили дозволения на переселение в Кулундинскую степь, к р. Кулунде многие из крестьян Малышевской слободы и в том же году некоторые из крестьян Белоярской слободы перешли на новое место к Усть-Каменогорску³. А в 1761 г. крестьянин Боровиков с товарищи нашел некоторые неудобства и в жительстве под Усть-Каменогорском, и обыскал место для заведения новой деревни близ «старицы Зевакиной»⁴.

В 1773 г. «за крайним оскудением прежних пашенных земель и сенных покосов» перешли на левую сторону Чарыша, на Елбанский мыс, жители дер. Урюпиной и к Чарышу же направились и крестьяне Парфеновского зимовья»⁵.

¹ Арх[ив] Кол[ывано]-В[оскресенского] горн[ого] нач[альства]. Столп дел № 461. Л. 134-135.

² [Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири] // Чт[ения в императорском] общ[естве] истор[ии] и древ[ностей российских]. 1867. Кн. II. С. 262.

³ Там же. С. 255.

⁴ Там же. С. 265.

⁵ Арх[ив] Колыв[ано]-Воскр[есенского] горн[ого] начальства. В столпе дел № 718.

В 1777 г. «за неимением на прежних жительствох довольных по крестьянскому обряду выгод» вышло несколько хозяев из деревень Соколовой, Тырышкиной, Базуновой, Боровлянской, Рассказихи (нынешних Бийского и Барнаульского округов) и основали деревню Плешкову, близ р. Катуня¹.

В продолжение 1779 г. «за тою причиною, что прежние поля выпахались», крестьяне деревни Морозовой (Бердского округа) перешли в Малышевскую слободу на «порозжее» место между деревнями Островной и Сусловой. Крестьяне из дерев[ень] Прижималовой, Язовой и Шишкиной (Белоярской слободы) переселились на устье р. Ребрихи, крест[яне] дер. Чупиной (Бердского острога) – на новые места к р. Алею и многие из крестьян Чаусского острога – во вновь заведенную деревню Карасуцкую² и т[ак] дал[ее] [и] т. д.³

В настоящее время сибиряки очень часто порицают переселенцев из России за то, что непоседливы, что бродят по Сибири, ища лучших мест. Но, очевидно, сибиряки-старожилы порицают новоселов за то, что когда-то, в лице своих прадедов и дедов, переживали сами.

Прежде чем говорить до какой степени томский крестьянин мог развить свое материальное благосостояние в случае прочной оседлости на одном месте, остановимся на изображении сторон, в некоторой мере тормозивших его внешнее благополучие.

Первые русские насельники Томского края должны были жить с великим бережением. Они должны были жить так в виду постоянных вторжений в край со стороны внешних врагов. К востоку от Томского района по рр. Абакану, Уйбату, Упе и обоим Юзам⁴, из слияния коих образуется р. Чулым, обитали киргизы⁵, а к югу и юго-западу от него жили калмыки, принадлежавшие обширному Джунгарскому царству. Те и другие – из кочевников, искони привыкли считать земли Томской области своим достоянием, постоянно врываясь сюда или для кочевья,

¹ Дело об отдаче рыбн[ых] ловель по реке Катуня.

² Современное написание – Карасукская. (Ред.)

³ См. Арх[ив] Колыв[ано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Столп д[ел] № 991. Не укрылось обыкновение сибиряков-томичей переходить с места на место для выбора лучших полей и от внимания ученого путешественника Палласа [П.С.] Путешествие [по разным местам Российского государства]. Кн. II, ч. 2, стр. 307.

⁴ Современное написание – Июс (Белый и Черный Июс). (Ред.)

⁵ Акты истор[ические]. Т. V, № 104.

или для сбора даней с[о] слабосильных инородческих аборигенов края. С занятием этого последнего русскими людьми, озлобленные киргизы и калмыки являются сюда иногда в огромных массах с целью или вытеснить отсюда новых пришельцев от белого царя, или, по крайней мере, вернуть свою власть над ясачными, которых русские перетянули к себе и подчинили в свою пользу.

К самому Томску киргизы враждебно подходили в 1614, 1624, 1630, 1654, 1668, 1672, 1674, 1680¹ и особенно часто, начиная с этого последнего года, причем являлись, как говорили тогдашние служилые люди, главным образом, в сенокос и страдную пору «многолюдством, с ружьем, с пищалями, с сайдаки и с сабли, в пансырях и куяках, и иных воинских доспехах, и чинили всякое разорение: деревни жгли, скот отгоняли, на пашнях людей побивали и промышленных, и ясашных людей разоряли и побивали».

В 1668 г. киргизы разорили только лишь заведенную монастырскую деревню Пачинскую, а немного прежде под самым Томском не только пожгли несколько русских поселков, но не пощадили опустошением и Томского Алексеевского монастыря, стоявшего в те времена вне города, в некоторой дали от крепости². При нападении 1672 г. кочевники перебили много служилых людей, немало пашенных крестьян и наряду с ними крестьянских женщин, девиц и даже детей-младенцев муж. и жен. пола³.

В 1680 г. приказчик Сосновского-на-Томи острога Матвей Кулаковский известил томских служилых людей: «пришли де войной на Томский уезд и под Сосновский и Верхотомский остроги, и на села, и на слободы, и на деревни киргизские воинские люди, и киргизский князец Шалдычко Сетикеев, да вора и изменника Еренячка сын Шапчко, да зять его Еренячков Кашка. И те воры Томский уезд, села, слободы и деревни воевали, и государевых всяких чинов людям урон учинили, двory жгли и всякий скот отогнали без остатку, и в кладях сжатые снопы во многих деревнях сожгли». На этот раз вышел с войском против «ворогов» сын боярский Старков и сразился с ними в трех днях пути от Томска, вверх по Томи. Киргизы потерпели полное поражение, многие

¹ См. старинные синодики Том[ского] Алексеевского монастыря и Томской Благовещенской церкви и Доп[олнения] к акт[ам] истор[ическим]. [Т.] V, № 92.

² Доп[олнения] к Акт[ам] истор[ическим]. Т. V, № 92.

³ Синодик Том[ского] Алексеевского монастыря. Л. 36.

из них были убиты, многие потонули в реке. Был убит и князец Шалдычко. Голову его служилые с торжеством принесли в Томский на копье¹.

В 1697 г. те же недруги снова подъезжали под Верхотомский острог и воровски отогнали у верхотомских крестьян 17 лошадей, 50 штук рога-той скотины и «бегучи дорогою, того скота перекололи многое число»².

Часто и прежде киргизы хозяйничали среди ясачных по р. Чулыму, откуда иногда простирали грабежи до самого Кетского острога³, а в упомянутом 1697 г. в местностях по той реке они действовали с особою свирепостию: «ясашных грабили и разоряли, и которые звери у ясашных были с промыслу в ясак, и те все звери, соболи и лисицы, и горностаи, и котлы, и топоры, и ножи, и огнива, и лошади грабежом взяли, и к Мелесскому острогу боем приступали, и стояли под тем острогом 8 дней, побив служилых 4 человека»⁴. В следующем 1698 г. там же, на Чулыме (в районе нынешнего Мариинского округа), киргизы в русских деревнях убили муж. и жен. полу 14 человек, дома их разграбили, а одного человека, «поймав, ногами вверх привязали на дерево, распорол у него грудь, и ругались всячески», лошадей угнали на этот раз 310 голов⁵.

Особенно большой поход в томские русские владения киргизы замыслили и совершили в 1700 году. Они шли тогда к Томску двумя отдельными отрядами. Один двигался от р. Яи и на пути разорил русские деревни Бурнашеву, Бедрину и Долгову, причем было убито русских 15 человек⁶. Другой шел правым берегом Томи и в свою очередь успел разорить 6 дворов и у Верхотомских крестьян убить баб и девок 5 человек⁷. Против отряда, шедшего от Яи, выступил из Томска со служилыми Осип Качанов, а против киргиз, грабивших по Томи, томский воевода командировал сына боярского Тупянского. Последний сразился с неприятелем близ помянутой монастырской деревни Пачинской и разбил их наголову⁸.

¹ Доп[олнения] к Акт[ам] истор[ическим]. Т. VIII, № 15. С. 44, 45, 47.

² Памятники Сибир[ской] истории XVIII века. СПб., 1882. [Кн]. I, № 13. С. 70.

³ Доп[олнения] к Акт[ам] истор[ическим]. Т. VIII. № 15.

⁴ Пам[ятники] Сиб[ирской] истории [XVIII века. СПб., 1882]. Кн. I. № 1. С. 9.

⁵ Там же. № 13. С. 70.

⁶ Пам[ятники] Сиб[ирской] истории [XVIII века. СПб., 1882]. Кн. I. № 13, стр. 90, сн. 101.

⁷ Там же. № 1. С. 6-7.

⁸ Там же. № 2. С. 19.

И в этом 1700 г. киргизы не забыли Чулыма, где пожгли дер. Серединину, «человек с 30 русских и ясашных побили до смерти, а иным носы и уши резали, и скота угнали много»¹.

Земли Кузнецкого ведомства беспокоили не только киргизы, но еще калмыки и, пожалуй, не столько первые, сколько последние, а иногда и те и другие вместе. Как часто вторгались враги в Кузнецкий уезд и подходили под Кузнецкий город, видно из следующего исторического документа. В [7]182 (1674) г. в Томской съезжей избе подали заручную челобитную Кузнецкого острога дети боярские, конных и пеших казаков атаманы, пятидесятники, десятники и рядовые конные и пешие казаки и всяких чинов служилые люди, и пашенные крестьяне, и в их челобитной было написано: «в прошлом 1638 г. вор и изменник Табунков, отец Кока, с[о] своими улусными приходили под Кузнецкой войною, и кузнецких служилых и всяких чинов людей и подгородных юртовых татар многих побили и лошадей, и рогатый скот отогнали без остатку, и на твоей, великого государя, десятинной пашне, и у служилых, и всяких чинов людей жатой хлеб пожгли, а нежатой потоптали»...

«Да в прошлом 1639 г. те же воры и изменники белые калмыки приходили под Кузнецкой острог обманом, будто с торгом и на калмыцком торговище служилых и всяких чинов людей многих побили и русские товары побрали». Затем в челобитной изложено исчисление калмыцких нападений в 1665, 1666, 1667, 1672, 1673 годах, при каковых нападениях калмыки «у кузнецких служилых людей деревни жгли и в деревнях людей побивали и лошадей, и рогатый скот отгоняли, и ясашных людей побивали же»².

В 1674 г. разорял и жег деревни по Томи калмыцкий князец Ирка с товарищи. Русские погнались за Иркою и догнали за р. Обью, где успели нанести ему полное поражение³.

К концу XVII в. калмыки и киргизы приходили в Кузнецкий уезд чуть «не по вся годы»⁴.

Киргизы, разбитые Тупянским на [р.] Томи «в трех днищах» от Томска (1700 г.), кинулись к Кузнецку и здесь, соединившись с калмыками, осаждали город в продолжение 10 дней, грозясь Кузнецк и его уезд

¹ Пам[ятники] Сиб[ирской] истории [XVIII века. СПб., 1882]. Кн. I. № 21. С. 96.

² Доп[олнения] к Акт[ам] истор[ическим]. СПб., 1857]. Т. VI. № 93.

³ Истор[ические] акты, собр[анные] Ин. Кузнецовым. [Томск, 1890]. Вып. II. С. 84.

⁴ Памят[ники] Сиб[ирской] истор[ии]. [Кн.] I. С. 8, 9, 11.

разорить «всеконечно». Храбрые служилые кузнецкие люди во главе с воеводою Илларионом Синявиным частыми вылазками и стрельбою из пушек кочевников от своего города отогнали. Тем не менее, многолюдное скопище врагов нанесло Кузнецку и его окрестностям большой урон и на этот раз. Сожжены были близкие к городу деревни, разорен Кузнецкий Христорождественский монастырь. Враги побили до смерти сына боярского Петра Буткеева, пешего казака Хлыновского, Преображенской церкви пономаря Кирилла, казачьих детей 12 челов[ек], крестьян, застигнутых на пашнях, 2 челов[ека] муж. пола и 16 женского. Некоторых захватили в плен. Полонили с пашен казачьего сына Федора Шелковникова, казачью вдову Федосью Бызову, да вдову убитого пономаря Кирилла – Анну¹.

Сколько раз ходили в неприятельские земли для устрашения недругов сами русские, исчисление этих походов завело бы нас слишком далеко. Удовольствуемся указанием, что после усиленных нападений киргиз на Томский и Кузнецкий уезды в конце XVII в., кочевников громили в самых их улусах томские служилые люди в 1700 г. под начальством сыновей боярских Юрия Роецкого и Осипа Качанова², в 1701 г. – Семена Лаврова и Алексея Кругликова, в 1703 – Михаила Лаврова, в 1704 г. – опять Осипа Качанова, с казачьим головою Саввою Цыцуриным³.

Но в то же время их били еще из Красноярска и Кузнецка и кочевники присмирели. Киргизы приутихли. Но калмыки еще долго давали о себе знать. Джунгарское царство было еще сильно. Когда русскими была построена линия Иртышских крепостей, джунгарский хан Цеван-Роптан пришел в сильный гнев и отправил к Ямышевской крепости войско из 10 000 калмыков под начальством своего двоюродного брата Цэрин-Дондуба⁴. Дондуб должен был разорить крепость дотла. Русские отстояли ее, хотя потом на время все-таки же вынуждены были отсюда выйти. Подверглась временному разорению и Бийская крепость, вскоре после ее построения⁵. Отдаленная крепость Усть-Каменогорская во

¹ Памятн[ики] Сиб[ирской] истор[ии]. [Кн.] I. № 20. С. 92-96.

² Памятн[ики] Сиб[ирской] истор[ии]. [Кн.] I. [№ 8. С. 36-37. Сп[оска] 108.

³ Там же. [№ 60]. С. 238-239.

⁴ Рукописная тетр[адь] Ст. Ив. Гуляева. См. Щеглов [И.В.] Хронологич[еский] переч[ень] важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882]. С. 164.

⁵ Gmelin J. G. Reise d[urch] Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Gottingen, 1751-1752. Th[eil]. I. S[eite] 23.

многих случаях переживала крайние опасности для своего существования. Демидов, построивший на Алтае заводы Колывано-Воскресенский, Шульбинский и Барнаульский, старался огораживать их надежными крепостными сооружениями, имел при заводах пушки, содержал на свой счет солдат и требовал, чтобы и мастеровые в стрельбе были искусны¹. С переходом заводов в казну, их охраняло правительственное войско.

В 1740-х годах прошлого столетия русские алтайские владения часто беспокоили своими вторжениями подчиненные Джунгарии племена урянхайцев и каракольцев. В 1749 г. бухаретянин Адам и прапорщик Подзоров дали знать, что в скором времени намерен идти большим походом на земли Кабинетского заводского ведомства и сам джунгарский хан с огромным войском, и вся Колыванская линия начала усиленно готовиться к боевому отражению². Гроза миновала. Смуты и междуоу-

¹ Гмелин сообщил, что в 1734 г. Колыванский завод обнесен был валом с 4 крепостными бастионами и имел защитников, кроме мастеровых, в отряде кузнецких солдат из сотни человек, которых Демидов содержал на свой счет. Gmelin J. G. Reise d[urch] Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen, 1751-1752. Th[eil]. I. S. 255-256. При постройке Барнаульского завода (1739-1740 г.) Демидов вошел с ходатайством к правительству, чтобы в виду опасностей от неприятелей, ему было позволено построить в Барнауле крепость и отпустить для этой крепости надлежащее число чугунных пушек «за указанную цену». Канцелярия Главн. Управл. Сибирских и Казанских заводов находила, что «около означенного Барнаульского его, Демидова, завода крепость для безопасности от находящихся в тамошних местах народов построить и потребное для содержания оной число пушек отпустить надлежит». И ныне ему, Демидову, «для безопасности, дабы находящиеся при строении завода люди паче чаяния как-либо в неприятельския руки не попались или погублены не были, ею, канцелярию, велено уже сделать укрепление, какое за способное усмотрится». Кабинет министров, выслушав мнение канцелярии Главн[ого] Управл[ения] заводов, постройку крепости в Барнауле на собственный счет Демидова разрешил с тем, чтобы в крепости было 8 пушек и ружья человек на 100. // ПСЗРИ. Т. XI, № 8444. 16 сентяб. 1741 г. – Крепостные сооружения около заводов Шульбинского, Колыванского, Барнаульского и Змеиногорского рудника не опустили описать ученые путешественники по Сибири Паллас и Фальк. // Паллас [П.С.] Путешествие [разным местам Российского государства. СПб., 1786]. Кн. II. Ч. 2. С. 204, 311, 358, 382. Фальк [И.П.] [Полное] собрание [ученых] путешествий [по России. СПб., 1824] Т. VI. С. 449, 473, 495, 498.

² Арх[ив] Колывано-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Столп дел без описи за 1750 г.

собия, возникшие в Джунгарском царстве к половине XVIII ст[олетия] сильно пошатнули его прежнюю мощь. Это как раз было на руку китайцам, для которых Джунгария издавна составляла самое ненавистное соседство. Китайцы покончили с калмыцким владением, присоединив большую часть его земель к своей империи. Но начинают зато вторгаться в русские пределы и сами китайцы. В 1750 годах китайская армия, истребив множество джунгарских калмыков, пролив в Джунгарии реки крови чуть не в буквальном смысле слова¹ и, преследуя затем урянхайцев, дошла до Кольванского завода, причем произвела в этом, как и в других заводах, страшный переполюх². Огромное китайское войско в 1755 г. появилось за Телецким озером. Китайцы пришли сюда с требованием подданства от алтайских кочевников³.

После разгрома Джунгарии приблизили свои кочевья к р. Иртышу, между Омском и Усть-Каменогорском, доселе подчиненные джунгарцам киргиз-кайсаки⁴. В свою очередь и они производили набеги по направлению к русским селениям с целями грабежа и воровства⁵.

Чужеземные вторжения за первую половину XVIII в. не были так опустошительны, как киргизские и калмыцкие нападения в XVII веке. Тем не менее и теперь, помимо убийств, бывали захваты людей в плен, следовали за вторжениями и разные убыли в крестьянском хозяйстве. Посланный в Джунгарию в 1731 или 1732 [гг.] плац-майор Угрюмов вытребовал у калмыцкого хана Галдан-Цэрэна многих пленных, захваченных калмыками в разных частях южной окраины Сибири, в том числе и в южных пределах Томской страны. Русские пленники, как сказано о них в указе, «живя меж калмык, имели при себе вместо

¹ Известно, что в 1754 г. китайцы избили до 1 миллиона джунгарцев. Щеглов [И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882. Иркутск, 1883. С.] 256.

² Из рукописи Гуляева.

³ Щеглов [И.В.] Хронологический перечень [важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882. Иркутск, 1883.] С. 255.

⁴ Там же. С. 260.

⁵ Кроме вторжений отдельными группами, киргизы входили из-за Иртыша к русским алтайским селениям иногда массами, причем любили останавливаться для кочевья преимущественно по р. Алею. В таких случаях кровавые схватки кочевников с русскими были обычным явлением // Арх[ив] К[ольванов]-В[оскресенского] горн[ого] нач[альства], № 448.

жен пленниц, а другие - калмычек, жили с ними незаконно и прижили детей муж. и женск[ого] полу, и те дети не крещены». В свою Томско-Кузнецкую сторону явились пленные: дворянский сын Дмитрий Лавров с женою, казачьи дети: Иван Соломатов и Трофим Петров с сыном, солдат Степан Ковалев, посадский Ив[ан] Фолин, крестьянин Семен Яковлев, бобыль Флор Потеряев и гулящий человек Ив[ан] Хомотов с 3 дочерьми¹.

В 1747 г. крестьянин Иван Стремлянов показывал об отце своем Алексее Стремлянове, что он не был записан в I[-ю] ревизию затем, что был «в полону у калмыков» и прожил в том полону 19 лет².

В 1763 г. следовал чрез нынешние Змеиногорский и Бийский округа бухарский торговый караван. В числе женщин, бывших при караване, одна крестьянка опознала свою полоненную в молодетстве дочь, теперь уже взрослую, говорившую по-татарски и одетую в татарское платье³.

В 1750 году прибыли к одной алтайской новопоселенной деревне несколько человек телеутских калмыков. Крестьяне всполошились, приняли пришельцев за врагов и затем, переловив их, перевязали, надели на них колодки и повезли в Кольванскую горную контору. Но здесь оказалось, что эти калмыки шли к русским селениям с мирными торговыми целями⁴. В следующем году жители деревни Иконниковой (около Катунской крепости) просили переселить их на другое место и

¹ Епархиальная тобольская власть распорядилась: «пленным, как обретающимся в Тобольске, так и отпущенным Угрюмовым в Томск, Кузнецк и оставленным им в Таре – заповедь: обычный пост до дня Успенья Пресв[ятой] Богородицы, а прочим, по получении указа, как приличнее, выучить молитвы: Отче наш, Богородицу, Верую во единого, а некрещеных детей крестить во имя Отца, Сына и св. Духа. После поста и крещения всех удостоить причащения Св. Таин. А которые из оных имеют у себя на Руси жен и поженились на других, бывших в плену, то тех второпятых жен приказать оставить, а велеть жить с первоначальными женами, хотя оныя и в замужество без них посягнули, и жить им по-прежнему с[о] своими мужьями. Указ том[скому] архим[андриту] Порфирию из Тобольск[ой] Архиеп[iscopальной] Канцелярии от 11 июля 1733 г. № 331 // Арх[ив] Том[ского] Алек[сеевского] монаст[ыря]. Связ[ка] 15.

² Арх[ив] Кольвано-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 35. 1748 г.

³ Из арх[ива] Барн[аульского] Д[уховного] прав[ления].

⁴ Арх[ив] Кол[ывано]-В[оскресенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе дел № 94.

мотивировали просьбу тем, что «находятся близ границы, где жить не безопасно»¹.

Естественно, что враги с их постоянным рвением ко вторжениям и нападениям заставляли томское население держаться в условиях готовности на боевой отпор. Должны были быть готовы к обороне не только служилые люди, но и крестьяне. Царь Петр Алексеевич грамотой от 1700 г. потребовал, чтобы «в Тобольском уезде и Тобольского разряду в городах и слободах служилые всякого чина люди и крестьяне жили с опасением, чтобы не только у служилых, но и у крестьян пищали, копья и сайдаки были непременно. А буде у крестьян у кого ружья нет, покупали б и на хлеб выменивали. А когда у них, крестьян, зимою дела нет, устроя у ста человек по капитану и поручику, их братию, мужиков, воинскому делу учить без отговорки... А около слобод и деревень покопали бы рвы и около рвов учинили бы надолбы и всякие крепости и ставили б караулы. А во время пашни, жатвы и сенокосу выходили бы на поля с ружьем готовым, чтобы всегда, как неприятель подойдет, могли бы с ним биться и себя оборонять и ставить в то работное время, где служилых нет из своей братии крестьян караульщиков, переменяясь...

¹ Там же. Впрочем, иногда русские и дружили с заграничными обитателями, сбывая им с выгодой для себя лошадей или производя с ними меновой торг контрабандой. «При настоящих с китайцами обстоятельствах, – читаем мы в деле о притеснении ясачных (Арх[ив] Кол[ывано]-В[оскресенского] горн[ого] нач[альства]. Столп № 510), – по границе строжайше приказано ни под каким видом и под жестоким штрафом лошадей в китайскую сторону отнюдь не выпускать. Но, невзирая на то, крестьяне заводские, соединясь с отложившимися ясачными, великими табунами лошадей туда прогоняют и меняют китайцам и, хотя за несколькими променниками более 100 лошадей команды гнались, но однако взять не могли» (1767 г.). В 1772 г. начальник Кузнецкой военной линии Шпрингер объявил распоряжение, чтобы крестьяне за границу, за Антониевскую крепость на промыслы не ходили. Распоряжение было сделано в виду того, что «промышленники многие годы везде шатаются, а паче под видом приискания руд, в звериных промыслах как в жилищах ясачных татар, так и далее за границу употребляются, и от того всякие неудобства и опасности происходят» // Ар[хив] К[ольвано]-В[оскресенского] [горного начальства]. № 665. В начале 1780-х годов Бийский комендант премьер-майор Богданов настаивал, что рыбные ловли по р. Катунь в оброк не отдавались, «дабы не воспоследовало от промышленников злоупотребления в рассуждении проездов до китайской линии без всякого дозволения для потаенного торга» // Дело об отдаче в оброк рыбных ловель по р. Катунь.

А начальным людям и приказчикам, безоружным людям и за оплошку караулов чинить наказание, смотря по вине. А на тех неприятелей, которые под наши, великого государя города, под Кузнецкой, Томской и Красноярский приходили и всякое разорение и побиение чинили и скот отгоняли, на тех неприятелей в удобное время наших, великого Государя, ратных людей с ружьем, пушками и с ручными гранаты посылать и, сколько Господь Бог помощи даст, промыслу воинского над ними искать и их войско смирать, чтобы они впредь опасны были под наши, великого Государя, города и слободы приходить»¹.

Все указанные предосторожности вменены были в обязанность и томским крестьянам, хотя по малолюдству здешнего крестьянского населения они около Томска и Кузнецка едва ли могли быть применены во всей точности. Впрочем, надолбы вокруг более или менее крупных деревень ставились и здесь. Мы знаем, наприим., что-то вроде крепостных сооружений имели села Пачинское, на Томи², и Богородское, на Оби.

В 1741 г. отправляя к южным пределам Зап[адной] Сибири войсковые отряды из Тобольска для предосторожности от нападений зюнгарского³ владельца Галдан-Цэрэна, правительство напоминало, чтобы в случаях столкновений с калмыками, солдатам помогали бы и крестьяне «из местных жителей»⁴.

Горное Алтайское ведомство в свою очередь настаивало, чтобы крестьяне, особенно близких к границе селений, имели при себе оружие непременно. И даже в 1773 г. оно указом писало крестьянам: «всегда признавалось необходимым здешнего ведения живущим по деревням крестьянам иметь для всегдашней предосторожности от внезапного неприятельского нападения порох и свинец. Теперь повторяется это распоряжение с требованием, чтобы крестьяне приобретали вооружение за свой счет»⁵. А крестьянам ведения Красноярской избы, близ Усть-Каменогорска, то и дело напоминали из Барнаула, чтобы выезжали в поле с заряженными ружьями. Это было необходимостью в виду частых грабежей, какие производили киргиз-кайсаки из-за Иртыша⁶.

¹ Памятники Сиб[ирской] истор[ии]. СПб., 1882. Кн. 1. С. 132-136.

² См. [Беликов Д.Н.] Старинные монастыри [Томского края. Томск, 1898]. С. 21.

³ Джунгарского. (Ред.)

⁴ ПСЗРИ. Т. XI, № 8332.

⁵ Арх[ив] Кольвано-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Столп д[ел] № 718.

⁶ Там же. В том же столпе.

Когда опасности от нападений внешних врагов начинают исчезать, выступают для томского крестьянства иные беды, шедшие от врагов внутренних. Разумеем усиление разбоев. Разбойничали беглые арестанты и среди них каторжники, а также беглые заводские рабочие – бергайеры.

До каких размеров беглые колодники доводили свои разбои в Сибири, видно из следующего примера. В 1745 г. колодники, препровождаемые из Тобольска к Томску в количестве 200 чел., когда плыли по Иртышу, взбунтовались, перебили конвой и приступили к Сургуту с целью разгромить весь город¹. А вот разбои, собранные по нашим материалам из истории Томского края.

В 1748 г. в Колывано-Воскресенской канцелярии состояло в производстве очень крупное дело о разбоях, там и здесь произведенных разбойничьими атаманами бр[атьями] Селезневыми с собранною ими большою шайкою. Судили только некоторых из сообщников Селезневых, а сами атаманы продолжали действовать в чистом поле и темном бору². Из другого дела от 1756 г. мы видим, что Селезневые не унялись еще в своих подвигах и в это время. Они разбойничали тогда в районе касмалинских и малышевских деревень, где «грабили и людей резали»³.

Разбойничья слава Селезневых привлекала к ним сподвижников из других, иногда очень дальних мест. В 1749 г. в степи, близ иртышских крепостей, были схвачены два малороссийца Солодщичев и Береут. Оба показали о себе, что были прежде в ссылке около Иркутска, откуда будто бы были освобождены. Из ссылки отправились на Дон чрез Семипалатную и Ямышевскую крепости, но на дороге остановились в дер. Меретской, на Оби (близ Барнаула), где, прослышав о Селезневых, «приходили к ним, чтобы вместе грабить бухарцев, ехавших с товарами из Зюнгорской землицы». От Селезневых ушли для разбоев к Кулундинской степи, а оттуда – к Кабановым озерам, где проживали в промышленных избушках. Разбойничая независимо от Селезневых, они

¹ Соловьев [С.М. История России с древнейших времен. СПб.: [Т-во «Общественная Польза», 1870]. Т. XXII. С. 336.

² Арх[ив] Кол[ывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Столп д[ел] № 79.

³ Арх[ив] К[олывано]-Воскр[есенского] г[орного] нач[альства]. Столп № 224. О Селезневых см. еще у Максимова [С.] Сибирь и каторга: [в 3 ч.]. Ч. 2: Виноватые и обвиненные. СПб.: [тип. А. Траншеля], 1871. С. 164.

имели сношения с крестьянами Белоярской слободы Шипких, и Малышевской – Мухиным¹.

Вообще упомянутым в этом эпизоде бухарцам, ездившим с торговыми караванами к Томску, доставалось на пути от воров и разбойников очень нередко. В 1750 г. бухарский караван пожаловался, что близ с. Касмалинского у него похищено много ценных товаров и отогнано 10 лошадей². Виновными оказались беглые, впрочем, в данном случае воровавшие при участии самих касмалинских крестьян. Опускаем жалобы бухарцев в др. случаях.

Весною 1764 г. убежали из Томска «с канатов» разбойники в числе 18 человек. На берегу только лишь вскрывшейся реки беглецы раздобыли лодки, выбрали себе атамана и поплыли вниз по Томи. На первый раз разбойничья шайка высадилась на острове близ дер. Иштанской, где проживал с семьей иштанский крестьянин Ив[ан] Лоскутов, разграбили имущество этого последнего, обесчестили его дочерей и отправились в дальнейший путь. Из Томи перешли в Обь, поплыли вверх этой реки, часто высаживаясь по берегам и наводя панику на всех побережных жителей грабежами и убийством³.

В 1772 году видим еще большую партию каторжных, бежавших из Томска же, «с каната». Сначала бежавшие чинили воровства, грабительства и убийства в самом Томске, а потом принялись грабить по дорогам и, особенно, по большому Московскому тракту. Томская комендантская канцелярия назначила для их поимки обер-офицера, унтера, капрала и 20 человек из самых рослых и сильных рядовых. Кольвано-Воскресенская канцелярия не замедлила разослать распоряжение и от себя, чтобы крестьяне оказывали военным поимщикам вспоможение, выезжая на помощь с оружием, «с каким кто может». Вскоре от крестьян узнали, что разбойники «проплыли вверх по Оби мимо Чаусского острога и людям, бывшим на рыбном промысле, а также по берегам на пашнях и в деревнях, чинили мучительства, а их пожиткам большие грабежи, при этом нескольких человек ножами до смерти закололи». Около с. Ирменского разбойники произвели новые грабежи и убийства. Ирменцы кинулись за ними целым селом и на этот раз покончили почти со всеми. Спаслись только двое, убежавшие в Каргацкую степь⁴.

¹ Арх[ив] К[ольвано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 79.

² Там же. В столпе д[ел] № 518.

³ Арх[ив] Том[ского] Алексеевск[ого] монастыря. Дело 1764 г. Св[язка] 11.

⁴ Арх[ив] Кольвано-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 665.

Как вообще часто появлялись в нашем крае разбои, это ясно можно видеть из их перечня за упомянутый 1772 г. В этом году в Томском уезде, кроме указанной шайки, избитой жителями с. Ирменского, разбойничали еще каторжники Панкрушин и Елунин, имевшие пристанище в с. Зелеевее¹. А около Барнаула в то же время действовали две партии, одна выходившая из Барнаульского бора, а другая – на дороге из Барнаула в Барабу. В последней главенствовал атаман Лебеденок, воспоминание о котором, как память и о Селезневых, долго хранилась среди барнаульцев². Была еще разбойничья шайка около Змеиногорска, состоявшая из 8 человек. При поимке этих воров сержант Бронников и его солдаты оказали самую явную трусость, за что Бронникова постигло разжалование на 1 месяц в рядовые, а солдат – нещадное битье батогами³.

Мы сказали о разбоях, производимых шайками, а сколько было разбойников, орудовавших в одиночку?

Бродяга, странствующий за милостынею по деревням – это самое заурядное явление в современной жизни на всем пространстве Томской губернии. В прежнее же время в пределах Томской страны бродяг должно было быть значительно больше, ибо, кроме беглых каторжников и поселенцев, здесь сновали еще беглые с заводов и рудников Колывано-Воскресенского кабинетского ведомства. До какой степени развиты были бегства среди рабочих этого ведомства, это отчасти мы указали, когда приходилось говорить о каменьщиках. Теперь добавим, что случаев бегства от заводских работ и поручений, а также от тамошних штрафований и наказаний в каждом году насчитывалось во всем заводском ведомстве едва ли менее сотни⁴. Недаром Колывано-Воскресенская канцелярия почти ежегодно снаряжала команды с[о] специальным назначением розыска и поимки беглецов. Заводские беглецы не всегда утекали за Камень, в Бухтарму. Во многих случаях они наравне с бродягами из ссыльных кружились меж деревень или устраивали себе пристанища в пустых

¹ Арх[ив] Колывано-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 665.

² Там же.

³ В том же столпе.

⁴ В 1830 г. Барнаульская военно-судная комиссия решила 75 дел о бегствах // Опись решенных дел Военно-судной комиссии с 1826 по 1837 г. в Барнаул[ьском] горном архиве.

местах¹: в степи или лесах и, понятно, для добычи пропитания, как и все бродяги, не брезговали ни воровством, ни грабежом, ни убийством.

Берем примеры из XIX ст[олетия], но при этом не думаем, что выступаем из пределов своего обозрения незаконно, так как в первые десятки лет нынешнего столетия² условия заводской жизни были те же, что и в прошлом веке³ и даже уже успели несколько потерять в своей суровости и жесткости. В 1835 г. около дер. Красиловой бродил бежавший заводской служитель Пестерев, причем буйством, воровством и грабежами вывел крестьян этой и соседних деревень из терпения. Они решили было выдать его начальству, но должны были отступить от решения в виду страшных угроз со стороны Пестерева для их жизни и благосостояния. Одновременно с Пестеревым жителей деревень Чингизского прихода сильно беспокоил грабежами беглый горный рабочий Клепиков. В 30-[х] же годах нынешнего столетия⁴ беглые из заводских служителей Яренсков и Дмитриев угнездились около деревень Кузнецкого округа: Усятской, Зенковой, Монастырской и с. Томского завода. Иногда эти беглецы ходили по этим деревням для сбора милостыни, иногда в страдное время работали у разных хозяев по найму, а очень нередко обворовывали крестьян в их домах, или останавливали их для грабительства в лесах. Раз встретили в лесу двух девиц и принудили их к блуду с собою, после чего наградили их ситцем и платками, пограбленными у крестьянина Уксунайской волости Сорокина⁵. Подобных беглецов, повторяем, было множество.

Случалось, что и заводские беглецы группировали из себя целые разбойничьи шайки. Вышеупомянутые разбойники, грабившие

¹ Бывали бегства и за границу, «в калмыки». В 1754 г. намеревались к побегу в калмыки из Колыванского завода плавильный мастер Паутов, пробирщик Крылов с товарищи и тарский житель Прасолов. Все за это намерение были биты кнутом и сосланы в каторжные работы к Нерчинску, за исключением Паутова и Крылова, которые, после наказания плетью, посланы в простые работники до выслуги // Арх[ив] К[олывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 110.

² Т. е. XIX в. (Ред.)

³ Т. е. XVIII в. (Ред.)

⁴ Т. е. XIX в. (Ред.)

⁵ Все эти примеры взяты мною из Арх[ива] К[олывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Столп д[ел] о чрезвычайных происшествиях за 1834, 1835 и 1836 г[г].

из Барнаульского бора и около Змеиногорска, состояли, несомненно, из бежавших бергалов. Из беглецов того же разряда составила партия, работавшая под атаманством бр[атьев] Белоусовых. Братья Константин, Прокопий и Елевферий Белоусовы бежали с заводов около 1825 г. и, собрав около себя таких же беглецов в числе 11 человек, угнездились в верховьях р. Убы, откуда воровством, грабежами и смертоубийством тревожили множество алтайских селений и деревень. Шайку, наконец, переловили, всех тяжело наказали кнутом и приговорили к вечной каторге. Но Белоусовы бежали и с каторги, и, присовокупив себе товарища в лице каторжного же Минеева (из рабочих Салаирского рудника), возобновили грабежи в прежних местах. На этот раз их решились изловить крестьяне деревень Чечулихи и Коргонской¹. При поисках поимщики застигли разбойников в верховьях р. Чарыша, но, в виду отчаянной храбрости последних и хорошего у них вооружения, «взять их не посмели». Выступило на дело само горное начальство. Оно выслало против беглых хорунжего, двух урядников и 20 казаков. В 15 верстах от деревни Коргонской, вверх по речке того же названия, среди гор и утесов, казаки заметили человеческие следы, ведущие в крутизну большой сопки. Отряд, крадучись, пошел по следам и, увидев избушку, кинулся на нее враз с криком «ура!». Застигнутые врасплох разбойники отдались без сопротивления².

Мысленно мы созерцаем томскую деревню за прошлое время XVII и XVIII столетий. В XVII в. эта деревня состоит из 2, 3, 5 или более 10 дворов. В селах дворов было больше, но, как мы видели уже, села были чрезвычайно редки. В следующем столетии³ деревня населеннее, но она все-таки в большинстве случаев мала. «Крестьяне здешних мест привыкли жить малыми деревнями», – говорила Горная Алтайская Канцелярия в 1764 году⁴. А несколько ранее, в 1758 г. Сибирская Губер[нская] Канцелярия предписывала бригадиру Фрауендорфу строго следить за тем, чтобы новопоселяемые крестьяне в нынеш[нем] Бийском округе селились линией в одной деревне, а не однодворками, и «для поселения

¹ Современное написание – Коргонской. (Ред.)

² Арх[ив] Канцелярии Главн[ого] начальника кабинетского ведом[ства]. 1833 г., № 23.

³ Т. е. XVIII в. (Ред.)

⁴ Арх[ив] Колыв[ано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 448.

однодворками отнюдь никому места не показывать и теми одноворками селиться накрепко запретить»¹.

Расположена деревня на берегу степной речки или у озера, вдали от которого виднеются колки или небольшие лесные заросли. Это степная деревня где-нибудь в глуши Кулундинской степи или на Барабе. В других случаях деревня находится на берегу большой реки, на Оби или Томи, или скрывается на небольшой поляне среди таежного, еще почти нетронутого леса или, наконец, приютилась в долине, протянувшейся между неправильно раздвинувшимися хребтами Алтайских вершин. Во всяком случае деревни, раскинутые на широком пространстве диких, маловозделанных мест, находятся друг от друга в неблизких расстояниях. Одинокость и закинутость должны были придавать томскому поселку невеселый колорит.

В XVII в., если деревня находилась где-нибудь близ Томи, жители ее, выезжая в поле на работу, должны были совершать ее с большой оглядкой: не покажется ли где на быстрой малорослой лошади полудикий всадник в мохнатой шапке, этот передовой разведчик для огромной толпы кочевников, ринувшейся для опустошения к Томску или Кузнецку. Тогда крестьянину нужно было бросать работу, спешить к односельчанам с вестию о грядущей беде и затем укрываться с имуществом или в самое глухое недоступное место, или, что было гораздо надежнее, спастись за тыном острога, охраняемого храбростию служилых людей. С такою же осторожностью долгое время в продолжение XVIII в. вынуждены были жить и обитатели новозаведенных алтайских деревень, потому что и новопоселенный алтайский крестьянин нет-нет, да услышит, что там или здесь калмыки или киргиз-кайсаки отогнали у русского лошадей, а иногда и хозяина связали и помчали в свои становища в качестве пленника.

Миновали времена чужеземных вторжений, но томский крестьянин все еще не спокоен. Он продолжает иметь при себе заряженное ружье в виду постоянных слухов о разбоях, да и по собственному опыту ему ведомо, что на более или менее дальнем пути, по которому нужно ехать для хозяйственных или других каких дел, редко обойдется, чтобы не встретить беглого из тюрьмы или с заводов. Иногда такая встреча пройдет совершенно благополучно. Оборванец смиренно подойдет к крестьянину-путнику, попросит хлеба, расспросит о дороге, завяжется

¹ [Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири] // Чтения [в императорском обществе] истор[ии] и др[евностей Российских при Московском университете]. 1867. Кн. 2. С. 259.

беседа, которая закончится, пожалуй, тем, что крестьянин пригласит беглеца к себе на страдную работу: живи де и работай, будешь сыт и одет, а по праздникам и пьян, а от начальства в лесу около нашей деревни есть где укрыться.

Но иногда беглый стремительно бросается под уз[д]цы лошади и на ее хозяина машет топором. Тогда, понятно, без ружья плохо. Убил бродягу, тело в болото или в сторону в лес: никто не найдет, а если и найдет, то не обратит никакого внимания.

Страх от неприятельских вторжений и разбойничьих нападений служил тормозом развитию благосостояния томского крестьянина, но, однако же, не настолько важным, чтобы в данном случае этот страх мог представлять существенную препону¹. Повторяем: томский пахарь мог пахать и косить сколько хотел; на своем огромном участке он мог постоянно поднимать целину лишь бы не залениться выкорчевывать древесные корни и чистить луга от кустарника. В лесу без особого утомления можно было добыть ценного зверя², в реках наловить много рыбы. Дичи можно было бы набить целые воза, если бы только было куда сбывать ее продажою. Бедно существовал в деревне разве только недавно приписанный к ней крестьянин из пришлых. Он помимо того, что поселился ни с чем, кроме маленькой подмоги, заработанной на Колыванских заводах, он, от долгого шатанья в бегах, иной раз отвык от крестьянского дела. Но против его лени существовал окрик чиновника от горного начальства, а в этом окрике упоминались не только розги, но и плети³. А раз пришлый сломил лень, он выбьется из нужды непре-

¹ Впрочем, нужно заметить, что нынешний Мариинский округ, Томской губ. в XVII и начале XVIII [в.] почти пустовал русскими селениями. Несомненно, русские боялись селиться здесь именно в виду частых киргизских нападений и грабежей.

² В середине прошлого столетия лоси, маралы, дикие козы, кабаны и проч. в большом изобилии находились там, где этого зверья уже ныне нет, напр[имер], по рр. Локтевке, Алею. См. [Потанин Г.Н.] Матер[иалы] для истор[ии] Сибири // Чт[ения] [в императорском] общ[естве] истор[ии] и древ[ностей] Российских при Московском университете]. 1867. Кн. 2. С. 270-273.

³ Для понуждений новопоселенных крестьян к занятию хлебопашеством и, вместе с тем, «к жительству дворами в деревнях», Колывано-Воскресенское начальство назначало особые военные отряды. В конце 1740-х годов такие отряды из драгун разъезжали в одном случае под начальством капитана Шанского, в другом – шихтмейстера Звездочетова // Арх[ив] Кол[ывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Столп д[ел] № 94.

менно. В общем материальная жизнь слагалась в условия, при которых томский обыватель мог существовать значительно привольнее, чем крестьянин Центральной России. Живший по-сельски безместный поп Ипат еще в конце XVII в. на одной из своих заимок пахал по 10 десятин в поле, «а в дву потому ж», и на той же заимке имел за собою дикого поля и дубрав по 40 десятин в поле, а в дву потому ж; сенных покосов на 400 копен. На другой заимке пахал по 6 дес. в поле, «в дву потому ж» и при ней же нераспаханной земли, диких полей и дубрав имел по 30 десят[ин] в поле, «а в дву потому ж» сенных покосов на 300 копен. И на третьей заимке пахал по 4 дес. в поле, в дву потому ж и здесь же владел диким полем в 60 десятин и санным покосом на 300 копен¹.

Количество более 10 лошадей во дворе было самым обычным явлением среди томских крестьян-старожилов в прошлом столетии². За то же столетие крестьяне платили церковным причтам за браки от 10 до 50 руб. Отдельные домохозяева деревень, принадлежавших Томскому Алексеевскому монастырю, в 1750-х годах в состоянии были принести во взятки кто по 20 р., кто по 50 и даже по 100 руб., хотя, разумеется, и не без натуги для себя. Крестьяне деревни Комаровой (близ Бийска), состоявшей из 22 дворов, в 1786 г. распахивали в каждом поле по 260 десятин и ставили сена более 10 000 копен. В то же время крестьяне деревень Плешковой и Соколовой показывали о себе, что первые при 27 дворах пахали земли 200 десятин в поле и ставили сена до 15 000 копен, вторые при 13 дворах пахали 142 десятины и ставили сена 7 000 копен. Но при этом нужно заметить, что обыватели всех упомянутых здесь трех деревень не столько были заняты хлебопашеством, сколько налегали на рыбную ловлю в богатом рыбою Иткульском (близ Бийска) озере³ и, кроме того, имели поводы показывать не всю правду.

В 1783 г. отставной заводский мастеровой жаловался начальству, что жена его по беспорядочному поведению «разным его домашним вещам чинила ущербление», именно промотала «на пьянство и табак»: две юфтевые кожи, пять пар чарков, две бязи, александрийскую и дабовую рубахи, четыре бумажных платка, чабан камчатского (sic) бобра, три юбки китайчатых, гарусную опояску, еще два платка – бумажный и шелковый, два блюда оловянные, 3 ложки медные, три аршина бахты, перчатки и т. д.

¹ Истор[ические] акты, [собранные] Ин. Кузнецовым. [Томск, 1890. Вып.] I. С. 80.

² Т. е. XVIII в. (Ред.)

³ Дело об отдаче в оброк рыб[ных] ловель по р. Катунь.

Почти в то же время горный мастеровой в прошении о разводе с женой описывал, что жена истратила у него из его «домашнего шкамба»: платок шелковый штофный в 4 руб., юбку китайчатую алую в 3 руб., скатерть белую бранную в 75 коп., рубаху мужскую дабинную в 1 руб. 10 коп., тафты $1\frac{1}{4}$ арш[ина] на 1 р. 56 коп., чабан парчевый, «опушен соболем» в 4 руб. и еще два шелковых платка – один «модный», другой малиновый. Но мастеровой, живший при заводах или только лишь ушедший с завода, был значительно беднее обстоятельно жившего деревенского обывателя, хотя, разумеется, и форсистее его¹.

Паллас, описывая необычайное плодородие земель, занятых многочисленными деревнями, входившими в округа Малышевской слободы, Бердского и Чаусского острогов, говорит, что крестьяне жили здесь изобильно и хлебом, и скотом. Лошадей каждая малая деревня имела большие табуны. То же самое передал он о благосостоянии жителей нынешней Легостаевской волости (по р. Берди)².

В 70-е годы прошлого столетия³ успели оправиться в хозяйственном отношении и новопоселенные крестьяне в Барабинской степи. На этом случае имеем свидетеля в лице путешественника Фалька. «Крестьяне в Барабе, – писал Фальк, – вообще деятельны и зажиточны. Земледелие у них такое же, как и в деревнях по Иртышу. Они сеют озимую рожь, яровую пшеницу, ячмень, овес, полбу, яровую рожь, горох, лен и конопель. Плодоносная земля вознаграждает в 5 и 10 раз и не требует удобрения. Земли у них довольно. Но употребление времени для посева, по причине холодных ночей, требует немалого внимания. У всякого крестьянина есть небольшой огород, а у некоторых и хмельники. Они держат ныне много лошадей, несколько коров и овец – русских и киргизских. Новые поселенцы приметным образом распространяют скотоводство. Здесь, на обширных пажитях, скотоводство было бы весьма велико, если бы не подвергалось падежам»⁴.

Удручал домашний быт старинного томского крестьянина один очень существенный недостаток – относительный недостаток в женщи-

¹ Бракоразводные дела из архива Барнаульского Д[уховного] правления за 1780-1783 г.

² Паллас [П.С.] Путешествие [по разным местам Российского государства]. Часть II. Кн. 2. С. 403, 417.

³ Т. е. XVIII в. (Ред.)

⁴ Фальк [И.П. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824.] Т. VI. С. 429.

нах. Среди найденных нами архивных показаний о количестве населения в том или ином из приходов томского района за XVIII в. цифровое преобладание мужского пола пред женским является чуть не заурядным фактом и, в особенности, по отношению к приходам Барнаульского ведомства. Так, в 1771 г., т. е. тогда, когда жизнь в крае уже развилась и вышла из круга многих прежних ненормальностей, свойственных новопоселенным местам, в приходе Змеиногорской церкви состояло душ 1 940 м[уж.] п[ола] и 1 084 жен., Колывано-Воскресенской – 495 м[уж.], 400 ж[ен.], Павловского завода – 974 м[уж.] п[ола], 818 жен. Это были заводские приходы, где среди рабочих должно было проживать много холостых людей из др. подчиненных Кабинету мест. Но вот чисто земледельские приходы: в приходе Белоярской слободы за тот же 1771 г. насчитывалось мужских 1 587 д[уш], женских – 1 387, Кособоковском – 705 м[уж.], 648 ж[ен.], Кашинском – 1 107 м[уж.], 983 ж[ен.]¹. Такое же отношение мы часто встречаем и в приходах Томского ведомства. Именно за 1785 г. в приходе Спасского села было 567 душ м[уж.] п[ола] и 503 ж[ен.], с. Семилужного – 395 м[уж.], 385 ж[ен.], с. Яйского – 920 м[уж.], 732 ж[ен.], с. Иткульского – 1 587 м[уж.], 1 135 ж[ен.]². Отсюда можно понять, почему брачный вопрос был чуть ли не самым жгучим делом в томском крестьянстве за прошлое время. Приспевало в крестьянской семье время женить сына. Где взять невесту? В своей деревне. Но здесь или уже все давно перероднились или невесты были разобраны. Нужно ехать в какое-нибудь отдаленное селение, но и там или просили невесте большую «кладку», или ее вовсе не хотели выдавать замуж.

Дело в том, что при ведении хозяйства в обширных размерах томские крестьяне дорожили каждым членом семьи и потому очень часто не хотели отпускать из своего дома и дочерей, как нужных для дома работниц. Как взрослая, поневоле оставшаяся в девицах, дочь вела себя в нравственном смысле, это никого не смущало. На это своеобразное явление нежелания со стороны родителей выдавать дочерей в замужество обратило внимание горное начальство, и в 1773 году затребовало от земских изб список девиц от 20-летнего возраста с объяснением против каждой причин, почему не выдана замуж? Оказалось, что в деревнях, подведомых Белоярской земской избе, девиц в возрасте от 20

¹ Из ведомости о священно-церковно-служителях Барнаульского ведомства за 1771 г. // Арх[ив] Барнаул[ьского] Дух[овного] правления.

² Из духов[ных] росписей селений Томс[кого] ведомства // Арх[ив] Том[ской] д[уховной] консистории.

до 50 лет насчитывалось 208, в ведомстве Томской земской конторы в возрасте от 25 до 40 л[ет] – 35 ч[ел.], в ведомстве др. контор и изб – где 30, где 20. Больше всего не выдавали замуж «за домашностию», иногда «за сердечную скорбию», или затем, что кроме сердечной скорби имеет еще «икоту». Но весьма часто сельские грамотеи против 20-летних девиц писали курьезы в таком виде: «не выдана по молодости лет и за таким пороком женихи не сватали»... «покоит вдового отца, и за тем пороком замуж не выдана». Выслушав донесения, начальство определением от 28 октября 1773 г. постановило: «крестьянских дочерей-девок, которые, не выходя замуж, заявили себя ззорным поведением, за беззаконие наказать плетьюми, а родителям накрепко подтвердить, чтобы в выходе дочерям замуж препятствий отнюдь не чинили»¹.

Трудность добычи невест мирным, законным путем породила обычай красть девиц и увозить их для брака насильственно в подлинном смысле этого слова. Примеров насильственного повенчания с девицами, захваченными где-нибудь в поле, лесу, на крестьянских гулянках так обильно, что нам не вместить их в размеры беглого обозрения. Поехала девица с теткой из Сузунского завода в гости в другую деревню. Пристали на дороге парни, тетку выкинули из саней, девушку схватили и быстро помчали в с. Иткульское, где, несмотря на сопротивление невесты, брак повенчал свящ[енник] Поникаровский². В 1775 г. недавно поселенный крестьянин обманом завел к себе в гости девушку 13 лет и затем насильно повез ее в село Крохалевское, где заранее условленное повенчание не заставило себя долго ждать³. В третьем случае увезли девицу с луга, куда отправилась она собирать черемшу, в четвертом – с реки, где полоскала белье, и, когда везли деревней, зажали ей рот, чтобы не кричала. Знаем случай, когда насильственно брачимую невесту нужно было держать за руки и за голову, чтобы не сбросила венец⁴.

Насильственное похищение девиц для замужества шло рядом с браками, совершенными «уходом», т. е. такими, когда жених наперед тай-

¹ Арх[ив] Кол[ывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 718.

² Из дел Тоб[ольской] Д[уховной] конс[истории] в арх[иве] Томской консистор[ии]. По описи № 227.

³ Ук[аз] Тоб[ольской] консистории в Том[ском] дух[овном] прав[лении] от 12 апр. 1776.

⁴ Жалоба кр[естьянина] В. Плотникова, 13 янв. 1784 г. Из арх[ива] Барн[аульского] Дух[овного] правления.

но уговаривался с девушкой повенчаться, причем последняя выражала свое согласие выдачею жениху «заклада» в виде платка, кольца или даже платья. И в этих случаях часто устраивалось похищение, но уже притворное, только для отвода глаз родителей или родственников невесты. Недовольные родители гнались в погоню, происходили свалки, драки и всякие беспорядки, а иногда и огромные кощунства в храмах, где убегишие хотели повенчаться или уже повенчались.

Вот сцена: 20 янв[аря] 1776 г. причт Кособоковской церкви собрался в храм[е] поздним вечером, для повенчания девицы Вдовиной с женихом, за которого Вдовина выходила уходом. На всякий случай церковный трапезник Рычков храм изнутри запер. Вскоре на паперть с шумом вбежала толпа крестьян, состоявшая из отца невесты Василия Вдовина, ее брата Петра с односельчанами Шумиловым, Романовым, Дмитриевым и др. Прибежавшие с[о] страшным шумом и бранью начали ломиться в двери и трапезник, наконец, вынужден был их отпереть. Ворвавшись в храм, отец невесты вынул из «ножен» нож и бросился на дьячка «колоть» его, «выговаривая, почто дочь повенчали». Отца силою удержали от убийства его сын Петр с трапезником Рычковым, между тем крестьянин Шумилов поощрял готовившееся преступление, говоря: «надо же над ними, священником и причетником, сделать пример, чтобы без нашей воли наших детей не венчали». Отец порывается затем в алтарь бить или убить скрывавшегося там священника, и, несомненно, священник пострадал бы очень существенно, если бы не Рычков, вступивший с озверелым человеком в ожесточенную борьбу. Несколько успокоившись, крестьяне принялись искать невесту под полом. Пересмотрели все подполье, не обращая внимания на уверения дьячка, что невесты в церкви нет. «А зачем же ты в церкви поздно ночью? – спросил один из крестьян. «Сбирался здесь уснуть, – ответил дьячок, – так как дома вымораживаю таракан». Между тем жених с невестой скрывались где-то вблизи храма и, увидев погоню, услышав ее грозный шум, потаенно вышли из села, куда поезжане успели вывести и лошадей, а затем поскакали венчаться в Кольванский завод¹.

Что укоренившийся обычай похищений невест или брачных заключений путем ухода поддерживался, кроме недостатка в женщинах, нежеланием родителей выдавать дочерей замуж из хозяйственных соображений, это доказывается, между прочим, следующим фактом.

¹ Арх[ив] Кол[ывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 976.

В 1773 г. девица из дер. Кротовой уговорилась повенчаться уходом с крестьян[ским] сыном Чановым и пред браком заявила в Дух[овном] правлении, что она совершеннолетняя и желает повенчаться без дозволения родителей потому, что за своими домашними работами родители не позволяют ей выходить в замужество, «а ей желание имеется быть лучше в законном супружестве, нежели жить грешно и зорно»¹.

Недостатком женщин нужно объяснить и тот постоянно встречающийся в наших материалах факт, что где бы женщина ни появилась, раз заявляла о себе, что она девица или вдова, тотчас же находила себе жениха.

В 1750 году ушла от мужа из Томска крестьянка Курчиковой волости Мария Никифорова и отправилась вверх по Оби «ради работ страдовать». В Умревинском остроге встретила с отпускным из службы солдатом Петром Вторушиным. Завязалась беседа, кончившаяся предложением Марии выйти за него, Вторушина, замуж. Мария согласилась. Брак был повенчан в церкви Чаусского острога. Пред венчанием замужняя невеста для отвода глаз у причта, заплела себе косу по-девичьи².

В 1771 г. подал в Змеиногорскую контору заявление крестьянин дер. Секисовки Денис Пименов, из «поляков», т. е. из раскольников, присланных в Томскую сторону из польской Ветки, и в доношении объявлял, что сбежали от него три снохи, из которых одну, Варвару Ануфриеву, нашел вышедшею уже в новое замужество за промывальщика в Змеиногорске Степана Пестрякова, другую, Авдотию Андрееву, по слухам, увез крестьянин Белоярской слободы, дер. Дрянной, Ив[ан] Зажигаев, «где обретается третья, ему неизвестно». Пименов просил разыскать всех женщин и вернуть их снова в его дом. Вызвана была первая Варвара Ануфриева, и на допросе дала следующее любопытное в бытовом смысле показание. От роду ей 16 лет. Была венчана с сыном Пименова Иваном в православной церкви Семипалатной крепости во время следования из Польши, когда ей было 11 лет. Однако, в то время она была уже *вдовою*, ибо еще находясь в Польше, была обрачена, как слышала от многих польских выходцев, с крестьянином Никитою, «а чей сын и как прозывался не знаю, да и о самом венчании с Никитою заподлинно сама уверить не могу, потому что находилась тогда в сущем

¹ Арх[ив] Кол[ывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 718.

² Арх[ив] К[олювано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Столп, не включенный в опись за 1750 г.

малолетстве. Знаю только, что Никита умер». Со вторым мужем ей, как прочим невесткам, жилось тяжело. Свекровь производила разные каверзы. Подкладывала в затеянные квашни щеп и волосья и после «якобы нашед оные, свекру и нашим мужьям сказывала и тем подводила под побои безвременные и немилосердные. Да и сама свекровь за всякие малые неисправности часто обухом и др. тяжелыми вещами бивала, отчего у меня на лбу были проломы и правая рука от таких побой в завити не разгибается. В минувшем 1769 г., за неделю до вешнего Николы, свекровь послала меня с другими снохами в дер. Глубокую выкурить к празднику вина; хлеба же на винокурение не дала и наказывала, чтобы хлеба мы выпросили милостиною. Мы выпросили и только лишь занялись винокурением, увидел староста и вино курить запретил. Из боязни придти домой без вина и хлеба, затраченного уже на бражку, мы все втроем решили бежать. Сначала жили в дер. Убинской, потом Красноярской, называясь беглыми девками и переменяв имена. Авдотью для замужества увез белоярский крестьянин, а меня сговорили к венчанию в церкви с молодым рабочим Пестряковым, с которым живу и поныне». Не сказано, куда девалась третья сноха, но, несомненно, быстро нашла себе нового мужа и эта последняя¹.

Вот еще пример. Девица Прасковья была выдана замуж за крестьян[ина] Чумышской вол[ости], дер. Омутной, Алексея Назарова. По ее словам, муж обращался с нею дурно. Раз домашние отправили ее в недалекую деревню Крутинскую за получением долга с крестьян[ина] Архипа Назарова, причем муж будто бы наказал ей, «чтобы в Крутинской ночевать не оставалась, а если де ночуешь, не уйдешь от меня жива». Но она ночевала. Наутро, оседлав коня, поехала домой. На дороге, вспомнив угрозу мужа, решила повернуть обратно. В поскотине дер. Крутинской остановилась, сняла с головы «шамшуру», заплела из двух одну косу, т. е. постаралась придать себе девичий вид и того же дня доехала до деревни Погорелки. Здесь ночевала у незнакомого человека, назвавшись девицей Татьяной, ездившей из Белоярской слободы к брату, работающему на железотомском заводе. «Назвалась она так, чтобы муж ее дольше не нашел и чтобы его настращать». Потом на том же коне переехала в дер. Ирбинскую, где прожила два дня у крестьянина Мальцева и, с семейными последнего, отправилась в с. Тогульское на праздник Михаила Архангела. На праздничьих в с. Тогульском пи-

¹ Арх[ив] Кол[ьвано]-В[оскресенского] г[орного] нач[альства]. В столпе д[ел] № 745.

рушках познакомилась с крестьян[ином] Ащауловым, который «начал склонять ее к браку с собою». Она решилась на новое замужество и, в виде задатка, выдала жениху платок. На другой день брак был совершен, за что священник, прежде уже много раз судившийся за незаконные повенчания без соблюдения установленных предосторожностей, поплатился лишением сана¹.

Частое двумужество жен нередко вовлекло в двуженство и мужей. Характерный пример в этом отношении представляет следующее дело. Марфа Иванова Серенкова вышла за крестьянина Богданова. Спустя 5 лет после брака, Богданова взяли в солдаты. Долго не получая вестей от мужа, Марфа сочла его умершим и повенчалась с крестьянином Монастырской деревни (Кузнецк[ого] вед[омства]) Арыковым. Чрез полгода Богданов явился из службы, отобрал Марфу от Арыкова и увез ее в дер. Усть-Чарыш. Из этой деревни им привелось переехать в Бийскую крепость. На пути жена упросила Богданова отпустить ее в дер. Казанкову повидаться с родными. Получив дозволение, Марфа воспользовалась им для того, чтобы выйти замуж в третий раз. Вышла за крестьянина дер. Калачевой Афанасия Калачева, предварительно уверив причт в своем вдовстве. Арыков, у которого внезапно отобрали Марфу, также женился, по прежнему примеру женился на солдатке же от живого мужа Марии Березовской. Можно себе представить, сколько труда доставило это дело консистории, которая была обязана разобраться в его огромной путанице².

В 1779 году свящ[енник] Удинцов повенчал от живого мужа жену томского казака Щелканова, Прасковью Федорову с крестьянином Вас[илием] Манаковым. На следствии открылось, что Щелканов продал жену Манакову «за 5 руб. и за игреняго коня» и после продажи вручил купившему «поступное письмо»³. Продажа и покупка жен опять-таки являются одною из выдающихся особенностей в прошлой жизни томской крестьянской среды.

Много раз уже приводилось повторять, что томские крестьяне селились и жили малыми деревнями. Деревни, раскиданные там и здесь, отстояли от немногочисленных, в большинстве построенных на казенный счет, церквей иногда на 50, иногда на 80, иногда на 100 и более

¹ Дело в арх[иве] Томской консистории за 1826 г.

² Ук[аз] Тоб[ольской] Д[уховной] Конс[истории] в Барн[аульское] Д[уховное] прав[ление] от 5 мая 1778.

³ Ук[аз] Тоб[ольской] Д[уховной] Конс[истории] в Барн[аульское] Д[уховное] прав[ление] от 16 июля 1779 г., № 978.

верст. При этом нужно еще взять во внимание, что на таких расстояниях постоянно встречались естественные преграды в виде гор, широких рек и таежных мест. Отсюда понятно, что томский крестьянин в церкви мог бывать только изредка. Точнее он бывал в ней один раз в жизни, когда приводилось венчаться. Между тем храм является не только выражением религиозной настроенности, но и могучим возбудителем этой последней. Оставшись без храма, крестьянин постепенно отвыкал от него и отвык, наконец, до такой степени, что долго не хотел идти в церковь даже тогда, когда вновь выстроенное здание ее появлялось уже не особенно далеко от его жилья.

Священники, заведая большими, разбросанно-раскинувшимися приходами с 20, 30, 50 деревнями, бывали в них редко. Они объезжали приходские деревни раза два в год для совершения накопившихся треб крещения и служения литий над могилами покойников, умиравших, в громадном большинстве случаев, без христианского напутствия. Разумеется, при своих приходских объездах священники могли бы найти время и учить народ, своими назиданиями должны были бы содействовать поддержанию в нем религиозных чувств и потребностей. Но, к сожалению, сибирское и в частности томское приходское духовенство, вышедшее из служилого сословия, было и само не учено почти сплошь, а, следовательно, доставлять назидания находило себя почти не в силах ни путем слова, ни тем более, нужно добавить, делом примера.

«Еще в 1649 году Государю ведомо учинилось, что в Сибири... мирские всяких чинов люди, жены их и дети в воскресные и господские дни и дни великих святых во время святопения к церквам Божиим не ходят и умножилось в людях «пьянство и всякое мятежное бесовское действие» и, уведав о сем, царь потребовал, чтобы в церковь Божию люди ходили и церковное пение слушали внимательно¹. Так было по всей Сибири. А о томских крестьянах, много лет спустя, Консистерия писала, что прихожане, живущие в приходских деревнях в отдаленности от церквей, а другие и поблизости, не только не бывают в храмах, но и для обмолитвования у них вновь рожденных младенцев и родивших жен, по приходским своим священникам не ездят и нарочных не посылают, да и о самом крещении новорожденных не заботятся, так что многие из детей умирают не возрожденные таинством»².

¹ Акты истор[ические]. СПб., 1842]. Т. IV, № 35.

² Ук[аз] Тоб[ольской] Д[уховной] Консист[ории] в Том[ское] Д[уховное] прав[ление] от 15 ноября 1776 г.

Это было писано в 1776 г., но еще раньше, в 1764 г. Колывано-Воскресенское горное начальство требовало от своих заводских крестьян, «чтобы для обмолитвования новорожденных и рожениц, для крещения и прочих духовных треб крестьяне священников в дома свои звали и без отпеваний *в лесах* умерших не хоронили»... «А как в здешних пустых и маложилых местах, – говорило начальство, – крестьяне живут малыми деревнями в весьма знатном иногда более чем расстоянии на 100 верст от церквей, и при том за великими реками и болотами и прочими обширными водами и степями, то в привозе умерших до церквей бывает немалое препятие. Посему просить Его Преосвященство со священническим отпеванием хоронить умерших при самых деревнях, где и сделать для погребения способныя ограды»¹.

Только на почве томского религиозного равнодушия и возможны были такие случаи, как случай с крестьянином Дм[итрием] Усольцевым, который, будучи уже пожилым и многосемейным, оказался некрещеным. Свящ[енник] Чигизской² слободы Павел Попов встретил этого крестьянина в одной из многочисленных приходских деревень при объезде своего прихода в 1790 г. Прослышав о его некрещении, Попов расспросил мать Дмитрия: как это могло статься с ее сыном? Старуха-мать рассказала, что когда Дмитрий родился, она, оправившись от болезни, поехала для окрещения младенца в Малышевскую слободу, но священника дома не застала, а ждать его ей показалось долго. На обратном пути попросила окрестить ребенка одну старую деву. Дева крестила в озере и, когда погружала, то кричала одно: «держите лодку, держите лодку!», так как на глубоком месте лодка колыхалась. Родители на первых порах удовлетворялись таким крещением, а после, хотя им и приходило в голову, что указанного крещения как будто бы недостаточно, но боялись объявить, «дабы не последовало за сие какого-нибудь взыскания». Тобольский епископ Варлаам, на рассмотрение и решение коего доложено было это дело, определил: крестьянина Усольцева окрестить полным крещением³.

К исповеди и св[ятому] причастию крестьяне в многочисленных по количеству душ приходах являлись человек по 15, 20 в год. И это тог-

¹ Арх[ив] К[олывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 448.

² Вероятно, Чингинской. (Ред.)

³ Дела Тоб[ольской] Д[уховной] Консistorии в арх[иве] Том[ской] конс[истории] за 1797 г.

да, когда правительство взимало за небытие на исповеди штрафы, как известно, обращая штрафные деньги из этого источника на содержание военных госпиталей. В 1755 г. из многочисленных прихожан Белоярской церкви на исповеди в первую неделю Великого поста было 1 д[уша] мужского и 2 женского пола¹. В 1764 году священник Кособоковского прихода заявил в Барнаульском Д[уховном] Правлении, что его прихожане «на исповеди не бывают и понудить их к исполнению сего долга никак не можно». Священник с. Бердского в то же время и в том же Правлении указал, что в продолжение В[еликого] поста у него было говеющих всего 9 человек². В ряду судных дел, какие попадались нам под руку при работах в архивах, мы то и дело наталкивались на престарелых свидетелей, на исповеди не бывавших от роду и даже почти чуждых, что невероятно, всякого представления: что такое исповедь?

Известно, что не только равнодушие к вере, но и само неверие не исключают в душах равнодушного или неверующего склонности и предрасположенности к суевериям. И холодный в делах религиозной веры томский крестьянин был очень суеверен, суеверен, пожалуй, даже в большей степени, чем российский крестьянин. Заклинания, заговоры и наговоры, ворожба всякого рода – это такой обильный в архивах материал, на основании которого можно было бы составить целую книгу.

Впрочем, спешим оговориться. Думается нам, что равнодушие к церкви томича-крестьянина нужно объяснить не только условиями его жизни вдали от храма, но во многих случаях и его наклонностию к расколу. Мы уже видели, как часто и много раскольников бежало в Сибирь и, в частности, в нашу Томскую страну из Центральной России. Во всяком случае в тех местах Томского края, где раскол успевал угнездиться, он жил очень интенсивно. А гнезвился он здесь, главным образом, около скитов, которые в прошлом столетии³ имелись в черни за Мунгатским селом (Кузнецкого округа), в лесах по рр. Чумышу, Берди, в таежных местах за Чаусским острогом, на Чарыше, близ Алтайских гор и, несомненно, во многих других потаенных углах обширной области. В прошлом веке⁴, особенно в царствование Елизаветы Петровны, рас-

¹ Арх[ив] Бар[наульского] Дух[овного] Пр[авления]. Донесение Белояр[ского] свящ[енника] за 1755 г.

² Арх[ив] Кол[ывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 448.

³ Т. е. XVIII в. (Ред.)

⁴ Т. е. XVIII в. (Ред.)

кол преследовался везде. Не могли окончательно избегнуть преследований и томские старообрядцы. Здесь следили за расколом Духовные Правления, а расправлялись с раскольниками воеводы и, преимущественно, Колывано-Воскресенское горное начальство. Усиленные преследования всюду вызывали вспышки исступленного фанатизма. Не обошлось без них и в жизни томского раскола. Познакомимся только с некоторыми на этот счет примерами.

В 1743 г. из дер. Лепехиной, Белоярского острогу, вышли в лес Федор Лепехин с матерью и детьми и прочими мужск[ого] и женск[ого] полу людьми, всего в количестве 18 человек и заперлись в новопостроенной избушке с целью самосожжения. Из Кузнецка выслали команду рассеять сборище и предупредить катастрофу. Предупредить не сумели. Раскольники сожглись. Впрочем, в данном случае, самосожигательство было вызвано сколько религиозными, столько же и причинами гражданского характера. Пред сгорением раскольники кричали офицеру, начальствовавшему над командой, что будут гореть от того, что приписаны к заводам Демидова в работу, «а работать им весьма натужно»¹.

В 1758 г. Барнаульское Дух[овное] Правление допрашивало крестьянина дер. Максоровой Степана Максорова: почему отказывается от исповеди сам и не дозволяет приходить на исповедь и своим домашним. Максоров, старик 70 лет, ответил: «потому, что ныне в церкви все переменялось по-новому: аллилуйю поют потрижды, а не подважды, а более того, сказать не знаю». Явно, что Максоров и его семейные принадлежали расколу. Барн[аульское] Дух[овное] Правление распорядилось отослать допрошенного в Канцелярию Колывано-Воскр[есенского] начальства «с требованием таковым, ежели оный Максоров раскается, то для присоединения его прислать в оное Правление, буде же не обратится и душеспасительного дозветворения конечно отречется, чинить с ним по силе указов». Кроме того, Правление просило выслать к нему детей старика Максорова Егора и Федора с их женами.

Явились в дер. Максорову сотники Белоярской избы Пятков и Каркавин и потребовали от Егора, чтобы снаряжался в Барнаул. Егор просил дать ему время до утра «для сносу в амбар домашняго шкамба». Сотники уступили и позвали для караула Максоровых, чтобы «не убежали или ничем себе повредить не могли», еще несколько крестьян. Егор с женой Марьей пожитки в амбар снесли, а когда стемнело, взяли детей

¹ Арх[ив] Кол[ывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 447.

Федора 3-х лет, Матрену 4-х и Анания полугодового, и всю семью[e]ю остались в амбаре ночевать. Караульщики спали кто в избе, кто на дворе. Утром Егор с женою опять прошли в дом добрать остальные пожитки. «И при том ношении, как жена в тот амбар взошла, то оный Егор запер дверь изнутри вскорости, а жену и детей резал до смерти, кого в левый бок, кого в горло». Караульщики вышибли дверь. Егор вышел к ним с большим окровавленным ножом и говорил: «не ходите, идите прочь», а потом сам побежал к р. Чумышу и бросился в воду. За ним кинулись в реку сотник Пятков и крестьян[ин] Гусельников, но схватили раскольника тогда уже, когда успел глубоко прорезать себе левый бок. Егор умер в тот же день, успел сказать окружающим, что к зарезанию себя и семьи его убедила жена, покойная Марья.

Отец Егора Степан и брат Федор, после продолжительного сидения в кандалах, из раскола решили обратиться¹.

Почти в то же время произошло крупное самосожигательство в дер. Мальцевой.

В 1756 г. многие из томских раскольников разных мест начали потаенно стекаться к этой только лишь названной деревне, находившейся в страшной глуши, за Чаусским острогом между великими топями, болотами и озерами. Явились сюда же расколоучители Семен Шадрин, Федор Немчинов и еще какой-то неизвестный. Секретно раскольники вели дело своего постепенного скопления, но власти узнали. Поскакали к месту собрания томский воевода Бушнев и управляющий Чаусского острога чиновник Копьев. Прибыла и команда. Начальство увидело, что раскольники построили 9 изб, обнесенных полисадником «с немалым укреплением». И хотя Бушнев, Копьев и чаусский священник употребили все усилия в уговорах от самосожигательства, «токмо раскольники не послушали», говоря, что собрались страдать за веру Христову и за крест двуперстного сложения. Сгорело всего 174 человека. 175-й, крест[ьянин] Ив[ан] Кубышев, когда пылали избы, кинулся на забор и повис на нем. Его сняли солдаты «едва жива, ибо во многих местах обгорел и затем был весь распухши». Кубышев все-таки выздоровел и даже потом сумел из-под стражи бежать².

¹ Арх[ив] Кол[ывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 245. Л. 616-622.

² Арх[ив] Барн[аульского] Д[уховного] пр[авления]. Ук[аз] Тоб[ольской] консист[ории] от 4 авг. 1757 г. См. Собр[ание] постановлений по части раскола. СПб., 1860. Ч. I. С. 551-553.

Жизнь в глухих и уединенных местах в соприкосновении с кочевниками и постоянной тяжелой борьбой с дикой и суровой природой, всецелая погруженность в интересы материального существования, постоянное блуждание в крае разбойников и беглых, этих людей, выбитых из нормальной колеи существования и готовых на все, приписка к деревьям ссыльных за разные совершенные на родине преступления, отсутствие облагораживающих духовных влияний, кроме разве влияний, шедших от раскола, с его бездушной обрядностью, с его узким требованием стоять только за двуперстное сложение и за аллилуйю, все это вместе взятое представляет такое сцепление условий, при которых никак нельзя ожидать в старинном томском сельском населении мягких нравов. Нравы должны были быть суровы и грубы, и они были действительно таковы. Не будем говорить о бесшабашных разгулах на крестьянских съезжих праздниках, о праздничьем пьянстве вообще, том великом пьянстве, которое своими размерами приводило иностранных наблюдателей сибирской жизни в неопишное изумление. Пропустим легкость нравов в отношениях между полами, легкость, которую на почве безрелигиозности и раскола поддерживали и относительный недостаток женщин, и долгое невыдавание девиц в замужество, и развращающие условия заводской жизни.

В своем беглом и кратком очерке обратим внимание на другие стороны в томско-сибирских нравах. В томской крестьянской семье отец внушал свой родительский авторитет поленом, оглоблей, а иногда обухом. А как учил муж жену, чтобы не сопротивлялась, чтобы была послушна и верна? Солдат, живший в деревне в 1780-х годах, учил супругу так: «завезет ее в лес, разденет догола, привяжет к лесине, наберет шиповых прутьев и бьет по обнаженному телу нещадно до собственной усталости»¹. Из другого дела видно, что крестьянин дер. Колпаковой Яков Останин смирял основательно ревновавшую жену тем, что «почасту» привязывал ее за руки и за ноги к столбу на целую ночь, чтобы у столба не могла шевельнуться². Один из крестьян с. Бочатского укрощал ревновавшую же хозяйку при посредстве болота, где имел обычай топить ее до потери сознания каждый раз³. Кр[естьянин] Опарин убил первую жену, за что наказан был кнутом, но оставлен на прежнем местожительстве. На прежнем местожительстве он сумел жениться во второй раз, но од-

¹ Бракоразводное дело за 1786 г. // Арх[ив] Барн[аульского] Д[уховного] правления.

² Арх[ив] Барн[аульского] Дух[овного] правл[ения]. В связке д[ел] 1806 г.

³ Арх[ив] Томск[ой] Д[уховной] Консист[ории]. Дело по описи № 258.

нодеревенцы вторую его жену постоянно видят в окровавленной одежде; нужно было заключать, что добьет и ее¹. Другой крестьянин бьет беременную жену поленом, отчего она выкинула два раза, но и после того он не переставал учить супругу тем, что много раз привязывал за руки и за ноги к брусу и стегал веревкою с завязанными на концах узлами, отчего она всегда впадала в состояние беспамятства². Казак Ульбинского поселка, кроме того, что зверски бил жену в лесу прутьями, он нередко кидал ее в бане на раскаленную каменку³. Казак Пьяноярского редута Алексей Никонов засек жену плетью до смерти⁴. И случаи подобных засечений супруг в нашем материале встречаются не один раз. Тот же материал много раз рисует нам тяжелые сцены, когда жены давились, топились и резались от жестокостей мужей.

С той же дикой мерой жестокости томичи расправлялись и с любовницами. В июне 1723 г. недалеко от Томска, вверх по реке Ушайке, найдена была убитой девица Алена Ильина Нелюбина и «соски у грудей ее были вырезаны». Подозрение в этом преступлении пало на томского сына боярского Федора Протопопова, у которого та девка была «в закладе»⁵. А в первой четверти нынешнего столетия⁶ молодой крестьянский парень привязал любовницу в лесу к березе и сек ее бичом до вырывания мяса⁷. В г. Кузнецке мещанин Плотников, служивший кабацким поверенным, в сотрудничестве с товарищем из крестьян, бил сожительницу, 18-летнюю красивую девицу Пырсикову, в продолжении 3 часов с перерывами только для собственного отдыха и выпивки при отдыхе. У умершей под бичом, вся спина от головы до пяток представляла сплошь сине-багровую иссеченную массу, без малейшего места, где было бы заметно тело в его натуральном цвете⁸. В 1829 г. горный

¹ Арх[ив] Томск[ой] Д[уховной] Консист[ории]. Дело по описи № 270. В столпе д[ел] за 1801 г.

² Ук[аз] Тоб[ольской] Конс[истории] Том[скому] Д[уховному] Правл[ению] 24 сент. 1810 г. // Арх[ив] Том[ской] Консистории.

³ Из арх[ива] Барн[аульского] Дух[овного] правления.

⁴ Арх[ив] Барн[аульского] Дух[овного] Правления. Указ Консист[ории] Семипалат[инскому] Дух[овному] Правлению от 8 ноября 1823 г.

⁵ Томский сын боярский Федор Протопопов. Томск: Изд. Кузнецова-Красноярского, 1891.

⁶ Т. е. XIX в. (Ред.)

⁷ Арх[ив] Том[ской] Дух[овной] Консistor[ии]. Дело по описи № 797.

⁸ Дело Том[ского] Губ[ернского] суда в Арх[иве] Губер[нского] Правл[ения]. Связка 82.

рабочий бил сожительницу в бане кулаком и, когда она повалилась, взял банный деревянный «ожег», приставил его к шее лежащей и, навалившись на его тупой конец, острым проткнул у любовницы горло¹.

Обходим множество других нам известных примеров в том же роде. Не менее свирепо поступали с мужьями или сожителями в свою очередь и женщины. В 1772 г. молодая 17-летняя женщина прехладнокровно, при самой потрясающей обстановке, зарезала мужа-малолетка за то, что был мал и невзрачен². В двух случаях жены, желая отделаться от постылых мужей, облили их во время сна, как бы нечаянно, кипятком из целого чугуна или корчаги. Один из обваренных умер после страшных мучений, другой выздоровел³. В 1834 г. найден был в степи еще на тлеющих угольях, сучках и корье сгоревшим крестьян[ин] Ординской волости, дер. Красноярской Григорий Поламошнов. Сгорел он живым или мертвым осталось невыясненным. В преступлении односельчане обличали жену умершего с ее любовником⁴.

Во всем этом удручающе-печальном изображении нас поражает сколько количество преступлений в малонаселенной стороне, столько же их зверский характер.

До какой степени зверства способен был доходить обыватель нашего края показывает, между прочим, такой факт. Крестьян[ин] Чумышской вол., деревни Зырянской, осердился на своего соседа и, улучив время, когда последнего дома не было, вошел на его двор и принялся истязать его лошадь. При истязаниях проломил ее голову во многих местах и, наконец, удавил вожжами⁵.

Понятно, что в нравственно-огрубевшей сфере и ужасное дело убийства человека не производило особого смущения. К убийству в Томском крае прошлого времени, при частой повторяемости этого преступления, привыкли, как к заурядному происшествию, и потому отно-

¹Арх[ив] Кол[ывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Дела по Канц[елярии] Главн[ого] Начальника. В столпе № 15.

² Арх[ив] Кол[ывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Столп д[ел] № 665.

³Первый случай был в дер. Малой Ояшской в 1773 г. //Арх[ив] К[ольвано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. В столпе д[ел] № 745; второй – в дер. Завьяловой в 1800 г. Бердского прихода // Арх[ив] Том[ской] Конс[истории]. По описи № 255.

⁴Арх[ив] К[ольвано]-В[оскресенского] горн[ого] нач[альства]. Дело 1834 г.

⁵Связка дел Кольванского горн[ого] ведомства под заглавием «Частные происшествия за 1834-1835 г.».

сились к нему сравнительно очень легко. Убивали из-за поломанной лопаты¹, из побуждений самой мелкой злобы, из того, чтобы добыть несколько копеек, не платить долг в 10 или 15 руб.² Вот образчики, с каким хладнокровием решали бродяг. В деревню Мохнатый Лог явился для сбора милостыни бродяга, известный в окрестности под именем Василия Родименького. А пред этим только лишь выехал из названной деревни прапорщик Сионин, которому, между прочим, поручено было заводским начальством разыскивать и забирать беглецов. Родименький хотел остановиться на квартире в доме крестьян Шелковниковых. Последние хлеба бродяге дали, но в постое отказали, сказав, что ныне «с беглыми строго» и принимать их «стало от начальства опасно». Родименький вышел из поселка. Крестьяне остались, однако, беспокойны. Они подумали, что ушедший непременно попадетя Сионину и после того их будут судить за пристанодержательство. Шелковниковы, Влазовы и др. кинулись за Родименьким, нагнали, остановили и пристрелили, а тело упрятали в овраге³.

В 1833 году пришли к Барнаулу беглые из Иркутской каторги, бывшие рабочие Ново-Павловского завода Иван Чумов и Федор Ильиных и, скитаясь, забрели в деревню Боровикову (Шадринской волости), где остановились у крестьян Плесковских, своих давних приятелей. Плесковские бродяг приняли, позволили им попариться в бане, накормили, напоили и, по-видимому, отпустили с миром. Бродяги взяли лодку у перевоза, чтобы переправиться на др. сторону Оби. Но лишь отплыли от берега, как один из Плесковских выстрелил в них из дальнобойного ружья. Ильиных повалился в воду, несомненно, мертвым. Чумов кое-как на лодке ускользнул⁴.

Убийство бродяги Ильиных произошло в 1834 году. В этом же году в дер. Бобровке (Белоярской вол.) обывательница Екатерина Белкина заявила, что в дом ее приплелся, обливаясь кровью, крестьянский сын Дмитрий Забаурин. По заявлению, Забаурин был освидетельствован.

¹ Арх[ив] К[олывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Дело за 1753 г. В столпе № 206.

² Там же. Дело за 1771 г. В столпе д[ел] № 745. См. Фальк [И.П.] Пол[ное] собр[ание] ученых путешествий. СПб.: Изд. Акад. Наук, 1824. Т. VI. С. 425-426.

³ Арх[ив] Том[ской] Д[уховной] Конс[истории]. Дело по описи № 962 за 1820 год.

⁴ Арх[ив] Кол[ывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Связка дела с заглавием: Частные происшествия за 1834-1835 г.

У него оказалась глубокая и опасная рана на голове. Дальнейшее расследование обнаружило, что раненого «секла топором его сестра Аксинья, боясь, что он выскажет родителям ее любовную связь с парнем Алексеем»¹. В 1822 г. в Барнаульской военно-судной комиссии производилось дело о зарезании салаирским бергайером Лукияновым 6-летнего ребенка в Кузнецком уезде. Подробности этого вопиющего дела нам неизвестны². Но вот как в 1833 г. убил 14-летнего мальчика горный рабочий Кедров. Кедров ехал в Зырянский рудник на казенной подводе. Лошадью правил мальчик из дер. Снегиревой. Подводчик торопил коня, а рабочий требовал, чтобы ехал тише, так как ему нужно было раскурить трубку. Молодой ямщик не слушался. Кедров остервенел, схватил вожжи, остановил лошадь и сначала оттрепал возницу за волосы, а потом, пришед еще в больший азарт, удавил чрезседельником³.

До какой степени преступление убийства в нашей стране было часто, об этом довольно ярко свидетельствует ведомость о количестве найденных тел, веденная в Барнаульской горной канцелярии за 1834 г. В продолжение этого года всех тел, найденных в степях и по рр. Оби, Алею и Катуню, в районе нынешних Барнаульского и Бийского округов, было поднято более 50. Из них 6 тел принадлежали «опивцам», остальные – людям, погибшим насильственной смертью. Случаи скоропостижно умерших из указанной цифры нами изъяты⁴.

Условия жизни в угрюмой и холодной стране среди лесов, болот и степей, сделали сибиряка, томского крестьянина, сосредоточенным в себе, молчаливым и угрюмым.

Постоянное оглядывание по сторонам на опасности от внешних и внутренних врагов выработали в томиче-старожиле сметливость, но с нею хитрость и затаенность. В здешнем крестьянстве едва ли найдутся типы таких задушевных простачков, какие часто встречаются в Центральной России и какие так правдиво, любовно и художественно воспроизведены в произведениях Тургенева и Толстого.

¹ Арх[ив] Кол[ывано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства]. Связка дела с заглавием: Частные происшествия за 1834-1835 г.

² Опись дел Военно-Судной комиссии от 1812 по 1829 г.// Арх[ив] Колы[вано]-Воскр[есенского] горн[ого] нач[альства].

³ Дело Колыванского ведомства за 1833. Кедров, нужно заметить, много раз состоял под судом и прежде. За преступление убийства малолетнего он был наказан 80 ударами кнутом и ссылкой в каторгу вечно.

⁴ Дело по канцелярии главного начальника Гор[ного] ведомства. 1834 г. № 31.

Постоянная борьба с дикой и суровой природой выработала в томском простолюдине сильный, крепкий организм, выносливый в какой угодно работе и, бесспорно, жизнеспособный. Но духовной стороной в жизни и быте томича в прежнее время не занимался никто. И удивительно ли, что на далекой окраине нашего Отечества русский человек так сильно огрубел.

Разумеется, чрезвычайно желательно, чтобы образованные люди научили томского крестьянина, как лучше, прибыльнее и рациональнее он мог бы поставить свое сельское хозяйство. Но заботы об экономических и хозяйственных его интересах должны идти рядом с заботливостью на другой счет.

Старые нравственные недуги в томской деревне еще не исчезли.

Нужно приподнять и духовную, моральную сторону в жизни, в настроении томского деревенского обывателя.

Томичу-крестьянину нужно вручить вместо прежней примитивной сохи современный усовершенствованный плуг. Для него желательно устроить образцовую сельскохозяйственную ферму. Но, кроме того, ему необходимы церковь с добрым, учительным пастырем и хорошо поставленная школа.

Приложение

СПИСОК

населенных мест Кольванской области за 1782 г.

<...>¹

КУЗНЕЦКИЙ УЕЗД

Кузнецкий уезд начинается от китайской границы, проходящей чрез р. Чульшман, от коего места по правому берегу р. Чульшмана до ее устья; от устья Чульшмана посредине Телецкого озера на устье реки Бии; от устья Бии по правому берегу до форпоста Сандыбского; от форпоста Сандыбского по линии чрез маяки Нижний Ненинский, Уранский, Караконский, Верхне-Ненинский до маяка П[ы]штылинского (со включением военных маяков и форпоста в Барнаульский уезд); от маяка Пыштылинского по правому берегу р. Пыштылы до ее устья; от оноу устья по правому берегу рч. Сары-Чумыша до ее устья; от оноу устья вверх по правому берегу Чумыша и Томь-Чумыша до ее вершин; от

¹ Опущены данные по Томскому уезду. (Ред.)

вершины Томь-Чумыша, посредине черни, на вершины рч. Елбаша; от вершин рч. Елбаша до ее устья; от одного устья вверх по [р.] Берди, по ее левому берегу до устья р. Кинтереп, от устья Кинтерепа по левому берегу до вершин; от оных вершин на вершины речки Малые Изылы. И по одной реке по правому берегу до ее устья; от одного устья вниз по правому берегу Ини до устья рч. Тугучин. От устья Тугучина по левому берегу до ее вершин, от оных вершин прямо на вершины рч. Лебяжьей; от оных вершин по правому берегу до самого ее устья. От устья Лебяжьей вверх по левому берегу Томи реки до устья рч. Промышленной; от устья одной речки по левому берегу до ее вершин. От одного места по черни на вершины Белого Юса¹; от вершин Б[елого] Юса по правому берегу до дер. Бараицкой; от одного места прямо на р. Енисей против устья рч. Кулук; от одного места вверх по левому берегу р. Енисея до китайской границы. По китайской границе до р. Чулышмана.

В оный уезд входят следующие селения:

Город Кузнецк.	Кандалетный.
Завод Томский.	Таштыский пограничный караул.
Форпост Кузедеевский.	Абаканский пограничный караул.
Маяки: Сары-Чумышский.	

Два на китайской границе трактовых знака: знак, на котором поставлен крест, а с китайской стороны – камень, где съезжаются с обеих сторон караулы.

Юрты:

Сары-Чумышские.	Давидкины.
Кузедеевские.	Ускатские.
Калтакские.	Шангинские.
Келетские.	Толмовинские.
Чюлские.	Бочацкие.
Сосновские.	Чююлхаевы.
Идибские.	Черхинские.
Тогульские.	Юрские.
Терлегинские.	Каралдинские.
Протошны.	Васькины.
Тарбагановы.	Тарадановы.
Телегутские.	С[ело] Рождественское.

¹ Современное написание – Июс. (Ред.)

Деревни:

Бабанакова. Тарасова.
Наумова.

Юрты:

Курчуганские. Стрельны.
Бородины. Искитимские.
Мозжухины. Бабышевы.

Деревни:

Каменская. Ямна, при рч. Ямной.
Крылова. Косогорова.
Монастырская. Толстовска.
Бубенкова. Шубина.
Глазкова. Наумова, при рч. Писаной.
Колмакова. Усть-Глубока.
Калдинская. Терехина.
Копылова, при рч. Колбихе. Чернова.
Громотуха.

Деревни на [р.] Чулыме:

Корелина. Ербинска.
Светлолюбова. Копены.
Легостаева. Тесинская.

И все, живущие кочующие от дер. Бараицкой до китайской границы по левому берегу р. Енисей и по обеим сторонам [р.] Абакана и по впадающим в оный рекам, ясачные.

Приписные к заводам Сосновского ведомства деревни:

Елгина. Анкудинова.
Басалаева, при рч. Лебязьей. Пяткова.
Тимонова. Тутальская (Тала).
Безменова, при рч. Лебязьей. Усть-Искитимская.
Шитикова. Попова.
Бжицкова. Тальменька.
Елфимова, при рч. Сосновке. Зырянска.
Верхняя Ачинска. Поперечный Искитим.
Корнилова. Белянина.
Асанова. Хорошеборска.

Ишкепова.
Медынина, при [рч.] Стрельной.
Писана речка.
Ерофеева.
Усть-Стрельна.
Поддякова, на р. Томи.
Ребикова, при рч. Стрельной.
Крекова, на р. Томи.
Балахнина.
Острог Верхотомский.
Боровушка.
Евсеева.
Мозжухина, при рч. Мозжухе.
Немирова.
Куру-Искитимска, при рч. Камышной.
Плешкова, при рч. Уньге.
Камышенка.
Попова.
Салтыкова.
Бородина.
Красноярская.
Сухова, на [р.] Томи.
Ерыкалова, при рч. Горкиной.
Березовка, при [р.] Томи.
Червева, при рч. Ляпке.
Смольина.
Кобылина, на [р.] Томи и рч. Березовой.
Шумиха.
Шепелева.
Чернова.
Сарапкина.
Кольчева, при [рч.] Сев[ерной] Уньге.
Титова.
Антипина.
Пинигина, при рч. Сев[ерной] Уньге.
Корнилова.
Муручацкая, при рч. Муручаке.
Ваганова.
Корчуганска.
Бормотова, при [р.] Истоке.
Калтирак.
Макрушина.
Гутова, при рч. Тарсьме.
Гагарина.
Каурацка.
Аксенова.
Бархотова.
Кокуй, при [рч.] Пашенной.
Боровушка.
С[ело] Сосново.
Ключевская.
Лукошкина.
Березова, при р. Ине.
Коткова.
Абышева.
Васькова.
Титова, при [р.] Ине и рч. Бормотушке.
Усть-Тарсминска.
Бормотова, при [р.] Тарсьме.
Окунева.
Белкина.
Лебедева.
Соломина.
Ишпекова Верхняя.
Каменька Нижняя.
Мостова.
Кузнецова.
Чащина.
Каменька Верхняя.
Глубокая, при [р.] Глубокой.
Нова-Абышева.
Федорова.
Калягина, при рч. Мал[ые] Изылы.
Нова-Изылинска.
Саламатова, при рч. М[алые] Изылы.
Сухострелова.
Кускова.
Шицкая.
Кусменска.
Танакова.
Русакова.

Кузнецкого ведомства деревни:

Тогучинска, при [рр.] Ине и Тогучине.	Куртукова.
Ошмарина.	Калтанская.
Атаманова, на [р.] Томи.	Карпова.
Антонова.	Козанкова.
Анисимова.	Красулина.
Афоница.	Карагайлинская, при рч. Карагайле.
Артышкинска, при [рч.] Артышке.	Котина.
Арсенова при р. Мунгате.	Костенкова.
Букина.	Калачева.
Боровская.	Караканская.
Бедарева.	Коновалова.
Бурлукова.	Колмогорова.
Березова, при р. Томи.	Конева.
Бунгурская, при [р.] Бунгуре.	Колчугина, при [р.] Ине.
Баикаимская, при [р.] Ине.	Коровина.
Боярацка, она же Миронова.	Калинина.
Брюханова.	Камышлинская, при [р.] Ине и
Белова.	рч. Камысле.
Борисова.	Кыргынцова.
Бердюгина.	Крапивина.
Борочацкая.	Кулебакина.
Березова, при р. Чумыше.	Лутчева, при [рч.] Шарапе.
с. Бочацкое ¹ .	Митина.
д. Горскина.	Мерецкая ² , при [р.] Ине.
Дроченина.	Морозова.
Долгополова.	Мухосранова, при рч. Касьме.
Нижн[ая] Дроченина.	Мохова.
Егозова, при [р.] Егозе.	Максимова.
Еремеева.	Мунгатский, станец.
Евтина, при [р.] Ине.	Минчеретская.
Нова-Егозова.	Мокроусова.
Зенкова.	Недорезова.
Звонкова.	Нова Протока, она же Безрукова.
Ильинское, село.	Пучеглазова, при [р.] Кондоме.
Иганина, при рч. Усть-Кате.	Подабаская.
Инченкова.	Поморцова.
Иганина, при [р.] Чумыше.	Стара-Пестерева.

¹ Современное написание – Бачатское. (Ред.)

² Современное написание – Меретская. (Ред.)

Полысаева, при [р.] Ине.
Протопопова.
Портнягина.
Нова-Пестерева.
Панфилова.
Салтыкова.
Семенова, при [р.] Томи.
Сидорова, на [р.] Томи.
Соколова.
Софронова.
Сидоренкова.
Сапогова.
Сарапская, при [р.] Уньге.
Семенова.
Тихонова.
Терешкина.
Талдинская.
Терентьева.

Рекина (?).
Тарабарина, при [р.] Ине.
Усятская.
Уропская.
Ушакова.
Уфинцова.
Урская.
Устюженина.
Хмелева.
Чичирбаева, при [р.] Усть-Кате.
Черепанова.
Черкасова.
Чесноковская.
Черданцова.
Верх-Чумышка.
Шарабская, при [р.] Шарапе.
Шерохова.
Шибанова, при [р.] Касьме.

БАРНАУЛЬСКИЙ УЕЗД

Барнаульский уезд начинается выше крепости Усть-Каменогорской, от китайской границы вниз по Иртышу до крепости Ямышевской (со включением ее); от крепости Ямышевской прямо на большое озеро Кулундинское и посредине оно на устье рч. Кулунды; от устья Кулунды по левому берегу до ее вершин; от оных – на вершины рч. Кучука. От вершины оной по правому берегу до ее устья; от одного устья прямо на устье речки Ини. От устья рч. Ини по левому берегу ее до ее вершин; от оных вершин прямо на вершины рч. Талицы и по правому берегу до ее устья; от устья ее вверх по реке Берди, по левому ее берегу до устья рч. Елбаш; отсюда посредине черни до вершин р. Томь-Чумыша; от ее вершин по правому ее берегу и по Чумышу до устья Сары-Чумыша; от устья Сары-Чумыша до устья реки Пыштылы; от устья [р.] Пыштылы до ее вершин и до маяка Пыштылинского и от одного по линии чрез маяки Верх-Ненинский до форпоста Сандыбского. От Сандыбского по левому берегу реки Бии и посредине Телецкого озера, и от одного до китайской границы по левому берегу р. Чулышмана и от Чулышмана по китайской границе до реки Иртыша.

В оный уезд входят нижеследующие селения:

Город *Барнаул*, в коем имеется завод Барнаульский.

Заводы: Ново-Павловский.

Алейский.

Прежде бывшие заводы: Кольванский.

Шульбинский.

Рудники: Змеиногорский, Семеновский и все находящиеся в оном уезде рудники и прииски.

Крепости:

Ямшевская.

Старо-Семипалатная.

Ново-Семипалатная.

Усть-Каменогорская.

Ануйская.

Катунская.

Бийская.

Форпосты:

Лебяжий.

Семиярский.

Долонский.

Талицкий.

Шульбинский.

Убинский.

Красноярский.

Ново-Алейский.

Тигерецкий.

Чарышский.

Казанской Б[ожией] Матери.

Св[ятого] Антония.

Сандыбский.

Защиты:

Бобровская.

Верх-Убинская.

Плоская.

Верх-Белорецка.

Тулатинска.

Маралихинская.

Кабановская.

Терская.

Станцы:

Черный.

Подпускной.

Кривой.

Грачевский.

Черемховый.

Белый Камень.

Глухой.

Озерный.

Пьяно-Ярский.

Барышевский.

Уваровский.

Маяки: Ключевский.

Яровой.
Сосновский.
Слюденский.
Николаевский.
Бехтемирский.
Новиковский.
Лебяжий.

Саклатский.
Нижне-Ненинский.
Курунский.
Караканский.
Верх-Ненинский.
Пыштылинский.
Редут Секисовский.

Сверх сих (военных), неприписных к заводам селений, пильная мельница Линейной команды, при р. Иртыше.

Деревни:

Мельнична.
Старо-Алейска.
Екатерининска.
Плоская.
Ново-Алейская.
Шеманаихинская.
Красноярская, на [р.] Убе.
Убинская.
Выдриха.
Верх-Убинска.
Большерецкая.
Зевакина.
Березовка.
Красноярская.
Секисовка.
Бобровская.
Глубокая.

Прапорщикова.
Ульбинская.
Сколовская, усадьба.
Чесноковка.
Петропавловская, при [р.] Ануе.
Верхне-Ануйская.
Иконникова.
Нижне-Чемровска.
Верхне-Чемровска.
Марушна¹.
Ненинска.
Карабинска.
Ельцовка.
Ажинская, при [р.] Бие.
Пристань Усть-Чарышская.
С[ело] Смоленской Богоматери.
С[ело] Енисейское.

Юрты:

Балгаштинские.
Тастагаевы.
Чумышские.
Олонцовы.

Тагапские.
Каменские.
Тарадинские.
Бедрецкие (?).

Маскины и все, выше форпоста Сандыбского по левому берегу реки Бии и озера Телецкого и р. Чулышману до китайской границы, кочующие народы.

¹ Современное написание – Марушка. (Ред.)

Приписные к заводам ведомства Белоярского:

С[ело] Белоярская слобода.

Деревни:

Баженова.

Баюнова.

Бобровская.

Боровлянская.

Бельмесева.

Барнаульская.

Быкова.

Барсукова.

Беспалова, при [р.] Чумыше.

Боброва.

Безбожна, при [р.] Чумыше.

Блядунова.

Беспалова (Верх-Чумышка).

Боровая.

Бедарева.

Бешенцева.

Болвашкина, при оз. Зерцале.

Большеречинская.

Выползова.

Воронина.

Виданова, она же Красилова.

Власихина заимка.

Гусельникова, при [р.] Чумыше.

Глушинская, при озере.

Гоношихинска.

Голубцова.

Гонбина.

Глушихинская, при [р.] Чумыше.

Новодраченина.

Данилова.

Дрянная.

Дмитрева.

Думчева.

Дранишниковая.

Драченина Стара.

Драченина Средняя.

Давыдов Лог.

Евдокимова-Титова.

Еловка.

Ересна.

Елунина.

Жилина.

Зудилова.

Заковряшина.

Зайцова.

Забродина.

Заплывина, при [р.] Чумыше.

Залесова, при [р.] Журавлихе.

Зырянова.

Зубоскалова.

Закурдаева.

Ирбинская.

Инюшева.

Нова Инюшева.

Ировская, она же Усть-Чумышская.

Казанка.

Красилова, при [р.] Каменке.

Копылова, при [р.] Оби.

Клюева.

Климина.

Косиха.

Конташина.

Карматская.

Кислуха.

Кунгурова.

Куликова.

Кашкарагаиха.

Крайчикова, на [р.] Чумыше.

Койнова.

Ново-Красилова.

Старо-Красилова.

Средняя Красилова.

Крайчикова, при [р.] Кашкарагаихе.

Большая Кокуйска.

Малая Кокуйска.

С. Касмалинское, оно же Прижимова.

Д. Кытманово.

Китова.

Кяхта, при [р.] Сугналае.
Коренева.
Ново-Камышенка.
Каргаполова.
Калиновка.
Луговая.
Ларионова.
Лушникова.
Литвинова, она же Юлыбердь.
Лаврентьева.
Легачева.
Мылникова.
Макарова.
Малахова.
Мартынова.
Моношкина.
Ново-Макарова.
Никонова, она же Шляпова.
Наумова.
Ногина, на [р.] Чумыше.
Огурцова.
Овчинникова.
Окулова, на р. Чумыше.
Оплеухина, на р. Чумыше.
Озерная, на Тальменском волоку.
Озерна Титова.
Переборна.
Нова-Пердунова, на рч. Тальменьке.
Пустынька.
Панфилова.
Пещаная.
Повалихинская.
Погорельска, на [р.] Чумыше.
Старо-Пердунова, при Чумыше.
Нова-Повалиха.
Петрушиха.

Романова.
Рассказиха, при Оби.
Рагозиха.
Речкунова, при Оби и рч. Телеутке.
Санникова, при рч. Лосихе.
Сорокина.
Совина, она же Зимина.
Середчиха.
Верхне-Тогульская.
Токарева.
Таскаева, при р. Чумыше.
Тарабинска.
С. Тальменское.
Тогульская.
Талица.
Больше-Уксунайская.
Усова.
Мала-Уксунайская.
Фирсова, при [р.] Лосихе.
Фунтикова.
Филиппова.
Хорькова.
Чесноковка.
Чернопятова.
Черемна-Подгорная.
Черемушкина, при [р.] Талице.
Шилова.
Шадрина, при [р.] Бобровке.
Шипицина, на [р.] Чумыше.
Шишкина.
Шадринцова.
Шатунова, при р. Крутихе.
Шмакова.
Шилова, при [р.] Калманке.
Язова, на [р.] Чумыше.

Деревни Красноярского ведомства:

Алейская.
Усть-Алейская.
Ново-Алейская.
Буранова.

Буткина.
Безголосова.
Быкова.
Бестужева.

Бобкова, она же Колбиха.
Белова.
Боровая.
Белоглазова.
Воробьева.
Ганькина.
Гилева.
Елбанская.
Ельцовская.
Усть-Ермилихинская.
Журавлихинская.
Зиминая.
Калистратова, на озере Козьмине.
Калманская.
Красноярская, при рч. Чарыше.
Усть-Калманская, при [р.] Чарыше.
Защита Кабановская.
С. Кособоково, при [р.] Чумыше.
С. Кашино, при [р.] Алее.
Кабанова.
Качусова, при [р.] Чарыше.
Краснощекова.
Карпова.
Курынская.
Красноярская, при [р.] Алее.
Корболихинская.
Каплина, заимка.
Каменка.

Карагужева.
Станец Луговский.
Метелева.
Маханова.
Нечунаева, при [р.] Алее.
Новая Озерная.
Панюшева.
Станец Парфеновский.
Порозиха, при [р.] Чарыше.
Поспелиха, на рч. Пыстыньке.
Серебренникова.
Самсонова, на рч. Самсоновке.
Станец Савинский.
Тугозвонова.
Урюпина.
Усть-Янцева.
Фирсова.
Форафонова.
Хлопунова.
Харлова.
Нова Чакырская¹.
Усть-Чарышская.
Чистюньская.
Чупина.
Чернодырова.
Шипунова, при [р.] Алее.
Шипунова, при [р.] Касмале.
Широкова

Деревни Бийского ведомства:

Быстрый Исток.
Буланиха.
Большереецкая.
Бехтемирская.
Вяткина.
Дуплянска, она же Брагина.
Замятина.
Завьялова.
Колонкова.
Камчатка.

Коломышская.
Комарова.
Клепикова, при [р.] Оби.
Камышенка.
Легостаева, на р. Оби.
Локтева.
Луговая, при [р.] Оби.
Мартынова.
Мальцова, при рч. Бехтемирке.
Новая Орская.

¹ Современное написание – Чагырская. (Ред.)

Пещаная, при рч. Пещаной.
Степной Чумыш.
Соколова, при [р.] Оби.
Солдатова.
Савинова.
Верхняя Соколова.
Тырышкина.
Тогульская.
Усятская.

Угренева Большая.
Угренева Малая.
Усть-Ануйская, она же слобода Бий-
ская.
Фоминская.
Черемшанская.
Шубенка.
Шелегина, при [р.] Оби.
Шипунова, при [р.] Оби.

Часть Малышевского ведомства, деревни:

Суслова.
Шипунова, при [р.] Касмале, ниже де-
ревни Островной.
Островная.
Займка Шелаболихинская.
Белова, при оз. Белом.
Панова.
Клочкова, при рч. Боровлянке.
Жаркова.
Овечкина.
Вылкова, на рч. Кулунде.

Шарчина, при [р.] Кулунде.
Куликова.
Усть-Мосиха, при рч. Усть-Мосихе.
Кучук.
Шелаболиха.
Грамотина.
Нова-Обвинцова, при [р.] Оби.
Песчаная, при оз. Пещаном.
Боровикова.
Старо-Обвинцова, при [р.] Оби.

Бердского ведомства деревни:

Карагушева.
Кошелева.
Лушникова.
Анисимова.
Литвинова.
Загайнова.
Шмакова.
Плешкова.
Лиственка, при [р.] Улыберде.
Безменова, при [р.] Тальменке.
Нова Пяткова.

Зимовье Ганюшкино.
Ново-Шмаково.
Огнева, займка.
Пенкова.
Барсукова.
Никонова.
Краскова.
Пайвина.
Маслянина.
Мамонова.

БУРЛИНСКИЙ УЕЗД

Бурлинский уезд начинается от крепости Ямышевской прямо на большое озеро Кулундинское и посредине оно на устье рч. Кулунды. От устья Кулунды по правому берегу до ее вершин и от оных на вершины рч. Кучука. От вершины оной

по левому берегу до ее устья; от одного устья прямо на устье рч. Ини. От устья Ини по правому берегу до ее вершин. От оных вершин прямо на вершины рч. Талицы и по левому ее берегу до ее устья. От одного устья вверх по рч. Берди по правому берегу до устья рч. Кинтерреб; от устья Кинтереба по правому берегу до ее вершин. От оных вершин прямо на вершины рч. Малые Изылы. От вершин оной по левому берегу до ее устья. От одного устья вниз по рч. Ине по левому берегу до устья рч. Тугучин. От устья Тугучина по правому берегу до ее вершин. От оных вершин прямо на вершины рч. Бугатак¹. От вершины Бугатака по левому берегу до ее устья. От одного устья прямо на п[ord]-w[est] – 80 градусов на реку Омь. От одного места вниз по течению по левому берегу до ее устья (со включением крепости Омской). От устья Оми реки вверх по Иртышу реке по правому берегу до крепости Ямышевской (со включением ее).

В оный уезд входят нижеследующие селения:

Город <i>Бурлинск</i> .	Осморыжский.
Завод Нижне-Сузунский.	Черноретский.
Крепости: Омская.	Корековский.
Железинская.	Усть-Тартасский.
Форпосты: Ачекрский.	Каинский.
Черлатский.	Каргатский.

Станцы:

Узко-Заостровский.	Пято-Рыжской.
Кызылбашский.	Песчанский.
Соляной поворот.	Черноярский.
Татарский.	Подстепной.
Урю-тюк.	

Деревни:

Бабеева.	Падунская.
Умревинская.	Карганская.
Орский, почтовый станец.	Убинская.
Орская.	Еланская.
Крутые Лога.	Колмаковская.
Овчинникова.	Кондусла.
Сектинская.	Осиновы Колки.
Иткульская.	Карачинская.
Ярки.	Сибирцова.
Каяк, при [р.] Чулыме.	Тонтура.
Каргатска Дуброва.	Красноярская.

¹ Современное написание – Буготак. (Ред.)

Щербакова.
Синянина.
Хомутинска.
Локоть.
Мало-Зотина.
Сыропятская.

Большая Зотина.
Похабова.
Нова-Хобарова¹.
Милованова.
С[ело] Покровское.

Юрты:

Абдалицкие.
Мыковские.
Черномыские.
Орские.
Чюлымские.
Каргатские.
Карганские.
Убинские.

Абышенские.
Кулчины.
Кызланские.
Круголь.
Микишкины.
Ебышлы.
Тандовские.
Саргоятские.

Приписные к заводам ведомства Мальшевского, деревни:

Средне-Алеусская.
Антонова.
Алеусская, при [р.] Алеусе.
Аллацкая, при впад. [р.] Аллака в [р.]
Обь.
Андропова.
Алеусская Верхняя.
Белкова.
Боева.
Белопухова, при [р.] Аллаке.
Белкина.
Батурова.
Бедрина, при [р.] Бедринке.
Волчья.
Высока Грива.
Гилева, при озере.
Гонохова.
Гунина.
Городишенска.
Горностаева.

Дресвянка.
Елбанская.
Зорина.
Инская.
Верхне-Идолова.
Нижне-Идолова.
Каргаполова.
Каменска, при устье рч. Суетки.
Костылева.
Кырзинска.
Крутишинска.
Корнилова.
Киприна.
Каменска Нижняя.
Кротова.
Котлина.
Кокуй.
Конева.
Карасутская, при Лешаковых озерах.
Усть-Лукова.

¹ Современное написание – Хабарова. (Ред.)

Лушникова, при рч. Сузуне.
Слобода Мальшевская.
Д[ер.] Молокова.
Мальшева.
Малетина.
Милованова, на [р.] Оби.
Масляшинская.
Усть-Меретская.
Мезенцова.
Новая Омутная.
Поротникова.
Панкрушиха.
Прослоушинска.
Подойникова.
Пушкарева.
Плотникова.
Кайлина.
Селезнева.
Соплячиха.

Столбовая.
Соколова.
Спирина.
Верхне-Суетинская.
Верхне-Сузунская.
Нижне-Сузунская.
Нижне-Суетинская.
Телеутская.
Тараданова.
Тюменцова.
Трубачева.
Черепанина.
Верхне-Чингизская.
Нижне-Чингизская.
Черемшанская.
Чулымская.
Шандурова.
Яровская.

Бердского ведомства деревни:

Атаманова.
Артамонова.
Биткова.
Бердской, острог.
Белова.
Бородавкина.
Бороздина.
Вылкова, при [р.] Берди.
Вянина.
Гусельникова.
Горевская.
Гуселетова.
Гилева, при [р.] Мильтюше.
Дурашкина.
Дятлева.
Девкина.
Верхне-Детлева, при рч. Зырянке.
Дорогина заимка.
Еремина.
Елунина.

Ельцовская.
Ересная.
Евсина.
Елбанская.
Завьялова.
Заковряшина.
Верхне-Ирменска.
Инская.
С[ело] Ирменское.
Д. Койнова.
Верхне-Кинтеревская.
Нижне-Кинтеревская.
Карбыкатская.
Карасева.
Коенская.
Верхне-Караканская.
Козиха.
Луговая, при Ирменском бору.
С[ело] Легостаевское.
Д[ер.] Локтевская.

Луговая.
Лушникова, заимка.
Морозова.
Мостовая.
Медвецкая.
Мильтюшская.
Мышланова.
Макарова.
Малинина, при [р.] Ирмене.
Ординская.
Пичугова.
Понкина.
Пименова.
Петухова.
Поперешна.
Суседова.
Сосновская.
Таскаева, при рч. Койнихе.
Тальменская.
Гулинская.
Темнова.
Улыбина, при [р.] Мильтюше.

Урюпина.
Ургун.
Харева, она же Бурмистрова.
Хлопунова, при [р.] Мильтюше.
Харина.
Усть-Чёмская.
Черепанова, при Ине.
Чернодырова, при [р.] Берди и
[р.] Черной.
Чупина, при [р.] Мильтюше.
Чупина, при [р.] Берде.
Шлепкава.
Шадрина.
Шипкова.
Шатунова, при Берди.
Шигаева.
Шипунова, при рч. Нижний Сузун.
Шарчина.
Шарина, она же Кречкунова.
Шарабска.
Шурыгина.
Ярска, она же Красноярска.

Ведомства Чаусского деревни:

Аяшинская.
Анбинская.
Битоногова (?).
Бозойская.
Богатанская.
Бунькова.
Бугой.
Вьюна.
Верткова, при рч. Бол[ьшой] Туле.
Воробьева.
Вахрушева, при Оеш[е].
Воронова, при Болоте.
Грязнуха.
Гутова, при [р.] Оми (?).
Дубровина.
Ересная, при рч. Ересной.
Ересная, при рч. Туле.

Ельцовка.
Изревинска, при рч. Аяше.
Изревинска, при рч. Ине.
Усть-Инская.
Казакова.
Каменская, при рч. Оби.
Андыкова.
Кайлинска.
Канабурская.
Кубавинска.
Каменска, при рч. Каменке.
Кривошапкина.
С[ело] Кривощеково.
Мало-Кривощеково.
Криводанова.
Коткова.
С[ело] Крохалевское.

Киселева, при рч. Оеш[e].
Козина.
Киселева, при рч. Оми.
Кичигина.
Локтевая.
Лебедева.
Луговая Инская.
Лагунова.
Луговая Катайцова.
Моткова.
Мочищенская.
Мысовская.
Мальгина.
Маркова.
Мельникова.
Оеш Малый.
Оеш Большой.
Овечкина.
Паутова.
Порозская.
Прокудукина.
Панафидина.
Подволошная.
Помельцова.
Погорельска, при [р.] Оми.
Рожнева.

Соколова.
Соскочернова (?).
Скалинская, при рч. Скале.
Сартакова.
Саракулова.
Сарбальцкая.
Тамаринская.
Тропина.
Толмачева.
Тырышкина, при рч. Оеше.
Табачникова.
Верх-Туманская.
Умревинский, острог.
Ушакова.
Федосова.
Чилининская.
Чагалинская.
Черемшанская, при рч. Черемшанке.
Черепанова.
Чиковская, при рч. Чику.
Черемшанка, при Бозойском болоте.
Чаусский, острог.
Нижние Чёмы, на [р.] Оби.
Верхние Чёмы, на [р.] Оби.
Шагалова.
Южина.

Часть ведомства Сосновского, деревни:

Иксинская, при рч. Иксе.
Кузнецова.
Калаганова, при [р.] Ине.
Моткова, при [р.] Ине.
Буготак, при рч. Буготаке.
Канарбурская, при рч. Ине и [р.] Канарбурге.
Изылинская.
Чертенкова.
Горевка, при рч. Изылах.
Восина.
Долганова.

Агафонова, при рч. Чёме.
Чемская, она же Безголосова, при рч. Чёме.
Карасева, при [р.] Киндеребе.
Елтышева.
Кайлинска, при [р.] Ине.
Рожнева.
Ирбинка.
Долгова.
С[ело] Гутово.
Кунгурова.
Черепанова.

Примеч[ание]. Этот список был прислан из Колыванского Областного правления в Барнаульское Духовное правление с препроводительной бумагой за № 1066 апреля 26, 1782 г.

Подлинный подписал Борис Меллер (правитель Колыванской области).

Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: (общий очерк за XVII и XVIII столетия) // Научные очерки Томского края : сборник публичных лекций по различным вопросам естествознания и сельского хозяйства, организованных осенью 1897 года бывшим Томским отделом императорского Московского общества сельского хозяйства, ныне преобразованным в Западно-Сибирское общество сельского хозяйства / изд. под общ. ред. Н.Ф. Кащенко. Томск : Типолитография М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского, 1898. С. 1-138 (14-я pag.).

„ПОЛЯКИ“
ЗМЕИНОГОРСКОГО ОКРУГА

М. Швецовой.

БИБЛИОТЕКА
Сибирского Императорского Университета
„ЦЕНТРАЛЬНАЯ“

Ш

вцова (Лаврова) Мария Васильевна (1856? – после 1901 г.), статистик, этнограф.

Родилась в с. Дросково, Орловской губернии в семье священника. Окончила гимназию в г. Орле. В 1875-1877 гг. училась на женских курсах Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге, одновременно занимаясь народнической пропагандой. В 1877 г. была арестована и в 1878 г. осуждена по обвинению в организации в Курске кружка «Саморазвитие» и составлении воззвания. 23 мая 1878 г. дело разрешено в административном порядке с вменением в наказание предварительного содержания под стражей и с высылкою под гласный надзор в Вятскую губернию. В 1881 г. переведена в Тобольскую губернию, жила в Ишиме, потом в Тюкалинске. В ссылке вместе с мужем С.П. Швецовым собирала материалы по социально-экономическому положению сельского населения Тобольской губернии.

В июле 1888 г. Швецовы переехали в Барнаул, где Мария Васильевна была одним из организаторов Общества любителей исследования Алтая, участвовала в статистических исследованиях, принимала участие в подведении итогов однодневной переписи населения Барнаула 26 марта 1895 г.

В ноябре 1897 г. переехала с мужем в Омск, но, являясь членом Западно-Сибирского отделения Русского географического общества, была командирована летом 1898 г. в экспедицию на Алтай. С июня по октябрь 1898 г. занималась полевой этнографической и антропологической работой в селениях Алейской, Александровской, Владимирской, Риддерской волостей, Змеиногорского уезда, в Боровлянской волости, Барнаульского уезда. По разрешению работала в архивах Алтайского округа. Летом 1900 г. участвовала с мужем в экспедиции в Кузнецкий уезд, Алтайского округа – Кузнецкий Алатау. В марте 1901 г. выехала в Петербург.

Статья ««Поляки» Змеиногорского округа» вышла в 1899 г., в журнале «Записки Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества», который издавался в Омске с 1879 по 1916 год.

М. ШВЕЦОВА

**«ПОЛЯКИ»
ЗМЕИНОГОРСКОГО ОКРУГА**

Кому случалось бывать в западных предгорьях Алтая, тот не мог не обратить внимания на селения так называемых «поляков», т. е. русских староверов, живших ранее в Польше и в прошлом столетии¹ поселившихся на Алтае. Название «поляков», данное им алтайскими старожилами, настолько привилось, что сами староверы называют себя не иначе, как «поляками», противопоставляя себя «сибирякам», т. е. коренному русскому населению на Алтае.

Селения «поляков» резко выделяются из ряда всех остальных селений той же местности: физический тип населения, речь, костюмы, жилища, внутреннее убранство последних – все это отмечено своеобразными чертами чего-то самобытного, туго поддающегося влиянию окружающего. Даже самое поверхностное наблюдение «поляков» убеждает, что перед нами особая этнографическая группа русского населения края, притом весьма устойчивая в своих характерных особенностях.

В литературе об алтайских поляках имеется очень мало указаний, да и те касаются более истории самой высылки их в Сибирь, сведения же относительно их жизни уже на Алтае большей частью заимствованы у П а л л а с а, посетившего поляков вскоре после их водворения на Алтае и уделившего им несколько страниц в своей книге, чего, конечно, слишком недостаточно для знакомства с такой интересной этнографической группой.

Располагая летом двумя месяцами свободного времени, я решила воспользоваться им для ознакомления с «поляками» и предложила свои услуги Западно-Сибирскому отделу Географического общества, который и командировал меня на Алтай для этнографических исследований поляков в Змеиногорском округе, Томской губернии, в западных предгорьях Алтая, т. е. в главном районе первоначального поселения их здесь.

Результаты своих двухмесячных наблюдений над поляками я и предлагаю вниманию читателей в настоящей статье, дополнив свои наблюдения сведениями, доставленными мне В.П. И в а н о в ы м, которому приношу свою искреннюю признательность.

¹Т. е. XVIII в. (Ред.)

Благодаря любезности г[оспод] томского губернатора и начальника Алтайского округа, я имела доступ к архивам, как горным (архивы Главного управления и горных контор Змеиногорской и Риддерской), так и волостным, в тех волостях, где поселены поляки – Риддерской, Владимирской, Александровской и Алейской, а также в Усть-Каменогорской, в архиве которой хранятся многие старинные дела, относящиеся к полякам. На основании данных, извлеченных из этих архивов, я и составила, главным образом, исторический очерк заселения Алтая поляками и характеристику современных обычно-правовых воззрений последних. К сожалению, большинство архивов далеко еще не приведено в порядок, и многие дела, даже целые столбы дел, особенно относящиеся к прошлому столетию¹, не имеют номеров, почему мне пришлось ограничиться лишь указаниями, из какого архива был взят тот или иной документ, без ссылки на номер, а иногда и без даты.

Что касается литературных источников, которыми я пользовалась, то они мною указаны в примечаниях к тексту статьи.

I

С переходом Колывано-Воскресенских заводов и рудников с приписанными к ним землями и населением от Демидова в руки правительства, т. е. с 1747 года, начались заботы о скорейшей колонизации Алтая и защите его от беспокойных соседей – сперва джунгар, а затем китайцев и киргиз, которые часто нападали на ближайшие к границе русские селения, грабили их, угоняли скот и пр.

С целью защиты края была устроена Колывано-Воскресенская пограничная линия казачьих редутов и форпостов, шедшая от Иртышской линии по р. Убе до впадения в нее речки Шемонаевки, а оттуда – к р. Алею и далее к Змеиногорскому руднику, Колыванскому заводу и т. д. до г. Бийска или Бикатунской крепости².

Что же касается заселения края, то почти одновременно³ с указом о принятии в казну Демидовских заводов, Императрица Елизавета издала другой, повелевавший «по рекам, текущим близ здешних заво-

¹ Т. е. XVIII в. (Ред.)

² П.С. Паллас «Путешествие по разным местам Российского государства». 1770 г. Ч. Вторая, кн. II. Перев. Ф. Таманский, изд. Акад. Наук. СПб., 1786 года.

³ Указ об отобрании заводов в казну издан 1-го мая 1747 года, а указ «о пришедших в Сибирь» 12-го мая того же года.

дов, селить пришлых в Сибирь», которые «должны зарабатывать на заводах подати государские и помещиковы», причем за работу сверх обязательной, им должны были платить «по существующей цене»¹. В 1749 году подтверждено снова приказание приписывать к Колывано-Воскресенским заводам всех пришлых и присылаемых из разных местностей Сибирской губернии, а в 1751 году «приговоренных к смертной и политической казни колодников, содержащихся в Сибирской губернии», повелено обращать в казенные работы², и в силу этого повеления к Колывано-Воскресенским заводам в том же году было приписано 1 779 человек ссыльных³. Благодаря этим мерам, а также вольной колонизации, шедшей наряду с правительственной, и уже в 1757 году при Колывано-Воскресенских заводах числилось «всех заводских людей 10 935 душ мужского пола, по докладу Олсуфьева»⁴.

В то же время росло и развивалось горное дело на Алтае, а в половине прошлого столетия⁵ был открыт ряд новых рудников (Ниже-Лазурский, Сосновский, Николаевский и др.), что требовало и нового притока сил для работ в самих рудниках, а также, если не больше, и для обеспечения горнозаводского населения продовольствием: сами горнорабочие не имели времени заниматься земледелием, доставлять же на рудники и заводы хлеб и прочие съестные припасы из других местностей было немыслимо, вследствие дороговизны и отсутствия путей сообщения, единственным выходом являлось поселение вблизи заводов крестьян-земледельцев, которые производили бы достаточное количество хлеба, как для собственного потребления, так и для нужд горнозаводского населения.

Кроме того, в виду расширения области русских поселений на Алтае, прежняя пограничная линия уже не могла служить защитой, так как она оказалась не на границе, а внутри русских областей, почему решено было провести новую линию, которая защищала бы путь в русские области со стороны оз. Зайсана от нападения китайцев, завоевавших Джунгарию в 1758 г., а с запада – от киргиз, около того же времени

¹ Архив Главного управления Алтайского округа.

² Алтай: истор[ико]-статистический сборник / [под ред. П.А. Голубева]. Томск: [Типолитография Михайлова и Макушина], 189[0] г.

³ Арх[ив] Гл[авного] упр[авления] Алт[айского] округа.

⁴ П. Словцов «Историческое обозрение Сибири». Кн. II: [С 1742 по 1823 год]. СПб.: [Типография И.Н. Скороходова], 1886 г.

⁵ Т. е. XVIII в. (Ред.)

перекочевавших из Средней Азии в Иртышские степи. На место уничтоженных редутов и форпостов старой линии (Шемонаевский, Екатерининский и др.) предположено было селить крестьян для развития хлебопашества в крае, на новой линии также предполагалось поселить хлебопашцев в тех местах, которые окажутся удобными для поселения¹.

С этой целью стали производить, начиная от р. Бухтармы, изыскания местностей, через которые удобнее провести линию, и в то же время продолжалось приселение крестьян различных местностей и «сибирских обывателей» к Колывано-Воскресенским заводам. Так, в 1759 году к ним приписано 12 925 душ крестьян Томского и Кузнецкого округов, а также и из других местностей²; в 1760 году Сенат издал указ, разрешавший государственным крестьянам «Архангелогородской, Устюжской и Вятской провинций» и «сибирским обывателям» селиться, в количестве 2 000 семей, «на состоящих в ведомстве Усть-Каменогорской крепости, по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и по прочим впадающим речкам во оные и в Иртыш реку, местах»³.

В 1762 году Сенат, на основании Манифеста Е к а т е р и н ы II, от 4-го декабря того же года, издал Указ, которым приглашал возвратиться добровольно в отечество русских староверов, бежавших в Польшу от религиозных преследований. Добровольно возвратившимся обещано было полное прощение за все совершенные ранее преступления и предоставлялось на свободный выбор вернуться на прежнее место жительства и в прежнее состояние или поселиться на местах, обозначенных в особом «реэстре» при Указе, в качестве государственных крестьян; в числе местностей, назначенных для поселения, кроме поименованных в Указе 1760 г. мест «по рекам Убе, Ульбе» и пр., были названы губернии Астраханская, Оренбургская и Белгородская (нынешние Курская и Харьковская). Сверх того, добровольно возвратившимся давалась льгота от всяких податей и работ на шесть лет, по истечении которых, они наравне со всеми остальными раскольниками подчинялись установленному П е т р о м I двойному податному окладу, пользуясь по-прежнему свободой относительно вероисповедания и правом носить старинную одежду⁴. Вслед за обнаружением этого указа, 22 января 1763 года был

¹ Т. е. XVIII в. (Ред.)

² «Алтай».

³ Арх[ив] Главн[ого] упр[авления Алтайского округа].

⁴ Там же. Вот полный текст указа: «Указ Ея И м п е р а т о р с к о г о В е л и ч е с т в а Самодержицы Всероссийской из Правительствующего Сената. Ея

послан другой всем начальникам пограничных с Польшею городов и крепостей, а также «всем губернаторам и воеводам тех мест, куда пойдут раскольники», чтобы последним не только «ни от кого никакого препятствия чинено не было б», но чтобы им оказывали возможную помощь при поселении их, для чего сделать надлежащие распоряжения, о числе же поселившихся давать знать в Сенат. При этом из бывших по-

И м п е р а т о р с к о е В е л и ч е с т в о с к а ю ю М о н а р ш е ю м и л о с т ь ю и благоволением не только иностранных разных наций, кроме жидов, на поселение в Россию приемлет, но и самим до сего бежавшим из своего отечества подданным возвращаться позволяет, прощая все их преступления, о том из опубликованного сего декабря 4 числа Манифеста, подписанного собственною Ея И м п е р а т о р с к о г о В е л и ч е с т в а рукою, всем уже известно. Вследствие чего Правительствующий сенат, усматривая из дел, что между прочими до сего бежавшими из своего отечества в Польше и в других за границею местах не малое число находится раскольников, которые, не имея понятия о силе законов, страшась притеснения или истязания, опасаются выходить; а потому, имея с[о] Святейшим Правительствующим синодом конференцию, за благо определил сим Ея И м п е р а т о р с к о г о В е л и ч е с т в а указом всем живущим за границею российским раскольникам объявить, что им позволено выходя и селиться особливими слободами, не только в Сибири, на Барабинской степи и других порожних отдаленных местах, но и в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях, на порожних же и выгодных землях, где полезнее быть может, и жить им и детям их на таком основании, как здесь в России именными блаженные и вечной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великого 1716 февраля 8, 1718 марта 2 и октября 9, 1719 марта 24, 1723 февраля 9 и 1724 годов февраля 11 и июня 4 чисел указами записных раскольников в двойном окладе содержать, так и по состоявшемуся в 1721 году Духовному регламенту с оными поступать велено. Которые Е г о В е л и ч е с т в а Указы для лучшего им, раскольникам, истолкования и вероятия вносятся здесь точным их содержанием, а именно: первый Указ 1716 года, февраля 8 дня повелевает: «Где есть раскольники, тех во всех губерниях губернаторам, как мужеска, так и женска полу описать, и, описав, положить их в оклад против настоящего платежа вдвое (?), почему купечество в посады, а крестьяне с тяглых своих жеребьев платят вдвое, а которые по описи явятся, а прежде сего податей никаких не платили, тех обложить, применяясь к тому ж, с женска полу, со вдов и с девок, против онаго в полы». Второй, данный во 2 день марта 1718 году, отправленному в Нижний капитан-поручику от гвардии Ржевскому: «Приехав туда, раскольников всех, где они живут, переписать и обложить их податями по первому указу, а ежели они хотя и переписаны, а податями вдвое против других не обложены, то б их немедленно обложить всех, как светских раскольников, которые живут домами и обителями, так и черне-

мещичьих крестьян, «во удовольствие тех помещиков», годные зачитывались за рекрутов, а за негодных их бывшим владельцам должна была выдаваться «некоторая плата» из податей, собранных с раскольников после окончания льготного срока¹.

13-го мая 1763 года был повторен Манифест 1762 г., а в 1765 г. Сенат снова издал указ, приглашающий беглецов возвращаться в Россию цов и черниц, и доправить на них те подати без всякого замедления». Третий и четвертый ему же, Ржевскому, данные в том же 1718 и 1719 годах: «Чтобы всех раскольников, кто б какого звания ни был, по данному Указу переписал и положил в оклад, а которые обратились и впредь будут обращаться, и таких от побору денежного уволить, дабы, на то смотря, и другие обращались; а которые остались не обратны, с тех по-прежнему собирать, и к тому еще с них же, раскольников, которые женятся тайно, не у церквей и без венечных памятей, наложить особый сбор, а именно: рубли по три с человека мужска и женска полу, на обе стороны поровну, а с богатых и больше». Пятый, 1723 г. февраля 9, писанный собственною Е го В е л и ч е с т в а р у к о ю на докладных пунктах генерал-майора С а л т ы к о в а по переписчиковым делам, класть ли раскольников и келейных жителей в распоряжение на полки против правоверных вдвое: «Быть особливому сбору двойному по указу у Нижегородского управителя, а в подушный не класть». Шестой, 1724, февраля 11: «Раскольникам, которые живут близ Повенца, объявить Е го И м п е р а т о р с к а г о В е л и ч е с т в а Указ публично, чтоб оные жили в своих местах и никуда в другие места не сходили и не бегали, и в том их всех обязать друг по друге порукою; буде же кому из них случится, куда отъехать для торговых промыслов, и им брать проезжие письма, а без таких писем отнюдь никуда не ездить». Седьмой, июня 4: «С раскольников, сколько их где по переписке явилось, всякие подати, по прежнему 1716 февраля 8 дня указу, брать вдвое, и им, раскольникам, по прежним же Е го И м п е р а т о р с к о г о В е л и ч е с т в а Указам, ни у каких дел начальниками не быть, а быть токмо в подчиненных, тако ж и в свидетельстве нигде их не принимать, кроме того, что между собою, и то по случаю». А в Духовном Регламенте, подписанном собственною Е го ж И м п е р а т о р с к о г о В е л и ч е с т в а р у к о ю, явные раскольники от живущих под видом православия раскольников, если они простой народ суть (?), если же учителя и аки бы пастырие раскольнические суть, совсем исключены, и только чтоб по всей России никто от раскольников на власти духовные и гражданские, даже до последнего начала и управления, возводимы не были. Итак, сим Е я И м п е р а т о р с к о г о В е л и ч е с т в а Указом подтверждается, что им, возвращающимся из за границы раскольникам, и их детям, яко записавшимся и в двойной оклад и по тем выше изображенным указам положенным, и с детьми их, никому ни от кого никакого притеснения чинено не будет, а сверх того: 1) что они в

¹ Арх[ив] Главн[ого] упр[авления Алтайского округа].

«без всякого опасения и страха», причем подтверждались обещанные ранее льготы, но с оговоркою, что этими льготами могут воспользоваться только добровольно возвратившиеся, относительно же «не самовольно возвращенных» заявлялось, что их «повелено отправлять в Сибирь для комплектования там учреждающихся вновь конных двух и пехотных пяти полков, также и на поселение»¹. По этому поводу Словцов говорит, что «выводимые с 1763 г. из Польши беглые..., оказавшись

рассуждении добровольного их выходу не токмо за побег в винах их, но и во всех до сего преступлениях, по силе вышеозначенного изданного от Ея Императорского Величества Манифеста, прощаются и отнюдь никем истязаны не будут; но еще 2) как в бритье бород, так и в ношении указного платья никакого принуждения им чинено не будет, но оное употреблять имеют по их обыкновению беспрепятственно; а сверх того 3) дается каждому на волю, к помещикам ли своим кто идти пожелает, или государственными крестьянами и в купечество записаться, а против желания никто иначе приневолен быть не имеет, и только должны они платить такой раскольнический оклад, какой и прочие здешние раскольники платят, а помещикам зачитаемы будут в рекруты, или из собираемых с них впредь по прошествии льготных лет доходов давана будет из казны некоторая плата, а они ничем, кроме обыкновенных в казну податей, отягощены не будут. И 4) с начала выходу их, раскольников, при поселении каждому дается от всяких податей и работ льгота на шесть лет. Однако ж, все вышеозначенное простирается на одних только тех, кои, до состояния вышеобъявленного Ея Императорского Величества в декабре 4 дня сего 1762 году Манифеста из отечества своего самовольно отлучась, за границу странствуют, а после того все такие вновь оказующиеся беглецы не только на прежнее жительство возвращены, но и жестоко за то сами, да и те, кто им в том помогли, наказываемы будут. 5) Впрочем же, все те выходящие из-за границы раскольники имеют без опасения являться на учрежденных пограничных форпостах и в пограничных первых городах и крепостях, где кому способнее, а именно: в Киеве, и в крепости Св. Елисаветы, в Смоленске, в Пскове, в Великих Луках, и на Дону, в крепости Св. Димитрия и в прочих пограничных местах, у главных в тех местах командиров, которым повелено при том их выходе чрез стоящие на форпостах воинские команды от всяких обид и притеснений охранять и, принимая с запискою мужеска и женска полу душ, не держав ни одного дня, разве они сами несколько времени для своего исправления пробыть пожелают, со всякими их пожитками, давая пашпорты, отпускать, кто куда пожелает, к поселению их во определенные и в печатных реестрах изображенные места, кои с того их желания и в пашпортах точно описывать, и когда в те, показанные к поселению их места они придут, тогда на оных и действительно им селиться на основании сего опубликованного

¹ Арх[ив] Главн[ого] упр[авления Алтайского округа].

негодными для предположенных на защиту Сибири ландмилицких полков, отсылались на поселение в разные места для распространения хлебопашества»¹.

По словам того же историка Словцова, несмотря на обещанные льготы, из Польши никто не явился добровольно². В противоположность Словцову, у П. Милюкова³ мы находим указание, что в Оренбургской губ. на р. Иргизе было основано несколько «новых монастырей, возникших вследствие приглашения Екатерины»; а проф[ессор] Беликов⁴ говорит даже: «хлынули волной раскольники из-за рубежа» и т. д. Из личных опросов выяснилось также, что, по крайней мере, некоторая часть раскольников пришла на Алтай добровольно. Так, в д. Черемшан-

Указу невозбранно; а дабы им, как при отпуске, так и в пути не токмо нигде ни малейшего задержания не было, но до определенных к поселению их мест свободно пропусканы и квартиры им беспрепятственно даваны были, равно же и по прибытии на определенные места в поселении ни от кого никакого препятствия чинено не было ж и, не отбирая и не требуя из их имения ничего, показывано б было им при том новом поселении все удобное вспоможение, о том ко всем губернаторам и воеводам указами из Сената накрепко подтверждено и повелено для ведома, сколько, когда, из какого звания мужска и женска полу душ действительно на то поселение прибудет и поселится, о том со объявления их присылать в Сенат ведомости». Подлинный за подписанием Правительствующего сената декабря 14-го дня, 1762 года».

К этому Указу был приложен «реэстр» местам, назначенным для поселения возвратившихся раскольников, эти места следующие: 1) В Сибирской губ., на Барабинской степи; 2) «в той же губернии, на состоящих в ведомстве Усть-Каменогорской крепости, по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и по прочим впадающим речкам во оные и в Иртыш реку местах», куда, как уже сказано, в 1760 г. Сенат разрешил селиться крестьянам, «которое поселение, яко на весьма выгодных местах, новым переселянам в лучшую способность служить может»; 3) в Астраханской губ., от Саратова вверх и вниз по Волге; 4) в Оренбургской губ., по рр. Сакмаре и Самаре и др. ближайшим речкам, и 5) в Белгородской губ., в Валуйском уезде.

¹ П. Словцов «Истор[ическое] Обзор[ение] Сибири». Кн. II.

² Там же.

³ Милюков [П.Н.] «Очерки из истории русской культуры». [СПб.: ред. журн.] «Мир Божий», 1896-97 гг.

⁴ Проф. Беликов [Д.Н.] «Первые русские крестьяне-населенники Томского края [и разные особенности в условиях их жизни и быта: (общий очерк за XVII и XVIII столетия)]» / Научные очерки Томского края. Томск: [Типолиитография М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского], 1898 г.

ке, Риддерской волости 80-летний старик объяснял мне появление поляков на Алтае следующим образом: «Наши деды по старой вере жили. Как стал царем Петр, наш гонитель, они ушли в Польшу, свою душу спасая. А Екатерина нам милости дала – мы и вернулись, только на свое место уж не пошли, а тогда в Сибирь вызывали, вот мы и попали сюда». Еще подробнее и определеннее рассказывал о добровольном переселении один крестьянин с. Бобровского г[осподину] Иванову, любезно предоставившему в мое распоряжение имеющиеся у него сведения о поляках Бобровской волости, и я приведу здесь этот рассказ дословно. «Мой прапрадедушка Василий вот что рассказывал про себя: «Был я у пана заведующим псарным двором, пан ездил на охоту, а я с собаками за ним ходил. Воротится пан домой, накормит собак, этим же кормом и меня кормит. Двое из наших давно уж подговаривали меня бежать в Сибирь, да я все не решался: догонит пан, думаю, убьет! Раз они говорят мне: «Мы идем, если хочешь идти с нами, сегодня ночью приходи туда-то, мы и тебя увезем». Пришла ночь, темная такая... Пойду, да как подумаю: «догонит, не уйти от смерти» – и вернусь назад..., а потом думаю: «жизнь моя хуже смерти, умирать, так умирать! Положил идти, поклонился на восток и пошел... Товарищи дожидались меня, я с ними отправился, и добрались мы до Лосихи¹, а потом сюда перешли».

Но наряду с подобными рассказами о добровольном переселении на Алтай, в тех же селениях мне пришлось слышать и прямо противоположные, по которым предки рассказчиков были высланы на Алтай после того, как «русские взяли Польшу», под этим, вероятно, нужно понимать усмирение восстания в Подолии в 1768 г., так называемая «Барская конфедерация». В той же Черемшанке, где я слышала приведенный выше рассказ старика, многие передавали историю своего поселения на Алтае совсем иначе. «Жили деды, – рассказывали они, – в хорошем месте, все там росло, и яблони, и груши, не то, что здесь... Да вздумали они бунтовать, их усмирили и сослали сюда. Ссылали наших двумя партиями: одна сюда шла, другая – в Иркутск; без всякого разбора хватали, кто в какую партию попадет, которые бабы из наших в иркутскую партию попали, к чужим мужикам, а ихние к нам... Потом уж, дорогой сменялись которые, отпросились у начальства, а другие так и ушли в Иркутск». Подобные же противоречивые рассказы относительно того, как попали на Алтай предки теперешних поляков, приходилось слышать и в других селениях: в д. Екатерининской, с. Лосихе и Староалейском.

¹ Лосиха или Верх-Убинское, волостное село Владимирской волости.

Таким образом, нужно признать, что не все алтайские поляки принадлежат к категории ссыльных, но среди них есть и добровольные переселенцы. К сожалению, имеющиеся у меня данные не позволяют определить точно, какую именно часть всех здешних поляков составляла последняя категория, но, вероятно, незначительную, судя, как по печатным источникам, так и по устным рассказам. Что же касается категорического утверждения такого авторитетного лица, как покойный историк Сибири, будто бы из Польши никто не явился добровольно, то, надо думать, это относится, собственно, к жителям Ветки, которые, как известно, действительно отказались переселиться, что в связи с их нападениями на соседние русские селения вызвало разгром Ветки генералом Масловым и ссылку ее жителей в Сибирь, о чем, между прочим, говорит и проф[ессор] Беликов в упомянутой выше статье: «Жители польской Ветки и раскольнических слобод около нее из-за рубежа выходить не хотели и, мало того, стали очень громко заявлять себя частыми разбоями, как в самой Польше, так и в сопредельных российских местах. Упорство и буйство беглецов заставили Императрицу послать туда генерал-майора Маслова с войском. Маслов разорил Ветку и вывел оттуда до 20 000 раскольников, которые и были затем препровождены в Сибирь. Немало их было поселено в Барабинской степи, но особенно много в Алтайских горах, по рр. Убе, Ульбе, Глубокой и прочим притокам Иртыша, с правой стороны. Это были прадеды тех раскольников, которые ныне составляют самое зажиточное население в Бийском и Змеиногорском округах, и которые известны там под странным именем «поляков» (выходцев из Польши)»¹.

Что касается времени поселения поляков на Алтае, то, по свидетельству Словцова, оно началось с 1763 г., т. е. тотчас же вслед за изданием вышеприведенного Указа 14-го декабря 1762 г., но, принимая во внимание, что большинство алтайских поляков пришло с Ветки и соседнего с нею Стародубья, надо думать, что главная масса их поселена здесь после 1764 г., т. е. времени разорения Ветки Масловым. Паллас, посетивший Алтай в 1770 г., уже застал существующими все «коренные» польские селения: Староалейское, Екатерининку, Шемонаиху, Верх-Убинское, Секисовку и Бобровку, причем Шемонаиху он называет «новостроенной деревней», а о Екатерининке говорит следующее, рассказав о том, что сюда, к полякам было приселено «некоторое число российских ссыльных», чем пер-

¹ Проф. Д.Н. Беликов. «Первые русские кр[естьяне]-населники Томск[ого] края» / Научные очерки Томск[ого] края.

вые были недовольны, так как ссыльные отличались «тунеядством», он поясняет это недовольство таким образом: «... ибо они сами с *прихода их летом* на отведенной им земле не только успели построить свои дворы, но...»¹ и т. д. Отсюда можно заключить, что Екатерининка была заселена поляками в предшествующем посещению Палласа, т. е. в 1769 г., а, вероятно, и Шемонаиха заселилась около того же времени, иначе Паллас не назвал бы ее «новостроенной».

Данные о времени основания других коренных польских селений менее определены, можно предполагать только, что они основаны ранее, так как у того же Палласа мы находим указание, что селение Староалейское уже в его время имело 150 дворов², а навряд ли можно допустить, что оно достигло такого многолюдства в один год, особенно, если сопоставить это с тем, что в Шемонаихе тогда же было всего 30, а в Екатерининке – 13 дворов³, хотя в настоящее время Шемонаиха значительно, почти на треть, многолюднее Староалейского, а Екатерининская – лишь настолько же малочисленнее. Относительно Секисовки, В[ерх]-Убинского и Бобровки Паллас ограничивается одним перечислением этих селений. Из Владимирского волостного правления мне дали сведения о времени возникновения сел В[ерх]-Убинского (Лосихи) и Секисовки, полученные, по словам волостного писаря, путем расспросов стариков. Но эти сведения, как основанные на рассказах местных жителей, большей частью имеющих лишь смутные воспоминания о прошлом, не могут быть точны, во-1-х, а, во-2-х, они, очевидно, относятся к существовавшим здесь ранее казачьим поселкам (Иртышская пограничная линия), на место которых уже впоследствии были поселены поляки, селения которых иногда, как в Бобровке и Лосихе, образовывались рядом с казачьими, иногда же лишь на месте последних, а казаки переводились во вновь открываемые форпосты и редуты: так, годом основания Лосихи показан 1737, а Секисовки – 1747 г., т. е. время, когда не возникало еще и мысли о поселении поляков на Алтае; казачьи же поселки того же названия могли в то время существовать, так как тогда уже была устроена значительная часть Иртышской пограничной линии.

Резюмируя сказанное, я прихожу к выводу, что периодом заселения Алтая поляками нужно считать 60[-е] годы прошлого столетия⁴,

¹ [Паллас П.С.] «Путешествие», ч. 2, кн. II.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Т. е. XVIII в. (Ред.)

именно с 1763 по [17]69 г., когда основаны были следующие селения: Верх-Убинское (Лосиха) и Секисовское, теперешней Владимирской волости, с. Шемонаевское и д. Екатерининская, Александровской вол., с. Бобровское, Бобровской [вол.] и Староалейское, Алейской вол., а, может быть, также с. Шипуниха и д. Каменка, Алейской же вол., так как, по словам поляков, эти селения принадлежат к числу «самых старинных, коренных наших селений, куда еще наши прадеды пришли»; впрочем, я должна оговориться, что о времени образования этих двух селений я не нашла никаких указаний ни в печатных, ни в архивных источниках.

Все жители названных селений, как пришедшие добровольно, так и сосланные, были поселены на правах государственных крестьян, с обязательством платить двойной податной оклад, установленный для всех раскольников Петром I. При поселении, наравне с другими поселенцами в Алтае, полякам выдавалось от казны «семян для засева 3 десятин, покосов на 50 копен, казенного хлеба 54 пуда и 5 р. на лошадь в виде безвозвратного пособия»¹. Переселенцы добровольные, сверх того, пользовались шестилетней льготой от всяких податей и повинностей.

Как сказано, польские селения устраивались возле бывших казачьих форпостов, редутов и защит, жители которых, казаки, частью оставались на своих старых местах и образовывали рядом с польским селением особый казачий поселок, имевший свое особое устройство и управление, так было, например, в сс. Лосихе и Бобровке, но большей частью казаки уходили на новую линию. Некоторые из казаков под влиянием поляков переходили в старую веру – «воспринимали древнее благочестие», как выражаются староверы, но большинство осталось православным и держалось особняком от последних. В те же селения, по крайней мере, в некоторые из них присылались и российские ссыльные, представлявшие также чуждый полякам элемент и лишь впоследствии, чрез более или менее продолжительное время, слившиеся с ними.

Может быть, из-за этого соседства православных, грозившего, по мнению староверов, опасностью чистоте «древляго благочестия», из-за нежелания «миршиться», быть в общении с никонианами, раскольники, оглядевшись несколько на новых местах, вскоре же начали расселяться по окрестностям и образовывать новые селения, состоявшие уже исключительно из «своих», и уже в конце прошлого века² явились три новые деревни, населенные исключительно поляками: Малая Убинка,

¹ П. Словцов «Ист[орическое] об[озрение] Сибири», кн. II.

² Т. е. XVIII в. (Ред.)

основанная в 1787 г., Быструха – в 1790 и Черемшанка – в 1799, а затем, в XIX веке и остальные, существующие в настоящее время.

Наряду с[о] стремлением обособиться, в расселении поляков мог играть роль и недостаток в некоторых селениях удобных земель, конечно, относительный, проистекавший большею частью из незнакомства с местными условиями и неумения бороться с природой. Так, о д. Староалейской Паллас говорит следующее: «Но сия многочисленная деревня не токмо имеет недостаток в лесе, но также и в доброй пахотной земле... Жители не имели почти с самого первого времени их поселения ни одной доброй жатвы и должны необходимо при всем своем рачении прийти в худые обстоятельства, если показанная им столь худая земля не будет переменена»¹. В Лосихе старики рассказывали мне, что раньше «трудно жить было: кругом лес, звери всякие водились. На пашню едешь с ружьем, лес огромный – топор не берет, каждый кусок земли чистить да корчевать приходилось... А народу у нас мало было, сил-то и не хватало, ну, и разъезжались по разным местам, где попривольней».

Вероятно, на образование новых поселков влияло также и быстрое возрастание населения. Так, в 1770 г., по данным Палласа, в Шемонаихе было 30 дворов, в Староалейской – 150 всего населения, вместе с ссыльными и оставшимися еще на старых местах семьями казаков, в Екатерининке – 13 дворов поляков (одних), а из ведомости о взыскании податей в 1781 г.² у одних поляков, за вычетом остальных групп населения, было *податных душ* муж. пола: в Шемонаихе – 66, в Староалейской – 178, в Екатерининке – 60, Лосихе – 91, Секисовке – 276, Бобровке – 194. Так как сведения о числе собственно поляков за 1770 г. имеются относительно одной только Екатерининки, то определить степень увеличения народонаселения можно только в ней же. Считая в среднем даже по две податные души на двор, что в сущности будет более среднего³, в 1770 г. в Екатерининке было всего 26 таких душ, а в 1781 г. – уже 60, т. е. за 11 лет население возросло более, чем вдвое. Относительно прочих селений, за отсутствием цифровых данных собственно о поляках за 1770 год, можно высказать только предположение, что,

¹ [Паллас П.С.] «Путешествие», ч. 2.

² Архив Усть-Каменогорского волостного правления в с. Глубоком, куда перенесена большая часть архива бывшей Крутоберезовской вол[ости], к которой ранее принадлежала вся описываемая местность.

³ По статистическим данным, в Алтае на двор в среднем приходится менее 1,5 податных душ м[уж.] п[ола].

при одинаковости главных условий поселения в них и Екатерининке, и прирост населения должен был также быть приблизительно одинаков.

Как государственные крестьяне, поляки были свободны от обязательных отношений к заводам, почему и не занимались никакими заводскими работами. Попав в глухой, отдаленный край, где не было никаких сторонних занятий, кроме горного дела, имевшего уже свой постоянный контингент рабочих, они, естественно, занялись хлебопашеством, развитие которого на Алтае, ради нужд того же горного дела, и составляло главную цель их поселения здесь. Уже Паллас, посетивший их всего лишь чрез несколько лет после их прихода сюда, говорит о шемонаевских жителях: «Оным поселянам можно в честь поставить, что они весьма рачительные и добрые земледельцы», а екатерининцев называет «трудолюбивыми земледельцами» и рассказывает, что уже тогда, т. е. на второй год их прибытия на Алтай, у них было две мельницы-мутовки¹. Помимо развития хлебопашества, Западный Алтай, по свидетельству того же Палласа, обязан полякам и развитием огородничества и пчеловодства, последнее в настоящее время составляет один из крупнейших промыслов края.

В одинаковых условиях с поляками стояли и российские «колодники», по своему положению ничем не отличавшиеся от первых и скоро настолько слившиеся с ними, что в настоящее время уже нет возможности определить, кто из жителей является потомком поляков, и кто – колодников, все безразлично называют себя поляками. Только те селения, где колодники поселены были отдельно – Выдриха, Большая Речка и др., еще помнят свое происхождение, и жители их отличают себя от поляков, но и у них в большинстве случаев существует самая тесная связь с поляками: все они также принадлежат к единоверцам и старообрядцам, а д. Выдриха, заселенная в 1747 году «колодниками» из Ишимского округа, Тобольской губернии, является даже в некотором роде религиозным центром для беглопоповцев, священник которых одно время жил здесь, и поляки охотно роднятся с выдринцами, почему большинство жителей этой деревни теперь представляет уже помесь ишимцев и поляков.

Вот и все, что дают документальные данные относительно времени и первоначальных условий поселения поляков на Алтае. Еще менее сведений имеется касательно их местожительства до побега в Польшу, и здесь приходится ограничиться исключительно рассказами самих поляков, воспоминания которых о прошлом, обыкновенно, очень смутны.

¹ [Паллас П.С.] «Путешествие», кн. II.

Известно, что они, за немногими исключениями, переселились на Алтай с так называемой Ветки и Стародубья, этих знаменитых центров раскола. Печатные источники¹ даже и не упоминают о других пунктах выхода поляков. Но вот рассказ бобровского крестьянина, сообщенный мне уже упомянутым В.П. Ивановым, долгое время бывшим народным учителем в с. Тарханском, Бобровской волости²: «Когда стали теснить за приверженность к старым книгам, старики наши с Федосеем Васильевичем³ бежали к Риге, где и поселились. Там сторона польская, пан к пану», и т. д. В с. Староалейском мне так же говорили, что «наши предки жили в Польше, где-то около Балтийского моря». Отсюда следует, что не все поляки пришли на Алтай из Подолии, но были выходцы и из других областей Польши.

О первоначальном своем местожительстве, откуда они бежали в Польшу, помнят лишь очень немногие. Приведенный рассказ Бобровского крестьянина о том, что «наши предки бежали с Федосеем Васильевичем», позволяет предположить, что эти предки жили ранее в Новгородском крае, так как известно, что родоначальник федосеевщины был там дьячком до своего побега в Польшу. В с. Староалейском мне совершенно определенно называли своей родиной посад Клиницы, Тверской губ.⁴, откуда «старики» бежали в Польшу, из которой и были высланы на Алтай «за бунт против бояр», в память чего многие получили прозвище «боярский», обратившееся впоследствии в фамилию, которую и сейчас носит значительная часть староалейцев. В Польше им жилось хорошо, пока их не стали «раздавать боярам», из-за чего и произошел бунт; с Алтая они несколько раз подавали просьбы о разрешении вернуться туда. В том же Староалейском я слышала и другой рассказ, несколько поясняющий о каком «бунте» идет речь. «Прадеды теперешних стариков наших, – говорил мне один старик, – при Пет-

¹ Паллас, Слобцов, Ядринцев и др.

² Во избежание повторений, оговорюсь здесь же, что большинство сведений о Бобровской волости доставлено мне г[осподином] Ивановым, которому и приношу благодарность за его любезность.

³ Основатель федосеевской секты, живший в конце XVII – начале XVIII в.

⁴ В этом рассказе, по-видимому, есть неточность: в Черниговской губ. есть посад Клиницы, населенный раскольниками, и, возможно, что предки староалейцев бежали в него из Тверской губ.; в воспоминании же их потомков, эти две различные местности слились в одну, хотя уверенно сказать этого, конечно, нельзя, так как названия Клин, Клиницы встречаются часто и в северной России.

ре I бежали из Вятской губ. в Польшу, на границу Австрии¹ и жили там до царицы Екатерины, которая взяла за себя эти места, а нас всех освободила от рекрутчины и от подушной подати, и жили мы вольно, сами по себе». В благодарность за это они поставили в каждом селении статую Екатерины, «чтобы и внуки наши поминали да чтили ее». Но потом оказалось, что льготы были даны на известный срок, по истечении которого их стали привлекать к отбыванию воинской повинности и «раздавать боярам разным». Тогда они «взбунтовались», изломали и уничтожили статуи Екатерины, которая будто бы «обманула» их, за что были сосланы на Алтай. Надо думать, что первый рассказ говорит о том же «бунте», вызванном, по-видимому, недоразумением раскольников, которые считали данные им льготы бессрочными. В Секисове и селениях Риддерской вол. жители помнят только, что до приезда сюда они жили «в теплых местах, в Польше», а некоторые прибавляют, что эти места «в Подолии, на Ветке», где их предки жили ранее, не знают: «ничего не слышали, надо быть, всегда тут (в Подолии) жили».

Эти рассказы в большинстве подтверждаются историческими данными или, по крайней мере, не противоречат им. Наиболее трудным является согласование рассказов поляков о том, что они сосланы «за бунт», с документальными и печатными источниками, в которых бунт совсем не упоминается. Но и это кажущееся противоречие, по моему мнению, устраняется вышеприведенным соображением, а также сопоставлением этих рассказов с тем фактом, что в 1768 г. в Подолии происходило усмирное в том же году восстание так называемых «барских конфедератов», в котором принимали участие и некоторые из русских подданных, живших в Подолии, причем последние по усмирении восстания были отправлены в ссылку, и таким образом могли попасть на Алтай, как не самостоятельные бунтовщики, а «подговоренные» к бунту «презрительными сочинениями», по выражению Екатерины, в Манифесте об объявлении войны Турции².

Откуда бы ни бежали староверы в Польшу, и как бы они ни попали оттуда на Алтай – в качестве добровольных переселенцев или ссыльных, все они, повторяю, в начале своего поселения стояли в одинаковых условиях, кроме шестилетней льготы от податей и повинностей, предоставленной добровольным; все они были государственными кре-

¹ Вероятно, под этим надо подразумевать ту же Ветку или Стародубье.

² Манифест 19 ноября 1768 г. Арх[ив] Главн[ого] упр[авления Алтайского округа].

стьянами и, как раскольники, платили двойную подать, за что назывались «двоеданами».

Но в 1779 г. их юридическое положение сразу и резко изменилось: в виду расширения горного дела на Алтае потребовалось увеличение контингента рабочих сил, и 21 мая 1779 г. был издан Манифест о приписке к заводам крестьян «из казенного ведомства», т. е. государственных, живущих в «ближних к заводам и рудникам» местностях¹. Первой, третьей и четвертой статьями этого Манифеста точно определялось, к каким именно работам и на каких основаниях следует привлекать приписных к заводам крестьян. Так как на основании этого Манифеста поляки переведены были из разряда государственных крестьян в приписные к заводам, что имело огромное влияние на их жизнь, то я приведу здесь целиком перечисленные статьи Манифеста.

Ст[атья] 1. «Приписным из казенного ведомства казенным и частных людей заводам крестьянам исправлять, как прежде, так и ныне следующие заводские работы, а именно:

1-е) рубку куренных дров;

2-е) разломку куч и возку из куреней на заводы угля;

3-е) рубку дров для обжога флюсов;

4-е) возку с рудников добытой готовой руды на заводы, также песков и всяких флюсов, к расплавке руд потребных;

5-е) дело и починку плотин в том единственно случае, когда те плотины от наводнения или пожара повреждены будут».

Ст[атья] 3-я. «1-е) Наряжать к рубке дров тех крестьян, кои от заводов далее других жительствоуют, дабы они, будучи уже от конных работ свободны, не имели нужды заводить с собою лошадей и иных, как только им самим потребно на провоз собственного прокормления;

2-е) К рубке дров крестьянам быть на месте к 15-му февраля; ранее сего к работе сей их не высылать; домой им возвращаться к 2-му апреля; позднее же сего при работе сей их не удерживать, под опасением за то и другое взыскания, ниже сего в седьмой статье означенного;

3-е) Наряжать к вывозке выжженного из куч угля, также руд и флюсов тех крестьян, кои от заводов ближе других жительствоуют, первым зимним путем; ранее же сего к работе сей их не высылать. Домой им возвращаться последним зимним путем; позднее же сего при работе их не удерживать, под опасением за то и другое взыскания, ниже сего в седьмой статье означенного».

¹ Арх[ив] Влад[имирского] вол[остного] правл[ения].

Ст[атья] 4-я. «Хотя сим распоряжением доставляется приписным к заводам крестьянам более прежнего свободного и удобного времени, необходимо нужного земледелию и хозяйству, но во облегчение способов к пропитанию их заблагорассуждаем и повелеваем умножить платеж за работы сим приписным крестьянам, определяя тот платеж вдвое против старого платежа, а именно: в летние дни конному по двадцати копеек, пешему – по 10 копеек; а в зимние конному – по 12, пешему – по 8 копеек в день, и с тем точным предписанием, чтобы они, пользуясь двойною платою, зарабатывали по нарядам на прежнем положении по одному рублю по 70 копеек с души; больше же того им не работать и их под опасением ниже сего в седьмой статье означенного взыскания к работам не принуждать».

Второй статьей того же Манифеста запрещалось требовать от приписных крестьян исполнения каких-либо иных заводских работ, сверх поименованных в статье первой, а пятая и седьмая статьи устанавливали взыскание за принуждение крестьян к «непозволенной работе» или к работе сверх определенного времени: с виновного взымали «в пользу обиженного пеню вдвое противу положенного в четвертой статье платежа заработного», не считая установленной за работу платы, которая выдавалась в свою очередь. Добровольный наем на работы сверх обязательных дозволялся.

Первые годы этот Манифест не имел практического применения, по крайней мере, в той местности, где жили поляки, так как здесь не было еще потребности в увеличении рабочих рук в горном деле, и местные крестьяне оставались фактически на прежнем положении, по-видимому, даже не подозревая о его изменении. Но с развитием горного дела на Алтае, с открытием новых рудников – Риддерского, Бухтарминского и др. в самом районе поселения поляков, явилась надобность в новых работах, потребовавших новых сил, и в 1798 г. поляки впервые были привлечены к отбыванию заводских повинностей наряду с соседними селениями¹.

Для поляков, до тех пор совершенно свободных от обязательных отношений к заводам, это было двойным ударом: помимо перехода в несвободное состояние, их тяготила и необходимость входить в близкие сношения с православными, отдавать своих детей на заводы к «мирским», от которых они ранее держались обособленно даже в тех случаях, когда приходилось, как в Лосихе, жить бок о бок с ними.

¹ Архив Усть-Каменогорского и Владимирского волостных правлений.

В том же 1798 г. поляки, состоявшие тогда в ведении Крутоберезовской и Убинской земских изб¹, вместе с[о] староверами-сибиряками соседних селений выбрали своими доверенными двух крестьян д. Выдрихи Сухорукова и Кривых и подали через них прошение в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства о переводе их обратно из заводского ведомства в государственные крестьяне, и о разрешении им переселиться на новые места. Просьбу свою они мотивировали тем, что, будучи приписаны к заводам, они не в состоянии заботиться об увеличении хлебопашества, что составляло главную цель их поселения здесь, да и вообще заводские работы нанесут ущерб их хозяйству, занимая время, нужное для его ведения. В том же прошении они жаловались на недостаток хлебопахотных и сенокосных земель, почему и просили перевести их на новые места.

В просьбе отчисления из заводского ведомства им было категорически отказано, с заявлением, что «никакого более перечисления им сделано не будет, а оставаться должны навсегда заводскими крестьянами и на ряду исправлять все оных работы, как и прочие заводские крестьяне исправляют». Относительно же перевода их на новое место, они должны подать особое прошение в Канцелярию горного начальства, которая, если найдет нужным, может их переселить в «Бухтарминское, Ульбинское или другое урочище, которые все в окружности заводской, поелику и во всех тех местах рудники и прииски имеются». Это предписание Канцелярии Крутоберезовская и Убинская земские избы должны были «объявить с подписками» всем крестьянам своего ведомства, «дабы впредь неведением никто не отговаривался»².

Из документов не видно, были ли еще попытки со стороны поляков освободиться от обязательных заводских работ. Если они и были, то во всяком случае неудачные, и с 1798 [г.] по 1861 г. поляки наравне с остальными алтайскими крестьянами оставались «приписными к заводам», несли все возложенные на них Манифестом 1779 года работы и взамен воинской повинности были подвержены рекрутскому набору в горнорабочие и мастеровые при рудниках и заводах, и набор этот производился одновременно и на одинаковых условиях с общегосударственным.

¹ «Земская изба» – административная единица, нечто вроде теперешней волости, в которую она и преобразована, но компетенция ее была гораздо шире, как в сфере административной, так и в судебной. Управление земской избой было в руках земского управителя.

² Арх[ив] Владимир[ского] вол[остного] правл[ения].

Самой обременительной из заводских повинностей была обязанность доставлять руду, дрова и прочий необходимый материал на заводы и рудники. Селения, где были ямские станции, отстояли друг от друга на 20-30 и более верст; дороги, которые и сейчас оставляют желать многого, в те времена были, конечно, еще хуже, и возчики зачастую ломали сани, загоняли и калечили лошадей, в бывающие же здесь сильные бураны и морозы отмораживали себе руки и ноги, а случалось, и вовсе замерзали, сбившись с пути и попав в какую-нибудь трущобу. Нелегка была и рубка дров, так как лес к концу прошлого столетия¹ был уже повырублен вблизи селений, и за ним приходилось ехать в горы, на склонах которых, главным образом, и сохранился нужный для заводов хвойный лес.

Но с наибольшей враждебностью поляки, как раскольники, относились к рекрутской повинности, в силу которой они вынуждены были отдавать своих детей в мастеровые при рудниках и заводах и, таким образом, терять их навсегда, так как до 1849 г. служба мастеровых была бессрочная, а новые рекруты посылались в различные рудники и заводы, сообразно заводским надобностям, иногда за несколько сот верст от родины, причем их семьи часто даже не знали, где они находятся. Эта повинность тяжела была для всех крестьян, но для раскольников, считавших грехом даже случайное общение с православными, она равнялась духовной смерти, так как при ней неизбежна была потеря «чистоты», а, следовательно, и гибель души. Поэтому они всеми средствами старались уклониться от нее: когда можно было, они откупались от нее при помощи взяток, если же откупиться не удавалось, бежали в горы, на Бухтарму, в Уймон и другие места – спасались от «мира» в свою излюбленную «мати-прекрасную пустыню», еще не оскверненную присутствием человека. Таким образом, в глуши Алтая, в трудно проходимых и почти недоступных горных дебрях появлялись новые русские селения, распространялась русская колонизация края.

Этим я и закончу исторический очерк поселения поляков на Алтае и перейду к их современному положению.

II

Район первоначального поселения поляков занимает северо-западные склоны Алтая, переходящие постепенно, рядом все более понижающихся горных гряд в холмистую степь, которая на западе сливается с Киргизскими степями.

¹Т. е. XVIII в. (Ред.)

Северо-западная часть этого района орошается реками Алеем (приток Оби) и Убою (приток Иртыша) с их многочисленными притоками и представляет холмистую степь с роскошным травяным покровом и плодородной почвой, вполне пригодную для хлебопашества и скотоводства. Долины горных речек, впадающих в Убу, большей частью заросли разнообразными цветущими кустарниками и деревьями: шиповником, жимолостью, акацией, черемухой и пр., перемежку с хвойными деревьями и представляют все удобства для устройства пасек.

Юго-восточный угол описываемой местности далеко вдаётся в горы, почему по своему характеру резко разнится от северо-западной части того же района: здесь местность гористая и лесистая, повышающаяся к югу до 3 000 футов, вместо открытой, залитой солнцем степи вы видите горные долины, окруженные со всех сторон высокими горами, склоны которых большей частью покрыты хвойным лесом, местами эти долины суживаются в дикие ущелья, по которым, между обнаженных каменных скал причудливой формы, с бешеным ревом несутся горные потоки, лишь постепенно, с расширением ущелий в долины, принимающие более спокойное течение. Главные реки этой части района – Уба и Ульба в их верхнем течении, составляющиеся каждая из нескольких горных речек и принимающие в себя массу притоков. Вследствие гористости местности и высоты положения, обуславливающей известную суровость климата, хлебопашество здесь развито уже гораздо менее, чем в предыдущей части района, зато превосходные пастбища и цветущие долины представляют все условия, необходимые для широкого развития скотоводства и пчеловодства, которые и являются главными занятиями местных крестьян.

Польские селения описываемого района принадлежат к Алейской, Александровской, Владимирской, Риддерской и Бобровской волостям, Змеиногорского округа; кроме того, до 50 дворов поляков живут в «сибиряцком» селе Саушке, Курьинской волости того же округа, но это село 3 года назад принадлежало также к Алейской вол., и живущие в нем поляки – выходцы из других селений той же волости и ничем не отличаются от своих бывших односельцев.

Две первые из названных волостей расположены в северо-западной, степной части «поляцкого» района; Риддерская занимает его юго-восточный, гористый угол, а Владимирская и Бобровская представляют переход от степи к горам.

Живут также поляки и в некоторых волостях Бийского округа: в Чарышской, Ануйской и Алтайской¹, куда они переселились уже из мест своего первоначального поселения на Алтае; есть они и в Забайкалье, где их называют «семейскими», и куда они были сосланы также при Екатерине II из Польши; по словам алтайских поляков, «много наших и на Уймоне, и на Бухтарме». Но обо всех этих местностях у меня, к сожалению, нет сведений, кроме отрывочных рассказов, так как районом моих наблюдений были только названные волости Змеиногорского округа, да и из числа этих последних Бобровскую мне не удалось посетить лично, и сведения о ней получены мною частью путем опросов встреченных мною бобровцев, частью же, как уже сказано, от г[осподина] Иванова.

В настоящее время в пяти волостях Змеиногорского округа имеется польских селений 21, а именно: в Алейской – 3 селения (сс. Староалейское, Шипуновское и д. Каменка); в Александровской – 2 (с. Шемонаевское и д. Екатерининская); в[о] Владимирской – 7 (сс. Верх-Убинское или Лосиха, Секисовское, дд. Быструха, Малая Убинка, Волчиха, Зимовская и Александровская); в Риддерской – 6 (дд. Черемшанка, Бутакова, Поперечная, Стрежная, Пихтовка и с. Орловка²); наконец, в Бобровской волости – 3 селения (сс. Бобровское, Тарханское и д. Чистополька).

Из этих селений только 6 относятся к первоначальным пунктам поселения поляков – Староалейское, Лосиха, Секисовское, Шемонаевское, Екатерининская и Бобровское; об образовании Шипунихи и Каменки нет точных сведений; все же остальные – выселки названных шести селений, большей частью с. Секисовского, про которое его жители говорят: «Наша Секисовка плодущая матка была, никак десять роев отсадила». Действительно, выходцами из Секисовки основаны все шесть польских селений Риддерской волости и четыре Владимирской – Быструха, М[алая] Убинка, Волчиха и Зимовская. Из других селений: д. Александровская выселилась из Быструхи, Тарханка – из Бобровки, Чистополька – из Тарханки.

¹ Ал. Михайлович «Русская колонизация горного округа Алтая», оттиск из Тобол[ьских] губ[ернских] вед[омостей]. 1896 г.

² Все названные селения Риддерской волости ранее входили в состав Владимирской вол[ости] и лишь впоследствии причислены к первой, до того времени состоявшей из одного только горнозаводского села Риддерского, а именно: Поперечная и Стрежная причислены в 1867 г., а остальные – в 1875 г.

Год образования коренных селений уже указан в предыдущей главе, насколько его можно установить по имеющимся данным. Здесь же я приведу только данные Владимирского и Риддерского волостных правлений относительно времени основания выселков, так как о других волостях я не могла получить этих сведений.

Владимирская волость		Риддерская волость	
Малая Уби[н]ка основана в	1787 г.	Черемшанка основана в	1799 г.
Быструха «	1797 г.	Бутакова «	1805 г.
Волчиха «	1856 г.	Поперечная «	1832 г.
Зимовская «	1867 г.	Стрежная «	1850 г.
Александровская «	1880 г.	Орловка «	1858 г.
		Пихтовка «	1867 г.

Таким образом, из 11-ти выселков, о которых имеются сведения, 8 основано до 1861 г., т. е. до времени освобождения от обязательного труда, и только 3 – после этого. Если же принять во внимание, что за год основания волость считает год официального, так сказать, признания данного селения за самостоятельную единицу, то придется отнести и д. Зимовскую к селениям, образовавшимся ранее [18]61 г. По крайней мере, в Горном архиве Риддерского рудника я нашла за [18]50-е годы переписку бывшего Горного правления с Риддерской горной конторой о неимении препятствий к образованию этой деревни. Из рассказов же самих зимовцев, еще задолго до этого несколько секисовских дворов выселилось из Секисова на то место, где теперь стоит деревня, с целью образовать здесь ямскую станцию. Ранее «станок», т. е. расстояние между станциями Секисовкой и Черемшанкой, равнялся 41 версте, и при убийственной дороге по горам, особенно в зимнее время, когда крестьяне обязаны были возить руду, трудно было делать без перепряжки такой длинный переезд, и люди, и лошади выбивались из сил даже в благоприятную погоду, а в бураны лошади «и совсем пропадали», случалось, замерзали и люди. Поэтому секисовцы, чтобы облегчить себе возку руды для Риддерского рудника, надумали часть своих дворов выселить на половину расстояния до Черемшанки, туда, где стояла уже избушка, «зимовье» одного из секисовских крестьян, и где рудовозы могли бы покормить лошадей и обогреться сами до возвращения назад, сдав руду поселившимся на зимовье для доставления в Черемшанку.

Как иногда бывает велик промежуток времени между фактическим образованием селения и его официальным признанием, можно видеть на примере д. Поперечной. По волостным данным, она основана в 1832 г., а между тем уже в 1825 г. был составлен план на землю, отведенную крестьянам Серову и Дерябину «с товарищи» в количестве 3 400 десятин, считая и неудобную, на 61 д[ушу] муж. пола, «в вершинах Убы и при устье речки Поперечной, а от Риддерского рудника в 25-верстном расстоянии»¹, т. е. в том самом месте, где и сейчас стоит д. Поперечная, первыми садчиками которой были названные крестьяне, поселившиеся там задолго до составления плана. Таким образом, вышеприведенные даты указывают только время, когда данные селения были официально признаны самостоятельными единицами, время же фактического их основания неизвестно.

Все польские селения четырех волостей, посещенных мною лично, Алейской, Александровской, Владимирской и Риддерской имеют однородный состав населения: жители их, почти исключительно потомки поляков, с примесью породнившихся с ними ссыльных, а отчасти и казаков; «российцев» и «сибиряков» здесь очень мало, каких-нибудь 3-4 семьи разночинцев, т. е. торгующих, писарей и т. п., да в некоторых селениях единичные семьи переселенцев, проживающих здесь временно. Только в селениях Алейской волости переселенцы причислены и входят в состав постоянного населения. [См. таблицу на стр. 280.]

По волостным данным за 1897 г., польские селения четырех названных волостей имеют следующий числовой состав населения, из которого в селениях Алейской волости переселенцы выделены в особую группу, чтобы сделать очевиднее, как незначительна примесь постороннего элемента даже в этих селениях.

Всего, следовательно, по четырём волостям польских селений – 18, с общим населением в 13 579 м[уж.], 13 831 ж[ен.], 27 410 душ об[оего] пола. Исключая отсюда 82 м[уж.], 90 ж[ен.], 172 души об[оего] пола переселенцев, получаем 13 497 м[уж.], 13 741 ж[ен.], 27 238 душ об[оего] пола одних поляков, если не считать те единичные семьи «разночинцев», которые, как сказано выше, найдутся во всех этих селениях. Не имея официальных данных о числе «разночинцев», я не могу определенно сказать, как велика примесь постороннего элемента в селениях Александровской, Владимирской и Риддерской волостей, но во всяком

¹ Горн[ый] Арх[ив] Риддерского рудника.

Волости	Селения	Поляков			Переселенцев			Всего		
		М[уж.]	Ж[ен.]	Итого	М[уж.]	Ж[ен.]	Итого	М[уж.]	Ж[ен.]	Итого
Алейская	с. Староалейское	1 052	1 114	2 166	45	49	94	1 097	1 163	2 260
	« Шипуновское	791	860	1 597	17	19	36	808	825	1 633
	д. Каменка	747	757	1 504	20	22	42	767	779	1 546
Александровская	с. Шемонаевское	1 894	1 893	3 787	-	-	-	1 894	1 893	3 787
	д. Екагерининск[ая]	840	857	1 697	-	-	-	840	857	1 697
Владимирская	с. Верх-Убинск[ое]	1 612	1 642	3 254 ¹	-	-	-	1 612	1 642	3 254
	« Секисовское	1 628	1 595	3 223	-	-	-	1 628	1 595	3 223
	д. Быструха	824	843	1 667	-	-	-	824	843	1 667
	« Зимовская	233	221	454	-	-	-	233	221	454
	« Александровск[ая]	321	334	655	-	-	-	321	334	655
	« М[алая] Убинка	1 158	1 171	2 329	-	-	-	1 158	1 171	2 329
Риддерская	« Волчиха	149	138	287	-	-	-	149	138	287
	д. Бутакова	433	455	888	-	-	-	433	455	888
	« Черемшанка	851	854	1 705	-	-	-	851	854	1 705
	с. Орловка	319	337	656	-	-	-	319	337	656
	д. Пихтовка	119	120	239	-	-	-	119	120	239
	« Поперечная	411	477	888	-	-	-	411	477	888
	« Стрежная	115	127	242	-	-	-	115	127	242

¹ В это число не входят казаки форпоста Верх-Убинского, составляющего, собственно говоря, часть с. Лосихи, от которого он отделяется лишь маленькой речкой Козлушкой.

случае она еще незначительнее, чем в Алейской. Так, по сведениям, собранным мною при личных опросах населения, в д. Черемшанке живет 3 семьи сибиряков и 2 татар; в Бутаковой – 1 семья горнозаводских обывателей из с. Риддерского; в Зимовской – 1 семья переселенцев-тоболяков (непричисленных); в Лосихе мне объясняли: «Мы российских не любим и в общество не принимаем; а так (т. е. без причисления) живут которые недолго, покуда не найдут себе места; еще торгующие у нас есть приезжие, а больше все наш брат – поляки»; в Секисове поляки уверяли меня, что в их селе «совсем нет» посторонних и т. д. Таким образом, процент постороннего элемента должен быть выше всего именно в Алейской вол., к 172 переселенцам которой нужно еще прибавить несколько семей разночинцев, что в общем даст не более 200 душ об[оего] пола всех посторонних, или около 3,5% всего населения в польских селениях этой волости.

Относительно Бобровской волости у меня нет числовых данных ни о ее населении, ни о поляках в частности, мне известно только, что с. Бобровское имеет смешанное население – сибиряков и поляков, не считая казаков, которые, как и в Лосихе, составляют отдельный поселок; с. Тарханское населено почти исключительно поляками; что же касается Чистопольки, то о ней я знаю только, что жители ее выходцы из с. Тарханского.

Таким образом, по естественно-географическим своим условиям местность, где живут поляки, может быть разделена на две почти равные по пространству части: северную – степную, почти безлесную с плодородной почвой, где главными занятиями жителей являются хлебопашество и скотоводство, и южную – гористую, в которой, благодаря высоте положения и недостатку удобных земель, хлебопашество уже развито гораздо менее, а первое место наряду с[о] скотоводством занимает пчеловодство. Между этими частями нельзя провести резкой границы, и холмистая степь постепенно переходит все в более возвышенные горные долины, окруженные высокими горами и имеющие своей юго-восточной границей Ивановский и Проходной белки.

Селения поляков сосредоточены более в южной, гористой части района, в степной их только шесть: Шипунова, Каменка, Староалейское, Шемонаиха, Екатерининка и Лосиха. Зато в степной части расположены наиболее многолюдные села – Староалейское, Шемонаиха, Лосиха имеют каждое по 2-3 тысячи душ с лишком, а самое меньшее – Каменка, более полуторы тысячи. Селения же, лежащие в горах, уже значительно меньше по своим размерам, из них только четыре имеют

более тысячи душ – Секисово, Быструха, М[алая] Убинка и Черемшанка, но и те относятся, собственно, не к гористой, а скорее к переходной полосе, где горы еще невысоки и часто прерываются широкими долинами, сливающимися на западе с[о] степью.

Во всех этих селениях коренные жители – потомки «польских выведенцов» и «колодников» из различных губерний Азиатской и Европейской России; примесь постороннего элемента так незначительна, что ее можно не принимать во внимание, тем более, что в большинстве селений этот элемент составляют «разночинцы» – писари, торговцы и т. п., не принимающие непосредственного участия в деревенской жизни. Исключение составляет с. Бобровское, где поляки живут смешанно с сибиряками; казаков, живущих в отдельном поселке, только рядом с с. Бобровским, как и в Лосихе, я выделяю из числа жителей самого села, так как они имеют свое собственное, отдельное от крестьянского устройство, землевладение и пр.

III

Обособленность поляков должна была способствовать сохранению среди них тех характеристических черт, которые отличали их от сибиряков в первое время их поселения здесь.

Действительно, уже при въезде в селение поляков, вы замечаете что-то необычное для Сибири, напоминающее старинную русскую деревню: улицы широки, чисты и покрыты зеленой травой; перед многими домами у окон деревья, из-за домов виднеются маленькие садики, самые дома большей частью старинной русской архитектуры – высокие крылечки с точеными столбиками, часто раскрашенными в разные цвета, под ними дверь в «клеть», т. е. кладовую, затейливая резьба на окнах и крыше, деревянные петухи над окнами или на воротах. Все это, взятое вместе, так резко отличается от преобладающего типа сибирских деревень, с их обязательною грязью и навозом на улицах, отсутствием садов и однообразными, казарменного вида постройками, напоминающими скорее огромные ящики, чем дома, что бросается в глаза всякому с первого взгляда.

Еще более обращает на себя внимание внутреннее убранство домов. С крыльца дверь, часто украшенная различными рисунками, произведением доморощенных художников, ведет в сени, которые делят дом на две половины – чистую, или «светлицу» и черную, или «избу». На

потолке в сенях подвешены птицы, сделанные из соломы, с бумажным хвостом и головою. Каждая половина дома состоит, смотря по богатству хозяина, из одной или двух и даже трех комнат. В «избе» находится кухня и домашние комнаты для хозяев, а также и кладовая, где хранится разный скарб – одежда, посуда и т. п. «Светлица» назначается для приема гостей, в ней же помещается и спальня молодых, если у хозяев есть женатый сын или замужняя дочь, муж которой «принят в дом», т. е. живет с родителями жены, а не уводит ее к себе. Обязательные украшения всех комнат, как черной, так и чистой половины – зеркала, на которых повешены полотенца с вышитыми концами, и вокруг потолка гирлянды желтых махровых цветов, очень долго сохраняющих свой цвет и вид. В переднем углу первой от входа комнаты – божница с несколькими иконами старинного письма; в числе их обязательно имеется распятие – раскольнический осьмиконечный крест с изображением Св[ятого] Духа над ним, сделанный из металла и прибитый к раскрашенной и разрисованной цветами и звездами деревянной доске, из других икон чаще всего встречаются изображение Божией Матери и «града Иерусалима». Вокруг божницы развешаны разные картины религиозного содержания, портреты царской фамилии и т. п. На небольших окнах, с кусками разноцветных стекол в нижней части рамы – цветы: бальзамин, фуксия, герань и др. Стены большей частью бревенчатые, гладко выструганные, реже выбеленные или покрытые обоями. Постель «молодых» отделена пестрым ситцевым занавесом от комнаты и всегда содержится в порядке. Печи выбелены, а низ их обшит досками, на которых доморощенные художники масляными красками изображают разные фантастические цветы с не менее фантастическими птицами на них. Иногда вместо цветов изображаются целые сцены из деревенской жизни: на темно-красном или зеленом фоне хоровод, из которого выходит девушка навстречу казаку или солдату, подъезжающему к хороводу на снях, а затем девушка уже оказывается в снях, рядом с казаком. Любопытно, что в этих картинах в качестве экипажа всегда фигурируют сани, хотя изображается обыкновенно лето, судя по цветам. Косяки в окнах и двери, а иногда и потолки, также украшаются этими рисунками, большей частью цветами и птицами, а также красными, синими и зелеными кругами, представляющими солнце. Вместо рисунков красками, на дверях, особенно на входных, часто встречается резьба, изображающая те же лучистые круги или цветы с птицами. Мебель – шкафы, стулья, столы, лавки и кровати, обыкновенно, также раскрашены.

Чистота везде образцовая, особенно в «светлице», которая в двухэтажных домах устраивается в верхнем этаже, и вообще весь дом производит впечатление мирного и уютного убежища. Сидя в чистой комнате у окна, выходящего на галерею, которая окружает верхний этаж, и любясь дивной панорамой зеленых гор, увенчанных «шкилями», т. е. обнаженными каменными громадами причудливой формы, которые кажутся какими-то фантастическими замками, построенными для защиты раскинувшейся у подножия их мирной долины, с чистеньким селением и неумолчно лепечущими горными речками, по берегам которых бродит тучный скот, а дальше виднеются роскошные нивы и пашки, выглядывающие из цветущих рощ; любясь этим пейзажем, залитым солнечным сиянием, и вдыхая чистый горный воздух, вы начинаете понимать тяготение раскольников к «пустыне», так как здесь, вдали от ожесточенной борьбы за существование, в этой плодородной местности, щедро вознаграждающей труд человека, можно жить спокойно, тихую жизнь, не гонясь за «новшествами», не меняя вековых, традиционных воззрений, вообще, сохраняя в неприкосновенности все, полученное путем наследственности от предков, до этнографического типа включительно.

Действительно, по своему типу алтайские поляки с первого же взгляда напоминают типы Европейской России и резко отличаются от соседей-сибиряков, в наружности которых гораздо более сказывается примесь инородческой крови. Это объясняется принадлежностью поляков к староверию, воспрещающему сближение с иноверцами под опасением «погубления души», вследствие чего поляки жили особняком от прочих элементов алтайского населения, и скрещивание между ними было, если не совсем невозможно, то, во всяком случае, крайне ничтожно.

Прежде всего, поляки отличаются замечательно красивой, стройной фигурой, доходящей у женщин до поразительного изящества, что их сразу выделяет из массы остального населения, большей частью обладающего далеко не красивой, а, пожалуй, и неуклюжей фигурой. Черты лица мягкие, часто волнистые или вьющиеся волосы, невысокий, но широкий и прямой лоб, большие глаза, прямой нос и правильный овал напоминают описания древних славян, и этот тип преобладает среди поляков.

При этом нужно заметить, что поляки, населяющие степные волости описываемого района – Александровскую, Алейскую и часть Владимирской, имеют более великорусский тип: русые волосы, мяг-

кие, несколько расплывчатые черты лица, коренастая, крупная фигура и чистый великорусский говор, напоминают крестьян центральных губерний России; южная часть Владимирской волости, начиная от с. Секисовки, и Риддерская волость, наоборот, населены, по-видимому, потомками южноруссов: смуглые лица с тонкими и резкими чертами, темные волосы, глаза «с поволокой» и тонкие, стройные фигуры, а также малорусское произношение буквы **г** и употребление выражений вроде *треба, хиба, подивитсья* (вм[есто] посмотреть) заставляют вас подчас забывать, что вы находитесь в Сибири, а не в Малороссии, и вы невольно ищите глазами белой «хатки» и «вишневого садочку».

Это различие в типе и говоре между поляками южных и северных волостей, надо думать, имеет свою причину в первоначальном происхождении тех и других. Как уже сказано, часть поляков родом из северной России, судя по их рассказам; благодаря обособленности раскольников от окружающего населения, они сохранили неприкосновенными свои типические особенности за время пребывания в Польше, не утратили их и на Алтае, где из назначенных под их поселение местностей выбрали менее гористые, степные волости теперешнего Змеиногорского округа, как более приближающиеся по своим условиям к их прежней родине. Другая часть, также по их собственным словам, пришла из Подолии, где их предки «всегда жили», и поселилась на Алтае в горах, к которым привыкла еще на родине. Здесь, в долинах, окруженных со всех сторон горами, вдали от всяких трактов постороннее влияние, можно сказать, совсем отсутствовало, а это не могло не способствовать сохранению в большей чистоте первоначального типа населения, почему малорусское происхождение последнего и сейчас сказывается явственно и в наружности его, и в говоре, несмотря на то, что в последние годы и в этот заповедный уголок начинает все сильнее проникать посторонний элемент в лице переселенцев, разночинцев и пр.

О населении Бобровской волости, со стороны физического типа, я не могу судить, так как лично видела лишь нескольких человек бобровцев, что, конечно, не дает права делать какие-либо заключения, письменные же данные, имеющиеся у меня, совершенно не касаются их наружности. Указания на то, что игры и увеселения деревенской молодежи напоминают рассказы Гоголя из малороссийской жизни, и распространенность песен, в которых встречается много малорусских выражений и упоминается о казаках, Дунае и т. п., позволяет только высказать предположение, что, вероятно, и среди бобровцев есть южноруссы.

Все поляки носят особый костюм, представляющий из себя смесь древнерусского с польским. Мужчины стригут волосы по раскольничьи, с «челкой» на лбу, мальчикам выстригают коротко макушку, оставляя длинные волосы по бокам. Головной убор летом – войлочная шляпа «гречневиком», тулья которой перевивается в несколько рядов цветной тесьмой или позументом, молодежь носит больше круглые шляпы, украшенные разноцветными перьями. Зимой шляпа заменяется шапкой из какой-нибудь материи с высоким барашковым околышем, дно шапки большею частью делается четырехугольное, на манер конфедераток. Старинная шапка «малахай» уже вышла из употребления, и мне ее показывали, как редкость, только два старика, у остальных ее совсем нет, по форме она почти не отличается от киргизского малахая.

Верхняя одежда летом состоит из «балахона» (кафтан в талию, сделанный из цветной бязи, синей крашенины и т. п. и расшитый в проймах, на плечах и узеньком, стоячем воротнике разноцветными шнурами) и шляпы, которая, впрочем, надевается только в дальнюю дорогу или в праздники, в будни же, обыкновенно, ходят с открытой головой, разве дождь заставит надеть шляпу. Вместо балахона в дождливую погоду надевают «курточку» в талию, из домашнего сукна, достигающую до пояса и также расшитую шнурами. Поверх балахона или курточки надевают еще «халат» – длинное, широкое пальто, напоминающее азиям, летний халат делается также из домашнего сукна, а зимний – стеганный на вате. Воротника у халата нет, ворот же обшивается широкой полосой плиса или бархата, вышитой разноцветными шерстями. Шубы на меху поляки не носят, по крайней мере, в своей деревне, и я не видала ни одной, хотя, возможно, что в случае зимней поездки куда-нибудь далеко они и надевают шубы или дохи.

Домашний костюм мужчины – рубаха-косоворотка и шаровары, заправленные в высокие сапоги; босиком ходят только дети, да и из тех немногие. Рабочая одежда шьется из пестряди или белого холста, в последнем случае рубашка большей частью бывает вышита, но и пестрядинная, и холщевая обязательно имеют цветные ластовицы, чаще из красного кумача, которым также обшивается и ворот. Праздничная одежда делается из пестрого ситца, как рубаха, так и шаровары. Ситец, обыкновенно, красный с зелеными, желтыми разводами. В последнее время стали входить в употребление шерстяные материи на рубашки и плис – на шаровары. Ситцевые и шерстяные рубашки вместо вышивки обшиваются позументом, разноцветными шнурами, а по подолу – покупными кружевами. Косоворотка иногда заменяется блузой.

Все это – ситец, плис, кружева, блуза – нововведение последнего времени. Старинная же, национальная, так сказать, одежда поляков – это холщевая, вышитая рубашка-косоворотка, отличающаяся от общерусской тем, что имеет сборки на клиньях, а также вышивкой: вышивается грудь и спина до пояса, подол и низ рукавов, да и самый шов смесь русского, малороссийского и киргизского. К вышитой рубашке полагались холщевые и также вышитые шаровары. В настоящее время вышитых шаровар давно уже не носят, а вышитая рубашка считается будничным костюмом. Впрочем, и до сих пор сохранился обычай, чтобы невеста дарила жениху холщевую вышитую рубаху своего рукоделья, хотя и в этом случае она все более вытесняется покупной, из фабричных материй, причем невестино «рукоделье» ограничивается шитьем ее и нашивкой позумента, кружев и т. п. Значение одежды собственного изделия, как освященной временем, сказывается также в том, что старухи шьют себе и мужьям «смертное», т. е. погребальный костюм обязательно из холста, сотканного ими самими, и вышивают также сами. Но этого костюма, по рассказам, имеющего старинную форму, мне видеть не удалось, так как показывать «смертное» постороннему, тем более «мирскому» считается большим грехом.

Женский наряд наравне с мужским подвергся изменениям, и на нем также отразилось распространение фабричных изделий. Прежние кубовые, а для торжественных случаев шерстяные или шелковые косоклинные сарафаны – «дубасы» заменились обыкновенными русскими сарафанами со сборками сверху; шьются они из пестрого ситца ярких цветов, редко только на какой-нибудь старухе можно увидеть холщевый кубовый сарафан, но и то прямой, а не косоклинный. Холщевые вышитые рубашки также вышли из употребления, и женщины даже на работу надевают рубашки, верхняя часть которых и рукава шьются из ситца, и только нижняя часть – «стан» сделана из холста. Сарафан подвязывают поясом, искусно вытканым из разноцветной шерсти, с кистями или бахромой на концах, которые украшаются также пуговицами, такой же пояс носят и мужчины. Поверх сарафана надевается еще фартук, иногда вышитый, но чаще покупной, или «нарукавни» – фартук, доходящий до горла спереди, а сзади оканчивающийся у лопаток, и имеющий узкие рукава. Сарафан, рубашка, нарукавни вышиваются разноцветными шерстями; в фартук часто вставляются полосы бархата с разноцветными вышивками; ворот рубашки и обшивка у сарафана, кроме вышивки, украшаются еще позументом.

Волосы женщины плетут, как и вообще русские крестьянки, замужние в две косы, обернутые вокруг головы, а девушки – в одну, распущенную по спине; к косе девушки привязывают длинные ленты или «подвески» – бисерные или вязаные шерстяные полоски с бахромой и пуговицами. Головной убор девушки очень красив: носят шали, свернутые широкой полосой, которая накладывается серединой на лоб и обертывается вокруг головы, концы же ее сзади перекручиваются и искусными завитками переводятся снова наперед, получается очень красивый и оригинальный убор, нечто вроде короны, высокой спереди и понижающейся сзади; темя остается при этом открытым. За закрученные концы, с боков и спереди, прикалывают живые цветы, а за неимением их – искусственные, сделанные из бумаги или шерсти, и даже втыкают конфеты в разноцветных бумажках. Спереди под шаль прикрепляют перья дикого селезня – «косички», концы которых падают на лоб, напоминая дамскую «челку». В будни и на работу девушки повязывают голову обыкновенным ситцевым платком, сложенным в косынку, причем все концы сзади скалывают вместе булавкой, пришпиливая тут же и букет цветов. В дорогу, поверх описанного головного убора, покрываются большой шалью.

Замужние женщины носят еще более разнообразные головные уборы. Непосредственно на волосы они надевают «кичку» – особое сооружение из проволочных обручей, обтянутых ситцем или холстом, чтобы уборы не прилегали к голове. Поверх кички надевают шаль, свернутую на особый манер: сложив шаль косынкой, заворачивают широкий край ее полосой не до конца, как девушки, а оставляя средний угол не завернутым для прикрытия темени, так как замужние женщины не имеют права ходить с непокрытыми волосами; пожилые распускают концы шали по спине, а молодые закручивают их вокруг головы. Такой убор, кичка вместе с покрывающей ее шалью, называется «шашмурою», и носят его в будни. В праздник надевают особый убор, называющийся весь вместе просто «кичкою». Состоит он из кички собственно, т. е. описанных выше обручей, на которую надевается «кокошник» из шелка или бархата, сплошь вышитый серебром и золотом и имеющий форму наколки с широким околышем спереди, сзади к кичке подвязывают «подзатыльник», закрывающий весь затылок и делающийся также из шелка или бархата с вышивкой серебром и золотом, внизу подзатыльника пришивают серебряную или золотую бахрому, промежуток между кокошником и подзатыльником закрывается шалью, которая обвива-

ется вокруг головы, и за которую молодые бабы также втыкают цветы. В дальнюю дорогу также укутываются шалью, завязываемую у пояса.

На похороны девушки и женщины надевают, сверх описанных уборов, белые кисейные «покрывала», одним краем обвязываемые вокруг лица и зашпиливаемый под подбородком. Ранее такие покрывала было обязательно надевать всем – замужним и девушкам, когда они отправлялись на богослужение; теперь же даже из старух редкие надевают их иначе, как на похороны. Кроме того, «покрывало» – обязательная принадлежность подвенечного костюма, который только этим и отличается от обыкновенного праздничного. Но подвенечное покрывало гораздо длиннее похоронного: оно делается длиной в три аршина, и делалось раньше не из кисеи, а из какой-то золототканной шелковой материи – «коновата», впрочем, некоторые, кто побогаче, и теперь употребляют на покрывало шелковую материю вместо кисеи.

Верхняя женская одежда почти та же, что и у мужчин: халат летом из домашнего сукна, зимою – ватный; покрой его одинаков с мужским, только вышивки, может быть, несколько шире и разнообразнее. Женщины носят шаровары и вместо открытых башмаков, в которых ходят дома, надевают высокие сапоги, когда идут в поле или едут верхом, при этом сарафан подбирается вокруг пояса. Чулки в настоящее время носят белые или одноцветные красные и синие; прежде не только женщины, но и мужчины носили узорчатые чулки из разноцветной шерсти, с разноцветной же бахромою, которую выпускали поверх сапог, теперь такие чулки можно встретить лишь у немногих, как редкость, и над ними смеются деревенские щеголи и щеголихи.

Польский костюм, в особенности женский, изобилует украшениями. Серьги, кольца и «бисера» составляют необходимую принадлежность женского туалета. Серьги делаются серебряные, в виде огромных колец, или маленькие, но с длинными серебряными же подвесками; щеголихи носят зараз по двое серег – и круглые, и длинные. Кольца и перстни также увидите почти у каждой женщины, как замужней, так и девушки, разве какая из бедных решится выйти на игрище без колец на пальцах. «Бисера», т. е. ожерелье, очень разнообразны, начиная от золотых и серебряных монет до дешевеньких стеклянных бус; ожерелье большей частью делается в несколько рядов, по возможности ярче и разнообразнее. О вышивках и кружевах, украшающих даже мужские рубашки, я уже говорила. Но главным украшением являются цветы, преимущественно живые, но за недостатком их и искусственные. Их

носят и мужчины, и женщины: мужчины на шляпах, а женщины – на головных уборах и поясах, благодаря чему, «хоровод», как здесь называют собирающуюся на игрища толпу молодежи, парней и девушек, кажется живым, движущимся цветником: цветы на головах, миловидные цветущие лица девушек, яркие колера одежды – все это гармонирует одно с другим и не режет глаз, составляя художественное целое с зеленой лужайкой, залитой горячим светом почти южного солнца.

Описанный костюм носят все поляки Змеиногорского округа, хотя в каждом селении он имеет свои особенности, благодаря которым, жителей одного селения всегда можно отличить по костюму от жителей другого. Так, в д. Стрежной и Поперечной мужчины носят обычный в Сибири крестьянский костюм, некоторые ходят даже в «пиньжаках», вышитые же рубашки употребляются лишь в особо торжественных случаях – на свадьбу, похороны и т. п. Женщины также редко надевают кичку с кокошником, чаще же ограничиваются шашмурой, а то и просто повязывают голову шалью, распуская концы ее по спине; вышивки на рубашках и фартуках почти исчезли, заменившись набивными ситцами фабричного изделия; под сарафан часто надевают пестрядинную или синюю холщевую рубашку без всяких вышивок, только ластовицы да обшивка ворота и рукавов делаются из красного кумача.

Д[еревня] Бутакова и, в особенности, Черемшанка сохранили в наибольшей чистоте старинный костюм, но и между этими деревнями все-таки замечается разница: в костюмах бутаковцев преобладают темные цвета, а затем, благодаря распространенности секты самодуровцев, отрицающих значение того или иного костюма, здесь нередко можно видеть женщин в юбках и кофтах, вместо сарафана, с подвязанными под подбородком платками на головах, вместо кичек и шалей; в Черемшанке же считается грехом надеть «мирской» наряд, строго наблюдаются все мелочи, и даже те, кто много путешествовал и привык к иным взглядам, не решаются отступать от принятого костюма, боясь подвергнуться общественному осуждению.

Крестьян д. Зимовья я видела только в будничных одеждах. Говорят, по праздникам они обязательно одеваются в старинный костюм – шитые рубахи, кички, цветы, пестрые шаровары и пр., но в будни их наряд чрезвычайно напоминает костюм крестьян в глухих деревнях Европейской России: те же белые холщевые рубашки с красными ластовицами и вышивкой на рукавах, те же набойчатые сарафаны и юбки, причем последние иногда делаются из домашнего сукна, те же платки

на головах у женщин, и холщевые, белые, пестрядинные или кубовые рубашки и шаровары у мужчин. Впрочем, Зимовье не только этим, но и в других отношениях напоминает Россию: местность гористая, но горы невысокие, вполне доступные; лес [с]мешанный: хвойный и лиственный, последний преобладает, в противоположность большинству сибирских лесов, безмолвных и мрачных в своем величии, здесь он веселый и все лето наполнен неумолкаемым птичьим гамом. «Утром проснешься, выйдешь на двор и уйти неохота: соловьи, птички разные, все Богу хвалу поют, – рассказывала мне жена раскольника дьяка, – слушаешь-слушаешь, и разбудишь мужа: «грех спать, все Богу молятся!»

В Секисовке, где посторонних почти совсем нет, старинные костюмы снова преобладают, но в отличие от Черемшанки женские сарафаны шьются здесь из ситцев темных цветов даже у молоденьких, что выходит очень эффектно в соединении с ярко-розовой или алой рубашкой; цветы прикалывают к поясу сзади; на голове цветов меньше – обыкновенно носят только маленький букет, приколотый в том месте, где завязан платок, т. е. также сзади.

Начиная с Быструхи и, в особенности, с Лосихи, костюмы сильно меняются: хотя сарафан и здесь является преобладающей женской одеждой, но наряду с ним часто видишь и юбки; кички надевают только по праздникам, на богослужение, да и то одни пожилые женщины, в обычное же время и те просто повязывают голову шалью; ни на одном мужчине не увидишь вышитой холщевой рубашки, все они ходят в ситцевых; пестрых ситцевых шаровар уже не носят, они заменены пестрядинными или нанковыми, бязевыми и т. п. В Шемонаихе женщины носят даже модные кофты, а мужчины – пиджаки, хотя, конечно, далеко не все, а лишь те, кто побогаче и посмелее, так как старики все еще сильно косятся на такие новшества. Из селений степных только с Староалейское составляет в этом отношении исключение, строго храня дедовские заветы и не отступая от дедовского костюма даже в мелочах.

Отступление от старины сказывается также и в замене ручных вышивок покупными узорчатыми тесьмами и ситцами, полосы которых вшивают в полотенца и фартуки, на рубашках же мужских и женских, вышивки часто заменяются кружевами или шнурками, позументами и т. п. Только те полотенца, которые невесты дарят женихам в задаток, должны быть вышиты собственноручно, но и они вместо холста часто делаются из кумача, с бархатными вставками, по которым уже и производится вышиванье.

То же заметно и в постройке и убранстве домов. В степной части описываемой местности уже не строят домов с резными коньками на крышах, фигурными столбиками на крыльцах, деревянными петухами вместо флюгеров и резными воротами, их заменяют обыкновенные сибирские крестьянские дома, чаще всего связанные и крестовые. Только в Екатерининке да в Староалейском, главным образом, в последнем, сохранились еще дома старинной конструкции, с узенькими галерейками и высокими крылечками на столбах, но и там новые дома строятся по общесибирскому типу. В убранстве, прежде всего, бросается в глаза отсутствие цветочных гирлянд, соломенных птиц и полотенец в виде украшений. Затем, наряду с[о] старинными иконами, часто вы видите и бумажные картины священного содержания, а также изображающие царей, полководцев и т. п., новейшего изделия. В этом случае Староалейское опять-таки составляет исключение: там, кроме старинных икон, да изредка куски обоев, служащего чем-то вроде киота для этих икон, на стенах нет никаких картин, полотенце также обязательно имеется. Такая приверженность к старине жителей Староалейского объясняется, вероятно, тем, что это село лежит в стороне от трактов, почтового и земского, почему в него заезжают посторонние редко, больше чиновники, да скупщики, которые бывают здесь лишь по делам и на население оказывать влияние не могут, как элемент слишком чуждый ему.

IV

По вероисповеданию все поляки посещенной мною местности принадлежат к единоверцам и старообрядцам, от которых в последние три-четыре года отделилась секта самодуровцев.

Точных сведений о количестве принадлежащих к расколу нет, так как официально раскольниками признаются только те, кто родился от раскольников-родителей и записан таковым в особо установленных книгах, которые имеются для этой цели в каждой волости. Все же остальные, хотя бы родившиеся от раскольников и сами принадлежащие к какой-нибудь секте, но не записанные в волостную книгу, числятся «православными», «уклонившимися в раскол», если они обнаруживают приверженность к расколу. В виду того, что волостные книги заведены лишь очень недавно, и многие раскольники даже не подозревают об их существовании, понятно, большинство детей остаются не записанными и считаются «православными», к которым относят также единоверцев.

При такой неточности официальных данных мне поневоле пришлось ограничиться лишь приблизительными сведениями, полученными мною относительно Алейской и Владимирской волостей из волостных правлений. Что же касается Риддерской волости, то в правлении я могла получить сведения лишь о том, какие секты распространены в селениях этой волости, без обозначения числа принадлежащих к той или другой из сект; в волостном же правлении Александровской волости мне заявили, что «все поляки (в Шемонаихе и Екатерининке) – единоверцы», хотя по личным опросам мне известно, что часть населения названных селений принадлежит к расколу.

За отсутствием полных данных я здесь приведу только таблицу численности раскольников в польских селениях Владимирской и Алейской волостей.

Волость	Селение	Всего населения			В том числе раскольн[иков]		
		м[уж.]	ж[ен.]	об[оего] пола	м[уж.]	ж[ен.]	об[оего] пола
Алейская	с. Староалейское	1 097	1 163	2 260	502	532	1 034
	д. Каменка	808	825	1 633	-	-	-
	с. Шипуновское	767	779	1 546	-	-	-
Владимирская	с. Верх-Убинское	1 612	1 642	3 254	1 230	1 278	2 508
	« Секисовское	1 628	1 595	3 223	397	391	788
	д. Быструха	824	843	1 667	772	823	1 595
	« Зимовская	233	221	454	10	9	19
	« Александровская	321	334	655	319	322	641
	« М[алая] Убинка	1 158	1 171	2 329	584	586	1 170
	« Волчиха	149	138	287	-	-	-

Следовательно, во всех селениях, о числе раскольников в которых есть официальные данные, на 17 308 душ всего населения приходится 7 755 раскольников, или 41,8%; в том числе на общее количество мужчин 8 597 приходится раскольников 3 814, т. е. 44,4%, а женщин на общее число 8 711, раскольниц – 3 941, или 45,2%. При этом не нужно упускать из виду, что от волостной регистрации ускользнуло по объясненным выше причинам значительное число раскольников, так что в действительности последние должны составить никак не менее половины всего населения. Как уже сказано, относительно Александровской и Риддерской волостей есть официальные сведения о преобладании

того или иного вида раскола, или же единоверия в польских селениях этих волостей. Группируя селения по этому признаку, т. е. по большей или меньшей степени развития в них раскола, мы получаем следующий ряд:

Волость	Селение	Вероисповедание
Александровская	с. Шемонаевское	Населены почти исключительно единоверцами и православными
	д. Екатерининская	
Риддерская	с. Орловка	Преобладают единоверцы, число православных и раскольников очень незначительно
	д. Поперечная	
	« Стрежная	
	« Черемшанка	Почти сплошь населены раскольниками, во всех трех селениях единоверцев и православных лишь несколько семей
	« Бутакова	
	« Пихтовка	

Сопоставляя эти данные с предыдущей таблицей, мы видим, что более всего раскол распространен в[о] Владимирской и ближайших к ней селениях Риддерской волости, т. е. в той части района, занятого поляками, которая представляет переход от степных предгорий к самым горам Алтая. В степных волостях и в тех селениях Риддерской волости – Поперечной и Стрежной, которые расположены уже в горах, преобладает, наоборот, единоверие. Исключение составляют только три селения: в степной части с. Староалейское, где раскольники, в противоположность другим селениям той же местности, составляют значительную часть населения, именно 41,3%, а в средней – деревни Зимовская и Волчиха, из которых в первой всего 19 человек раскольников, а во второй и вообще нет, хотя соседние селения отличаются именно широким развитием раскола.

Почему раскол имеет наибольшее распространение именно в селениях, расположенных в начале горной области, я решать не берусь, за неимением точных данных. Можно указать только на некоторые условия, благоприятствовавшие его сохранению в данной местности: селения Владимирской и Риддерской волостей лежат вдали от почтового тракта, да и по земскому тракту, пролегающему через них, движение очень незначительно, так как это глухой, малокультурный край, сохранивший до сих пор в значительной степени натуральное хозяйство; понятно, что при такой изолированности и экономической отсталости

именно здесь и должны были сохраниться в наибольшей неприкосновенности старые воззрения. В другом положении находятся степные селения: почтовый тракт на Семипалатинск и торговый на Локоть и Павлодар, близость крупных горнозаводских пунктов, как Змеиногорск, Колывань и тот же Локоть, имели своим последствием постоянное общение с посторонними элементами, вызвали развитие промышленно-торговой деятельности среди самих поляков, а это не могло не повлиять и на воззрения последних, что сказалось в уменьшении религиозного фанатизма раскольников, переходе значительной части их в единоверие и вообще бóльшей терпимостью в религиозных вопросах. Причина почти полного отсутствия раскола в селениях горной области – дд. Поперечной и Стрежной, несмотря на изолированность их, по-видимому, благоприятствующую развитию и сохранению раскола, лежит, надо думать, в условиях самого образования селений, первыми садчиками которых явились, главным образом, пасечники-заимочники, а среди них были не одни поляки, но и православные из различных «сибиряцких» селений. Впрочем, об этих деревнях еще труднее сказать что-либо положительное, так как, благодаря малой доступности их и удаленности от всяких административных центров, точные сведения о них совсем отсутствуют в волостях, даже время заселения их, как мы видели относительно Поперечной, с точностью неизвестно; само же население имеет лишь смутные воспоминания о своем прошлом, а может быть, и просто боится говорить о нем.

Из тех же, приведенных выше данных, можно заключить, что время образования селения не имеет, по-видимому, влияния на большую или меньшую распространенность в нем раскола. Так, с одной стороны, мы видим, что в селениях Верх-Убинском (Лосихе), Быструхе, Малой Убинке и Черемшанке, основанных в прошлом столетии¹, преобладающую часть населения составляют раскольники, а в Секисовском, Шипуновском и Каменке, время образования которых жители так же относятся к прошлому веку², в первом раскольники составляют всего 21,3%, т. е. немного более $\frac{1}{5}$ части всех жителей, а в двух последних даже совсем отсутствуют, как и в Шемонаихе и Екатерининке, также старинных польских селениях. С другой стороны, и селения нового образования не представляют в этом отношении чего-либо однородного: наряду с единоверческими Орловкой, Поперечной, Волчихой и пр. мы встречаем и

¹ Т. е. XVIII в. (Ред.)

² Т. е. XVIII в. (Ред.)

раскольнические Александровку и Пихтовку, в которых единоверцы и православные живут только единичными семьями. То же можно сказать и обо всех остальных польских селениях.

Как уже сказано, большинство поляков явилось на Алтай, главным образом, с Ветки и отчасти из Стародубья, этих знаменитых центров раскола XVII и XVIII столетий. Получив право свободного вероисповедания, поляки и на новом месте жительства сохранили прежние религиозные догматы и обряды, вынесенные ими из Польши, куда стекались представители всевозможных раскольнических толков от стеснений со стороны правительства, «гонений за веру». Самая Ветка заселилась впервые беглецами из пограничных Стародубских слобод, которые в свою очередь были основаны беглыми раскольниками еще в XVII веке и разрушены уже в правление царевны Софьи, после чего многие из их жителей и бежали на остров Ветку, где и основали селение, вокруг которого вскоре образовалось еще 14 раскольнических слобод.

Ветка просуществовала около полутора столетий, с 80[-х] гг. XVII столетия до 1764 г., когда была разрушена по приказанию Екатерины II, после чего значение религиозного центра поповщины снова перешло к Стародубским слободам, успевшим к этому времени оправиться от испытанного ими погрома и в свою очередь приютившим ветковских беглецов.

Служа главным центром для различных толков поповщины, Ветка в то же время не отказывала в приюте и беглым беспоповцам, в которых поповцы видели своих братьев, также гонимых за веру и спасающихся от записи в «антихристовы книги» и от «наложения антихристовой печати», под которыми понимались ревизские записи и печати на паспортах.

Время с половины XVI по конец XVIII столетия было эпохой коренного преобразования русского церковного и гражданского устройства. В XVI веке русская церковь получила своего патриарха и стала самостоятельной и независимой от греческой, а соборы времен Иоанна Грозного положили начало ее единообразному устройству и тесному союзу с государством, которое взяло под свою защиту церковь, но в то же время поставило ее в зависимость от себя, тогда как ранее она была совершенно независима от светской власти и даже первенствовала над нею. Одновременно с этим шел пересмотр и исправление священных книг, а также установление более правильных и согласных с принятыми от греков церковных обрядов, искаженных невежественным русским духовенством. Эта гигантская, по своей сложности и трудности, работа была закончена при патриархе Никоне уже во второй половине XVII века.

Более образованные слои русского общества понимали необходимость церковной реформы, но огромная масса населения, оставшаяся невежественной и сохранившая в значительной степени языческие воззрения наряду с христианскими, воспринявшая в большинстве только одну внешнюю, обрядовую сторону христианства, именно этой стороне и придавала значение, тогда как дух новой религии был ей совершенно недоступен. Понятно, что исправление церковных книг, перемена «двуперстного сложения» на «трехперстное» и другие чисто внешние изменения казались ей переменной самой религии, изменой «истинной вере Христовой», почему более энергичные и религиозные люди из ее среды выступили против этих «новшеств» с резким протестом и увлекли за собой толпу.

Может быть, еще более развитию раскола способствовали коренные изменения, производившиеся в это время в гражданском устройстве России светской властью, которая поддерживала вводимые церковью новшества, взамен чего и от последней требовала поддержки. К XVI веку русская земля представляла из себя уже сплоченное целое, и это целое не могло довольствоваться теми общественными формами, в которые свободно укладывалась слабо развитая гражданственность удельной Руси. Одновременно с ростом политической жизни России росла и ее экономическая жизнь. Прежнее натуральное хозяйство уже не могло удовлетворять возросшим потребностям общества; прочно установившиеся торговые отношения с европейскими государствами требовали также перемены системы хозяйства. Того же требовали и государственные нужды: для содержания постоянного войска и флота, учреждения школ и пр. нужны были постоянные денежные средства; прежней «дани», «кормления» и т. п. воевод и других служащих было недостаточно для содержания правильно организованной бюрократии; в то же время нужно было знать и действительное количество населения, и места жительства тех, кто должен был нести военную или гражданскую службу. Все это вызвало, с одной стороны, развитие торговой и промышленной деятельности, переход от натурального хозяйства к денежному, а с другой – целый ряд правительственных мер: введение паспортной системы, подушной подати и т. д.

Повторяю, эти меры явились необходимым последствием гражданского и экономического роста России. Но этот рост коснулся только верхов русского общества, огромная же масса народа продолжала оставаться невежественной и жила прежнюю полуземледельческую, полу-

бродячею жизнью, потребностям которой вполне удовлетворяло натуральное хозяйство. Восприняв только внешнюю, обрядовую сторону христианства, народ внес в новую религию свои старинные языческие понятия и придал суеверное значение именно обрядам, внешности, совершенно игнорируя внутреннюю сущность христианства. В то же время, продолжая вести бродячий образ жизни, привыкнув по своему произволу бросать насиженное место и идти на новое, часто совершенно неведомое, народ, естественно, не мог чувствовать потребности в прочной постоянной власти, как гражданской, так и церковной: постоянно передвигаясь с места на место, сегодня с одними составляя общину или поселок, а завтра с другими, он по необходимости должен был менять своих светских и духовных властей, избирая каждый раз новых, так как передвижение было слишком беспорядочно, слишком, так сказать, индивидуально, чтобы в нем могла принять участие хоть несколько организованная власть.

Понятно поэтому, что уничтожение выборного права, назначение священников высшей духовной властью, требование паспортов при передвижениях, прикрепление, уже не *de jure* только, как прежде, а *de facto*, подушная подать, рекрутский набор и пр., и пр. – понятно, что все это вызвало в массе народа враждебное отношение к правительству, как виновнику ломки вековых устоев, с которыми сжился русский народ, и при том глубоком невежестве и суевериях, какие царили в нем, он увидел в представителях правительства слуг злой силы, слуг антихриста. В этом воззрении его укрепляло в особенности то обстоятельство, что значительная часть духовенства, на основании толкований старинных священных книг, сама защищала такой взгляд. В этой вражде к новшествам, вводимым гражданской властью, подчинившей себе духовную, сходились все толки раскола, как поповские, так и беспоповские, и, невзирая на разногласия в делах веры, дружно поддерживали друг друга, когда нужно было противодействовать правительственным мероприятиям вообще, а гонениям на раскол в особенности. «В антипатии раскола правительству, – говорит Щапов¹, – в оппозиции его против нового государственного порядка и устройства России сходились все частные противогосударственные и демократические антипатии и стремления: и недовольство деспотизмом власти, и преобладанием сильных, и не-

¹ А. [П.] Щапов. Русский раскол старообрядства, [рассматриваемый в связи с внутренним состоянием Русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII. Казань: Изд. книгопродавца Ивана Дубровина, 1859].

довольство областными управителями и чиновниками, и стеснение свободы и своеволия законами, и тягость податного состояния, и проч. Демократическая раскольническая община всем открывала и давала убежище и через то сама росла».

Вследствие такой внутренней связи между разнообразными сектами и толками раскола, и на Ветке, несмотря на то, что это был религиозный центр поповщины, откуда на всю Россию расходились старообрядческие иереи и освященное миро, мы видим и беспоповцев, нашедших себе приют в слободах, позднее образовавшихся вокруг первоначального пункта поселения. Переселяясь на Алтай, ветковцы принесли с собой туда и деление на секты.

Кажется, большинство раскольнических сект, как поповских, так и беспоповских, имеет своих представителей среди алтайских поляков. По официальным данным и по заявлениям самого населения, здесь есть следующие секты: австрийцы и лжеавстрийцы, окружники, иначе московцы, беглопоповцы или противокружники, поморцы, федосеевцы, филипповцы, дяковцы и стариковцы. Кроме того, около половины населения исповедуют единоверие, а в последнее время начала быстро распространяться секта самодуровцев, по словам одних, занесенная какими-то выходцами из Самодуровской волости, Самарской губернии, а по словам других, получившая свое название от «самодурства» ее представителей, отрицающих многое из того, что остальными раскольниками признается неприкосновенной святыней.

Попав на Алтае в совершенно новые условия, при которых раскол терял свое значение протеста против нового порядка вещей во имя старого, поляки незаметно для самих себя утратили в значительной степени свою нетерпимость по отношению к православным. Какой повод, в самом деле, враждовать с последними, живущими в лесных дебрях, за сотни верст от церкви и потому поневоле обходящимися без ее благословения в таких делах, как брак, крещение, погребение, и зачастую вынужденными за исполнением различных треб обращаться к тем же раскольническим попам и дякам, которые знали, по крайней мере, молитвы? Экономическое и юридическое положение тех и других также было одинаково, за исключением двойного оклада, но и от него раскольники были освобождены в конце прошлого века¹. К этому нужно прибавить затруднительность сношений с раскольническими центрами и получения оттуда поддержки, как материальной, так и духовной,

¹ Т. е. XVIII в. (Ред.)

почему новые поколения имели уже только смутное представление о догматах собственной секты. Вполне естественно, что, с установлением «единоверия» в 1800 г., значительная часть поляков присоединилась к нему, найдя таким образом исход из того печального положения, в какое ставило их постепенное вымирание старых расколоучителей и почти полная невозможность достать новых.

Другая часть населения осталась верна старинным догматам, считая «пагубой душевной» всякое сближение с православными, как поддавшимися «соблазнам антихристовым». Но и в этих «верных сынах церкви» заметно шатание мысли: отдельные толки сблизились между собой и, хотя продолжают носить прежнее имя и отличать себя от других, каждый, в сущности сами не знают, в чем заключается это отличие. Я несколько раз беседовала об этом с начетчиками в селениях Черемшанке, Секисове и Лосихе, и ни разу не могла получить хоть несколько определенный ответ. Не говоря уже о различии между австрийцами и лжеавстрийцами, окружниками и противокружниками и пр., которые не умеют даже сами объяснить, почему они так зовут себя, но и беглопоповцы почти слились с австрийцами и москвцами, обращаясь, в случае нужды, к их священникам, австрийцы же и москвцы, когда у них не бывает своего священника, что, к слову сказать, составляет почти постоянное явление, обращаются к беглопоповским «дьякам» и «старикам». Беспоповцы держатся несколько обособленнее, но и те при браках с поповцами подчиняются обрядам последних. В виду этого многие толки значительно изменили свои догматы и обряды и продолжают упорствовать в сохранении своей особенности исключительно вследствие косности и неумения критически отнестись к собственным взглядам. В Черемшанке мне пришлось беседовать с одним из главных начетчиков беглопоповщины. Он охотно рассказывал мне о своей религии, о затруднениях, которые встречают они в устройстве «благослепного чина» богослужения. «Попа у нас нет, – жаловался он, – некому больных приобщать, так и мрем без Святых Таин... да и исповеди настоящей не бывает: откроемся на духу старику (начетчику), да разве он может грехи разрешать?». Я спросила его, почему они не вызовут себе попа из России. «Да видишь ты, какое дело: приезжал к нам поп один, да не вовсе он нам поглянулся – австриец был, ну, мы и отказали ему». Надеясь выяснить себе различие, какое сами поляки признают между различными сектами, я попросила старика объяснить мне, чем именно «не поглянулся» им австрийский поп. «Не по вашему что-ли он крестился

или требы правил?». «Упаси Бог, да мы такого и в моленную не пустили бы... Нет, грех сказать, дело он знал, а только не вовсе того... будто неладно». Сколько я ни билась с ним, иного разъяснения «неладности» австрийского попа, кроме «не вовсе того», я не получила. Другой раз я слышала исповедание веры одного стариковца в с. Староалейском. Еще молодой, замечательно умный и красноречивый, он связно и красиво изложил мне общие основы христианства, закончив речь заявлением, что в этом-то и заключается суть, а «кто как крестится да каким иконам молится – не важно», и был страшно изумлен, когда я сказала ему, что все мы признаем то, что он выдавал за свою дяковскую веру. Очевидно было, что он раскольник только по недоразумению, предполагая, что лишь в расколе сохранилось евангельское учение, и не имея ни малейшего понятия о догматах собственной секты.

Говорить подробно об особенностях каждой секты я не буду, так как раскольнические учения изложены в специальных сочинениях. Здесь я укажу только на внешние проявления различных учений у поляков, насколько мне удалось их подметить, что отчасти выясняет и то смешение различных сект, о котором я говорила выше.

В Черемшанке, где все население, кроме 5-7 семей, принадлежит к трем старообрядческим сектам: беспоповцам, беглопоповцам и австрийцам, ранее каждая секта имела свой особый молитвенный дом, но в настоящее время беглопоповцы и австрийцы соединились и молятся в одном доме вместе, беспоповцы же – по-старому, отдельно. Кладбище все они имеют общее, на котором не позволяют хоронить православных и единоверцев. К православным обе поповские секты относятся довольно терпимо: пускают к себе на квартиру, пьют чай и обедают вместе, даже позволяют курить в комнате; беспоповцы же в этом отношении гораздо строже придерживаются старины и по возможности избегают всяких сношений с православными, к которым относятся, как к «неверным». Был такой случай: к одному беспоповцу заехал переночевать проезжий православный купец с женой и 7-месячным ребенком. Ночью ребенок захворал, и хозяин, увидав, что он может умереть, не позволил положить его под иконы, а потребовал, чтобы его вынесли в сени: «Не дам осквернить своих икон, класть под них церковника (так староверы зовут православных и единоверцев), неси его в сени!» Никакие увещания не действовали. Ночь была холодная, ребенок в сенях простудился бы на сквозном ветру, и пришлось несчастным родителям снова тащиться на ту стан-

цию, с которой они только что приехали. Там они приютились на земской квартире.

В с. Секисове раскольники разделяются на австрийцев, московцев и дьяковцев. Первые два толка имеют каждый особый молитвенный дом; дьяковцы же все требы совершают на дому. Все эти три толка имеют общее кладбище, отдельное от «церковников». Австрийцы держат свое богослужение в тайне. К ним откуда-то из окрестных деревень приезжает тайком же свой поп и совершает богослужение в особой полотняной палатке, изображающей скинию. Она ставится только на время службы, а потом снова прячется в укромное место. У московцев был свой поп, но куда-то скрылся, и они до приискания нового обходятся стариками, которые причащают детей и больных приготовленным ими самими причастием из белого хлеба и малинового сока. От «церковников» сторонятся, но вражды особой не заметно. Многие из раскольников пьют чай и даже курят табак, а молодежь прямо заявляет: «что нам старина? Было время, да прошло».

В Лосихе австрийцы, окружники, противоокружники и федосеевцы имеют для каждой секты отдельную моленную и отдельное кладбище, так что село со всех сторон окружено кладбищами; для единоверцев и православных существует особое кладбище. В религиозно-обрядовом отношении секты более обособлены, но нетерпимости, по-видимому, здесь меньше, чем в предыдущих селениях, если не считать самодуровцев, о которых скажу ниже. Браки между представителями различных сект и единоверцами довольно часты и не считаются греховными.

В с. Староалейском австрийцы и стариковцы также имеют между собою тесную связь, да и с единоверцами вражда идет не столько из-за религиозных мотивов, сколько из-за экономических. Дело в том, что единоверцы, составляя большинство в селении (58,7 %), по приговорам сходов облагают раскольников церковными поборами на содержание единоверческой церкви и причта, несмотря на то, что, по их словам, «от начальства было разъяснение» об изъятии раскольников от церковных поборов. Так, зимою 1897-[18]98 г. сгорела церковь, и на постройку новой сход наложил на всех жителей села, в том числе и на «стариковцев» (так зовут себя все староалейские раскольники безразлично) по $4\frac{1}{2}$ р. с души. Раскольники отказались платить на основании «разъяснения», но заседатель описал их имущество, которое и было продано за бесценок, так что непокорным пришлось уплатить гораздо более $4\frac{1}{2}$ р. Другую причину большей стойкости и враждебности к церковни-

кам со стороны староалейских раскольников является запрещение совершать их дьякам обряды вне дома, хотя бы эти последние ничем не отличались от обрядов православных. Особенно ропшут раскольники на запрещение хоронить покойников с пением «Святый Боже». «Ведь и у вас, – жаловались они мне, – над покойником ту же молитву поют, а наши разве падаль какая, что и молитвы не стоят?» Змеиногорская администрация приравнивает это пение к «публичному оказательству раскола», прямо воспрещенному законом, и потому подвергает за него взысканиям; раскольники же утверждают, что в пении молитвы, общей с православными, без «возжигания свеч», «священнического облачения» и вообще без всякой торжественности, нет и не может быть никакого «оказательства раскола», почему налагаемые администрацией взыскания считают «гонением за веру», так как похороны без пения молитв, по их мнению, не дают успокоение душе, «и ходит она (душа) по мытарствам, и плачется Господу Богу, что лишили ее христианского погребения». Убеждение, что они терпят несправедливо «гонение», заставляет староалейцев с неприязнью относиться к православным и поддерживает в них воинствующее настроение, а без этого они, можно сказать, наверное, давно примирились бы и с единоверцами, и с православными, с которыми в житейских делах и теперь поддерживают дружеские соседские отношения. Постоянное общение с теми и другими, в самом селении, близость и частые посещения Змеиногорска, имеющего православное население, не могли не оказать влияния на мировоззрение староалейских раскольников, и они давно уже в сущности отстали от прежних религиозных взглядов и только по привычке, подкрепляемой различными столкновениями, вроде вышеприведенных, продолжают сторониться от «мирян».

Сказанного достаточно, я думаю, чтобы убедиться, что поляки, сохранившие *внешнюю* обрядовую сторону раскола почти неприкосновенною, в сущности, *по духу* очень близки к полному разрыву с ним. Их «воинствующая церковь» за неимением неприятеля давно перешла на мирное положение, и только их косность, вызываемая невежеством, да отсутствие разумных попыток к сближению со стороны православных препятствуют их полному слиянию с остальным населением.

Исключение составляют самодуровцы, учение которых больше всего распространено в д. Бутаковой, а затем – в Лосихе и Секисове, откуда начинает расходиться и по соседним селениям. Первоначальной его родиной, кажется, нужно считать Бутакову, где почти все население при-

надлежит к этой секте. Самодуровцы появились здесь, как я уже говорила, года три назад; что же касается их происхождения, то, принимая во внимание некоторые догматы их, наиболее вероятно нужно признать ту версию, по которой эта секта обязана своим происхождением выходцам из Самарской губернии – духоборам. Как секта новая, еще не сложившаяся, притом же идущая вразрез с[о] старообрядцами, самодуровцы неохотно рассказывают про себя, хотя в то же время самые догматы пропагандируют с жаром неопитов. В июле 1898 г. они даже устроили торжественное собеседование с единоверцами и старообрядцами в с. Лосихе. По обыкновению, собеседование окончилось ничем, каждая сторона осталась при своем мнении, но самодуровцы убеждены, что они одержали верх, и только «козни» противников помешали их победе быть признанной всеми. Поэтому они решили послать подробное изложение происходившего спора в Святейший синод и «самому Государю»: «тогда уж не зажмут рта, правда-то наружу выйдет».

Вследствие недавнего появления самодуровской секты на Алтае, догматы ее, по-видимому, далеко еще не выработаны и не установлены окончательно. Впрочем, уверенно сказать это я затрудняюсь, так как лично от самодуровцев мне пришлось слышать только раз краткое изложение их учения, большая же часть сведений о нем получена мною от соседей, которые могли и исказить слышанное ими от самодуровцев. Тем не менее я изложу те сведения, которые я могла хоть несколько проверить.

В д. Бутаковой, этой колыбели «самодурства», где самодуры составляют громадное большинство в настоящее время, ранее население принадлежало к двум сектам – поморской и федосеевской, представители которых и восприняли от самарских духоборов их учение. Совершенно не подготовленные к пониманию самой сути учения, они исказили его, переделав сообразно своим понятиям и развитию, причем, конечно, должны были возникнуть и различные толкования его, иногда прямо противоположные его истинному смыслу, и переделка на старообрядческий лад. Сведения о бутаковских самодуровцах, приводимые далее, получены мною, главным образом, от жителей д. Черемшанки, и лишь незначительная часть их от самих бутаковцев, возвращавшихся домой с «собеседования» в Лосихе, и к этим сведениям больше всего относится моя оговорка относительно степени их достоверности.

Самодуровцы делятся на три «части»: «брачные, безбрачные и самокресты». Насколько я могла понять, только последние принадлежат,

собственно, к последователям духоборов, остальные же две «части» только выражают готовность присоединиться к ним, а пока остаются по-прежнему беспоповцами. Основной догмат самодуровского учения – это необходимость вторичного крещения «в Иордани», т. е. в реке, в праздник Крещения. Крещение младенца они признают недействительным, так как младенец подвергается ему не сознательно, не по своей воле, а по желанию родителей; крещение же взрослых «в Иордани» омывает все грехи, сделанные ранее, почему некоторые оттягивают до последней возможности совершение его в том расчете, чтобы сразу очиститься от возможно большего числа грехов. Впрочем, самодуровцы признают, что крещение может быть повторяемо сколько угодно раз, сохраняя свою очистительную силу. Крестят в Иордани всех: и взрослых, и детей, только для последних считается обязательным перекреститься снова, когда они войдут в возраст, так как крещение в детском возрасте смывает только «родительские» грехи, от своих же человек может очиститься лишь тогда, когда он «войдет в понятие».

Кроме крещения, бутаковские самодуровцы не признают никаких таинств, иконам не поклоняются, называя их «идолами» и «деревянными картинами», но распятие имеется обязательно в каждой комнате. По форме оно отличается от старообрядческого тем, что не имеет изображения Духа Святого, которое всегда есть на распятиях первого типа. Старообрядцы говорят по этому поводу о самодуровцах, что «не даром их духоборами зовут», понимая слово «духобор» в смысле борца *против* Духа. Молитвы самодуровцы, по-видимому, тоже не признают, по крайней мере, некоторые из них: в Черемшанке мне рассказывали, что они заявляют: «прошли те времена, когда Богу надо молиться было, теперь этого не требуется». От секисовцев о тамошних самодурах я слышала, что они молятся, только не на иконы, а в особо просверленные по направлению к востоку дыры, за что население прозвало их веру «дыркина вера». Кажется, для спасения самодуровцы считают необходимыми только веру и вторичное крещение, которое очищает от всех самых тяжких грехов; действия же и поступки человека лишь в том случае могут иметь значение, если он не «омылся» от них в Иордани. Благодаря такому взгляду, самодуровцы и позволяют себе грешить, рассчитывая смыть все грехи крещением, которое повторяют иногда несколько раз, уверяя, что холод при этом совсем на них не действует, так как «Бог греет верующих».

Признавая поклонение иконам за идолопоклонство, считая молитву излишнею, так как «Бог и без нас знает все, что нам нужно, и что

мы думаем», относясь к распятию, как к простому изображению, напоминающему нам о том, что «Бог помиловал нас своими страданиями», самодуровцы относятся равнодушно и даже отрицательно и к исполнению прочих обрядов и правил, которые старообрядцами считаются обязательными для каждого «христианина». «Сложению перстов» не придают никакого значения даже те из них, кто признает необходимость молитвы; старинной одежды не носят, заменив ее обычным в Сибири крестьянским костюмом: «одежда – тлен; нет греха, какую хочешь, носить».

К единоверцам и православным, а также, хотя и в меньшей степени, и к старообрядцам, самодуровцы относятся враждебно и считают грехом общение с ними: «на вас даже глядеть-то грех, надо ниц падать, как встретишься, чтобы не сквернить глаз своих». Но, считая грехом еду и питье, даже простую встречу с церковником, самодуровцы в то же время разрешают своим парням и девкам участвовать в общих игрищах с церковниками и очень легко относятся к тому, что на этих игрищах часто возникает связь между тою и другою стороною; даже беременность девушки и рождение ею ребенка не смущают их: «Это птичий грех, – говорят они, – а младенца мы в своей вере взростим». Несмотря на такое легкое отношение к внебрачным половым отношениям, самодуровец никогда добровольно не согласится на брак сына или дочери с церковником, и такие браки заключаются только убегом, да и то крайне редко, потому что самодуровец непременно постарается отомстить. Разницу в отношении к браку и внебрачной связи самодуровцы объясняют тем, что в первом случае дети от брака с церковником крестятся и воспитываются в единоверии или православии, да и сам супруг, а в особенности жена, войдя в семью церковников, чаще всего изменяет своей вере.

Насколько враждебно отношение самодуровцев к подобным бракам, показывает следующий случай, имевший место в Лосихе во время моего пребывания там. Самодуровская девушка на игрищах слюбилась с одним парнем, даже не церковником, а австрийцем, и тайком вышла за него замуж. После брака молодые явились к отцу невесты «просить прощенья». Отец потребовал 150 р. за дочь, зная хорошо, что ее муж не может уплатить их по бедности, и оставил дочь у себя, пригрозив в случае вторичного побега убить ее («только мокренько останется»). На своего зятя он подал жалобу мировому судье, обвиняя первого в «растлении малолетней»: он утверждает, что его дочери 13 лет, а сама дочь говорит, что ей уже 18 год, да и по наружности это вполне сформиро-

вавшаяся женщина. На допросе у мирового судьи дочь показала, что она добровольно вышла замуж и желает остаться у мужа, муж и свекор также заявили, что они ею вполне довольны и не желали бы расставаться с нею. Но отец продолжал настаивать: «она мала еще, глупа, он ее опоил да и соблазнил, не отдам дочь». Тут же из показаний свидетелей и дочери выяснилось, что отец, отобрав ее от мужа, систематически подвергал ее различным истязаниям. Мировой судья предложил окончить дело миром, предупредив старика, что в случае продолжения дела, он должен будет подвергнуть его дочь медицинскому освидетельствованию. Старик отказался от мировой и согласился на осмотр дочери, который и был произведен в присутствии двух женщин. Принимая во внимание каким позором считается у крестьян, в особенности, у раскольников, осмотр женщины посторонним мужчиной, не трудно представить себе, до какого отчаяния была доведена молодая женщина, и как настойчиво желал расторгнуть брак старик, решившийся подвергнуть свою дочь этому позору.

Сказанное о самодуровцах можно резюмировать так: это секта еще не установившаяся, воспринявшая некоторые положения духоборов, но не сумевшая разобраться в них и не отрешившаяся вполне от прежних старообрядческих взглядов, благодаря чему в догматах самодуровцев замечается часто полное несоответствие и логическая несообразность; в последователях этой секты, как обыкновенно у всех неопитов, заметен большой фанатизм и нетерпимость, нежели у остальных раскольников той же местности, вследствие чего отношения самодуровцев к «чужерамам» гораздо обостреннее и враждебнее, чем у других сект.

Поляки Бобровской волости, по сведениям г[осподина] И в а н о в а, принадлежат к сектам австрийской, федосеевской и поморской, и держатся обособленно от сибиряков даже в тех селениях, где они живут смешанно с последними. Здесь, по-видимому, прежние догматы сохранились в большей чистоте, и требования вероучения соблюдаются более строго, нежели в посещенных мною местностях.

V

Живя в отдалении от всяких крупных центров, как промышленных, так и умственных, в сравнительно благоприятных экономических условиях, вследствие чего им не было необходимости приспособляться к новым условиям или вести ожесточенную борьбу за существование, что

заставило бы волей-неволей расширить и умственные, и нравственные запросы, живя в такой обстановке, поляки естественно сосредоточили свои духовные потребности почти исключительно на религиозных вопросах, и это не могло не сказаться в нравах и обычаях, стоящих в тесной зависимости от религиозного мирозерцания, которого придерживается население данной местности.

Общие бедствия, претерпленные ранее поляками и сплотившие их в одну религиозную общину, создали между ними и общественную связь, гораздо более сильную, нежели та, какая существует между односельцами-сибиряками, и захватывающую все стороны их жизни. Поляк не ограничивается одними деловыми отношениями к соседям, он нуждается в их обществе и для того, чтобы поговорить о душе, посудить, поболтать о разных пустяках. Благодаря такой общительности поляков, уличная жизнь в польских селениях очень развита, что делает эти селения похожими на российские и резко выделяет их из массы сибирских. В последних, положим, с окончанием работ, народ тоже проводит время больше на улице, особенно молодежь, но здесь «уличное сиденье» носит иной характер: каждый сидит возле своего дома, около которого иногда собираются лишь несколько человек ближайших соседей, и только молодежь «гуляет» и «играет» большой толпой; у поляков же, наоборот, население все собирается большими группами: молодежь со всего села, парни, девушки, молодые замужние бабы и их мужья идут вместе «на полянку» – место, назначенное для игрищ, обыкновенно на лужайке у хлебного амбара; старики и пожилые мужики собираются отдельно и ведут разговоры о различных делах, к ним иногда присоединяются и некоторые старухи, большинство которых составляет особую группу, занятую, главным образом, надзором за малыми ребятами, подростки играют самостоятельно или присоединяются к молодежи. Эти сборища на улице по праздникам начинаются с утра, сейчас же по окончании богослужения и придают селу такой оживленный вид, какого мне не приходилось подмечать в других сибирских селениях.

Праздничные развлечения молодежи или «молодяжника», как говорят поляки, несколько разнообразятся, смотря по селению, но везде игры «на полянке» составляют необходимую принадлежность их. Единственное исключение в этом отношении, по слухам, составляет д. Бутакова, населенная, как я уже говорила, почти исключительно самодуровцами, которые запретили своим детям заводить игрища, считая их «греховными»: «Надо о душе думать, а играть да песни петь – только

дьявола тешить». Верны ли эти слухи, судить не могу, так как самой мне не удалось быть в праздник в Бутаковой, в других же селениях самодуровцы не препятствуют своим парням и девушкам участвовать в игрищах, даже с иноверными.

Больше всего праздничных развлечений устраивает молодежь в Александровской и Алейской волостях; в селениях же Владимирской и Риддерской вол[остей], кроме «полянки», существует только хождение друг к другу в гости. Для примера опишу праздник в с. Шемонаевском, который я провела там. Часов с 9 утра на улице стали появляться группы разряженных девушек, гулявших отдельно от парней, которые также группами следовали за ними в некотором отдалении, так как гулять по улице девушкам вместе с парнями считается неприличным – это разрешается только «на полянке». В это время девушки закупают конфет и пряников, которыми потом «на полянке» будут угощать своих кавалеров, уславливаются, кому с кем ходить, какие песни петь и пр. С улицы идут домой обедать, а после обеда устраивается катанье на лошадях с колокольчиками. Чаще всего катанья устраиваются кем-нибудь одним по случаю какого-нибудь семейного праздника: родин, возвращения сына из солдат и т. п., или по случаю помочей, когда катают помочан. Если в семье есть девушки или молодые бабы, они приглашают к себе подруг, а парни – товарищей и катаются все вместе на нескольких телегах, запряженных каждая в одну лошадь и обязательно с колокольчиками. Такие празднества продолжаются иногда дня три-четыре. После катанья идут «на полянку», где водят хороводы, поют песни и пляшут, там же заводится и «жениханье»: парни выбирают себе девушек в невесты, получают от них подарки – пряники, конфеты, самотканые пояса, а им дарят в свою очередь серьги, ленты и т. п. Такие пары проводят все время вместе и впоследствии, обыкновенно, соединяются браком. Случаи расхождения и выбор себе другой пары очень редки, хотя это и не считается предосудительным, обязательно только вернуть подарки потерпевшей стороне. Поздно ночью возвращается молодежь домой с «полянки», но, несмотря на полную свободу и отсутствие надзора старших, несмотря на «жениханье», случаи потери целомудрия девушками относительно редки, и это наблюдается чаще среди беспоповцев и самодуровцев, признающих законный брак «блудом», а истинным браком «сожитие по любви»; единоверцы же и представители поповских сект к внебрачным связям относятся неодобрительно, и среди них эти связи почти не встречаются, и вызывают общее осуждение, хотя и менее строгое, чем у православных.

Особенно оживленно проходят так называемые «сезжие» праздники: каждое селение, хотя бы в нем и не было храма, имеет свой, так сказать, храмовой праздник, на который съезжаются гости, родные и знакомые из других селений. К сезжему празднику в каждом хозяйстве варят пиво с медом, на что уходит иногда недели две, так как пиво истребляется в невероятном количестве. Большинство сезжих праздников приходится на осень, когда народ уберется с хлебом и запасет за лето меду. Комнаты к празднику украшают цветочными гирляндами и различными искусными плетениями из соломы. К этому же времени заготавливают и лучшие наряды. Вообще, сезжие праздники чествуются особенно торжественно.

Здесь же кстати скажу и о праздниках, устраиваемых помочанам. В противоположность сибирякам, поляки в самый день помочей не устраивают «угощенья»: помочан кормят только обедом, все остальное время они работают. Зато в первый же праздник после помочей для них делается «гулянка»: их поят пивом, угощают праздничным обедом, катают на лошадях и пр.

Зимние праздники мало чем отличаются от летних: то же катанье, только телеги заменяются санями, то же гулянье с песнями по улицам, а вместо сборищ «на полянке» – вечерки, на которых в праздники играют в различные игры, а в будни девушки прядут, ткуют или вышивают с пением, парни же играют на гармонике и поют.

Что касается собственно игр молодежи, то они очень незатейливы: хороводы водят только весною, до Троицы, все остальное время проводится на полянке в хождении с пением вокруг амбара, да в заигрываньях парней с девушками; на вечерках играют в старинные игры – «зайчики», «золото хороню» и т. п., а больше также поют или беседуют попарно; пляшут мало и неизящно, нет того огня, той страсти, с какой пляшут в России «трепака».

Песни в огромном большинстве бытового, любовного или исторического содержания, старинные. Редкие из поляков знают эти песни до конца, большей частью поют только несколько начальных строк, а затем переходят к другим песням, которые также обрывают на половине. Любовные песни большей частью также или не имеют конца, или представляют попури из различных старинных романсов, иногда искаженных до неузнаваемости, поются и малороссийские песни.

Исторические песни могут быть подразделены по содержанию на казачьи и разбойнические. Есть еще одна песня, в которой говорится об

основании Москвы, но в чем именно состоит ее содержание, – сказать невозможно, так как опрошенные мною поляки помнили только следующие строки:

Был я на горочке,
Был я на крутой.
Построился тут

Город Москва
На серым камушке,
Белушким (белым) пером....

А затем прибавляли: «Дальше сказывается, как Москва зачиналась, да мы забыли слова-то». Казачьи песни больше сохранились в народной памяти, и многие из них поются целиком. Главным содержанием их служит поход казака, разлучающий его с милой, таковы: «Брала, брала девка воду», «Сел казак на коня», в песне «Подымались с гор туманы» описывается смерть какого-то казачьего полковника, вздумавшего «со горя помирать в середу по утру, в самую в обедню»; часто в песнях упоминается «Дунай-река». Но навряд ли певцы имеют ясное представление о содержании своих песен, по крайней мере, на мои вопросы обыкновенный ответ был: «Кто его знает! Сказывают, есть река Дунай» или «старики сказывали, был такой полковничек, от стариков песня ведется».

Разбойничьи песни, по-видимому, также старинного происхождения и принесены поляками на Алтай еще из России, по крайней мере, некоторые из них распространены и там, например, песня «Из тех лесов дремучих разбойнички идут, в руках своих могучих носилочки несут» поется и в городах, и в селах центральных губерний Европейской России.

Вообще большинство песен, которые поются поляками, несомненно, старинного происхождения; оригинальных, сложенных самими поляками, мало, если не считать свадебных, которые отличаются, как по своему содержанию, так и по форме чисто местным колоритом. Обычные же песни большей частью или старинные общерусские, или представляют искажение также старинных романсов, иногда доходящее до полной бессмыслицы. Так, известный романс «Над серебряной рекой, на златом песочке долго девы молодой я искал следочки» поется так:

На серебряных волнах,
На золотых песочках

Давно с девой молодой
Растерял следочки и т. д.

Впрочем, нужно сказать, что песни поляков вообще не отличаются осмысленностью содержания и даже соблюдением размера. Сплошь и

рядом, начинаясь от имени девушки, песня без всякого перехода оканчивается от имени парня. Так, песня «Девка думала-гадала», после слов «потеряла свой покой, свой покой предорогой за тебя, любезный мой» непосредственно продолжается так:

За тебя, девушка милая,
Прожил я холост, не женат.

Содержанием бытовые песни большей частью имеют различные любовные перипетии. Но есть и юмористические, вроде следующей, которую я приведу здесь как образчик смешения русского и малороссийского языка:

Сидел москаль на прилавочке,	В барабан играти.
Призашурив очи –	Заторгачил барабан,
Так и видно, что он, бедный,	Пошел москаль з хаты,
Вареников хоче.	Пошел бедный москалечек,
Хотел бедный москалек,	С голоду сердитый.
Стал женку пытати:	Подбегает ко ученью,
«Хозяюшка, голубушка,	Стали его бити.
Свари мне ин-то, чу...»	Биют, биют москалюку,
«Что, чего тебе зварити?»	Вину вспоминают,
Бери тесто, бери творог –	Его «пирог», «варенички»
Тут выходят пироги...»	Тайно называют.
Стала женушка жидати,	

В общем, несмотря на малую поэтичность песен, поляки, по сравнению с сибиряками, могут быть названы музыкальным и поэтическим народом: голоса их мягче и музыкальнее сибирских, песни поются не только на игрищах или на пирушках, но и дома, и в поле за работой; отношение к природе, к животным более любовное, и здесь не редкость встретить человека, способного любоваться и восхищаться красотами природы, чего, правду сказать, среди сибирских, а, пожалуй, и российских крестьян мне наблюдать не приходилось, кроме редких исключений. Может быть, в этой любви к природе надо видеть влияние общего у раскольников стремления к «пустыне», надежды в ней найти примирение с жизнью и совестью.

Общительность поляков, их стремление к единению сказываются и в более мягких семейных и общественных отношениях. Дети растут на

полной воле, пользуясь любовью и ласками родителей; я ни разу даже не слыхала о том, что детей «надо учить», т. е. бить, как говорят сибиряки. Мальчики и девочки с ранних лет играют вместе и лет с 12 начинают уже «женихаться». Как я уже сказала, это жениханье обыкновенно приводит к браку, но и в случае расхождения, родители не вмешиваются, предоставляя молодым людям самим решать свою судьбу. Отношения между парнями и девушками свободные, но собственно разврата между поляками я не наблюдала; парень, выбрав себе подругу, довольствуется уже ею одною и с другими не заигрывает, то же следует сказать и о девушках, хотя, разумеется, встречаются и исключения.

Вследствие такой свободы молодежи, браки обыкновенно заключаются по любви; молодежь сперва уговаривается между собой, а потом уже жених обращается к родителям, которые устраивают формально сватовство. Отказ родителей в согласии на брак очень редок и практикуется только в двух случаях, если богач хочет жениться на бедной девушке, или если последователь одной секты выбирает себе невесту из другой, но и эти случаи редки, чаще родители дают согласие даже на неравный брак. Иногда родители сами выбирают сыну подходящую, по их мнению, невесту, но всегда спрашивают его согласия и жениться «не неволят». Девушки чаще выходят замуж по воле родителей, но и это совершается без прямого принуждения, а просто потому, что дочь растет более под влиянием отца с матерью, чем сын, не пользуется такой самостоятельностью, как он, и потому легче поддается внушениям, да и в хозяйстве она является лишь второстепенной величиной, всегда более или менее зависимой от мужчины.

Этот характер брака, как дела свободного влечения и любви будущих супругов, столь редко наблюдаемый у наших крестьян, объясняется, мне кажется, двумя обстоятельствами: 1) значительным экономическим благосостоянием поляков, позволяющим не придавать первостепенного значения материальной выгоде в деле заключения брака; 2) влиянием религиозных воззрений, так как не говоря уже о беспоповцах, даже последователи поповских сект вследствие невозможности всегда иметь под рукой своего священника, который мог бы освятить брак, вынуждены слишком часто ограничиваться свободным сожительством, по самой сущности своей являющимся результатом добровольного согласия заинтересованных сторон. Правда, около половины поляков принадлежат к единоверию, но оно не могло в них уничтожить прежних взглядов и привычек, выработанных веками.

Заключение брака по желанию самих брачу[ю]щихся, а не по принуждению родителей, отразилось и на свадебных обрядах, которые в общем одинаковы с общепринятыми у крестьян и отличаются именно тем, что в них выражается желание жениха и невесты вступить в брак, а также и на свадебных песнях и причитаниях, имеющих менее унылый характер. Передавать в подробностях весь порядок сватовства и свадьбы я не буду, так как мне уже приходилось недавно говорить об этом¹, и ограничусь кратким изложением его, отметив лишь те особенности, какими свадебные обряды поляков отличаются от обрядов сибиряков.

Сговорившись заранее с невестой и обменявшись с нею подарками, жених обращается к отцу с просьбой сосватать ему невесту и называет свою избранницу. Отец сам с родственниками отправляется к родителям невесты «с добрым словом, со сватаньем»; те спрашивают дочь, согласна ли она выйти замуж за такого-то, и если она отвечает «пойду», то сваты тут же уговариваются относительно размера «подъемных», т. е. денег, какие отец жениха должен отдать за невесту и которые, как и у соседей поляков – риддерских обывателей, целиком идут на свадебный пир и на покупку разных предметов для невесты. Затем отец жениха отправляется домой и возвращается к невесте уже с самим женихом и его матерью, с ними приходят также человек пять родственников. Если жених православный или единоверец, а невеста раскольница, или наоборот – жених раскольник, а невеста «церковная», то сперва уговариваются, как делать свадьбу – «на венец или сводом», потом окончательно улаживаются о величине подъемных и приданого, назначают срок, недели в две, когда должно быть «бранье» невесты, к которому как хозяева, так и приглашенные гости должны наварить пива, а затем производится «рукобитье».

После рукобитья невеста вместе с подругами шьет приданое, жених посещает ее каждый день, катает ее с подругами на лошадях и пр. Во время рукобитья девушки поют:

Не полати-то грянули,
По рукам девку ударили;
Что не печь повалилася,
(Такая-то) заручилася
Со милым дружком (таким-то).

¹ [Шмурло Е. Из] поездки в Риддерский край. XXV кн. Записок Зап[адно]-Сибирского отдела [Русского географического общества. 1898].

За шитьем приданого девушками поется песня:

Вились кудри, сповилися
Удалого добра молодца.
Завивала красна девица-душа,
Завивала, приговаривала:
«Прилегайте, мои кудерки,
Ко моему белому лицу,
Ко румяному!»

Невеста в это время причитает, обращаясь последовательно к отцу, матери и пр. родным:

Родимый ты мой батюшка (родимая моя матушка и т. д.)
Спаси тебя, Господи,
Что ты меня поил, кормил,
Обувал, одевал,
В цветное платьице наряжал.

Из приведенных образчиков видно, что в песнях гораздо более, нежели у тех же риддерцев, отводится место любви между невестой и женихом, и вообще эти песни менее унылы.

К этому же времени, т. е. к промежутку между рукобיתьем и бра́ннем, приурочивается и «вывод на зарю» невесты. Этот обычай, объяснить который я не могу, так как поляки сами не знают его значения, а исполняют только по традиции, состоит в следующем: подружки каждый день на утренней заре выводят невесту на двор или на улицу, и она там причитает – «голосит»:

Уж вы, милые-то мои подруженьки,
Выведите меня на белу зарю,
С новой горницы во новы сени,
С новых-то сеней на красно крыльцо,
Со красна-то крыльца на широкий двор,

Со широкого-то двора на широку улицу!
Раздуйте-ка, мои ветры буйные,
Раскачайте-ка вы, мои ветры буйные,
Гробову доску – лютую тоску!

«Наголосившись», невеста уходит обратно в дом и благодарит подруг: «Спаси-то вас, Господи, милые подруженьки, что сводили меня на белую зарю».

В условленное время назначается «бранье» – собственно, самая свадьба, обряд, заменяющий у раскольников наше венчанье; последнее обходится дорого (10-15 р. за венец) и потому все более выводится из употребления даже у «церковников». Для бранья невесты к жениху собираются гости, родные и знакомые, и всей гурьбой, вместе с женихом отправляются в дом невесты. Их встречают хозяева со своими гостями и усаживают за стол. Тогда жениховы родители заявляют, что они явились за тем, что было прошено, и требуют, чтобы им отдали невесту, которая до той поры прячется в другой комнате. За нею отправляются свахи и подводят к жениху. Дьяк, начетник или свой священник, если таковой имеется, читает молитвы и псалмы, соответствующие случаю, положив Псалтирь на наклоненные головы жениха и невесты, и затем благословляет их, после чего они подходят под благословенье родителей невесты. Те благословляют их и в сопровождении всех гостей и дьяка отводят их в дом жениха. Придя туда, все усаживаются за стол, кроме молодых, которые становятся в передний угол. Дьяк снова кладет Псалтирь им на головы и читает молитвы, по окончании которых благословляет кичку¹, которую тут же надевают на голову невесты, после чего молодых благословляют родители жениха, а затем начинается «столованье», причем дьяк (или поп) садится рядом с женихом, а возле него отцы жениха и невесты, матери садятся рядом с невестой. В это время гостей угощают вином, и каждый угощаемый должен сделать какой-нибудь подарок молодым. Расходятся только к ночи. На другой день молодые и родители жениха отправляются за приданым к родителям новобрачной, где снова начинается угощенье, после чего выдают приданое, по получении которого новобрачные отправляются домой. Потом каждый из бывших на свадьбе гостей поочередно устраивает у себя пир, и гулянки продолжают иногда очень долго.

Во все время свадебных гулянок – рукобитья, девичника и бранья поются свадебные песни, частью общие с теми, что поют вообще сибиряки, частью оригинальные. Из последних я приведу одну, интересную тем, что в ней высказывается интерес невесты к личности жениха, чего я не встречала в других песнях, как сибирских, так и российских. Вот эта песня:

¹ При венчаньи кичку приносят в церковь; священник кладет ее в алтаре, а после венчанья отдает свахам, которые и одевают ее в церкви же на новобрачную.

Река ли ты моя, реченька,
Речка быстрая, струистая!
Бегит речка, не колыхнется.
«Отчего же мне колыбаться?
Нету ветру, ни вихору,
Ни большой погодушки».
Сидит-то у нас (имя невесты),
Сидит-то она умнешенько.
«Отчего же мне смеяться?»

У меня-то все гости званые, почетные.
Одного-то гостя дома нет —
Нету братца родимого!
Спросил бы мне про сторонушку,
Про сторонку, да про мила дружка:
Он не ходит ли вдоль улицы,
Не заходит ли в царев кабак,
Не пьет ли зелено вино,
Не кушает ли сладкой водочки?»

В остальных песнях содержание мало чем отличается от общерусских крестьянских песен: то же прощанье с «девьей красотой», «с родом-племенем» и пр., только в них, повторы, больше отводится места любви.

Выйдя замуж по собственному желанию и притом в огромном большинстве «сводом», что дает ей возможность уйти от мужа, раз она не пожелает продолжать жить с ним, женщина чувствует себя свободной и в замужестве, и муж редко осмеливается бить ее или подвергать истязаниям, что составляет обычное явление у сибиряков.

Насколько редки случаи дурного обращения мужа с женой, показывает уже то, что, просмотрев в четырех волостях книги решений волостных судов, в трех за 10¹/₂ лет (с 1888 по июль [18]98 г.) и в одной — за 2 года, я нашла всего две жалобы жен на мужей, обвинявших последних в побоях и вообще жестоком обращении с ними, да и из тех одна жалоба на суде не подтвердилась; оба дела возбуждены были крестьянами д. Бутаковой, и одно из них возникло вследствие религиозных поводов¹. Остальные дела по семейным недоразумениям касаются исключительно возврата приданого или вознаграждения жены «за время проживания ее за стряпку» у мужа. Так как сводные браки раскольников считаются законными лишь в том случае, когда они записаны в установленную метрическую книгу при волостном правлении, то для развода супругов не требуется никаких формальностей: каждый из них может уйти, когда хочет, и соединиться браком с другим. Но из этого же вытекает и отсутствие каких-либо прав их друг на друга, и жена, уходя от мужа, может требовать от него по суду только возвращения придано-

¹ Книга Риддерск[ого] вол[остного] правления на записку решений вол[остных] судов на 1889 г., № дела 49, и Книга на 1892 г., № 25.

го и вознаграждения ее, как работницы-«стряпки», за время, прожитое ею в доме мужа.

Надо сознаться, поляки иногда злоупотребляют этой свободой расхода. Вступая в брак, обыкновенно, в раннем возрасте, особенно женщины, выходящие замуж часто лет 13-14, и потому делая этот шаг совершенно необдуманно, привыкнув относиться к браку, как к простому сожителству, поляки легко смотрят и на разрыв его и часто расходятся из-за совершеннейших пустяков. Помню, уезжая из Черемшанки, я вышла на крыльцо земской станции вместе с хозяйкой и хотела уже садиться в тележку, когда к крыльцу подсакала галопом молоденькая «полячка», на вид не старше 15-16 лет, хорошенькая, как картинка: грациозная, стройная фигурка, свежее, румяное личико с детски невинными голубыми глазками. Моя хозяйка, немолодая уже, степенная и симпатичная женщина, обратилась к ней с вопросом, уж не ушла ли она от мужа. Красавица-амазонка, нимало не смущаясь, ответила утвердительно и пояснила: «я что с ним делать буду? Он уехал на работу, а я ему одна дома сиди, как же, была нужда! Я долго не думала, оседлала лошадь да и была такова! Больше не вернусь, так ему и надо!»

И моя хозяйка покачивает головой и авторитетно заявляет: «Как тут жить будешь, когда не глянется? Ничего не поделаешь!»

Несмотря на такую легкость нравов, разврат в собственном смысле, повторяю, у поляков – большая редкость. В этом отношении хуже всего впечатление произвели на меня жители с. Лосихи, принадлежащие к самодуровской секте. В этом селе незадолго до моего приезда произошло покушение на убийство отца со стороны сына за снохачество; в[о] Владимирском волостном правлении, находящемся в Лосихе же, я нашла дело об оскорблении действием одной крестьянки этого села ее односельчанкой за то, что первая подговаривала вторую к «прелюбодению», предлагая ей 1 р. за согласие, на что та ответила пощечиной, на суде дело кончилось миром¹. Вот и все, что можно найти в книгах волостных судов, относительно этого рода проступков, несмотря на то, что поляки охотно обращаются к суду в самых щекотливых делах, иногда по самым ничтожным поводам, особенно, самодуровцы и старoverы Риддерской и Владимирской волостей отличаются любовью к кляузам.

Вообще же говоря, поляки отличаются большою уживчивостью, и судебные тяжбы между ними мало распространены. Но есть селения,

¹ Книга на записку решений вол[остного] и трет[ейского] судов Владим[ирской] вол[остного] правл[ения] на 1890 г., № дела 154.

точно зараженные какой-то клязнической бациллой, и к таким принадлежат селения Риддерской вол., кроме Стрежной и Пихтовки, а также большая часть Владимирской вол., за исключением Волчихи и, в особенности, Зимовья: крестьяне последнего не фигурируют *ни в одном* судебном деле за все $10\frac{1}{2}$ лет, за которые у меня имеются сведения.

На население волостей Риддерской, Владимирской и Александровской в 21 971 чел. всех дел, разбиравшихся за $10\frac{1}{2}$ лет в волостных судах, 3 178, или в среднем в год приходилось одно дело, в котором почти всегда участвуют только два лица, редко, в единичных случаях 3-4, почти на 70 человек. В Алейской волости, образовавшейся всего два года назад, всех дел за $1\frac{1}{2}$ года было 66 на 5 439 душ населения, или в год одно дело на 124 человека. По отдельным волостям частота возбуждения судебного преследования распределяется так: в Алейской вол. одно дело в год на 124 человека, в Александровской – на 255, Владимирской – на 51 и в Риддерской – на 103 человека. Таким образом, даже в среднем, не принимая в расчет нескольких селений, жители которых почти или вовсе не участвуют в этих делах, Риддерская и, особенно, Владимирская волости отличаются наибольшей частотой случаев обращения к суду.

По характеру дел Риддерская и Владимирская волости также отличаются от Александровской и Алейской: в первых двух большинство составляют дела о личных оскорблениях и семейных недоразумениях, затем следуют дела о захвате чужого места под пасеку или о закосе чужого пайка сенокоса, реже о захвате пашни, еще реже дела о мелких кражах; в двух же последних волостях преобладают дела о взыскании долга за потраву, за утеранный пастухами скот, а затем дела о личных оскорблениях; мелкие кражи встречаются редко, еще реже семейные недоразумения. Причина этого различия горной и степной части польского района лежит, мне кажется, также, по крайней мере, отчасти в разнице религиозных взглядов населения: Риддерская и Владимирская волости населены представителями различных сект и толков, которые расходятся между собой и во взглядах на брак и семейные отношения, почему между ними чаще могут возникать недоразумения по этим вопросам; в Александровской и Алейской волостях состав населения по вероисповеданию более однороден, большей частью единоверцы и меньшая часть – стариковцы, поэтому, естественно, среди них должны быть редки и разногласия в делах, касающихся религии, хотя бы во взглядах на тот же брак.

Несмотря на отмеченные различия, поляки имеют в нравах много общего между собой. Основная черта всех их, без различия сект и толков, это патриархальность отношений, как семейных, так и общественных, соседских. Хотя женщина, уже по самому положению своему свободной сожительницы, всегда могущей уйти от мужа, менее зависима от последнего, чем в семьях православных крестьян, все же и здесь муж является главою семьи, и жена беспрекословно подчиняется его приказаниям, пока живет с ним. Дети также растут в послушании у родителей, без согласия которых не решаются выходить даже «на полянку», хотя родители и не употребляют насилия по отношению к ним: в такой уж атмосфере с пеленок растут поляки, что все они проникнуты патриархальным духом, и у них не зарождается даже сомнения в возможности изменить его. Особенно резко заметно это в таких глухих селениях, как Зимовье. Красота местности, обилие леса и достаток в пашнях и сенокосах, дешевизна жизни устраняют поводы для ожесточенной борьбы за существование с соседом; с другой стороны, изолированность селения, одинаковость религиозных воззрений, жизнь исключительно среди своих, в умственном, нравственном и материальном отношениях приблизительно равных между собой, мешают народению новых потребностей, новых запросов от жизни, заставляют без всякой критики относиться ко всему старому, считать его «божеским», «вековечным», и в результате получается та «зоологическая правда» отношений, которая так привлекательна в качестве временного отдыха для постороннего человека, измученного нервной, лихорадочной городской жизнью, но среди которой зато нет места пытливости, жажде лучшего, словом, нет человеческой, а есть только зоологическая жизнь.

Впрочем, эта патриархальность и среди поляков уже в значительной степени поколеблена надвигающимися новыми требованиями жизни, и такие уголки, как Зимовье, большая редкость даже в этом благодатном краю с его красотой, миром и привольем. Переход к денежному хозяйству сказался в среде самих поляков разграничением «богачей» от «бедняков». Не имея еще большой экономической силы вследствие отсутствия промышленной деятельности в крае, богачи все-таки успели уже захватить в свои руки известную власть над деревенским миром, и их голос является решающим в общественных делах. Прежнее равенство уже не существует, и даже дети делятся на «богатых» и «бедных»: «мы на Успенье свою компанию богатых собираем, – говорила мне 15-летняя девушка, описывая празднование Успенья в их селе, – а бедных мы

не принимаем, нам не нужно таких». И такое отношение к бедным наблюдается и в серьезных делах. Поэтому и отношения между соседями-односельчанами, при всей своей мирности и доброжелательности, лишены тесной близости, вытекающей из общности интересов: каждый сам справляется со своими нуждами, как знает, и только в делах, касающихся всего населения, поляки действуют дружно, заодно, тут богатый и бедный забывают свою неприязнь и соединяются для общей защиты.

Нечего и говорить, что косность поляков, их верность «старине» отразилась и на народном образовании. В каждом селении есть своя домашняя школа, где учителем служит «дьяк» или «наставник», но в этих школах учат исключительно церковнославянскому чтению, письму и немного счету. Никаких иных сведений ученикам не дается, почему поляки иногда прямо поражают невежеством: самые элементарные знания отсутствуют. При этом в большинстве домашних школ учатся одни только мальчики, девочки же остаются неграмотными; в Черемшанке, например, по словам самих жителей, нет ни одной грамотной женщины, в Зимовье – две, и т. д.

В Секисове, Староалейском и некоторых других селах, где есть единовременные храмы, существуют церковно-приходские школы. Здесь образование поставлено лучше, чем в домашних: кроме церковнославянского, учат и русскому языку, арифметике, дают некоторые сведения по отечествоведению и т. п. Но даже единоверцы неохотно отдают туда детей, а староверы и совсем не пускают; девочек очень мало среди учащихся, да и над теми смеются соседи; учение ведется рутинно. Немногим лучше стоит дело и относительно волостных школ. Правда, учителя здесь более подготовлены к своим обязанностям, здания лучше, пособий больше; при Шемонаевском волостном училище есть даже показательная пасека. Но отношение населения к волостной школе в большинстве враждебное, как к «новшествам церковников», в лучшем случае индифферентное. Кажется, в одной только Шемонаихе училищу удалось завоевать себе некоторую симпатию в населении: по крайней мере, только в этом селе я слышала от населения сочувственные отзывы о школе и видела парней, продолжающих заниматься чтением и по окончании курса ученья; влияние школы заметно также и в общем повышении уровня образования среди населения, в большей терпимости и менее фанатической преданности старине, вследствие чего даже старики мирятся с новшествами в костюмах и образе жизни молодежи, хотя и признают, что «по старому-то лучше».

В других селах волостные школы или почти совсем пустуют, как в с. Староалейском, или имеют очень мало учеников; в таком огромном селе, как Лосиха, в школе учится всего 40 с чем-то человек, точно цифры мне не указали, «поболее 40», «то ли 42, то ли 46». Но и на этих учеников, а тем более на их семьи, школа не имеет никакого влияния вне училищных стен, и все дело ограничивается простою грамотностью. Риддерскую волостную школу и считать нечего: она находится в горнозаводском селении, и дети поляков, живущих в деревнях, в ней не учатся. Школа в Староалейском почти совсем пустует. О Бобровской волости г[осподин] Иванов сообщает, что среди тамошних поляков грамотность сильно распространена, но ограничивается изучением старопечатных книг, молитв, священной истории и счета.

В таком печальном положении находится дело народного образования среди поляков. Неудивительно, что среди них господствует полное невежество, неуменье критически, сознательно относиться ни к окружающим явлениям, ни к собственному мирозерцанию, крепко держатся рутинные приемы хозяйства.

Между тем потребность в образовании все возрастает. С увеличением народонаселения уменьшается количество земли, приходящееся на долю каждого, и прежние хищнические приемы земледелия становятся уже невозможными, требуется замена их новыми, более рациональными. Размеры скотоводства также сокращаются. Является необходимость развития других отраслей промышленной деятельности. Все это требует знаний и знаний, которых пока полякам получить неоткуда, хотя сознание необходимости учиться в них уже пробудилось. Некоторые отправляют своих детей учиться в Барнаул, другие хлопчат об открытии школ в их селениях и т. д. Характерна в этом отношении ссылка, которую, по словам г[осподина] Иванова, делают поляки Бобровской волости на одну из любимых раскольнических книг «Златоуст», указывая на следующий текст: «Да не будет убо нам иныя радости и веселия, яко же о почитании книжном». Они, действительно, единственным умственным развлечением имеют книжку – «почитание книжное», но это развлечение дает им слишком мало умственной пищи, так как повсеместно распространены только старопечатные раскольнические книги, конечно, не могущие возбуждать иную работу мысли, кроме бесполезного и отупляющего изощрения в различных схоластических тонкостях. Книги гражданские я видела лишь в Шемонаихе, где их с охотой читают, собираясь для слушания целой компанией.

VI

Главными, почти единственными занятиями поляков во всех четырех волостях, посещенных мною, остаются до сих пор земледелие, скотоводство и пчеловодство. Обрабатывающая промышленность отсутствует, если не считать нескольких кожевенных и одного клееварного завода в с. Шемонаевском, которое в этом отношении стоит совершенно особняком. По-видимому, и в Бобровской волости дело стоит так же, по крайней мере, г[осподин] Иванов называет тамошних поляков «главными пахарями, скотоводами и пчеловодами здешнего края».

Причина такого медленного развития промышленной деятельности лежит отчасти в невежестве поляков, вызывающем пассивное отношение к жизни, за неимением сведений, которые могли бы служить орудием для борьбы с различными невзгодами. Например, в 1898 г. по всей местности погибли овсы от «ржи»: «ржа поела». Соседние с поляками крестьяне-сибиряки решили закупить овес на семена для будущего года в местностях, не пострадавших в этом году, свои же семена, которые удались получше, они отсортировали, перемыли и т. п. Поляки же ровно никаких мер не приняли для предохранения себя от повторения нынешнего бедствия и в следующем году, и на мои расспросы отвечали одно: «что поделаешь, против Бога не пойдешь! Видно, такая уж судьба». Точно также, когда земли становится мало в селении, целики исчезают, поляки не переходят к улучшенным способам обработки, к удобрению и пр., не изыскивают подсобных занятий, а ограничиваются тем, что начинают хлопотать о прирезке земли или заводят спор с соседями, будто бы оттягивавшим незаконно часть их земли, если же то и другое не удастся, они покоряются необходимости и повторяют: «такая уж судьба наша несчастная!»

Но это причина второстепенная, главная же зависит от экономических условий края. Плодородная почва, обилие горных пастбищ для скота, масса цветущих растений, доставляющих пищу пчелам, пока позволяют удовлетворять несложные потребности поляков. Отдаленность же края от всяких пунктов сбыта для продуктов обрабатывающей промышленности и отсутствие местного спроса на эти продукты делают невыгодным, а, следовательно, и невозможным занятие какою-либо отраслью обрабатывающей промышленности.

В силу этих причин поляки и в настоящее время остаются, главным образом, «пахарями, скотоводами и пчеловодами». Как подсобные промыслы, имеют некоторое значение охота и рыболовство, а затем раз-

личные ремесла: кузнечное, плотничное, столярное, портняжество и женские рукоделья. К сожалению, по недостатку времени и средств я не имела возможности собрать цифровые данные относительно размеров и доходности каждого из перечисленных промыслов, почему могу лишь в самых общих чертах указать степень их распространенности и значения.

Наибольшее значение хлебопашество имеет в степных волостях – Александровской и Алейской, а затем во Владимирской. В Риддерской оно уже менее развито вследствие гористости местности, что затрудняет самую обработку земли, а суровость климата, вследствие высоты положения, часто бывает причиною недозревания хлебов. На такое распределение хлебопашества имеет влияние также и большее удобство путей сообщения в первых трех волостях, благодаря чему, избыток хлеба находит себе сбыт, тогда как Риддерская волость принуждена довольствоваться, так сказать, внутренним рынком, вследствие дороговизны перевозки в другие пункты. Как велика разница в значении земледелия в горной и степной части, видно из размеров запашки в тех селениях, где пашня уже поделена. Так, в д. Черемшанке, Риддерской вол. на платежную душу приходится всего по 3 дес. пашни, а в Поперечной еще того менее: определенно мне размера не указали, но на мой вопрос, хватает ли земли хоть по 3 д[ес.] на душу, дали ответ: «Куда там! дай, Бог, чтоб половину довелось получить». Во Владимирской вол. размер запашки значительно выше: в Быструхе, например, на платежную душу приходится около 5,5 дес.; в Лосихе пашню только собираются делить, так как богатеи захватили лучшие места, а беднота принуждена довольствоваться выдержанными, хотя в среднем каждый все-таки запахивает «не мало». В степной части из посещенных мною селений пашня делится лишь в одной Шемонаихе (Александровской вол.), где на платежную душу приходится по 16 десятинам; в с. Староалейском, несмотря на то, что «земля есть», развита также и аренда пашен. Приемы обработки везде самые примитивные; улучшенные орудия – сакковские плуги, молотилки и пр., имеются лишь в селениях степной части.

Скотоводство развито более равномерно по всем волостям, может быть, в горных селениях даже более, чем в степных, вследствие большего количества пастбищ, а также недостаточной обеспеченности пашней. Порода скота местная, улучшенных пород нет нигде.

Поскотина, т. е. самая городьба выгона, везде делится по скоту, причем единицей принимается голова крупного скота в возрасте от одного года.

Ближайшие и лучшие сенокосы везде поделены на пайки. Разверсточной единицей и в этом случае, как и при дележе пашен, является платежная душа – «годный работник». Но способ и срок передела в различных селениях различны. Так, в Шемонаихе сенокосы и пашни сперва разбиваются по урочищам, затем «глазомерно» определяют, сколько душ можно посадить на каждый участок и назначают его соответствующему числу годных работников, стараясь каждого оставить на прежнем месте. Паи умерших передаются вошедшему в возраст после передела «молодяжнику», последнее правило относится только к пахотной земле, так как сенокосы переделываются ежегодно. Захват «вольных», не вошедших в передел пахотных земель свободен, но о таком захвате нужно заявлять обществу. В д. Екатерининке пашни совсем не делятся, а сенокосы поделены на большие и малые паи. «Боец», т. е. полный работник от 16 до 55 лет, и старики 55-65 лет получают по одному большому и одному малому паю, свыше 65 лет – только по малому. Малый же пай получают детные вдовы. В с. Лосихе луговые сенокосы ежегодно делятся по душам, кто за сколько душ платит, на столько же душ и участок получает. Сенокосы огорожены поскотиной, которая разверстывается на том же основании, т. е. получивший больший участок, огораживает и пропорционально большее число десятин. В с. Староалейском сенокосы ежегодно делят «с набою», т. е. разделив их на участки, отдают тем, кто берет их за большее число платежных душ и т. д.

Пчеловодство развито повсеместно, как в горной, так и в степной части. Разница только та, что в степных волостях преобладают мелкие пасеки: огромное большинство пчеловодов имеет от 10 до 20 ульев. Пасеки в 100-150 ульев уже редки, тогда как в горных селениях, наоборот, пасеки, имеющие менее 50-60 ульев, составляют меньшинство. Мед и воск частью продают, частью потребляют сами.

Начали заниматься поляки пчеловодством с первых же годов своего пребывания здесь. Уже Паллас, как мы видели, упоминает об этом. Местные жители говорят, что край самым возникновением пчеловодства обязан полякам. В с. Бобровском указывают семью, прадед которой первый в этом краю приобрел от какого-то «генерала Аршеневского» колодку пчел, выписанных из Уфимской губернии, и тем положил начало местному пчеловодству, в настоящее время играющему важную роль в хозяйстве крестьян.

Пользование пасеками захватное и регулируется только двумя ограничениями: 1) захвативший участок под пасеку должен заявить об

этом обществу; 2) ставить новую пасеку разрешается в расстоянии не ближе одной версты от устроенных ранее.

Несмотря на давность существования пчеловодства и его значение в хозяйстве поляков, оно ведется «по старинке»: усовершенствованных ульев у крестьян нет, для пчел, на случай плохого года, корму не заготавливают, и против их «мора» никаких мер, кроме различных «заговоров», не употребляют, да и самый мор большей частью приписывается «худому глазу», единственное средство от которого – это не позволять заглядывать в улей постороннему и никому не говорить правды, сколько есть пчел. Риддерский горный врач А.В. Рязанов сообщил мне заговор, который читается при посадке пчел в улей и при весенней выставке их. Я приведу этот заговор дословно:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Господи, благослови доброе дело делать! От Духа Святого, от имени Христа, от Иисусовой молитвы, от Спасовой руки ты, пчела, пчелись, Господне создание! Предаю тебя, пчела, орлиное крыло, ремезиное перо, на всю Божью силу. Отпускаю тебя, пчела, в чистые поля, за синие моря, немшенные болота, от востока до запада, от земли до неба, на лазоревый цвет. Цвет преклони, нам новости принеси. Бейся, пчела, около своего двора, на чужу пчелу не летай, на себя не принимай, от чужого глаза не погибай. Заговариваю тебя, пчела, от черного, от черемного, от двоеглазого, троеглазого, от девки-самокрутки, от бабы-простоволоски, от своей худой думы. Загораживаю тебя, пчела, железным тыном, покрываю тебя, пчела, животворящим небом, предаю тебя, пчела, на Самодержителя Спаса и на Господа Иисуса Христа, на Матушку Пресвятую Богородицу, на Изосима, Саввatea, Соловецких чудотворцев. Ты же, пчела, от Спасова ребра, стой горой и теки рекой. Аминь святой молитве».

К сказанному относительно пользования различными земельными угодьями следует прибавить, что каждое селение пользуется землей отдельно от других, «в своей грани».

Таким образом, у поляков посещенных мною волостей, существует земельная однодеревенская община, переживающая в настоящий момент переходное состояние от захватной формы землепользования к душевой с переделами, так как порядок пользования различными угодьями еще не установился и не представляет из себя чего-либо определенного и однообразного, а наоборот, в различных селениях и даже в одном и том же селении в отношении различных угодий можно наблюдать все формы пользования, начиная от совершенно свободного за-

хвата любого участка земли и кончая душевыми паями, налагающими определенные обязанности на пользующихся ими. Лесные и горные сенокосы везде находятся в вольном пользовании. Пашни в некоторых селениях также еще не делены – в Староалейском, Екатерининке, Лосихе и пр.; в других – Шемонаихе, Черемшанке, Поперечной, Шипуновском и пр. поделены или все хлебопахотные земли, или только лучшие и ближайšie к селению участки, захватывать же новые места и расчищать их под пашню предоставляется полная свобода каждому. Усадьбы также захватываются, но в большинстве селений на это уже требуется согласие общества. В отношении иных угодий также нет одного определенного порядка пользования, только луговые сенокосы, вследствие ограниченного количества их, составляют исключение: они везде поделены, и пользование ими подлежит строгой регламентации.

Более выработана и регламентирована податная сторона общины. Каждое сельское общество получает от волостного правления окладной лист и уже само на сельском сходе разверстывает между своими членами приходящуюся на его долю сумму. Разверсточной единицей везде является «годный работник» или «боец», т. е. мужчина в возрасте от 16-ти до 55 лет, платящий «полный оклад», сумма которого определяется сходом с тем расчетом, чтобы она не была слишком обременительна для хозяйства с одним работником. Обыкновенно оклад на бойца бывает значительно ниже того, что приходится в среднем на него всех наложенных на общество платежей. Недостающую сумму разверстывают между другими членами общества, и прежде всего, делают «накладку» на «полубойцов», т. е. подростков 14-16 лет и стариков 55-65 лет; остаток же разверстывают между всеми, «глядя по состоянию». В некоторых селениях на стариков свыше 65 лет накладывают до смерти по 1 рублю (Екатерининка) или часть оклада, приходящегося на «убылые души» – умерших, состоящих на действительной военной службе и пр. (Черемшанка). Во всех селениях обязательно принимается в расчет при накладке «состояние» работника, т. е. его имущественная обеспеченность и работоспособность, так что больной боец, например, может рассчитывать даже на полное сложение с него податной тяготы, но зато от него отбирается и данный ему, как бойцу, пай сенокоса или участок пашни.

Наряду с общиной у поляков наблюдаются и так называемые «от общинные» формы: помочи и артель. Помочи очень распространены, особенно, в степной полосе, и отказываться от приглашения прийти

на помочь считается неприличным. Помочи устраивают всегда в будни, так как поляки считают грехом работу в праздник, и в день самых помочей никакого угощения, кроме обычного обеда, не бывает. Зато в ближайший праздник хозяин обязан устроить «гулянку» для помочан с пивом, катаньем на лошадях и пр. Чаще всего помочи сывают для уборки хлеба, но нередко также и для косьбы или уборки сена и для других полевых работ.

Еще более широкое распространение имеют артели. Кажется, нет ни одного промысла, где не применялась бы эта форма труда: есть артели земледельческие (артельные сенокосы), пчеловодные, охотничьи, рыболовные, лесопромышленные, плотничьи и т. д. В д. Екатерининке, Александровской волости есть артельные печи для бученья холстов, устроенные на берегу р. Алея, для безопасности в пожарном отношении: холсты бучат в конце весны-начале лета, и для бученья нужно жарко топить печь, на берегу же это можно делать безопасно. Таких печей около $1/2$ десятка, и некоторые из них принадлежат артелям из двух-трех домохозяев, устроивших их сообща и пользующихся ими поочередно.

Артели сенокосные и пчеловодные, обыкновенно, состояются из двух-трех человек, чаще родственников, которые сообща производят необходимый труд и делят поровну как расходы, так и полученный продукт – сено или мед и воск.

Крестьяне с. Шемонаихи и других селений, лежащих по р. Убе, составляют также артели для промыслов лесного и рыболовного. Вырубка леса и сплав его по Убе имеют большое хозяйственное значение для местных крестьян: из одной Шемонаихи ежегодно отправляются в верховья Убы человек 200 за лесом, соединяясь в артели. Артели слагаются небольшие – от трех до девяти и одиннадцати человек в каждой, число членов обязательно нечетное. Каждый артельщик-промышленник должен иметь при себе лошадь с «передками», т. е. запряженную в передние колеса телеги, на которых срубленный лес вывозится на берег реки, и харчи на все время промысла, продолжающегося две-три недели. Вся артель состоит из мелких артелек, по два «плотовщика» в каждой, которые должны вместе сгонять принадлежащий таковой артельке плот вниз по Убе. Кроме того, на всю артель полагается один вожатый, «вожжевой», на обязанности которого лежит доставить лошадей домой, когда остальные члены артели уплывут на плотах.

Рубят лес и свозят его к реке каждый сам для себя, кому сколько нужно. Спускают же лес в реку и вяжут плоты уже по два человека

вместе, они же и сплавляют его по Убе до места. Эти-то группы из двух человек и составляют те первоначальные ячейки, из которых слагается общая лесопромышленная артель. Плот – общая собственность обоих артельщиков, но паи их в нем не равны, а пропорциональны труду каждого. Эта первичная артелька называется «одной кашей», потому что входящие в нее промышленники складываются харчами на все время промысла – «варят одну кашу»; во время же работы в самом лесу, до сплава плотов, промышленники, в видах экономии времени, нужного для приготовления пищи, складываются «по две каши вместе», составляя продовольственные артели по четыре человека, к одной из них присоединяется и вожатый, и эта артель состоит уже из пяти человек. Каждая «каша» по очереди готовит обед, ужин и пр., доставляя тем другой «каше» возможность дольше оставаться в лесу за работой и не тратить времени на приготовление для себя пищи, следующую очередь должна готовить пищу другая «каша». Припасы каждая «каша» для приготовления общей пищи употребляет свои, так что все харчи потребляются сообща, по очереди. Балаганы также ставят сообща, по две «каши» вместе.

Наконец, на время сплава плотов вся артель соединяется в одно целое. Хотя каждая «каша» плавит свой плот самостоятельно, но во всех затруднительных случаях – спуска плотов через пороги, снятия с мели и пр., когда одна «каша» была бы бессильна помочь беде, все члены артели работают вместе. Общая помощь товарищам в опасности считается обязательной, и случаи, когда часть артельщиков оставляла своих товарищей и возвращалась домой ранее, так редки, что население помнит лишь два-три за несколько десятков лет, да и в этих случаях общество заставляло виновных возвращаться назад, предварительно наказав их розгами или штрафом.

Рыболовство, как промысел, не играет большой роли: им занимаются больше для удовлетворения собственных потребностей, и только излишек продают на местных базарах. Организация рыболовных артелей очень несложна. Два-три человека соединяются вместе для покупки общего невода, которым и работают сообща. Добычу делят счетом, поровну, принимая во внимание величину каждой рыбы. Иногда невод заводит кто-нибудь один и потом уже приглашает себе в товарищи одного-двух человек. Раздел добычи и в этом случае производится поровну, но иногда хозяин невода выговаривает себе за него несколько лишних рыб в прибавку, к чему, впрочем, население относится неодобрительно.

Также несложна организация и звероловных и других артелей: тот же небольшой размер артели, тот же раздел добычи поровну и пр.

Из перечисленных выше неземледельческих занятий населения более или менее самостоятельное значение имеют только плотничное и кузнечное ремесло и женские рукоделья, а из последних – вышиванье. Кожевенные заводы и клееварня не могут идти в счет, во-первых, потому что они существуют только в Шемонаихе и представляют единичные исключения, а, во-вторых, по слухам (самой мне не удалось осмотреть их), они только лишь начинают развиваться. Торговля в большинстве случаев находится в руках посторонних людей, хотя во многих селениях и найдутся отдельные личности из поляков, с успехом занимающиеся торговыми делами. Все остальные ремесла, кроме плотничного, кузнечного и вышиванья, дают такой ничтожный заработок и носят настолько случайный характер, за неимением постоянного спроса на их произведения, что не могут служить самостоятельным средством существования. Только на кузнецов, плотников и вышивальщиц существует постоянный спрос, почему эти ремесленники могут жить и почти исключительно своим ремеслом.

Несмотря на то, что в последнее время у поляков замечается стремление заменить старинный костюм общепринятым в Сибири, тем не менее вышиванье по-прежнему в ходу у них, не говоря уже о старухах, обязательно заготавливающих себе старинные вышитые костюмы для «смёртнаго», даже легкомысленная молодежь, увлекающаяся новизной до предпочтения юбки сарафану, а пиджака – вышитой рубашке, и та не обходится без вышивок, женщины вышивают кофты, полотенца, фартуки, а мужчины под пиджак надевают вышитые рубашки. Поэтому спрос на вышивки всегда и везде существует, тем более, что во многих селениях старинный костюм и сейчас еще во всеобщем употреблении.

Надо отдать справедливость, польские женщины достигли виртуозности в деле вышивок. Вышивают золотом и серебром кокошники, настилая одну нить возле другой, как в шитье гладью, рубашки, фартуки, полотенца и сарафаны вышиваются шерстяными и бумагой, причем употребляют различные швы: «крестиком» (малороссийский шов), «полукрестом» (русский) и «по-киргизски» (в тамбур). Узоры крестом и полукрестом, обыкновенно, прямолинейные, более или менее замысловатые арабески, а киргизские – чаще кругообразные, реже прямолинейные; только кокошники вышивают узорами с листьями и цветами.

Между узорами, вышитыми на полотенцах, часто продергиваются две-три металлические нити. Халаты всегда вышивают «по-киргизски».

Различные вышивки носят различные названия: широкие узоры на концах полотенца или фартука, а также на рубашке называются просто «узором»; узкие узоры, вышиваемые в промежутках между широкими – «выметками», они вышиваются, обыкновенно, в полкреста; вышитые оборки у полотенец или фартуков – «манжетки»; металлические нити между узорами – «прутик» и т. д.

Каждой вышивке, смотря по тому, на что она предназначена, соответствует определенный шов и узоры, и соблюдение всех этих тонкостей в вышивке считается обязательным, хотя далеко не все знают их. Поэтому искусные вышивальщицы имеют часто хороший заработок. В последнее время появились даже женщины, живущие исключительно заработком от вышиванья; в Черемшанке, например, две таких вышивальщицы, из которых одна татарка, другая – местная крестьянка, причем первая занимается золотошвейным мастерством (вышивка кокошников), а вторая – вышивкой рубашек, сарафанов и пр. Вышивка кокошника золотом стоит от 5 до 10 р.; полотенца – $1\frac{1}{2}$ –3 р.; мужской рубашки – 2–4 р. и т. д.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. ПЕСНИ И ПРИЧИТАНИЯ

Как обычные песни поляков, так и свадебные песни и причитания записаны частью мною в селениях Черемшанке, Риддерской, Зимовье, Владимирской, Шемонаихе, Александровской и Староалейском, Алейской волости, частью же В.П. Ивановым в с. Тарханском, Бобровской волости для Общества любителей исследования Алтая, которое, с согласия г[осподина] Иванова, любезно предоставило их в мое пользование. Песни, собранные мною, помещены здесь под литерою А, отдельно от песен г[осподина] Иванова, помеченных литерою В.

В том и другом отделе я выпустила песни, общие полякам и их соседям – риддерским обывателям, так как эти песни уже были напечатаны в моей статье «Из поездки в Риддерский край». Здесь же мною помещены лишь те песни и причитания, которые распространены только среди поляков и не употребительны у риддерцев.

3.
 Река-ли ты моя, реченька,
 Речка быстрая, струистая!
 Бегит речка, не колыхнется.
 «Отчего же мне колыбаться?
 Нету ветру, ни вихору,
 Ни большой погодушки».
 Сидит-то у нас Настасьюшка,
 Сидит-то она умнешенько.
 «Отчего же мне смеяться?
 У меня-то все гости званые, почетные.
 Одного-то гостя дома нет –
 Нету братца родимого!
 Спросил бы мне про сторонушку,
 Про сторонку, да про милого дружка:
 Он не ходит ли вдоль улицы,
 Не заходит ли в царев кабак,
 Не пьет ли зелено вино,
 Не кушает ли сладкой водочки?»

4.
 Вились кудри, сповилися
 Удалого добра молодца.
 Завивала красна девица-душа,
 Завивала, приговаривала:

«Прилегайте, мои кудерки,
 Ко моему белому лицу,
 Ко румянному!»

5.
 Не полати-то грянули –
 По рукам девку ударили.
 Что не печь повалилася –
 Аннушка заручилася
 Со милым дружком
 Да с Васенькой.

6.
 Еще что же в поле, что за травка?
 У раздольица-то в поле что
 за травка,
 Подкошенная травка вянет?
 Сговоренная девка тужит-плачет;
 Она плачет, сама возрыдает,
 Все замужье свое проклиняет:
 «Будь ты проклято, житье
 замужье!
 Развеселое-то житье девье,
 Не на век ты, житье,
 Девке доставалось».

II. ОБЫЧНЫЕ ПЕСНИ – УЛИЧНЫЕ, ХОРОВОДНЫЕ И ПР[ОЧИЕ]

1.
 Был я на горочке,
 Был я на крутой.
 Построился тут
 Город Москва
 На серым камушке,
 Белушким пером.

2.
 Девка думала-гадала:
 «Потеряла свой покой,
 Свой покой предорогой,
 За тебя, любезный мой!»
 За тебя, девушка милая,
 Прожил я холост – не женат.

Не по волюшке я женился,
 Не по мыслям жену брал,
 Не по мыслям, не в корыстном
 Брал неровнюшку свою.
 Я не буду в любви жить с ней,
 Я с гульбой стану ходить,
 Трех сударушек любить,
 Трех сударушек хороших,
 Молоду жену сушить.
 Исповысушил жененку
 Суше травки-ковылю,
 Еще есть того сушее,
 Желтей желтого песку.
 Как на этом на песочке
 Быстра речка протекла,

Эта речка невеличка,
С берегами наравнях.

3.

Выйду я на уличку
На широкую,
Сяду на крылечко
На раскрашенное.
Сяду – посижу, словечко скажу,
Словечко скажу,
Потом слугам прикажу.
Велю заложить
Троечку легких,
Тройку коней легоньких,
Всех вороных лошадей.
Сяду я, поеду ко любезной в гости.
Подъезжаю близко к дому –
Ее дома нет,
Дома нету разлюбезной,
Ушла в зелен сад гулять.

4.

Молоденький мальчик
Молоду супругу
До страсти любил.
Как шел он на службу,
С любовью сказал:
«Жена моя, будь верна!»
«Верна до могилы!»
Сказала ему.
Окончил срок службы,
Поехал мальчик домой.
Въехал он прямо
В родительский новый дом.
«Здравствуй, родитель!
Здорово, моя семья!»

5.

Светит месяц, часты звезды,
Светит белая заря,
Просвещает путь-дорожку
Вплоть до милой, до двора.

Сижу я, мальчик, играю во гитару,
Сам себя я веселю.

Никто моего горя не знает,
Что я со милой расстаюсь.
Никто нас с милой не разлучит,
Что ни отец, ни мать родная.
Только разве нас с милой разлучит
Служба Белого царя.
Служба Белого царя – царя – царя
Нас в разлуку произвела.

6.

Ты взойди, взойди,
Туча грозная!
Ты пролей, пролей
Частым дождичком,
Ты размой, размой
Земляну тюрьму!
Из тюремешки
Братцы разбежались,
Ко быстрой речке
Сбирались.
Уж мы сделаем, братцы,
Легкую лодочку.
Еще чем же мы лодку
Разукрасим?
Изукрасим тебя, лодку,
Плисом, бархатом.

7.

Подымались с гор туманы.
Молоды казаки
Не путем-то шли дорожкой,
Назад оглянулись.
Остаются у нас дома
Молодые жены,
Остается конь вороный
С препаратной сбруей,
С чесменной уздою.

Вздумал, вздумал наш полковничек
Погуляти.
Что со этого со горя

Помирати.
Помер, помер наш полковничек
В середу по утру,
В самую в обедню.

8.
Не дуйте, ветры буйные, не бушуйте!
Не клоните вы лес-дубровушку
Ко сырой земле!
Не мешайте-ка мне, добру молодцу,
Мою думу думати.
Я не год сижу, добрый молодец,
И не неделюшку –
Засажен я, сижу
Тридцать лет.
Все дверюшки-вереюшки
Мохом заросли,
Все ключи-то, замки
Перержавели.
Как головушка у добра молодца
На усед седа,
А бородушка у добра молодца
На-убел бела,
Ровно белый снег.

9.
Я на стуле посижу,
Думу думаю:
Еще как мне жить на свете
Одинокому?
Я пойду-то, схожу
На широкий двор.
Я поймаю-то коня,
Коня вóроного.
Я почусь, полечу
Легче соловья,
Догоню, ворочу
Свою молодость,
Свою молодость,
Девью красоту,
Девью волюшку!

10.
Что на вороном на коне,
Со сбруей золоченой...
Не жалко-то мне коня,
Не жалко-то сбруи.
Растошным-то мне жалко
Удалого молодца,
Удалбого, холостого,
Обручального кольца.
Обручальное колечушко
В синем моречке лежит,
В синем моречке, на доньшке.
На желтом песку,
На горячем камушке
Как сидит-то Марша, плачет,
Понапрасну слезы лить!
«Еще как-то мне, Марше,
не плакать?»
Еще как-то мне слезы не лить?»

11.
Уж ты, воля моя, ты, волюшка!
Довела ты девку до неволи,
До неволи ты меня, до худой славы!
Со худой-то славой я горюшко
замыкала,
Вышла-то я млада не за ровнюшку,
Не за ровнюшку-то я вышла,
мужа старого.
Уж как старый-то муж на руке
лежит,
На руке-то у меня лежит,
Сам в глаза глядит,
На руке-то лежит,
Сам целовать хочет.
Целовать-то его мне не хочется,
Живот- сердченько
К нему не воротится.
Целовать-то мне охота
Свою ровнюшку.

12.

Слушал, слушал,
 понимал,
Под кустом сидел, дремал.
Из-под кустика пошел,
Во высок терем зашел.
Во высоком терему
Сдивовался атаман:
В этом теремочке
Нету зеркала, картин
Сдивовался здесь один.

13.

Ты, гулянице-воля, моя!
Где-то я не гуляю?
Где я в свете не хожу?
Своего-то я любезного
На уме его держу,
На уме его, на разуме,
На своих крепких мыслях,
На своих-то на мысляшках,
Что было-то в руках счастьеще,
Не могла его содержать.

В. ПЕСНИ, СОБРАННЫЕ В.П. ИВАНОВЫМ

І. С В А Д Е Б Н Ы Е П Е С Н И

1.

Конь по берегу похаживает,
Конь головушкой помахивает.
На коне сидит удалой молодец
Свет Василий Демьянович.
За собой он ведет красну
 девицу-душу
Свет Прасковью Ивановну,
Он ведет, ведет, вострепывает.
С потрепаньца белы руки болят,
С целованья алы губы мякоськи.
Вы раздайтесь, расступитесь, люди,
На все на три, на четыре стороны!
Где мы сойдемся близешенько,
Мы поклонимся низешенько,
Поцелуемся двенадцать раз за раз,
Трое, двое со всем поездом.

2.

Не атласная ленточка
Ко стенке льнет,
То Васенька Еленушку
К сердцу жмет.
«Скажи, скажи, Еленушка,
Всю правду свою

Воистинную:

Кто тебе, Еленушка,
Из роду мил?»
«Мил-то, милешенек
Миленький дружочек,
Свет Василий
Иванович – душа!»

3.

Повились кудри, повились
У удала добра молодца!
Что не сами кудри вились,
Не сами завивались:
Завивала красна девица-душа,
На кровати сидючи,
На камнушках держучи,
Ключевой водой умываючи,
Красотой удивляючись:
«Ты, удалый, добрый молодец,
Умел хорошо родиться,
Без белилечек белешенек,
Без румян, друг, румянешенек;
Брови черны – расчерна соболя,
Очи ясны – разъясна сокола,
Что ресницы остистого бобра».

(Вариант записанной мною свадебной песни № 4).

4.
 Как по саду-садочку,
 По зелену винограднику,
 Тут ходил-гулял молодец
 Свет Филипп Алексеевич.
 Он чесал буйную головушку
 Дорогим рымским (?) гребешком,
 Он чесал, приговаривал:
 «Прилегайте, русы кудри,
 К моему лицу белому,
 К моему ко румяному!
 Привыкай, красна девица,
 Свет Прасковья Егоровна,
 К моему уму-разуму,
 Ко обычью молодецкому,
 Ко ндраву молодецкому!»
 Уж знать-то, мне, младешеньке,
 Спеси-гордости убавити,
 Уму-разуму прибавити;
 Голову держать поклонливо;
 Чужого отца звать батюшкой,
 Чужую мать звать матушкой;
 Величать дружка милого
 Филипп Алексеевич!»

5.
 Когда-то была малёнька,
 Умом-разумом глупёнька,
 Я во люлечке качалась,
 Во пеленочки пеленалась.
 Подходил-то ко мне родимый
 батюшка,
 Брал меня во белы руки.
 Уж он брал-то, метал,

Приговаривал:
 «Ты, дите-ли, мое дитяtko,
 Ты, дите-ли, чадо милое!
 Не отдам-то я тебя, мое дитяtko,
 Ни за князя-ли, ни за боярина,
 Ни за того-ли я тебя купца торгового!
 Посажу-то я тебя во зеленый сад,
 Во зеленый сад, под яблони,
 Обложу-то я тебя цветами лазоревыми,
 Оболью-то я тебя сытою медвяною!»
 Теперь-то, мой родимый батюшка,
 Изменил ты свое слово ласково:
 Посадил ты меня за дубовый стол,
 Обсадил ты меня любезными
 подружками,
 Облил ты меня горячими слезами.
 Я спала-то, млада, высыпалась,
 Я ждала-то, млада, дожидалась
 От батюшки-то побужденьица,
 От матушки покликаныица,
 От братца-то слова ласкова,
 От сестрицы-то ключевой воды,
 От невестушки-то полотенчика.
 Любезные мои подруженьки,
 Как придет к вам весна красная,
 Наипаче-то того лето теплое,
 Как пойдете-то вы в бор по ягоды,
 Не увидите-ли где вы мою девью
 красоту?
 Не сидит-ли где под кустичком,
 Не умывается-ли горячими слезьми?
 Возьмите вы ее на белы руки,
 Принесите-ка ко родимой матушке,
 Посадите-ка на окошечко.

II. ОБЫЧНЫЕ ПЕСНИ – УЛИЧНЫЕ, ХОРОВОДНЫЕ И ПР[ОЧИЕ]

1.
 Из тех лесов дремучих
 Разбойнички идут,
 В руках своих могучих

Носилочки несут.
 Носилки не простые:
 Из ружьев сложены,
 Поперек же их стальные

Мечи положены.
Как на этих на носилках
Разбойничек лежит.
Уж он весь окровавленный,
Из раны кровь бежит;
Что из раны кровь бежала
По русым волосам.
Его медная кольчуга
Вся изрублена лежит,
Золотые эполеты
Оборваны висят,
У него длинный шестиствольный
За поясом торчит.
Понесли его товарищи
По темным по лесам,
Выносили на долину,
Сказали: «братцы, стой!»
Все мы ружья побросали
На землю с мертвецом.
«Вы давайте поскорее
Могилу братцу рыть!»
Уж мы вырыли могилу,
Зарыли мертвеца.
Посередь этой могилы
Молились на восток,
Мы молились, распростились
Все вместе, вшестером.
«Ты прощай-ка, наш товарищ,
Прощай, наш атаман!
Как теперя не видаться
Век вечный нам с тобой!»

2.
Закаталось красно солнце
За темные леса.
Все-то пташки приуныли,
Их не слышно было ни одной.
Одна пташка-канарейка
Не могла-то она гнездышко сыскать.
Под деревцом было, под вершинкой
Нова хижинка стоит.
В этой-то во хижинке

Солдатская жenuшка живет.
Под окошком бедная сидит,
Нерóвнюшку-мужа к себе ждет.
Как по питерской да по дороженьке
Два нерóвнюшки там братца идут.
Как один-то нерóвнюшка

молоденький,

Другой – очень пожилой,
Сединой-то головушка покрыта,
Грудь завешена крестами.
Заходили они в маленькую
деревенку,

Просились ночку ночевать:
«Ты, любезная наша хозяйшка,
Пусти ночку ночевать!»
«Вы, любезные мои солдатушки,
Всю вам правдушку я расскажу:
Три дня хату я не топила,
Не варила для вас ничего».
«Ты, любезная наша хозяйшка,
Нам не нужно твоего ничего –
У нас сухарики-то насушены,
В манерочках водка есть».
Заходили в маленькую избушечку
Они, молились своим образам.
«Ты, любезная наша хозяйшка,
Подойди к нам поближе сюда.
Тыними-ка с меня черну шляпу,
Погляди-ка, что в шляпе есть:
Во шляпе-то розовый платочек
Завязан в узелок,
Как во этом-то узелочке
Золотое-то кольцо».

3.
Яблонька ночная
Непокрыта расцвела.
Свет княгинька молодая
С князем в тереме жила.
Как у князя был Ванютка,
Кудреватый, молодой...
Ваня-ключник, злой разлучник,

Разлучал мужа с женой.
Он не даривал княгиньку
Он ни золотом, ни серебром,
Только даривал княгиньку –
Бил по правому плечу.
Как к детинушке прильнула,
Как сорочка ко плечу,
Целовала, миловала,
Подносила чару пить,
Спотаечком спать уклала,
Спать на князеву постель.
По известным наговоркам
Князь узнал ее вину.
Князь, узнавши, догадавшись,
Взял княгинюшку под ключ.
«Уж вы, слуги мои, слуги,
Слуги верные мои!
Вы ходите, приведите
Ваню-ключника сюда».
Как ведут слуги Ванюшу,
У Вани кудри ветром вьет.
Привели Ваню ко князю,
Князь стал спрашивать его:
«Ты скажи-ка, брат, Ванютка,
Сколько лет с княгиней жил?»
«Про то ведает подушка
И пуховая постель!»
«Уж вы, слуги мои, слуги,
Слуги верные мои!
Вы повесьте-ка Ванютку
Во шелкову во петлю».
Ваню ветерцом качает,
Как былинку на меже –
Размолоденька княгинька
Помирает на ноже.

4.
Из-под Томского,
из-под Тобольского
Лежала тут дорожка.
По дорожке по ирбитской
Бежала повозка.

Во повозочке, во кибиточке
Сидел там молодчик-молодец.
Закручинился, запечалился,
Облился слезами,
Во слезах добрый молодец
Словечушко молвил:
«Жил я с батюшкой,
Жил я с матушкой, –
Жил я на досаде;
Жил я в роде племени, –
Жил я на прохладе;
Жил я у красной девицы-душечки, –
Жил я на забаве.
Не ясен-то сокол со тепла гнезда
солетает,
Добрый молодец-то со квартирки
долой съезжает.
Никто-то меня, добра молодца,
Никто-то меня не провожает.
Провожают меня, добра молодца,
Все люди чужие,
Приближенные соседушки,
Все красные девицы.
Я со всеми-то, добрый молодец,
Со всеми распростился,
С одною душечкой – красной
девицей,
С одною не простился.
Со пути я, со дороженьки
Назад воротился.
Он под кутное под окошечко
К стенке становился,
Раскамышевой своей тросточкой
В стенку колотился.
«Уж ты спишь ли, Дуня?
Спи, Господь с тобою!
Ты не спишь ли, Дуня,
Говори со мною!»
«Уж я спать-ли не сплю,
Говорить не смею:
Что не мил да постыл
Залег праву ручку;

На руке-то лежит,
Во глаза глядит,
Во глаза глядит,
Целовать велит».

5.

Уж горе мое, горе великое!
Никому же мое горе не известно.
Хоть известно мое горечко
Сердцу болезнью,
Призакрыто мое горечко
Белою грудью,
Запечатаны-то уста сахарны
Думою крепкой,
Призаплаканы-то очи ясны
Все слезами.
Во слезах-то я дружка просила,
Речи говорила:
«Уж ты, миленький ты дружок,
Сердечный, куда собираешься?
В которую путь-дорожку,
В Красноярск?
На кого ты меня, милый, покидаешь?
Если лучше кого полюбишь,
Меня позабудешь.
Если хуже меня полюбишь,
Меня помянешь.
Вспоманешь меня, мой друг сердечный,
Сам слезно сплачешь,
Слезно сплачешь ты, мой друг
сердечный,
Да не воротишь!»

6.

Ты не тки-ка, девчонка,
Тонко, бело полотно.
Ой, да ты не шей, моя красотка,
Шитый, браный положок,
Во твоём пологу
Не сыпáть мне, молодцу.
Мне сыпáть, не сыпáть
В легкой лодке на воде.

Ой, да мне твоего тела белого
Не трепывати,
Мне устов твоих сахарных
Не целовывати.

Ой, да целовать, не целовать
Волгу-матушку реку.

Ой, да со пути друга ворочу,
Душу с телом разлучу.

Ой, да с твоего тела белого
Пирожков я напеку,

Со твоей крови горячей
Пиво пьяное сварю,

Со твоих крупных костей
Кровать нову намощу,

Со твоих ясных очей
Пивных чашек наточу.

Всех любимейших подружек
К себе в гости созову.

Созову своих подружек,
Поподчиваю,

Я поподчиваю,
Им загадку загаду:

«Я на миленьком сижу,
Я на милого гляжу,

Милым подчиваю,
Милым подчиваю».

Ой, да одна-то подруженька
Сдогадалася:

«Уж ты, ..., моя подруженька
Зарубила молодца».

7.

Полюбил парень девчонку,
Она чем лучше меня?

Лицом-то белым не белее,
Щечком алым не алее,

Только тем покрасивее –
На ней платье поцветнее.

На ней платьице цветное,
Все уборы дорогие,

Позументы золотые,
Позументы золотые,

Они даром дарены,
Из Ирбити присланы.
Я со этого со горя
Пойду в зелен сад гулять.
Я нарою, накопаю
Злых кореньев на лугу.
Я пойду-то, схожу, младенька,
На Дунай, быстру реку,
Я вымою коренья
Белым на́бело, белó,
Уж я высушу коренья
Сухим на́сухо, сухó.
Растолку эти коренья,
Мелко на́мелко столку.
Я сварю эти коренья,
В меду-патоке сварю.
Я своего любезного
Дружка в гости созову.
Я подам любезному
Стакан зéлена вина.
Уж как мой-то разлюбезный
За белые руки брал.
«Ты сумела, лиходейка,
Опоить и окормить –
Ты сумей-ка, лиходейка,
Тело бело схоронить!»

8.

Проходи, мое скучно времячко,
Проходи поскорей!
Все часы до минуточки,
До разминуточки люты дни!
Под окошечком Машенька сидела.
Бедна плачет да во слезах речи

говорит:

«Знаю, знаю
За кого страдаю –
Знать, за милого,
За своего дружка!»
Сохнет, блекнет в полечке травынька,
Спосыхает трава без дождя.
Когда дождичком травыньку помочит,

Корешки в траве отдохнут.
Я со этого со горя
Пойду в темны во леса.
Ничего в лесочке не видно,
Ничего в темном не слышать.
Только слышно было, видно,
Быстра реченька шумит.
По той реченьке по быстрой
Плывет стадо лебедей.
Все лебедушки попарно,
Одна лебедь без пары,
Все девочки с милыми
дружками,
Одна я, млада, одна.

9.

На серебряных волнах,
На златых песочках
Давно с девой молодой
Растерял следочки.
Там следков знакомых нет,
Нет и не бывало.
Я люблю ее душой,
Она изменила.
Подул буйный ветерок,
Море всколебалось,
Во мне сердце обмерло,
Я, млада, спугалась.
Во сиянской (?) стороне
Колокол раздался:
Везут милую мою
Со другим венчаться.
Где увижу Божий храм,
Я туда стрелюю.
Захожу я в Божий храм,
Гляжу по народу:
Водят милую мою
В венцах вкруг налоя.
Подойду-ка я к иконе
Со святой мольбою:
«Создай, Боже, им совет,
Мне любовь иную!»

10.

Сел казак на коня,
Шевельнул уздою,
Тронул шпорой под бока:
«Лети, конь, стрелою!
Ты лети, мой добрый конь,
Лети, торопись!»
Прямо любочки моей
Конь мой становился.
Свернулся казак со коня,
Заводил в ограду,
Что к столбу дубовому,
К кольцу золотому.
Заходил казак в светлицу,
Брал в руки скрипицу,
Брал, брал в руки скрипицу,
Разбужал девицу:
«Ты встань-кося, девица,
Встань, пробудися
От приятного сна!
Встань, поднимися,
Со мной улыбнися!»

11.

Брала, брала
Девка воду,
Коню наливала.
Не пьет конь водицы,
Дороженьку чувствует.
Чуял, чуял
Конь дорожку,
Где казак ночует.
Ночевал казаченок
В поле, при долине.
Что во полюшке,
При долинушке,
Под белой березой,
Под горькой осиною
Стлал казак постелю.
Стлал, стлал казаченок
Мучку (?) пуховую,
Потнички под бочка,

Седельце в изголовье.
Спи, друг, на здоровье
Ночку на спокое!

12.

Сидел москаль на прилавочке,
Призащурив очи,
Так и видно, что он, бедный,
Вареников хоче!
Хотел бедный москалек,
Стал женку пытати:
«Хозяюшка, голубушка,
Свари мне ин-то, чу!»
Что, чего тебе зварити?
Бери тесто,
Бери творог –
Тут выходят пироги».
Стала женушка жидати,
В барабан играти.
Заторгачил барабан.
Пошел москаль з хаты,
Пошел бедный москалечек,
С голоду сердитый,
Подбегает ко ученью,
Стали его бити.
Биют, биют москалюку,
Вину вспоминают,
Его «пироги, варенички»
Тайно называют.

13.

Там люди живут,
Ровно мак цветут,
А я, молода,
Ровно вяла трава,
Куда ни пойду,
Тут и паду.
С кем сведу совет,
Ни в ком правды нет.
Ты воспой, воспой,
Мой соловьюшек,
Ты воспой весной

На прогалинке!
Ты подай голос
Через темный лес,
В Москву каменную!
В крепость крепкую
Засажен-то сидел
Добрый молодец.
Он по году-то сидел,
Он по два года,
Уж как высидел
Ровно девять лет.
На десятый год
Стал письмом писать
В свою родину,
В свою родину,
К отцу, к матери.
Отец с матерью
Не призналися,
Не призналися,
Отказалися:
«Еще что у нас
В роду не было
Ни воров в роду, ни разбойников».
Я пойду с горя
В монастырь гулять,
С монахами жить,
С монахами служить.
Я там выстрою
Келью новую,
Я вырублю в келье
Три окошечка:
Первое окно
В чисто поле,
А второе окно –
В сине море,
А третье окно –
Во зеленый сад.

14.
Возле бережку
Дунаю-Дунаю
Перевоз Дуна

Дёржала – дёржала.
В роще калина моя,
В темном невидимо
Соловьёшки песни поют!
Пришел к Дуне
Батюшка – батюшка:
«Перевези меня,
«Дунюшка – Дунюшка,
«Дочка моя!»
В роще калина моя, и т.д.
«Я тебя, батюшка,
«Нé узнала, нé узнала,
«Перевозчиков
«Нé наняла, нé наняла».
В роще калина моя, и т.д.
Пришел к Дуне
Ванюшка – Ванюшка:
«Перевези меня,
«Дунюшка, Дунюшка,
«Лапа моя!»
В роще калина моя, и т.д.
«Я тебя, Ванюшка,
«Узнала – узнала,
«Перевозчиков
Наняла, наняла!»
В роще калина моя, и т.д.

15.
Как из полечка-то,
Поля чистого,
Из раздольица,
Поля широкого.
Тут ходил-то, гулял
Развороный добрый конь.
Трое суток-то
Конь, не евши был,
Всю неделюшку-то
Он не поен стоял,
Расчеркацко-то седло
На бок сбил,
Тесьмяну-то уздечку
Он все прервал,

Расшелков-то повод
Он в грязь стоптал.
Подбегал-то мой конь
Вдоль по улочке,
Вдоль по улочке
К проезжему-то переулочку.
У купца-то было у богатого
Случилось-то горе-несчастье,
Что большое-то у него безвременье:
Как жена-то мужа испотребила,
Испотребила мужа, зарезала.
На ноже-то сердечко вынула,
На ноже-то сердце встrepенулося,
Расхуда-то жена усмехнулася.

16.
В Петербурге жил Ванюха,
Неженатый, холостой.
Он не знал, в кого спроситься,
Кроме тятки своего.
«Позволь, тятенька, жениться,
Позволь взять, кого люблю».
Отец ему не поверил,
Что на свете есть любовь:
«Ну, на свете девок много,
Можно всех равно любить».
Повернулся он, заплакал,
Он словечка не сказал.
Взял он шашку-лиходейку,
Пошел к Любочке своей,
Стукнул, брякнул во колечко:
«Выйди, Люба, на крыльцо!»
Знать, Любаша не слыхала
И не вышла на крыльцо,
На крылечушко не вышла,
Не дала в руки кольцо.
Взял я шашку-лиходейку,
Пошел в рощицу гулять,
Я по рощице гулял,
Споразил я сам себя.
Покатилась головка
Прямо к Любушке в садок,

Его русые кудерцы
Прямо к Любушке в окно,
Голубые его глазки
Прямо к солнышку глядят,
Дорогие его письма
Прямо к Любе в сад летят.
Люба по саду гуляла,
Стала письма разбирать.
Где читала, тут упала,
Жизнь кончалася, любовь.
«Ты умела, расканалья,
Меня до веку любить,
Так умей же, расканалья,
Тело бело схоронить!
Схорони ты тело бело
Между трех больших дорог,
Между Питерской, Московской
И Сибирской столбовой!»

17.
Выходило из Сенату
Про рекрутский про набор.
Пишет, пишет нам родитель,
Чтобы шли дети домой.
Все три братца собралися,
Вдоль по улочке прошли,
Вдоль по улочке прошли,
На почтовый двор зашли.
Взяли троечку лихую,
С нами кучер молодой.
Тройка скачет,
Ямщик пляшет
С новобранным рекрутом,
С новобранным, со злосчастливым,
Со несчастным ездоком.
Близ к деревне подъезжали,
Умывалися слезьми.
Мы в деревню заезжали,
Тут отцовский дом стоял.
Мы ко дому подъезжали,
Братцев некому встречать.
Мы во домик заходили:

Быжнов Иннокентий Иванович (29 марта 1864 – 16 октября 1938), историк, краевед, общественный деятель.

Родился в с. Осиновые Колки, Каинского округа Томской губернии в семье священника.

С 1874 по 1883 г. учился в Томской гимназии, затем на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1887 г. С 1890 по 1899 г. работал учителем истории, латинского и русского языков и русской словесности в Томской мужской гимназии.

С мая 1899 по 1916 г. служил в Барнауле сначала секретарем и затем и помощником заведующего землеустройства Алтайского горного округа. Член Общества любителей исследования Алтая, принимал участие в устройстве библиотеки, переданной из Главного управления в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.

С 1917 по 1920 гг. жил в Томске, работал в межгубернской комиссии по разделению территорий Томской и Алтайской губерний. Затем в Омске занимался учетом колонизационного земельного фонда в Сибири, был делопроизводителем по землеустройству в Иркутском губернском земельном управлении. С 1920 по 1926 гг. работал в Томской губернии в губстатбюро и плановой комиссии Томского губисполкома, был членом Общества изучения Томского края, в 1930-е гг. работал в Томском краеведческом музее.

Работа «Из истории горнозаводского населения на Алтае (материалы для истории крепостного права в Сибири)» была опубликована в 1907 г. в шестом томе «Алтайского сборника», издании Общества любителей исследования Алтая, напечатанного в типолитографии Главного управления Алтайского округа.

И.И. ТЫЖНОВ

**ИЗ ИСТОРИИ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА АЛТАЕ
(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КРЕПОСТНОГО ПРАВА
В СИБИРИ)**

I

**Общие замечания об организации сословия горнозаводских
людей Колывано-Воскресенских горных заводов**

Как известно, зависимое от Колывано-Воскресенских заводов население Алтайского округа с самого начала здесь крепостного права и приблизительно до шестидесятих годов XVIII века, т. е. почти в течение 14 лет, составляло однородную массу, так называемых, приписных заводских крестьян, обязанных заводам известной работою, пределы и количество которой определялись только практикой, а не какими-либо определенными и точными узаконениями и уставами. С течением времени из этой однородной массы отданных в работы крестьян, мало-помалу начинают выделяться различные более или менее обособленные группы рабочего заводского населения, с определенными обязанностями и с более или менее определенной организацией. Но и обязанности, и организация долгое время оставались без юридического определения; и то и другое определялось заводской практикой, т. е. развитием горного дела и организацией производства, другими словами, требованиями горнозаводской техники и ее количественным развитием. Можно сказать, что во все время существования крепостного права на Алтае закон шел здесь позади заводской практики; нормировалось только то, что уже вошло в жизнь, чего требовало и что осуществляло горнозаводское дело; закон шел за жизнью, а не впереди ее; здесь не было законодательного творчества, да и не могло быть его. А где можно было предполагать его, там при ближайшем рассмотрении оказывались лишь нерешительные попытки и ряд колебаний. Это зависело от двух причин: с одной стороны, от общих государственных, вернее, социальных условий, а с другой – от того двойственного положения, которое тотчас заняли заводы с переходом в Кабинет. На всем протяжении их истории можно наблюдать борьбу двух начал, начала государственного и начала вотчинного. С прекращением горнозаводского дела, в послереформен-

ный период борьба эта перешла в другую область, в область поземельной политики, что наблюдается и в наши дни.

Как бы то ни было, но весь уклад жизни алтайского населения в период крепостного права определялся требованиями горнозаводского дела; последнее повело здесь и к дифференциации местного населения, к принудительному делению его на различные группы и к принудительной организации каждой группы внутри [н]ее самой. С этой точки зрения, более строгую регламентацию и наибольшее стеснение свободы, доходившее до лишения ее, должна была получить та группа населения, которая стояла у самого заводского дела, испытывая всю тяжесть его, и сравнительно менее должна была страдать та группа, которая стояла дальше от заводов, участвуя лишь во вспомогательных заводских работах. Сообразно с этим, мы и видим к концу крепостного периода две основные, две большие группы населения, резко отделенные одна от другой: это горнозаводские рабочие и приписные крестьяне. Между ними стояла еще третья группа, это, так называемые, урочники, примыкавшие некоторыми своими чертами то к горнозаводским рабочим, то к приписным крестьянам. Горнозаводские рабочие, урочники и приписные крестьяне – вот те группы, на которые заводская техника разделила здесь население.

Если дифференциация алтайского населения вообще совершилась под влиянием требований местной горнозаводской промышленности, то дальнейшее деление внутри каждой группы также совершалось под влиянием той же заводской техники. Наиболее организованной принудительно, путем строгой регламентации, и разделенной на наибольшее количество категорий, оказалась из всех трех групп местного населения группа горнозаводских рабочих, ибо работа собственно на заводах и рудниках требовала наибольшего разделения труда; и в то время как приписные крестьяне, исполнявшие лишь так называемые вспомогательные заводские работы, будучи приписными к заводам, оставались крестьянами государственными и сохраняли общественно-государственное устройство, горнозаводские рабочие были подчинены уже действию военных законов, составляя к самому концу крепостного периода особое «состояние» или сословие, резко отграниченное от других сословий. Но зато на мерах, которые принимало правительство по отношению к приписным крестьянам, резко отражались те колебания правительственной политики, которые вытекали из двойственного положения Алтайских заводов, как государева имения, и здесь именно

можно наблюдать, как начало вотчинное, частновладельческое боролось с началом государственным, как попеременно преобладало то или другое.

На положении и организации горнозаводских рабочих людей эта двойственность положения и вытекавшие из нее колебания правительственной политики нисколько не отражались. Образовав особую группу, горнозаводские обыватели находились уже под давлением заводской техники, требовавшей значительного разделения труда и строгой регламентации. Сообразно с этим, внутри этой группы происходит деление на мастеровых и работников главных производств, на рабочих вспомогательных производств в заводах, на рудокопов и рабочих в рудниках, на рабочих золотых приисков, так называемых, приисковых партий и промывальщиков песку и т. д. Наконец, горнозаводские же крепостные люди выделили из себя категорию лиц низшей заводской и рудничной администрации.

Принудительная организация горнозаводских рабочих произошла не сразу. Долгое время как центральное правительство, так и местная заводская администрация не могли найти даже источника, из которого можно было бы составить контингент постоянных горнозаводских рабочих и мастеров. В данном случае дело осложнялось тем, что требовались люди, обладающие хотя бы самыми элементарными познаниями в области заводской техники и некоторыми техническими навыками, т. е. помимо источника, требовалось создать школу практических горнозаводских техников и людей, знакомых с заводской администрацией на низших ее ступенях. Обе эти задачи были решены не сразу, и прежде чем установился источник снабжения заводов людьми и определился порядок обучения их заводскому делу, можно наблюдать ряд попыток со стороны начальства. И если первая задача была решена определенно и удовлетворительно, с точки зрения правительства, в 1761 году, т. е. спустя около 14 лет после основания заводов, то решение второй задачи нельзя признать удовлетворительным на всем протяжении крепостного периода. Примитивность заводской техники составляет существенную черту заводов; это зависело от того, что заводы имели в лице закрепощенного населения даровую рабочую силу, что позволяло достигать определенных результатов с наибольшей затратой сил и удерживало технику на низшей ступени развития и, во вторых, от отсутствия какой бы то ни было конкуренции. Эта примитивность способов производства и отсутствие прогресса в заводской технике ощущались всегда субъек-

тивно администрацией заводов в виде недостатка людей; на этот недостаток она жалуется при каждом удобном и неудобном случае, отказываясь даже иногда от количественного увеличения заводов и рудников. А между тем такое положение вещей отражалось на рабочем классе.

Организация горнозаводских рабочих была выработана самой жизнью, в зависимости от местных условий; юридическую санкцию она получила лишь в 1828 году, т. е. спустя 80 лет после перехода заводов в управление Кабинета; окончательную же регламентацию сословие получает лишь в 1849 г., т. е. всего за 13 лет до падения крепостного права. До этого же времени правительство ограничивалось по отношению к устройству этой группы крепостных людей лишь сепаратными распоряжениями, в виде утверждаемых верховной властью докладов, именных и сенатских указов, кабинетских предписаний, инструкций разным лицам, снабженными полномочиями, и проч., без всякой определенной системы и порядка. Эти распоряжения издавались по отдельным случаям, которые выдвигала сама жизнь.

Когда состоялась окончательная передача демидовских Кольваново-Воскресенских заводов Кабинету Е.В., т. е. в 1747 г., горнозаводское население, исключая приписных крестьян, было таково: приказчик, надзиратель, расходчиков и приказных служителей 17 человек, казаков и солдат 96, мастеровых людей – 144 и малолетков – 130 человек¹. Такое сравнительно небольшое число горнозаводских людей, всего 144 человека, объясняется тем, что в то время на двух заводах действовало только семь плавильных печей и два горна. Часть этих мастеровых была приведена еще Демидовым из Уральских его заводов, часть же состояла из местного населения, приписанного к заводам. Но уже Беэр (Beuer) по прибытии на заводы, поставил вновь еще 5 печей²; таким образом, при постоянно развивавшемся горном деле пред местной заводской администрацией оказалась настоятельная задача отыскать источник, из которого можно было бы создать и затем пополнять постоянный контингент заводских рабочих. В решении этой задачи местное начальство

¹ Методическое опис[ание] Кольваново-Воскресенских завод[ов] и рудников шихтмейстера Ив. Бурнашева, 1797 г. Рукоп. л. 26 (Материалы С.И. Гуляева, т. III).

² Методическое опис[ание] Кольваново-Воскресенских завод[ов] и рудников шихтмейстера Ив. Бурнашева, 1797 г. Рукоп. л. 27 (Материалы С.И. Гуляева, т. III).

шло по линии наименьшего сопротивления и, прежде всего, обратилось к тому, что у него было под руками, а под руками у него были приписные крестьяне. Часть этих людей и была обращена в заводские и горные рудничные работы. В 1758 году, по сведениям заводской канцелярии, при Барнаульском заводе было мастеровых, посадских, цеховых, разночинцев и обывателей 592 человека. В ближайших к Барнаулу слободах Белоярской и Малышевской, и в острогах Бер[д]ском, Чаусском и Сосновском было приписных крестьян всего 4 913. Все эти крестьяне, по словам той же Канцелярии, находились при заводах и рудниках всегда, день и ночь, безотлучно и увольнялись только два раза в лето, для пахоты и посева хлеба с 1-го мая по 1-е июня и затем для поставки сена и уборки хлеба с 10-го июля по 1-е сентября¹. И в следовавшее затем время приписные крестьяне употреблялись в такие заводские и горные работы, которые обыкновенно исполнялись горнорабочими; они гнали смолу, разламывали камень и известь, обжигали известь и т. д. Манифест 1779 года, строго разграничивший обязанности приписных крестьян и грозивший наказанием за употребление крестьян в неуказанные работы, мало помог делу, и после этого Манифеста мы видим приписных крестьян во вспомогательных горнозаводских работах, как установила это предшествовавшая практика. Но как бы то ни было, а употребление приписных крестьян в главные заводские работы было незаконным и убыточным, поэтому начальство обратилось к другому источнику, который был также недалеко от него, а именно к солдатам. Работы воинских команд на заводах были, по-видимому, обыкновенным делом в тот век, притом же они представляли более удобный материал, сравнительно с приписными крестьянами в смысле дисциплины. Командируемые на заводы, собственно, для караула, для оберегания от нападений туземцев, для сопровождения транспортов, они попадали в такую среду, где, по необходимости, не было особой разборчивости в поручениях разного рода. Этим и объясняется, что воинские команды обращались иногда в команды горнозаводских рабочих. Уже в самом Указе бригадиру Беэру 1747 г. находится целая инструкция об употреблении воинских чинов в горные работы. В п[ункте] 7 этого Указа читаем: «для оберегания оных заводов от неприятеля, регулярных и нерегулярных людей и для занятия построенных и впредь строяемых

¹ Потанин [Г.Н.] Матер[иалы] для истор[ии] Сиб[ири] // Чтен[ия] московск. Общ[ества] истор[ии] и древн[остей] рос[сийских]. М., 1866 г. Кн. 4, стр. 48.

крепостей тако ж и для посылки в конвое за отправляемым серебром, и за посылаемыми с одного завода на другой с письмами, рудами и рощейном или, когда нужда случится, в отправлении нужных, однако, не тяжких работ, чего приписными исправить невозможно будет, а во оных регулярных и нерегулярных в покойное время во всех обороне нужды не будет, оных требовать от генерал-майора Киндермана и употреблять в работы, платя им заработанные деньги от заводов, с которым генерал-майором иметь о том письменное сношение, а особливо для обороны от неприятеля по каким известиям, а к нему, генерал-майору Киндерману, о том Указ наш послан».

Тем же Указом 3 солдата лейб-гвардии Семеновского полка, один солдат Преображенского полка и один солдат Измайловского «были написаны в шихтмейстеры»; к ним было прибавлено еще 14 гвардейских солдат разных полков и один капрал; под начальством офицера Семеновского полка они были направлены на заводы вместе с Беэром «для смотрения над работами, особливо за рудами, где оные расплавлять и очищать серебро будут и для посылок сюды с серебром и другими вещ[а]ми». Всех этих солдат Беэру предписывалось обучать горному делу¹. Но из этих солдат, произведенных в горные чины, в 1761 году 5 человек оказались совершенно «неспособными к горным наукам», и было приказано разослать их по разным сибирским полкам².

Из Указа Беэру видно, что солдаты должны были быть употребляемы только для легких работ во вспомогательных заводских производствах, т. е. они должны были исполнять работы приписных крестьян, но это только по видимому. На самом деле они исполняли и заводские, и рудничные работы; это происходило потому, что, как уже было сказано выше, обязанности приписных крестьян и горнозаводских рабочих в то время не были разграничены. Это видно из того же доклада Олсуфьева: «в горные работы, – пишет он, – к добыче и разбору руд до сего времени (т. е. до 1761 года) употреблялись, за недостатком нарочно определенных к тому людей, по несколько из воинской команды»³ и далее, – «горные и заводские работы велено исправлять определенными служителями, приписными крестьянами и заводскими обывателями, а в случае нужды, имеющимися военными служителями за указные по-

¹ Указ Беэру 1 мая 1747 г., п[ункт] 9. Рукоп[ись] из матер[иалов] С.И. Гуляева.

² Доклад Олсуфьева 1761 г., п[ункт] 9. ПСЗРИ, т. XV, № 11. 185.

³ Там же, п[ункт] 4.

ложенные, а паче безобидные платы, чтобы каждый от того мог иметь пропитание и трудился с ревностию и радостию»¹. С какою ревностию и радостию трудились на заводах военные команды, видно из следующего характерного дела, которое обнаруживает именно то, что солдаты употреблялись не только в легкие, но и в такие работы, которые считались самыми тяжкими – в работы на рудниках.

16 июня 1749 г. премьер-майор Вас[илий] Туясов донес Беэру, что каптенармус Пузин, находившийся в Змеиногорском руднике с военной командой, заявил ему, что драгуны, солдаты и служилые казаки, работавшие у разбора руд, у разноса камней, у таскания земли на плотине, в плотничной и других чрезмерных работах, не могут продовольствоваться на те деньги, которые зарабатывают, и голодают, так как драгуны и солдаты получали всего по три деньги, а казаки – по алтыну в день. К тому же, выданные им мундиры и обувь совершенно обносились и ободрались. Пузин просит, чтобы было приказано платить этим воинским людям по пяти копеек в день, как было то прежде, чтобы им можно было завести себе новое платье и обувь и питаться как следует, иначе может случиться, что они совершенно обдерут свои мундиры, «и будут в церемониальные дни и в прочие полковые смотры ходить без мундиров, и опасно, если инспектор для осмотра полков прибудет и усмотрит такие неисправности». Пузин слагает с себя всякую ответственность за это. Воинские чины отказывались принимать такую ничтожную заработную плату, заявляя, что они лучше будут работать даром. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, куда поступило его донесение, начала расследование и таким образом возникло дело «о роптании военными служители, якобы о малой плате за работу». Стоя на точке зрения заводских интересов, Канцелярия вступила в полемику с Туясовым и доказывала, что плата, которую получают за работы воинские чины, настоящая и самая безобидная, она установлена Канцеляриею по силе данных Указов с 7 сентября 1748 года; на эту плату при получаемом жалованье можно себя содержать, а «излишнего от казны расходу и не по достоинству их трудов употреблять есть погрешительно, и не можно, и опасно». Канцелярия указывала на то, что, наконец, сам Беэр видел их работу, потому «с прочими рассматривая разность тягости, subtilьство работ и плата настоящая положена», с чем согласился и сам генерал Киндерман. Что же относится до заявления, будто воинские чины совершенно обносились и ободрались на заводских ра-

¹ Доклад Олсуфьева 1761 г., п[ункт] 16. ПСЗРИ, т. XV, № 11. 185.

ботах и не имеют средств на заведение нового платья, то «оное он, Туясов, распложает, а, может быть, и главным своим командирам внушает неосмотрительно, от чего гарнизонные солдаты и нерегулярные казаки могут придти в слабость и непослушание». Далее Канцелярия приводит доказательства того, что работы на заводах не могут считаться тяжелыми, так как и на Иртышской линии нерегулярные военные как армейские, так и гарнизонные служители всегда работают поденные работы: тянут суда с провиантом, исполняют прочие городовые и крепостные работы без всякой платы, однако, там не слышится такого разглашения к непорядку. На заводах же работают, по большей части, нерегулярные казаки, регулярных же употребляется немного, по силе Указов, за плату по одной с половиною, по три, по четыре и по пяти копеек в день; таким образом, они имеют полную возможность кормить и одевать себя. Наконец, Канцелярия указывает, что «оная на заводах работа не партикулярная, но такая же, как в прочих местах для пользы и славы высочайшего ее императорского величества интереса, государственной и всенародной нужды». Поэтому все притязания на возвышение заработной платы объявлены неосновательными, а премьер-майор Туясов за такие донесения может подвергнуться штрафу от своего начальства, о чем уже донесено и Киндерману, и в Кабинет.

Колыванская заводская контора на запрос Канцелярии Колывано-Воскресенских заводов донесла, в свою очередь, что военные люди при Змеевском руднике наряжались на легкие, а вовсе не в тяжелые работы, т. е. у разбора руд, у ношения земли и камня и у рубки лесных припасов. Эти военные люди, действительно, отказывались с 29 мая по 16 июля 1749 года принимать какую-бы то ни было плату, объявляя, «что де к производству плата написана весьма мала и что мы де лучше станем работать так, а малой платы брать не будем». Кроме этих, из Змеевского рудника посылались еще военные люди в отдаленные местности для ширфования руд.

По сведениям конторы, военные люди находятся в работах на руднике с 1747 года. Но определить, сколько их было в этом году, невозможно, ибо они работали с позволения командиров, но без письменных видов и называли себя именами тех хозяев, за которых работали. В 1748 году по найму за положенных в раскладку крестьян работали на руднике в горной пешей работе два солдата и три казака, 14 солдат и 5 казаков возили руду со Змеевского рудника, 9 солдат и два казака возили уголь из дровосеков; всего работало 35 человек военных чинов.

В 1749 году на руднике находилось в работах 11 человек военных, из них один казак в горной пешей работе, у возки угля из дровосек – четыре солдата и один драгун, один казак месил глину с рудой и в плавильной пешей работе были три солдата и один казак. Но, очевидно, Кольванская контора, чтобы как-нибудь выпутаться из затруднительного положения, примешала сюда солдат, работавших по вольному найму, и таким образом переставила вопрос, не говоря о тех воинских людях, которые работали по наряду.

Все это дело окончилось тем, что Горное начальство просило Киндермана рассмотреть «об ослушностях и грубостях обретающихся при заводах и рудниках военных служителей и небранье определенной им платы»¹.

Из этих документов видно, что военные команды, которые были переданы в распоряжение горнозаводского начальства, помимо своих прямых обязанностей, употреблялись в чисто горные и заводские работы. Прямые их обязанности состояли в отражении нападений туземных племен на заводы и в защите селений, в несении внутреннего караула при заводах и рудниках, в сопровождении транспортов, в доставке казенной корреспонденции, в содействии гражданским властям при нарядах приписных крестьян на работы, в поимке беглых, в конвоировании колодников. На заводах и рудниках они исполняли работы: носили землю и камни, занимались разборкой руд, плотничали в заводских и рудничных цехах, возили руду и уголь, месили глину с рудой, работали при плавильных печах и посылались в отдаленные местности для шурфования руды. Некоторые из этих работ и две последние категории их относились уже исключительно к таким работам, которые исполняли горнозаводские рабочие, но, как уже сказано, в то время еще не было такого строгого деления работ, и военные команды исполняли работы как приписных крестьян, так и горнозаводских рабочих, ибо последние работы исполнялись безразлично и приписными крестьянами, и рабочими. Мало того, на солдат была возложена еще особая повинность: пахать пашню и доставлять хлеб на заводы. Следует заметить, что снабжение заводов провиантом составляло слабую сторону заводской администрации, особенно в первое время существования заводов, когда население было еще мало и когда все усилия его были направлены на выполнение заводских работ. В 1748 году Беэр и генералы: тобольский губернатор Сухарев и командующий войсками Киндерман, сооб-

¹ Из рукописн[ых] матер[иалов] С.И. Гуляева, сообщ[ил] Н.С. Гуляев.

ща решили произвести казенную запашку для потребностей заводов регулярными и нерегулярными людьми, находившимися при заводах, с добавкой военных команд из Верх-Иртышских крепостей. Для этой цели было послано, между прочим, предписание командиру Иртышской и Кузнецкой линий Павлуцкому, чтобы он выслал необходимое число солдат; они должны были пахать пашни при Алейском станце, Змеевском руднике, Колыванском заводе и при других деревнях; каждый должен был вспахать и засеять по три десятины овса, ячменя и ярицы. Но Павлуцкий просил выслать людей из других мест, так как в Верх-Иртышских крепостях воинских чинов было и без того немного¹. Чем окончилось это военное хлебопашество, мы не знаем, известно только, что само военное начальство принуждено было покупать хлеб для войск в Красноярске².

Численность войск, переданных по Указу 12 мая 1747 года в ведомство Колывано-Воскресенского горного начальства и находившихся в заводских и рудничных работах, простиралось до 1 210 человек. Так как неперенным условием пребывания их в работах было постановлено отсутствие опасности вторжения неприятелей, то военное начальство могло потребовать своих людей во всякое время. Действительно, чрез 10 лет начальник пограничной линии Риддер просил возвратить из этих людей 1 200 человек, так как линии угрожало нападение со стороны китайцев. Но Колывано-Воскресенская Канцелярия 25 сентября 1757 года ответила Риддеру, что «такого числа на заводах никогда не бывало, а какие были, те давно уже с[о] Змеевского и Чагирского рудников спущены, и более нет»³.

Кроме приписных крестьян и воинских команд, на Колывано-Воскресенских заводах работали, в качестве горнозаводских рабочих, еще преступники, приговоренные по суду к каторжным работам. Правда, этот элемент рабочих был незначителен, и местное начальство от него настойчиво отказывалось, тем не менее, эти люди здесь были. Попытки образовать из заводов штрафную колонию шли со стороны губернского

¹ Рапорт Павлуцкого 9 апр. 1748 г. / [Потанин Г.Н.] Матер[иалы] для истор[ии] Сиб[ири] // Чтен[ия] моск. общ. истор[ии] и древн[остей] рос[сийских]. 1867 г. Кн. 1, стр. 192.

² Там же. Стр. 207.

³ Рапорт Павлуцкого 9 апр. 1748 г. / [Потанин Г.Н.] Матер[иалы] для истор[ии] Сиб[ири] // Чтен[ия] моск. общ. истор[ии] и древн[остей] рос[сийских]. 1867 г. Кн. 4, стр. 47.

начальства, для которого размещение преступников и продовольствие их составляло иногда трудно разрешимую задачу при тех средствах, которыми оно тогда располагало.

В 1761 г. в Тобольск было приведено 312 чел. колодников, да ожидали еще 210 человек для отправки в Нерчинские заводы. Так как продовольствие в Нерчинске было дорого, то секретная комиссия ведения сибирского губернатора, тайн[ого] сов[етника] Соимонова представила в Сенат о том, нельзя ли отослать их в Барнаульские заводы на такие же работы. Но Сенат определил, отослать всех этих колодников на Иртышскую линию для исправления ветхих крепостей¹. В 1762 г. секретная комиссия вновь требовала от Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, чтобы она приняла в заводские работы осужденных к смертной казни колодников, которым казнь заменена работами, так как в Нерчинских заводах, куда их следовало отправить, нет хлеба. Канцелярия отказалась принять их, «так как не только в размножении, но и в содержании заводов крайнее помешательство произойти может». Сенат определил, расселить их по тракту от Тобольска к Иркутску, и от Иркутска до Нерчинска².

В 1766 году Сенат рассматривал представленное Иркутской губернской канцелярией дело о колоднике, новокрещеном из так называемой братской породы, Логине Панкове, который за убийство должен был следовать в ссылку. Сенат затруднялся оставить его в работах на Нерчинском заводе, так как он мог убежать за близкую к тому месту китайскую границу; поэтому, было определено, чтобы всех таких братских колодников, подлежащих вечной ссылке, ссылать на вечную работу на Колывано-Воскресенские горные заводы³.

Выше было приведено мнение Колывано-Воскресенского горного начальства о ссылке колодников на алтайские заводы; оно относилось к этой мере отрицательно. Но, несмотря на усилия, которые она употребляла, чтобы избавиться от ссыльных людей, ссылка на заводы, по-видимому, продолжалась и после сенатских указов 1761 и 1762 годов. Это можно заключить по тому, что в 1776 году был издан новый Указ, на этот раз уже Именной, о полном прекращении ссылки на Колывано-Воскресенские заводы из других местностей. В 1776 году Олсуфьев объявил изустный Указ императрицы о том, чтобы «впредь на Колывано-Вос-

¹ Указ 25 сент. 1761 г. ПСЗРИ, т. XV, № 11. 331.

² Указ 22 янв. 1762 г. ПСЗРИ, т. XV, № 11. 414.

³ Сен[атский] Указ 25 июля 1765 г. ПСЗРИ, т. XVII, № 12. 706.

кресенские заводы ссыльных в работу колодников более не посылать»¹. Но мы имеем известия, относящиеся к позднему времени о том, что на Кольвано-Воскресенских заводах были в работах арестанты. Так, Ренованц упоминает, что в 1781 году среди рудоразборщиков находилось до 30 арестантов². Очевидно, это были горнозаводские люди тех же заводов, осужденные местным военным судом за разные преступления и проступки. Местное начальство всегда смотрело здесь на людей с коммерческой точки зрения, и с этой точки зрения, разумеется, было невыгодно терять рабочую силу, хотя бы она и оказалась преступной. Поэтому, отказываясь от преступников, которых старались навязать заводам другие ведомства, горнозаводская администрация удерживала на заводах людей из местного населения, впадших, по ее мнению, в преступления. Эти люди работали наравне с другими горнозаводскими рабочими так же, как и до приговора суда, разница заключалась только в том, что вне рабочих смен их держали в заключении. Герман, писавший несколько позднее Ренованца, дает, между прочим, такое известие: «горные работники, бывающие в побегах, воровствах и прочих преступлениях, будучи исключаемы из прежнего звания для отличия от прочих доброго поведения людей, переименовываются так, как и при полках из солдат в погонщики, да и в работы употребляются они, где какия поместно есть тягостнее и подлее, чтоб пред другими порядочными людьми будучи в презрении, чинимыя им за продерзости, наказания более чувствовали и приведены быть могли в прямое раскаяние и исправление»³. Арестанты из горнозаводских рабочих содержались по заводам и рудникам вплоть до 1855 года, когда Именным указом была учреждена в г. Барнауле арестантская рота Горного ведомства⁴. С этого времени арестанты, кажется, не употреблялись уже более в горнозаводские работы, ибо Указ предписывал посылать их только на городские работы и для горнозаводских построек. В роту посылались как мастеровые, так и приписные крестьяне, которые ранее, в случае преступлений, передавались в распоряжение гражданского ведомства.

¹ Указ 29 апр[еля] 1776 г. ПСЗРИ, т. XX, № 14. 462.

² Renovantz [Н.М.]. Mineralog[ische]-geograph[ische] und [andere vermischte] Nachrichten von d[er]n Alt[aishen] Geb[irgen] russisch kayserlichen Anth[eil]s]. Reval: [Auf Kosten des Verfassers], 1788. S. 159.

³ Герман [И.Ф.] Сочин[ение] о сибирс[ких] рудн[иках] и завод[ах]. СПб.: [При Императорской Академии Наук], 1797. Ч. I, стр. 248.

⁴ Им[енной] Указ 24 сент[ября] 1855 г. ПСЗРИ, т. XXX, ч. I, № 29. 669.

Вот те три элемента, из которых составлялось в первое время крепостного права горнозаводское население Колывано-Воскресенских заводов: приписные крестьяне, воинские команды и колодники¹. Легко видеть, что все эти три элемента, каждый порознь и все вместе взятые, не могли обеспечить заводам контингента постоянных работников, обладающих некоторыми техническими познаниями и техническими навыками в приемах производства. Обращение приписных крестьян в горные и заводские работы не одобрялось законом, но с этим можно было бы помириться, главное же препятствие заключалось в том, что этих крестьян было мало даже для вспомогательных заводских работ. Военные команды, передаваемые временно на заводы, конечно, также не могли послужить источником для образования состава рабочих, хотя представляли, с точки зрения местной заводской администрации, более благодарный материал, чем приписные крестьяне, ибо они были дисциплинированы военной службой. Начальство охотно пользовалось воинскими людьми для работ, но они находились на заводах временно; военное начальство всегда могло потребовать их обратно и в случае действительной опасности, грозившей пограничным линиям, и в случаях каких-либо пререканий с заводской администрацией. О третьей категории, колодниках, разумеется, и говорить нечего: будучи вообще элементом случайным, они требовали особого надзора, а следовательно, и излишних расходов, что не оправдывалось с точки зрения коммерческого предприятия.

Вместе с развитием горного дела, с постройкой новых заводов и с открытием новых рудников нужда в постоянных рабочих еще более возросла. Эта задача, найти источник для образования постоянного состава заводских рабочих и его пополнения, была разрешена через четырнадцать лет А. Олсуфьевым, его проектом, который был утвержден в 1761 году. Эта мера составляет эпоху в истории и Колывано-Воскресенских заводов, и в истории местного населения. С этого времени заводы и рудники обеспечиваются постоянною рабочею силой, а население распадается на две, резко обособленные одна от другой группы и в социально-экономическом, и в правовом отношении. «В горные работы, к добыче и разбору руд, – писал Олсуфьев, – до сего времени употреблялись, за недостатком нарочно определенных к тому людей, по нескольку из воинской команды, от которых, по той причине, что переменные и порядочной добычи не знающие, настоящего разбору руд никогда не

¹ Крепостные люди Демидова здесь не принимаются в расчет

было, и тем в выплавке недостаток и ущерб причиняется, а чтоб в тех горных работах непрерывных людей содержать, того за малым числом приписанных крестьян учинить невозможно, да и в плавильных работах за тем же недостатком в людях крайняя нужда». Для устранения этой нужды, со всех сибирских городов и уездов было собрано 1 000 челов[ек] рекрут, здоровых людей в возрасте от 20 до 35 лет; они были отданы на Колывано-Воскресенские заводы в работы. Из этой рекрутской поставки исключалось приписное заводское население, следовательно, мера была распространена только на сибирских государственных крестьян, которым это число рекрут должно было быть зачтенным при будущих рекрутских наборах. Так была решена первая половина задачи – образование постоянного состава заводских рабочих: тысяча здоровых людей в цветущем возрасте, до того времени свободных, были обращены в крепостное состояние, в одну из самых тяжелых его форм, и отдавались со своим потомством в вечную и потомственную работу. Несомненно, мера эта должна была отозваться на экономическом положении всей Сибири, обладавшей в то время редким населением.

Для пополнения этого состава постоянных работников должны были ежегодно производиться рекрутские наборы, но уже только с приписных крестьян горнозаводского ведомства. Часть рекрутов шла в военную службу, в команды Колывано-Воскресенских заводов, а часть отдавалась в вечные работы на заводы, дети их также отдавались в работы. Все эти люди подчинялись действию военных уставов и дисциплины, они были выключены из платежа подушных денег и «от всяких общенародных тягостей», по примеру людей, приписанных к адмиралтейству и артиллерии: «ибо они, – писал Олсуфьев, – наипаче службою и работою своею казне Вашего Императорского Величества более приносят и впредь приносить будут, нежели платежом собираемых с них подушных денег»¹.

Эта мера, как уже сказано выше, разделила все крепостное население, отданное в распоряжение заводов, на две резко обособленные группы, на приписных крестьян и на горнозаводских рабочих. С течением времени эта последняя группа подверглась дальнейшей дифференциации на отдельные категории, в зависимости от занятий и вообще от самих условий тогдашней горнозаводской техники, и приобрела организацию некоторого целого, как «состояния» или «сословия». Уже

¹ Доклад Олсуфьева см. в Им[енном] указе 12 янв[аря] 1761 г., п[ункты] 4 и 6 ПСЗРИ. Т. XV, № 14.

доклад Олсуфьева знает три категории горнозаводских рабочих, именно: приказных, мастеровых и работных людей. Под именем первых он понимает лиц низшей заводской администрации, под вторым – лиц, занятых собственно работою и в то же время обладающих некоторыми элементарными техническими знаниями, именем третьих обозначаются те люди, к которым прилагается название чернорабочих, это – рядовые горнозаводской армии. Все эти категории объединяются под названием «горнозаводских служителей». Но следует заметить, что выделение отдельных категорий шло быстрее, чем организация всей этой группы как целого, которая имела, конечно, как и первое, принудительный характер. В то время как с первого же времени, мы наблюдаем распределение рабочих по разным производствам, цехам и т. д., смутные очертания организации их как целого, едва проступают в «Положении о мастеровых» 1828 года, несколько яснее в Горном уставе 1842 года и лишь в законченном виде она является в «Штатах» 1849 года, где они составляют уже особое сословие, с определенными чертами, отличающими их от других сословий, и где приведены в систему узаконения, регламентирующие всю их жизнь. Это вполне понятно, если обратить внимание на то, что горнозаводские рабочие находились под действием суровой воинской дисциплины, которая связывала их с внешней стороны и придавала им вид некоторой однообразной массы. С другой стороны, правительство не торопилось придать горнозаводским людям организацию «сословия», ибо с понятием о «сословии» соединяются понятия не только об обязанностях, но и о некоторых правах людей, даже если эти люди и были крепостными. При определенной организации «сословия» необходимо было урегулировать такие стороны быта, как медицинская помощь, призрение инвалидов, неспособных к труду, школьное дело и т. п., словом, эта организация требовала известных затрат, которые с коммерческой точки зрения, не являлись производительными, тем более при существовании патриархального строя. Но так как сама жизнь требовала устройства всех сторон быта этих людей по мере того, как они выдвигались, то избежать некоторой организации, разумеется, было невозможно. Отдельными, сепаратными распоряжениями разные стороны быта регламентировались постепенно. Вот почему общая организация этой группы людей как целого так запоздала: она появилась лишь тогда, когда различные права этой группы были установлены уже самою жизнью принудительно, а закон и в данном случае имел дело уже с готовою формою и санкционировал то, что

выработала уже жизнь. В истории этой группы преобладает именно то вотчинное начало, о котором было сказано выше. По этим причинам организация горнозаводских людей в «сословие» с определенными правами «отстала от выделения мелких категорий», на которые разделило эту группу горнозаводское производство, она явилась лишь за 13 лет до падения крепостного права, т. е. тогда, когда, в сущности, в том уже не было нужды.

В первый раз все узаконения, касающиеся устройства быта горнозаводских рабочих, были приведены в некоторую систему в так называемом «Положении о мастеровых Кольвано-Воскресенских горных заводов», вошедшем в «Учреждение об управлении Кольвано-Воскресенских горных заводов», утв[ержденного] 16 апр[еля] 1828 года. Здесь мы находим о мастеровых три статьи: 1) общие распоряжения; 2) водворение и содержание мастеровых и 3) работы, исправляемые мастерами и увольнение от оных. Уже было упомянуто, что до 1828 года по отношению к горнозаводскому населению были издаваемы лишь отдельные распоряжения, а в самом начале, т. е. во время, ближайшее к передаче заводов от Демидова Кабинету, действовало так называемое «Екатеринбургское Учреждение, опробованное в 1732 году», действие которого было распространено и на Кольвано-Воскресенские заводы. Это Учреждение есть не что иное, как тот же свод разных, относящихся к казенным заводам, сепаратных распоряжений, не приведенных в какую-либо систему. К этому Учреждению с течением времени присоединялись выписки из Именных, Сенатских указов, указов и распоряжений Берг-коллегии и проч. Таким образом, постепенно составил своего рода кодекс горнозаводских правил, которыми и руководились канцелярии заводов. Но они касались, главным образом, работ приписанных крестьян, в них есть, правда, статьи и о горнозаводских людях, но они трактуют преимущественно о техническом надзоре и т. п.

По Положению 1828 г., мастеровые заводов составляют «особенное состояние людей, обязанных исправлять горные заводские работы». Мастеровыми именуются все люди, принадлежащие к этому состоянию. Но кроме этого общего значения, название «мастеровой» имеет еще частное – мастеровые составляют отдельную категорию лиц этого состояния. Кроме мастеровых, Положение знает еще «нижних чинов, состоящих в службе заводов». Следовательно, «состояние мастеровых людей» включает в себе две категории: к ним присоединена далее еще одна категория – мастеровых, «занимающихся урочными работами».

Но кроме этого социального деления, Положение принимает еще другое деление горнозаводских рабочих, основанное на форме отработки, т. е. в зависимости от техники горнозаводского дела. В этом отношении они делятся на четыре группы: работники горные (в рудниках); заводские работники, занятые при плавке металлов; работники-ремесленники на заводах (т. е. цеховые) и, наконец, работники урочные. Таким образом, здесь наблюдается смешение общественных категорий с техническими, ибо в социальное деление входит одна категория, обладающая чисто техническими признаками, именно формой отработки – это урочники. Выше было указано, какое место они в действительности занимали в среде всего крепостного населения горных заводов. Таким образом, при организации горнозаводских рабочих, как особенного сословия, были положены два признака – общественный и технический, но законодательство не могло согласовать их в теории. На практике эта непоследовательность не имела никаких неудобств, ибо вся организация, в сущности, была основана на принципе, не имеющем ничего общего с предыдущими, а именно на принуждении, и связующим началом для всех этих людей был воинский устав.

То же самое мы видим и в Горном уставе 1842 года, в еще более осложненной форме. Горный устав не знает мастеровых, как общую категорию, место их заняли здесь «заводские люди алтайских горных заводов». Они разделяются на следующие частные категории: нижние чины (соответствующие мастеровым Положения 1828 года), рабочие, малолеты и отставные. За основу деления принята, очевидно, форма отработки, но этот признак можно приложить лишь к первым трем категориям, которые вмещают в себе людей, находящихся в действительных работах, четвертая категория сюда совершенно не подходит, ибо она указывает не на форму отработки, а вообще на отношение к работам, это – люди, уже отработавшие. Затем Горный устав выделяет нижних чинов и рабочих, т. е. действительно работающих людей, в особое сословие: «нижние чины и рабочие Алтайских горных заводов составляют особенное сословие людей, обязанных исполнять горные заводские работы»¹. Таким образом, здесь впервые говорится о горнозаводских рабочих уже как об особом сословии людей, имеющем определенные обязанности и права. Малолетки, работавшие на заводах, и отставные, уже отработавшие, исключены при определении сословия, следовательно, они к сословию не принадлежат. Но далее малолетки

¹Горн[ый] уст[ав]. 1842 г. Кн. III. Гл. I, ст[атья] 1596, 1597.

упоминаются наравне с нижними чинами и рабочими, при определении их прав, как лиц, входящих в сословие, да, кроме того, сюда же включены и урочники, как это мы видели и в Положении 1828 года (ст. 1612, 1611). Из этого следует, что надлежащего определения отдельных категорий сословия не дано, а потому и самое понятие о «сословии» становится весьма неопределенным и шатким. Мало того, дети всех как служащих, так и отставных заводских служащих и незаконнорожденные от вдов их и дочерей признаны принадлежащими «к заводскому ведомству». Является новое понятие, «ведомства», как общественной категории, объединяющей известную группу лиц, и, наконец, признается еще одно понятие, «состояния». Так как к этому состоянию причисляются все заводские люди, составляющие сословие, и дети их, то, очевидно, понятие состояния и сословия одно с другим не совпадают так же, как не совпадает со вторым из них и понятие «ведомства».

Таким образом, в основу общественной организации горнозаводских людей Уставом 1842 года были положены следующие признаки: форма отработки, отношение к работам и происхождение от родителей. Общественные категории, по которым Устав пытается разместить людей на основании указанных признаков, суть: состояние, сословие и ведомство. Мы видели, как Устав разместил этих людей по общественным категориям; вследствие неопределенности понятий общественных категорий и неоднородности признаков лиц, с которыми приходилось оперировать, Устав, в сущности, не создал ничего нового и не устранил ничего из старого; с точки зрения принципов, которые принял Устав, организация горнозаводских людей могла бы быть формулирована в таком виде: 1) Все заводские люди и дети их принадлежат к «ведомству» Алтайских горных заводов; 2) нижние чины, рабочие взрослые и рабочие малолетние, а также урочники составляют особое «сословие»; 3) заводские люди, находящиеся в работах, отставные, дети тех и других, а также незаконнорожденные от вдов и дочерей всех заводских людей принадлежат к особому «состоянию». С теоретической точки зрения никакой новой организации Уставом не было введено, а попытка обоснования существующей организации привела лишь к смешению понятий. Но эта теоретическая неопределенность и путаница заменялась в сознании горнозаводских деятелей того времени тремя весьма ясными и твердыми аксиомами: во-первых, что горнозаводские люди принадлежат к «заводскому ведомству»; во-вторых, что они должны работать и, в-третьих, что они, в случае нарушения своих обязанностей,

подлежат наказаниям по Воинскому уставу. Относительно деления горнозаводских рабочих на технические категории, Горный устав 1842 г. также не дает ничего нового, сравнительно с Положением 1828 года. Завершением общественной организации работников Алтайских заводов служат т[ак] наз[ываемые] Штаты 1849 года, о которых сказано ниже. Эти «Штаты» обращают главное внимание на организацию заводских работ, которая и послужила основанием для деления рабочего населения на многочисленные подразделения его, в зависимости от видов и способов производства. Таким образом, в конце концов, технические категории вытеснили собою общественные при дифференциации этого класса людей; организация же его как сословия, по-прежнему, характеризуется неустойчивыми чертами и не отличается стройностью. Вотчинное начало остается в этой области преобладающим до падения крепостного права.

Пополняемый, по-прежнему, путем рекрутских наборов с приписных к заводам крестьян, состав постоянных заводских работников с 1828 года принимает в себя еще одну группу лиц – незаконнорожденных детей от вдов и дочерей заводских рабочих. Вместе с тем, выход из состояния мастеровых, по Положению 1828 года, становится возможным только с разрешения Кабинета. Обязанности и права мастеровых, по Положению 1828 года, сводятся к следующему.

Рабочие обязаны работами на заводах, рудниках, золотых приисках и в прочих промышленных предприятиях Кабинета, для чего они разделяются на отдельные команды, под начальством горных офицеров. Порядок отбывания работ определялся особыми инструкциями, но вообще рабочие в плавильных работах и в рудниках делились на 3 смены, из коих две смены были в работах по 12 часов в сутки в течение двух недель, непрерывно, не исключая воскресных дней и праздников, а третья смена была свободна от работ в течение недели. Цеховые рабочие и занятые в разных вспомогательных работах, напр., при постройках, в воскресные и праздничные дни освобождались от работ, но за то они не пользовались свободной, или, как тогда называли, «гульной неделей». В течение всей своей жизни рабочий должен был работать, от работы его освобождала смерть или увечье, дряхлость освобождала его только от тяжелых работ. Таковы были их обязанности.

За свою работу горнозаводские работники получали плату, которая определялась особыми заводскими положениями. Положением 1828 г. предписывалось составить новое расписание окладов жало-

ванья для горнозаводских рабочих «сообразно трудам их и возвышению на все цен» и представить в Кабинет для утверждения, но это расписание, кажется, не было составлено до 1849 года, когда были изданы новые Штаты, в которых, между прочим, и было определено жалованье за все виды работ, по крайней мере, в Горном уставе 1842 года новой расценки труда не находится. Кроме денежного жалованья, работники получали в начале каждого месяца определенное количество провианта. Но урочные работники не получали ни жалованья, ни провианта, им выдавали только задельную плату или по частям, по мере выполнения работ, или по окончании уроков. Все горнозаводские работники должны были жить при рудниках или заводах, в которых работали, в казармах или по квартирам обывателей; но им дозволялось иметь и собственные дома, в таком случае им отводилось усадебное место и бесплатно для постройки лес. Дома рабочих освобождались от военного постоя и всяких других повинностей. Кроме того, Положение 1828 года рекомендует поощрять горнозаводских обывателей «к заведению их собственного хозяйства, которое может состоять в хлебопашестве, скотоводстве, рукоделиях и торговле как произведениями оных, так и другим». В таком случае им предоставляли права посадских людей, а для ведения хозяйства предписывалось наделять их достаточным количеством пахотной земли и сенокосов¹. Особою привилегиею в этом отношении пользовались урочные работники «по уважению того, что исправляют наиболее такие работы, для которых нужны лошади». Урочники имели право проживать как при рудниках и заводах, так и в селениях приписных крестьян.

В случае болезни горнорабочий имел право на бесплатное лечение в заводском или рудничном госпитале, но за время болезни он не получал провианта и удерживалась половина его жалования; после отставки от работ он мог получать пенсию, или же помещался в заводскую богадельню. Определенного срока для выслуги Положение 1828 года

¹ Разумеется, вести хотя сколько-нибудь удовлетворительное хозяйство горнозаводскому работнику, оторванному от дома и находившемуся в непрерывной работе, было невозможно, разве только при помощи наемного труда. При том же, само начальство, в действительности, стесняло подобные попытки. В архиве Томской казен[ной] палаты нам встретилось одно предписание, которым велено было ограничивать сельское хозяйство чернорабочих людей, путем урезки сельскохозяйственных угодий. Очевидно, начальство боялось увлечения рабочих сельским хозяйством в ущерб казенным работам.

не устанавливает так же, как не устанавливает этого и Горный устав 1842 года; при определении отставки мастерового «приемлется основанием неспособность его к работе по болезням, увечью или старости», но должно заметить, что в данном случае, разумеется, неспособность к работам в главных производствах и рудниках. Утратившие способность к тяжелым работам, увечные и старики, определялись к разбору руд, служили разного рода посыльными, караульными, «бутошниками»¹ по заводской и рудничной полиции. По Уставу 1842 года, отставной горный рабочий не освобождался от работ даже и в богадельне: «содержимые в богадельне могут быть занимаемы разными легкими работами по силам их» (ст[атья] 1909).

Таковы были, в общих чертах, обязанности и права горнозаводского населения, как те и другие выражены в Положении 1828 г. и в Горном уставе 1842 года, мало одно от другого отличных. Остановимся теперь на положении малолетних рабочих и вообще на положении детей горных работников.

По Положению 1828 года все дети мастеровых, рабочих и нижних чинов принадлежали к «заводскому ведомству», т. е. находились в распоряжении заводского начальства, которое употребляло их по своему усмотрению в разные работы. Сюда же принадлежали и дети нижних воинских чинов Кольвано-Воскресенского горного батальона, набранных из приписных крестьян. До семилетнего возраста сыновья находились при родителях, а по достижении этого возраста они должны были посещать заводскую школу, где они обучались до 12 лет. Но если родители желали обучать их дома, то до 12 лет они оставались в семьях. Школьники получали жалованье и провиант. С 12 лет детей брали уже в горные и заводские работы и причисляли к рабочим командам; они составляли разряд рабочих малолетков, или «малолетов», в котором оставались до того времени, «пока достигнут совершенного возраста и укрепления сил». В это время они употреблялись «только к разбору руд и другим легким занятиям». С 18 лет юноша считался уже полным работником и исполнял все работы наравне с прочими взрослыми работниками. Хотя Закон предписывал употреблять малолетних в работы только с 12-летнего возраста, однако, в действительности, заводская администрация употребляла в работы, преимущественно к разбору руд, и школьников, а именно летние вакансии школьников протекали в этих работах.

¹ Вероятно, будочниками. (Ред.)

Сироты мужского пола принимались в так называемое горно-сиротское отделение; что же касается сирот девочек, то Положение 1828 г. о них не упоминает, они отдавались для воспитания в семьи рабочих. Горно-сиротское отделение было учреждено, собственно, для сирот м[уж.] п[ола] горных и заводских чиновников и служителей, не имевших права на получение пенсий, но туда принимали и детей нижних горных заводских служителей, обремененных семейством. По Горному уставу 1842 года, круглые сироты отдавались на попечение управляющими заводами или приставами благонадежным семействам и заводоуправление платило за них в месяц по 30 коп. сер[ебром] и выдавало по одному пуду провианта в том случае, если они обучались в школе. По тому же Уставу, сироты до семилетнего возраста помещались в богадельню, они также отдавались на воспитание за условленную плату.

В такую форму отлилась к тридцатым годам XIX века организация горнозаводских рабочих, как отдельного общественного класса, как сословия, или «состояния», обладающего точно определенными обязанностями и более или менее точно определенными правами.

Если в законе эта организация и не получила формы законченного целого так же, как и общественная дифференциация этого класса людей, законом определено и ясно не была выражена, то в действительной жизни эта группа крепостного населения Алтайского округа резко отделилась от другой группы приписных крестьян так же, как резко определились ее технические категории уже с самого начала здесь крепостного права. Развитие этих категорий шло параллельно с развитием самого производства и вообще с развитием всего горного дела. Эту разницу не мог вполне сгладить и Манифест 6 марта 1861 года, освободивший население от крепостной зависимости. Правда, разница в правовом отношении исчезла, но исчезла лишь формально, ибо и после 1861 года горнозаводские рабочие образовали особую группу так называемых «горнозаводских обывателей». Еще в большей степени, чем в правовом, оставалась разница в социально-экономическом и моральном отношениях. Это явление можно было наблюдать спустя почти четверть века после падения крепостного права, как о том свидетельствуют известия, относящиеся уже к восьмидесятым годам XIX века.

II

Устройство быта горнозаводских людей до Положения о мастеровых 1828 года

В предыдущем очерке было уже указано на то, что юридическое определение организации горнозаводских людей, как сословия, произошло сравнительно поздно и отстало от дифференциации этой группы населения на определенные категории, оно явилось уже тогда, когда различные стороны быта горнозаводских работников были более или менее определенно регламентированы. Эта регламентация была произведена в разное время путем отдельных узаконений и распоряжений, т. е. чисто административным или, правильнее сказать, административно-хозяйственным путем. Таким способом были определены все нуждавшиеся в определении стороны заводского хозяйства и устройства принадлежавшего к заводам горнозаводского населения, начиная с заработной платы и кончая школами и судом. Заработная плата, сроки службы, продолжительность рабочего дня, смены работ, продовольствие и пенсии, суд и полиция, призрение инвалидов и, наконец, народное образование – все это было установлено в разное время отдельными распоряжениями в течение XVIII и первой четверти XIX века, пока они не были сведены, наконец, в некоторую систему в Положении о мастеровых 1828 года.

В настоящем очерке мы рассмотрим, каким образом регулировались некоторые, наиболее важные стороны быта горнозаводских людей со времени поступления заводов в ведомство Кабинета до 1828 года, т. е. каким образом создавалась организация горнозаводских людей.

Относительно продолжительности службы горнозаводских рабочих должно сказать, что в первое время существования заводов на этот счет не было никаких узаконений. Судя по позднейшим данным, следует полагать, что продолжительность горнозаводской службы определялась исключительно способностью работника к работе. Он находился на действительной службе, пока мог работать, и вопрос о сроке службы оставался открытым до восьмидесятых годов XVIII века. Меллер первый поднял вопрос о том, что делать с рабочими, оказавшимися неспособными к работе. Он писал в Кабинет, что по собрании уволенных от горной заводской и батальонной службы и по освидетельствовании их, нашлись такие, которые по старости и болезням неспособны к продолжению службы, и просил, чтобы их совсем освободить от работ, «в воз-

мездии за службу их быть им на остаток жизни свободными». Ответ на это мы находим в Инструкции, данной 28 авг[уста] 1785 г. Соймоновым начальнику заводов Качке. Соймонов приказал собрать таких людей и сделать им разбор: 1) находящихся в силах продолжать работу определить к легким должностям, напр., в караулы; 2) слабых и неспособных к работам, кои пожелают жить у родственников, отпустить к ним, давая им годовые билеты; 3) не имеющих родных и своего пропитания определить в богадельни, которые непременно нужно учредить, «дабы труды и заслуги без должного возмездия не оставались»¹. Таким образом, срока выслуги не существовало, рабочий должен был работать или до смерти, или до полной потери работоспособности, вследствие увечья или старости. Ни Положение о мастеровых 1828 г., ни Горный устав 1842 г. не изменили такого порядка, лишь в 1849 г. был определен срок работы в 35 лет; в 1852 г., после ревизии Западной Сибири генерал[ом] Анненков[ым], было утверждено Положение Комитета министров, которым срок работ сокращался до 25 лет, наравне со сроком военной службы².

Продолжительность рабочего дня, в первое время существования заводов, не была определена особыми узаконениями, она была установлена сомой практикою, которая требовала непрерывных работ. Рабочий день продолжался 12 часов³. По свидетельству одного автора, относящемуся к 80-м годам XVIII века, накануне воскресных и праздничных дней все работы в рудниках, за исключением самых необходимых и при искусственных сооружениях, прекращались до кануна следующего будничного дня. Кроме того, рабочие, имевшие семьи и собственное домохозяйство, во время сенокоса увольнялись на неделю, чтобы заготовить сено для коров и лошадей⁴. Предписанием Кабинета 17 сентяб[ря] 1786 года были установлены для рабочих три смены: две смены работали в течение двух недель непрерывно, не исключая праздников и воскресных дней, одна – днем, другая – ночью, а третья смена была свободна от работ в течение целой недели, «для исправления домашних надобностей, чем заменяются и праздники». В позднейших узаконениях мы не

¹ Инстр[укция] Качке 1785 г., п[ункт] 15. Из рукописн[ых] матер[иалов] С.И. Гуляева.

² Полож[ение] 11 марта 1852 г. ПСЗРИ. Т. XXVII, № 26. 050.

³ Зобнин Н. Полож[ение] рабочих / Сборн[ик] «Алтай». Т[омск], 1890 г. С. 395.

⁴ Renovantz. Указ[анное выше] соч[инение], стр. 175, 176.

находим ничего нового сравнительно с этим порядком, таким образом, 12-часовой рабочий день и трехсменная работа держались здесь до самого уничтожения крепостного права.

Здесь нельзя обойти молчанием свидетельства автора книги «Алтай, будущая Калифорния России», он дает такие сведения относительно продолжительности рабочего дня и рабочих смен. Со времени поступления заводов в Кабинет Е.В., горные и плавильные работы производились только в будни. По распоряжению Качки (1786-1798), учреждена трехсменная работа, и при таком порядке схема работ была такова: А – работал неделю с 4 часов утра до 4 часов вечера; Б – с 4 часов вечера до 4 часов утра; В – неделю был свободным. Недели назывались дневною, ночною, гулевою. Но как происходил переход рабочего дневной смены на ночную, у названного автора сведений нет. На мастеров и нарядчиков трехсменная система не распространялась. Работы цеховые, при ремесленных заведениях, производились только в будни. В трехсменной и урочной работах допускался и наем¹.

Относительно сдельной рабочей платы мы имеем сведения, относящиеся непосредственно к первому времени кабинетского хозяйства, т. е. к сороковым годам XVIII века. Для сдельных работ была принята плата по Екатеринбургскому Учреждению 1732 года, установленная для Уральских заводов.

В ведомости, озаглавленной «О задельных платах по штатам екатеринбургской канцелярии, присланной сюда при сообщении из Канцелярии главного заводов правления, от июня 18 дня [1]747 года»² показана плата молотовым мастерам за выкованное железо с пуда. По этой ведомости, мастеру за выковку сходного и сдельного железа платили по 3 коп. с пуда, за двойную, ломь и несходное – 2 коп.; за расковочное, тройную ломь и непроварное – $1\frac{1}{2}$ коп.; подмастерью шла половина платы мастера; работнику, безотносительно к сорту железа – по $\frac{3}{4}$ коп. Укладным, за дело уклада, плата была следующая: мастеру за добрый и средний уклад – по $9\frac{3}{8}$ коп. с пуда; ученику – по $3\frac{1}{2}$ коп. При делании стали платили мастеру за добрую сталь по $6\frac{3}{8}$ коп. и среднюю – по $3\frac{1}{4}$ коп. с пуда. Подмастерье получал за дело стали, без различия сорта, по

¹ Алтай [будущая Калифорния России и царствовавшие на Алтае порядки]/ ред.-изд. В. Отпетый. Лейпц[иг: Типография Бера и Германа], 1882 г. С. 64 и след.

² Из рукописн[ых] матер[иалов] С.И. Гуляева.

$4\frac{1}{4}$ коп. и работник – по $2\frac{3}{4}$ коп. за пуд. В этой же таблице приведено количество железа, выделяемого на одном молоте в течение года. Годного целого железа выковывалось 7 500 пуд., изломанного с проб и вдвое – по 250 пуд., на расход и продажу дельного на инструменты – 800 пуд.; с проб изломанного натрое и расковочного – 450 пуд.; всего один молот в год выделявал 9 000 пудов. В Томском железоделательном заводе в конце XVIII века мастеру при выделке листового, аршинного железа платили: за сходное – по 2 коп. с пуда, за несходное – по 1 коп., подмастерью – 1 и $\frac{1}{2}$ коп.; при выделке листового трехчетвертного: мастеру за сходное – $1\frac{1}{2}$ коп., за несходное – $\frac{3}{4}$ коп., подмастерью – по $\frac{3}{8}$ коп. с пуда за то и другое, то же и работнику. Хороший мастер мог сделать до 80 листов в смену. На этом заводе при двух горнах работали 4 мастера, у каждого было по два подмастерья и один работник¹. Что же касается платы за другие работы, т. е. постоянного жалованья, то, судя по дошедшим свидетельствам, должно сказать, что она не была постоянной, а изменялась в зависимости от разных условий, хотя, несомненно, и в этих случаях руководились Положением заводов Екатеринбургского ведомства. Безру предписывалось наряжать военных людей в работы, «платя им заработанные деньги от заводов»²; размер платы не был определен. В докладе Олсуфьева есть указание на то, что рабочие на заводах работают «за указынные положенные, а, паче, безобидные платы, чтобы каждый от того мог иметь пропитание и трудился с ревностью»³. Здесь различается уже двойкий размер платы: плата указынная, положенная, и затем – безобидная. Очевидно, размер рабочей платы предоставлялся усмотрению начальства, которое по своей воле могло ее увеличивать или уменьшать. «Заработок, – пишет Ренованц, – смотря по способности, колеблется для горнозаводских рабочих от 15 до 30 рублей в год»; это относится к восьмидесятым годам XVIII стол[етия]⁴. Приблизительно ту же норму жалованья дает и Герман. Нижние заводские служители при заводах и рудниках получают, по его словам, жалованья от 18 до 32 рублей в год, а мастера и уставщики (гиттенмейстеры, обер-штейгеры, штейгеры и т. п. приставщики) по мере их звания и трудов – до 250 рублей в год. Некоторые же состоят на задельной пла-

¹ Герман, [И.Ф.] Сочин[ения] о сиб[ирских] рудн[иках] и завод[ах]. СПб., 1797 г. Ч. III, стр. 198, 199.

² Указ 1747 г., п[ункт] 7.

³ Указ 1761 г., п[ункт] 16. ПСЗ. Т. XV, № 11. 185.

⁴ Renovantz. Указ[анное выше] соч[инение], стр. 176.

те, как, напр., при ковке железа, при деле стали, при монетном производстве, у жжения угля и проч.¹ 2 сент[ября] 1805 года было утверждено новое Положение о жалованьи для классных чинов, которые были приравнены к артиллерийским чинам, и в то же время повышено на $\frac{1}{3}$ жалованье служащим и мастеровым². В 1828 г. было велено местному начальству составить новые штаты жалованья для мастеровых. И в это время оклады жалованья не представляли собою чего-либо постоянного. Горному правлению предоставлялось право изменять оклады, сообразно с изменением местных цен на жизненные продукты и потребности. С введением новых штатов жалованья, однако, не торопились, и новые оклады были утверждены лишь в 1849 году.

С какого времени и в каком количестве выдавался провиант горнозаводским рабочим, относительно этого у нас нет сведений, но, судя по тому, что уже Беэр предпринимал некоторые меры к заготовке хлеба для заводов, должно полагать, что провиант выдавался рабочим с самого начала здесь кабинетского хозяйства. В марте 1782 года Качка доносил Кабинету, что из заготовленного для заводов хлеба отпускается каждому мастеровому по 2 пуда муки и по 5 фунтов крупы в месяц «за истинную казне цену», но с 1786 года выдача провианта была обставлена уже некоторыми условиями. На получение провианта для себя и для своих семейств по пониженной цене имели право только те мастеровые, которые получали в год менее 40 рублей, они платили за пуд по 25 копеек. «А кто больше жалованья получает, тем довольствоваться вольною покупкою», следовательно, льгота приобретать хлеб по пониженной цене на них не распространялась. Но цены на хлеб быстро возрастали, и такой порядок существовал только один год, так как оказался невыгодным для заводов. С февраля 1787 года из этой льготы были выключены члены семейств рабочих, получавших в год менее 40 рублей, так что по пониженной цене могли покупать хлеб только действительные работники. Члены же семейств этих рабочих, а также все рабочие, получавшие в год более 40 рублей, должны были платить «по сложной истинной цене», иначе сказать, по цене рыночной. Заводы не остались в убытке от такого порядка, так как в одних местах хлеб покупали по 30 коп., а в других – по 17 коп., и «через 25-копеечную выдачу провиантская сумма была уравнена с некоторым изли-

¹ Герман. Указ[анное выше] соч[инение]. Т. I, стр. 283.

² Кулибин [А.И.] Описание Колыв[ано]-Воскр[есенских] завод[ов по 1833 год] // Горн[ый] журн[ал]. 1836 г., ч. I, стр. 584.

шеством»¹. Распоряжением Кабинета 14 мая 1788 года этот порядок был утвержден с условием, чтобы рабочим, получающим в год более 40 рублей, и семьям всех рабочих хлеб отпускался по действительной заготовочной стоимости его для заводов, когда пуд его обходится не ниже 25 копеек; к этой цене прибавлялось еще 10 коп. накладных расходов на пуд, которые шли на содержание и администрацию хлебных магазинов. В 80-х годах XVIII века для заводов требовалось 175-200 тыс. пудов, с затратою до 90 тыс. рублей. В 1785 г. Качке велено было устроить запасный хлебный магазин и образовать особый продовольственный капитал². Покупка хлеба производилась или самими рабочими, которые выбирали для этого из своей среды особых выборных, что было для них повинностью, или же посылались чиновники в селения приписных крестьян округа, а иногда и за пределы его, особенно, во время неурожаев, они закупали хлеб на местах или принимали подряд партиями.

Брали хлеб из сельских магазинов, как это было в 1813 году во время голода, когда было взято из этих магазинов 300 000 пудов, и когда хлеба не могли найти на рынках округа³. При низких ценах, ниже 25 коп. или немного дороже, администрация возмещала затраты, но при повышении цен, как, напр., в 1789 году, когда в Змеиногорске хлеб продавался по 55 коп., а в Барнауле, Павловске, в заводах Сузунском, Томском, Гавриловском и Салаирском руднике – от 38 до 45 коп. за пуд, заводы терпели, конечно, некоторый убыток⁴. Но как бы то ни было, главная масса горнозаводских рабочих, получавших меньшие оклады жалованья, была до некоторой степени обеспечена продовольствием, что избавляло ее от голодовок.

Приобретение хлеба и вообще продовольствие людей составляло в Сибири в течение XVII и в XVIII веке предмет особых забот и затруднений для начальства различных ведомств и вообще для местной администрации, а в том числе, для военного и заводского. Это происходило от редкости населения, от «недостатка людей», если основываться на

¹ Высоч[айше] утв[ержденные] доклады [министра финансов со штатами и прочими приложениями] о нов[ом] образ[овании] горн[ого] нач[альства и управлении горных заводов]. Ч. I. СПб.: [В медиц. тип.], 1807 г., стр. 119, 120.

² Инст[рукция] Качке 28 авг. 1785 г., п[ункт] 9.

³ Кулибин. Указ[анное выше] соч[инение] // Горн[ый] журн[ал]. 1836 г., ч. I, 590.

⁴ Герман. Указ[анное выше] соч[инение]. Т. I, стр. 285.

тогдашних официальных заявлениях: от недостатка людей происходит и недостаток хлеба. Но, разумеется, причина недостатка хлеба заключалась вовсе не в недостатке людей, она заключалась в дурной, примитивной организации местного управления и в отсутствии путей сообщения. Население было обременено разного рода повинностями до такой степени, что вся энергия его уходила на отбывание этих повинностей и благоприятные физико-географические условия страны нисколько не компенсировали тяжесть государственного тягла. В поисках за обеспечением населения продовольствием начальство не останавливалось даже пред попытками принудительно сажать на пашни людей, совершенно к земледелию неспособных. В частности, такие попытки принудительного землепашества мы видим в течение XVIII века в Алтайском округе на военных пограничных линиях: здесь администрация усиливается в течение целых десятилетий посадить на пашни не только государственных крестьян, находившихся в ее ведении, но и казаков, солдат, строевых чинов линейных батальонов, не говоря уже о колодниках. Затем, доставка провианта, при отсутствии путей сообщения, постройка судов и проч. к бесчисленным прежним тягостным повинностям прибавляли еще повинность, быть может, самую тягостную из всех, и мероприятие, имевшее целью благо населения, вело иногда к разорению целых районов. Как мы видели, уже Беэр в 40-х годах XVIII века пытался образовать нечто вроде поселений военных хлебопашцев из солдат, которые были переданы ему по Указу 1 мая 1747 года; чрез сорок лет эта попытка была возобновлена в несколько ином виде начальником заводов Качкою. Он просил Кабинет, в виду возвышения хлебных цен, позволить мастеровым, в облегчение прокормления их семейств, «на пустопоросших местах, около некоторых заводов и рудников, производить хлебопашество, к чему и времени могут иметь довольно, получая для отдыха каждую третью неделю». К ним он намерен был присоединить горных заводских и батальонных служителей, которые за старостию и дряхлостию службу более продолжать не могут и которые пожелают сесть на пашни. Предполагалось дать им на первое время небольшое казенное пособие. На это 14 мая 1783 года последовала резолюция Кабинета, несколько изменявшая смысл ходатайства Качки. Кабинет приводит, в виде прецедента, Именной Указ 1 февраля того же года относительно заведения хлебопашества на Нерчинских заводах. Здесь было приказано поселить ссыльных, которые прожили на месте 5 лет, при заводах, «где бы они под смотрением заводских начальников

исправляли вместо подати казенное хлебопашество», некоторым же из них дать ссуду не более 25 рублей. Кабинет предписал распространить этот Указ и на Кольвано-Воскресенские заводы с тем, чтобы пособие было заменено ссудой, которая должна быть непременно возвращена. Но чем окончилась попытка насадить на Алтае это инвалидное земледелие и мастеровое, через две недели в третью, хлебопашество – неизвестно. Вероятно, она окончилась ничем, ибо задача продовольствия горнозаводского населения была в 1828 году решена в смысле бесплатной раздачи хлеба горнозаводским работникам.

Эта мера уравнила экономическое положение горнозаводских рабочих, и была принята несмотря на то, что в официальных сферах ранее высказывался взгляд, с точки зрения полицейской нравственности, для нее неблагоприятный. Еще в 1805 году министр финансов Васильев, по поводу введенной Указом 14 мая 1779 года бесплатной раздачи провианта мастеровым казенных заводов, писал, что эта милость обратилась в величайший вред их нравственности. Когда мастеровой за провиант платил деньги, то семейство его женского пола доставляло себе пропитание или работою в казне, или у частных лиц, и жили если не лучше, то, наверно, можно сказать, не хуже нынешнего. Ныне же они не только не работают ни в казне, ни у частных лиц, но и на самих себя. Имея пропитание, они не имеют нужды и работать, и потому остаются праздными. А как праздность всегда влечет за собою худые следствия того или другого рода, то и сии люди более или менее ведут жизнь не нравственную¹.

Вопрос о том, что делать с инвалидами горнозаводской и военно-заводской службы возник тогда, когда первое поколение работников, призванное к службе по рекрутскому набору на основании Указа 1761 года, начало выделять из себя людей, ставших неспособными к труду, в столь значительном количестве, что предстояло уже серьезно позаботиться о дальнейшей судьбе целой группы населения, потерявшей работоспособность на службе заводам. К ним, конечно, присоединялись и те, которые работали с 1747 года; но до 1761 года количество таких людей не могло быть особенно значительным, оно должно было возрасти с того времени, когда образовался большой контингент постоянных работников. Этот вопрос возник при Меллере, и мы уже видели, как он был решен в Инструкции 1785 года Соймонова начальнику заводов

¹ Доклады и проч., [с.] 172, 173. О следствиях этой меры в отношении экономическом см. у Н. Зобнина. Указ[анное выше] соч[инение], сборн[ик] «Алтай», с. 402.

Качке. Но эта Инструкция не решала вопроса во всем его объеме и не была ответом на заявление Меллера. Именно, Меллер спрашивал, как поступить с уволенными от горной, заводской и батальонной службы вследствие их неспособности к работам по старости и болезням. Очевидно, здесь речь шла о людях, неспособных к какому бы то ни было занятию, о полной их инвалидности. Соймонов же приказывает сделать всем этим людям разбор и распределить их по категориям, из которых одна привлекалась к легким работам, напр., в караулы. Меллер просил о полном увольнении таких людей от службы, о даровании им свободы на остаток жизни «в возмездие за службу их», т. е. просил санкционировать сделанное уже распоряжение об отставке этих людей. Но вместо этого Кабинет распорядился привлечь некоторых из них к так называемым легким работам, и, по смыслу кабинетского распоряжения, могло случиться, что уволенные уже от работ опять попали на службу. Относительно второй категории, т. е. лиц, имевших родственников, участие администрации в признании их выразилось в разрешении им жить на счет родственников и в выдаче им годовых паспортов. Наконец, безродных должно было поместить в богадельни. Но богаделен не было, требовалось учредить их.

Таково было начало организации общественного признания лиц, потерявших здоровье и трудоспособность на заводской службе. Легко видеть, что такие меры не решали вопроса о признании, они решали совершенно иной вопрос, а именно, каким образом избавиться от расходов на признание инвалидов, и должно признать, что этот вопрос был решен более или менее удовлетворительно: со стороны заводов такого рода общественное признание не требовало никаких расходов.

Такие формы общественного признания держались, кажется, в продолжение всего XVIII века. По крайней мере, Герман, писатель обстоятельный и добросовестный, говоря об инвалидах, не упоминает о богадельнях, а со времени Инструкции 1785 года до его свидетельства протекло 12 лет; до 1797 года богаделен не было. Он пишет: «инвалиды – неспособные к заводским работам, по старости, дряхлости, увечьям, болезни. Они занимаются разбором руд, приготовлением дегтя, смолы, золы, коры для кожевен; каждый работает по силам, с платою соразмерно труду; некоторые уходят к родственникам на год и более для поправления; которые выздоравливают, возвращаются в должности, безнадежные совершенно увольняются в прежние жительства, иные содержатся при госпиталях на пропитании, из сумм добродетельных дателей».

Здесь нет ни слова о богадельнях, очевидно, они были устроены позднее 1797 года. Вместе с тем, здесь те же категории инвалидов и те же способы призрения, как и в Инструкции Качке. Новое лишь то, что место богаделен занимают пока госпитали, но и в этом случае заводская администрация не тратит на призрение своих денег, она отыскивает для этой цели «доброхотных дателей», т. е. прибегает к общественной благотворительности. По Положению 1828 г., отставные мастеровые должны были помещаться в богадельни, если пожелают. Надо полагать, что богадельня была учреждена именно около этого времени, так как в гл[аве] XIII Учрежд[ения] об управл[ении] Колыв[ано]-Воскрес[енских] заводов (§ 259 и след[ующий]) сказано: «Богадельня учреждается для призрения бедных, из отставных горных и заводских служителей, также вдов их». Она разделялась на два отделения – мужское и женское. Сюда принимались и сироты – мальчики.

Для призрения малолетних было учреждено так называемое горно-сиротское отделение. Оно было устроено для сирот мальчиков горных и заводских чиновников и служителей, не имевших права на получение пенсии. В отделение принимались и дети нижних горнозаводских служителей, имевших многочисленное семейство.

Другую форму призрения инвалидов была пенсия. Положением 1797 года она была установлена в таком размере: отставные унтер-офицерского звания получали 20 рублей, нижние чины и служители – 10 рублей, а вдовам полагалось 5 рублей в год¹. Такая организация призрения инвалидов или, вернее, отсутствие правильно поставленного призрения ставило в 18 веке людей, уже неспособных к заводским работам, в безвыходное положение, о чем свидетельствуют и официальные лица. Так, в начале 19 века министр финансов писал, что положение их крайне жалкое. Во-первых, с уменьшением сил рабочего уменьшался и его оклад, так что люди, зарабатывавшие до 70 рублей в год, к концу жизни доходили до 12-рублевого оклада. «Таковое постановление, – замечает он, – ни с какими другими в государстве, касательно уменьшения жалованья, учреждениями не сходствует; притом даже обидно для человека, пожертвовавшего всею своею жизнью службе». «Когда же человек изнеможет, – продолжает Васильев, – и время придет выпустить его в отставку, некоторые уходят к родственникам на содержание, другие, даже получающие пенсию, скитаются из одного места в другое, проживают пенсию в короткое время, а остальное время кормятся ми-

¹Зобнин, указ[анное выше] соч[инение], [с.] 395.

лостынею. Полиция высылает их из уездов и городов на заводы, где они также принуждены кормиться милостынею»¹. Васильев приводит эти данные не для того, чтобы обеспечить затем этого рода людей, а чтобы показать, что они составляют для заводов бремя. Вопрос о призрении горнозаводских инвалидов не был, как видно, решен в течение всего 18 века. Правда, все сказанное относится к казенным и частным заводам, но и Кольвано-Воскресенские заводы не составляли в этом отношении исключения, этот вопрос не был решен здесь в полном объеме и в XIX веке, ибо и в послереформенное время можно было встретить здесь отставных мастеровых, уже дряхлых стариков, состоящих в селениях на положении так называемых «пропитанных».

Медицинская помощь была организована еще в 1741 году. В Указе 1 мая 1747 г. Беэру предписывалось взять с собою на Кольвано-Воскресенские заводы врача и, по его представлению, был назначен лекарь Сибирского гарнизонного драгунского полка Цедеркопф. Жалованье ему платилось из вычетных денег на медикаменты, которые приказано было удерживать на заводах. Кроме того, Беэр должен был взять из Екатеринбурга двух лекарских учеников из школьников². В 1758 году Сенат указом определил не посылать в Главный комиссариат деньги, которые должны были идти на медикаменты и госпитали. Сумма эта составлялась из вычетов с чиновников за содержание их под арестом, за повышение в чинах и из разного рода штрафных денег. Таких денег за время с 1747 по 1757 год накопилось 5 281 руб. 98 коп., и Сенат определил, чтобы эти деньги употреблялись на содержание медиков и госпиталей при заводах, на основании Указа 1 мая 1747 года. Цедеркопф был смнен в 1752 году, а вместо него назначен штаб-лекарь с учениками; медикаменты приготавливались особым чиновником, назначенным из медицинской канцелярии³. У нас нет сведений о времени открытия каждого госпиталя в отдельности, но на основании известий Бурнашева должно полагать, что госпитали вообще были открыты в 1770–1771 годах.

В 1816 году они получили определенные штаты.

Госпитали были устроены по образцу военных лазаретов и содержались на военную ногу. В них принимались нижние чины, горные рабочие, сыновья их и солдаты горного батальона. В исключительных случаях принимали также высших чинов, жен рабочих, людей,

¹ Доклады и проч., [с.] 168.

² Упом[инаемый] указ, п[ункт] 13.

³ Сен[атский] указ, 10 апр[еля] 1758 г. ПСЗРИ. Т. XV, № 10. 823.

прикомандированных к начальству и заводских крестьян. В отношении одежды, белья, пищи, услуг и всего оборудования и распорядка соблюдался общий военно-лазаретный устав. По штату 1816 года в двадцатых годах XIX века в округе существовали следующие госпитали:

В Барнауле	на 130 больных по штату и сверхштатн[ых]	50
« Павловске	« 40 « « « « « « « «	20
« Сузуне	« 60 « « « « « « « «	20
« Томском заводе	« 32 « « « « « « « «	10
« Колыванском (гранильная фабрика)	« 15 « « « « « « « « «	5
« Локтевском заводе	« 70 « « « « « « « « «	25
« Салаирском рудн[ике]	« 120 » « « « « « « « «	50
« Змеиног[орском] зав[оде] и руд[нике]	« 250 « « « « « « « « «	50
« Николаевском рудн[ике]	« 25 « « « « « « « « «	10
« Риддерском рудн[ике]	« 40 « « « « « « « « «	15
« Зырянском рудн[ике]	« 70 « « « « « « « « «	20
[Итого]	« 852 « « « « « « « « «	275

Но в этих числах происходило колебание, так как команды на рудниках и заводах временами то увеличивались, то уменьшались, смотря по требованиям горного дела. Медицинский персонал состоял из следующих лиц:

- 1) Инспектор медицинской части, должность которого была приравнена к должности корпусного врача при армии и который стоял под начальством Канцелярии Колывано-Воскресенских горных заводов;
- 2) несколько привилегированных врачей;
- 3) подлекари, которые так же как и
- 4) ученики определялись на должности по представлению инспектора главным начальником, по предварительном испытании их;
- 5) цирюльники (помощники низшего разряда). Содержание подлекарей, учеников и цирюльников, людей крепостного состояния не было определено; оно назначалось начальством сообразно их способностям.

Вся хозяйственная часть, за исключением медикаментов, находилась в ведении и под ответственностью комиссара, который подчинялся конторе соответствующего завода или рудника. На последних лежала также обязанность удовлетворять в особых случаях требования врача относительно заготовки пищевых продуктов или других необходимых

предметов. Врач наблюдал только за доброкачественностью припасов и за количеством отпускаемых порций, также за порядком и чистотой. О состоянии лазарета врач еженедельно доставлял сведения инспектору и ежемесячно главному начальнику.

При каждом лазарете находился сад, где, кроме лекарственных растений, возделывались кое-какие овощи. Эти сады обрабатывались или определенными работниками, или выздоравливавшими, или же лазаретными больными, болезнь которых допускала занятия и работу.

Туземные лекарственные растения для лазаретов собирались по большей части учениками. Кроме того, барнаульская главная аптека снабжала все госпитали материалами, лекарствами и хирургическими инструментами. В Змеиногорске была учреждена другая аптека, которая кроме местного госпиталя, обслуживала также госпитали Николаевский, Риддерский, Колыванский и Зыряновский. Лекарства и инструменты, которых нельзя было приобрести на месте, ежегодно покупали частью на Ирбитской ярмарке, частью выписывали из вольной аптеки из Москвы, для чего из Барнаула посылалась команда, которая зимою доставляла все заказы. По словам Ледебура, у которого мы заимствуем эти сведения, в госпиталях округа при назначении лекарств не вполне придерживались устава военных лазаретов, в которых для лечения обычных, часто встречающихся болезней, употребляли простейшие средства. Напротив, в здешних госпиталях, где встречались весьма разнообразные формы болезней у горных и заводских работников, главному врачу округа была предоставлена полная свобода назначать целесообразные лекарства, не принимая в расчет никаких посторонних соображений. Ежегодно в сентябре врачи посылали в главную барнаульскую аптеку лист с требованиями медикаментов. Здесь инспектор п[р]оверял эти листы и совместно с аптекарем изготовлял ведомость требуемых материалов, лекарств и инструментов на ближайший год и особенно обращал внимание на то, что должно быть выписано из Москвы. Ведомость отправлялась потом в Канцелярию горного начальства, которая и заботилась о доставлении всего необходимого. В особенных случаях лекарства и инструменты доставлялись по требованию инспектора.

Нижние чины, рабочие и солдаты лечились и содержались в госпиталях за небольшой вычет из их жалованья и провианта. А в тех случаях, когда они не пользовались госпитальным уходом, а лечились на

дому, они получали из аптек лекарства так же, как их жены и дети, бесплатно¹.

Переходим к устройству судебной части. В качестве судебных инстанций для горнозаводского населения Указ 1 мая 1747 года определяет два учреждения, которые возникли на основании этого же Указа, это Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства и «особливая» контора земского суда, компетенция которых определялась так: «Кто явится в похищении казны денежной или золота и серебра при заводах, тех судить, разыскивать и штрафовать в Канцелярии горного начальства». При этом, если преступление влекло за собою смертную казнь, то о всех таких делах следовало доносить в Кабинет Е. В., не приводя в исполнение приговора. Затем «для суда и расправы между горными офицерами, нижними чинами, мастеровыми людьми и приписными крестьянами иметь особливую контору земского суда». И, наконец, «когда прилучатца дела в разбоях, татьбах и в смертных убийствах, то оные дела и приличившихся в том людей отсылать в гражданский суд, куда которые надлежат».

Здесь еще не ясна компетенция каждой инстанции, с одной стороны, а с другой – различные группы населения судятся в одном и том же суде. Уголовные дела подведомственны гражданскому суду, т. е. суду не заводского ведомства, по-видимому, для всех групп населения; но из этого исключаются уголовные же преступления, состоящие в нанесении заводам материального ущерба, такие дела ведает Канцелярия горного начальства. Юрисдикция третьего судебного учреждения – конторы земского суда, остается неясной и неопределенной. Она учреждена для «суда и расправы» по отношению ко всему населению, включая сюда даже горных офицеров, но не указано, какие именно дела она ведает. Могло быть, что она должна была разбирать дела, возникавшие между лицами, принадлежавшими к различным группам населения, напр., тяжбы между мастеровым и приписным крестьянином; но должно заметить, что различные группы населения заводского ведомства в то время не были разграничены точно ни юридически, ни, тем более, фактически, так как люди, хотя бы и различные по происхождению, будучи обращены в заводские работы, составляли как бы одну группу, уже обособленную. Возможно, что контора земского суда должна была разбирать дела и тяжбы маловажные и представлять собою не только су-

¹ О госпиталях и вообще о заводской медицине в первой четверти 19 в. см. Ledebour [C.F.] Reise [durch das Altai-Gebirge und die soongorische Kirgisen-Steppe]. Berl[in], 1829 г. [Th.] I. [S.] 377-381.

дебное, но и административное учреждение¹. По докладу Олсуфьева, в 1761 году для разрешения маловажных тяжб и споров, «подлежащих не тяжкому осуждению», было введено словесное разбирательство, чтобы не умножать канцелярских дел и не замедлять заводских работ². Первое определенное указание на то, что горнозаводские люди должны судиться в военных судах, находится в Указе 30 декабря 1764 года³. Указом 27 мая 1779 года была учреждена Колыванская область, заключающая в себе территорию ведомства Колывано-Воскресенских заводов и, в связи с этой реформой, были произведены изменения и в управлении заводами⁴. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства была уничтожена, место ее заняло Правление области Колыванской. Как видно из Инструкции Кабинета, данной 24 сентября 1779 года вновь назначенному правителю этой области Меллеру, областное правление было разделено на два департамента – казенный и судный⁵. «Судить заводских мастеровых, – говорится в п[ункте] 23 Инструкции, – берггауеров и иных в тамошней службе находящихся людей военным же судом, а прочих, кои в сем звании не состоят, тако ж заводских крестьян отдавать в суд гражданский». Здесь мы находим уже ясное указание на то, что горнозаводские люди подлежат особому, военному суду, который составлялся из чинов горного ведомства, а приписные крестьяне подлежат ведению суда гражданского, т. е. судного департамента Колыванского областного правления. Сюда же поступали и дела по приговорам военного суда. Высшей инстанцией по уголовным делам горнозаводских рабочих был Кабинет, а высшей инстанцией по уголовным делам приписных крестьян был Сенат. Существовала особая категория дел, по которым произносил окончательный приговор Кабинет; по разрешении Кабинетом таких дел, областное правление «чинило указное по ним решение». В 1780 году Меллер просил у Кабинета позволения отсылать заводских мастеровых, впавших в преступление, в гражданский суд, но Кабинет на это не согласился на том основании, что мастеровые, как взятые в работы по рекрутскому набору, уже были из

¹ По свидетельству автора книги «Алтай, будущая Калифорния» и проч. (стр. 55), Контора земского суда не была открыта.

² Указ 1761 г., п[ункт] 14.

³ ПСЗРИ. Т. XX. № 14. 882.

⁴ Доклады, I, 125.

⁵ Инстр[укция] Меллеру, п[ункт] 7. Предпис[ание] Кабинета ему же 15 авг[уста] 1785 г., в Докладах, I, [с.] 99.

гражданского ведомства; заводская работа только заменяет для них военную службу, поэтому они и должны подчиняться воинскому уставу, по примеру таких же людей в артиллерийской и адмиралтейской командах. Кроме того, «и по артикулам военного суда есть законы и казни, не щадящие преступников, в делах уголовных приличившихся»¹. Но, очевидно, несмотря на этот приказ, уголовные преступники из мастеровых отсылались в гражданский суд, ибо восстановленная вновь Канцелярия горного начальника доносила в конце 1798 года, что от такого порядка заводы терпят большой убыток, так как губернское начальство требует платы за содержание колодников или отдает их в работу частным лицам. Кроме того, заводы лишаются работников, в которых чувствуется недостаток. Кабинет приказал потребовать обратно отосланных в уездные суды преступников и впредь не отсылать. В Положении 1828 года упоминаются уже печальной памяти военно-судные комиссии, которые ведали все дела по проступкам и преступлениям горнозаводских рабочих. Общественная безопасность и все, что относится к внешнему благоустройству, находилось в ведении горной полиции, составлявшей отрасль горнозаводской администрации. В течение XVIII века полиция руководилась в своих действиях как Уставом о благочинии, общем для всей империи, так и распоряжениями высшего начальства. В 1785 году Соймонов предписал для заводов и рудников следующую, весьма оригинальную меру по части благоустройства. «Разделить их (заводы и рудники), – писал он, – на кварталы и учредить непременно дневные и ночные караулы, дабы всякий приезжий был известен начальнику, через что пресекутся злоумышления развратников, склоняющих крестьян к побегу; для этого употреблять из батальонных и заводских служителей, построить будки и устроить рогатки при выездах. Не лишне было бы оградить селения рвом и рогатками. Частных людей склонять к тому же, ежели бы они не согласились, то должно сообщать в то правительство, до коего сие относиться должно»². Неизвестно, чем окончилась эта попытка Соймонова обратить горнозаводские селения в тюрьмы, но во всяком случае те рогатки и рвы, которые защищали заводы от вторжения неприятелей во время Демидова, сами собою уничтожились, как только эта опасность миновала. Распоряжение Соймонова имело в виду другую цель: охрану населения «от злоумышления развратников, склоняющих крестьян к побегу».

¹ Доклады, I, [с.] 97.

² Инстр[укция] Качке 1785 г., п[ункт] 14. Из рукописн[ых] матер[иалов] С.И. Гуляева.

В том же XVIII столетии «для соблюдения тишины и спокойствия и к отвращению всяких непристойных продерзостных поступок» были учреждены «бутошники». Заводские жители были разделены, по количеству их, на кварталы и поставлены будки. В каждой такой будке жили три сторожа из инвалидов, получавших по 12 рублей в год. «Впрочем, – замечает Герман, – все горные и заводские служители содержатся на военной ноге, и сколько позволяют, дисциплинируются, а потому во всех горных и заводских работах обращаются без ропоту, в тишине и спокойствии».

С 1822 года горная полиция действовала уже по общему Сибирскому учреждению.

Вопрос об учреждении школ в ведомстве Кольвано-Воскресенских заводов не следует смешивать с вопросом о развитии в этом крае народного образования, и тот, кто стал бы рассматривать школы, учрежденные заводскою администрацией, как средство для просвещения народа, впал бы в ошибку: эти школы с самого начала их и до падения крепостного права служили лишь для узкой, утилитарной цели, для того, чтобы дать работникам тот небольшой запас технических знаний, который был необходим для горнозаводских работ и для надзора за ними на низших ступенях заводской администрации. Насажение специальных знаний составляло предметы забот начальства уже со времени перехода заводов в ведение Кабинета. Так как в людях, знающих горное дело, ощущался всегда недостаток, то их выписывали из заграницы, и в течение всего XVIII века во главе администрации здесь стояли, по большей части иностранцы, которым и принадлежит, собственно, как постановка горного дела на Алтае, так и ведение всего горнозаводского хозяйства.

Ближайшими помощниками Безра были Иоганн Готлиб Ульрих, Самуил Христиани и Гросс, последний служил еще у Демидова. Кроме них были приглашены на службу по контрактам саксонские мастера, умевшие отделять серебро от свинца. Все эти люди составили верхний слой администрации, за ними следовали русские мастера, взятые с уральских, с олонечких и тульских заводов, а также военные чины из гвардейских полков. Последние оказались потом негодными «к горным наукам». В дальнейшем приходилось позаботиться об образовании местного контингента знающих людей. Но добывать иностранцев на службу в отдаленный край было трудно, они не ехали туда по контрактам, которые обязывали их оставаться на заводах до самой смерти. Уже Олсуфьев указывает на это обстоятельство и предлагает заключать с иностранными инженерами контракты на сроки до 6 лет, а по-

том стараться о возобновлении их. Для устранения этого недостатка он предлагал образовать своих собственных инженеров таким способом: следовало взять из шляхетских кадетских корпусов «небогатых, но доброго состояния дворян, довольно обученных немецкому, латинскому языкам, арифметике, геометрии, тригонометрии; из сухопутного – четырех, из морского – четырех, да из прочих училищ – четыре; отдать их в команду Колывано-Воскресенского горного начальства для обучения горному и плавильному искусству; чрез год произвести в горные обер-офицеры, а затем на два года послать в Саксонию. Также через два года брать из корпусов или иных училищ по 6 человек и посылать в Колывано-Воскресенские заводы, а потом за границу, пока в заводской школе не будут обучены свои дети офицеров и мастеров»¹.

По мысли Олсуфьева, в том же 1761 году были отправлены на заводы из кадетских корпусов дворяне: Петр Петлин, Николай Делиль де ла Кроер, Фед[ор] Бакунин; из морского – Иоганн Виктор Медер, Даниил Балле, Пав[ел] Постников, Андрей Нянинг и из московского университета – Ник[олай] Плохов, Вас[илий] Чулков и Григ[орий] Бровцын. В 1763 году они были произведены в горные чины, и некоторые из них, как, напр., де ла Кроер, Балле, Чулков и Бровцын были в последствии видными деятелями горного дела.

В докладе Олсуфьева глухо упоминается о какой-то «заводской школе», в которой обучались или должны были обучаться дети офицеров и мастеров. На основании этого указания можно заключить, что уже в 1761 году, а может быть и ранее на заводах была учреждена школа, но обстоятельных сведений относительно ее нет. Более определенное указание, хотя все-таки недостаточное, находится в Инструкции 24 сентября 1779 года Меллеру. Ему предписывалось завести школу и обучать в ней детей местных офицеров и чиновников разным частям горных наук. Для этой школы был куплен «рудный кабинет» на заводской счет, а Берг-коллегии было предписано, чтобы она доставила в Барнаул из разных мест образцы горных пород и руд. От Академии художеств был послан «для надлежащей исправности математических инструментов инструментальный мастер». Таким образом, было положено основание Барнаульскому горному училищу. На содержание училища Меллер предполагал ассигновать по 15 695 рублей в год. Все исследователи согласны в том, что училище было открыто в 1779 году; но мы не имеем точных сведений, было ли действительно открыто это

¹ Указ 1761 г., п[ункт] 1.

училище Меллером; по крайней мере, в Инструкции Соймонова Качке находится разрешение вопроса о сумме на содержание училища, т. е. того вопроса, который был поднят Меллером, и это служит как бы косвенным указанием на то, что училище или не было открыто до 1785 года, или что оно хотя и было открыто Меллером, но финансовое положение его было до этого времени далеко не упрочено. Кабинет вместо указанной выше суммы ассигновал в 1785 году на содержание училища только 2 000 рублей. Это время было трудное для заводов, когда они, вследствие областной реформы 1779 года, переживали кризис. Сокращение штата было мотивировано тем, что «заводы столь великой суммы из общей отделить не могут, не сделав в других частях расстройки». Как бы то ни было, но со времени Качки, т. е. в восьмидесятых годах XVIII века, горное училище получило определенную организацию и определенные средства для существования¹. Ученики, отлично окончившие курс наук, отсылались для продолжения образования в Петербургский горный корпус.

В основу организации Барнаульского училища была положена высказанная еще в 1761 году Олсуфьевым мысль о том, что образование будущих горнозаводских деятелей должно составлять обязанность горных чиновников-специалистов. Но легко видеть, что эта мысль была совершенно ложною: горные чиновники, по мнению Олсуфьева, являются не только горными чиновниками, практическими деятелями, но и учителями горного дела. Разумеется, эта двойственность обязанностей могла лишь повредить или тому или другому, а так как на первом плане у чиновников стояла, конечно, служба, то должно было страдать и действительно страдало преподавание, на которое чиновники смотрели как на более или менее неизбежное добавление к службе. При том же, от практического деятеля трудно требовать того уровня знаний, на который поднимается движущаяся вперед наука и теория, и знакомства с развивающимся научным методом; самое большее, что они могли дать, это познакомить своих учеников с теми приемами, которые они усвоили сами опытным путем во время заводской службы. Таким образом, организацию местного технического образования можно формулировать так: была создана школа с постоянным контингентом учащихся, но без постоянного контингента учащихся. И замечательно то, что на протяжении почти целого столетия эта организация удержалась без изменения; до самого последнего времени в высшей местной школе специаль-

¹ Доклады, [с.] 96, 117.

ные науки преподавали преимущественно чиновники горнозаводской службы. Вот почему Кольвано-Воскресенским заводам никогда не было суждено увидеть собственных инженеров из местного русского населения, получивших образование исключительно в местной школе. К XVIII веку относится также попытка учредить в Барнауле особую школу для обучения детей иностранцев. Она восходит ко времени того же Меллера. Ему поручено было спросить барнаульского пастора, не желает ли он обучать детей иностранцев, состоящих на заводской службе, а также и детей русских заводских служителей и мастеровых немецкому языку¹. Ответ пастора нам неизвестен.

Во вновь учрежденном Барнаульском горном училище обучались без различия дети офицеров (т. е. горных чиновников), мастеровых и заводских нижних чинов. Предметами преподавания были: языки русский, французский, немецкий; история, география, Закон Божий и специальные предметы – физика, математические и горные науки, химия, механика, так же рисование и черчение. Руководствами служили по общим предметам учебники, изданные по повелению императрицы Екатерины II для народных училищ, а по предметам специальным – и «сочинения ученых того времени». Ученики носили названия горного и заводского производства, маркшейдерских, пробиренных, гиттеншрейберских и проч. Они получали жалованье от 12 до 18 рублей, унтер-шихтмейстерские ученики – 48 рублей в год и 2 пуда провианта в месяц. Но были и такие школьники, которые получали по 3 р. 60 коп. в год жалованья ассигнациями и по 1 пуду муки в месяц, за которую удерживали 25 коп., остальные же 5 коп. выдавались по окончании месяца².

Установленный при учреждении училища порядок продолжался, с некоторыми частичными изменениями, зависевшими от взглядов местного начальства, до 1836 года, когда учебная часть на Алтае была преобразована; изменения заключались, между прочим, в изменении учебной программы, так, были введены риторика, пиитика и логика. До двадцатых годов 19 века училище находилось в более или менее удовлетворительном состоянии, а программа его, по словам С.И. Гуляева, была немногим ниже программы Горного корпуса, в котором выпущенные из Барнаульского училища ученики обучались в течение 2-3 лет. Успешному преподаванию прикладных знаний способствовало на-

¹ Доклады, [с.] 96.

² С.И. Гуляев. Истор[ико]-статистическ[ое] опис[ание] г. Барнаула, л. 117, 118-121.

глядное практическое ознакомление учащихся на месте с горным делом и заводским производством; побуждением к наукам служило и то обстоятельство, что образование было, хотя и для единиц, единственным средством для крепостного человека освободиться от этого состояния, так как ученики, окончившие затем курс в Горном корпусе, приобретали обер-офицерский чин. С двадцатых годов XIX века эта привилегия Барнаульского училища, посылать лучших воспитанников из крепостных людей в Петербург, была уничтожена и 12 стипендий были оставлены лишь для детей чиновников; с этого времени начинается упадок его. Начальство не давало ученикам оканчивать курс и определяло их до выхода из училища на заводскую службу; многие предметы за отсутствием учителей совсем не преподавались. В 1836 г. Барнаульское горное училище было преобразовано в окружное, с изменением программ, но это уже не могло поднять его на прежнюю высоту.

Кроме Барнаульского горного училища, на Алтае в XVIII веке существовали еще так называемые «частные» школы, которые Ренованц называет «вольными» школами, die Freyschulen. Эти частные школы не должно понимать в том смысле, в каком они понимаются ныне; это были казенные школы того же горного ведомства, учрежденные для первоначального обучения детей горнозаводских рабочих, куда могли поступать и дети приписных крестьян. В XVIII веке таких школ было две: в Змеиногорске и Барнауле; полагают, что змеиногорская учреждена ранее, но точных сведений относительно времени основания той и другой мы не имеем. Может быть, это и есть именно те школы, о которых говорит Олсуфьев в своем докладе. Некоторыми сведениями мы располагаем о Барнаульской частной школе, относящимися уже ко времени после открытия здесь горного училища. В этой школе учили чтению, письму, краткому катехизису, Св[ященной] истории и началам арифметики. Каждый ученик обязан был знать наизусть «правила для учащихся», заключающие в себе свод обязанностей по отношению к Богу, государю, родителям, наставникам, товарищам и читать книгу «о должностях человека и гражданина», в которой те же правила были изложены более подробно. Бумагу, перья и грифельные доски ученики должны были иметь свои, книги же выдавались школой. Дети поступали в школу с 7-8 лет и по достижении двенадцатилетнего возраста переводились в горное училище, если оказывали успехи – с производством в ученики различных наименований, или оставались в звании школьников; обыкновенно же

они определялись к разбору руд и в другие легкие работы¹. Как видно, эти частные школы по своему типу близко подходили к екатерининским народным училищам. В течение всего XVIII века, кажется, существовали только эти две частные школы. Положением 1828 г. (§ 227) предписано было учредить для обучения детей служащих или служивших по ведомству заводов горные школы в заводах и рудниках Змеиногорском и Салаирском. Но в Змеиногорском руднике школа была уже устроена; вероятно, к этому времени относится учреждение горных школ при руднике Салаирском и при заводах Локтевском, Павловском, Сузунском и Томском. По Горному уставу 1842 года частные школы должны были быть в заводах: Барнаульском, Локтевском, Павловском, Сузунском, Томском, Гурьевском; в рудниках: Змеиногорском, Салаирском, Зырянском, Риддерском, Белоусовском, Семеновском, Черепановском и Николаевском. Следовательно, в период от 1823 до 1842 года было открыто семь школ, что с существовавшими до того времени составит 14. Эти школы были рассчитаны на 1 275 учащихся. Ученики получали по 1 пуду провианта и жалованья по 30 коп. сер[ебром] в месяц. Школа разделялась на 2 отделения, в число предметов преподавания входило, между прочим, «практическое распознавание руд», так как ученики обращались потом к разбору руд.

Сгорнозаводскими работниками были тесно связаны, по своему происхождению, военные команды, хотя они и составляли наиболее обособленную группу населения заводов и рудников. Военная охрана Кольвано-Воскресенских заводов и прилегающей к ним территории лежала на обязанности сибирских гарнизонных и линейных полков до того времени, пока не было образовано на заводах свое собственное войско. До перехода заводов в собственность Кабинета, из Сибирских войск выделялась часть воинских команд на заводы, как для несения караульной службы, так и для внешней защиты, для охраны селений от вторжения неприятелей. По штатам, утвержденным Сибирским приказом в 1737 году собственно на одних только Кольвано-Воскресенских заводах, не считая тех людей, которые были присланы в города округа и остроги, было в 1745 году детей боярских 10 человек и 32 человека служилых людей². Они принадлежали к нерегулярным войскам. Указом 1 мая 1747 г. Безру было предписано требовать от местного начальства военных людей, как для защиты заводов от

¹ Истор[ико]-статистич[еское] опис[ание] г. Барнаула, л. 1, 8, 119.

² [Потанин Г.Н.] Матер[иалы] для истории Сиб[ири] // Чтени[ия] Моск[овского] общ[ества] истор[ии]. 1866 г., кн. 4, стр. 9.

неприятелей и для заводских работ, так и для постройки новых крепостей и поддержания прежних, построенных Демидовым. Для этой цели военное начальство, по требованию Безра, высылало солдат и других чинов из разных команд, не исключая и самых отдаленных. В 1748 году было определено, между прочим, выслать 65 казаков из Сургута и 56 из Березова. Березовская воеводская канцелярия ответила, что ежели откомандировать столько людей, то «охранять Березов будет некому»¹.

Все поступившие в распоряжение Колывано-Воскресенского горного ведомства военные люди и команды находились под командой начальника заводов, «яко главного командира заводов».

В 1761 г. было предписано оставить в заводской службе артиллерию и служителей при ней, которые были переданы заводам по Указу 1747 года и которые находились в крепостях Кузнецкой и Колыванской линий. Вдобавок же к бывшим на заводах воинским командам, для несения караульной службы, посылки писем, для содержания станций и т. п. были откомандированы из местных армейских и гарнизонных полков четыре роты пехоты и одна рота драгун с офицерами. Жалованье и прочее содержание они получали на счет общих воинских сумм, т. е. на счет казны, а не заводов; также на счет государства было отнесено содержание крепостей и гарнизонов пограничных линий в округе. На местах военные команды были подчинены управляющим заводами или рудниками². Кажется, это была последняя передача заводам воинских людей в таком большом количестве. В таком положении находилось дело до 1761 года, когда по рекрутским наборам одна часть приписных крестьян обращалась в горнозаводских работников, а другая – в солдат. Из этих солдат составилось собственное заводское войско. По Именной конфирмации и штату 21 августа 1764 года, из них был образован так называемый Колывано-Воскресенский горный батальон в составе 4 рот, в том числе одна конная, всего 504 человека. Жалованье, провиант и все содержание шло на счет заводов³. С этого времени судьба воинских людей на заводах тесно связывается с судьбою горнозаводских работников, так как и те и другие имели одинаковое происхождение: они комплектуются из местного населения, и те и другие несут одинаково тяжелую повинность, будучи обращены в крепостное состояние, с тем только различием, что для одних оно приняло форму военной службы с выслугой, а для других – форму горнозаводских работ без выслуги.

¹ Промемория Сибирс[ой] Губернск[ой] Канцеляр[ии]. 1748 г. Там же, с. 25.

² Указ 1761 г., п[ункт] 10.

³ Герман, I, стр. 283.

В 1769 году состав Колывано-Воскресенского батальона был изменен; вместо 4 пеших рот в состав его входило 3 роты¹, а в восьмидесятих годах или несколько позднее конная рота была обращена в пешую. В XVIII веке это войско представляло собою весьма оригинальное зрелище. Солдаты одевались в мундиры только в торжественные праздники, а в остальные дни ходили в армяках или тулупах, вместо фуражек надевали картузы или шапки, отличаясь от горнозаводских рабочих только тем, что носили ружья. Офицеры оставались подолгу в одних и тех же чинах, лет по 30 и более, так что шестидесятилетние старцы-прапорщики среди них были не редкостью.

В 1828 году Горный батальон был переименован в 10-й линейный сибирский батальон; была введена дисциплина и вообще он был поставлен на военную ногу². 19 апреля 1829 года было утверждено Положение о линейном батальоне и подвижных инвалидных ротах при горных заводах. Обязанность его состояла в несении караулов, охране транспортов, в высылке людей в горные, лесные и заводские работы, в содействии полиции и т. п.³

Этим мы закончим описание постепенного устройства различных сторон быта горнозаводских рабочих в течение XVIII и в начале XIX века. Теперь скажем несколько слов о количестве рабочих за то же время.

При передаче демидовских заводов Кабинету, количество рабочих было невелико, всего 623 человека, из которых 130 чел. несовершеннолетних; это число соответствовало небольшим размерам предприятия, так как в то время действовали только два завода, Колыванский и Барнаульский⁴. Третий завод, Шульбинский, строился, но он не был пущен в действие⁵. С того же времени число горнозаводских рабочих возросло,

¹ Доклады, [с.] 93.

² «Алтай, будущ[ая] Калифорн[ия]», стр. 68.

³ Кулибин [А.И. Описание Колывано-Воскресенских заводов по 1833 год] // Горный журнал. 1836 г. Ч. II, [с.] 150.

⁴ Бурнашев дает такое распределение их. В Колыванском заводе: приказчик, надзиратель, расходчиков и приказных служителей – 17, казаков и солдат – 96, мастеровых людей – 144, малолетних – 130. В Барнаульском заводе: служителей екатеринбургского ведомства – 13, приписных крестьян – 25, крепостных Демидова – 43, приписных – 51, явившихся сверх ревизии и новорожденных – 83. (Методическ[ое] описан[ие], л. 27, 33.)

⁵ В Шульбинском заводе было: приписных к заводам – 18 чел., екатеринбургского ведомства – 5 чел., крепостных Демидова – 31, пришлых – 19, явившихся после ревизии и новорожденных – 61, всего – 134 человека. После закрытия завода, население его было распределено по другим заводам. (Там же, [л.] 38.)

так как по Указу Беэру, были переведены сюда мастеровые с Уральских, Олонецких и Тульских заводов и добавлены гвардейские солдаты, которых нужно было еще выучить горной науке, для определения к должностям низшей заводской администрации. С постройкой заводов, с открытием новых рудников и с началом золотопромышленности количество горнозаводских работников должно было увеличиваться, оно возрастало параллельно с развитием горного дела. Поэтому оно не было постоянным, даже после 1761 года, когда был установлен контингент постоянных работников. «При всех Колывано-Воскресенских заводах и рудниках, – пишет Герман, – служащим штату нет, да и быть не может в рассуждении распространения и умножения горных и заводских производств, поему по обстоятельствам число их прибывает и убывает»¹.

Далее мы приведем данные о количестве горнозаводского населения в XVIII веке по некоторым отдельным заводам.

В 1759 году горных и заводских служителей, мастеровых и рабочих людей считалось 800 человек, к ним предположено было добавить еще 500 чел.² По свидетельству Ренованца, в 1785 году на Змеевском руднике и заводе было:

лиц штаб-, обер- и унтер-офицерского чина, госпитальных и канцелярских служителей, обер-штейгеров и гиттенмейстеров	314 челов[ек]
горных и заводских рабочих	4 186 «
батальон с обер- и унтер-офицерами	523 «
число мальчиков, употреблявшихся в горные работы, как детей горнорабочих людей и солдат, доходило до	1 029 «

Из последних половина летом была занята разбором руд; дети младшего возраста частью учились в школах, частью воспитывались дома на попечении матерей. Из общего числа 4 186 рабочих 186 чел. стариков, бессильных можно исключить, их можно поставить лишь наравне с мальчиками – рудоразборщиками. Остается 4 000 человек. Между этими бывает большее или меньшее количество больных, их коих в одном только Змеевском госпитале по временам находится от 20 до 100 человек, они требуют служителей и поваров. Часть употребляется так-

¹ [Герман.] Сочинен[ия] о сибирск[их] рудн[иках] и завод[ах]. [Спб., 1797. Т.] I, [с.] 276.

² [Потанин Г.Н.] Матер[иалы] для истории Сиб[ири] // Чтени[ия] Моск[овского] общ[ества] истор[ии]. 1867 г., кн. 2, стр. 262.

Кроме перечисленных, при монетном дворе были еще резчики, слесари, кузнецы, плотники, столяры и токари (цехи Сузунского завода). На Сузунской рудоплавленной фабрике (заводе), которая была соединена с монетным двором, команда состояла из следующего числа служащих: при плавильном производстве («огненном действии») находилось 169 человек; в это число входили гиттенмейстер, унтер-гиттенмейстер и подмастерья; при заводских надворных и фабричных работах для заготовления припасов и исправления машин – 78 чел., запасных служителей и сторожей у вывозки дров из лесосек, конюхов – 18 чел., для резьбы чеканов (на монетн[ом] дворе), постройки новых и починки старых инструментов – 18 человек. В лесосеках работали: 3 угольных мастера и 76 дроворубов, угольщики – 139, смотрителей – 5, лесовщиков – 10. Военный караул состоял из 52 челов[ека] капралов с одним обер-офицером и унтер-офицерами. В пяти кварталах завода наблюдали за благочинием 19 «бутошников» во главе со смотрителем. Следовательно, взрослое мужское население завода достигало цифры 588 человек, а всего было до 2 500 жителей об[оего] п[ола].

Общее количество горнозаводского населения Кольвано-Воскресенских заводов в 90-х годах XVIII века Герман определяет в следующих цифрах:

1. Горных и заводских штаб- и обер-офицеров, как в управлении по местам, так и в разных должностях	85 чел.
2. Унтер-шихтмейстеров (унтер-офицеров)	61 «
3. Медицинских чинов: доктор, штаб-лекарей, подлекарей и проч.	36 «
4. Приказных служителей, гиттеншрейберов, горных и плавильных писарей	93 «
5. Разных званий мастеров: обер-штейгеров, штейгеров, гиттенмейстеров, машинных, плотничных, меховых, молотовых и проч.	49 «
6. Подмастерья: унтер-штейгеры, унтер-гиттенмейстеры, плотничные, меховые и проч.	108 «
7. Ученики: маркшейдерские, пробирные, машинные, инструментальные, гиттенмейстерские и проч.	165 «
8. Нижних чинов и работников, как то: шмельцеров, форлейферов, ауфтрейгеров, обжигальщиков, бергайеров, рудоразборщиков, рудокопов, горных работников и прочих, находящихся в ремеслах и работах	6 695 «

В том числе:	
угольщиков	957 «
дроворубов	104 «
дрововозов	45 «
рудовозов	38 «
бутошных ¹ сторожей	116 «
инвалидов	155 «
школьников	161 «

Если исключить из этого числа лиц офицерского звания и медицинских чиновников, то крепостного мужского населения в 90-х годах XVIII века на Колывано-Воскресенских заводах считалось 7 200 человек. В это число не вошли малолетние, занятые так наз[ываемыми] легкими работами, напр., разбором руд, ибо из них сосчитаны только 161 человек школьников².

В 1820 году горнорабочих в Змеиногорском руднике и заводе было до 4 000 человек³.

III

Заводские рабочие в тридцатых годах XIX века

В настоящем очерке собраны некоторые сведения о положении одной из категорий горнозаводского населения в 30-х годах XIX века, а именно тех рабочих, которые работали в заводах, как в главных металлических производствах, так и в разного рода вспомогательных заведениях. Положение рабочих других категорий, как то: горных, занятых работою в рудниках, на золотых приисках и проч. составит предмет особого очерка.

Для суждения о размере горного дела предпосылается краткий перечень существовавших в то время заводов и вспомогательных при них учреждений⁴.

¹ Вероятно, будочных. (Ред.)

² Герман, III. [с.] 61, 133, 143, 144-145, 247-248; I. [с.] 276-277.

³ Ledebour, I. [S.] 41.

⁴ Сведения для настоящего очерка заимствованы, главным образом, из «Дела о поездке графа Сент д'Альдегонда на Колывано-Воскресенские заводы» в 1833 году; с этим делом мы ознакомились благодаря любезности Н.С. Гуляева, которому и приносим свою благодарность.

1. Змеиногорский завод, сереброплавильный. Здесь в главном заводском здании было устроено 12 плавильных печей, а в особом отделении – 2 горна и 2 трейбофена. Из вспомогательных производств была кузница с 3 горнами, в этом же отделении находилась печь для цементования стали, здесь же плотничная мастерская, кожевенный завод и салотопенное заведение.

2. В главном здании Сузунского завода было 12 шихтных печей, 13 шплейзофенов, служивших также для разделения серебра, и два извлекательных горна. В особом здании находился кальцинирофен с 16 чельями. Вспомогательные заведения: мусорная толчея, толчея для известкового камня, пепельная, для промывки пепла с выварочными котлами, кузница о 4 горнах. Мастерские – меховая и плотничная. Салотопенное заведение для топления сала и приготовления свеч. При Сузунском заводе существовал монетный двор для выделки медной монеты. В одном здании монетного двора помещалось собственно монетное производство: плющение штыков в полосы, прорезка полос, гурчение, промывка кружков и, наконец, тиснение монеты. В другом здании помещалось токарное отделение с двумя токарными и одним винторезным станками, медноплавильное отделение с шихтной и английской печами, гармахерским горном и шплейзофеном, слесарное и резное отделения.

Кроме сереброплавильного и монетного производства в Сузунском заводе было еще железное. Для делания криц было два молота, два якорных и 4 кузнечных горна.

3. Гавриловский завод, сереброплавильный, имел 15 плавильных печей, один горн и один трейбофен. Вспомогательные заводские заведения: плотничная мастерская, кузница о 4 горнах, пепельная, два кирпичных сарая и толчея о 8 пестах. Обжигательная фабрика с 2 печами¹.

4. Гурьевский завод вел работу на 10 сереброплавильных печах, одном извлекательном горне и одном же трейбофене; одна доменная

¹ Шихтная печь, в которой производится первая плавка руд на так называемый роштейн.

Извлечение из роштейна серебра посредством свинца производится на печах, называемых извлекательным горном. Отделение серебра от свинца производится на печах, называемых трейбофенами. Разделение производится на чистом, промытом выщелоченном пепле; для одной набойки употребляют оно до 150 пудов. Шплейзофен – печь для обработки меди, содержащей посторонние примеси. Альд[егонд, л.] 594, 595.

печь и две вагранки служили для отливки чугунных изделий. В особом отделении помещался станок для обточки валов, употребляемых при производстве листового железа, фурмовая мастерская, слесарная, кузнечная, плотничная. Железо обрабатывалось в кричной фабрике с 4 кричными горнами и 3 молотами, действующими водою. Отделение для производства листового железа, в нем было 5 калительных печей и все приспособления для прокатки листового железа. Кирпичный сарай. Доменная печь.

5. Локтевский завод (сереброплавильный, плавилась и медь). В главном здании завода находилось 22 сереброплавильных печи, с относящимися к ним приспособлениями, с семью воздуходувными машинами, которые приводились в движение 9 водяными колесами. Два трейбофена, 2 извлекательных горна, 2 шплейзофена, 2 кальцинирофена и один медноочистительный горн. Из вспомогательных заведений были: кузница, меховая мастерская с сушилом, кирпичные сараи и проч.

6. В Томском железоделательном заводе были следующие заведения: 1) доменная фабрика, состоявшая из двух отдельных корпусов, в каждом корпусе помещалось по горну, вагранка, сверлильный и токарные станки, фурмовая комната; 2) кричная фабрика, состоявшая также из 2 корпусов, здесь были 6 кричных горнов, 4 якорных в одном корпусе, один горн для перетяжки бурового железа, 7 молотобойных машин, приводимых в движение водою и служивших при выделке кричного, якорного и колотушечного железа; 3) кузнечная фабрика с 16 горнами в 4 корпусах для кузнечных и колотушечных работ, колотушечный установ для протяжки железа на проволоку и проволочная машина для вытяжки проволоки. Механизмы действовали водою. В 1832- [18]33 годах в Томском заводе были устроены резной и плющильный установы и при них калительная печь, два горна для выработки уклада, или сырой стали, с колотушечною машиною для протягивания ее, цементная печь, токарный станок для обточки плющильных вальков, горн для выделки рафинированной стали с колотушечною машиною. Вспомогательные заведения: плотничная мастерская для приготовления кузнечных мехов, частей машин и, в особенности, для приготовления моделей для отливки чугунных и выработки железных изделий, слесарное отделение для отделки изделий, прядильная для изготовления судоходной оснастки; салотопня, лесопильная мельница и кирпичный сарай. Для обжигания руд было устроено несколько печей, вмещавших каждая 1 000 пудов руды. Обжигание руды продолжалось около суток и требо-

вало $\frac{1}{8}$ куб. саж[ени] дров, тогда как в Гурьевском заводе, где это обжигание производилось в кучах, требовалось времени от 8 до 20 суток и расхода $\frac{1}{4}$ куб. сажени дров.

7. Павловский завод, сереброплавильный. В одном деревянном корпусе было устроено 20 шихтных печей, по две и по четыре в каждом отделении, 2 извлекательных горна и 3 трейбофена; один кузнечный горн (о 4 огнях) и мусорная толчая. Меховая мастерская, пепельная и кирпичный сарай¹.

Все горнозаводское население Кольвано-Воскресенских заводов в тридцатых годах XIX века разделялось на две большие группы: в первую группу входили все работавшие на заводах в качестве простых рабочих при разных производствах, главных, при плавке металлов и при производствах вспомогательных, в различных цехах. Работа их требовала или особых специальных технических знаний, или не требовала никаких знаний, в этом случае они исполняли черную работу, для которой нужна была лишь мускульная сила. Ко второй группе относились те рабочие, которые состояли при работах в качестве надзирателей и низших распорядителей. Они составляли грань между собственно рабочими и заводским начальством, они были низшими агентами заводской администрации; первые назывались официально «рабочими», вторые – «нижними чинами», «мастеровыми».

Первая группа, рабочие, разделялась, в свою очередь, на несколько разрядов, для чего был выработан целый ряд иерархических ступеней, своего рода табель о рангах. Так, существовала степень мастера, подмастера (подмастерье), ученика. Степень мастера имела, в свою очередь, несколько подразделений, мастера разделялись на статьи, таких статей было три: мастера третьей, второй и первой статьи. Далее, кроме распределения по производствам, все рабочие чины делились еще по возрасту или, вернее, по степени работоспособности на три группы: совершеннолетние, мальчики и инвалиды, сюда относились старики и увечные. Несовершеннолетние – это мальчики и юноши в возрасте

¹ Альдегонд, лист 430-442, 670, 527, 444, 596, 599. Кроме заводов по р. Белой существовала Кольванская гранильная фабрика. Здесь было каменное здание, в котором находились механизмы для шлифовки камней; в другом здании, также каменном, обдывались крупные вещи и шла первоначальная обработка камня; при этом здании помещалась толчая и мукомольная мельница. Из цехов были: кузнечный, слесарный и плотничный. Механизмы приводились в движение водою.

12-18 лет, в 18 лет юноша делался уже «полным работником» и в этом звании состоял до потери трудоспособности или вследствие старости и дряхлости, или увечья. Тогда он переходил в разряд инвалидов и его посылали на такие работы, которые считались легкими: в разборку руд, в караулы и т. д. Мальчики посылались как в горные работы для разборки руд, так работали и на заводах.

В 1833 году все рабочие распределялись по производствам следующим образом:

А. Совершеннолетние:

I. При главных производствах:

1. При плавке серебра	1 548 челов[ек]
2. При плавке меди	339 «
3. При делании железа	546 «
4. При делании монеты	213 «

[Всего] 2 646 челов[ек]

II. При вспомогательных заводских работах:

1. В цехах	2 097 «
2. Урочников	2 758 «
3. При обжиге угля	241 «

[Всего] 5 096 челов[ек]

III. В горных работах:

1. При добыче медных руд	307 «
2. При добыче серебряных руд	3 488 «

[Всего] 3 795 челов[ек]

IV. При сплаве руд (по р. Иртышу) 336 «

[Всего] 4 131 челов[ек]

V. На Кольванской шлифовальной фабрике 171 «

VI. На золотых промыслах 924 «

VII. Кроме того находились:

1. В денщиках у г[оспод] чиновников	161 «
2. У маркитанта по контракту	6 «
3. У пастьбы скота чиновников и рабочих людей	18 «

4. В бегах	315 «
[Итого]	500 «
Всего:	13 468 челов[ек]

На лицо находилось 13 153 «

В. Несовершеннолетние:

1. Обучалось в школе	1 041 мальч[иков]
2. В заводских работах было	1 272 «
3. При разборке руд	1 388 «
4. На Колыванской фабрике	11 «
[Итого]	3 712 мальч[иков]
1. Малолетних, живших у родителей	3 463 «
2. Уволенных по болезни от работ	27 «

[Итого] 3 490 мальч[иков]
Всего мальчиков было: 7 202 «
Кроме них, находилось 15 несовершеннолетних в бегах.

С. Инвалиды (старики и увечные):

1. При караулах	873 челов[ек]
2. При разборке руд	73 «
3. При поставке пепла	58 «
4. На Колыванской фабрике	5 «
5. Золотопоставщиков	22 «

Всего в работах: 1 031 челов[ек]
Уволенных за болезнью и увечьями временно от работ 93 «

Всего инвалидов: 1 124 челов[ек]

Кроме того, находилось в бегах 6 стариков и увечных и один был совсем освобожден от работ, по дряхлости.

Всего же на заводах считалось мужского горнозаводского населения 21 816 челов[ек]. Рабочее мужское население распределялось по работам таким образом:

1. На заводах, в главных производствах	2 646 челов[ек]	12,13%
2. На заводах, в[о] вспомогательных работ[ах]	6 426 «	29,46%
3. В рудниках, при разработке горн[ых] пород	3 795 «	17,39%
4. При разборке и сортировке руд	1 461 «	6,70%
5. При сплаве руд	336 «	1,54%
6. На золотых промыслах	924 «	4,34%
7. На Колыванской фабрике	187 «	0,86%
8. Людей, находивш[ихся] в работах, не имевш[их] прямого отношения к деятельности заводов (денщики, пастухи, караульные)	1 080 «	4,85%
9. Уволенных от работ по болезни или старости	121 «	0,55%
10. Детей, живших у родителей, а также обучавшихся в школах	4 504 «	20,64%
11. В бегах было	336 «	1,54%
Всего:	21 816 челов[ек]	

При главных работах, т. е. на заводах при плавке металлов, в рудниках при добыче руд и на золотых промыслах было всего 7 387 человек, что составит около 40% всего горнозаводского рабочего населения. Эти 40% выносили на себе всю тяжесть заводского труда и составляли то ядро рабочей армии, которым, собственно, двигались заводы и золотые промыслы. Сравнительно большой процент составляла та часть рабочих, которая не имела прямого отношения к заводской деятельности и из которой выбирались денщики для чиновников, маркитанты, караульные, пастухи и проч., что являлось бы с точки зрения заводской администрации, старавшейся использовать каждого крепостного человека всецело, непонятным, если не обратить внимания на состав этой части рабочего населения. Дело в том, что из 1 080 человек сюда входили 895 человек инвалидов, т. е. стариков и увечных, уже потерявших трудоспособность и служивших в качестве караульных и проч. Таким образом, эта служба была в сущности формой общественного призрения, но такую формой, которая не только не приносила ущерба заводским интересам, а даже была выгодной для заводской казны, ибо в противном случае эти люди требовали со стороны ее известных издержек. То же самое должно сказать и о разборке и сортировке руд, где употреблялся преимущественно труд инвалидов, а также и малолетних. За исключением этих 895 инвалидов, посторонними работами было занято всего 185 полных работников, из которых в денщиках у чиновников было 161 человек, количество ничтожное по сравнению с общим

числом всего рабочего населения, но вполне обеспечивавшее чиновникам даровые домашние услуги.

В соответствии с этим находится число освобожденных от работ; оно должно было быть чрезвычайно малым и, действительно, всего было освобождено от работ в 1834 году только 121 человек, т. е. 0,69% населения, способного к работе¹. В это число 121 человек входили 27 мальчиков, уволенных по болезни, и 93 старика, по болезни и увечью, но они были освобождены от работ лишь временно. Только один инвалид был уволен навсегда и «по старости не употреблялся в работы».

Наконец, в бегах было совершеннолетних работников 315 человек, 15 несовершеннолетних и 6 стариков и увечных, всего 336 человек. Это число составляет 1,94% действительных работников, которые могли убежать². Из мальчиков четверо «потерялись».

Вторую группу горнозаводского населения составляли так называемые «мастеровые», или «нижние чины» заводской администрации. Будучи крепостными по происхождению и оставаясь таковыми, они тем не менее не были употребляемы в черные заводские работы, а служили по разным частям горнозаводской деятельности в качестве низших техников или в качестве низших агентов заводского управления. Таким образом, они составляли как бы переходный класс от крепостного чернорабочего горнозаводского населения к некрепостному классу чиновников и инженеров, и подобно тому, как на «рабочих» лежала вся черная работа по плавке металлов и добыче руды, так и на этой части населения лежала также черная работа по техническому и административному надзору и по тем производствам, которые требовали некоторых специальных знаний.

В официальных документах 30-х годов XIX века упоминаются следующие должности, которые были занимаемы «нижними чинами»: обер-штейгер, штейгер, кунстштейгер, гиттенмейстер, унтер-шихтмейстер, пробирщик, подлекарь, шрейбер, горный писарь, плавильный писарь и писец. Затем следовали помощники их, носившие название учеников, но это название, за исключением учеников горного и заводского производства, не имеет ничего общего со школой; ученики были такими же «нижними чинами», как и остальные служащие низшего раз-

¹ Дети м[ужского] п[ола], жившие у родителей и обучавшиеся в школах, исключены.

²Исключаются малолетние, жившие у родителей и не знакомые с работами и школьниками, также не знакомые с работами или знакомые с ними не вполне.

ряда. Из учеников встречаются: гиттенмейстерские, маркшейдерские, пробирные, аптекарские, переплетные, типографские, лекарские, шрейберские. Ученики горного и заводского производства – это ученики Барнаульского окружного горного училища, посылаемые для практики на заводы и рудники. Определяемые на службу по окончании курса в единственно существовавшем в 30-х годах XIX века первом отделении училища, они удерживали за собою это название. Их было 6 в Главной чертежной. По-видимому, должности обер-штейгера по горной части и гиттенмейстера по заводской были высшими должностями, которых мог достигнуть в 30-х годах XIX века крепостной горнозаводской обыватель. Как рабочие, а особенно урочники, составлявшие, кажется, наиболее подвижную часть горнозаводского населения, так и нижние чины не были прикреплены каждый к определенному заводу или руднику; они посылались с одного завода или рудника на другой, смотря по требованиям работы. Так, из унтер-шихтмейстеров Барнаульского завода 12 человек были в командировках: у горного ревизора по частным золотым промыслам – 1, у белоярского управителя – 1, в лесосеках исполняли должности приставов – 4 и в поисковых партиях за отысканием золотоносных россыпей – 6 человек. Из Сузунского завода было послано к управителям чаусскому и малышевскому по 2 писца и т. д. Унтер-шихтмейстеры исполняли разнообразные должности: приставов в лесосеках и в небольших рудниках, комиссаров в лазаретах, учителей в школах, надзирателей при разных работах, исполняли разные должности в полиции, в комиссиях военного суда, а двое были даже управителями в малышевском и ординском отделениях приписных крестьян¹.

Численность нижних чинов и состав их виден из следующей таблицы:

обер-штейгеры	3
штейгеры	11
кунстштейгеры	2
гиттенмейстеры	1
унтер-шихтмейстеры	320
пробирщики	1
подлекари	6
шрейберы	1
горные писари	11
плавильные писари	7
писцы	260

¹Альдег[онд, л.] 110, 113.

Ученики:

горного и заводского производства	57
гиттенмейстерские	6
маркшейдерские	39
пробирные	31
аптекарьские	8
переплетные	12
типографские	8
лекарские	49
шрейберские	1

Всего нижних чинов было 834 человека, из них 68 вне заводов и рудников, к которым они были приписаны.

Таков был численный состав обеих главных групп горнозаводского населения алтайских заводов в 1834 году. Число его достигло к тому времени 22 650 человек. По официальным данным, женского населения заводов и рудников было 17 872 чел. Если принять цифру эту за более или менее достоверную, то общую численность горнозаводского населения должно определить в 10 522 человека. По месту жительства это горнозаводское население распределялось таким образом: [См. табл. на стр. 406]

Рабочее время на заводах определялось Положением о мастеровых 16 апреля 1828 г. Заводские рабочие и горные рабочие в рудниках разделялись на смены: каждая смена работала по две недели сряду, не исключая воскресных и праздничных дней, а третью неделю была свободна от работы. Эта неделя называлась «гульною». Смены располагались так, что рабочий одну неделю работал днем, а другую неделю – ночью. Таким образом, должно полагать, при переходе на ночную смену, или обратно, рабочий оставался в работе 24 часа, или круглые сутки. Рабочий день продолжался 12 часов. При вспомогательных работах (ст[атья] 27 Полож[ения]), при ремеслах, постройках, в разных заводских цехах по воскресным и праздничным дням работ не было, также не было и смен. Таким образом, рабочие при главных производствах работали 244 дня в году, во вспомогательных производствах и в цехах – 260 дней¹.

Число мастеровых, занятых у одной печи, определяется следующими цифрами, взятыми из ведомости о Барнаульском заводе. В Барнаульской плавильной фабрике в каждую смену задолжалось при одной шихтной печи 3 человека, у извлекательного горна – 7, при раздели-

¹ Альдег[онд, л.] 625, 646.

[Заводы и рудники]	Рабочие	Нижн[ие] чины	Женщины	Всего
Барнаульский завод	3 283 (32)	381	3 608	7 272 (32)
Павловский «	1 667 (26)	17	1 724	3 438 (26)
Сузунский «	1 511 (20)	66	1 447	3 024 (20)
Салаирский рудник	3 269 (98)	66	3 226	6 573 (98)
Гавриловский завод		8		
Гурьевский «		4		
Локтевский «	2 104 (9)	64	1 470	3 643 (9)
Локтевский рудник		4		
Золотушинский «		1		
Змеиногорский рудник	2 704 (108)	102	1 611	4 426 (108)
Змеиногорский завод		5		
Сростинский лесосек		2		
Усть-Каменогорская Пристань		2		
Рудники:				
Риддерский и Крюковск[ий]	1 243 (6)	12	720	1 975 (6)
Белусовский	263	5	181	449
Зырянский и Заводинский	1 392 (25)	11	623	2 026 (25)
Петровский и Карамышевский	705 (2)	3	316	1024 (2)
Черепановский	22	-	76	98
Николаевский и Таловский	417	8	317	742
Солонешный, 2-й	91	2	80	173
Чагирский	67	1	44	112
Семеновский	219	1	150	370
Лазурский	3	-	2	5
Томский завод	1 014 (10)	18	975	2 007 (10)
Золотые промыслы:				
Егорьевский	463	4	399	866
Успенский	180	2	115	297
Урский	307	2	158	467
Касьминский	295	1	346	642
Орловский	74	3	42	119
Колыванская шлифовальная фабрика	187	9	242	438
Итого:	21 480 (336)	834	17 872	40 186 (336)
	21 816			
[Всего:]	22 650			

тельном трейбофене – 2, у настилки руд на шихту – 3, подвозкою угля из вала к фабрике было занято на 24 печи 14 рабочих.

Выплавкою меди (до 14 тысяч пудов в год) было занято 110 человек. В железном производстве, в Томском и Гурьевском заводах, мастер на одном горне приготавливал из двух криц тонкого сортового железа 10 пудов, а крупного сортового, как, наприм., болванок для прокатки лопаточных и гребеночных листов, для связей 1-го сорта широкополосного, кусков на приготовление тяжеловесных вещей и болванок для обработки на листовое железо – от 12 до 14 пудов. В Сузунском заводе на одном горне в смену вырабатывалось до 8 пудов железа. На одном горне задолжалось трое работников. Один мастер и подмастерье на одном горне в десять дней вырабатывали в Томском и Гурьевском заводе от 70 до 90 пудов железа; в Сузунском же, где размеры воздуходувных машин были меньше, производство железа на горне колебалось от 56 до 72 пудов за то же время.

Плата рабочим и мастеровым была следующая. При главных производствах: 1) сереброплавильном: а) при рудной плавке на роштейн полагалось: шмельцеру в год жалованья от 27 до 29 рублей, форлейферу – от 24 до 26 руб. и афтрайгеру¹ – от 21 до 23 руб.; б) при обжигании роштейна обжигальщику – от 27 до 29 руб.; в) при извлекательной работе плавильщику – от 27 до 29 руб. и его ученику – от 24 до 26 руб.; д) при разделительной работе абтрейберу – от 27 до 29 руб., его ученику – 21-23 руб. 2) При рудной свинцовой плавке: шмельцеру – 27-29 руб., форлейферу – 24-26 руб., афтрайгеру – 21-23 руб. 3) В медноплавильном производстве: а) при плавильных печах: шмельцеру – 27-29 руб., форлейферу – 24-26 руб.; афтрайгеру – 21-23 руб.; в) при шплейзофенах: шплейзеру – 27-29 руб.; его ученику – 21-23 руб.; с) при гармахерских горнах плавильщику – 27-29 руб., ученику – 24-26 р.; д) при чеканке монеты гуртильным ученикам и подкладчикам по – 20 руб. в год. 4) В железоделательном и чугунно-литейном производствах: а) при доменных печах и вагранках мастеру – 50 руб., его ученику – 20 руб., работникам – от 19 до 24 руб.; б) при кричных горнах мастеру – 36 руб., подмастерью – 26 и работникам – 22 руб.; с) при кузнечных

¹ Афтрайгер – засыпщик, рабочий, засыпающий в домну руду и горючий материал. Форлейтер – тоже. Шмельцер – плавильщик, отливщик. Абтрейбер – работник, занимающийся разделительною работою, т. е. отделением серебра от свинца на трейбофене. Роштейн – продукт, получаемый при сырой плавке колчеданистых руд.

горнах подмастерью – 38 руб., кузнецам – 26-36 руб. и ученикам – от 20 до 22 руб. Такое жалованье получали рабочие. Кроме того, при печах были мастера и подмастерья, первые получали в год жалованья от 60 до 180 руб., а подмастерья – 36-80 руб.¹ Все эти мастера и работники, сверх жалованья, получали провианта в год по 24 пуда ржаной муки. Членам их семейств провиант продавали по «истинной цене», от 30 фунт[ов] до 1¹/₂ пуда на каждое лицо за наличные деньги или в долг, который затем вычитался из жалованья. Все перечисленные выше рабочие содержались на определенном жалованьи, но кроме них, работавшие в железоделательном производстве получали заработную плату сдельно. Так, работавшие при делании колотушечного, разного и листового железа получали: мастер за сходное и цельное – по 3 коп. с пуда, за несходное и двойную ломь – по 2 коп., за расковочное, тройную ломь и непроварное – по 1¹/₂ коп.; подмастерью платили вдвое менее, чем мастеру, а рабочему – по ³/₄ коп. за пуд со всех сортов. В тридцатых годах работавшие сдельно получали еще провиант, также по 24 пуд. ржаной муки в год, но позднее выдача провианта для этой категории работников была отменена². Для вычисления годового заработка работавших сдельно берем максимальную норму выработки железа на одном горне, какая существовала в Томском и Гурьевском заводах, при высшем же размере сдельной платы. Мастер Томского или Гурьевского завода, стоявший на выработке листового железа, вырабатывал в смену 10 пудов, что в год даст 2 440 пудов. Так как он получал по 3 коп. с пуда, то годовой заработок его простирался до 73 руб. 20 к.; подмастерье зарабатывал 36 руб. 60 коп. и рабочий – 18 руб. 30 коп. Разумеется, размер заработка зависел здесь от искусства и опытности мастеров, но не должно упускать из внимания того, что количество выработанных продуктов все-таки стояло в зависимости от технических условий производства, которые, напр., в Сузунском заводе стояли ниже, чем в других заводах. Приведенный выше расчет представит собою высший предел годового заработка и, кажется, не будет ошибкою полагать средний годовой оклад мастера на железоделательных заводах в большинстве случаев около 60-70 руб., а подмастерья – около 30-35 рублей.

Для рабочих существовали награды. Они награждались по рекомендациям местных своих начальников «повышением в званиях» и связанными с этим прибавками жалованья, «смотря по занятиям их». Так,

¹ Альдег[онд, л.] 103, 413, 531, 671.

² Альд[егонд, л.] 642, 624, 626.

напр., бергайеры 9-й статьи, получавшие жалованья по 21 руб. в год и занимавшиеся «с усердием своим делом», переводились в 8-ю статью, с жалованьем по 22 рубля в год, «и так далее до 1-й статьи, для которой положено жалованье 29 рублей». Сверх того, «отличающиеся своею службою, поведением и опытностью», производились в унтер-штейгеры. Также поступали с рабочими и в других производствах. Например, запасные служители, находившиеся при плавильных печах, по доброму их поведению и познаниям переименовывались в ауфтрайгеры, затем в форлейферы и, наконец, в шмельцеры, а эти звания были разделены каждое на 3 статьи, и жалованье для них положено от 21 до 29 руб. в год. Таким образом, бергайер 9-й статьи, чтобы достигнуть звания бергайера 1-й статьи, так же и ауфтрайгер 3-й статьи, чтобы достигнуть звания шмельцера 1-й статьи, должны были пройти 7 ступеней. Все это имеет сходство с тем очищением и совершенствованием душ, которое признается буддистами для достижения нирваны.

Мастеровые, по отставке от службы, «если оную продолжали беспорочно и ни в каких штрафах по суду не состояли», получали пенсии сообразно числу лет службы и окладам жалованья, на основании проекта Горного положения, высоч[айше] подтвержденного 13 июля 1806 года и распространенного на Кольвано-Воскресенские заводы 13 июля 1816 г., и на основании Указа Кабинета 15-го ноября 1826 г. за № 3426. За 25 лет «беспорочной службы» давали четвертую часть жалованья, за 30 лет – одну треть, за 35 лет – половину, за сорок лет и более – две трети жалованья; но нет указания на то, чтобы мастеровой или рабочий могли получать в пенсион полное жалованье. Таким образом, средний размер пенсий выражался следующими цифрами: шмельцер (18-19), прослуживший около 40 лет, получал пенсион 3 рубля, форлейфер (16-17) – 3 руб., ауфтрайгер (14-15) – 3 рубля. Эти размеры должно считать исключительными для заводских работников, ибо эти пенсии выдавались, когда человек достигал уже шестидесятилетнего возраста, после 40-летней работы, которую вряд ли могли выносить люди с[о] средними силами. Нормальный размер пенсии следует считать в $\frac{1}{3}$ жалованья, т. е. за 30 лет службы, для 50-летнего возраста. Но в наших документах нет указаний на то, как вознаграждались те рабочие, которые получили увечья или оказались неспособными к труду ранее достижения первого срока инвалидности. Относительно призрения инвалидов речь будет далее, но, очевидно, денежное вознаграждение работников, получивших увечья или утративших на службе способность к труду, не

входило в расчеты заводууправления, хотя нельзя сказать, чтобы таких случаев совсем уже на заводах не было¹.

Семейства умерших пенсионеров не оставались без вознаграждения. По словам официальных документов, вдовам, сиротам, оставшимся после таких лиц, выдавалось от 6 до 24 рублей, смотря по службе их мужей и отцов. Женам их платили до их смерти, нового замужества (sic) или пострижения, а дочерям до 15-летнего возраста, малолетние сыновья таких лиц пенсий не получали, ибо в случае поступления в школы, дети пользовались особым школьным пайком; в случае же отдачи в работы, назначенные для малолетних, они получали заработную плату.

В начале тридцатых годов XIX века на Колывано-Воскресенских заводах были еще мастеровые, которые вышли в отставку до применения Положения 1806 года к работникам Алтайского округа, т. е. до 1816 года. Они получали пенсион еще по Учреждению о пенсиях 12 июня 1797 года; эти пенсии были еще ниже, лишь некоторые отставные служители получали по 10 руб. в год. Вдовы их получали по 5 руб., а сыновья и дочери, первые до отдачи в школы, а вторые до 15 лет – по 3 рубля в год. Но должно заметить, что выслуга известного срока на получение пенсии ничего еще не значила сама по себе и отнюдь не давала права на немедленное получение пенсии. На пенсии всем служащим в заводах отпускалось в год 27 тысяч рублей и этой суммы было недостаточно. Между отставными устанавливалась очередь, и пенсии выдавались по старшинству, т. е. в данном случае существовала опять как бы своего рода выслуга. В этот промежуток времени пользовались помощью лишь совершенно неимущие и увечные, не имеющие родных, которые могли бы их призывать. На основании Высоч[айше] утвер[жденного] 23 января 1831 г. представления начальника заводов, эти люди получали или провиант по 1-1¹/₂ пуда в месяц, или денежное пособие из особой суммы, которая носила название «суммы неимущих» и которая шла, главным образом, на содержание богаделен. На это пособие отпускалось около 892 рублей в год².

Для оказания медицинской помощи при заводах и рудниках были устроены госпитали (по Полож[ению] 31 марта 1816 года), но ими

¹ См. Зобнин, в сборн[ике] «Алтай»: [историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П.А. Голубева. Томск], 1890. Стр. 406-407, где приведена статистика увечий и смертей на заводах за ряд лет.

² Альд[егонд, л.] 626, 643, 645.

могла пользоваться лишь небольшая часть всего населения ведомства Кольвано-Воскресенских заводов, именно только лишь горнозаводские обыватели, т. е. мастеровые и урочники. Главная масса населения, приписные крестьяне, жили без всякой медицинской помощи, по крайней мере, в официальных источниках нет указаний на то, чтобы существовали больницы для крестьян, даже в наиболее крупных селениях. Горнозаводские госпитали были в следующих заводах и рудниках: в заводах – Барнаульском, Павловском, Сузунском, Томском, Кольванском; в рудниках – Змеиногорском, Риддерском, Николаевском, Белоусовском, Зыряновском, Салаирском и на Егорьевском золотом прииске.

Во главе медицинской организации, подчиненной местному заводскому начальству, стоял, как уже было сказано выше, медицинский инспектор округа. В [18]30-х годах должность эту занимал известный д[окто]р Вильгельм Геблер, первый ученый исследователь Алтая. При инспекторе состоял штаб-лекарь, в то время Древинг. В состав медицинского персонала госпиталей входили следующие чины: врачи, хирурги, субхирурги, фармацевты (по тогдашней терминологии, хирургики, субхирургики, фармацевтики) и лекарские ученики, а низший персонал состоял из сторожей. На каждых 10 больных, по Положению, должен быть один сторож. Как служители, так и фармацевтики и лекарские ученики принадлежали к местному горнозаводскому крепостному населению. На каждый госпиталь полагалось по одному врачу; но это было не всегда. Барнаульский госпиталь, стоявший на виду у начальства, был обставлен лучше. За десятилетний промежуток, с 1824 по 1833 год, здесь всегда был врач и фармацевт при 19 нижних служителях, которые, очевидно, исполняли и обязанности сиделок. В Павловском госпитале за тот же промежуток времени не было ни врача, ни хирурга, по крайней мере, этих лиц не значится в той официальной ведомости, которая была представлена гр[афу] Альдегонду¹; госпиталем заведывал субхирург; то же самое видим в Сузунском заводе за время 1829-1830 [г]г.; в 1831-1833 [г]г. здесь был хирург, в 1829-[18]30 [г]г. – субхирург; из остальных госпиталей врач был только в Змеиногорском, в 1829 и

¹ Де Сент-Альдегонд, Карл Францевич – граф, с 1828 г. был принят на русскую службу в чине полковника. Член совета и ученого комитета Корпуса горных инженеров, генерал-майор свиты его императорского величества. В 1834 г. посетил с ревизией Алтайский горный округ, осматривал Кольванские заводы. По окончании ревизии подготовил отчет «Memoires surla Sibirie et surla circonscription des monts de l'Altai», с картой округа. (Ред.)

1830 годах здесь были хирург и фармацевтик. В большей части госпиталей были только лекарские ученики; так было в 1824-[18]30 [г]г. в Томском госпитале (затем до 1833 г. – субхирург), в Локтевском госпитале в 1824-1828 [г]г. (затем субхирург до 1831 г. и с этого времени – хирург), в Кольванском за все время с 1824 по 1833 [г]г. – лекарский ученик, в Риддерском с 1824 по 1830 [г]г. (затем субхирург), в Николаевском, в Белоусовском, в Зыряновском с 1831 г. – два лекарских ученика; Салаирский госпиталь имел хирурга; на Егорьевском золотом промысле хирург был только в 1831 году, в остальные годы (1830-1833 [г]г.) лечил лекарский ученик¹. Таким образом, в 1833 г. в отношении медицинского персонала более или менее сносно был обставлен лишь один Барнаульский госпиталь, имевший одного врача и одного фармацевта и, отчасти, Змеиногорский (хирург и фармацевт), в 3-х госпиталях был лишь хирург, в 3-х – субхирург и в 5-ти медицинскую помощь подавали лекарские ученики.

Номенклатура болезней, принятая в официальном отчете, и соединение их в одной рубрике не позволяют в точности определить, какими болезнями наиболее страдало горнозаводское население. Но можно сказать, что наиболее часто рабочих поражали гастрические заболевания и ревматизм, которые являлись следствием дурных условий жизни вообще, а также условий работы на заводах и в рудниках, оборудованных, конечно, наипростейшим образом. «Воспалительные горячки», «трехдневные» и «ежедневные лихорадки», «простудные горячки», «изнурительные лихорадки», «изнурительный понос» составляли преобладающий процент заболеваний рабочих людей. Встречаются часто «нервные горячки» и «грудная болезнь».

На золотых приисках люди поражались скорбутом и ревматизмом, что вполне понятно, так как рабочие стояли по целым сменам в разрезах, наполненных водой, невзирая на время года. Работы производились здесь даже зимою, причем существование теплых помещений при вашгердах подвержено большому сомнению. Разведочные же партии, по самому существу своих занятий, обречены были на скитания по пустынным и диким местностям и на пребывание под открытым небом. Они также должны были работать в воде и при всякой погоде. Был ли амбулаторный прием больных при госпиталях неизвестно, по крайней мере, официальные отчеты об этом не упоминают. Во многих госпиталях не было врачей, а были лишь «лекарские ученики», в других были

¹ Альд[егонд, л.] 573-586, 708-721, 587.

«хирурги», лечившие все болезни. При рассмотрении ведомости о состоянии госпиталей, читатель обращает внимание на одно обстоятельство: на совершенное отсутствие в госпиталях хирургических больных и, если под названием «хирургиков» и «субхирургиков» следует заметить действительно хирургов и их помощников, то является непонятным, что же они делали, так как за целые 10 лет, с 1824 по 1833 г., на всех заводах и в рудниках в отчете не показано ни одного случая, который потребовал бы хирургической помощи. Но это умолчание о хирургических больных становится понятным, ежели принять в соображение, что увечья составляли действительно заметную часть заводской деятельности¹. Включение такого рода больных в ведомости не могло, разумеется, входить в планы начальства, ибо тогда количество больных увеличилось бы и, кроме того, пришлось бы давать объяснения по вопросу, совершенно постороннему, об улучшении обстановки и обеспечении увечных, сделавшихся неспособными к труду, а то и другое требовало лишних издержек.

В нижеследующей таблице представлены данные о смертности в заводских госпиталях за время с 1824 по 1832 г. включительно:

Годы	Число больных	Умерших	%
1824	12 434	159	1,5
1825	14 625	259	1,7
1826	13 505	187	1,3
1827	15 162	192	1,2
1828	14 186	166	1,1
1829	14 372	202	1,4
1830	14 798	191	1,3
1831	15 625	249	1,5
1832	17 699	286	1,6

Женщин в госпиталь не принимали. Исключение составил Барнаульский госпиталь в 1830 г., когда свирепствовала с 27 июня по последние числа июля холера «со всеми признаками жестокости ее, но не смертельно, по большей части страдал женский пол». Были приняты в госпиталь 184 женщины.

¹ См. Зобнин, указ[анное] выше соч[инение].

В 1833 году движение больных в госпиталях было следующее:

Госпитали	Число больных	Умерших	%
Барнаульский	1 489	34	2,2
Павловский	792	12	1,5
Сузунский	707	14	1,9
Томский	408	10	2,4
Локтевский	984	20	2
Колыванский	116	1	0,8
Змеиногорский	2 365	57	2,4
Риддерский	1 375	14	1
Николаевский	433	5	1,1
Белоусовский	499	8	1,6
Зыряновский	1 539	39	2,5
Салаирский	1 893	39	2
Егорьевский (золот[ой] пром[ысел])	354	7	1,9
[Итого:]	12 954	260	

Таким образом, средняя смертность в госпиталях была 2%.

Для первоначального обучения детей горнозаводских рабочих в округе, как было уже сказано выше, были учреждены при рудниках и заводах так называемые горные школы, а в Барнауле было, кроме того, окружное горное училище, в котором обучались дети как чиновников, так и крепостных людей и которое имело целью дать помимо общего образования некоторые технические знания, необходимые для горной и заводской службы. Штатное положение Барнаульского горного училища и горнозаводских рудничных школ было составлено местным начальством и утверждено Кабинетом 31 августа 1822 года. Барнаульское горное училище должно было иметь, по этому Положению, 4 отделения и 100 учащихся. Начальные школы были учреждены в заводах: Барнаульском на 200 учеников, в Локтевском – на 50, в Павловском – на 60, в Сузунском – на 80, в Томском – на 40, в Салаирском руднике – на 40 учеников и в Змеиногорском – на 120 учеников. По Учреждению горных Алтайских заводов 16 апреля 1828 г. (§ 230), число учеников не было ограничено определенным комплектом; в горных же шко-

лах должны были обучаться дети служащих и служивших на заводах, в возрасте от 7 до 12 лет. На содержание училища и школ полагалось 10 878 руб. 28 коп. в год. Программа преподавания предметов в Барнаульском горном училище была не столько обширна, сколько разнообразна. В тридцатых годах 19 века в нем преподавались в первом отделении: российская грамматика, вторая часть арифметики, чтение и письмо по латыни с грамматикой до синтаксиса, рисование, пространственный катехизис и история. Кроме того, было положено преподавать чтение и письмо по-немецки и по-французски, но языки не преподавались по неимению учителей. Во втором отделении изучалась: 1) логика и риторика, и писались «сочинения на русском языке»; 2) синтаксис языков немецкого, французского и латинского, переводы с этих языков на русский; 3) алгебра, до уравнений 2-й степени; 4) рисование и черчение планов; 5) история и география русская и общая. В третьем отделении: 1) переводы с русского языка на французский, немецкий и латинский и обратно; 2) «сочинения на русском языке»; 3) физика теоретическая и экспериментальная; 4) химия общая; 5) минералогия; 6) геометрия и тригонометрия. В четвертом отделении: 1) пробирное искусство и металлургия; 2) маркшейдерское искусство и архитектура; 3) горное искусство; 4) механика, общая и горная и 5) законоведение и заводские учреждения. Горное училище служило преимущественно, если не исключительно, интересам заводских чиновников, хотя, по Положению, в него могли приниматься и дети мастеровых, окончившие курс в горных заводских школах с особым успехом. По своей программе, которая состояла из многих предметов и захватывала эти предметы не глубоко, училище должно было удовлетворять запросам местной заводской и горной практики и поставлять техников для заводов и рудников. Так как на все школьное образование заводы затрачивали ничтожную сумму, то училище не могло иметь своих особых преподавателей, преподавали в нем те же заводские чиновники, горные и другие инженеры, за небольшое вознаграждение, служившее прибавкою к их жалованью. Разумеется, имея свои особые, подчас сложные обязанности по службе, эти преподаватели, уделяя училищу только свободное от службы время, не могли посвящать все силы училищу и, конечно, такой порядок отзывался на уровне знаний учеников. Выше был приведен уже отзыв С.И. Гуляева о том падении, которое испытало училище в тридцатых годах прошлого века¹.

¹Т. е. XIX в. (Ред.)

Ученикам Барнаульского горного училища было присвоено звание «учеников горного и заводского производства»; ученики получали жалованье в первом отделении по 9 рублей в год, во втором – по 12 рублей, в третьем – по 15 и в четвертом – по 19 рублей, не считая 2-х пудов провианта в месяц. На счет той же школьной суммы ученики снабжались и учебными пособиями, книгами, бумагой и проч.

Заводские горные школы были устроены, как выше упомянуто, при заводах и рудниках. В каждой школе было два класса; в первом обучали чтению и письму по-русски и преподавали краткий катехизис; во втором преподавалась первая часть арифметики и краткая Священная история, ученики упражнялись также в чтении и чистописании. Обучавшимся в горнозаводских школах было присвоено звание «школьников». Эти школы были учреждены для детей горнозаводских обывателей; окончившие курс с успехом, продолжали или должны были продолжать, по Положению, курс учения в окружном училище. «Неуспевшие и нерадивые школьники» определялись, по достижению 12-летнего возраста, к разбору руды. Школьник получал жалованье 3 руб. 60 коп. в год и по одному пуду провианта в месяц «без всякого вычета» из жалованья его отца. Учебные пособия школьники так же, как и ученики, получали бесплатно, на счет выпускаемой для школ суммы.

По Положению 31 августа 1822 г., в учителя заводских школ определялись, по 2 на школу, «из способных нижних чиновников», т. е. из тех же крепостных мастеровых, которые работали и на заводах; преподавательская служба составляла часть заводской службы вообще. Закон Божий преподавали местные священники.

В 30-х годах 19 века в Барнаульском горном училище обучалось всего 42 ученика; преподавательский персонал состоял из 2-х учителей и 3 священников. Число последних, не соответствующее количеству учеников, объясняется, вероятно, тем, что священники, кроме Закона Божия, преподавали и другие предметы. Ничтожное же число учеников объясняется тем, что в училище было только одно первое отделение, остальных отделений не было за неимением преподавателей. Да и в первом отделении преподавались не все предметы, положенные по программе, преподавателей новых языков не было.

Заводских горных школ было 6, а именно в заводах: Барнаульском, Локтевском, Павловском, Сузунском и Томском, при рудниках Салаирском и Змеиногорском; последняя школа обслуживала, кроме того, район Колыванской шлифовальной фабрики и рудников: Риддерского,

Белоусовского и Семеновского. Учащих в каждой школе было по два, а число школьников распределялось так: в барнаульской – 269, в локтевской – 33, в павловской – 97, в сузунской – 129, в томской и салаирской – по 40, в змеиногорской – 324, а всего – 932 учащихся. Здесь мы видим в некоторых школах несоответствие между числом учителей и учеников. В то время как в локтевской, томской и салаирской школах на одного учителя было 16-20 учеников, в барнаульской школе один учитель обучал 134 школьника, а в змеиногорской – даже 162. Это явление, по-видимому, не обращало на себя внимание начальства и для устранения его не принимали никаких мер, ибо «Положение» было соблюдено: в каждой школе должно было быть и действительно состояло налицо два учителя.

Курс отделения горнозаводской двухклассной школы был годичный. Экзамены производились в марте или апреле в присутствии управляющих заводами и рудниками и наличных чиновников. Смотря по надобности, школьники во время каникул назначались к работам, именно к разборке руд.

Как Барнаульское горное училище, так и горнозаводские школы были учреждены, разумеется, не с целью просвещения населения и не с целью его умственного и нравственного развития, а единственно лишь из практических соображений. Горное училище должно было давать заводам людей более или менее образованных технически: чертежников, землемеров, уставщиков по заводской и горной частям и проч., а горнозаводские школы имели целью выпускать людей, которые назначались на низшие должности, требовавшие грамотности и умения считать, т. е. приемщиков разного рода, писарей и т. д. Сказанное о школах заставляет предполагать, что они еще удовлетворяли своему назначению, но горное училище, выпускавшее в 30-х годах своих питомцев недоучившимися, из первого отделения, очевидно, не могло удовлетворить поставленной ему цели. Официальный отчет того времени так говорит о дальнейшей судьбе учеников горного училища: «оказавшие хорошие успехи хотя не имеют дальнейшего теоретического образования по неимению учителей, но поступая по способностям в заведения и горные чертежни и пробирные, имеют достаточные способы приобрести практические сведения в геодезии, маркшейдерском и пробирном искусствах и поступать на службу по горному или заводскому производствам, смотря по дальнейшим их способностям. Отличнейшие же из учеников горного и заводского производства, при свободных вакансиях, отсылаются для дальнейшего образования в С[анкт]-Петербург, в Горный институт». К этому необходимо сделать одну поправку: отлич-

нейшими учениками были, преимущественно, если не исключительно, дети чиновников. Отчет не указывает того, каким образом ученики, вышедшие из первого отделения Барнаульского горного училища, изучали в институте специальные науки, не имея даже элементарных познаний.

Из предыдущего можно заключить, что существовавших школ было далеко недостаточно для всего населения. Одна школа, принимая в то число и Барнаульское училище, приходилась на 3 235 человек горнозаводского населения м[ужского] п[ола]. Всего детей школьного возраста было в 1834 году 3 712 человек, из них работали на заводах и рудниках 2 671, а обучалось в школах 1 041. Это составляет лишь 28%¹.

На основании Положения о линейных батальонах и подвижных инвалидных ротах при горных заводах, утвержденного 19 апреля 1829 г., при Алтайских заводах существовали свои войска, которые набирались из приписных крестьян. Они несли обязанности те же самые, какие до издания Положения несли так называемые горные штатные военные команды, а именно на них лежали: охрана денежных кладовых и магазинов, караул при горных правлениях и заводских конторах, на заводах при выплавке металлов и чеканке монеты, сопровождение и охрана разного рода заводских транспортов, высылка в горные, лесные и вообще во всякие заводские работы людей, живших близ заводов и рудников и в отдалении от них. Команды оказывали содействие полиции при заводах, в окружных селениях и в селениях приписных крестьян. На них лежал вообще «присмотр, где охранение казенного интереса, тишины и безопасности, а также и скорость исполнения приказаний или предписаний горного начальства требуют». Наконец, воинские команды держали караулы при тюрьмах, сопровождали колодников и употреблялись для наказания преступников шпицрутенами при «прохождении сквозь строй».

IV

Горные рабочие в тридцатых годах XIX века

В предыдущем очерке мы привели некоторые данные относительно той части рабочих, которые были заняты собственно в заводах, т. е. в так называемых металлических производствах, и соединенных с ними заводских вспомогательных учреждениях. Теперь остается рассмо-

¹ О школах у Альдегонда л. 347-350, 645, 651.

треть другую часть горнозаводского населения, работников, занятых в горных работах и в так называемом куренном производстве. Эта часть населения состояла из следующих технических категорий: бергайеры (рудокопы), работавшие в рудниках; рудоразборщики, занятые разбивкой рудных камней и разбором руды; рудовозы, угольщики (куренное производство) и, наконец, рабочие золотых приисков.

Прежде чем говорить о каждой из этих категорий в отдельности, должно заметить, что по форме отработки все они разделялись на две группы: работа одних рабочих по форме ничем не отличалась от работы заводских мастеровых, они были заняты в течение целого года и непрерывно, тогда как работа других происходила в течение известной части года, так сказать, периодически, при том же она могла совершаться с перерывами. К первой группе относятся бергайеры, рудоразборщики и рабочие золотых приисков, ко второй – рудовозы (рудосплавщики) и рабочие куренного производства. В состав этой последней группы и входили именно мастеровые-урочники. Остановимся прежде всего на них, так как мастеровые-урочники представляют собою своеобразное явление: составляя обособленную группу вообще всего горнозаводского населения, они занимают положение среднее между приписными крестьянами и мастеровыми.

Самый ранний намек на эту форму отработки уроками, мы встречаем в известном нам докладе Олсуфьева. Наряду с обязательными постоянными работами, Олсуфьев указывает на удовлетворение заводских нужд еще путем обязательной отработки населением повинностей уроками и по договорам, т. е. путем необязательного вольного найма. И то и другое он предлагал в тех видах, что исполнение некоторых работ обойдется для заводов дешевле, чем по плакатной цене, так как не потребует со стороны администрации ни особого надзора, ни «непрестанного понуждения рабочего», урок будет выполнен скорее, чем работа по наряду, как и работа по вольному найму.

Мысль Олсуфьева, очевидно, получила практическое осуществление, и в том же XVIII веке эта форма обработки уже завладела некоторыми отраслями горнозаводского производства. В этом отношении особенно ценными являются показания, которые дает Герман. Рудовозы, пишет он – заводские служители, имеющие своих лошадей и упряжь. В 80-х и 90-х годах XVIII века они работали исключительно между Риддерским рудником и Алейским, и Локтевским заводами, так как вследствие отдаленности этого рудника все необходимое должно было

доставлять на казенных лошадях, ибо вольнонаемных возчиков нельзя было привлечь. Риддерский рудник отстоял от первых населенных мест не менее, чем на 85 верст. Так как передвижение грузов на казенных лошадях было невыгодно, то были вызваны желающие заняться перевозкой грузов с этого рудника заводские служители, которые обязаны были перевозить в год по 500 пудов, с платою по 8 копеек за пуд до Алейского завода и по 10 коп. – до Локтевского. В передний путь они везли провиант, инструменты и вообще все необходимое для рудника. Во времена Германа существовали также урочники-дрововозы, которые, впрочем, перевозили не только дрова, но и другие материалы: бревна, камень и т. п. Выполнение этих работ путем найма вольных возчиков оказывалось убыточным для заводов, почему к этим работам были определены заводские служители, имевшие своих лошадей и упряжь. Они занимались работою зимою, хотя это было не выгодно им вследствие отсутствия подножного корма для лошадей; летом же эти работы были невозможны по причине падежа лошадей. Урок такого дрововоза состоял в перевозке 50 куб. саж[ен] дров, с платою по 70 коп. с сажени за 5 верст, и размер его определялся сообразно с расстоянием.

Кроме этих двух групп урочников-рудовозов и дрововозов, в XVIII веке существовали еще урочники-дроворубы, которые, по свидетельству Германа, суть запасные заводские служители, заменявшие иногда угольщики. Эти запасные служители употреблялись для разных работ: для ломки футерового камня, для рубки бревен и проч.; остальные же рубили дрова, хотя, по Манифесту 1779 года, рубка дров входила в число обязанностей приписных крестьян. Каждый такой дроворуб должен был вырубить в год 30, так называемых, куренных сажен дров с платою, как крестьянам. Так же, как и приписные крестьяне, они получали в XVIII веке за прохожие дни плату по 3 коп. за 25 верст¹.

Итак, из рассмотрения данных, которые мы находим у Германа, обнаруживается, что та форма отработки, которая является затем отличительной чертою мастеровых-урочников, произошла из вольного найма. Вольный наем там, где он был неосуществим или невыгоден, перешел в исполнение работ заводскими средствами, но эта форма работ, существовавшая в некоторых местах также наряду с вольным наймом, не могла конкурировать с последним, вследствие своей относительной и абсолютной дороговизны, тогда перешли к отработке уроками, что оказалось дешевле выполнения работ и вольным наймом и заводскими средствами.

¹Герман, 1. [с.] 279-281.

Так произошла группа мастеровых-урочников. Но это выделение мастеровых-урочников из общей массы горнозаводских рабочих произошло не сразу; в восьмидесятых годах XVIII века наблюдается еще смешение обязанностей урочников и приписных крестьян, наравне с крестьянами урочники получали даже плату за прохождение дни. Как определенная категория урочные служители выступают впервые в Положении о мастеровых 1828 года. Следовательно, формирование этой группы горнозаводского населения произошло в период от 1761 до 1828 года; к этому времени они уже выделились в самостоятельную группу, к этому же времени из всей массы горнозаводских работ выделились и определенные категории работ, выполнение которых составило их обязанность. И Положение 1828 года, фиксируя выработанный жизнью порядок вещей, наделяет урочников уже особыми правами и указывает им определенный круг обязанностей. Они стоят, как уже было сказано выше, между приписными крестьянами и собственно горнозаводскими работниками, являясь, таким образом, с двойственными чертами, что объясняется именно их происхождением. С одной стороны, они пользуются правами свободного проживания, чего не имели горные и заводские мастера, которые должны были жить при определенном руднике или заводе, они могли жить или в этих последних, или же в селениях приписных крестьян. Затем, они не подвергались тому постоянному надзору, который существовал по отношению к заводским и горным работникам. В некоторых отношениях они имели даже преимущество и перед приписными крестьянами, и перед мастерами: сельскохозяйственные угодья отводились им в первую очередь и в лучших местах. По исполнению урока они были свободны, как и приписные крестьяне по выполнении своего повытка. Все эти черты сближали их с приписными крестьянами. Задельную плату они могли получать по частям, тогда как приписному крестьянину плата засчитывалась лишь по предъявлении квитанции в окончании повытка. Но в то же время урочный служитель, на ряду с мастерами, был подчинен действию воинского устава и находился в полном распоряжении заводской администрации. Как мастерской, он был освобожден от государственных и земских повинностей; но, в свою очередь, отличался от мастеровых тем, что не получал провианта, который входил, как объясняло Положение, в его задельную плату, как составная ее часть¹.

Если приведенное выше свидетельство Германа обнаруживает, почему заводы прибегли к исполнению работ уроками, т. е. объясня-

¹ Положение 1828 г., II, § 9, 17, 21; III, § 28.

ет эту форму отработки с точки зрения заводских интересов, то другое свидетельство, относящееся уже к тридцатым годам XIX века, вскрывает, почему та же форма отработки была возможна с точки зрения обязанного работами горнозаводского населения. В своем отчете Альдегонду, заводская администрация заявляет, что рудовозы-урочники определялись из мастеровых, имевших достаточное число лошадей и вообще хорошее домохозяйство, по собственному их желанию, «с тем, чтобы они, пользуясь во весь круглый год совершенною свободою и проживая большею частью в тех деревнях, из коих они поступили по наборам в мастеровые, собственными домами или у родственников, исполняли уроки».

В виду этих данных становится ясным и источник, из которого составилась эта группа мастеровых и самое образование ее. Урочники-рудовозы – это наиболее сильная в экономическом отношении группа мастеровых людей, которая вследствие сравнительно большей состоятельности своей могла путем отделения некоторой части своего хозяйственного инвентаря, исполнять заводские работы. В этом случае происходил своего рода договор между заводской администрацией и наиболее обеспеченной частью горнозаводского населения. Для мастерового было важно отбыть повинность и на остальное время года остаться свободным, вместо того, чтобы быть на заводе или в руднике в работах круглый год, а для заводов было не менее важно, чтобы известная работа была как можно скорее выполнена, без излишних хлопот и расходов.

Из предыдущих замечаний можно видеть, что образование этой группы урочных служителей было вызвано чисто экономическими условиями, в которых находились заводы; теми же экономическими условиями и поддерживалось ее существование.

Но если все сказанное более или менее удовлетворительно объясняет нам происхождение мастеровых-урочников, занятых перевозкою руды и других грузов (дров, флюсов), то, с другой стороны, должно признать, что это объяснение не приложимо к той группе урочников, которые были заняты, например, сплавом руды, куренным производством и другими работами, так как в этих случаях от работника не требовалось уже сравнительно высокого экономического благосостояния. Если понятно предпочтение, оказываемое начальством урочнику перед рядовыми приписными крестьянами при возке руды, дров и проч., то оно становится мало понятным при таких работах, которые могли быть выполняемы одинаково успешно и мастеровым, и рядовым приписным

крестьянином. Объяснить это тем, что некоторые мастеровые получали льготу в работах, вряд ли возможно, так как остаётся всегда налицо тот факт, что заводы постоянно испытывали нужду в рабочих, на что администрация указывала при всяком случае, и едва ли она желала видеть в урочниках льготных людей. Выше было уже указано, что самое происхождение урочников, по крайней мере, тех, которые были заняты передвижением грузов, было вызвано чисто экономическими причинами, не имеющими ничего общего с льготами, которых администрация вообще избегала. При том же, как это выяснится далее, на урочников возлагалась более тяжелая работа. Таким образом, необходимо поискать иных каких-либо причин происхождения урочников, занятых другими работами, и рассмотреть каждый род работы отдельно. Здесь прежде всего мы сталкиваемся со сплавщиками руды по р. Иртышу, с Верхней (Бухтарминской) пристани в Усть-Каменогорскую.

Зырянский рудник, руды которого сплавлялись водою, был открыт в 1792 году¹. Для заводской администрации предстоял вопрос, каким образом передвигать зырянские руды в Змеиногорский завод. Для этого представлялось два способа: или перевозить руду сухим путем, или же сплавлять по р. Иртышу. Сухопутная дорога существовала только одна, а именно от Зырянского рудника до Бухтарминской пристани и отсюда по правому берегу Иртыша до Усть-Каменогорска, а затем до Змиева. Этот путь простирался на расстояние около 220 верст. О кратчайшем пути не могло быть и речи, ибо колесной дороги, например, на Риддерск не существовало; на этом пути страна была не населена, при том же весь путь шел по горной местности, исключительно по вьючным тропам (от р. Бухтармы, долинами рек Хаир-Кумина, Аракыма, Карагая, Бел[ой] Убы до Новой деревни; далее – путь колесный); на этом пути приходится делать два больших перевала через снежные хребты Тургусунских белков и Холзуна, которые доступны для перехода лишь в течение 1¹/₂–2 месяцев в году. Этот путь мог быть пройден в 6-7 дней. Перевозить руду через горные перевалы караванным вьючным способом, разумеется, было невозможно и, таким образом, оставался [о]кругный путь чрез Бухтарминскую и Усть-Каменогорскую крепости. Эта местность была населена слабо. На всем пространстве от Зырянского рудника до Змеевского завода число крестьян в трех ближайших слободах – Усть-Каменогорской, Убинской и Крутоберезовской в 1798 году доходило до 4 851 человека. Но из этих слобод не-

¹ Щуровский [Г.] Геологическое путешествие по Алтаю. М., 1846 г. [С.] 318.

обходимо выключить более дальние – Крутоберезовскую и Убинскую, так как крестьяне этих слобод были заняты перевозкой руд с рудника Риддерского и Николаевского¹; оставалось, таким образом, 1 602 человека Усть-Каменогорской слободы (из этой слободы образовались впоследствии две волости – Усть-Каменогорская и Бухтарминская), которые и могли перевозить руду на участке между Зырянским рудником и Усть-Каменогорской крепостью, приблизительно на расстоянии около 150 верст. Но из этих 1 602 человек часть крестьян, считаясь так называемыми «великороссийскими поселщиками», еще не была в 1795 году приписана к заводам, оставалась крестьянами государственными и, следовательно, не была обязана работами². Таким образом, для передвижения руды с Зырянского рудника до Усть-Каменогорской крепости сил местного населения оказалось недостаточно. Под влиянием необходимости, заводское начальство должно было организовать

¹ К этим рудникам с 1800 года прибавился Белоусовский и с 1811 – Крюковский.

² Архив Алейского волостн[ого] правл[ения], Томск[ой] губ. Книга 1798 г. № 11, листы 104-106. По росписи 1784 г. (Об учреждении новых слобод), в Усть-Каменогорской слободе значится государственных крестьян 376 человек, «посельщиков» – 1 159 человек и отставных – 231 человек // Арх[ив] Алейск[ого] волостн[ого] правл[ения]. Книга 1784 г., по описи № 62, листы 125-130. В другой росписи, о наборе рекрут, показано число государственных крестьян в Усть-Каменогорской слободе 370 человек, великороссийских поселщиков – 528 человек. Там же, дела Колыванской земск[ой] избы. Книга 1789 г. В виду некоторой неясности росписи, мы не берем на себя определения точной цифры государственных крестьян, но остается во всяком случае несомненным тот факт, что в конце XVIII века в южных слободах округа жили не приписанные к заводам крестьяне. Это именно те «посельщики», которые при Екатерине II были переселены в Сибирь из западных губерний Европейской России. По свидетельству Ледебура, страна между Зырянским рудником и Бухтармой в 1790 г. была мало или совсем не заселена. Здесь жили только так называемые «каменьщики». Заселение местности началось лишь с 1803 года, частью путем свободного переселения крестьян, частью – путем водворения заводских крестьян, посылаемых туда за маловажные проступки. За время путешествия Ледебура, по Бухтарме жило 1 100 человек, из которых 300 «ясашных» и 800 крестьян. Ledebour's Reise, I, [с.] 288, 289. Принудительное водворение крестьян в Бухтарминскую волость было принято, вероятно, с той целью, чтобы обеспечить перевозку руды с Зырянского и других рудников до Бухтарминской пристани. По 7-й ревизии (1816 г.) здесь числилось 861 муж. и 868 жен.; годных работников – 578 человек. Селений было 12.

сплав руды по р. Иртышу. Разумеется, оно не остановилось бы перед тем, чтобы наложить эту повинность на приписных крестьян, как ранее оно возлагало на них заводские и горные работы. Но здесь нашлось препятствие, обойти которое оказалось невозможным, именно, существовал уже Манифест 1779 года, который точно определял обязанности приписных крестьян, а в числе этих обязанностей сплав руд по рекам не значился. Тогда для заводов остался один исход, образовать из состава мастеровых особую команду для сплава руд, что и было сделано. Эта команда сплавщиков обязана была во время навигации, т. е. в течение шести месяцев, сплавить все количество зырянской руды, в этом состоял их урок. А так как плавание по Иртышу требовало и особого знания реки, и умения обращаться с судами, то эта команда сделалась постоянной; она специализировалась на этом деле и в другие работы уже не употреблялась. Таким образом возникли мастеровые-урочники по сплаву руд.

Кроме возки и сплава руды, урочники работали еще в одном производстве, именно, в куренном; они были заняты приготовлением угля, причем в некоторый период этой работы вместе с ними можно было видеть приписных крестьян, так как разломка угольных куч не требовала особых знаний или какого-либо технического навыка. Она производилась под надзором мастера или куренного надзирателя. Это производство вообще не требовало от исполнителей более высокой степени экономического благосостояния, так как подвоз дров вряд ли поглощал количество работы, превышающее по вытоку приписного крестьянина. Но не требуя сравнительного благосостояния, это производство требовало, в свою очередь, некоторых знаний и технического навыка. Выжигание угля в той форме и в том количестве, какое можно было наблюдать на Кольвано-Воскресенских заводах, не могло быть выполнено человеком, не знакомым с производством. Второю отличительною чертою этого производства была его периодичность; по самим условиям, оно могло быть совершаемо только летом или вообще тогда, когда поверхность земли была свободна от снежного покрова. Таким образом, куренное производство обладает двумя отличительными чертами, во-первых, оно требует некоторых знаний и навыка и, во-вторых, могло совершаться лишь периодически.

Мы не будем останавливаться на других работах, которыми были заняты урочные заводские служители, как, например, на ломке камня и извести, обжигании извести, приготовлении дегтя, смолы и т. д., отчасти потому, что они не играли значительной роли в общем заводском

хозяйстве, отчасти же потому, что их можно подвести под тот или иной уже указанный тип урочных работ.

Приведенных данных уже достаточно для того, чтобы составить более или менее удовлетворительное общее объяснение происхождения класса урочных мастеровых и выделения их из всей массы обязанных работою людей в особую группу. Действительно, рассматривая заводские работы, можно видеть, что некоторые из них требовали от исполнителей большей или меньшей зажиточности, которая позволяла бы им уделять часть своего хозяйственного инвентаря для выполнения этих работ. К этому роду работ относится, например, передвижение сухим путем разных грузов: руды, дров, флюсов и проч. Эти работы могли быть совершаемы в течение круглого года и не требовали особых знаний. Другой род работ не требовал сравнительно высокого экономического благосостояния, но требовал зато некоторых особых знаний и сноровки, как, например, передвижение грузов водою, или даже некоторых технических знаний и приемов, как, например, выжигание угля. Этот последний род работ отличался вместе с тем и периодичностью. Итак, вот три характерных условия, необходимые для выполнения рассматриваемых работ: сравнительная зажиточность работников, наличность у них некоторых технических знаний и навыков и периодичность производства самих работ. Наличность одного какого-либо из этих условий или сочетаний этих условий и вызвало к жизни особую группу работников, которые получили название мастеровых-урочников.

Выше были указаны отличия урочных служителей, с одной стороны, от приписных крестьян и от собственно горнозаводских мастеровых людей, с другой, как они оказались формулированными законодательством. Но, разумеется, те отличительные черты урочников, которые указаны Положением о мастеровых 1828 года, являются лишь следствием их своеобразного положения с внешней стороны; закон в данном случае формулировал лишь их внешнее положение среди различных групп рабочего заводского населения. Но мы можем теперь формулировать относительное положение этой группы людей несколько иначе, и сказать так: экономический момент отличал мастеровых-урочников от постоянных рабочих, но не сближал их с приписными крестьянами, хотя с этим моментом и могла быть связана непрерывность работ; технический момент отличал урочников от приписных крестьян и сближал их с постоянными рабочими, но связанная этим моментом периодичность работ не позволяла им слиться с постоянными рабочими.

Разумеется, формула эта в ее чистом виде могла быть осуществлена и осуществлялась в жизни с большими ограничениями, и то лишь в первой стадии процесса образования группы мастеровых-урочников. Но что она лежала в основе выделения мастеровых-урочников в особую группу горнозаводского населения, это, кажется, должно признать несомненным. Самым неустойчивым из трех указанных моментов этой формулы был момент экономический. И, действительно, к концу крепостного периода можно было наблюдать такое явление, которое совершенно извращало первоначальную цель, оправдывавшую самое существование урочных служителей, именно с точки зрения их интересов. Мы можем наблюдать, как урочник, не могший по недостатку средств выполнить своего урока, нанимал вместо себя состоятельного соседа, затем сам нанимался к нему и выполнял свой урок уже как кабальный работник. Причиной такого явления, кроме общего понижения экономического благосостояния всего населения округа, доходившего местами до его истощения, было ещё и то обстоятельство, что первоначальное добровольное вступление в группу урочников было заменено с течением времени принудительным. Но мы не будем останавливаться на этом, так как рассмотрение этого вопроса уже выходит за пределы нашей задачи, и обратимся теперь к рассмотрению отдельных групп горнорабочего населения.

Разработка всех вообще Колывано-Воскресенских рудников производилась двумя способами: работами поверхностными, или так называемыми разносами, и работами внутренними. Первый способ употреблялся там, где рудные месторождения, выходя на поверхность земли, представляли обнажения, удобные для разработки, и где съемка пустых пород была незначительна; второй же – в тех местах, где выемка пустых пород не представляла никаких выгод. Внутренние горные работы, по словам официального документа, располагались сообразно с требованиями горного искусства. При заложении их имели в виду правильную разведку рудных месторождений, сокращение и облегчение в доставке руд и пород, отлив вод на поверхность и, наконец, свободную циркуляцию воздуха. Для этого на рудных месторождениях опускали, обыкновенно, одну или несколько шахт, которые соединялись одна с другой или непосредственно, или чрез проведенные от одной шахты к другой «квершлагги», горизонтальными ходами, служащими для разведки по длине. Эти ходы имели, в свою очередь, сообщение чрез «гезенки» или «дурхшлагги», при помощи которых рудная масса разведывалась в глубину. Толща рудного

месторождения определялась, обыкновенно, квершлагами, вырабатываемыми смотря по данным предшествовавших работ. Горизонтальные ходы разделяли рудник на несколько этажей, а гезенки, дурхшлагги и другие выработки разбивали эти этажи на столбы или «целики».

Самая разработка рудников зависела от большей или меньшей твердости рудной массы. Рудную массу разделяли в то время на «кайловую», «кирочную», «клиновую» и «порохострельную». Первый способ применялся при рудах и породах мягких, второй – при более твердых, третий – при породах твердых, но изобилующих трещинами; там, где упомянутые орудия оказывались недействительными, вследствие крепости рудной массы, пускали в дело порох. Часто различные способы работ употреблялись одновременно, не только в одном и том же руднике, но и при одном и том же забое.

Откатка руд от мест выработки по горизонтальным ходам под гезенки и шахты, а также по штольням производилась на обыкновенных одноколесных тачках. Для облегчения работ в этих случаях на пути, проходимом рабочими с тачками, обыкновенно, настилались доски. Отлив воды происходил чрез нарочно устроенные для этого штольни или шахты. Для подъема ее на поверхность делали или ручные насосы, или машинки, действующие водою или конным приводом. В Таловском медном руднике вода отливалась при помощи конной машины, приводимой в движение 6-ю лошадьми и устроенной на одной из шахт; в Белоусовском руднике вода отливалась ручными насосами, то же и в Змеиногорском. В Локтевском руднике воду поднимали с глубины 38 сажен при помощи конной водоотливной машины, которая приводилась в действие 8-ю лошадьми.

В Змеиногорском руднике для этой цели были устроены две вододействующие машины, находившиеся внутри горы. Одна из них, Екатерининская, поднимала воду с глубины 84 сажени на 48-ю сажень от горизонта, в Александровскую штольню. В 24 часа она откачивала до 16 320 куб. футов воды. Вторая, Вознесенская, машина поднимала воду из Александровской штольни и доставляла ее в водоотливную штольню, на 21-й сажени от горизонта. Эта отливала воды до 24 960 куб. футов.

При Николаевском руднике действовала конная водоотливная машина, требовавшая в сутки 12 лошадей. В Риддерском руднике вода отливалась чрез шахту вододействующею машиною, приводимую в движение двумя наливными колесами. В сутки она откачивала до 36 760 куб. футов воды. В Зыряновском руднике работала вододействующая маши-

на с двумя наливными колесами, каждое приводило в действие два ряда насосов. При умеренной скорости и при действии одного колеса, воды откачивалось в сутки до 51 840 куб. футов. Другое колесо оставалось запасным. При первом Салаирском руднике было устроено для отлива воды 4 конные машины, из них две были запасными. Двумя машинами, устроенными в Николаевской шахте, поднимали воду с 64-й на 29-ю сажень от горизонта. Каждая требовала в сутки 24 лошадей и поднимала до 7 686 куб. футов воды. Другие две машины находились в Соимоновской шахте и откачивали воду с 80-й на 29-ю сажень. При каждой из них употреблялось в сутки 24 лошади, а при большем притоке воды – от 56 до 64 лошадей; одна машина поднимала воды до 8 000 куб. футов. В остальных рудниках откачивание воды производилось с помощью ручных насосов.

Подъем руд и пород на поверхность земли производился или ручными воротами или машинами, приводимыми в движение лошадьми. В Таловском руднике водоотливная машина служила вместе с тем и для подъема руд, в Белоусовском руда поднималась ручными воротами, а затем выносилась на поверхность по горизонтальным ходам; так же ручными воротами руду поднимали и в Золотушинском руднике. В Локтевском руднике для подъема руды служила водоотливная машина, часть руд поднимали ручными воротами¹.

В Змеиногорском руднике руда поднималась двумя вододействующими машинами, одна из них, Преображенская, поднимала руду с 21-й, 36-й и 48 сажени, с последней глубины она доставляла в один час до 12 бадей или до 360 пудов руды. Вторая, Екатерининская, поднимала руду с 65-саженной глубины. В Зырянском руднике руды поднимались двумя конными машинами. Васильевская машина доставляла руду с глубины 45-й сажени и из вышележащих этажей. При ней задолжалось в сутки 16 лошадей, она поднимала от 2 880 до 3 200 пудов руды. Восточная машина, при том же количестве лошадей в сутки, доставляла с глубины 23 сажени от 3 000 до 3 600 пудов руды.

В Николаевском руднике для подъема руды служила водоотливная машина. В первом Салаирском руднике действовала конная машина, требовавшая 12 лошадей в сутки. При помощи ее поднимали с глубины 11-ти сажени 2 000 пудов, а с 25-й сажени – до 1 500 пудов руды в сутки. В остальных рудниках руда и горные породы поднимались при помощи ручных ворот или откатывались в тачках по штольням и зухортам².

¹ Альдег[онд], [л.] 403 и след[ующий].

² Альдегонд, л. 417-420.

Крепление ходов и выработок производилось различными способами, смотря по твердости горных пород, в которых делались ходы. В рудниках употреблялось исключительно деревянное крепление, а в некоторых случаях рудники оставались без всякого крепления. В этих случаях в горизонтальных проходах для сопротивления давлению сверху толчки выработывались в виде сводов. Для крепления употреблялся сосновый или пихтовый лес; при вертикальных ходах брали для крепи бревна от 3 до 5 вершков толщины и крепь делалась стоячая из полного дверного оклада. При сильном боковом и верхнем давлении крепь ставилась двойная: из подушек, столбов и поперечных «расстрелов». В слабых местах, где порода была слишком слаба, крепь ставили сплошь; при меньшем давлении между столбами оставляли пустые пространства, которые ограждались горбинами, иногда такие пространства совсем не ограждались. Крепление шахт и гезенков производилось сплошною или раздельною срубовою крепью из бревен от 4 до 8 вершков толщины, срубленную в замок или в лапу, а отделы в шахтах для подъема руды и пород, для выхода рабочих и для отлива воды делались из вандрутов¹ или из досчатых перегородок.

Рассмотрим вкратце те условия, при которых приходилось работать горным служителям, горнорабочим, обыкновенно, бергайерам (Bergauer) и, прежде всего, на какой глубине они должны были добывать руду. Глубина рудничных выработок к 1833 году достигала в некоторых рудниках уже довольно солидных размеров. Назовем главнейшие рудники. Так, в рудниках Салаирского края, в Первом Салаирском, от устья Соймоновской шахты до почвы ее считалось 80 сажен; во Втором Салаирском, от верха Преображенской шахты до почвы ее – $50\frac{1}{2}$ сажени и в Салаирском Третьем руднике – от устья Западной шахты до зунера западного гезенка было $36\frac{2}{3}$ саж[ени]. Рудная масса разведочными ходами была разрабатываема в 1-м руднике до глубины 90 сажен, во втором – до 85 сажен и в третьем – до 35 сажен. В рудниках, лежащих вблизи Локтевского завода, работали на следующих глубинах: в Локтевском руднике, медном, углубились на $52\frac{1}{2}$ саж[ени], в Золотушинском руднике, откуда добывались медная и свинцовая руда с небольшим содержанием серебра, работали на глубине $31\frac{1}{2}$ саж[ени]; в серебряном Гериховском – на глубине $13\frac{3}{4}$ саж[ени], и в Сургутановском, содержащем серебро-свинцовые и медные руды, работали на глубине $14\frac{1}{4}$ саж[ени]. Глубина главнейших рудников Змеиногорского края была значительно больше предыдущих. Змеиногорский рудник, краса всех рудников на Алтае, питавший одно время серебряной рудой

¹ Брусья, служащие для укрепления боковых стен.

почти все Кольвано-Воскресенские заводы, был углублен уже до 101 сажени (от верха Екатерининской шахты до почвы 2-го нижнего гезенка); в Петровском руднике Ново-Троицкая шахта имела глубину в 55 сажен, в Воскресенской шахте Второго Карамышевского рудника работали на глубине $76\frac{1}{2}$ саж[ени]. Таловский рудник в Ивановской шахте имел глубину до почвы 10-го этажа $33\frac{1}{4}$ саж[ени]. И от этого горизонта шли еще закладки до почвы Смирновского гезенка $11\frac{1}{2}$ саж[ени]. Зырянский рудник насчитывал в глубину 58 саж[ен] (Васильевская шахта). Другие Змеиногорские рудники имели по большей части от 24 до 35 сажен¹. Такова была глубина значительных рудников; из них некоторые, как, например, Змеиногорский, разрабатывались с самого начала горного дела в тамошнем крае, т. е. со времен Демидова (30-е годы 18-го века), уже в течение почти ста лет. Несомненно, такие рудники, достигавшие в глубину на значительное расстояние, требовали большого количества вспомогательных работ, устройство их было сложное, а потому и работа опаснее. Вспомогательные сооружения, как было уже сказано выше, ограничивались лишь креплением ходов и выработок, да и то не всегда, и приспособлениями для откачивания воды; при этом вододействующие и конные водоотливные машины были лишь на некоторых рудниках; огромное большинство их довольствовались ручными насосами. Искусственных вентиляционных приспособлений, конечно, не существовало, ограничивались естественной вентиляцией, которой было недостаточно, особенно в тех случаях, когда работали с помощью пороха. Устройство рудников отражалось на заболеваемости рабочих и на числе увечий².

Обращаемся к норме выработки горных пород, установленной для горнорабочих.

Одной нормы для всех рудников не существовало; количество выработки для одного горнорабочего в течение известного времени определялось в зависимости от структуры горных пород и от количества вспомогательных работ. Последнее обстоятельство ставило это количество в зависимость от степени оборудования рудника, т. е. от большего или меньшего благоустройства его. А так как и горные породы были

¹ Альдег[онд], л[л.] 492, 493, 495.

² К числу благоприятных обстоятельств Кольвано-Воскресенских рудников, в сравнении с Нерчинскими, Ледебур относит то, что вследствие значительной глубины их температура внутри горы не подвержена резким колебаниям; она остается почти всегда на уровне 10° или 12° по R выше нуля. Ledebour's Reise, I. [S.] 84.

различны и степень благоустройства рудников была неодинакова так же, как и условия их внутреннего расположения, то для каждого рудника была установлена своя особая норма выработки, определившаяся опытным путем.

Сочетание всех этих разнообразных условий создавало необходимость установления норм двоякого рода. Одна норма была для рабочего, занятого только лишь добычей руды, а другая – для рабочего, который одновременно был занят и добычей руды и вспомогательной работой, т. е. откаткою руды, работами по креплению рудника и т. д. Это вызывалось, в свою очередь, недостатком в горнорабочих. Поэтому в тех случаях, когда говорится о нормальном количестве выработок, всегда предлагаются две указанные выше нормы. Эти нормы рассчитаны на период времени в один месяц.

Рассмотрим некоторые из этих норм, сначала на медных, а затем на серебряных рудниках. В Таловском руднике рудное месторождение состояло из тяжелого шпата, заключенного в порфире. Норма была установлена 330 пудов в месяц без вспомогательных работ и 220 пудов со вспомогательными работами. Так как горнорабочие проводили в горе две недели сряду и работали все дни, не исключая и праздничных дней (по 12 часов в сутки), а третью неделю были свободны, число рабочих дней в месяц было 20. Таким образом, рабочий, занятый исключительно выработкою горной породы, должен был доставить в день 16,5 пуда, а при вспомогательных работах – 11 пудов. В Белоусовском руднике разрабатывалась горная масса тальковатого кварца, заключающегося в тальковатом же сланце. Здесь норма выработки простиралась в первом случае до 130 пудов, во втором – до 60 пудов в месяц, т. е. 6,5 и 3 пуда в день. В Локтевском горная порода состояла из кварца и глинистого порфира, заключенного в порфире же; норма выработки – 130 и 40 пудов в месяц, или 6,5 и 2 пуда в день. Наконец, в Золотушинском руднике, где руду добывали из массы глинистого порфира, заключенного в порфире же, каждый рудокоп обязан был добыть 130 и 100 пудов в месяц, или 6,5 и 5 пудов в день. Эти четыре рудника были медные. Как видно, норма собственно выработки горной породы в трех последних рудниках была одинакова; количество же выработки со вспомогательными работами было подвержено значительным колебаниям, что зависело уже от местных условий рудника и его оборудования. Норма выработки в серебряных рудниках представлена в следующей таблице¹.

¹ Альдег[онд, лл.] 538-543, 554.

Рудники	Горные породы	Норма выработки					
		В месяц			В рабочую смену		
		Без вспомогательных работ (пуды)	Со вспомогательными работами (пуды)	Без вспомогательных работ (пуды)	Со вспомогательными работами (пуды)	Без вспомогательных работ (пуды)	Со вспомогательными работами (пуды)
1. Змеевский	тяжелый шпат, кера-тит (роговой камень) в порфире	320	260	16	13		
2. Петровский	тяжелый шпат, кера-тит в талько-хлоритовом сланце	180	130	9	6,5		
3. Карамышевский, 1-й	то же	270	130	13,5	6,5		
4. Карамышевский, 2-й	то же	140	30	7	1,5		
5. Черепановский	жилы кварца в пор-фире	200	110	10	5,5		
6. Семеновский	кератит в тальковом сланце	245	140	12,2	7		
7. Николаевский	кварц и порфир	383	340	19,1	17		
8. Риддерский	то же	330	220	16,5	11		
9. Крюковский	то же	230	170	11,5	8,5		
10. Зырянский	кварц в талько-хлори-товом сланце	120	90	6	4,5		
11. Заводинский	кварц в порфире	50	25	2,5	1,2		
12. Салаирский, 1-й	тяжелый шпат в таль-ковом сланце	400	360	20	18		
13. Салаирский, 3-й	то же	280	240	14	12		

Отсюда видно как разнообразие норм выработки, существовавшее в рудниках, так и количество рудной массы, которую обязан был поставить рудокоп в одну рабочую смену; это количество от 6 пудов доходило до 19 и даже до 20 пудов в рабочую смену, т. е. в 12 часов. Самыми тяжелыми работами были, по-видимому, работы в кварцево-порфировых жилах Заводинского и Зырянского рудников и во Втором Карамышевском руднике.

При разработке медных рудников бергайерам платили от 21 до 29 рублей в год, при рудооткатке бергайерам – от 21 до 24 рублей. В серебряных рудниках бергайер получал в год также от 21 до 29 рублей. Кроме того, все горнорабочие получали по 2 пуда провианта в месяц.

Добычею медных руд было занято в 1834 году 434 человека; на серебряных рудниках (исключая Крюковский, Заводинский и Салаирский 3-й, о которых сведений не имеем) было занято 5 866 человек, следовательно, всего работало в рудниках более 6 300 горнорабочих. Они разделялись на две группы: одна была занята исключительно добычею руд, а другая, кроме того, и вспомогательными работами. Горнорабочих, работавших внутри горы и занятых исключительно вспомогательными работами, собственно, при выемке горной массы, кажется не было, кроме некоторого числа рудооткатчиков.

Железная руда добывалась в нескольких местах. В 140 верстах от Томского завода находился Сахаринский рудник и в 12 вер[стах] от Гурьевского завода – Юрманский. Вблизи Томского завода, кроме Сахаринского рудника, железная руда залегала в большом количестве по окрестным логам и так как пласты железняков тянулись здесь на большое расстояние, то разработки в этих местах назывались копиями, таковы копи Борковская, Шумишинская, Дмитриевская и Балдинская. Такие же копи были и в окрестностях Гурьевского завода, т[ак] наз[ываемые] Ближняя и Салаирская. В Сахаринском руднике подземной разработки не было, а работа производилась разносом; в Юрманском работы шли ортами; в других местах разработка производилась также поверхностно, т. е. разносом. Добыча железной руды во всех этих рудниках и копиях бывала не каждый год, а назначалась по мере надобности. В Сахаринском руднике на работу ставилось 25 челов[ек] при одном смотрителе, а в Юрманском – 16 челов[ек] в лето. В копиях около Томского завода работало от 50 до 100 челов[ек], которые в течение лета добывали от 40 до 80 тысяч пудов; в копиях Гурьевского завода работало до 50 челов[ек].

Сортировкой, или разбором руд занималась особая группа рабочих, которые назывались рудоразборщиками. Сюда входили собственно рудоразборщики, несовершеннолетние и дряхлые старики, инвалиды, неспособные к добыче руд в рудниках и к заводским работам при плавильном производстве, а также увечные. Разбор руд считался трудом менее тяжелым, даже легким сравнительно с другими заводскими работами, потому к этой работе ставилась малосильная группа рабочего класса. Самая работа состояла в разбивании, при помощи молота, крупных кусков горной породы, содержащей металл, на мелкие и в сортировании их сообразно количеству заключающегося в них металла. Таким образом, сама по себе эта работа не принадлежала к числу легких, тем более, что приходилось иметь дело с твердыми породами, каковы кварц и т[ому] под[обные].

По словам официального документа, дети занимались разборкой руды с двенадцатилетнего возраста¹, но есть свидетельства о том, что они начинали эту работу еще с меньшего возраста. Если малолетний обучался в школе, то он употреблялся в разборку руд в летнее, вакационное время, если же не обучался – то круглый год.

При каждом заводе существовал свой штат рудоразборщиков, но иногда, по местным обстоятельствам, своей команды не было достаточно, тогда командировали рудоразборщиков с других заводов. Так, за время с 1824 по 1833 год из Барнаульского завода в Змеиногорский рудник было посылаемо средним числом по 70 человек для разбора руд. Они оставались там с апреля по октябрь. На время пути как вперед, так и обратно им давали по 5 коп. в день, кроме того, на каждых 6 человек отпускались прогонные деньги на одну лошадь для найма подводы на перевозку багажа (шкамба). Самим работникам подвод не полагалось, очевидно, передвижение совершалось пешком. Если рудоразборщик по семейным или каким-либо иным обстоятельствам отпускался с работ ранее октября, то переезд должен был делать на собственный счет.

За рудоразборные работы была назначена следующая плата. Унтер-штейгер, под руководством которого происходила работа, получал жалованья от 36 до 80 рублей в год; нарядчик – от 27 до 29 рублей в год; инвалиды из бывших горных служителей – 20 рублей и рудоразборщики – от 4 до 6 коп. за рабочий день. Следовательно, годовая плата рудоразборщика, считая в году 260 рабочих дней, не превышала 13 рублей, при 12-часовом рабочем дне. Кроме того, им выдавался провиант: унтер-штейгерам, нарядчикам и инвалидам по 24 пуда в год, а рудоразборщикам – от 18 до 24 пудов.

¹ Альдег[онд, л.] 69.

Норма рудоразборных работ была для каждого рудника своя, в зависимости от характера горных пород, как это показано в нижеследующей таблице.

Рудники	В 3 месяца разобрано руд в пудах	Рабочих дней	В 1 рабочий день разбиралось руд в пуд[ах]
Змеевский	237 241	13 662	17,36
Петровский	40 010	3 250	12,3
Карамышевский, Первый	15 326	970	15,8
Карамышевский, Второй	6 600	470	14
Черепановский	10 510	1 447	7,27
Семеновский	33 900	2 388	14,23
Николаевский	50 500	4 804	10,51
Таловский	19 600	757	25,89
Риддерский	40 070	1 159	34,56
Крюковский	56 550	4 973	11,37
Зыряновский	97 900	3 860	25,62
Заводинский	13 590	534	25,44
Белоусовский	5 700	604	9,6
Салаирский, 1-й	151 655	8 110	18,69
Локтевский	6 171	1 135	5,42
Золотушинский	9 220	787	11,71
Итого	794 543	48 910	16,24

Меньше всего разбирали руды в день в Локтевском руднике (5,42 пуд.), несколько более – в Черепановском (7,27 пуд.). В среднем, на одного рудоразборщика приходилось в день 16,24 пуда; были рудники, где рабочий обязан был разобрать 25 и даже 34 пуда руды. Дневной урок детей достигал 5 или 6 пудов. Рудоразборщиков медных руд было 82 человека. Рудоразборные работы летом происходили под открытым небом, а зимой – в особых рудоразборных сараях. Так, в Змеиногорском заводе были два таких сарая, один длиною 52 сажени, другой длиною 12 и шириною – в 4 сажени. Но эти сараи существовали далеко не на всех рудниках, их не было в Белоусовском, Николаевском, Семеновском рудниках и в некоторых других¹.

¹ Альдегонд, лл. 626, 646, 554, 413, 432, 433 и след[ующие].

Картину разборки руд, именно, на Змеевском руднике, мы находим у Ренованца. Следует заметить, что рудоразборные сараи (Scheidehäuser) были построены здесь лишь в 1782 году. До этого же времени разбор руды происходил под открытым небом и лишь во время с 1-го мая по 1-е октября, вследствие чего часть рабочих сил тратилась непроизводительно, так как на зиму рудоразборщики отпускались. С постройкой же сараев явилась возможность производить работы круглый год, а это отразилось, разумеется, на количестве разобранных руд. Так называемая большая разборка руд начиналась именно с 1 мая уже под открытым небом, когда ставились на работы все способные к ним люди: инвалиды, мальчишки и работавшие по вольному найму (по 10 коп. в день), женщины и девушки. Самую разборку руд Ренованц описывает так. Вокруг громадных куч вынутых руд сидит эта маленькая армия, похожая своими рядами на змеевидные улицы, под натянутыми на рамах холстинами, которые прикреплены к вертикально стоящим столбикам, для защиты от солнца и дождя, частью на земле, частью на деревянных обрубках или на первом попавшемся рудном камне. Каждый имеет перед собою большой крепкий камень или негодный кусок железа от подошвы подтолчейного корыта, на которых они, после того как большие рудные камни разбиты сильными людьми, раздробляют руду небольшим ручным молотом на малые куски. Руды с малым содержанием металла доставляются затем на толчеи, а совершенно убогие и пустые породы отбрасываются обратно в кучи. Все падающее при сортировке руд самородное золото и серебро и другие ценные обломки тотчас складываются в ящики, с которых надсмотрщики не спускают глаз, и уносятся каждый вечер в горную контору, где и хранятся за печатью до отсылки в Барнаул, в завод, что бывает два или три раза в год¹.

Чтобы составить себе некоторое представление о способах перевозки руд, необходимо сказать несколько слов о путях сообщения, существовавших на Алтае в период 30-50 годов XIX века.

Уже с самого начала заводского дела администрация Колывано-Воскресенских заводов принимала меры к облегчению передвижения грузов между рудниками и заводами, и к устройству искусственных путей сообщения. Еще Указом 1 мая 1747 года было предписано расчистить реку Алей, чтобы сделать ее судоходной для сплава руд из Змеиногорского рудника в Барнаульский завод. Но оказалось, что расчистить р. Алей невозможно, и в начале 60-х годов XVIII века находили даже

¹Renovantz, [лл.] 158, 159.

более выгодным построить новый завод на р. Оби, или вблизи неё, где окажется достаточно леса для действия завода, а вместо р. Алея приспособить для сплава руды реку Чарыш и другие реки, какие возможно.

В 1772 году было открыто судоходство по рр. Томи, Карачумышу¹, Чумышу, до впадения последнего в Обь; этим путем из Томского завода доставлялись чугунные и железные изделия в Сузунский, Павловский и Барнаульский заводы. Затем, в начале XIX века, в 1805 году, открыто судоходство по р. Иртышу от пристани, лежащей выше по реке в 30 верстах от Бухтарминской крепости, до Нижней или Усть-Каменогорской пристани, на расстоянии 150 верст. Этим путем сплавлялись руды из рудников Зырянского, Заводинского и вообще Бухтарминского края. В следующем 1806 году была устроена чугунная дорога между Змеиногорским рудником и Змеевским заводом на расстоянии 1 версты 350 сажен. При помощи конной тяги по этой дороге перевозили руду из рудника на завод.

В 1807 году был составлен проект соединения двух притоков р. Оби, Чарыша и Алея, каналом, который должен был соединить притоки этих рек Локтевку и Поперечную. По проекту канал, начинаясь от р. Локтевки, должен был идти около этой реки на протяжении 20 верст, а затем к западу до р. Поперечной, на расстоянии 12 верст. Глубина первого участка была рассчитана в 18, а второго – 28 футов. Канал выходил к р. Поперечной в 48 верстах от впадения ее в Алей. На р. Алее предполагались работы по углублению и расчистке русла, а также перекоп для спрямления р. Алея, длиной 44 версты, шириною 21 и глубиною 7 футов. На р. Поперечной, для регулирования уровня воды, предполагали построить плотину. Вся работу проектировали окончить в 4 года, употребляя на нее ежегодно по 5 998 человек рабочих, при годовой стоимости работ 75 000 рублей. Следовательно, всего потребовалось бы рабочих для земляных работ 23 995 человек, а стоимость всей работы исчислялась в 300 000 рублей. Но проект этот остался на бумаге; неизвестно даже, были ли начаты работы; между тем здесь, на расстоянии 120 верст, было занято перевозкою угля и руды 12 тысяч человек².

С 1808 по 1821 год производились опыты доставки руды на судах по рекам Алею и Оби, от села Кашина до Барнаульского завода, но, по случаю мелководия р. Алея и быстрого спада воды, эта операция оказалась невыгодной и по постановлению Горного совета в 1821 году была остав-

¹ Современное написание – Кара-Чумыш. (Ред.)

² Журналы Горн[ого] Сов[ета]. Кн. 9, лист 91 // Архив Главн[ого] Упр[авления] Алт[айского] окр[уга].

лена. После неудачного проекта канала, который должен был соединить реку Алей с Чарышом и также неудачной перевозки грузов по р. Алею, заводская администрация задумала приспособить для перевозки руд реку Чарыш. По Положению Горного совета 1822 года, этим путем передвигали грузы из рудников Змеиногорского края в Барнаульский завод, но уже к 1833 году начальство признало и этот способ перевозки неудобным. Главными причинами этого неудобства были мелководие реки в некоторых местах, пороги и каменистое русло. Между тем, при существовании этого водного пути, сухопутная перевозка руды с Змеевского рудника до Обских заводов сокращалась бы на 150 верст, так как главная пристань отстояла бы от Змеиногорского рудника в 110 верстах, что дало бы сокращение пути наполовину. Само начальство признавало, что доставка руд от рудников до новой пристани вольным наймом и затем сплавом до заводов была бы дешевле, чем существовавшая тогда перевозка сухим путем до заводов; все-таки оно находило, что предполагаемое удешевление доставки не вознаграждается тем риском, которому будут подвергаться грузы при сплаве по реке. Эта мысль была также оставлена и, кажется, по причинам иным, чем выставленные начальством.

Таким образом, в 30-х–40-х годах 19 века были следующие способы перевозки руд: сухопутные дороги служили главными для перевозки руды из рудников на заводы; от Бухтарминской пристани до Усть-Каменогорской руды сплавливали по р. Иртышу на расстояние 150 верст; от Змеиногорского рудника до завода того же названия руда перевозилась по чугунной дороге, длиною в 1 версту 350 сажен, на казенных лошадях; на казенных же лошадях перевозилась руда от Локтевского рудника в Локтевский завод, на расстояние $3\frac{1}{2}$ версты.

Из этого видно, что искусственные пути сообщения играли более чем скромную роль в хозяйстве Колывано-Воскресенских заводов. Все начинания заводского начальства в области удешевления перевозки тяжестей и создания искусственных путей сообщения оказывались безуспешными. В конце концов оно пришло к пессимистическим выводам относительно возможности создать искусственные пути сообщения и обратилось к тому, что давали природа и население. «Настоящая местность рудников, – замечает официальная записка 30-х годов¹, – и отдаление их от судоходных рек не представляет ныне никаких видов к предприятиям облегчения или ускорения сообщений»².

¹ XIX в. (Ред.)

² Альдегонд, л. 616.

Впрочем, для администрации не было и никакого достаточного основания улучшать существовавшие тогда дороги или создавать новые. Все равно, приписное к заводам население должно было передвинуть все грузы, какое бы количество их ни было назначено Горным советом; последний ничем здесь не был заинтересован; исправление сухопутных дорог лежало на том же населении, входя в состав его земских повинностей.

Перевозка руд лежала на обязанности особой группы урочных служителей, которые назывались рудовозами, на приписных крестьянах, а иногда начальство прибегало к перевозке по вольному найму (так назыв[ались] вольные возчики). Все эти люди должны были иметь свое полное снаряжение, т. е. лошадей, упряжь и ящики или колоды, в которых перевозили руду. На казенных лошадях, как уже сказано, руда перевозилась только из Змеиногорского рудника на завод по чугунной дороге, причем доставка обходилась в $\frac{1}{4}$ коп. с пуда, и от Локтевского рудника на Локтевский завод, на расстояние $3\frac{1}{2}$ версты. Ниже мы будем говорить только о рудовозах и вольных возчиках. Хотя в заводском Положении и нет указаний на то, какие руды должны быть перевозимы урочными служителями, и какие приписными крестьянами, но из документов видно, что заводское начальство предпочитало передвигать серебряную руду, как более ценную, при помощи урочных служителей, перевозка же малоценных медных и железных руд падала на долю приписных крестьян и вольных возчиков. Это зависело, вероятно, от условий надзора, так как урочные служители стояли вообще ближе к администрации, чем приписные крестьяне и вольные возчики.

При помощи рудовозов передвигалась руда преимущественно из Зырянского, Заводинского и других Бухтарминских рудников на Бухтарминскую или Верхнюю Пристань, на реке Иртыше, на расстоянии 47 верст, сухим путем. Далее она сплавлялась вниз по р. Иртышу до Нижней или Усть-Каменогорской пристани, на расстоянии 150 верст. Для сплава существовал особый флот с экипажем из сплавщиков, т. е. тех же урочных служителей. Флот состоял из 14-16 судов, снабженных необходимым такелажом для так называемого «верхового хода». Караван находился под командой одного надзирателя из нижних чинов. Сплавы начинались тотчас по вскрытии реки до осенних заморозков и в течение всей навигации суда должны были делать 9 рейсов и перевезти от 440 до 480 тысяч

пудов руды. Эта перевозка руды по Иртышу обходилась по 4 коп. с пуда¹.

Доставив руду на Усть-Каменогорскую пристань, сплавщики возвращались на Верхнюю Пристань, теперь уже против течения. Но суда не шли порожними: на Нижней Пристани в них погружали всё необходимое для рудников Бухтарминского края – провиант для населения, предметы оборудования рудников, инструменты, канаты и т. д. При попутном ветре суда шли на парусах, но большею частью приходилось тянуть их бечевой, и сплавщики обращались в бурлаков. Иртыш в этой части своего течения не теряет еще характера горной реки: стесняемый горами, падающими в некоторых местах отвесными утесами в русло, он образует стремнины (стрежи) и изобилует подводными камнями, «переборами». В таких местах прибегали к помощи весел и шестов. От сплавщиков требовалось столько же искусства, сколько и напряжения сил.

Считая время навигации от 20-го апреля по 20-е октября, т. е. 6 месяцев, получаем, что на каждый рейс средним числом приходилось 20 дней; в этот срок сплавщики должны были нагрузить суда, сплавить руду на Нижнюю Пристань, разгрузить с помощью возчиков, затем положить на суда грузы, идущие на рудники, и доставить суда вверх по течению на Бухтарминскую пристань. Каждый рейс доставлял с лишком 50 тысяч пудов руды, а на каждое судно погружалось немного менее 3 200 пудов. Далее эта руда переходила к рудовозам или наряженным для перевозки приписным крестьянам, которые доставляли ее или непосредственно на заводы, или на площадь Змеиногорского рудника, откуда она уже распределялась между Обскими заводами². На Змеиногорскую же площадь перевозилась руда и с Крюковского, и Риддерского рудников, вследствие отдаленности их от заводов, по вольному найму, а отсюда также перевозилась на заводы приписными крестьянами и рудовозами.

Рудовозы, как уже сказано выше, составляли особую группу заводских нижних служителей и относились к разряду, так называемых, урочников,

¹ Суда для сплава руд были тройкого рода: барки, лодки и неводники. Барки поднимали до 3 600 пуд., лодки – до 2 500 пуд., неводники – 350 пуд. Экипаж барки состоял из 24 челов[ек], на лодке – 17 челов[ек], на неводнике – 3 челов[ека] // Щуровский [Г.Е.] Геолог[ическое] путеш[ествие] по Алтаю. М[осква], 1846 г., стр. 316, прим. 2. Суда, отправлявшиеся на Верхнюю Пристань, достигали её не прежде 10-12 дней, а вниз то же пространство проходили в один день. Там же, [с.] 321.

² Барнаулский, Павловский, Сузунский.

т. е. рабочих, обязанных исполнять «урок», определенное количество работы, в отличие от постоянных заводских служащих, мастеровых и приписных крестьян. По окончании своего «урока», урочники остальное время года оставались свободными от работ; но размеры уроков были таковы, что свободного времени у них оставалось вряд ли много.

Каждый рудовоз, на основании заводских учреждений, обязан был перевезти в год, смотря по расстоянию, от трех до пяти тысяч пудов руды, за плату от 70 до 140 рублей¹. В счет этой платы начальство полагало и провиант, который им уже не выдавался, как остальным мастеровым. Предполагалось, что они, «проживая в местностях их прежнего жительства по деревням, занимаются хлебопашеством, скотоводством и вообще пользуются всеми теми выгодами, как и приписные крестьяне»².

Для суждения о размерах повытков и заработной платы рудовозов-урочников приводим, для примера, таблицы стоимости перевозки руд в Барнаульский и Змеиногорский заводы. В первый вели дороги преимущественно по степной местности, во второй – горные³.

[Заводы и рудники]	Расстояние рудников от завода	Количество годового повытка	П л а т а		
			За один пуд		За все количество
			версты	пуды	коп.
I. В Барнаульский завод:					
с Салаирского рудника	164	1 200	7	84	«
« Змеиногорского «	280	1 000	9	90	«
« Петровского «	285	1 000	9	90	«
« Карамышевского «	287	1 000	9	90	«
« Семеновского «	310	900	10	90	«
« Черепановского «	289	900	10	90	«
« Николаевского «	348	800	10	80	«
« Крюковского «	472	500	21	105	«
« Риддерского «	472	500	21	105	«
« Усть-Каменогорской пристпани	413	700	16 ¹ / ₂	115	50

¹ Такой расчет дает официальная записка, но в таблицах платы мы встречаем последнюю сумму лишь один раз, именно при перевозке руды с Усть-Каменогорской пристани в Сузунский завод (414 верст и 700 пудов). Обыкновенно, плата была гораздо ниже. Альдегонд, [л.] 617.

² Альдег[онд, л.] 618.

³ Альдег[онд, л.] 622. табл. А и л. 623.

[Заводы и рудники]	Расстояние рудников от завода	Количество годового повытка	П л а т а		
			За один пуд		За все количество
	версты	пуды	коп.	руб.	коп.
II. В Змеиногорский завод:					
с Николаевского рудника	68	2 500	3 1/2	87	50
« Крюковского »	192	1 000	9	90	«
« Риддерского »	192	1 000	9	90	«
« Усть-Каменогорской пристани	133	1 800	5 1/2	99	«

Таким образом, если взять ту группу рудовозов, которые должны были перевозить руду в Барнаульский завод, то окажется, что каждый из них обязан был перевезти, в среднем, 850 пудов руды на расстояние 332 версты. За весь повыток рудовоз получал 93 рубля 95 коп., а за доставку одного пуда руды – 11,05 коп. Точно так же рудовозы, работавшие на Змеиногорский завод, перевозили каждый по 1 575 пудов руды на расстояние 146¹/₄ версты. Плата за доставку одного пуда руды простиралась в этом случае до 5,8 коп., а весь повыток стоил 91 руб. 50 коп. В следующих таблицах представлены эти же средние величины цены, какую платили рудовозам за доставку руд на остальные заводы¹.

Название завода	Среднее расстояние рудн[ика] от завода, в верстах	Среднее колич[ество] руды на кажд[ого] рудовоза, в пудах	Средняя плата за доставку одного пуда руды, в копейках	Средняя плата за исполнение всего повытка
в Павловский	284,6	860	11,35	97 р. 65 к.
« Сузунский	340,8	835,7	13,25	110 р. 78 к.
« Локтевский	126,8	1950	4,41	86 р. 12 к.

Приведенные таблицы могут дать достаточное понятие о плате рудовозам за их работу. Обращаясь к отдельным случаям, можно видеть, что самый длинный путь, который приходилось рудовозам делать, доходил до 472 верст (от Крюковского и Риддерского рудников до Барнаульского завода), на этом расстоянии они обязаны были перевозить 500 пудов руды, по 21 коп. за пуд. Наименьшим расстоянием было расстояние от Петров-

¹ Таблица средних величин составлена из таблиц у Альдег[онда], л. 622-623.

ского и Карамышевского рудников до Локтевского завода – 65 верст. Здесь рудовозы перевозили по 2 500 пудов, по 3 коп. за пуд. Наибольший размер повытка, достигающий до 3 000 пудов, падал на тех, которые возили руду с Николаевского рудника на Локтевский завод, отстоящий от рудника на 113 верст; за доставку получали они по $3\frac{1}{2}$ коп. с пуда. Наименьший размер повытка (500 пудов) был соединен с расстоянием от 411 до 464 верст, от Крюковского и Риддерского рудников на Павловский и Сузунский заводы, плата за пуд руды доходила в этих случаях от 21 до 22 коп., это самый высший размер попудной платы за провоз. Наконец, меньше всех зарабатывали рудовозы, возившие руду с Салаирского рудника на Сузунский завод (199 верст), за весь повыток в 1 000 пудов они получали 70 рублей. О наибольшем годовом заработке сказано выше.

На основании этих данных можно заключить, что полного соотношения между элементами, определяющими заработную плату, если только здесь можно о ней говорить, не существовало. Одинаковая попудная плата за провоз падала и на неодинаковое расстояние, и на неодинаковые размеры повытков. Поэтому, указанное отношение является лишь приблизительным. Нижеследующая таблица дает понятие об отношении между попудною платою, с одной стороны, количеством груза и расстоянием – с другой.

За перевозку одного пуда руды, копейки	Расстояние, версты	Количество руды, пуды	Плата, рубли
3	65-69	2 500	75
$3\frac{1}{2}$	68-113	3 000-2 500	87,5-105
5	102	1 900	95
$5\frac{1}{2}$	133	1 800	99
7	164-201	1 200-1 000	70-84
8	175	1 200	96
9	192-287	1 000	90
10	289-348	900	90-80
11	260-352	1 000-900	99-110
12	277-314	800	96-120
13	349	800	104
$16\frac{1}{2}$	358-413	700	115,5
20	414	500	140
21	411-472	500	105
22	464	500	110

Полагая данные первого ряда за единицу, представляем отношения между величинами некоторых рядов в простых числах.

	Попудная плата	Расстояние	Количество груза	Общий заработок рудовоза
1-й ряд (3 к.)	1	1	1	1
	Во сколько раз увеличилась попудная плата	Во сколько раз увеличилось расстояние	Во сколько раз уменьшилось количество груза	Во сколько раз увеличился общий заработок рудовоза
3-й ряд (5 к.)	1,66	1,56	1,31	1,26
6-й ряд (8 к.)	2,66	2,69	2,16	1,28
8-й ряд (10 к.)	3,33	4,44	2,77	1,20
11-й ряд (13 к.)	4,33	5,36	3,12	1,38
13-й ряд (20 к.)	6,66	6,38	5	1,86
15-й ряд (22 к.)	7,33	7,13	5	1,46

Прежде чем приступить к разбору этих данных, должно сказать, что при работе рудовоза были еще факторы, не вошедшие в таблицу и точному учету не поддающиеся, как, наприм., состояние путей сообщения, рельеф местности, по которой пролегла дорога, состояние инвентаря, служащего для перевозки и т. д. Но заводские учреждения вводили здесь поправку, о которой будет сказано ниже, и которая несколько сглаживала неравенства этих факторов при разных обстоятельствах передвижения груза, именно путем установления известной временной нормы, так что существование этой нормы делает приведенные в таблицах величины взаимно более или менее соизмеримыми.

Рассмотрим сначала отношение между попудною платою и расстоянием. В общем видно соответствие между попудной платою и расстоянием: она возрастает вместе с увеличением расстояния, но полной пропорциональности здесь нельзя наблюдать. В некоторых случаях она увеличивается быстрее, чем расстояние, в иных случаях увеличение ее отстает от увеличения расстояния. То же самое должно сказать и об отношении попудной платы к количеству груза. Вообще, она возрастает вместе с уменьшением груза, но груз уменьшается медленнее, чем возрастает плата, и так идет до известного предела, за которым возрастание платы уже не сопровождается уменьшением груза, он стоит на одной высоте, тогда как плата за провоз увеличивается.

Главный пункт приведенной таблицы составляет отношение между расстоянием и количеством груза. Между этими величинами существовало обратное отношение: с увеличением расстояния количество груза уменьшалось, но уменьшалось непропорционально. Расстояние возрастает вообще быстрее, чем уменьшается груз. В то время, как расстояние увеличивалось, напр., в 4,44 или в 5,36 раза, количество груза уменьшалось в 2,77 и 3,12 раза. И здесь также был предел, за которым груз не уменьшался, а оставался постоянным, так было именно на дальних расстояниях, когда оно достигало 414 верст и более. Это показывает, что в некоторых случаях само начальство, даже если бы и пожелало, не могло уже уменьшить количества груза, ибо, в противном случае, часть руды осталась бы неперевезенной. И видимая выгода перевозки на дальних расстояниях, на которую обманчиво указывает сравнительная высота попудной платы, разбивалась об это препятствие. Общий заработок рудовоза возрастал гораздо медленнее, сравнительно с увеличением расстояния и с уменьшением количества груза, т. е. с количеством работы. Бывали даже такие случаи, что несмотря на большую попудную плату, общий заработок рудовоза оказывался меньшим, и причина этого заключалась в том, что отношение между расстоянием и количеством груза было именно несоразмерно.

Итак, разбор приведенных данных позволяет сделать заключение, что полного соответствия между элементами, определявшими общий заработок рудовоза, не было, вопреки утверждению заводского начальства, которое указывало на то, что и количество груза, и плата определялась расстоянием. Расстояние, действительно, играло в данном случае роль, но не ту, на которую указывала в своих отчетах заводская администрация; оно имело тенденцию не повышать, а понижать заработную плату, не уменьшая пропорционально количества работы.

В этом случае весьма важно выяснить абсолютное количество работы, которая приходилась на долю одного рудовоза, и ту плату, которую он получал за ее исполнение. Если за единицу работы принять то количество ее, которое требуется для передвижения одного пуда на расстояние одной версты (пудоверста), то искомые величины для рудовозов Барнаульского завода предстанут в следующем виде:

При передвижении в Барнаульский завод	Сколько единиц работы исполн[ил] один рудовоз	За каждые сто единиц работы получ[ено]
с Салаирского рудника	196 800	4,2 коп.
« Крюковского и Риддерск[ого]	236 000	4,4 «
« Черепановского	260 100	3,4 «
« Николаевского	278 400	2,8 «
« Семеновского	279 000	3,2 «
« Змеевского	280 000	3,2 «
« Петровского	285 000	3,1 «
« Карамышевского	287 000	3,1 «
« Усть-Каменогорск[ой] прист[ани]	289 100	3,9 «

Эта таблица дает понятие об абсолютном количестве работы, которая падала на долю одного рудовоза, и о размере платы за нее. Она же позволяет судить о том, в каких пределах колебалась эта работа для различных групп рабочих этого рода. Так, рудовоз, который перевозил руду в Барнаульский завод с Усть-Каменогорской пристани и который должен был передвинуть 700 пудов на расстояние 413 верст, исполнял, в сущности, такую работу, которая требовалась для передвижения двухсот восьмидесяти девяти тысяч ста пудов на расстояние одной версты; при этом он получал за передвижение одного пуда на одну версту 0,039 коп., или за сто пудов – 3,9 копейки. В то же время работа рудовоза, работавшего между Салаирским рудником и Барнаульским заводом, выражается 196 800 единиц, и за каждые 100 единиц работы он получал 4,2 коп. Работа первого была почти в $1\frac{1}{2}$ раза более работы второго; плата же – менее.

Таким образом, предыдущее рассмотрение разрушает иллюзию относительно того, что размер повытка определялся в зависимости от расстояния, сообразно с чем назначалась и плата за труд, иллюзию, которая может овладеть читателем при первом ознакомлении с заводскими таблицами. Ничего подобного не было. Теперь мы можем сказать, во-первых, что распределение работы между рудовозами было крайне неравномерным и, во-вторых, что размер платы за труд был также неравномерным и не зависел от его количества, а определялся в зависимости от посторонних обстоятельств. На эти обстоятельства мы уже указывали. Теперь сделаем попытку определить, сколько времени

могло занять у рудовоза выполнение его повытка. Мы уже видели, что количество работы, налагаемой на разные группы рудовозов, было не одинаково; кроме того, при определении времени следует принять во внимание много условий, из коих некоторые, как, например, состояние путей сообщения и средств передвижения учету не поддаются. Поэтому в данном случае мы будем смотреть на работу рудовоза с точки зрения заводских учреждений. Эти учреждения требовали, чтобы каждый рудовоз являлся с лошастью, имел необходимую упряжь и короб или ящик для перевозки руд. С нагруженным коробом он должен был ехать в сутки 12 часов со скоростью трех верст в один час, в короб полагалось погрузить 20 пудов¹, не запрещалось грузить и более, если лошадь могла везти более назначенного количества.

Для примера возьмем рудовоза, который работал между Салаирским рудником и Барнаульским заводом на двух лошадях. Так как в каждый конец он увозил 40 пудов руды, то для перевозки всего количества он должен был сделать с грузом 30 концов; полагая на каждый конец по $4\frac{1}{2}$ дня, получаем 135 рабочих дней или $4\frac{1}{2}$ рабочего месяца. Предположим, что обратный путь на рудник он сделал в три дня, что явится, впрочем, уже некоторым преуменьшением; в таком случае на переезды с завода ему требовалось 90 рабочих дней или три месяца. Следовательно, рабочему, возившему руду на двух лошадях из Салаирского рудника в Барнаульский завод, требовалось для исполнения повытка $7\frac{1}{2}$ рабочего месяца. Если же принять в соображение время отдыха хотя бы и не для рудовоза, а для лошадей, срок этот должно несколько удлинить. Такой же рудовоз, перевозивший руду с Усть-Каменогорской пристани на Барнаульский завод, должен был употребить на переезд с грузом 199,5 дня и порожняком 143 дня, а всего 343 дня, или около $11\frac{1}{2}$ месяца. Он делал около шести с половиною тысяч верст. Рудовоз, возивший руду с Риддерского или Крюковского рудника на Барнаульский завод, исполнял свой повыток в 9 месяцев и 11 дней.

¹ Очевидно, Указом 26 февр[аля] 1782 года рудовозы-урочники были уравнены в этом отношении с рудовозами, приписными крестьянами. До 1782 г. полагалось грузить на воз 25 пудов. Указом 1782 г. было предписано «почитать для гористых и многотрудных дорог и по худости крестьянских лошадей в зимнее время по весу клади вместо 25 по 20 пуд.», а в летнее время при, так называемых, нечаянных работах – по 15 пудов, а весной и осенью – даже по 10. Неизвестно, распространялось ли последнее на рудовозов урочников. ПСЗРИ. Т. XXI. № 15355.

В среднем, таким образом, для рудовозов, работавших на двух лошадях, должно считать рабочий период не менее как от семи до девяти или десяти месяцев. В приведенных примерах взят рабочий, обладающий таким достатком, который позволял ему уделять из своего хозяйства двух лошадей на обязательные работы. Во всяком случае, исполнение этого рода работ вряд ли происходило без ущерба для собственного землевладельческого хозяйства рудовозов и едва ли они могли без стеснения «заниматься хлебопашеством, скотоводством и пчеловодством», как о том говорит официальный документ. Как бы мы не исчисляли время, необходимое для выполнения попятка, но должно признать неоспоримым, что рудовоз-урочник должен был посылать не менее двух лошадей с одним работником, иначе его попяток оставался не отработанным.

Кроме рудовозов, перевозкою руд занимались, как было уже сказано, приписные крестьяне по наряду, но и тех и других оказывалось иногда недостаточно, в таких случаях заводская администрация прибегала к перевозке руд по вольному найму. Цены, которые платило начальство за эту работу вольным возчикам, имеют для нас то значение, что они позволяют до некоторой степени определить истинную стоимость обязательной работы, которую исполняли рудовозы-урочники и приписные крестьяне. Для образца возьмем цены за передвижение руды на те же Барнаульский и Змеевский заводы. В этом случае, разумеется, не было определенного для всех возчиков количества руды, которую должно было доставить, количество это определялось каждый раз договором.

[Заводы и рудники]	За доставку 1 пуд. руды
1. В Барнаульский завод	
с Салаирского рудника	15 коп.
« Змеиногорского «	15 «
« Петровского «	15 «
« Карамышевского «	15 «
« Семеновского «	17 «
« Черепановского «	14 «
« Крюковского «	15 «
« Риддерского «	15 «
« Николаевского «	15 «
« Крюковского «	30 «
« Риддерского «	30 «

[Заводы и рудники]	За доставку 1 пуд. руды
2. В Змеиногорский завод	
с Николаевского рудника	7 коп.
« Крюковского »	15 «
« Риддерского »	15 «

Из приведенных данных можно видеть, что вольный возчик с Николаевского рудника на Змеевский завод получал за доставку одного пуда на $3\frac{1}{2}$ коп. более, чем рудовоз-урочник; с Черепановского рудника в Барнаульский завод – более на 4 коп.; с Николаевского рудника в тот же завод – на 5 коп. более; с рудников Змеевского, Петровского и Карамышевского в Барнаульский завод, с Крюковского и Риддерского рудников в Змеевский завод – на 6 коп. более; с Семеновского рудника в Барнаульский завод – на 7 коп.; с Салаирского рудника в тот же завод – на 8 коп.; с рудников Крюковского и Риддерского в тот же завод – на 9 копеек; с Салаирского рудника в Сузунский завод – на 10 коп.; с Крюковского [рудника] и Усть-Каме-ногорской пристани в Локтевский завод – на 13 коп. более.

Разница в плате колеблется в пределах $3\frac{1}{2}$ – 13 коп¹. В нижеследующей таблице показано отношение заработной платы вольного возчика за то количество руды, которое составляло повыток рудовоза, к заработной плате этого последнего.

1. В Барнаульский завод			
[Рудники]	Плата рудовозу за повыток	Плата вольному возчику за то же колич[ество] руды	Отношение платы второго к плате первого
с Салаирского рудника	84 руб.	180 руб.	2,14
« Змеиногорского »	90 «	150 «	1,66
« Петровского »	90 «	150 «	
« Карамышевского »	90 «	150 «	
« Семеновского »	90 «	153 «	1,70
« Черепановского »	90 «	126 «	1,40
« Николаевского »	80 «	120 «	1,50
« Крюковского »	105 «	150 «	1,42
« Риддерского »	105 «	150 «	

¹ В наиболее благоприятных условиях находились, по-видимому, рудовозы Сузунского завода; за доставку руды с рудников Белоусовского и Таловского они получали по $16\frac{1}{2}$ коп. за пуд, менее на $\frac{1}{2}$ коп., сравнительно с вольными возчиками. Это единственный случай, когда плата тех и других почти совпадала.

[Рудники]	Плата рудовозу за повыток	Плата вольному возчику за то же колич[ество] руды	Отношение платы второго к плате первого
2. В Змеиногорский завод			
с Николаевского рудника	87 р[уб.] 50 к[оп.]	175 руб.	2
« Крюковского »	90 «	150 «	1,66
« Риддерского »	90 «	150 «	
3. В Сузунский завод			
с Салаирского рудника	70 руб.	170 руб.	2,42
« Золотушинского »	110 «	200 «	1,81
4. В Локтевский завод			
с Крюковского рудника	90 руб.	220 руб.	2,44
« Усть-Каменогорск[ой] прист[ани]	84 «	240 «	2,85

Плата, которую получали вольные возчики за перевозку руды, показывает истинную стоимость повытка рудовозов. Эта стоимость превышала их заработную плату на 40-185%. В некоторых случаях она была менее наполовину действительной стоимости, иногда вдвое менее, иногда же менее в два с половиною раза; а действительная стоимость повытка рудовоза, работавшего между Усть-Каменогорской пристанью и Локтевским заводом, превышала его заработную плату почти в три раза.

Рассмотрим распределение работы между рудовозами и вольными возчиками. Рудовозы работали, исключительно, на следующие заводы: в Барнаульский завод с Усть-Каменогорской пристани (413 вер[ст]); в Павловский завод с 8 рудников¹ и с Усть-Каменогорской пристани, отстоящих от завода на расстоянии 175–411 верст; в Змеиногорский завод с Усть-Каменогорской пристани (133 вер[сты]); в Локтевский завод с Риддерского рудника (200 вер[ст]); в Сузунский завод с рудников Крюковского (464 вер[сты]), Риддерского (464 вер[сты]) и Усть-Каменогорской пристани (414 вер[ст]).

Перевозка руд путем вольного найма производилась между заводами и рудниками: в Змеевский завод с Петровского и Карамышевского рудников (4 и 9 в[ерст]), с Семеновского (33 в[ерсты]), Чагирского, Черепановского (9 в[ерст]), Сокольного (175 в[ерст]) и Таловского (77 в[ерст]); в Локтевский завод с рудников Белоусовского (150 вер[ст]), Таловского (93 вер[сты]), Золотушинского (24 вер[сты]); в Гавриловский завод с Са-

¹ Салаирский, Петровский, Карамышевский, Семеновский, Черепановский, Николаевский, Крюковский, Риддерский.

лаирского рудника ($4\frac{1}{2}$ вер[сты]) и в Гурьевский завод с того же рудника (10 вер[ст]). Расстояние, на котором работали рудовозы, простиралось от 133 до 464 вер[ст], а расстояние, на котором работали вольные возчики, простиралось от 4 до 175 верст. Рассмотрение предыдущих данных, во всяком случае, показывает, что рудовозы перевозили руду вообще на большее расстояние, чем вольные возчики. Работа первых была труднее, чем работа вторых. Это обстоятельство обнаруживает те соображения, которыми руководилась заводская администрация при распределении работы между рудовозами и вольными возчиками. На людей, обязанных трудом, налагалась более тяжелая работа, а работа вольных возчиков была сравнительно легче. Заводской администрацией руководил простой коммерческий расчет: за легкие, сравнительно, работы требовалось платить менее, следовательно, они стоили дешевле, а тяжелые работы все равно должны были быть исполнены людьми подневольными, обязанными работами, выполнение их, следовательно, также стоило заводам дешевле.

Относительно внешней обстановки, при которой совершалась перевозка руд, мы находим некоторые сведения у Ренованца. Описываемые им условия с восьмидесятых годов XVIII века почти не изменились и в XIX веке. Как только зазеленеет степь, пишет он, начнет давать достаточно корма для лошадей, что бывает в начале мая, собираются у рудников во множестве рудовозы, крестьяне и другие жители Кольванского, Бийского и, в меньшем количестве, Семипалатинского округов, чтобы везти на заводы наличную отобранную руду и шлихи. Перевозка продолжается до половины июня, возобновляется в конце июля или в начале августа и продолжается до октября, когда начинаются уже сильные заморозки и исчезает корм. В указанные промежутки времени рудовозы уходят по домам не только ради сенокосения, но и применяясь к вышедшему в 1784 году Приказу, по которому, вследствие бывающего ежегодного в то время, за весьма малыми исключениями, неизменно огромного падежа лошадей от сибирской язвы, отпуск руды не производится. Зима, которая в северных частях Сибири и России так облегчает транспорт, настолько затрудняет его здесь по причине господствующих буранов (метелей), что рудовоз не легко решается зимою везти руду, разве только заставит нужда. Потому летом рудовозы являются в таком количестве, что иногда в день нагружается до 70 000 пудов.

Каждому рудовозу отвешивается столько руды, сколько он желает нагрузить, сообразно с его проходным свидетельством, в котором обозначается его имя, место жительства, а так же, на какой завод он желает

доставлять руду. О количестве погруженной руды ежедневно доносят рудничной конторе с указанием, какая порода и с каким содержанием, о том же дают знать главному начальству и заводской конторе. Когда руда принимается на приход в заводе, ее взвешивают, и рудовозу немедленно выдают плату. Вследствие влаги, которая находится в руде, с каждого пуда руды и шлихов сбрасывают определенное количество веса. Чистую плату за перевозку руды Ренованц исчисляет по всему округу суммою до 300 тысяч рублей¹.

Выжигание угля производилось в XVIII веке заводскими служителями, которые определялись к этой работе по желанию. Так как по Манифесту 1779 года приписные крестьяне не наряжались в эти работы, а охотников исполнять их по вольному найму не находилось, то приготовление угля пало на заводских служителей. Они должны были в год «скласть, одернить, осыпать, выжечь на уголь и разломать 3 кучи» по 20 сажен куренной меры дров в каждой. За эту работу они получали по 12 рублей за кучу. Но при Колыванском и Алейском заводах урок состоял в том, чтобы обработать одну кучу и вырубить 14 сажен дров, следовательно, плата этим работникам достигала 18 руб. 36 коп. Хотя на исправление этой работы (т. е. обжигание 3 куч), замечает Герман, одному человеку лета, по-видимому, не хватило бы, но «сии служители, имея довольные себе выгоды, что остающееся за сим исправлением в году время, бывают они свободны от всякого казенного одолжения, исполняют свою собственную работу, остаются довольными». По исчислению того же автора, в его время считалось на заводах угольщиков 957 человек².

Выжигание угля на Колывано-Воскресенских заводах происходило таким же способом, как и на Екатеринбургских, от которых способ этот перешел на Алтай. Способ этот был определен инструкцией, находившейся в так называемом Екатеринбургском Учреждении. Затем она была дополнена опытным путем, применительно к местным условиям. Весь процесс углежжения состоял в следующем.

Дрова для выжигания угля рубились из соснового, пихтового, елового, лиственничного и даже кедрового леса. Иногда употребляли для этой цели и березу. Каждое полено простиралось в длину, не считая так называемого востряка, до семи четвертей. Нарубленные дрова складывались в поленницы вышиною до 7 четвертей и длиною до 14 аршин

¹ Renovantz, [с.] 162, 163, 167, 168-170.

² Герман, [с.] 276 и след.

и просушивались. Для жжения угля выбиралось ровное и сухое место с песчаной или иловато-черноземною почвою, в окружности от 24 до 30 сажен. Место это называлось угольным током. По выборе места для угольного тока начиналась кладка куч. В середине тока делали из дров, так называемый, квадрат, размером в 1 аршин, этот квадрат служил трубою для тяги воздуха внутри кучи. К этому квадрату приставляли наклонно дрова, оставляя между поленьями небольшие промежутки, вострыками вниз; все пространство заполнялось таким образом поставленными поленьями. Такой слой дров называли «ставом». По окончании первого става, ставили на него второй ряд дров, в том же порядке, как и первый, а за ним – третий ряд, иногда и четвертый. Следующие за первым ряды поленьев, ставились более наклонно, так что последний ряд образовывал уже род крыши. Все промежутки и неровности заполнялись мелкими поленьями («высучивались»), так что в конце концов вся куча принимала вид полушара, имеющего в окружности до 30 сажен и высоту от $4\frac{1}{2}$ до $6\frac{1}{2}$ аршина. В одну такую кучу складывали, обыкновенно, 20 кубических куренных сажен дров.

За кладкою дров следовала операция, носившая название «дернение и осыпка кучи» и заключавшаяся в следующем. Сложенная дровяная куча покрывалась сверху донизу пластами черноземного дерна, проросшего корнями и травою. ДERN срезывали на низких дубровных местах или в сырых логах при помощи железных лопат. Чтобы устранить приток воздуха извне, кучи внизу покрывались поверх дерна песчаною или глинистою землею, которую брали из ям, выкопанных тут же, вблизи угольного тока. Это называлось осыпкою. Слой земли летом делали от 2 до 3, а осенью – до 4 вершков.

После этих предварительных действий куча была готова для дальнейшей операции и затем начиналось «сжение угля». Для этого в квадрат, или трубу бросали зажженные дрова и сучья, и после того как они разгорались, труба закрывалась сверху также дерном, на который насыпали несколько земли. Для тяги же, в боках кучи делали отверстия, так называемые «фентели», «воздухи» (иначе «свищи»), размером до 4 вершков, на расстоянии 2 сажен один от другого. Дым выходил чрез эти «фентели»; при помощи этих отверстий можно было регулировать приток воздуха внутрь кучи, а, следовательно, и самый процесс сгорания дров, огонь распространялся внутри кучи равномерно. Во время ветра отверстия с наветренной стороны закладывались и засыпались землею, то же делали, когда куча начинала гореть неравномерно.

Так как около трубы дрова обыкновенно сгорали быстрее, чем в остальных частях кучи, и последняя давала осадку, дерн наверху снимали, пустое пространство наполняли свежими дровами и опять закладывали дерном и землю. Эта операция называлась «кормкою кучи». От неравномерного сгорания дров куча по местам оседала, поэтому, во избежание провалов в таких местах, кучу осаживали при помощи особых инструментов нехитрого устройства (чикмар, байдон, пест, батик). Если во время процесса сгорания из «фентелей» шел синий дым, то это служило хорошим признаком.

После того как дрова сгорали и огонь потухал, дерн и осыпка удалялись и затем кучу угольев для охлаждения забрасывали мокрым песком. Через сутки начиналась дальнейшая операция – разломка кучи. Разломку кучи начинали с верхней ее части, со середины и шли постепенно к краям. При этом употреблялись железная лопата и грабли, полученный уголь складывали таким образом, что образовывался род вала. При разломке куч получалось известное количество поленьев, не вполне обуглившихся. Эти головни отбирались отдельно и затем их подвергали описанной выше операции выжигания угля. Такая куча, сложенная из головней, называлась «кученок».

По урочному Положению, действовавшему на Колывано-Воскресенских заводах в 30 и 40 годах XIX века, для обработки одной угольной кучи в 20 куб. сажень куренных дров, существовал такой расчет. Одному угольщику с лошадей полагалось на кладку дров 10 дней, на удернение и осыпку кучи – 5 дней, на самое выжигание угля – 15 дней, на разломку – 9, на чистку на току – 1 день, на кладку головней в кученок – 1 день, на дернение и осыпку его – 2, на выжигание из кученка угля – 2, на разломку кученка – 2 дня, на расчистку угля и складывание его в вал – 1, в караул при куче – 3 дня, а все производство требовало 51 день. Из каждой 20-саженной кучи получали угля: из сосновых дров 74 короба, из кедровых, еловых, осиновых и пихтовых – 53 короба, а из березовых – от 47 до 51 короба. В коробе считали 20 пудов чистого угля.

Выжигание угля составляло обязанность особого разряда горнозаводских рабочих, урочников, которые назывались угольщиками. Каждый угольщик должен был обработать в год три кучи, что и составляло его пай или полный выыток. За эту работу угольщик получал по 12 руб. за обработку кучи; следовательно, годовой заработок его простирался до 36 рублей. Плата эта разлагалась таким образом. За кладку дров в кучу платили 3 руб. 53 коп., за дернение и осыпку – так же

3 руб. 53 коп., за выжигание угля – 2 руб. $11\frac{3}{4}$ коп., за разломку – 2 р. $82\frac{1}{4}$ коп.; всего – 12 рублей. Но при этом существовал и расчет убытков, которые могли понести заводы от небрежности или неумения рабочих и которые взыскивались с них, а также и расчет прибыли сверх урочного Положения. Если получалось угля менее, чем следовало по Положению, или, как тогда говорили, происходил «недожег», то за каждый недоставленный короб взыскивалось с угольщика по 21 к. за короб. В случае же, если угля получалось более положенного количества (в случае «пережега»), угольщику платили за короб 15 коп. Кроме того, мастер за пережег получал по $7\frac{1}{2}$ коп. с короба, смотритель – по 2 коп., а в случае недожега мастер платился $10\frac{1}{2}$ копейки, а смотритель – двумя. Провианта угольщики не получали¹.

По окончании своего повытка, угольщик мог располагать свободным временем по своему усмотрению. По словам официального документа, «сработавши свой повыток, мастеровые остаются свободными от всех заводских работ и, проживая в деревнях, могут заниматься хлебопашеством, скотоводством, пчеловодством и другою промышленностью».

Вся работа по выжиганию угля требовала особой осторожности и ловкости. По словам того же документа, «вообще во время горения кучи требуется от работающих бдительнейшего надзора, ибо малейшее отступление от принятых правил влечет за собою много вредных последствий». Здесь разумеется, конечно, казенный интерес. Но и помимо этого, работы по выжиганию угля принадлежали к самым тяжелым и опасным. Особенно тяжело было складывание дров в кучи, когда был уже поставлен первый «став». Поленья в 7 четвертей длиною должно было поднимать на значительную высоту и напряжение работников достигало высшей степени, когда приходилось носить дрова на 3-й или 4-й став, т. е. на крышу кучи, возвышавшейся до $6\frac{1}{2}$ аршина. Затем следовала также тяжелая операция «дернения и осыпки кучи»; в этом случае на ту же высоту требовалось поднимать тяжелые пласты дерна и укладывать ими кучу. Самое выжигание угля принадлежало уже к опасным работам. К числу таких опасных моментов принадлежало заполне-

¹ В 80-х годах XVIII века плата за излишек и недостаток угля была такова. За излишек платили угольным мастерам по $7\frac{1}{2}$ коп., смотрителям – по 2 коп., угольщикам – по $16\frac{1}{2}$ коп., а всего – $25\frac{1}{2}$ коп; в случае недостатка, взыскивали с мастера по $10\frac{1}{2}$ коп., с угольщиков – 21 коп., со смотрителей – 2 коп., всего – $33\frac{1}{2}$ коп. за короб / Герман, [с.] 278-279.

ние прогоревших дров около квадрата на самом верху кучи, новыми и исследование, так называемых, слабых мест, т. е. давших осадку; рабочему грозила в этих случаях опасность провалиться в середину горящей кучи и если не быть сожженным заживо, то, по крайней мере, получить ожоги. По окончании операции, кучу требовалось разломать и уголь сложить в вал, что опять было соединено с затратою большого количества сил.

Приведенный расчет времени для исполнения повытка угольщика уже по первому взгляду страдает существенными пробелами. Так, в этот расчет не входит время проезда работника от места постоянного жительства до куреней и время на обратный путь. На кладку дров в кучу полагалось 10 дней, в это время он должен был доставить от лесосеки (куренья) на угольный ток 20 куб. сажень дров. Даже если предполагать, что курень находился рядом с током, то едва ли один работник, разве только при напряжённых усилиях, мог перевезти в сутки 2 куб. сажени дров, считая в тот срок время, необходимое для накладки дров в воз и укладку их в кучу известным способом. Но лесосеки не всегда находились вблизи угольных токов, ибо устройство последних требовало известных условий местности. Если полагать на 1 воз $\frac{1}{3}$ погонной сажени (ибо более вряд ли можно сложить дров, размером в 7 четвертей), то возчик должен был свезти в день 18 возов, т. е. сделать 36 концов по лесу при полном отсутствии какой-либо дороги, не говоря уже о благоустроенной.

Далее, на дернение и осыпку кучи полагалось 5 дней. Если принять в среднем высоту дровяной кучи в 5 аршин, а окружность в 30 сажень, как было указано выше, то поверхность такой кучи, имеющей приблизительно форму шароватого сегмента, выразится 450 квадратных аршин, или 50 квадратных сажень. Столько же требовалось и дерна для покрытия кучи. Следовательно, в один день рабочий должен был содрать 10 квадратных сажень дерна и в то же время успеть вывезти его к месту кучи и уложить его там. Количество дерна, необходимое для кученка, здесь не принимается в расчет, за неимением данных его размера.

Приведенный расчет этих двух операций показывает, что работник едва ли мог исполнить требуемую работу в срок, назначенный Положением. При возке дров приходилось или увеличивать количество лошадей, или растягивать работу на более продолжительное время. Таким образом, весь повыток, рассчитанный Положением на 153 дня, занимал в действительности гораздо более времени, и притом падал на летние

месяцы. Отсюда видно, что для собственного хозяйства работника, если только оно у него было, оставалось слишком мало времени.

Разложение платы за выжигание угля на составные части за отдельные операции указывает, с одной стороны, на то, что состав работавших на угольном току не был однороден, а разбивался на несколько групп, сообразно с отдельными действиями, за которые и полагалась отдельная плата. Таким образом, здесь существовала известная специализация рабочих, разделение труда и, вследствие этого, большая производительность его. С другой стороны, необходимость таксы за эти отдельные действия была вызвана самою практикою заводов, которые, располагая определенным числом рабочих-угольщиков, требовали не одинакового количества угля за операционный сезон. Это количество колебалось, в зависимости от разных технических и других условий, в значительных пределах. В случаях усиления производства штат угольщиков был недостаточен для поставки требовавшегося количества угля. Тогда, помимо хозяйственных заготовок, прибегали к поторжному способу работ, для чего и пользовались установленной для отдельных работ расценкою. Так как весь повыток, занимавший 153 дня был оценен в 36 рублей, то один работник с лошадыю получал в день 23,52 коп.

Дневная заработная плата того же конного работника по отдельным операциям выражалась в следующих цифрах¹.

Кладка дров, кладка головней в кученок 3 р. 53 к	10 дн. + 1 дн. = 11 дн. 32,09 к. в день;
дернение и осыпка куч, тоже кученков 3 р. 53 к.	5 дн. + 2 дн. = 7 дн. 50,42 к. в день;
выжигание угля из кучи, то же из кученка 2 р. 11,75 к.	15 дн. + 2 дн. = 17 дн. 12,45 к. в день;
разломка кучи, то же кученка 9 дн. + 2 = 11 дн. чистка на току, складывание угля 1 + 1 = 2 дн.	13 дн. 2 р. 82,25 к. 21,71 к.
караул	3 дня

¹ Так как расценка указана только для четырех отдельных операций, а плата (12 руб.) производилась за обработку всей кучи, то, очевидно, в кладку дров входила и кладка головней в кученок, в дернение и осыпку кучи входили те же работы при кученке и т. д., то при расчете эти операции соединены. Остаются без расценки, таким образом, три караульных дня.

Выше всего ценились дернение и осыпка куч (почти $50^1/2$ к. в день), за нею следовала кладка дров (32 коп.), чистка и складывание угля (21 коп. в день). Но так как дневные уроки были значительны и требовали большого времени, то плату эту необходимо несколько уменьшить. Ниже всего ценилось выжигание угля, так как главными лицами при этом были мастер и смотритель, участие же угольщиков ограничивалось лишь подбрасыванием дров в «слабые» места кучи, следовательно, большого количества труда в это время не требовалось, зато работа эта производилась круглые сутки. Она ценилась в 12 коп. в день.

Пользуясь предыдущими расчетами, можно определить сдельную плату при тех работах, которые поддаются учету.

Кладка дров в кучи	20 куб. саж[ен]	353 коп. ¹
приготовление дерна	50 кв. саж[ен]	353 коп.

Следовательно, вывозка одной кубической сажени и укладка ее в кучу ценилась в 17,65 коп.; приготовление одной квадратной сажени дерна и укладка его на кучу стоила 7 копеек².

Из 20 саж[ен] дровяной кучи получали, смотря по породе дерева, от 51 до 74 коробов или от 1 020 до 1 480 пудов угля. За разломку кучи, кученка, за чистку угля и складывание его в вал рабочий получал в первом случае со ста пудов 27 коп., а во втором – 19 коп.

Каждый короб угля, сообразно с приведенной расценкою, обходился заводам от 16,2 до 23,5 коп., а пуд – от 0,81 до 1,17 копейки.

По выжиганию угля для медноплавильных заводов (19 033 короба) работало 85 человек. При работах находился мастер, получавший 40 рублей в год, и смотритель, с жалованьем 22 рубля. Обоим выдавалось в год по 24 пуда провианта³.

Разработка золотых россыпей, по-видимому, не составляла главной отрасли заводской деятельности на Алтае, и если занимались добычею золота, то в небольших размерах. Добыча золота началась в Томской губернии лишь с 1827-го года, когда поиски на золото, а затем и разработку золотоносных россыпей начал здесь коммерции советник Федот Попов. Вслед за ним и администрация Алтайских заводов начала разведки с конца 1830 года, со времени перехода заводов в ведомство Ми-

¹ Так в тексте. (Ред.)

² Эти цены в действительности были ниже по причинам, объясненным в предыдущем примечании.

³ О куренном производстве, см. Альдегонд, лл. 413, 426, 428, 625.

нистерства финансов, которое стало ассигновать на разработку золотых приисков от 25 до 30 тысяч рублей ежегодно.

В 1833 году в округе было 8 золотых разрабатывавшихся приисков: Егорьевский, Урский, Алтайский, Касьминский, Иковский, Толмовинский, Заводский и Успенский, удаленные от заводов на расстояние 180-420 верст. На всех этих приисках было промыто песков 3 695 255 пудов и получено золота немного более 6 пудов (6 пуд. 35 золотников 21 доля). Были такие прииски, как Толмовинский, который дал всего 59 золотников, или Заводский, давший 2 золотника 72 доли золота; более всего извлечено золота на Касьминском прииске – 2 пуда 5 фунтов, и Урском – 1 пуд 31 фунт; на других приисках добыча золота выражалась фунтами¹.

Для разведки золотоносных мест, при заводах существовали так называемые разведочные приисковые партии. Служба в этих партиях принадлежала к одному из самых тяжелых видов заводской службы, если не самому тяжелому, ибо партии эти посылались в отдаленные, глухие местности Алтая, проходили малодоступные места, пролагая дороги и подвергаясь всем невзгодам горного климата, вдали от населенных мест. В 1833 году этими разведочными партиями было открыто золото в семи местах, в хребте Алатау, в бассейнах рек Осиновой, Нижней и Средней Терси, Базаса (впад[ающего] в Мрассу), они охватили район в 370 верст.

Разрабатывавшиеся россыпи промывались на обыкновенных вашгердах, на станках и полустанках с чугунными решетками, других приспособлений, облегчающих промывку песков, не было введено, так как не было еще открыто капитальных золотоносных россыпей, разработка которых вознаградила бы расходы по устройству более совершенных машин. Промывка песков делалась на месте; перевозка же их от россыпей к «фабрикам» производилась исключительно в зимнее время в случаях неизбежной необходимости. Летом же почти везде устраивались машины для промывки песков при самих разработках. Зимой промывальни устраивались в тех местах, где для значительного числа вашгер-

¹ Добыча собственно шлихового золота на Алтае никогда не была значительной. В 1832 г. было добыто из россыпей золота 6 п[уд.] (из серебра выделено 25 пуд. $7\frac{2}{3}$ фунта); в 1835 г. – 20 пуд. 24 фунта 20 золотн[иков] 12 долей (из серебра – 27 п[уд.] 3 ф[унта] 68 зол[отников] 43 дол[и]). В среднем, за время с 1838 по 1843 г., в год – по 29 п[удов] 8 ф[унтов]. См. «Горный журнал», 1851 г. Ч. III, стр. 425, табл. I; 1836 г. Ч. III, [стр.] 403.

дов и станков было достаточно воды; по словам официального отчета, они устраивались в теплых помещениях. В таких случаях, для перевозки песков от разрезов к промывным машинам, командировались с заводов рабочие, свободные от работ, так как зимою заводы сокращали свою деятельность.

Для предупреждения попыток кражи золота, начальством была установлена особая система разнообразного надзора. Для этой цели были учреждены везде воинские караулы как в разрезах, так, в особенности, при промывке песков. Кроме того, был надзор со стороны штейгеров, унтер-шихтмейстеров и офицеров, которые, как удостоверяет официальный документ, избирались из людей испытанной честности. Кроме этого явного надзора, был учрежден на каждом прииске особый институт «тайных досмотрщиков» из тех же мастеровых испытанной честности, которые сверх обыкновенного жалованья, получали негласно особое жалованье от 5 до 7 рублей в месяц. Имена их были известны только одному офицеру или приставу промысла. Обязанности этих тайных досмотрщиков изложены таким образом: «находясь в работе как в разрезах, так и при промывке, имеют главнейшею обязанностью наблюдать за прочими рабочими относительно намерений к похищению золота и в случае каких-либо видов, секретно уведомлять о том прямо офицера, занимающего должность пристава, дабы похитители немедленно были обнаружены, не подозревая, какими путями могло открыться их злонамеренное действие». Кроме этих, так сказать, ординарных мер надзора, были еще экстраординарные. «Со стороны горного начальника делаются частные полицейские розыскания, сколько по слухам, хотя бы оные были и неправдоподобны, столько и по одним подозрениям, чрез земскую полицию или иногда и чрез частные лица, неимеющие совершенно никаких служебных отношений». Но несмотря на такую организацию явного надзора и тайного шпионства, похищение золота все-таки существовало. «Сими средствами доселе открыто только три случая, обнаруживавшие намерение к похищению золота: в первый раз $1\frac{1}{2}$ золотника, во второй – $32\frac{5}{8}$ золотника и в третий – 24 доли, из которых видно, что в покупке золота намеревались участвовать один из торгующих мещан и, по-видимому, некоторые из приписных крестьян». Очевидно, надзор был недостаточен, если не мог установить, кто «намеревался участвовать» в покупке краденого золота, и ограничился одною лишь видимостию. Но начальство не отчаивалось окончательно пресечь воровство золота, по крайней мере, в заключе-

нии отчета сказано: «впрочем, местное начальство имеет достаточно способов как для открытия, так и преследования похитителей золота, а потому с сей стороны можно оставаться уверенным, что зло сие не будет иметь места при казенных промыслах Алтайского горного округа». О том, каким образом был организован контроль при дальнейшем движении золота, сведений нет¹.

Мужское рабочее население золотых приисков, как сказано выше, достигало цифры 924 челов[ека], но здесь были сосчитаны лишь взрослые работники. Более подробно исчисление дано в следующей таблице.

Прииски	Взрослые рабочие	Мальчики	Нижние чины	Всего рабоч[его] мужск[ого] насел[ения]	Женщины	Всего
1. Егорьевский	348	115	4	467	399	866
2. Успенский	136	44	2	182	115	297
3. Урский	121	186	2	309	158	467
4. Касьминский	265	30	1	296	346	642
5. Орловский	54	20	3	77	42	119
Итого	924	395	12	1 331	1 060	2 391

В этой таблице показано число приисковых рабочих, без подразделения их на постоянных и временных, так как официальные документы не дают об этом сведений. Следует полагать, что контингент приисковых работников был постоянным. Есть только указание на то, что из общей массы рабочих выделялась часть для разведок золотоносных россыпей, «по приискам задолжение рабочих людей бывает по мере надобности в разведках», это так называемые поисковые партии. Но контингент нижних чинов на приисках составлялся из нижних чинов, которые откомандировывались из заводов и рудников. В 1833-1834 годах из Барнаульского завода было послано на разведки с партиями 6 человек унтер-шихтмейстеров, из Салаирского рудника – трое. Нижние чины на приисках исполняли различные должности, главным образом, по надзору за работами. На Егорьевском прииске были: один шихтмейстер, писарь, лекарский ученик и штейгер; на Успенском – один маркшейдерский ученик и один лекарский ученик².

¹ О золотых приисках см. Альдегонд, л. 500, 384-386, 399-400.

² Альдег[онд, л.] 111, 114, 119, 120.

Относительно платы приисковым работникам официальный отчет горного ревизора умалчивает, он дает сведения только о плате на приисках частных владельцев. Вероятно, жалованье на прииске не превышало того размера, который был установлен заводскими учреждениями на заводах и рудниках, т. е. в среднем 21-24, самое большее – 29 рублей в год, кроме выдачи продовольствия. Во всяком случае, это жалованье не может идти в сравнение с тою платою, которую получали рабочие частных приисков в Томской губернии. На золотых промыслах Попова, Асташева, Баландина и др. чернорабочим и промывальщикам платили в 30-х годах XIX века от 10 до 15 рублей в месяц, а ремесленникам, кузнецам, плотникам – от 25 до 35 рублей. Следовательно, рабочие низшего разряда зарабатывали от 120 до 180 рублей, а знающие какое-либо ремесло – от 300 до 420 руб. в год¹. Кроме того, рабочие продовольствовались на счет владельца пищей, которая, по договору, не входила в счет платы. Но и эта заработная плата, конечно, была низкой в силу особых условий, в которых находилась сибирская золотопромышленность. Дело в том, что золотопромышленники принимали на прииски поселенцев и беглых, так как этих людей легче было эксплуатировать. Эти люди значительно понижали уровень платы контрактных рабочих из среды местного населения.

Работа на алтайских золотых промыслах, по условиям самого производства и обстановки, принадлежала к наиболее тяжким и сравнивалась только со сплавом руд по р. Иртышу. Радлов, посетивший золотые прииски в самом конце крепостного периода, пишет: «Жизнь рабочих на золотых промыслах идет однообразно из года в год; две недели работы сменяются неделями свободного времени. Пища их, насколько возможно, хороша, потому, что они достаточно получают муки и мяса. Правда, что летом мясо не всегда бывает свежее, но это зависит от местных обстоятельств. Само собою разумеется, что здесь соблюдается строгая дисциплина, иначе невозможно было бы держать в порядке сотни человек горнорабочих. Каждый работник получает задельную плату, а если он работает излишние уроки или в свободные дни, то получает за это особую плату. Тяжелая работа, убийственная скука в свободные дни и недостаток в женщинах распространили между рабочими до известной степени тупоумие, имеющее последствием значительную безнравственность и преступления»².

¹ Альдег[онд, л.] 366.

² Путешествие д[окто]ра Радлова чрез Алтай к Телец[кому] озеру и р. Абакану; цитируем по извлечению к[нязя] Кострова. [Томск: Типография Губернского Правления], 1881 г., стр. 50-51, 49.

Не входя в разбор того, насколько справедлив этот последний суровый приговор, мы заметим только, что рабочий золотых приисков не всегда мог пользоваться даже жилищем и должен был устраиваться по своему желанию под открытым небом. Так как некоторые промыслы по истечении известного времени вырабатывались, а с иными это случалось довольно скоро, промывка золота прекращалась и рабочих ставили на ближайшие прииски. Здесь, пока выяснялась выгода добычи золота, домов не строили, и рабочие должны были по окончании смены ходить в жилища за несколько верст. Иногда начинали разрабатывать старые прииски, на которых жилища уже успели развалиться, в таком случае рабочие снова оставались вновь без крова. «Для рабочих на Александровском промысле, – пишет тот же автор, – работы были очень затруднительны, потому что они жили на Спасском и часто должны были совершать 30-верстный путь туда пешком, так как на Александровском жилые здания развалились, а к постройке новых еще не приступали».

Все эти обстоятельства позволяли некоторым исследователям сравнивать работу на Колывано-Воскресенских золотых промыслах с каторжною.

V

Горнозаводские рабочие по Штатам 1849 года

По Штатам 1849 года горнозаводское население, занятое работами собственно на заводах, разделялось на два разряда: одни назывались «нижними чинами», а другие – рабочими. Так как на заводах действовал воинский устав, то первые были приравнены к унтер-офицерам, а вторые – к рядовым военной службы. В состав «нижних чинов» входили лица, занимавшие разные должности по надзору за производствами в заводских цехах, или занимавшиеся в административных и иных учреждениях округа: уставщики, или кондукторы, межевщики, пробирщики, чертежники, фельдшеры, аптекарские ученики, писари и мастера. Все они носили название урядников. Рабочие, в свою очередь, разделялись также на два разряда: мастеровые и урочные служители (урочники). Эти были заняты заводской работой, к ним принадлежали подмастерья, писцы и ученики. Как урядники, так и мастеровые, писцы и ученики разделялись «на статьи», которых было три. Урядники первой статьи, например, занима-

ли высшие должности сравнительно с урядниками второй статьи, также и мастера; сообразно с этим, они различались и по окладам жалованья. Кроме перечисленных выше категорий населения, были еще ученики во вспомогательных производствах (так называемые цеховые ученики), которых не должно смешивать с учениками, занимавшими низшие должности в разного рода учреждениях, и подростки, также разделявшиеся на три статьи. Последние работали в заводских цехах. Наконец, в канцеляриях для обучения делопроизводству были еще так называемые «ученики для обучения письмоводству».

Так как организация сословия горнозаводских людей вытекала из организации заводских работ и вообще зависела от горного заводского дела, то для понимания устройства горнорабочего населения, необходимо остановиться на том, как были организованы в сороковых годах XIX века самые заводские работы и администрация округа.

Вся заводская деятельность разделялась на две крупных группы производств – главные производства и вспомогательные заводские работы. К первым относилось, прежде всего, так называемое производство горное, т. е. работа в рудниках, добыча железных, медных и серебряных руд, затем перевозка руд от мест добычи к заводам. Заметим здесь, что перевозка руд, как главное заводское производство, лежала на обязанности нижних чинов и рабочих и, действительно, ею были заняты, главным образом, мастеровые и урочники, но к этому занятию привлекались иногда и приписные заводские крестьяне.

Далее идет производство куренное, т. е. выжигание угля и разломка угольных куч, одна из самых тяжелых работ, требовавшая большого напряжения и осторожности. За ними следуют металлические производства: серебряное, медное и железное, т. е. плавка металлов из руд и чугунолитейное дело. Обработка железа была двоякая – кричное производство иковка сортового железа. Выделялась и сталь, но в ограниченном размере. Кроме упомянутых металлов добывалось еще золото, но золотые прииски так же, как и управление ими, было выделено из состава металлических производств округа, и стояло особняком. Ко времени издания Штатов в 1849 г., в округе действовали следующие заводы: Барнаульский, Павловский, Локтевский, Змеевский, Гавриловский серебряноплавильные; Сузунский – медноплавильный; Томский и Гурьевский – чугунолитейные и железоделательные.

Из предыдущего можно видеть, что «горное производство», т. е. добыча руд, было отделено от других главных заводских производств; отсюда вытекало то обстоятельство, что управление рудниками и руд-

ничные работы стояли отдельно от прочих заводских работ. Рудники были соединены, по месту их расположения, в несколько групп, из коих каждая находилась под особым местным управлением, таковы рудники Змеиногорского и Салаирского края. Таким образом, ежели рассматривать распределение горнозаводского населения в зависимости от главных производств, то должно различать три большие группы, на которые это население распадалось: одна часть горнозаводских людей работала в рудниках («производство горное»), другая была занята перевозкой руд, обжиганием угля (куренное производство) и плавкой металлов на заводах (главные металлические производства) и, наконец, третья часть работала на золотых приисках.

За главными производствами следуют вспомогательные заводские работы, которые были распределены по цехам. При рассмотрении этих вспомогательных работ мы имеем дело уже с внутренним устройством завода или рудника. Вспомогательные работы на рудниках и приисках были организованы, за весьма малыми исключениями, вызываемыми техническими особенностями, так же, как и на заводах. Заводские цехи суть: машинный, кузнечный и слесарный, плотничный и столярный, цех строительный и надворных работ; последние два на некоторых заводах и рудниках были соединены. На рудниках Салаирского края существовал канатопрядильный цех. На золотых приисках и на рудниках были особые партии для разведки руд и золотоносных песков, которые составляли особый цех. К вспомогательным же заводским предприятиям отнесены были кожевенный и стеклянный заводы в г. Барнауле¹. Наконец, следует упомянуть о так называемых приютах для рудоразборщиков. Их было два, на Змеиногорском и Салаирском рудниках. Здесь работали те из горнорабочих людей, которые по старости, по болезни или по увечью не могли работать на заводах. Так как разборка руд (дробление камней) считалась одним из легких занятий, то силы неспособных к заводской работе людей находили здесь приложение. Таким образом, если рассматривать распределение горнозаводского населения по вспомогательным производствам и предприятиям, то получаем разного рода цеховых мастеров и рабочих, как то: машинистов, плотников, кузнецов, кожевников и т. д.

Управление округом было сосредоточено в Канцелярии начальника заводов и в Алтайском горном правлении, в которых низшие канцелярские должности, кончая помощниками столоначальников, были заняты

¹ В Салаирском руднике существовал кожевенный цех, в Барнауле – бумажная фабрика.

крепостными людьми, урядниками и нижними чинами. Крепостные же люди работали и в канцеляриях военных судов, в главной чертежной на должностях межевщиков и чертежников, в лаборатории занимали должности уставщиков и пробирщиков, в госпитале служили фельдшерами и надзирателями при окружном училище. При музее окружного училища также состояли два урядника, первой и третьей статьи. Общественная тишина и спокойствие охранялась будочниками, казаками и сторожами; крепостные же боролись с пожарами и разносили по городу письма, стерегли заключенных.

Администрация каждого завода или рудника была точной копией окружного управления, только в уменьшенном виде. Подобно тому, как управление всеми заводами было сосредоточено в Алтайском горном правлении, так для управления заводом или рудником существовали горные конторы.

Управление заводом или рудником было сосредоточено в горной конторе, находившейся под начальством управляющего, при ней для испытания руд и металлов существовали пробирные. К числу заводских учреждений принадлежали школы, в которых преподавателями были окончившие курс в Барнаульском окружном училище, со званием урядника первой статьи, к ним присоединялись помощники из урядников третьей статьи. Младшие лекари, заведывавшие заводскими госпиталами, определялись из классных чинов, но фельдшеры и их помощники, последние под названием учеников 2-й статьи, были из крепосных людей. Отбывавшие наказание по суду содержались в заводских тюрьмах, наказанные административным порядком, подвергнутые дисциплинарному взысканию заключались в исправительные заводские казармы. Штаты 1849 года, предусматривающие все до крайних мелочей, определяют даже суточное число арестантов, на которое и устраивалась тюрьма; так, штатное число арестантов в тюрьме Змеиногорских рудников определено по 6 человек в сутки. К числу заводских учреждений принадлежали заводские и горные полиции, в которых также служили урядники и мастеровые.

Таким образом, если рассматривать распределение горнозаводского населения по административным и иным учреждениям округа, то увидим, прежде всего низших канцелярских служителей, кончая помощниками столоначальников, писцов, затем фельдшеров, аптекарских учеников, счетоводов, переплетчиков, учителей, разного рода техников и т. д.

Существовало еще одно административное учреждение, о котором мы не упоминали, это так называемый заводской или горный разряд.

Состав его был разнообразен, как это видно на примере горного разряда Змеиногорских рудников, который мы приводим:

Пристав рудников и его помощники из горных инженеров	8 челов[ек]
Пристав надворных работ в Змеиногорском руднике и пристав для сплава руд (из классных чиновников)	2 «
1) комиссары провианта и припасов, урядники 2 статьи	2 «
2) надзиратели цехов, урядники 1 статьи, урядники 2 статьи	3 « 9 «
3) писарей, урядн[ик] 2 статьи	3 «
4) писцов 2 ст[атьи]	20 «
5) цирульников, м[астер] 2 ст[атьи]	7 «
6) счетчиков	2 «
7) магазин, вахтеров, м[астеров] 2 ст[атьи]	12 «
8) сторожей и рассыльных, мастер 3 ст[атьи]	24 «
Итого	92 челов[ека]

Из 92 человек этого разряда 84 человека принадлежали к крепостным людям, которые занимали весьма разнообразные должности, начиная с должности комиссара провианта и кончая обязанностями цирульника и сторожа. На некоторых заводах были еще особые служители, так называемые «обыскатели», они дежурили у ворот завода и на обязанности их лежало обыскивание выходящих рабочих.

Из состава разряда видно, что это было учреждение, занимавшее место между конторой, с одной стороны, и собственно цехами и производствами, с другой, иными словами, соединенная в одно целое ближайшая администрация рудника или завода, так что все принадлежавшие к нему люди входили в состав двух организаций: мастеровые и рабочие, которые были приписаны к производству или цеху, и лица низшей администрации, которые были приписаны к разряду; одни из этих последних являлись ближайшими руководителями производства или цеха, а на других были возложены хозяйственные обязанности. На некоторых заводах горные конторы и разряды соединялись в одно административно-хозяйственное учреждение.

Изложив вкратце организацию заводов, насколько это было необходимо для понимания распределения горнозаводского населения в зависимости от этой организации, приведем некоторые данные о количестве людей, занятых в различных производствах.

В горном производстве работало всего 4 183 человека; из этого числа работой на серебряных рудниках было занято 3 581 человек, на медных – 436 и на железных – 166 человек. Перевозка руд производилась приписными крестьянами, урочными служителями, мастеровыми (сплавом по рекам) и вольнонаемными возчиками; занятых перевозкой руд было 2 034 человека, из них сплавщиков серебряных руд – 450 человек мастеровых 3-й статьи и 1 477 рудовозов – урочных служителей; железные руды перевозились или приписными крестьянами, или вольным наймом. Обжиганием угля и разломкой угольных куч занималось всего 1 831 человек, из них дровозовов числилось 332 и угольщиков – 1 380 человек урочных служителей. Собственно заводских рабочих, занятых плавкой металлов и обработкой железа, считалось 2 561 человек, всего же занятых в главных металлических производствах, считая в том числе и золотые прииски, было 12 426 человек. В[o] вспомогательных заводских производствах, в различного рода цехах работало 4 198 человек, из них 2 653 мастеровых, 44 подмастера и 1 067 урочных служителей¹.

Число крепостных людей, находившихся на службе в административных и других учреждениях округа, достигало цифры 2 454 человека².

Таким образом, мастеровых и рабочих считалось всего 19 079 человек. Число рабочих, занятых в главных производствах, составляло 65,16%, во вспомогательных – 22,01% и находившихся на службе в административных и иных учреждениях – 12,82% общего количества горнозаводского населения. Большая часть рабочих находилась на работах в главных производствах. Самыми тяжелыми были работы в рудниках, на промыслах, при обжигании угля и у заводских горнов; здесь было занято 10 392 человека и эти десять тысяч несли на себе всю тяжесть горнозаводской промышленности на Алтае.

Работу алтайских заводов закон определяет так. Штаты 1849 г. требовали, чтобы Алтайские заводы ежегодно добывали и представляли:

а) бликового серебра	1 000 пудов
б) свинца для выплавки серебра	40 500 «
в) лигатурного россыпного золота	36 «
г) меди	18 000 «
д) чугуна	55 000 «
Всего металлов	114 536 пудов

¹ См. приложение, табл. III.

² Прилож[ение], табл. IV.

Из части чугуна выделялось железо, в количестве 34 530 пудов, и 1 750 пудов стали. 31 пуд золота добывался при помощи крепостных, а 5 пудов – вольным наймом. Для получения этого количества металлов необходимо было добыть 6 030 498 пудов руды и отработать 3 195 000 пудов отвалов прежних горных выработок. Все горные породы, по трудности их добычи, были разделены на пять разрядов, соответственно с этим число смен, в течение которых должна быть выработана одна кубическая сажень, было различно. Так, на одну кубическую сажень горных пород первого разряда полагалось 56 двенадцатичасовых смен, по 2 человека в каждой; второго разряда – 25 рабочих смен и т. д.; для отработки же кубической сажени отвалов – 10 смен. На железных рудниках Гурьевского и Томского заводов полагалось одной артели, состоявшей из 5 человек, добыть 50 пудов руды. Добытая руда на рудниках сортировалась и после этой операции перевозилась на заводы; общее количество сортированных руд достигало 3 889 245 пудов, эта руда перевозилась, как было уже сказано, урочными служителями, приписными крестьянами, а также вольным наймом.

На золотых промыслах каждый рабочий должен был добыть и откачать на расстояние средним числом в 15 сажень, одну кубическую сажень песку или торфа летом в 5, и зимою – в 7 рабочих смен, а стоявший у вододействующих машин обязан был промыть в одну смену 150 пудов, на ручных бутарах – 90 и на вашгердах – 75 пудов песку. Подросток должен был в смену отобрать (высортировать) 20 пудов руды (железной).

В куренном производстве, для всех заводов округа, предполагалось приготовить в год 258 272 короба угля, каждый в 20 пудов, и 6 968, так называемых, куренных сажень дров¹. Так как рубка дров и перевозка угля в заводы лежала на обязанности приписных крестьян², то перевозка дров из куреней и выжигание угля падала на урочных служителей; таким образом, каждый дрововоз, которых было 332 человека, должен был доставить на завод около 29,3 сажени дров, а угольщик обязан был обработать три двадцатисаженных кучи дров и из каждой кучи получить от 53 до 74 коробов угля.

На сереброплавильных заводах в каждой шихтной печи расплавлялось в сутки 55 пудов серебристо-свинцовых руд, 170 пудов серебря-

¹ Куренная сажень имела следующие размеры: длина и высота $3\frac{1}{2}$ арш[ина], а по ширине складывалась в два полена, каждое длиною в 7 четвертей.

² На каждую ревизскую душу приходилось поставить $3\frac{7}{9}$ куренной сажени в год, с платою $57\frac{1}{2}$ коп. на душу.

ных, 200 пуд. салаирских руд и 100 пудов герта, получаемых при выплавке серебра на трейбофенах; при каждой печи задолжалось в сутки 9 человек, при извлекательном горне – 6, на трейбофене – 6 человек, в три смены по 8 часов. На медноплавильном Сузунском заводе работало то же количество рабочих при каждой печи; они были обязаны расплавить 200 пудов руды. На железных заводах рабочие должны были выплавить в сутки: в Гурьевском – 400 пудов и в Томском – 450 пудов чугуна; при каждой печи стояло 3 человека в смену. Мы не будем перечислять здесь количество рабочих, занятых на этих заводах в различных железоделательных и литейном производствах, заметим только, что и здесь рабочие также были разделены на артели. В горных рудничных и плавильных заводских работах были установлены в сутки по 3 смены, работа шла здесь круглый год, день и ночь. Во вспомогательных же производствах, цехах, заводских постройках люди освобождались от работ в воскресенье и праздничные дни, также увольнялись они от казенной работы во время сенокоса для работ по своему хозяйству, наравне с горнорабочими Уральских заводов.

Плата горнозаводским людям была следующая. Размеры ее зависели от того положения, которое человек занимал в заводской иерархии. Для урядников трех статей были установлены оклады в 48, 36 и 24 руб. в год¹. Оклады эти должны считаться нормальными, так как большинство людей этого звания получало жалованье именно в таких размерах. Но от этой нормы были отступления; в этом случае принимались во внимание как степень ответственности, так и технические знания, которых требовали некоторые должности. Урядник 1-й статьи, служивший письмоводителем при ревизоре частных золотых приисков, получал 143 руб. Уставщик пробирной на Змеиногорском руднике, урядник 2 ст[атьи], получал 120 руб.; младший межевщик при Горном правлении – 90 руб.; для надзирателей цехов на золотых промыслах существовали оклады в 72, 54, и 36 рублей. Учителя заводских школ, урядники первой статьи, получали 58 руб., их помощники, урядники второй статьи – 54 и третьей – 36 рублей. Высшие оклады давались уставщикам на серебряных рудниках; здесь уставщики, урядники 1-й статьи, получали 180 руб., 2-й статьи – 120 руб. и 3-й – 90 рублей. Но было бы ошибочно судить по размерам окладов урядников вообще об обеспеченности горнозаводского населения. Эти оклады получали единицы, да и вообще

¹ Низший оклад получал базарный смотритель в г. Барнауле, урядник 2-й ст[атьи], всего 10 рублей.

положение урядников, сравнительно с положением массы горнозаводского населения, было привилегированным. Хотя и крепостные, они, однако, принадлежали к командующему классу, составляя ту степень низшей административной, которая стояла непосредственно пред лицом рабочего населения: урядники служили в канцеляриях, полицейскими приставами на заводах и некоторых рудниках, уставщиками в цехах и производствах и т. д. На их обязанности лежало руководить, следить, требовать, иногда наказывать. Разумеется, труд их никак не может идти в сравнение с работами, которыми было обязано остальное население на заводах и рудниках.

Менее привилегированным, но все же привилегированным положением сравнительно с рядовыми рабочими, пользовались писцы и ученики, служившие в канцеляриях и других учреждениях. Нормальными окладами для людей этих двух категорий должно считать 20, 16 и 12 рублей в год; из них следует исключить писца в барнаульской полиции, получавшего 71 руб. 46 коп. жалованья, да на одежду и паек 28 руб. 57 коп., всего – 100 руб. 3 коп., но это был единственный счастливчик из всех писцов. Из учеников в том же положении был чертежник при ревизоре золотых приисков, ему платили 41 рубль. Ученики в лаборатории получали сравнительно меньшие оклады: 16, 12 и 6 рублей. Сюда следует включить так называемых подростков для обучения письмоводству, им давали 5 рублей.

Теперь перейдем к тому разряду горнозаводских людей, которые составляли массу производительного рабочего населения округа – мастеровым и подмастерам; если к ним присоединить еще подростков и цеховых учеников, то мы получим рабочую силу, которой двигались заводы и на которую падала вся тяжесть горнозаводской деятельности. Рудники и заводы были наполнены мастеровыми и подмастерами, это были действительно «рабочие», как их называет Горный устав. Но из всего числа мастеровых опять должно исключить мастеровых первой статьи, занимавших низшие административные должности и несших, следовательно, более легкие, сравнительно с другими, обязанности. Остаются мастеровые двух последних статей, которые и составляли собственно движущую силу заводов и рудников.

Для мастеровых были оклады в 12, 10 и 5 руб.; мастеровые третьей статьи в заводских цехах получали несколько более, до 9 рублей. Таким образом, работавшие на рудниках и при плавильных работах довольствовались, средним числом, платою 8 рублей в год. Мастеровые при

сплаве руд получали сверх того за каждый праздничный день, проведенный в работе, по 3 коп. Несколько лучше было положение подмастеров, которые следовали непосредственно за уставщиками-урядниками; они работали, главным образом, в цехах, за 18 рублей в год.

Более легкие заводские работы исполнялись, как было уже упомянуто, подростками; для них существовали оклады в 5 р., 4 р. и 3 р. 50 к.; в заводских цехах и производствах ученики получали 6 рублей в год.

Таким образом, вознаграждалось население за обязательные работы. Из всех категорий населения не получали жалованья урочные служители, обязанные исполнять так называемые «уроки», т. е. определенное количество работы, которое падало на них по раскладке общего количества заводской работы. Урочные служители или, как их называли иначе, урочники работали в тех производствах, где легко было учесть количество работы, а именно в куренном производстве: они обжигали уголь и перевозили дрова из куреней, а также более дорогие – серебряную и медную руду на заводы и, сообразно с этим, носили название угольщиков, дровозовов и рудозовов.

Угольщикам, за обработку 3-х двадцатисаженных куч дров, платили 10 руб. 32 коп. Рудозов, доставлявший серебряную руду, получал 22 руб. 74 коп., а медную – 25 руб. 24 коп.¹ Урочник, возивший дрова на сереброплавильные заводы, получал 3 руб. 68 коп., на медноплавильные – 6 р. 13 к. и на железноделательные – 14 руб. 79 коп.

Кроме обычного жалованья некоторые получали еще добавочное, под названием рационов и порционов. Надзиратели за обжиганием угля (так называемые куренные надзиратели, урядники 2 статьи) во всех трех главных производствах получали в год по 10 руб. рациона; мастера на золотых промыслах (урядники 3 статьи) и нарядчики при добыче россыпного золота (мастеровые 1-й ст[атьи]) получали в сутки по 6 коп. порционов, а рабочие в цехах золотых промыслов и на самих промыслах (мастеровые 2-й и 3-й статьи), а также подростки – по 4 коп. в сутки.

Сверх жалованья, всем урядникам, получавшим менее 90 руб. в год, писцам и ученикам, выдавалось на обмундировку по 9 рублей, а мастерам и подмастерам, кроме мастеров и подмастеров рабочих – по 7 руб. 50 коп. Вся масса рабочего населения должна была одеваться на свой счет, но заводы доставляли продовольствие, которое выдавалось на-

¹ Железная руда перевозилась приписными крестьянами и вольными возчиками.

турою. Нижним чинам и мастеровым, жалованье которых было более 90 руб. в год, продовольствия не выдавали, остальные получали его безденежно: холостые – по 2 пуда в месяц, женатые – по 4; на малолетних детей полагалось по 1 пуду, подростки 1 и 2 статей получали по 2 пуда, подростки 3-й статьи – по 1¹/₂ пуда, ученики заводских школ – по 1 пуду¹. В случае побега главы семейства с работ, семье его выдача привианта не прекращалась. Из жалованья и провианта выключались урочные служители, которым, взамен того, выдавалась только одна сдельная плата.

Рассмотрим теперь размеры сдельной платы. Мастеровые, работавшие в главных производствах, разделялись на 2 разряда. Одни получали, как уже сказано выше, жалованье, другие – сдельную плату. Так как в рабочем Положении 1849 г. не указаны точно размеры этой последней, то мы попытаемся определить приблизительно размер ее из расчета общей суммы по отдельному производству сравнительно с количеством изделий.

На Томском заводе выдывалось 50 пуд. рафинированной стали, и на каждую смену полагалось выработать 6 пуд. 10 фунтов, следовательно, выработка всего количества стали была разложена на 8 смен, за что завод платил задельной платы 4 руб. 62 коп. Таким образом, каждая смена обходилась заводу в 57,75 коп., а так как в смене работала артель из одного мастера, 2 подмастеров и одного работника, то заработная плата каждого рабочего в одну смену определяется средним числом в 14,44 копейки. Если мы предположим, что выделкою всей стали была занята одна артель, то каждый рабочий заработал бы на всех 50 пудах средним числом 1 р. 15,52 коп., а годового заработка каждого работника выразился бы суммою около 35 руб. Таким же порядком определяется задельная плата при выделке цементной стали; она равняется средним числом 14,33 коп. на каждого рабочего в смену; при выделке тонкопослонного железа рабочий получал в смену 13,93 коп.; при выделке лопаточного железа – 5,45 коп., резноплющильного – 9,8 коп.

Теперь остается сказать о работе малолетних. Дети м[ужского] п[ола], родившиеся от горнозаводских обывателей, вносились в общие списки заводских людей и до 12 лет именовались «малолетами». По достижении 8 лет они поступали в заводские школы, где оставались до 12 лет. По выходе из школы, они поступали в разряд подростков до 18-летнего возраста, и те из них, которые оказывали лучшие успехи, определялись к занятиям по «письменной и искусственной» части, а

¹Горный устав, ст[атья] 1609 // ПСЗРИ. Т. 24. Отд. 2. Прилож[ение], стр. 127.

другие отдавались в заводские работы; до 15-летнего возраста они работали только днем и по 8 часов в сутки. Работы их состояли в разборе и сортировке руд, они были также в цеховых работах и во вспомогательных заводских заведениях. С 18 лет они зачислялись уже в разряд полных работников и несли заводскую службу наравне с прочими.

В систему школьного образования Штаты 1849 года не внесли чего-либо существенно нового, так как Барнаульское училище подверглось перед тем преобразованию в 1832 году, горные же школы оставались в том виде, в каком были ранее. В высших классах Барнаульского училища преподавались специальные предметы для образования мастеров, уставщиков, приставов, литейщиков, техников, межевщиков и т. д., которые находили себе места на заводах и рудниках, удовлетворяя потребностям горнозаводской промышленности. На заводах и рудниках были учреждены горные школы, дававшие начальное образование. Преподавателями в Барнаульском училище были горные инженеры тогдашнего Корпуса горных инженеров, в заводских же школах преподавали окончившие курс в Барнаульском училище.

В округе было 13 заводских школ, считая в том числе Барнаульское училище, с 1 475 учениками (по штату), преподавателей с их помощниками – 27 человек. Содержание всех школ обходилось в 13 003 руб. 5 коп.¹, а на начальные заводские школы тратилось 3 505 руб. 50 коп. в год, учащихся в этих школах было 1 375 человек. Если взять общее число учащихся в округе, то окажется, что на тысячу человек всего горнозаводского населения (принимая это население круглым счетом в 20 тысяч), приходилось около 74 (73,75) учеников, а одна школа – на 1 538 человек.

Преподавали в заводских школах крепостные люди, учителя и их помощники, которым было придано звание урядников разных статей; учителя-урядники 1-й статьи получали жалованья 58 руб., урядники 2-й статьи – 36 руб. и помощники учителей, урядники 3-й статьи – 24 рубля в год². Ученики получали жалованья 1 р. 8 коп. и на учебные по-

¹ Меньший бюджет заводской школы 70 руб. 50 коп. (при медных Змеиногоorsk[их] рудниках, с 25 учениками и 1 учителем), больший – 499 р. (в Барнаульском заводе с 250 учениками и 3 преподавателями). На содержание Барнаульского училища, в котором обучалось 100 учеников, отпускали 9 497 руб. 55 коп. О заводск[их] школ[ах] см. прилож[ение], табл[ицу] V.

² Кроме того, им отпускалось на обмундировку по 9 руб. в год и провиант по общему заводскому Положению.

собия начальство расходовало на каждого по 30 коп. в год¹. Обучение каждого ученика заводской школы обходилось, таким образом, в год от 2 р. 68 к. до 3 р. 12 к. Мы не будем здесь вдаваться в подробности постановки школьного дела, заметим только, что число учителей сравнительно с числом учащихся было недостаточно, напр., в школе при Локтевском заводе на 150 учеников был всего один учитель и один помощник (кроме законоучителя), в Барнаульской заводской школе преподавателей было 3 человека, тогда как учеников 250 человек. Женское население оставалось совершенно без образования, школ для обучения девочек не было. В Горном уставе определено было высказано, что занятия работами малолетних дочерей нижних чинов и рабочих оставляются на произвол их отцов².

В организацию медицинской помощи Штаты 1849 г. также не внесли, по-видимому, ничего нового. Из предыдущего изложено, уже известно, что на заводах, рудниках и золотых промыслах существовали горные госпитали, в которые принимались мастеровые и рабочие. Лечение было бесплатное, во время пребывания в госпитале больные получали половинное жалованье, которое полагалось им по росписанию. Всего было 9 госпиталей, устроенных на 675 человек; на медикаменты отпускалось в год 5 000 рублей.

Что касается общественного призрения, то Штаты 1849 года решают эту задачу тремя способами. Еще Положением 1828 г. было определено, что мастеровой мог быть уволен от работ по неспособности к работе вследствие болезни, увечья или старости. Таким людям, получившим отставку, выдавалась пенсия, одинаковая с пенсией мастеровых Уральских заводов, или же они, по желанию, могли жить в богадельне. Штаты 1849 года удержали эту последнюю форму общественного призрения: старые, больные и увечные, вообще неспособные к работе люди, в количестве 70 человек мужского пола, призревались в Барнаульской богадельне. Здесь могли найти себе приют только 70 инвалидов, да в другом отделении содержалось 30 женщин. Интересны те источники, из которых черпались суммы на содержание богадельни. Сюда относились: 1) штрафы, взыскиваемые за разные упущения с высших и низших служащих и рабочих людей; 2) вычет в $2\frac{1}{2}\%$ с награда класс-

¹ Как малолетние, они получали провиант по общему заводскому положению.

² Горный устав, ст[атья] 1609 / ПСЗРИ. Т. XXIV. Отд. 2. Стр. 127. Прилож[ение].

ных чинов; 3) вычет в 5% с наград рабочим; 4) пенсии богадельщиков; 5) половина заработанных содержащимися в богадельне лицами денег; 6) 2% от суммы, употребленной на покупку разных припасов для служащих и рабочих на Нижегородской и Ирбитской ярмарках; 7) проценты от ссуд, выдаваемых из богадельной суммы служащим; 8) доход от оброчных и арендных статей. Источники – все более или менее случайные (Горный устав, ст[атья] 1911). Но число нуждавшихся в призрении было больше и заводская богадельня не могла вместить их всех. Таким образом, остальные люди, неспособные к заводским работам, не могли быть совершенно освобождены от занятий без того, чтобы не лишиться средств к существованию. Штаты 1849 г. узаконяют вошедшую в практику форму призрения: таким людям поручались сравнительно легкие работы. Было уже упомянуто, что в Змеиногорских и Салаирском рудниках существовали, так называемые, приюты для рудоразборщиков; в этих приютах работали неспособные к тяжелым заводским работам. За свою сравнительно легкую работу они получали пропитание, а взамен отдавали остаток своих сил. Таких рудоразборщиков было 270 человек, каждый получал $1\frac{1}{2}$ коп. в день. Это был второй способ общественного призрения.

Наконец, неспособных к работам людей определяли сторожами в разные заводские учреждения; они поступали с высших окладов, по увечью, полученному на казенной работе, или по преждевременному изнурению сил; на добавочное жалованье им заводы расходовали всего 920 руб. Такими способами разрешалась задача общественного призрения людей, утративших способность к работе. Легко видеть, что задача эта решалась не вполне; во всем округе полным содержанием в случае утраты сил и освобождением от работ могли воспользоваться только 70 человек, остальным же оказывалась помощь лишь косвенным путем, путем требования от них сравнительно более легкой работы.

Для призрения малолетних сирот, детей чиновников и служителей, не имевших права на пенсии, еще по Положению 1828 года было учреждено «горно-сиротское отделение», сюда принимались и дети нижних горных и заводских служителей, обремененных семействами¹. Штаты 1849 года вводят иной порядок: на содержание малолетних сирот каждый завод отчислял определенную сумму в год, и всего собиралось таким образом 480 рублей. Но в какой форме выражалось это призрение, в Законе не указано.

¹ Учреждение, § 236 и Положение о мастеровых, § 24.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Табл. I. Численность горнозаводского населения, деление его на разряды и распределение по заводам и производствам вообще (1849 г.)

[Горнозаводское население]	Штаб Главного правления Алтайских заводов	Серебряные рудники Змеиногорского края	Серебряные рудники Салаирского края	Штаб Барнаульского сереброплавильного завода	Штаб Павловского сереброплавильного завода	Штаб Змеевского сереброплавильного завода	Штаб Локтевского завода	Штаб Гавриловского сереброплавильного завода	Главные серебряные производства	Казенные золотые прииски
1. Урядники										
1-й статьи	47	25	16	23	14	14	1	-	6	17
2-й статьи	54	41	11	14	12	14	2	2	23	20
3-й статьи	37	12	5	9	15	4	-	1	36	7
Итого	138	78	32	46	41	32	3	3	65	44
2. Мастеровые										
1-й статьи	-	7	2	1	1	1	-	-	533	-
2-й статьи	16	218	52	140	51	61	23	17	991	156
3-й статьи	436	608	232	469	129	149	47	47	3 047	675
Итого	452	833	286	610	181	211	70	64	4 571	831
3. Писцы										
1-й статьи	36	5	5	5	3	3	1	1	2	5
2-й статьи	26	25	5	11	5	5	1	1	2	6
3-й статьи	5	6	4	1	3	3	1	-	-	9
Итого	67	36	14	17	11	11	3	2	4	20
4. Ученики										
1-й статьи	7	3	4	1	1	1	-	1	-	2
2-й статьи	8	34	10	11	3	3	2	-	-	14
3-й статьи	7	4	2	1	1	1	-	1	27	2
Итого	22	41	16	13	5	5	2	2	27	18
5. Подмастеры										
	-	6	5	8	4	4	1	2	74	2
6. Урочные служители										
	-	459	211	173	57	50	-	7	2 719	-
7. Ученики в цехах и производ[ствах]										
	-	26	6	27	11	11	-	2	15	-
8. Подростки										
1-й статьи	-	-	6	-	-	-	-	-	419	-
2-й статьи	-	23	27	16	3	5	-	1	391	-
3-й статьи	6	55	19	32	17	17	8	-	748	12
Итого	6	78	52	48	20	22	8	1	1 558	12
9. Подростки для обуч[ения] письмовод[ству]										
	-	6	6	6	6	6	-	-	-	-
ИТОГО	685	1 563	628	948	336	352	87	83	9 033	927
10. Денщики										
	29	18	6	7	5	5	1	1	-	11
ВСЕГО	714	1 581	634	955	341	357	88	84	9 033	938

[Продолжение таблицы]

[Горнозаводское население]	Главное золотое производство	Штаг медных рудников Змеиногорского края	Штаг медного Сузунского завода	Главные мелкие производства	Штаг Томского чугуна (оплавляющего) и железобластельного завода	Штаг Гурьевского чугуна (оплавляющего) и железобластельного завода	Главные чугуноплавильные и железобластельные производства	ВСЕГО
1. Урядники								
1-й статьи	1	2	14	-	7	1	-	188
2-й статьи	-	5	13	3	6	4	7	231
3-й статьи	14	-	4	10	5	-	32	191
Итого	15	7	31	13	18	5	39	610
2. Мастерские								
1-й статьи	47	-	1	61	-	-	11	665
2-й статьи	7	15	53	109	76	67	34	2 086
3-й статьи	1 514	89	202	335	105	31	230	8 345
Итого	1 568	104	256	505	181	98	275	11 096
3. Писцы								
1-й статьи	-	-	1	-	2	1	-	70
2-й статьи	-	2	7	-	5	2	-	103
3-й статьи	-	-	1	-	1	-	-	34
Итого	-	2	9	-	8	3	-	207
4. Ученики								
1-й статьи	-	1	1	-	-	-	-	22
2-й статьи	-	2	3	-	4	-	-	94
3-й статьи	-	1	1	-	-	-	-	48
Итого	-	4	5	-	4	-	-	164
5. Подмастерья								
	-	3	4	15	4	3	36	171
6. Урочные служители								
	-	22	65	354	15	8	116	4256
7. Ученики в цехах и производ[ствах]								
	-	-	10	28	18	24	20	198
8. Подростки								
1-й статьи	41	-	-	31	-	-	13	510
2-й статьи	82	4	4	32	2	-	13	603
3-й статьи	111	4	10	63	10	-	23	1 135
Итого	234	8	14	126	12	-	49	2 248
9. Подростки для обуч[ения] письмовод[ству]								
	-	-	3	-	3	-	-	36
ИТОГО	1 817	150	397	1 041	263	141	535	18 986
10. Денщики								
	-	1	4	-	4	1	-	93
ВСЕГО	1 817	151	401	1 041	267	142	535	19 079

Табл. П. Г л а в н ы е п р о и з в о д с т в а

[Производства]	Урядники			Мастеровые			Писцы			Ученики			Подмастерья			Ученики в цехах и разных производствах			Подростки			ВСЕГО
	статьи			статьи			статьи			статьи			статьи			статьи			статьи			
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	
Добыча золота	1	-	14	47	7	1 514	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	41	82	111	1 817
Производство горное	2	2	34	113	1013	1 685	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	342	311	641	4 183
Перевозка руд	4	8	-	12	42	487	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2 034
Производство куренное	-	19	-	-	50	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1 831
Производство плавильное и литейное	-	2	14	480	20	1 385	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	121	125	193	2 447
Производство кирпичное	-	-	26	-	6	41	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	99
Выделка сортового железа	-	2	3	-	3	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11
Приготовление стали	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4
Итого	7	33	92	652	1 141	5 126	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	504	518	945	12 426

Табл. III. Вспомогательные производства. Цехи

Статьи	Урядники			Мастеровые			Подмастеры	Урочные служители	Ученики в цехах	Подростки			ВСЕГО
	I	II	III	I	II	III				I	II	III	
1. Кузнечный и слесарный цехи	-	1	-	-	126	127	10	-	21	-	-	-	285
2. Плотничный и столярный цехи ¹	1	4	-	-	200	104	7	7	48	-	1	24	396
3. Коношня	-	-	-	-	98	180	8	-	-	-	-	-	286
4. Цех надворных работ	-	-	-	-	5	281	-	-	-	-	21	63	370
5. Цех канатопрядильный ²	-	-	-	-	1	20	2	-	-	-	6	13	50
6. Строительный цех	4	1	-	-	199	918	10	790-	66	-	30	62	2 080
7. Машинный цех	4	3	-	-	39	48	6	-	-	-	-	-	100
8. Стекланный завод в Барнауле	-	1	-	-	14	1	-	-	-	-	-	-	16
9. Кожевенный завод в Барнауле	-	-	-	-	6	10	1	-	-	-	-	-	17
10. Разведка приисков ³	-	-	5	-	45	221	-	-	-	-	20	27	318
11. Приют для рудоразборщиков ⁴	-	-	-	4	-	6	-	270	-	-	-	-	280
ИТОГО	9	10	5	4	733	1916	44	1067	135	6	85	184	4 198

¹ На Гавриловском и Змеевском заводах, на медных рудниках Змеиногорского края и на золотых приисках плотничный цех был соединен с цехом надворных работ.

² На рудниках Салаирского края.

³ Рудн[ики] Змеиногорск[ие] и Салаирск[ие].

⁴ Серебр[яные] рудн[ики] Змеиногорск[ие] и Салаирск[ие].

Табл. IV. Распределение крепостных людей по административным и др. учреждениям

Статьи	Урядники			Мастеровые			Писцы		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
1. Канцелярия главн[ого] начальника, Горного правления и ревизора частных золотых приисков	21	28	16	-	13	10	30	11	5
2. Военные суды	-	-	6	-	-	6	-	6	-
3. Горные и заводские конторы	45	37	24	-	70	127	17	24	11
4. Горный и заводский разряд	21	45	1	-	98	281	13	46	11
5. Главная чертежная и чертежн[ые] при рудник[ах]	8	5	4	-	-	4	-	-	-
6. Барн[аульская] лаборатория и заводские пробирные	9	11	3	-	-	52	-	-	-
7. Барн[аульское] окружное училище и заводские школы	14	6	12	-	-	49	-	-	-
8. Врачеб[ная] часть в Барн[ауле] и заводские госпитали	29	35	22	-	-	263	-	5	-
9. Церковь	-	-	-	-	-	1	-	-	-
10. Барн[аульская] полиция и горная полиция при заводах	8	5	-	-	31	212	3	8	3
11. Гауптвахта и заводские тюрьмы	-	2	1	-	-	3	-	-	-
12. Исправительные казармы на заводах	6	-	-	9	-	4	-	-	-
13. Денщики	-	-	-	-	-	-	-	-	-
14. Лесная стража	7	13	-	-	-	269	5	-	-
15. Богадельня	1	-	2	-	-	16	-	-	-
16. Общее управление золотыми промыслами	3	1	3	-	-	6	-	1	4
ИТОГО	172	188	94	9	212	1 303	68	101	34

[Продолжение таблицы]

Статьи	Ученики			Подростки			Подростки для обучения письмоводству	Денщики	ВСЕГО
	I	II	III	I	II	III			
1. Канцелярия главн[ого] начальника, Горного правления и ревизора частных золотых приисков	-	1	-	-	-	-	-	2	137
2. Военные суды	-	-	-	-	-	-	-	-	18
3. Горные и заводские конторы	-	1	-	-	-	-	36	-	392
4. Горный и заводский разряд	2	2	2	-	-	-	-	-	522
5. Главная чертежная и чертежн. при рудник[е]	8	9	7	-	-	-	-	-	45
6. Барн[аульская] лаборатория и заводские пробирные	11	21	12	-	-	-	-	-	119
7. Барн[аульское] окружное училище и заводские школы	-	-	-	-	-	-	-	-	81
8. Врачеб[ная] часть в Барн[ауле] и заводские госпитали	-	60	-	-	-	6	-	-	420
9. Церковь	-	-	-	-	-	-	-	-	1
10. Барн[аульская] полиция и горная полиция при заводах	-	-	-	-	-	-	-	-	270
11. Гауптвахта и заводские тюрьмы	-	-	-	-	-	-	-	-	6
12. Исправительные казармы на заводах	-	-	-	-	-	-	-	-	19
13. Денщики	-	-	-	-	-	-	-	93	93
14. Лесная стража	-	-	-	-	-	-	-	-	294
15. Богадельня	-	-	-	-	-	-	-	-	19
16. Общее управление золотыми промыслами	-	-	-	-	-	-	-	-	18
ИТОГО	21	94	21	-	-	6	36	95	2 454

Табл. V. Заводские школы

[Школы]	Число школ	Число учеников	Преподаватели				Прислуга (крепостные люди)	Б Ю Д Ж Е Т							
			Законоучители	Крепостн[ые] люди				Жалованье учащимся	Жалованье преподавателям	Жалованье прислуге	На учебные пособия и припасы		ВСЕГО		
				Учители	Помощники учителей	Всего крепостных людей					РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.	
Школы на серебр[яных] Змеингорских рудниках	3	425	3	9	-	9	12	459	108	366	72	127	50	1 132	5
« Салаирских рудниках	1	100	1	1	1	2	2	108	36	82	12	30	-	268	-
« в Барнаульском заводе	1	250	1	1	2	3	2	270	36	106	12	75	-	499	-
« Павловском «	1	100	1	1	1	2	2	108	36	82	12	30	-	268	-
« Локтевском «	1	150	1	1	1	2	2	162	36	82	12	45	-	337	-
« Змеевском «	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
« Гавриловском	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
« на золотых промыслах	1	100	1	3	-	3	2	108	36	126	12	30	-	312	-
« при медных Змеингорских рудниках	1	25	-	1	-	1	2	27	-	24	12	7	50	70	-
« в Сузунском заводе	1	100	1	1	1	2	2	108	36	82	12	30	-	268	50
« Томском «	1	100	1	1	1	2	2	108	36	82	12	30	-	268	-
« Гурьевском «	1	25	-	1	-	1	2	27	-	36	12	7	50	82	-
ИТОГО	12	1 375	10	20	7	27	30	1 485	360	1 068	180	412	50	3 505	50

Примеч[ание к табл. V]. Расходы по содержанию школьных зданий, освещение и отопление школ были отнесены на счет общих заводских расходов.

Тыжнов И.И. Из истории горнозаводского населения на Алтае: (материал для истории крепостного права в Сибири // Алтайский сборник / издание Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела императорского географического общества. Барнаул: Типолитография Главного управления Алтайского округа, 1907. Т. 6. С. 1-159 (3-я паг.).

Белявский Фотий Николаевич (8 августа 1873 – 1920), критик, публицист, писатель, историк.

Родился в с. Невель, Псковской губернии. Учился в Великолукском духовном училище, затем в Псковской духовной семинарии. В 1897 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Служил в Министерстве финансов помощником столоначальника, в 1905 г. назначен на должность ревизора учебного комитета при Священном Синоде.

Сотрудничал в газетах: «Россия», «Слово», «Страна», «Речь» по вопросам церковным; в газете «Слово» вел отдел библиографии, писал также статьи для духовных журналов. Состоял членом учебного комитета при Священном Синоде. В издании Министерства финансов «Торговля и промышленность России по районам в 1900 г.» им было составлено экономическое описание 18 губерний Европейской России. В соавторстве с В.П. Семеновым-Тянь-Шанским подготовил статью «Русский Алтай», для шестнадцатого тома книги «Россия: полное географическое описание нашего отечества».

Семенов-Тянь-Шанский Вениамин Петрович (27 марта 1870 – 8 февраля 1942), географ, статистик.

Родился в Санкт-Петербурге, в семье выдающегося путешественника и географа, вице-председателя Императорского Русского географического общества П.П. Семенова-Тянь-Шанского. В 1893 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета.

В 1895 г. под руководством профессора А.А. Иностранцева участвовал в геологической съемке Салаирского кряжа, в 1885-1887 гг. принимал активное участие в первой всероссийской переписи населения в качестве секретаря главной переписной комиссии. Служил младшим редактором центрального статистического комитета, затем в статистическом отделении канцелярии товарища

министра финансов, а в 1905-1917 гг. – начальником статистического отделения в Министерстве финансов и промышленности.

По его идее и под его редакцией, на основе анализа и систематизации статистического материала, вышел в свет многотомник «Россия: полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей». Первый том этого монументального труда (к сожалению, из 22 томов вышло только 11) вышел в 1899 г. и должен был дать представление обо всех местах России. В эпиграфе ко всему изданию приведены слова Н.В. Гоголя: «...Велико незнание России посреди России. Все живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей. Город не знает города, человек человека; люди, живущие за одной стеной, кажется, как-бы живут за морями...» (Н.В. Гоголь «Нужно проездиться по России»).

Том 16, посвященный Западной Сибири, издан в Санкт-Петербурге в издательстве А.Ф. Девриена в 1907 г.

Ф.Н. БЕЛЯВСКИЙ, В.П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

Глава X

Русский Алтай

Путь по Оби от Ново-Николаевска (Кривощекова) до Барнаула. – Барнаул. – Барнаульско-Томский, Барнаульско-Кузнецкий и Кузнецко-Томский тракты. – Кузнецк. – Томь, от Кузнецка до Поломошной. – Кузнецко-Бийские тракты. – Горная юго-восточная часть Кузнецкого округа. – Обь, от Барнаула до Бийска и часть Барнаульско-Змеиногорского тракта, до соединения с Бийско-Змеиногорским. – Барнаульско-Бийский тракт. – Бийск. – Горный Алтай. – Бийско-Змеиногорский тракт. – Змеиногорск. – Колыванский и Локтевский заводы. – Змеиногорско-Семипалатинский тракт. – Бийско-Усть-Каменогорский тракт. – Риддерск. – Бухтарминский край. – Уймонский тракт. – Катунские белки и Белуха. – Чуйский тракт. – Чуйские белки и Иикту. – Кош-Агач и Чуйская степь. – Путь от Бийска на Улалу, Эджиган и на Телецкое озеро. – Чульшманский Благовещенский монастырь. – Алтын-Ту. – Кумуртук. – Долины Чульшмана и Башкауса.

Отправляясь из *Ново-Николаевска* или *Кривощекова* с пароходом по р. *Оби* в *Барнаул*, путник долго не замечает значительных перемен в местности: та же березовая лесостепь, с мощной травянистой растительностью на водоразделах, а по песчаным берегам рек тянутся сосновые боры, там и сям виднеются березовые и осиновые рощи. Все пространство включительно до предгорий Алтая заселено. Население живет сравнительно зажиточно, земли еще много, родит она хорошо. Крестьяне, в значительной части старообрядцы, живут замкнуто и по первому впечатлению недоверчивы и угрюмы, на самом же деле гостеприимны и не скупы.

Первая от Кривощекова пристань – *Бердское* представляет собой старинный острог, основанный еще в начале XVIII в. для отражения нападений калмыков и киргиз, а теперь – большое торговое село, имеющее свыше 2 500 жителей. Расположено оно на правом, высоком берегу Оби, около которого тянется сосновый бор. Здесь помещаются почтово-телеграфная станция, церковь, училище и кумысолечебное заведение. Оборот 20 торговых заведений села достигает 450 тыс. рублей. Главные виды торговли – спиртными напитками, мануфактурным товаром, хлебом и сельскохозяйственными орудиями. В Бердском бы-

вает ярмарка, с 8 по 23 ноября (Михайловская). Здесь развит кузнечный промысел.

Около Бердского, на р. *Берди*, недалеко от ее впадения в Обь, расположена большая крупчатая мельница Горохова <...>. Плотина ее представляет редкое явление по своему устройству. Каменный (зеленый порфириновый) грунт проходит в этом месте поперек всей реки и образует как бы порог, составляющий природный фундамент для свинок, на которых лежат балки, а от них спущены на дно затворы, спруживающие воду. Такая деревянная плотина во время прохода льда свозится на берег и легко собирается снова. Мельница хорошо оборудована в техническом отношении. Здание мельницы освещается электричеством. Пшеница приобретается в волостях, лежащих выше по течению Берди. При мельнице есть помещение для рабочих, содержатся врач и аптека; для детей рабочих устроены школа, библиотека и интернат на 12 бедных детей, которые содержатся бесплатно и обучаются разным ремеслам: мальчики – токарному, столярному и слесарному, девочки – рукоделию. Оборот мельницы достигает 400 тыс. рублей в год.

В некоторых селениях к востоку от Бердского (*Тальменка*, *Коен* и *Елбаи*), так же как и в нем самом, развит кузнечный промысел. Сбываются изделия на местных ярмарках в Сузуне, Крутихе и Барнауле. Вверх по течению р. *Берди* идут живописные места, причем их живописность увеличивается по мере приближения к *Салаирскому* кряжу, из которого Бердь вытекает. Один из красивейших видов – по р. *Ику*, притоку Берди, в *Салаирском* кряже <...>. На полупути от Бердского к *Салаирскому* кряжу дорога у с. *Горлова* пересекает так называемый *Елбашский* угленосный бассейн в южной его части <...>, вытянутый поперек в меридианальном направлении, узкой полосой среди высоких грив, поросших березовым лесом.

Не доезжая 3 верст до следующей пристани *Атаманова*, на берегу р. Оби, расположилось значительное торговое село *Тула* (сельское училище). Общий оборот его торговых заведений превышает 100 тыс. рублей. В Туле и Атаманове имеются хлебные пристани, с которых отправляется вниз по Оби пшеница в Томск и крупчатка – в Томск и Восточную Сибирь. Тремя верстами выше Атаманова, в д. *Завьяловой*, расположена большая крупчатая мельница торгового дома «Богомолв с сыном». Общий оборот ее превышает 250 тыс. рублей. Здесь применены наиболее усовершенствованные вальцы, жернова, машины и сита. Мельница освещается электричеством. При ней живут фельдшер, аку-

шерка и имеется аптека для рабочих; тяжелое для поселка условие, заключенное с владельцем завода относительно разгрузки и перегрузки доставляемого на мельницу хлеба и отправляемых продуктов, тяжело отзывалось в конце XIX в. на экономическом положении населения д. Завьяловой.

Следующая пристань – *Красный Яр*, значительный торговый пункт, имеющий 6 торговых заведений с общим оборотом свыше 90 тыс. рублей; главные виды товара – мануфактурный и хлебный. В селе имеется церковно-приходская школа. В окрестных селениях и южнее значительно развита хлебная торговля, общий оборот ее по Барнаульскому округу, считая только мелкие торговые села кроме отмеченных, превышает миллион рублей.

За Красным Яром следует с. *Ордино* (сельское училище, [во]лостное правление и около 1 700 жителей обоюга пола), крупное торговое село, оборот торговых заведений которого превышает 160 тыс. рублей. Главные типы торговли здесь – мануфактурная, хлебная и спиртными напитками. В Ордине развито экипажное производство, выделяются выездные экипажи, летние – на деревянных и железных осях, парные сани и зимние повозки; здесь же они и оковываются местными кузнецами. Главный сбыт – на ярмарках в Крутихе и Сузуне, а также и на местных. В Ордине бывают Дмитриевская ярмарка, с 26 октября по 1 ноября и Троицкий трехдневный торжок.

Следующая за Ординым пристань – *Спирино*, большое село (церковно-приходская школа); торговый оборот его достигает 140 тыс. рублей; преобладающие виды торговли – мануфактурная и хлебная.

Четырьмя верстами выше, в д. *Миловановой*, развито гончарное производство; изделия не отличаются прочностью и красотой, и заработок кустарей очень скуден (10-20 руб. в год). Причина медленного развития промысла в том, что он распространен в форме обыденного домашнего занятия. Редкая сибирячка этих мест не сумеет сама смастерить простую кринку или горшок, к покупному товару обращаются редко.

Участок Оби между Спириным и следующей пристанью *Камнем* представляет собой едва ли не самую оживленную в экономическом отношении часть из всего Барнаульского округа.

Выше Спирина и западнее Оби остается в стороне, на границе Барабинской и Кулундинской степи, д. *Волчья-Бурлинская* (церковно-приходская школа), представляющая собой довольно значительный торговый пункт с оборотом свыше 65 тыс. руб.

Кулундинская степь или Кулунда занимает обширное пространство между Крутихинской лукой Оби, Иртышом и Алеем, и является непосредственным южным продолжением Барабинской лесостепи. Она значительно менее орошена, чем Бараба. В восточной части Кулунды имеется еще ряд параллельных рек, притоков Оби, с направлением сибирских грив, т. е. с ю[го]-з[апада] на с[еверо]-в[осток] (только р. Кулунда и Кучук текут с северо-востока на юго-запад, впадая в одноименные озера), а в западной части реки отсутствуют, и замечается присутствие озер, большей частью соленых, но в общем занимающих меньшую площадь, чем барабинские (преимущественно пресные) озера. Из озер наибольшей величины достигает горько-соленое оз. Кулундинское, расположенное вер[ст] в 125-130 к юго-западу от Крутихинской луки Оби. Оно имеет в длину 36 в[ерст], и в ширину – 24 вер[сты], при окружности в 105 вер[ст]. Глубина его не превышает 2 сажени. Зимой озеро покрывается непрочным льдом. На островах озера находятся жалкие остатки сосен. У северного конца озера, в заливе Пучине, в сухие лета осаждается соль. К юго-востоку от Кулундинского озера от него отделяется перешейком в 4 в[ерсты] шириной оз. Кучук, имеющее 20 в[ерст] длины и 12 в[ерст] ширины, при общей окружности в 50 в[ерст]. У берегов озера осаждается соль. Здесь устроен в виде опыта солесадочный бассейн площадью в $\frac{1}{2}$ десятины, в который накачивается из озера ручными насосами вода. Кулундинская степь в своей западной части имеет почву буроватую супесчаную, а в восточной почва состоит из лёсса, мергелистых глин и песков по долинам рек, заросших сосновыми борами. Междуречные пространства в восточной части Кулунды имеют березовые колки, а, начиная с меридиана Кулундинского озера и верховьев р. Барнаулки, они к западу почти совершенно исчезают, вследствие отсутствия воды. В восточной части Кулунды преобладает высокая травяная растительность – продолжение барабинского «большетравья», а в западной она сменяется сначала более низкой травой, а затем солонцовыми и полынными пространствами. Соответственно всему этому, русское земледельческое население сравнительно густо расселилось только в восточной части Кулунды, а по направлению к западу все редет, уступая место кочевникам-киргизам.

Следующее за Спириным селение по р. Оби – Крутиха представляет собой старинный острог, основанный еще в начале XVIII в. и долго служивший передовым пунктом, укрепленным рвом и рогатками. В Крутихе имеются сельское училище и волостное правление, а население его

достигает 1 500 душ обоего пола. Оборот девяти торговых заведений Крутихи превышает 250 тыс. рублей. Это одна из значительных пристаней по отправке хлеба. В Крутихе бывает две ярмарки: Введенская, с 22 ноября по 6 декабря и Ивановская, с 18 по 24 июня. По размерам своих оборотов – это наиболее значительные в Барнаульском округе.

От Крутихи Обь круто поворачивает под прямым углом на юго-восток (ранее ее направление было с северо-востока на юго-запад). Это юго-восточное направление продолжается до следующей пристани – *Камня*, представляющего собой большое торговое село (почта, телеграф, училище и свыше 1 100 душ обоего пола). Это главный центр по хлебной торговле всей северо-западной части Барнаульского округа. Здесь имеется свыше двадцати торговых заведений с общим оборотом, простирающимся до 700 тыс. руб., из которых более половины (400 тыс. руб.) падает на долю хлебной торговли; из других видов торговли наиболее значительные суммы падают на торг спиртными напитками и мануфактурным товаром.

От пристани *Камня* начинается хотя и разреженный, но почти сплошной район развития кустарных промыслов. В ближайших окрестностях *Камня* более развит щепной промысел: делают сани, оси, колеса, деревянную посуду и сельскохозяйственные орудия. В *Камне* имеется около 20 щепников. Из других пунктов развития щепного промысла можно указать д. *Аланскую*, лежащую несколько выше по Оби, и сс. *Мальшевское* и *Нижне-Сузунское*. Мальшевские бондари отправляют посуду в степь до Семипалатинска и Павлодара, главный ее сбыт – у киргизов.

От пристани *Камня* идет проселочная дорога к *Солоновским* минеральным водам. Она направляется на д. *Ярки*, мимо с. *Корнилова*, часть населения которого занимается щепным промыслом, далее – около довольно значительных торговых селений *Овечкина* и *Баева* (волостное правление, сельское училище). Оборот первого достигает 90 т[ыс.] р[уб.], а второго – 80 т[ыс.] р. Главные виды здешней торговли – мануфактурная и хлебная. *Солоновкой* называется узкий и мелководный рукав горького озера *Кучука*, лежащего вблизи Кулундинского озера и в 10 верстах от деревни *Бархатовой (Кучук)*. Солоновка начинается холодным ключом, с серным запахом, идущим от болотца. Вкус воды – горько-соленый, цвет – серовато-желтый; вода мутна от содержания разных механических примесей: корней, водорослей и пр. На дне лежит толстый слой серо-черного глинистого, жирного ила. Верхний

слой воды холоднее среднего, а нижний – холоднее верхнего. Химический анализ обнаружил в воде серно-кислый калий и натрий, сернистый и хлористый натрий, хлористый и бромистый магний и свободный сероводород. В грязи содержатся кроме того хлористый натр, углекислый кальций и фосфорно-кислый кальций. Таким образом, Солоновка может быть сопоставляема с Сакскими и Майнакскими грязями. Вода ее применяется только для купания. Воды и, особенно, грязи с пользой могут употребляться при ревматизме, сифилисе, золотухе и разных кожных болезнях. Местность около Солоновки открытая, степная. Ближайшие киргизские селения лежат в 3-4 верстах. В Солоновке для жилья имеются два барака; от киргиз можно получить юрту с платой 8-30 руб. в месяц. Отсутствие купален, ванн и даже порядочного помещения, а также слишком жаркий и сухой летом степной климат служат причиной того, что эта лечебная местность привлекает мало пациентов. Отсюда дорога идет на юго-восток и, направляясь к группе *Боровых* озер, оставляет далеко в левой стороне большой переселенческий поселок *Гилев Лог* (около 3 000 д[уш] обоого пола, причем среди переселенцев более 20 пимокатов, много пильщиков, плотников и колесников, есть специалист по постройке ветряных мельниц и два артельных дегтярных завода) и торговое с. *Бутьрское* (оборот свыше 100 тыс. р.; главные виды торговли – мануфактурная и хлебная). Далее тракт идет около с. *Волчинского* (волостное правление). Это большое торговое село ведет значительную хлебную торговлю. Общий оборот его заведений равняется 250 тыс. руб.; на долю хлебной торговли падает 100 тыс. рублей, за ней по размерам оборотов следуют мануфактурная и торговля спиртными напитками. Несколько южнее расположена д. *Усть-Волчиха*, также значительный торговый пункт (оборот около 50 т[ыс.] р.).

На пути к следующей пристани по Оби *Мерети*, недалеко от правого берега Оби, расположено с. *Сузун*. Здесь помещаются казенный медноплавильный завод, училище, волостное правление и живет более 3 700 душ населения. Медная руда для плавки доставлялась с р[удника] *Чудака* и из с. *Сагатовского*¹; далекое расстояние доставки вознаграждалось близостью леса, потребного для плавки руды. С 1766 г. по 1781 г. здесь существовал особый монетный двор, переделывавший в монету добытую медь. Медь отвозилась для продажи в Нижний Новгород. В 1891 году на заводе было получено 12 тыс. п[уд.] меди и 23 п[уд.] 5 ф[унтов] серебра. В Сузуне бывает одна из наиболее крупных в Барнауль-

¹ Вероятно, Сугатовского. (Ред.)

ском округе ярмарка – Никольская, с 6 по 20 декабря. Если иметь в виду значительную цифру населения, то Сузун нельзя назвать особенно оживленным торговым пунктом: в нем около 25 торговых заведений, с общим оборотом в 170 тыс. руб. Но зато здесь значительно развиты кустарные промыслы; около 40 кузнецов готовят разные мелкие изделия: гвозди, ножи, топоры и сбывают их рубля по 4 за пуд на местной ярмарке, в Крутихе и Барнауле; в Сузуне имеется около 30 гончаров, производящих эмалированные горшки и другую глиняную посуду; заработок гончаров невелик; сузунские овчинники считаются лучшими после барнаульских; за дубление овчин они берут от 10 до 12 к., а с окраской ее в черную краску по способу, открытому С.И. Гуляевым – 40–45 коп. от штуки. Верстами тридцатью выше Сузуна, по Оби лежит пристань *Шалаболиха*¹. Это одна из наиболее значительных пристаней по отправке хлеба вниз. Здесь же ведется значительная хлебная торговля (оборот свыше 70 тыс. руб.). Общий оборот торговых заведений селения достигает 85 т[ыс.] р.

К юго-западу от Шалаболихи, верстах в 30, расположено торговое с. *Тюменцево* (волостное правление и сельское училище). Общий оборот его заведений достигает 140 тыс. рублей, из них на торговлю мануфактурным товаром падает 115 т[ыс.] руб. В Тюменцево значительно развит щепной промысел, а во всех окрестных селеньях много пимокатов. От Шалаболихи идет проселочная дорога на юго-восток, на *Павловский* завод или с. *Павловское* (училище, волостное правление и около $3\frac{1}{2}$ т[ыс.] жителей). Павловский сереброплавильный завод основан в 1764 г., вследствие обилия здесь топлива (*Касмалинский бор*) и работал на змеиногорской руде; в 1891 г. здесь было выплавлено 125 пудов серебра, а в 1893 г. работы на заводе были прекращены. В с. Павловском имеется 15 торговых заведений с общим оборотом свыше 240 тыс. руб.; главные виды торговли – мануфактурно-галантерейная и спиртными напитками. Население Павловского занимается кустарными промыслами. Здесь готовят выездные экипажи, вполне окованные, и выделяется деревянная посуда. Свыше 20 кузнецов готовят сельскохозяйственные орудия: бороны с железными зубьями, лемехи, топоры, серпы. С технической стороны кузнечный промысел здесь развит более, чем в остальных частях Барнаульского округа.

Вверх по течению Оби от Шалаболихи следует район селений, занимающихся углежжением, промысел, впрочем, сокращается в зависимо-

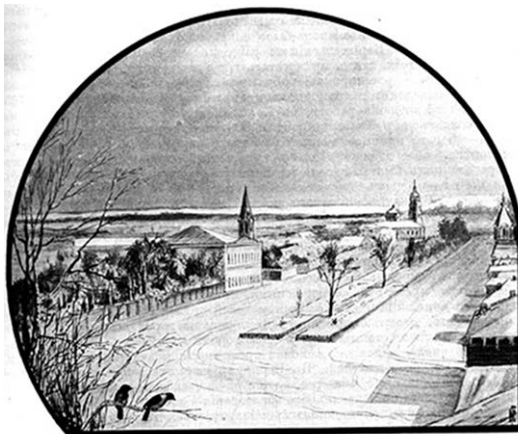
¹ Современное написание – Шалаболиха (*Ред.*)

сти от сокращения деятельности заводов. Ряд таких селений начинается с *Касмалинским* (церковно-приходская школа) и д. *Быковой*. Ближе к Барнаулу идет ряд крупных крупчатых мельниц, расположенных в нескольких верстах от правого берега Оби, на речках. Такова около д. *Повалихи* мельница Федулова. Это была первая по времени появления крупчатая мельница в Алтайском округе, построенная в 1852 году. В настоящее время оборот ее достигает 70 тысяч рублей. Немногим восточнее, в д. *Зудиловой*, расположена мельница Платонова, ежегодный помол ее превышает 100 тыс. пудов; пшеница закупается в подгородних волостях. Оборот заведения в последние годы достигал 80 тыс. руб. Третья крупчатая мельница находится несколько южнее, около д. *Санниковой*, размеры ее производства значительно меньше предыдущих, но достигают 25 тыс. рублей. Все три заведения не нуждаются в рассылке агентов для закупки хлеба, благодаря близости такого крупного рынка, как Барнаул. Техническая обстановка этой группы мельниц значительно ниже, чем расположенных в северной части Барнаульского округа и здесь встречаются механизмы и приспособления уже устаревшие. При перемоле чаще всего смешивают разные сорта пшеницы белoturки и черноколоски. Мука отличается чрезвычайной белизной, но зато хлеб из нее быстро черствеет и трескается, с другой стороны, низшие сорта «красненькой» и русской муки не отличаются белизной, лучший хлеб, таким образом, получается из смеси высших сортов с низшими.

Барнаул, окружный город Томской губернии и главный город Алтайского горного округа, лежит по обеим сторонам р. *Барнаулки* и

на левом берегу р. *Оби*. На месте нынешнего Барнаула в 1738 г., после устройства Колыванских заводов (см. ниже) Демидовым была основана деревня, а в следующем году был учрежден завод, названный Барнаульским и пущенный в ход в 1744 г. Причиной устройства на этом отдаленном от рудников месте плавильного завода был недостаток близ Колыванского завода

Барнаул

леса, вследствие чего производство на нем сначала было сокращено, а потом (1766 г.) совершенно оставлено. Барнаульский же завод со времени своего основания из года в год стал приобретать все большее и большее значение и, постепенно расширяясь, образовал большой и многолюдный город, населенный горнопромышленным людом. Еще в 1735 году для обеспечения работ на Колыванских заводах была послана рота солдат из Екатеринбурга и 500 человек из Тобольска, а в 1744-[17]45 гг. приписано из Кузнецкого округа более двух тысяч человек обоего пола. Можно полагать, что большая часть этих переселенцев была поселена на Барнаульском заводе, и уже в том же 1745 г. в нем насчитывалось около 2¹/₂ тысячи мастеровых и рабочих. Барнаульский завод вскоре же после основания был укреплен рвом, тыном с башнями и рогатинами, и снабжен снарядами и пушками, которые еще в недавнее время хранились там. В 1771 году Барнаул был назначен городом и сделан главным местом управления алтайскими горными заводами. В 1822 г. он был наименован окружным городом Томской губернии. В Барнауле есть библиотека, музей с зоологическими, минералогическими и этнографическими коллекциями, собраниями моделей оружия и одежд сибирских инородцев, театр, памятник Демидову на городской площади, метеорологическая станция и пр. В городе 8 церквей, 10 училищ, в том числе реальное, женская прогимназия и духовное училище, и более 30 тысяч жителей. В Барнауле имеются ученые и благотворительные общества: общество любителей исследования Алтая, общество распространения начального образования¹ и др. Вообще Барнаул считается одним из просвещенных и благоустроенных городов Сибири.

Барнаульский золото- и сереброплавильный завод построен на плотине, имеющей в длину 332, а в ширину – 30 саж[ен], и обведен деревянным заплотом. В стороне от плотины находятся пробирный дом, каменные кладовые для ежегодно добываемых сокровищ и другие хозяйственные строения. В городе бывают две ярмарки – Крестовоздвиженская, с 14 сентября и Введенская, с 21 ноября по 6 декабря; первая из них – семидневная, а вторая – 14-дневная. Оборот первой незначителен, а последней доходит до 50 тыс. руб. На ярмарках сбываются, главным образом, жировые товары, масло, сало, кожа, местные кустарные изделия и пр. В Барнауле есть кирпичные сараи, заведения шубные, пимокатные, канатные фабрики, заводы кожевенные, пивоваренные и свечной. Из продуктов местного заводского производства

¹ Вероятно, общество попечения о начальном образовании. (Ред.)

славятся барнаульские шубы, распространенные по всей Сибири и даже известные в Европейской России под названием «барнаулок». Производство это стало развиваться в Барнауле с 1868 г., когда Гуляевым был найден весьма практичный и дешевый способ красить овчины в черную краску. Отсюда этот способ распространился и по другим городам Сибири. В Барнауле имеется более 10 значительных овчинно-шубных заведений с общим производством свыше 120 тысяч рублей. Тому же Гуляеву обязан своим развитием и другой, уже довольно видный промысел Барнаула – это плетение соломенных шляп. По усвоенной привычке спрашивать о занятиях всех, с кем только ни встречался, этот неутомимый наблюдатель и исследователь края, разговорившись с одной партией переселенцев и узнав, что на родине они занимались плетением соломенных шляп, предложил заняться этим ремеслом в Барнауле и обещал помогать сбыту. Шляпы, действительно, пошли быстро; теперь плетутся мужские, дамские и детские шляпы всевозможных фасонов и окраски. В городе значительно развит пимокатный промысел. Барнаульские пимы пользуются хорошей славой и расходятся по всей Томской губернии. Но это название – скорее только вывеска, на самом деле в Барнауле готовится только часть товара, тысяч на сто рублей, другая же получается от подгородних кустарей из разных селений. Шерстобитно-пимокатный промысел развит по всему Барнаульскому округу и занесен сюда переселенцами из России. Вместе с ними русские переселенцы занесли сюда и выделку шерстяных шляп, но по совершенству техники этих кустарей промысел развивается медленно. Раскупаются такие шляпы преимущественно переселенцами же. Из других промыслов, развивающихся в Барнауле, следует указать на токарный; помимо деревянной точеной посуды барнаульские токари делают мелкие токарные вещицы из мамонтовой кости, или из каких-нибудь твердых древесных пород, точат запонки, вазы и чашки. В конце 1880-х годов около села *Бачата* <...>, Кузнецкого округа было найдено на двухсаженной глубине в земле довольно много лиственниц, которые изменили свой цвет. Из этих лиственниц барнаульские токари делали дешевые вазочки и посуду, и материала хватило бы надолго, если бы большую часть его местные бачатские крестьяне не истопили на дрова. Кроме посуды и мелких вещей в Барнауле готовится мебель; из Томска производство плетеных таловой мебели перешло и сюда, и по чистоте и прочности мебель не уступает томской. Наконец, в последнее время в Барнауле развивается производство сельскохозяйственных ма-

шин, особенно вялок. Кожевенных заводов в Барнауле 7, из них только два можно считать вышедшими из стадии кустарного производства; 6 из них располагаются в 2-5 верстах от города, по течению реки. Все вырабатывают сапожный товар-выросток, коневую, опойковую и подошвенную кожу; на одном только из них выделяется гамбургский товар. Здания – деревянные, выстроенные безо всяких соображений с фабричной гигиеной, не имеющие вентиляции. Все они выделяют до 20 000 кож, из этого числа около 10 000 падает на один наиболее крупный завод. Из крупных промышленных предприятий в Барнауле следует отметить только винокуренный и водочные заводы. Общая сумма производительности этих трех заводов равняется 870 тыс. рублей, т. е. почти $\frac{2}{3}$ всей производительности промышленных заведений города, достигающей более 1 300 тыс. руб. Распределяются производства следующим образом:

Винокурен[ное]	1–400 т[ыс.] р.
Водочн[ое]	2–470 « «
Овчинно-шубн[ое]	10–120 « «
Пимокатн[ое]	7–90 « «
Пиво-медов[аренное]	4–60 « «
Кирпичн[ое]	7–30 « «
Кожевен[ное]	1–35 « «
Воско[во]-свечн[ое]	1–25 « «
Канатн[ое]	3–40 « «
Дробов[ое]	1–10 « «
Остальные	6–40 « «
Итого	43–1 320 т[ыс.] р.

В торговом отношении Барнаул занимает одно из первых мест в Западной Сибири, особенно, по хлебной торговле; многие крупные фирмы имеют здесь свои конторы и доверенных. Общий оборот торговли города равняется $6\frac{1}{2}$ миллиона рублей. Из этой внушительной суммы $2\frac{1}{2}$ миллиона падает на хлебную торговлю и свыше 1 миллиона – на мануфактурную и галантерейную.

В Барнауле находится могила известного писателя-публициста Сибири Н.М. Ядринцева, на ней в 1900 г. поставлен памятник, представляющий из себя саркофаг, на верхней стороне которого лежит золоченая

пальмовая ветвь. Над саркофагом с восточной стороны поднимается колонна и на выдающемся из нее постаменте поставлен бронзовый бюст покойного. Барнаул в 1857 г. дважды посетил Ф.М. Достоевский, сосланный в Сибирь и отбывавший каторгу в Омске, а затем солдатчину – в Семипалатинске.

Из Барнаула идет почтовый тракт на *Кузнецк*. От Барнаула он направляется на север, но от ст. *Кислухи* поворачивает на юг, оставляя с правой стороны упомянутую уже д. *Повалиху* и с левой – д. *Зудилову*, с крупными мукомольными мельницами.

От Повалихи к северу отходит в значительной степени заброшенный теперь, с проведением Западно-Сибирской железной дороги, *Барнаульско-Томский* тракт. Этот последний, перейдя р. *Чумыш* (приток Оби), у с. *Тальменки*, при следующей станции *Боровлянке-Анисимовой* отделяет от себя к северо-востоку тракт на *Георгиевский* промысел, расположенный в предгорьях Салаирского кряжа, в черневой местности. В Боровлянке-Анисимовой кроме плотников и каменщиков есть мастера, занимающиеся пимокатным промыслом, выделкой веялок и гончарством. *Георгиевский* золотой промысел, расположенный на р. *Суенге*, притоке Берди, является в настоящее время единственным выдающимся золотым прииском всего Салаира. Он открыт в 1831 г. и считается первым по времени возникновения золотым промыслом в Западной Сибири. Золотая россыпь в черте поселка по р. *Фомихе*, впадающей в Суенгу, была подробно описана в классических сочинениях Щуровского, Чихачева и Гельмерсена. Очень интересный с минералогической точки зрения самородок золота из этой россыпи был описан проф[ессором] Еремеевым. Золото в Георгиевской россыпи распределено неравномерно и колеблется от $\frac{1}{4}$ до 2 золотников на 100 пудов песка. Местность кругом сложена из кристаллических известняков и диабазов. К юго-востоку от Георгиевского промысла, близ д. *Петеновой*, на р. *Берди*, выступает кварцевая жила со следами золота. От Георгиевского промысла идет заброшенный ныне и потому малопроездный тракт через Салаирский кряж (чернь) в д. *Ваганову* на соединение с Кузнецко-Томским трактом. (См. ниже).

От Боровлянки-Анисимовой Барнаульско-Томский тракт направляется на с. *Медведское*, за которым разветвляется на *Бердское* (на Оби) и на *Мосты* (перейдя р. *Бердь*), расположенное у западной оконечности Салаирского кряжа. Отсюда тракт продолжает свое направление

на Томск, переходит р. *Иню* и достигает линии Западно-Сибирской ж[елезной] д[ороги]. Местности эти были описаны выше <...>.

От ст. *Белоярской* (волостное правление, сельское училище и свыше 1 000 душ об[оего] п[ола]) Барнаульско-Кузнецкий тракт поворачивает на северо-восток и, не доходя до следующей ст. *Голубцова*, оставляет в стороне д. *Бешенцеву*, значительный центр пимокатного производства; большие партии пимов скупаются барнаульскими скупщиками и расходятся под именем барнаульских. В окрестностях следующей ст. *Копылова* следует отметить целый ряд переселенческих поселков, расположенных в холмистой, изрезанной логами местности, расчищенной из-под леса. Живя вблизи Салаирской черни, население их оказывает стремление и навык к ремеслам, соединенным с обработкой дерева, особенно много здесь плотников и пильщиков.

Так, в пос. *Никольском* (Жуланихинской вол.) имеется более 15 плотников и около 10 пильщиков, зарабатывающих 30-60 руб. в год, в пос. *Мишихе* – более 12 плотников, 4 пильщика, 2 токаря, 5 колесников, 10 каменщиков, 3 печника и, кроме того, 5 дворов занимаются пчеловодством (по 83 улья на пасеку). В с. *Жуланихе* (волостное правление, сельское училище) находится 4 шерстобитных заведения, из которых одно имеет шерстобитную машину; здесь есть маслобойный завод, каменщики, печники, плотники и кузнецы; делают топоры, железные ходы к экипажам и веялки. В пос. *Чудотворихе* – более 20 плотников, 7 пильщиков и 10 овчинников, которые ходят по соседним деревням; часть овчинников работает в Барнауле сдельно, заработок их колеблется от 10 до 15 руб. в месяц; кроме того есть красильщики, набойщики, колесники, пимокаты и столяры, работающие рамы, столы и разные предметы крестьянского обихода и, наконец, 10 дворов рубят на продажу дрова; если принять во внимание, что в деревне всего 57 дворов, то склонность к занятиям кустарными промыслами нужно признать сильно выраженной.

Такой же характер местности и занятий распространен и далее по тракту, около ст. *Сорокиной* (волостное правление, сельское училище) – значительного торгового села; оборот торговых заведений его доходит до 80 тыс. рублей; главный предмет торга – мануфактурный товар. За Сорокиной тракт пересекает р. *Чумыш*, приток Оби.

В переселенческом поселке *Яновском* (в 20 вер[стах] от Сорокина) имеется более 15 плотников, есть здесь овчинники, пимокаты и две артельных мельницы. В д. *Маношкиной* находится довольно значитель-

ный центр шерстобитно-пимокатного производства, промыслом здесь занято до 40 человек.

Мало изменяется характер местности и занятий и ближе к Кузнецку: везде наблюдаются те же зарождающиеся кустарные промыслы, не успевшие выделиться из домашней формы производства. Значительно более выделилось по своей специализации несколько селений на северо-запад от следующей станции *Хмелевской*, принадлежащих к *Николаевской* волости и прилегающей к ней *Чарышской*, специализировавшихся на шерстобитно-пимокатном промысле.

Сюда надо отнести дд. *Серебренникову*, *Валовую* и *Верхне-Дятлову*.

Близ ст. Хмелевской тракт выходит из Барнаульского округа в Кузнецкий и затем пересекает пологим перевалом *Салаирский* кряж, главные вершины которого лежат к северо-западу от тракта. По пересечении кряжа к северу от него находится при тракте несколько выдающихся торгово-промышленных пунктов. Первый из них – Гавриловский сереброплавильный завод, основанный в 1794 г., проплавляет салаирские руды. В 1889 г. производительность завода равнялась 137 пуд. серебра, по мере истощения рудников производство клонилось к упадку. Лежащие вблизи Гавриловского завода *Салаирские* рудники были открыты в 1782 г. и начали разрабатываться в 1796 г. Рудники всегда отличались богатством содержания в руде серебра (по $\frac{1}{8}$ золотника в пуде) и до 1870 г. давали ежегодно более 1 мил[лион] пудов руды. Иная судьба постигла соседний с Гавриловским – *Гурьевский* железоделательный завод, постепенно увеличивающий свою производительность; в 1889 г. здесь было выплавлено 100 т[ыс.] пудов чугуна, приготовлено 50 тыс. сортового железа, 100 тыс. пуд. переделочного, 13 т[ыс.] чугунного литья и 10 тыс. чугунных и железных изделий. Гурьевский завод основан одним из первых в Алтайском горном округе, в 1726 г. При заводе существует механическая фабрика; завод имеет большое значение в снабжении окрестных барнаульских и мариинских кустарей металлическими частями сельскохозяйственных машин. Около завода расположено значительное село (около 1 300 д[уш] об[оего] [пола]); около двадцати его торговых заведений имеют оборот в 135 тыс. рублей. Преобладающий вид торговли – мануфактурный.

Около следующей станции на тракте с. *Бачата* (волостное правление, сельское училище) расположены известные каменноугольные месторождения, разрабатываемые в незначительных размерах, несмотря на прекрасное качество угля. Бачат – довольно значительное

торговое село; здесь имеется около десяти торговых заведений с общим оборотом до 70 тыс. руб.; главные виды торговли – жировыми товарами и мануфактурой. В Бачате и окрестных селениях (*Мамонтовой, Шестаковой*) развит кузнечный промысел. В Бачате кроме кузнечного производства существует приготовление охотничьих ружей <...>.

Из Кузнецка идет тракт на *Бийск*. Первый значительный поселок по этому тракту – *Березовка*; среди населения его более 15 человек занимаются плотничеством, есть токари, занимающиеся производством по преимуществу посуды, часть населения занимается пчеловодством; в поселке имеются два дегтярных завода. Следующая станция – известный *Томский завод*, построенный в 1770 г. Для плавки чугуна бурый и глинистый железняк доставлялся из ближайших окрестностей завода, а магнитный железняк – из известного Сухаринского рудника <...>. В начале 1860-х годов на заводе выплавлялось 40 т[ыс.] п[удов] чугуна, 20 т[ыс.] п[удов] кричного железа и 16 т[ыс.] п[удов] сортового железа, а, кроме того, небольшое число железных изделий и цементной стали. В 1864 г. завод прекратил свою деятельность; теперь село Томское является сосредоточением кустарных промыслов Кузнецкого округа. В районе, прилегающем к Томскому заводу с юга, много щепников; почти в каждом селении есть два-три крестьянина, занимающиеся выделкой каких-нибудь изделий из дерева: посуды, мебели, саней, дуг и пр. В Томском заводе щепников насчитывается свыше 70 человек. Томский завод затем славится своими кузнецами, которых здесь насчитывается около 15 человек. Главная специальность их – приготовление различных земледельческих орудий: борон, сох, веялок и молотилок. Необходимое железо и чугунное литье добывается из Гурьевского железодельного завода. Томский завод вместе с д. *Верхоюнинской* славится и лучшими в Кузнецком округе сапожниками. Следующее значительное селение – ст. *Тогульская* (волостное правление, сельское училище). Это оживленный торговый пункт (оборот торговых заведений его достигает свыше 50 тыс. руб.); здесь бывает Михайловская ярмарка, 8-18 ноября. В окрестностях следует указать два значительных переселенческих поселка: *Шумиху*, среди населения которой развиты плотничество и пимокатный промысел, и где имеются кожевенный завод и четыре артельных мельницы, и *Загаднову*, где есть красильщики, пимокаты, пильщики, овчинники, стекольщики, портные и сапожники; здесь развит также дроворубный промысел; в поселке имеется 7 мельниц. Далее, войдя в пределы Барнаульского округа, тракт разветвляется: одна часть его

выходит на Барнаульско-Бийский тракт (описание которого следует ниже), а другая направляется в Бийск через сс. *Старо-Тогульское*, *Мартынову* (пересечение р. *Чумыша*), *Ямину*, *Марушку* и *Сухую Чемровку*.

Из Кузнецка на Бийск идет еще другой, малоизвестный тракт, соответствующий старинной линии форпостов и направляющийся через д. *Кузедееву*. По дороге в последнюю (следующей долиной р. *Кондомы*) находится известное *Калтанское* месторождение каменного угля. От д. *Кузедеевой* можно пробраться лодочным сообщением по рр. *Кондоме*, *Мундыбашу* и *Тельбесу* к известному *Тельбесскому* месторождению магнитного железняка и к *Сухаринскому* руднику. Это месторождение может соперничать со знаменитой горой *Благодатью*, на Урале и, согласно беглым разведкам, заключает сотни миллионов пудов магнитного железняка. Далее, пройдя через несколько бывших форпостов, а ныне ничтожных поселков, тракт пересекает самую неисследованную, южную часть *Салаирского* кряжа и, следуя некоторое время верхнему течению р. *Чумыша*, в значительном от него отдалении, входит затем в пределы *Бийского* округа, где достигает р. *Би* у д. *Лебяжьей*, и по ее правобережью направляется в *Бийск* <...>.

Возвращаемся к *Барнаулу*.

Из Барнаула к *Бийску* водный путь по р. *Оби* идет, в общем, менее оживленной, в промышленном отношении, местностью. В районе, прилегающем к Барнаулу с юга, сильно развит извозный промысел; занимаются, главным образом, подвозкой руд, дров и разных материалов к заводам; из других промыслов распространены пимокатный и щепной, но отдельные селения, специализовавшиеся на том или другом, редки.

Из таких селений можно отметить с. *Бобровское*, в нескольких верстах от правого берега *Оби*, старинный центр углежогов, и пос. *Ново-Панфиловский*, остающийся верстах в 25 по правую сторону пути. Поселок, образованный в 1882 г., заселен разнородными элементами: рязанцами, харьковцами, курянами и мордвой из *Симбирской* губ. Хохлы и рязанцы отличаются бойкостью, мордва – народ неповоротливый и угрюмый, но трудолюбивый. Каждый элемент образует свой конец в поселке, но неприязни между разными концами незаметно. Из промыслов в поселке существуют пчеловодство и углежжение.

Пятьюдесятью верстами выше Барнаула, по *Оби*, следует отметить д. *Калистратову*, которая представляет значительный пункт скупки скота доверенными разных фирм и местным населением. Десятью верстами выше, около левого берега *Оби*, расположено торговое село

Калманка; общий оборот его торговых заведений превышает 100 тыс. рублей. Село получило значение сборного пункта для скупаемого томскими фирмами хлеба, который направляется отсюда частью в Тюмень.

Тракт из Барнаула на *Змеиногорск* идет до с. *Калманки* параллельно течению р. *Оби* и местности эти были описаны только что выше. От *Калманки* Барнаульско-Змеиногорский тракт уклоняется в сторону от *Оби* и идет параллельно течению р. *Алея*. В 18 верстах от *Калманки* расположен переселенческий поселок *Чириковский*, население которого занято дегтярным промыслом, зарабатывая 30 и более рублей на семью, работают в ближайшем бору целыми семьями (32 двора) и полученные продукты сами развозят для продажи по окрестным селениям. Первая станция тракта здесь – с. *Чистюнька* (сельское училище, 1 700 душ обоего пола). В селе существуют довольно значительные кирпичный и кожевенный заводы. Работы на первом продолжаются только летние месяцы, производят свыше 100 000 штук кирпичей; кожевенный завод работает зимой и перерабатывает 1 000 кож коровьих и конских. С 1896 года в *Чистюньке* и ее окрестностях стало быстро развиваться маслоделие. Петербургский купец *Сарров* поставил здесь сепаратор, предприятие сначала вызвало недоверие среди жителей, но после ряда демонстраций процесса производства, молоко стали доставлять охотно. В следующем году сепараторы были поставлены в окрестных деревнях: *Хабазиной*, *Зиминой*, *Колпаковой* и *Фунтиковой*. Сепараторы системы де *Лавалья* выдeldывают два сорта масла – экспортное голштинское и парижское; мастера – эстонцы; перерабатывается до 300 тысяч пудов сливок. Влияние маслоделия на экономический быт значительно; в продолжение одного первого года (1896-[189]7) производства населению было выдано за молоко 14 тыс. рублей. В *Чистюньке* бывает ярмарка, с 12 по 20 октября. Торгуют мануфактурным товаром, маслом и овчиной. Здесь же ведется значительная торговля хлебом (60-70 тыс. пуд.). Следующая на тракте станция – *Безголовово*; в селе имеются значительные торговые заведения, но официальные обороты их сильно уменьшены вследствие того, что обычный полуменовый характер торговли, с разными скидками не в пользу потребителя, трудно поддается учету.

К западу от станции, в с. *Б[ольше]-Панюшеве*, имеется маслодельный завод.

На половине пути к следующей станции *Платово*, по левую сторону тракта остается с. *Кашино* со значительной, хотя только посреднической торговлей хлебом, а также и скотом. Далее путь подходит к с. *Бе-*

логлазову, где сходится с Бийско-Змеиногорским (описанным ниже) и вместе следует на юг.

Возвращаемся к Оби.

За Калманкой Обь выходит из пределов Барнаульского округа в Бийский.

Барнаульский округ занимает площадь в 114 512 кв. вер[ст] с населением около 600 тыс. душ, т. е. более 5 жителей на кв. версту. Округ расположен по течению р. Оби и ее притоков, и имеет наиболее равнинную поверхность из всех алтайских округов. Только в своем северо-восточном углу он доходит до Салаирского горного кряжа. Между Салаирским кряжем и Обью поверхность Барнаульского округа представляет волнистую равнину, нередко с довольно крутыми гривами, а западнее Оби она совершенно плоска, так как округ здесь захватывает большую часть лесостепи и степи Барабы и Кулунды; здесь идет целый ряд параллельных друг другу и вытянутых с с[еверо]-в[остока] на ю[го]-з[апад] (т. е. по направлению грив) степных речек и наиболее развиты озера, частью горько-соленые, частью пресные. Почва округа большей частью черноземная, весьма пригодная для земледелия. По долинам рек, кроме пойм, тянутся, обыкновенно, полосы песчаных почв, занятые сосновыми борами. Среди населения округа более 570 тысяч русских и более 7 тысяч мордвы. Население занято по преимуществу земледелием и скотоводством, кустарные промыслы развиты не сильно. В округе высевается до 650 тыс. четвертей пшеницы (преимущественно озимой), более 25 тыс. четвертей ржи, до 210 тыс. четвертей овса, свыше 8 тыс. четвертей ячменя, до 2 тыс. четвертей гречихи и свыше 25 тыс. четвертей картофеля. У населения имеется свыше 2 милл[ионов] голов скота, в том числе лошадей – свыше 550 тыс. голов, крупного рогатого скота – до 600 тыс. голов, овец – до 750 тыс. голов, коз – до 25 тыс. голов и свиней – до 100 тыс. голов.

Верстами десятью выше Калманки, по Оби, при устье р. *Алея*, расположен значительный поселок *Усть-Алей* (1 700 душ обоего пола); население кроме земледелия занимается рыбным промыслом (33 двора), гонкой дегтя (13 дворов) в приспособленных для этого кирпичных печах и извозом (15 человек). Ямщина, исконный промысел д. Усть-Алея, до закрытия среброплавильных заводов для многих здешних крестьян служила основным источником благосостояния. Теперь возят товары из Барнаула в Змеиногорск и Семипалатинск (чай, чугуны, мануфактуру, бакалею и пр.). В селении много плотников (24) и пильщиков (13), а

так же есть довольно значительная мельница. Несколько хозяйств занято торговлей скотом, которая ведется некоторыми в больших размерах (до 2 000 голов рогатого скота закупаются в калмыцких стойбищах).

Выше Усть-Алея, на левом берегу Оби, расположено с. *Легостаево*, где в значительных размерах ведется сплав строевого леса и дров в Барнаул (15 чел.). Главный контингент рабочих – «шпана», т. е. разные бродяги, которым вместо расчета за работу нередко просто «набивают шею», приговаривая: «ступай, жалуйся, все равно паспорта нет»; в селе более 30 плотников, мельница и кирпичный завод, вырабатывающий не более 20 тыс. штук кирпича.

В некотором расстоянии от правого берега Оби, против с. Легостаево, находится д. *Большая Речка*. Как и по всей правобережной стороне от с. Калманского до Усть-Чарышской Пристаней, земледелие здесь мало развито (0,7 дес. посева на душу). Причиной этому – недостаток удобной земли, но обилие сенокосов дает возможность вознаградить себя на скотоводстве. Для населения Большой Речки главными источниками дохода служат неземледельческие заработки, преимущественно, лесные промыслы (120 дворов) по доставке леса в Барнаул.

Верстами 15 далее вверх по Оби пароходы часто останавливаются у д. *Беловой*, часть населения которой в широких размерах занимается торговлей лошадьми, отгоняя ежегодно сотни голов в Семипалатинск. Лошади идут туда самые плохие, не дороже 10 рублей, покупают их киргизы частью на убой, частью – для доения. Торгуют в небольших размерах и рогатым скотом. Против Белова, в д. *Камышенке* значительные заработки дает рыболовство и начинает развиваться колесный промысел. Следующая пристань – *Вяткино* расположена на левом берегу Оби. Это старинное село, основанное еще в начале XVIII века. В настоящее время здесь свыше $1\frac{1}{2}$ тыс. душ обоего пола. С каждым годом село получает все большее и большее значение, как место ссыпки хлеба, скупленного через приказчиков бийскими хлеботорговцами; работы по ссыпке хлеба в амбары купцов и перегрузки его на барки дают заработок 60 семьям; через Вяткино вывозится около 250 тыс. пудов пшеницы разных сортов. Кроме того, здесь имеется два овчинных завода, четыре небольших кожевенных, маслобойня и две мельницы. Дальнейший значительный населенный пункт по Оби – *Усть-Чарышская* Пристань, расположенная при впадении р. *Чарыша* в Обь. Это главный торговый центр Бийского округа, оказывающий влияние на соседние части Барнаульского, и одна из крупнейших пристаней по отправке хлебных товаров.

Здесь действуют свыше 20 торговых заведений с общим оборотом около 20 тыс. рублей. Главная доля падает на хлебную торговлю (около половины), затем идет мануфактурная торговля (свыше 100 тыс. руб.). Ближе к Бийску, на левом берегу Оби, расположен большой переселенческий поселок *Быстрый Исток* (свыше 2 000 душ обою пола); ранее здесь был развит сплав леса в Барнаул, но с увеличением платы за лесорубные билеты, этот промысел пал. В селе имеется 2 кожевенных завода, 2 дегтярных и 2 маслобойни; свыше 30 хозяев имеют пасеки. Дальнейшая пристань – *Усть-Ануйское* представляет собой большое селение (около 2 тыс. душ обою пола). Это один из значительных пунктов пимокатного производства, пимокатов здесь около 50 человек. Кроме того, *Усть-Ануйское* снабжает окружающие селения и плотниками.

Следующее, выше по Оби, достопримечательное селение – *Фоминское* или *Фоминка* расположено в 25 верстах не доезжая Бийска. В 3 верстах от селения находится *Одинцовский* перевоз через Обь. Почти все лето здесь перевозятся гурты скота, скупаемые в горной части Алтая. Скотопрогонный тракт от перевоза направляется на северо-восток – в Кузнецкий округ. *Фоминское* основано еще в 1660 г., таким образом, это одно из самых старинных селений в Бийском округе. В селении живет больше 30 смолокуров, материал для промысла они получают в соседнем бору. В селе есть пильщики и плотники (по 10), а также и мастера, занимающиеся изготовлением самопрялок; изготовленные самопрялки развозятся по окрестным селениям и продаются на ярмарках.

К северо-западу от *Фоминского* расположено с. *Соколово*. Здесь имеются смолокуры (14), плотники (10), столяры и токари (10), но более всего дворов (174) занято поставкой дров на находящиеся вблизи винокурный и стеклоделательный заводы Платонова и К°. При заводах образовался отдельный заводской поселок; земледелие и скотоводство играют для его жителей второстепенную роль, из 173 дворов сеют только 14. В поселке есть школа, устроенная на средства заводов, амбулаторная лечебница и аптека. Стеклоделательный завод основан в 1872 г. и в настоящее время производит, главным образом, оконное стекло и бутылки разных сортов. Общая стоимость годового производства достигает 60-70 тыс. рублей. Ни хорошим качеством, ни дешевой производений заводы не отличаются. Плавильная, калильная и огнеразводная печь сделаны из огнеупорного кирпича. Плата рабочим выдается не только деньгами, но в значительной части товаром. Зара-

ботная плата составляет около 40% общих расходов по производству. Винокуренный завод (*Иткульский*) пущен в ход в 1868 г., выкуривает он около 200 000 ведер 40% спирта, который стоит заводу 85 тыс. руб.; на заводе имеется перегонный, постоянно действующий аппарат. Завод действует непрерывно, и работа идет 12-часовыми сменами. Заводы, а также школа, больница и устроенная при заводах метеорологическая станция освещены электричеством.

Верстах в 20 выше Фоминского находится начало Оби, т. е. здесь происходит слияние *Катуни* и *Бии* в одну реку. Слияние это заметно по полосе беловатой мутной воды, текущей вдоль левого берега Оби и вносимой Катунью, так как эта последняя берет муть из ледников, которыми она питается в верховьях, тогда как Бия, вытекая из прозрачного Телецкого озера, вносит в Обь прозрачную воду. Катунь по-калмыцки значит «царица» или «хозяйка». Местность, где происходит слияние Катуни с Бией, у д. *Катунской*, весьма живописна.

Пройдя верст 10 вверх по р. Бии, пароход достигает г. *Бийска*, описание которого следует ниже, после описания Барнаульско-Бийского тракта.

Кроме водного пути из Барнаула в Бийск идет почтовый тракт, сокращающий путь, выкидывая значительное уклонение реки к югу, он, впрочем, следует по значительно менее интересной местности. До ст. *Белоярской* этот путь совпадает с Кузнецким трактом, описанным выше <...>, далее же идет на с. *Жилино* (сельское училище), которое представляет собой значительный пункт пимокатного производства. Здешние шерстобиты и пимокаты работают на барнаульских скупщиков значительными партиями. За Жилиным от Барнаульско-Бийского тракта отделяется соединительный тракт к *Кузнецко-Бийскому* тракту. Следующая станция по Барнаульско-Бийскому тракту – д. *Овчинникова*. Значительная часть ее населения занята сухой перегонкой дерева: гонят осиновый деготь, который охотно раскупают крестьяне по 50 коп. за ведро для выделки кож, для смазки обуви и сбруи. Этот деготь смягчит кожу, делая ее похожей на замшу. Следующее значительное селение по тракту, уже в пределах Бийского округа, *Ново-Юрьева* или *Большая Речка*. Здесь также развит дегтярный промысел, сидкой дегтя занимается около 20 дворов, выкуривая от 100 до 600 ведер на двор; здесь же имеется два кожевенных завода; несколько человек получают заработки от дворничества. Станция *Хайрюзовка* вместе с соседней д. *Усть-Гавриловкой* развили в больших размерах свиной промы-

сел. Около 4 000 пудов свинины отправляется отсюда (зимой в виде замороженных туш) в Томск, для колбасных. Довольно бойкая торговля ведется и бараниной. В Хайрюзовке около 10 мельниц, промышленное значение из них имеют только две.

По левую сторону от станции, к юго-западу, остается с. *Белое*, бывший незначительный форпост, основанный еще в половине XVIII в. и представляющий собой ныне крупный поселок (около 3 000 д[уш] об[оего] п[ола]). В нем имеется около 50 плотников и пильщиков, более десятка сапожников, есть пимокаты и шерстобиты и до 10 маслобойных заводов. Еще далее, на юго-запад, находится крупный кустарный центр с. *Зайгалово*¹ (около 3 т[ыс.] д[уш] об[оего] пола). Наибольшее количество рук занято здесь сидкой дегтя (свыше 200 дворов). Обычная цена его – 50-60 коп. за ведро, деготь гонится из смеси бересты и смолы, вместе закладываемых в печь, и носит название «половинчатого». Для скупки продукта в Зайгалово являются торговцы из очень отдаленных степных областей (из г. Семипалатинска и даже из г. Верного). Кроме смолокуров, в селе более 30 плотников, 20 пильщиков, 32 пимоката, 11 шерстобитов, 10 бондарей, выделяющих бочки для дегтя, несколько кузнецов и мастеров земледельческих орудий, прялок, станков для тканья холста, веялок, молотилок и инструментов для битья шерсти. Несколько южнее Зайгалова в д. *Южаковой* имеется также около 60 дегтярей, но здесь гонят или чистую смолу, или чистый деготь, так как последний имеет обеспеченный сбыт на местные кожевенные заводы, которых в Южаковой более десяти. В общем выделяется около 4 000 кож, которые продаются в Барнауле и Бийске по 6-8 руб. За выделку на заказ берут от 60 до 80 коп. В селении есть еще маслобойня и кирпичный завод.

Следующая станция по тракту – *Буланиха*, большое село (4^{1/2} тыс. жителей, волостное правление, сельское училище и церковно-приходская школа, ярмарка 26-го октября). Из неземледельческих промыслов большое значение имеют извоз и дворничество, которым здесь занято около 50 дворов, перевозящих грузы из Бийска в Ново-Николаевск, Томск и Барнаул. За доставку товара в Ново-Николаевск, до которого происходит ныне главное движение, берут 25-27 коп. с пуда, обратно – 20 коп. Кроме того, в Буланихе много плотников (45), пильщиков (25), пимокатов (18), кузнецов (15), шубников (10), портных (10) и сапожников (15). Лиц, совершенно оторванных от земледелия, немного, боль-

¹Здесь и далее – Загайново. (Ред.)

шинство работает только в свободное от полевых работ время. Следует отметить в Буланихе производство молотилок и веялок. Веялок выделяется около 100 штук в год, молотилок – около 10-20; металлические части достают или из Гурьевского завода, или из Ново-Николаевска, а оковку машин производят сами. В Буланихе есть, кроме того, 2 конных круподерки, 7 маслобоен и 8 мельниц, один кирпичный и один кожевенный заводы.

Верстах в 15 к западу от Буланихи расположена д. *Верхне-Боровлянка*, далеко славящаяся своими колесниками; промыслом занято около 50 семей; благодаря хорошему качеству изделий за колесами ездят сюда за 100-200 вер[ст], или же колеса имеют хороший сбыт на ярмарке в Бийске. Колесники работают на неопределенный рынок и исключительно своими силами, без наемных рабочих. Кроме колесного здесь развиты также токарный промысел и кузнечное ремесло, имеется 6 токарен со станками и 4 красильни; точат больше всего мелкую деревянную посуду. Работают круглый год, отрываясь от работы только во время страды; вытачивают и окрашивают 600-700 штук в неделю. Рабочему платят по 4 руб. с 11 сот чарок, продают 1 000 чарок за 20-22 руб. Сбыт производится прасолам, которые ездят сюда за посудой, или к бийским купцам. Промысел занесен переселенцами. К юго-западу от Буланихи, при д. Плешковой, имеется значительная мукомольная мельница; несколькими верстами южнее *Плешковой*, в д. *Сошниковой* развит сплав дров в Бийск и более 10 человек занято производством молотилок и веялок. Здесь, как и во многих окрестных селениях, развиты пчеловодство и отчасти табаководство.

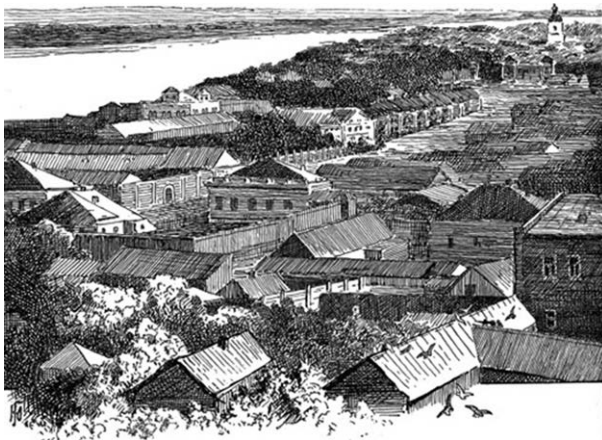
Последняя станция перед Бийском – *Шубенка*. Это большое, старинное село (волостное правление и около 3 тыс. душ обоего пола). Первые указания на существование селения встречаются в 1756 году. Из неземледельческих промыслов здесь развит извоз, которым занимается более 40 семей, по зимам возят в Кривошеково и Барнаул масло коровье и конопляное, шерсть и кожи; из других промыслов нужно указать на пимокатный (12 чел.) и мукомольный (16 чел.), в селе есть маслобойня.

По дороге из Шубенки в Бийск, по левую сторону тракта остается большой переселенческий поселок *Ново-Чемрово* (4 700 душ обоего пола). В поселке много пимокатов (25), плотников (35) и пильщиков (23), но самый распространенный промысел – это «молотильный» (72), т. е. объезд со своими молотилками окрестных селений. В поселке имеется 5 маслобоен, 3 мельницы, сукновальня и кожевенный завод.

За Шубенкой тракт достигает г. *Бийска*.

Бийск расположен на р. *Бия*, недалеко от слияния ее с р. *Катунью*,

Бийск

причем большая часть города находится на правом нагорном берегу Бии. Первоначально с 1700 г. это была деревня, в которой в 1707 г. была построена крепость для защиты возникавших в этом краю русских поселений от набегов калмыков; в 1782 г. Бийск был переименован в окружной город Колыванской области. В 1797 г. город

был упразднен, а в 1806 г. вновь восстановлен в качестве уездного города Томской губ. В 1822 г. он снова был обращен в село, а окружным городом было сделано село *Белоглазово*, под именем *Чарыша*. В 1827 г. Бийск, однако, опять был сделан уездным городом, каковым остается и до сих пор. По переписи 1897 г. здесь было 17 206 душ обоего пола, из них 8 588 мужчин и 8 618 женщин. В городе имеется 9 церквей и столько же училищ, в том числе женская прогимназия, катехизаторское училище и миссионерская школа. Из промышленных предприятий следует отметить винокуренный и водочный завод с общей суммой производства свыше 60 тыс. руб., мыловаренный и свечной заводы (сумма производства 45 тыс. руб.), более 40 мелких маслобоен, 6 салотопенных, 5 кожевенных и 15 кирпичных заводов. Кроме того, здесь около 8 мастерских занято изготовлением молотилок и веялок. Основание этому промыслу положено более 20 лет назад рязанским переселенцем Курковым, который занимался указанным ремеслом на родине. Теперь в Бийске выделывают свыше 100 молотилок, стоимостью от 150 до 200 руб. каждая. Металлические части их получают готовыми из Гурьевского железодельного завода. Общая сумма производства всех промышленных предприятий Бийска не превышает 200 тыс. руб. В городе собираются ярмарки: Екатерининская, 24 ноября; Петровская, 29 июня и Крестовоздвиженская, 14 сентября. Главные предметы торговли –

сало, мед, масло, кожи, орехи, пушнина и лошади. Местная торговля состоит, главным образом, в поставке хлеба на золотые промыслы. Значительно также развита меновая торговля с китайскими подданными и с алтайскими калмыками. Первой занимается около 30 торговцев, и общий оборот ее достигает свыше 350 т[ыс.] руб.; главные товары – мануфактурные и шерсть. У бийских калмыков купцы выменивают пушной товар, в особенности, белку и бурундуков, на хлеб и табак. Общий оборот торговли Бийска простирается до 4 милл[ионов] руб. Значительную роль в Бийске играет мануфактурная торговля, на долю которой падает свыше 1 мил[лиона] руб. В Бийске находится резиденция викарного архиерея Томской губ. и при нем управление Алтайской миссии.

В Бийске кончается удобный водный путь, кончаются, можно сказать, более или менее усовершенствованные пути сообщения. Отсюда направляются три главные дороги в Алтайские горы: одна, ведущая в западную их часть, еще сохраняет до самого конца характер тракта (Усть-Каменогорский), но остальные две, ведущие в центральные части Алтая к китайской границе и в его восточную часть – к Телецкому озеру, до последнего времени прерывались в горах, переходя в горные тропинки для верховой езды. Только в самые последние годы Чуйский тракт в виде колесной дороги проложен до границ Китая.

Характер *Алтайских* гор чрезвычайно разнообразен в зависимости от рельефа местности и ее высоты над уровнем моря. Здесь на сравнительно небольшом протяжении нередко можно увидеть все чудеса горной природы: непроходимые, дремучие, вековые леса, веселые «елани» с гигантской травой, или луга с низкорослой альпийской растительностью, блестящие яркими или нежными красками цветов, бирюзовые горные озера и отражающиеся в них серые стены скал, мрачные ущелья, щебнистые, пустынные плоскогорья, водопады, низвергающиеся вниз, бурные, мутные потоки, катящиеся по камням, блестящие снежные вершины, прорезавшие летучие, фантастические гряды облаков, нависшие по склонам снежных гор ледники, дивное сияние на них восходящего солнца и пр. Высокие снежные горы Алтая являются в глазах местного калмыцкого населения священными – «иик», и никто из калмыков не смеет восходить на них под страхом смерти. Киргизы южного Алтая говорят про гору Белуху, что им на нее близко и смотреть нельзя. Поэтому между инородцами трудно найти проводников именно по снежным горам, русские же охотники редко ими интересуются, не находя там достаточно дичи. Отсюда происходит малая исследовательность именно

снежных цепей, восполнить которую необходимо русским образованным альпинистам. Переход от Западно-Сибирской низменности к Алтайской горной стране за Обью постепенен: степная или лесостепная равнина становится понемногу все более и более волнистой, подъемы на возвышенности делаются все круче, и только верстах в 30-40 от Оби появляются первые настоящие невысокие горы, вершины которых довольно плоски и имеют округлые контуры.

Дороги, ведущие из Бийска в разные части Горного Алтая, до селения *Катунского*, расположенного при устье р. *Катуни*, идут по одному направлению. Бывшая Катунская крепость входила в ряд укреплений, построенных в половине XVIII в. для защиты возникавшей тогда алтайской горной промышленности от набегов южных кочевников. В Катунском тракте дает несколько разветвлений. Змеиногорский и Усть-Каменогорский почтовый тракт, направляющийся в западную часть Алтайских гор, уклоняется направо, а прямо на юг идет в центральную часть Алтая Уймонский и Чуйский тракт.

Змеиногорский и *Усть-Каменогорский* тракт за Катунской пересекает р. *Песчаную*, приток Оби, и, пройдя мимо старинного *Ануйского* укрепления, где пересекает р. *Ануй* (также приток Оби), а затем вверх по ее долине, направляется в с. *Верх-Ануйское* (две школы, сельское училище и церковно-приходская школа, 3 150 душ обою пола). Это значительный торговый путь, имеющий два торжка и еженедельные базары, в пятницу и субботу; общий оборот торговых заведений села достигает 75 тыс. рублей. В эту цифру в значительной части не вошла мелкая развозная торговля («камлаченье»), которой промышляет население этого села; особенно развита торговля литовками в кредит, продажа происходит весной, а сбор денег – осенью. В селе имеются 3 кирпичных завода, 1 кожевенный, 1 салотопенный, мыловаренный и свечной вместе. В Верх-Ануйском некоторое развитие имеет плотницкий промысел.

Далее по тракту, в д. *Паутовой* значительно развит кузнечный промысел. Отсюда Усть-Каменогорский тракт поворачивает на юг и идет мимо ряда бывших форпостов и крепостей, а ветвь от него, покидая долину Ануя, идет далее на запад – на соединение с *Барнаульско-Змеиногорским* трактом, уклонившимся от водного тракта в Бийск от пристани *Калманки* (см. выше). Последний тракт идет более оживленной местностью. От д. *Паутовой* он проходит через крупное торговое с. *Усть-Каменный Исток* (волостное правление, сельское училище и церковно-приходская школа, фельдшерский пункт, населения свыше

4 000 душ обоего пола), расположенного при р. *Чарыше*. В селе существует 12 довольно значительных торговых заведений с оборотом в 175 тыс. руб.; здесь же имеются кожевенный завод и два веревочных, есть мастер, выделывающий молотилки и веялки, в продолжение трех лет конца XIX века им было выпущено около 1 000 молотилок, разошедшихся по Алтайскому округу. Среди зажиточного элемента села заметна сильная склонность к кулачеству.

Несколько севернее Каменного Истока, в с. *Озерном* развит кузнечный промысел.

Он же развит и далее по тракту в д. *Усть-Калманке*, где тракт пересекает р. *Чарыш*, после чего следует вверх по течению этой реки. В селе *Белоглазове* (волостное правление, сельское училище), расположенном при р. *Чарыше*, Бийско-Змеиногорский тракт сливается с *Барнаульско-Змеиногорским* (см. выше). Здесь находится значительный торговый пункт: оборот шести его торговых заведений достигает свыше 60 тыс. рублей. В селе бывает Казанская ярмарка, с 22 по 29 октября. Участок тракта между Белоглазовым, Змеиногорском и далее до Иртыша интересен тем, что пролегает по границе между восточной частью Кулундинской степи и западной оконечностью Алтайских гор, в местности, богатой рудными месторождениями.

За Белоглазовым тракт на протяжении верст 25 направляется параллельно течению р. *Чарыша*, в некотором от него отдалении, а затем следует вверх по течению его притока р. *Локтевки*. Здесь *Чарыш* спокойно течет в степи, причем его левый берег представляет древнюю террасу, местами круто обрывающуюся к реке и возвышающуюся над ней до 70 футов. Между Белоглазовым и следующей станцией *Курьей* путник из степной местности вступает в горную: по обе стороны тракта начинают попадаться выходы гранита и выдвигаться, хотя и невысокие, холмы и горки. Не доезжая *Курьи*, возвышаются *Верблюжьи* сопки, сложенные из порфира.

В 25 верстах к в[остоку]-с[еверо]-в[остоку] от станции *Курьи*, на речке *Мурзинке*, в группе *Кокуйских* сопок (сложенных из порфиритов), при сопке *Мурзинке* находится *Мурзинский* медный рудник, открытый по чудским копиям демидовскими рабочими. Имея 12 сажен глубины, он состоит из рудоносной кварцевой жилы в глинистом сланце близ соприкосновения его с гранитом. Рудник оставлен еще в 1745 г., дав 48 т[ыс.] п[уд.] руд медного колчедана, азурита, малахита, медной зелени и сини. К югу от *Мурзинского* рудника находится заброшенный также

в XVIII веке *Акимовский* рудник, расположенный среди *Акимовских* сопкок. К северо-западу от Мурзинки, верстах в 12, находится так называемый «прорыв» р. *Чарыша*. Река прорывается здесь через предгорье в степь, течение ее стремительно и образует местами перекааты, долина ее глубока и ограничена крутыми, частью отвесными берегами, состоящими из кварцитовых и хлоритово-глинистых сланцев. Это предгорье и заставляет Чарыш огигать себя той значительной дугой, простирающейся к вышеупомянутой Усть-Калманке <...>, которая видна на картах даже самого мелкого масштаба. В южной своей части, если смотреть с запада, она представляет резкий уступ, возвышающийся над Чарышом сплошной вертикальной стеной футов на 200-250, к северу стена постепенно понижается и сглаживается.

От д. Курьи вдаль уже виден *Колыванский* горный хребет, с его главной вершиной горой *Синюхой*, составляющий западное продолжение Тигирецких белков. Не доезжая по тракту д. Саушки, глазам путника представляется во всей своей красе *Колыванское* озеро, расположенное верстах в двух к востоку от тракта и окруженное гранитными скалами, принимающими самые причудливые, фантастические формы, то отвесных утесов, то конусов и башен, наклонных колонн, то более или менее связанных между собой как бы развалин стен, местами живописно заросших деревьями и кустарниками. Гранитные стены изборозжены впадинами, вбуравленными в горизонтальном направлении, причем отдельные углубления доходят до аршина глубины. Все это представляет результат атмосферного влияния (выветривания) на наиболее легко разрушаемые растворимые части гранита <...>. Более плотные разности гранита добываются здесь для жерновов. Высокие пирамидальные горы на заднем плане усиливают впечатление от воды озера. Восточный берег озера гораздо выше и круче западного. Глубина озера посредине достигает 12-13 сажен. Колыванское озеро – единственное на Алтае, которому присуща фауна обыкновенных прудов: здесь живут караси, щуки, лини и окуни. В озере кроме кувшинок растет чилим (*Typha natans*), плоды которого называемые «рогульками», употребляются в пищу местным населением. Вода озера чрезвычайно чиста и прозрачна. От самого Колыванского озера начинается довольно крутой подъем к *Змеиногорску*, лежащему на высоте около 1 400 ф[утов] над уровнем моря. Дорога местами идет по гранитным, голым плитам. Верст за 8 до Змеиногорска открывается вид на долину р. *Корболихи*, по которой расположился целый ряд старых рудников, растянувшихся по прямой линии (*Петровский*, *Карамышевский* и др.).

Змеиногорск на высоте 1 320 ф[утов] над уровнем моря, раскинутый по слегка покато́й равнине, при р. *Корболихе*, притоке Алея, и ее притоке *Змеевке*, производит довольно приятное впечатление. Перед ним расстилается горный пруд, образуемый разливом двух речек, и близ него высится знаменитая *Змеевая* гора (2 тысячи футов над уровнем моря), разрабатывавшаяся более ста лет. Змеиногорский рудник, открытый в 1736 г. по старым «чудским» копиям демидовскими рабочими, доставил почти половину всего серебра, добытого на Алтае. Он состоит из глинистого сланца, между пластами которого, среди тяжелого шпата и роговика, залегают серебряные и медные руды. Вследствие малого % содержания руд (выклинивания рудоносной породы), рудник с 1850-х годов закрыт. Кругом него лежат кучи пустой породы; глубоко изрыта земля с поверхности, но вглубь прохода нет, коридоры, лишённые подпорок, частью завалились, другие засыпаны. Влево от рудника виднеется отдельно расположенная часть города – горные заводы: громадная стена из шлаков и груды приготовленных к обжигу руд как бы говорят, что завод еще в полном ходу, взгляните ближе, и вы увидите, что следы разрушения коснулись и его: штукатурка обсыпалась, громадные печи разрушены. В Змеиногорском руднике в конце XVIII в. был найден полуоруденелый скелет доисторического «чудского» рудокопа, задавленного обвалом, при осто́ве находились бронзовые и каменные орудия и кожаный мешок, наполненный самой лучшей медной рудой.

Змеиногорск, ныне окружной город¹ Томской губ., получил свое название от множества змей, водящихся в его окрестностях (змеи эти ядовиты и принадлежат, преимущественно, к породе гадюк) и был назван первоначально *Змеевом*. В старинных актах он назывался городом, но затем считался селом Бийского округа до разделения последнего, в 1894 г., на два – Бийский и Змеиногорский. В Змеиногорске ныне насчитывается до 7 тысяч жителей. Здесь находятся православная церковь и 2 училища. Змеиногорск обещает быть довольно оживленным в экономическом отношении пунктом, и хотя крупная промышленность здесь еще мало развита, но кустарные промыслы уже начинают тяготеть к нему, как к своему центру. Торговля Змеиногорска быстро развивается, в настоящее время здесь около 50 торговых заведений, оборот которых простирается до 800 т[ыс.] р.; преимущественный вид торговли – мануфактурный. Из промышленных предприятий нужно отметить кожевенные заводы. Помещения заводов низкие, невзрачные и выде-

¹ Автор ошибается, Змеиногорск статуса города не имел. (Ред.)

львают только простой, грубый товар, идущий на крестьянскую обувь, но размеры производства довольно значительны и доходят до 15 тыс. штук кож (3 завода). Кроме того, здесь имеется свечной завод, вырабатывающий не менее 500-600 пудов свечей и около 1 000 пуд. отбеленного воска, а также небольшой мыловаренный завод.

Из Змеиногорска идет к северо-востоку дорога на *Колыванскую* шлифовальную фабрику (27-28 вер[ст]) через гору *Глядень* (2 000 ф[утов]); по левую сторону пути, при речке *Семеновке*, расположился *Семеновский* рудник. В хлоритовом сланце, лежащем между порфировыми массами, здесь заключается кварцевый шток, проникнутый свинцовым блеском, серебряной чернью и цинковой обманкой. Рудные массы и окружающие их породы так тверды, что разработка их производилась без крепей. Теперь работы на руднике прекращены. Недалеко, в долине р. *Черепановки*, среди высоких сланцевых гор, находится единственный из работающих теперь здесь рудников – *Черепановский*. Охристые руды его богаты содержанием серебра и свинца, попадаетея роговое и самородное серебро. В глубоких шахтах так холодно, что сталактиты льда не стаивают в самое жаркое лето, и стены покрыты тонким слоем инея.

Перевал через гору *Глядень* в долину р. Белой, где помещается шлифовальная Колыванская фабрика, чрезвычайно красив. С Гляденя, сложенного из кварцево-полевошпатовой породы, открывается прекрасный вид на Колыванский хребет, с его высшей вершиной *Синюхой* во главе. В 1727 г. на месте нынешней *Колыванской* фабрики, расположенной при р. *Белой*, притоке Локтевки, Акинфий Демидов заложил первый медноплавильный завод. Разрабатывавшийся *Демидовский* медный рудник находится в 4 вер[стах] от с. Колыванского. В отвалах этого рудника были найдены впоследствии единственные на Алтае экземпляры вольфрамовой руды в виде минерала волчеца и вольфрамита. Собственно Колывань оказалась мало добычливым рудным местом, и уже в 1732 г. рудники ее были заброшены, а в 1766 г., за недостатком топлива, прекратились работы и на плавильном заводе. Но разведочные экспедиции повели к открытию здесь годных для шлифовки горных пород, что и вызвало основание большой гранильной фабрики. Каменные породы, шлифуемые в Колывани, отличаются особенной красотой и способностью к полировке, каковы великолепный фельзитовый порфир, порфиновая брекчия, кварцевый кофейный порфир, доставляемый из коргонских каменоломен <...>, белорецкие кварцы и мраморы, и колыванский гранит, и зеленая яшма из Ревневой сопки <...>, салаир-

ская яшма, диабаз, порфир и серпентин с р. *Чарыша*. До 1821 г. выдвигались только мелкие вещи, а с этого времени стали выдвигаться и крупные изделия по заказу из Петербурга. Методы работы довольно первобытны: распилы делаются большей частью от руки и шлифы так же. Отсюда становится понятной громадная стоимость некоторых ваз, над выполнением которых для Эрмитажа трудилось много рабочих в продолжение долгих лет. В с. Колыванском собирается Филипповская ярмарка, 15-24 ноября.

Верстах в 6 от фабрики долина р. Белой замыкается *Колыванским* хребтом, именно его главной вершиной *Синюхой* (свыше 4 тыс. фут[ов] высоты над уровнем моря). Крутой подъем на нее с восточной стороны идет среди густого старого пихтового леса с громадными кустами красной смородины на более открытых местах, причем у подошвы горы находится заимка лесного сторожа. Гора имеет коническую форму, обрывается крутыми скалами к северу и югу и более полого – к северо-востоку. Она составляет узел, от которого расходятся во все стороны небольшие второстепенные хребты, поросшие хвойным лесом, ныне сильно истребляемым. Последняя треть склона Синюхи является совершенно оголенной, и здесь выступают отдельные скалы гранита, из которого сложена вся гора. На вершине горы торчат четыре отдельных скалы, из которых самая высокая почти недоступна по своей крутизне. Среди этих скал находится небольшой водоем с водорослями и золотисто-красноватыми ракообразными (гаммаридами). Этот водоем происходит от застаивания в яме среди гранита дождевой и снеговой воды. С Синюхи открывается превосходный вид: к западу на *Кулундинскую* степь и *Колыванское* озеро, к юго-западу – на *Змеиногорск*, к югу – на гору *Ревневую*, к северу – на оз. *Белое* и долину р. *Чарыша*, наконец, к востоку – на *Тигирецкие* белки, западным продолжением которых является Колыванский хребет. К северу от Синюхи, в нескольких верстах от Колыванской фабрики, расположена известная «*Очарованная*» скала, посещаемая всеми проезжающими. Этот довольно высокий причудливый гранитный утес находится на гряде, поросшей сосновым лесом. В скале имеется небольшая пещера, происшедшая от выветривания гранита. У подножья утеса расположено углубление, наполненное водой, в зеркальную поверхность которой он смотрится. Р[ека] Белая, на которой расположена Колыванская фабрика, вытекает из оз. *Белого*. Озеро более чем вдвое меньше Колыванского (поперечник его равен около 2 вер[ст]), имеет округлую форму со вдающимися в него мысами и ле-

жит в гранитных берегах с юга, и в сланцевых – с востока и севера. По середине озера возвышается гранитная скала. К югу от горы Синюхи идет хребет, венчающийся *Ревневой* сопкой, следующей по величине в Колыванских горах и достигающей 2 700-3 000 фут[ов] абсолютной высоты. Она состоит из гранита. Склоны покрыты густым пихтовым лесом, в верхней части горы скалы почти неприступны. С горы открывается прекрасный вид на Колыванский хребет, гору *Синюху* и др. окрестности. Предгорье образовано из хлоритовых и кварцитовых сланцев, а к восточному подножию горы примыкают толщи серовато-зеленых полосатых кварцитов, добываемых здесь под именем «ревневской яшмы» («волнистой» и «парчевой»), идущей, отчасти в виде крупных монолитов, для изделий Колыванской гранильной фабрики.

Другая дорога из Змеиногорска ведет на запад, к *Локтевскому* заводу. Эта дорога пролегает по так называемому *Алейско-Локтевскому* гранитному массиву, представляющему собой невысокую возвышенность, довольно круто спускающуюся к югу и полого – к северу, заставляющую р. *Алей* резко уклониться на запад, к Кулундинской степи и обогнуть себя под прямым углом с тем, чтобы дальше уже течь на север. Восточная часть массива, соседняя со Змеиногорском, холмиста и носит название *Мохнатых* сопок. Здесь гранит местами прорезан жилами диабазы. В западной части массив состоит из порфиоров. Всего в нескольких верстах от города, по правую сторону р. *Корболихи*, находится *Петровский* серебряный рудник, открытый в 1749 г. Месторождение состоит из жил роговика и тяжелого шпата с серебряной рудой в хлористом и кремнистом сланце; начиная с 1787 г. рудник разрабатывался безостановочно более 100 лет. Локтевский сереброплавильный завод (с. *Локоть*) расположен в 70 вер[стах] к западу от Змеиногорска, на крутом берегу р. *Алея*; он построен в 1787 г., и тогда же при нем была устроена шлифовальная фабрика, перенесенная в 1799 г. в упраздненный Колыванский завод. В с. Локте собирается Екатеринбургская ярмарка, 24 ноября-1 декабря. По р. Алею, ниже с. Локтя, в толще лессовидных суглинков находят иногда кости мамонта, носорога и плосколобого быка. В 2 вер[стах] к с[еверу]-в[остоку] от Локтя сохранились остатки медного рудника. В 20 вер[стах] от Локтя находится *Локтевское* горько-соленое озеро, снабжающее алтайские аптеки горькой солью, а в 60 вер[стах] на запад – большой насыпной курган *Золотарь*, в котором было найдено чрезвычайно много «чудских» древностей (одних золотых вещей более пуда), этот курган расположен уже в пределах *Бельгагачской* степи.

Западный край Змеиногорского округа занимает так называемая *Бельгагачская* степь, совершенно плоская, безлесная равнина. На громадном пространстве в десятки верст нет ни одной речки, ни одного ключика. Подземные обильные хранилища воды залегают так глубоко, что рыть до них колодцы нет возможности. Отсутствие воды делает эту плодородную черноземную степь неудобной для постоянной жизни человека. Но зато вся степь покрыта временно обитаемыми заимками пахарей, со всех сторон стекающихся сюда на весну и лето. Отсутствие естественных водохранилищ заставило бельгагачских пахарей додуматься до так называемых «снежников». В степи ставят полукруглые высокие загородки, обращенные в сторону господствующего ветра. За выставленные таким образом щиты зимой наматывается масса снега, значительно выше самого щита. Ранней весной эта снежная гора заваливается сверху мятой соломой, дерном и всякой трудно пропускающей тепло трухой. Предохраняя снег от быстрого таяния, такая покрывка способствует обращению его в лед, который, медленно тая, в продолжение целого лета дает ручьи, стекающие по особо устроенным ложбинам в колодцы. Чаще всего заимка состоит из пятистенной избы с потолком, но без крыши, к избе прилегают скотный двор и другие постройки. Как только тепло сгонит снег со степи, все прииртышские пахари (Семипалатинского округа) целыми семьями вместе со скотом и домашней утварью снимаются с мест своего постоянного жительства – из долины Иртыша и др. рек и переезжают на бельгагачские заимки. К помощи сельскохозяйственных машин они прибегают здесь очень редко, это объясняется отчасти дороговизной их доставки и стоимости, сложностью устройства и трудностью поправки, главным же образом – конкуренцией дешевых местных работников-киргиз, предлагающие свои услуги чуть ли не из-за куска хлеба. Заработная плата киргизу в летнюю страду в начале 1890 года колебалась между 4-6 р. в месяц. Сеют, главным образом, яровую пшеницу «красноколоску» или «китайку». Урожаи получаются очень хорошие. Собранный хлеб, временные бельгагачцы увозят его на Иртыш, и жизнь в степи замирает до следующей весны¹.)

¹ Это несколько напоминает старинный татарский способ пахоты «наездом», применявшийся кочевниками, понемногу переходившими к оседлости, кое-где в степях Европейской России во времена борьбы Орды с Москвой, когда татарская пахота, вероятно, производилась руками русских пленников и «гулящих» людей.

Отправляясь к югу от Змеиногорска по тракту, ведущему к берегам Иртыша (а отсюда на северо-запад – в Семипалатинск и на юго-восток – в Усть-Каменогорск), путешественник не может не обратить внимания на перемену как в физическом типе населения, речи, костюмах и характере жилищ, где все отмечено своеобразными чертами чего-то самобытного, туго поддающегося влиянию окружающего. Такую обособившуюся этнографическую группу населения Змеиногорского округа составляют, так называемые, «поляки» – великорусские староверы, сосланные сюда после разгрома Ветки (которая находилась во время ее заселения старообрядцами в польских владениях, откуда и произошло наименование русских староверов «поляками») генералом Масловым в 1764 г. Паллас, посетивший Алтай в 1770 г., уже застал существующими все коренные «польские» селения, расположенные по описываемому тракту, именно *Старо-Алейское, Екатерининку, Шемонаиху* и др. Местность представляет из себя холмистую степь с роскошным травянистым покровом и плодородной почвой, долины речек заросли кустарниками вперемежку с хвойным лесом. По мере движения на юго-восток местность принимает все более гористый характер: широкие долины окружены высокими горами и местами суживаются в дикие ущелья, по которым между обнаженных каменных скал причудливой формы с шумом и ревом несутся горные потоки. Вместо преобладающего типа сибирских деревень с однообразными, казарменного вида постройками безо всякой растительности около них, с их обязательной грязью и навозом на улицах, «польские» селения представляют тип старинной русской деревни, с широкими, чистыми, покрытыми травой улицами, перед многими домами посажены деревья, из-за домиков виднеются сады, на украшенных резьбой окнах, с кусками разноцветных стекол в нижней части рамы, непременно виднеются цветы. Самая форма домов – с крылечками на высоких столбах, узкой галерейкой вокруг второго этажа и резными воротами отличается от обычной сибирской. Оригинальными украшениями внутри являются сделанные из соломы птицы и развешанные гирлянды сухих цветов. По своей наружности замечательно красивая, стройная фигура «поляка» с мягкими чертами лица, часто волнистыми или вьющимися русыми волосами, невысоким, но широким и прямым лбом, с большими глазами и прямым носом и правильным овалом отличается от неуклюжего и некрасивого по большей части жителя сибирской деревни. Этой чистотой типа «поляки» обязаны своим религиозным традициям, воспрещающим всякое сближение

с иноверцами и, особенно, с инородцами. Великорусский тип и говор северной части «польских» селений дает основание предполагать, что предки их ушли в Ветку из центральных губерний. Мужчины стригут волосы по раскольничьи – с челкой на лбу; мальчикам выстригают коротко макушку, оставляя длинные волосы по бокам; балахон, расшитый разноцветными шнурами, и высокие сапоги, на голове круглая шляпа, украшенная цветной тесьмой – вот обычный костюм в этих селениях; рабочая одежда шьется из пестряди или белого холста, с кумачными ластовицами и воротом; весьма распространен обычай вышивать рубашки и ткань пояса. Обычной женской одеждой является сарафан; кольца, серьги и бисер составляют необходимую принадлежность женского костюма, без них девушка не пойдет на гулянку; любимым украшением, как девушек, так и парней служат затем живые цветы, а зимой – искусственные. Головной убор девушки очень красив: носят шали, свернутые широкой полосой, которые накладываются серединой на лоб и обертываются вокруг головы; концы же их сзади перекручиваются и искусными завитками переводятся снова наперед; получается очень оригинальный убор – нечто вроде короны, высокой спереди и понижающейся сзади; темя остается при этом открытым. Замужние женщины носят еще более сложные головные уборы. Непосредственно на волосы они надевают особое сооружение из проволочных обручей, обтянутых ситцем или холстом («кичка»), чтобы убор не прилегал к голове, поверх его надевают шаль, свернутую на особый манер; в праздники на кичку надевают кокошник из шелка или бархата, сплошь вышитый серебром и золотом и имеющий форму наколки с широким околышем спереди, сзади к «кичке» подвязывается «подзатыльник», также вышитый серебром и золотом, внизу «подзатыльника» пришивают серебряную или золотую бахрому, промежуток между «подзатыльником» и кокошником закрывается шалью, которая обвивается вокруг головы. На похороны девушки и женщины сверх описанных уборов надевают белые кисейные покрывала. У змеиногорских «поляков» несравненно больше, чем у остальных сибиряков, развита уличная жизнь; все селение обычно собирается на полянке, где молодежь гуляет, пожилые и старики ведут деловые разговоры, а старухи, составляя особую группу, наблюдают за малыми ребятами. По сравнению с сибиряками, «поляки» могут быть названы поэтичным народом: настоящие, музыкальные песни у них в большом ходу, в большинстве случаев старинные, принесенные с собой из Европейской России; особенно богат песнями ритуал

свадебных пиршеств. В этих песнях весьма много места отводится любви между женихом и невестой, и они не носят унылого характера. Эта чисто местная черта объясняется той свободой, которая предоставляется здесь молодежи в выборе себе пары. Значительное экономическое благосостояние населения позволяет ему не придавать первостепенного значения материальной выгоде в деле заключения брака и предоставить «женихаться» молодежи по собственному выбору; принуждение в деле брака здесь мало имеет места уже потому, что для большинства их, как старообрядцев, не существовало до последнего времени венчанья, закрепляющего брак, так что он волей-неволей принимал вид полюбовного сожителства, отсюда и обратная сторона местных семейных нравов – частое расторжение браков. Главными занятиями населения являются земледелие, скотоводство и пчеловодство; промышленность, за исключением одного-двух селений, отсутствует. Вообще какой-либо выдающейся энергией и предприимчивостью в деле хозяйства «поляки» не отличаются.

Из отдельных селений, кроме *Старо-Алейского*, расположенного недалеко от тракта, между Змеиногорском (в 20 верстах от него) и первой станицей к югу – *Екатерининской*, крупного (2 000 жит[елей]) торгового поселка, где тракт пересекает р. *Алей*, следует отметить следующую за Екатерининской станцию *Шемонаиху*. Это большое промышленное и торговое село; здесь имеется несколько кожевенных и клееваренный завод; население села занимается в больших размерах рубкой и сплавом леса, человек 200 ежегодно отправляются для этих целей в верховья р. *Убы*. Здесь пользуется симпатиями населения школа. У Шемонаихи тракт подходит к р. *Убе*, притоку Иртыша.

В 26 верстах от Шемонаихи, к северо-западу, расположен *Сургутановский* серебряный прииск. Месторождение представляет пласт глинистых железняков с серебряными охристыми рудами, медным и серным колчеданом. Добыча руд начата в 1861 г.

От Шемонаихи тракт идет вниз долиной р. *Убы* и за станицей *Красноярской* выходит в Семипалатинскую область <...>.

Возвращаемся к д. *Паутовой*, Бийского округа <...>, где происходит разветвление Бийско-Змеиногорского и *Бийско-Усть-Каменогорского* трактов. Направимся теперь по последнему тракту.

Следуя вверх по течению р. *Ануя*, тракт верстах в 10 от Паутовой проходит через поселок *Николаевский*, оставляет немного в стороне на р. *Ануй* с. *Петропавловское* и достигает в 10 верстах от *Николаевского* по-

селка станицы *Антоньевской*. Здесь более тысячи жителей и собирается Михайловская ярмарка, 4-14 ноября.

От Антоньевской отходит боковой тракт вверх по Аную до д. *Сибирячихи* (30 верст), находящейся уже в горной местности и имеющей свыше 1 тыс. жителей. Селения, расположенные выше Сибирячихи по Аную, тяготеют к *Уймонскому* тракту (см. ниже).

Далее Бийско-Усть-Каменогорский тракт покидает долину Ануя, направляясь вверх по его притоку р. *Слюденке*. В 25 верстах от Антоньевской станицы на тракте находится выселок *Слюденский*. Здесь начинаются невысокие горы. Из Слюденского тракт принимает более южное направление и идет к д. *Маралихе* (28 верст), расположенной на одноименной речке, притоке Чарыша, которую тракт и пересекает.

Из Маралихи путь направляется к югу, на *Чарышскую* станицу (35 верст), где и пересекает р. *Чарыш*. Чарышская станица была назначена в 1822 г. окружным городом Чарышского округа, а в 1827 г. снова была обращена в село, и управление было перенесено в Бийск. Ныне село имеет менее тысячи жителей. Здесь собираются 2 ярмарки – Васильевская (1-16 января) и Казанская (22-29 октября).

Вер[стах] в 2 от Чарышской станицы по р. *Чарышу* находится месторождение белой глины, пригодной для строительных целей, а в окрестных горах имеется и месторождение жернового камня. От Чарышской станицы к западу, вниз по р. Чарышу вер[стах] в 25, около д. *Чагырки* или *Усть-Чагырки* лежит давно заброшенный рудник того-же имени, в котором добывали медь, железо, цинк и свинец. Недалеко от этой деревни на правом берегу Чарыша расположены две известные *Чарышские* пещеры, отстоящие друг от друга на 4 версты. Ближайшая из них, лежащая против д. Чагырки, совершенно потеряла свой прежний вид, так как крестьяне ее изрыли, ища в ней древних кладов. Вторая пещера, лежащая вниз по течению, сохранилась лучше. Она находится в высоком, крутом обрыве. Длина пещеры превышает 30 саж[ен]. В конце ее находится глина, в которой встречены кости носорога, лошади, оленя, первобытного быка, ламы, кошки, пещерной гиены, бизона, собаки, волка, медведя, сурка, крысы, хомяка, зайца и нетопыря. Всех пещер, со включением обширной *Ханхаринской* группы (на р. *Ханхаре*, притоке р. Ини ниже Тигирека), насчитывается в этой местности 22. В них, кроме вышеупомянутых животных, найдены кости тигра, корсака, лисицы, рыси, землеройки, бобра, лося, косули, куницы, соболя, кабана и мамонта.

От Чарышской станицы вверх по долине Чарыша идет проселок. Вер[стах] в 25 от Чарышской станицы на нем при рч. *Сентелеке*, впадающем в Чарыш, находится поселок *Сентелек*, а близ него – заброшенные рудники *Барсуковский* и *Бердюжинский*. Выше Сентелека, вер[стах] в 22, при устье р. *Б[ольшого] Коргона*, впадающего в Чарыш, расположена д. *Коргонская*. Отсюда открываются превосходные виды на оба хребта, стесняющие долину р. Чарыша – *Талицкие*, *Бацалакские*¹ и *Абинские* белки к северу и *Коргонские* белки – к югу. Гребень Талицких, Бацалакских и Абинских белков состоит из гранита, но до снежной линии не доходит, хотя на нем довольно часто выпадает снег, держащийся более или менее продолжительное время. Р[е]ч[ка] *Б[ольшой] Коргон* вытекает из *Коргонских* белков и имеет длину до 60 в[ерст], а ширину – до 30 саж[ен]. Она течет в диком, скалистом ущелье, а последние 12 верст – в живописной долине, доступной для экипажей. Речка имеет весьма стремительное течение с каскадами. *Коргонские* белки, состоящие из гранита, порфира, порфирита, диорита и сланцев, имеют в длину более 100 верст и доходят до снежной линии: вдоль хребта расстилаются плоскогорья на высоте свыше 7 тыс. футов (в самых высоких частях хребта), шириной – до 24 верст, на которых пятнами лежит снег. Лесная растительность на склонах *Коргонского* хребта исчезает на высоте 5 600 ф[утов]. Вер[стах] в 12 выше д. *Коргонской*, по р. Чарышу, находится д. *Чечулиха*, недалеко от которой расположены знаменитые *Коргонские* яшмовые ломки. Брекчии и серо-фиолетовые порфиры добываются здесь в значительном количестве и доставляются по р. Чарышу на Кольванскую гранильную фабрику для дальнейшей обработки <...>. Окрестности д. *Коргонской* представляют собой вообще один из наиболее живописных уголков западной половины Горного Алтая и заслуживают внимания туристов.

За Чарышской станицей Бийско-Усть-Каменогорский тракт принимает более западное направление. Здесь верстах в 17 при рч. *Тулатинке*, притоке Чарыша, пересекаемой трактом, расположен выселок *Тулатинский*, бывший редут. Верстах в 27 от Чарышской расположен на тракте поселок *Яровский*, основанный в качестве форпоста в 1764 г., а еще 20 верст далее, по пересечении р. *Ини*, притока Чарыша, выселок *Тигирецкий*, расположенный при рч. *Б[ольшой] Тигирек*, впадающем в Иню.

Р[ека] *Иня*, приток Чарыша, берет начало в узле, разделяющем *Коргонские* белки от *Тигирецких*, и течет в диком, скалистом ущелье,

¹ Современное написание – Бацалакские. (Ред.)

причем скалы местами возвышаются на 350 ф[утов] над уровнем реки и состоят из сланцев и, в особенности, из палеозойских известняков, прорезанных жилами порфира. В этих утесах в окрестностях Тигирецкого выселка имеется до 7 пещер с небольшими сталактитами на стенах. В пещерах находятся кости исчезнувших животных, как и в вышеописанных чарышских. В одной из пещер Паллас нашел три калмыцких черепа. С окрестных сопок и из выселка Тигирецкого открывается панорама на *Тигирецкие белки*, имеющие отсюда особенно грозный вид. Этот хребет, представляющий западное продолжение Коргонских белков, достигает высоты свыше 7 тыс. футов и имеет пятна снега на своих вершинах с северной стороны, подобно Коргонским белкам. Гора *Рассыпной Камень*, лежащая в западной части Тигирецких белков, у верховьев р. *М[алого] Тигирека*, имеет высоту около 7 тыс. ф[утов]. В восточной части Тигирецких белков, у узла их соединения с Коргонскими белками имеется перевал в долину р. *Убы* на высоте 7 160 ф[утов]. Тигирецкие белки состоят приблизительно из тех же горных пород, что и Коргонские. В них находят аквамарины невысокого достоинства, замечательные однако по величине своих кристаллов, достигающих 1 фута длины, а также дымчатые топазы и железный блеск. К северу от Тигирецких белков отходит более низкий хребет, называемый *Инскими* горами, и составляющий водораздел между притоками *Чарыша* – рр. *Иней* и *Белой*.

За Тигирецким выселком тракт идет вверх по долине рч. *Б[ольшого] Тигирека*, а затем проходит поперек седловины между Тигирецкими белками и *Инскими* горами, составляющей водораздел между реками *Иней* и *Белой*. Здесь, в 15 вер[стах] от Тигирецкого выселка, на тракте находится поселок *Андреевский*. Здесь же путь вступает из Бийского округа в пределы Змеиногорского.

Отсюда вер[стах] в 15 к западу, за р. *Белой*, находится вышеупомянутая гора *Ревневая* и вер[стах] в 20 с небольшим к северо-западу – гора *Синюха*, в *Колыванском* хребте, служащем западным продолжением Тигирецкого, прорезанного течением р. *Белой* (<...>).

От поселка *Андреевского* тракт десятиверстным спуском направляется в долину р. *Белой*, которую и пересекает у *Белорецкого* поселка. За *Белорецким* тракт входит в бассейн р. *Алея* и достигает верстах в 17 *Ключевского* поселка, а еще верст 17 далее – *Верх-Алейской* станции, где тракт пересекает верховья р. *Алея*, берущего начало в так называемых *Убинских* горах, не достигающих снежной линии и составляющих юго-западный отрог Тигирецких белков. Верстах в 22 далее по тракту

находится на водоразделе рек Алея и *Убы* выселок *Плоский*. Затем путь спускается на протяжении 15 верст в долину р. *Убы*, которой и достигает при д. *Большереченской* и, следуя далее вверх по Убе, пересекает ее при станции *Верхне-Убинской*.

Вер[стах] в 15 к в[остоко]-ю[го]-в[остоку] от Верхне-Убинской находится с. *Мало-Убинское*, имеющее более 2 тыс. жителей. Долина верхнего течения р. *Убы*, берущей начало двумя потоками – *Белой* и *Черной Убой* в узле *Тургусунских* и *Ивановских* белков, является самой дикой и необитаемой во всем западном Алтае.

От Верхне-Убинской тракт поднимается в *Ульбинские* горы, составляющие водораздел реки *Убы* и *Ульбы*, где в верстах в 20 от Верхне-Убинской находится с. *Секисово*, имеющее более 2 тысяч жителей и известное своим пчеловодством <...>.

От Усть-Бухтарминской станицы <...> тракт, ведущий из Усть-Каменогорска к китайской границе, идет параллельно Иртышу в пределах Семипалатинской области до устья р. Нарыма и по долине этой реки направляется на восток, опять-таки за исключением небольшого пространства (около деревень *Мало-Нарымской* и *Таловки*) в пределах Усть-Каменогорского уезда. Но за Алтайской станицей, около пос. *Урульского* (или *Урульского*), он входит в пределы Змеиногорского округа и вновь пересекает Бухтарму в ее верховьях у самого подножья огибаемого р. Бухтармой высокого, покрытого снегом плоскогорья *Коко-Даба* (более 8 тыс. футов) <...>, с которого видна на севере главная вершина русского Алтая – гора *Белуха*. Лесная растительность у подножья этого горного отрога состоит из березы и осины, а выше – из ели и пихты. Небольшой казачий поселок Уруль (или Уруль) лежит на высоте 3 842 ф[ута] <...>. Почва кругом поселка камениста и сильно истощена, хлеб зарастает сорными травами, а вследствие высокого положения поселка страдает и от утренников. В Урульском поселке несколько лет уже ведется бийскими купцами скупка маралых рогов, отсюда они отправляются крупными партиями в Китай, оборот торговли Уруля колеблется от 15 до 20 тыс. рублей. От этого поселка возможен проезд далее на восток; к северу идет колесная дорога до поселка *Берели*, первые 10 верст тесным ущельем с гранитными стенами, расщелины между камнями, поросшие лесом, придают всему ландшафту дикий и своеобразный отпечаток.

Деревня *Берель* расположена на правом берегу р. *Бухтармы*, при устье р. *Белой Берели*. Она основана всего лет 30-40 тому назад. Главное занятие жителей – разведение маралов, в окрестностях деревни находятся обшир-

ные загородки для их помещения. Братья Белоусовы занимают в этом отношении первое место: в их «маральниках» заключается не одна сотня голов, и торговлю ведут они не на один десяток тысяч рублей, делая попытки вести ее без посредства сбивающих цены на рога бийских скупщиков.

В 30 верстах к северу от Берели лежат известные *Рахмановские* целебные воды, к которым ведет горная тропинка. Ключи эти расположены при озере, имеющем в длину до $3\frac{1}{2}$ вер[сты], а в ширину – 1 версту. Вода озера прозрачна и имеет зелено-голубой цвет. Название свое ключи получили от имени охотника Рахманова, открывшего их в середине XVIII в., но туземцам они были известны гораздо раньше под именем *Арасан-Су* (теплые источники) и даже считались священными, о чем свидетельствует существовавшая здесь буддийская кумирня. По обеим сторонам долины поднимаются тысячи на две футов скалистые горы из гранита, слюдистого и хлоритового сланца, порфира и кварца, а в нижней части гор растет густой пихтовый и кедровый лес. В Рахмановской долине имеется несколько самостоятельных источников, выходящих в недалеком друг от друга расстоянии или прямо из трещин в скалах, или из-под небольших груд гранитного камня. Вода из ключей скопляется в небольшие, местами искусственно углубленные водоемы, из которых семь обнесены деревянными срубами и служат первобытными ваннами для купанья. Температура воды в источниках высока и колеблется от 32° до 42° Цельсия¹, бесцветна, прозрачна и приятна на вкус. В воде содержатся соли серной, соляной, угольной и кремневой кислот с натрием, калием, магнием и кальцием, но в таком незначительном количестве, что она подходит к чистой пресной воде, богатой свободной углекислотой. Для больных имеется два домика, по две комнаты каждый, остальные же должны помещаться в юртах. К западу от Рахмановских ключей на холме видны следы вышеупомянутой разрушенной калмыцкой кумирни, внутри стены ее были обиты шелковой тканью, в ней было много бурханов, медных чаш и курильниц. На каменных обломках заметны грубые изображения. Из д. Берели можно подняться на южные ледники г. *Белухи*, в *Катунских* белках. Этих ледников четыре – *Катунский* или *Геблера*, дающий истоки р. *Катуни*, притоку *Оби*; *Большой* и *Малый Берельские*, дающие исток р. *Берели*, притоку *Бухтармы* (системы *Иртыша*) и, наконец, *Черный*, дающий начало потоку *Разсипному*², впадающему в Катунь. Тропа из д. Берели на эти ледники идет

¹Здесь и далее читай – Цельсия. (Ред.)

²Современное написание – Рассыпной. (Ред.)

через Рахмановские ключи. За ними она поднимается открытыми лугами с группами деревьев на высокий хребет, составляющий водораздел рр. *Арасана* и *Черной Берели*. К западу от седла, через которое проходит тропа, высится небольшая скалистая вершина, поросшая можжевельником и стелющимся кедром, здесь находится предел лесной растительности. С седла, представляющего небольшую площадку из щебня, открывается панорама на долину р. *Арасана*, в которой виднеется довольно значительное горное озеро, около которого и находятся Рахмановские ключи. Спуск к р. *Черной Берели* с хребта идет сначала среди зарослей низкого тальника и карликовой березы, а затем кедровым и лиственничным лесом. Р[ека] *Черная Берель* имеет прозрачную воду, которая издали сверху кажется черной. На речке находится несколько небольших, некрасивых водопадов. За рекой, которую нужно переехать вброд, начинается снова подъем на хребет, разделяющий воды *Черной* и *Белой Берели*. Это так называемый *Берельский* перевал. Подъем сначала вьется тропинкой между скал, поросших хвойным лесом, а затем выходит на плоскогорье, покрытое низкорослыми альпийскими и высокогорными лугами с группами деревьев. С перевала открывается грандиозная панорама на *Катунские* белки с двугорбой горой *Белухой* («*Катым-Бажи*», т. е. вершиной Катуня – по-калмыцки) во главе, этот вид можно рекомендовать вниманию всех, посещающих здешние местности, для общего обзора этого величайшего Алтайского хребта. Далее дорога спускается густым лесом, состоящим из кедров, лиственниц, елей и редких пихт, в долину р. *Белой Берели*. Вдоль по ее долине тропа поднимается сочным лугом по направлению к *Берельскому* леднику. Склоны гор поросли частью густым лесом, частью группами лиственниц и кедров (достигающих более 200-летнего возраста), отчасти елей, жимолостью, карликовой березой, можжевельником и осиной с таким «большетравьем» между ними, что в нем скрывается с головой всадник на лошади, и только по движению травы можно видеть, где он едет. Под ледником долина завалена большими грудками камней, составляющих остатки старых, размытых морен ледника.

Берельский ледник, наиболее доступный из ледников *Белухи*, образуется из двух ветвей, из которых западная, более мощная, носит название *Большого Берельского* (длиной 8 вер[ст]), а восточная, менее мощная – название *Малого Берельского* ледника (длиной 5 вер[ст]). Общая площадь оледенения обеих ветвей достигает 16-18 кв. вер[ст]. Наилучший общий вид на *Берельский* ледник и на обе вершины *Белухи* отк-

рывается с юго-востока, с гривы, примыкающей к небольшому озерку. На вершине грива представляет собой террасу, на значительном протяжении удобную для лошадей. Большой Берельский ледник начинается со склонов Белухи восемью круто падающими ледяными потоками, между которыми находятся крутые, недоступные скалы, состоящие из кристаллических сланцев; каждый поток несет свою морену из камней; из морен шесть выступают явственно, близ одной из средних морен находятся поперечные трещины во льду, и лед здесь зияет в виде голубых треугольников. Малый Берельский ледник также составлен несколькими ледяными круто падающими потоками, и началом ледника можно считать высокий «цирк», наполненный снегом и льдом и окруженный скалами, на этом леднике также имеются поперечные трещины. Перед слиянием с большим ледником, малый значительно понижается, образуя пограничную борозду, в которой помещается небольшое озеро.

Берельский ледник отделяется от лежащего к западу от него Катунского ледника высоким хребтом, достигающим предела лесной растительности, через который можно перевалить по крутому подъему и спуску, причем на западном склоне к Катуню, встречается очень много камней и топей между ними. На юго-западе хребет понижается до низкого седла, едва возвышающегося над долиной Катуню, и кому охота сделать крюк, тот может таким образом избежать крутого подъема и спуска.

По мере приближения к Катунскому леднику береговая кустарная растительность долины р. Катуню редет, уступая место каменистым пространствам, среди которых попадаются огромные каменные глыбы.

Катунский ледник или ледник *Геблера* имеет в длину 8 вер[ст]. Если же принять во внимание длину всех впадающих в него ледяных потоков, то общая длина ледника достигнет 12 вер[ст], при общей ширине в $1/2$ вер[сты] и общей поверхности в 6 кв. вер[ст], мощность льда в нижнем конце ледника достигает 10-12 сажен. Ледник питается снегами, главным образом, западной вершины Белухи и седла между обеими вершинами и только отчасти снегами восточной вершины. От них ледник спускается тремя потоками, разделенными скалистыми гребнями, а затем они сливаются в один общий поток. В начале восточного потока наблюдается несколько огромных трещин, ниже их находится так называемая «перемычка» ледниковых потоков, т. е. часть снега с восточного потока переходит через низкую грядку, называемую «*Балконом*», на средний поток, лежащий ниже. С этого места удобно обозреть за-

падные потоки ледника. Немного ниже «Балкона» ледник, разбитый целой массой трещин, спускается с кручи в виде *Верхнего* ледопада. Близ нижнего конца *Раздельного* гребня скал, отделяющего восточный поток от среднего, образуется *Нижний* ледопад, гораздо более крутой, чем Верхний. Против начала Нижнего ледопада, с Берельского водораздела спускается еще небольшой боковой ледник, не достигающий, впрочем, главного потока и оканчивающийся моренными каменными нагромождениями. Средний поток круто спускается вниз двумя волнами и принимает в себя наименьший западный поток. Высоко над западным потоком висит на восточном склоне *Черной* сопки не соединяющийся с ним небольшой боковой ледник. Общий поток сначала волнист и имеет разрывы в 2-3 арш[ина] шириной, в которых красиво отсвечивает голубым цветом лед. На общем потоке ясно обозначается одна широкая средняя морена из набросанных камней и две боковых, узких. Дальше поверхность льда гораздо более гладка и источена местами, так называемыми, «ледяными колодцами» (прогалинами) шириной от $\frac{1}{4}$ до 2 арш[ин] и глубиной не менее сажени. Крупные камни морены образуют невысокие, так называемые, «ледниковые столы», а мелкие камни глубоко въедаются в прозрачный лед. Далее ледник опять разорван многочисленными поперечными трещинами, в которые с шумом низвергаются потоки воды с подтаивающей поверхности льда. Наконец, в нижнем конце ледник представляет громадную, нависшую грязную ледяную глыбу, из-под которой вырываются с шумом белесоватые мутные воды так называемой *Белой Катунки*.

По восточному потоку ледника можно с очень большими опасностями, лишь имея надежных проводников, подняться в течение целого дня на *седло* Белухи между двумя ее горбами. Отсюда открывается величественная панорама: к северу седло круто обрывается на ледник *Радзевича (Аккемский)*, далее видно целое море гор, долины речек, спускающихся с северных склонов Белухи, *Аккемское* озеро в одной из таких долин, наконец, на горизонте – *Теректинские* белки на севере, с их вершиной горой *Саптаном* и хребет *Сальджар* на северо-востоке. На юг вид более дикий и тесный. Здесь громоздятся огромные горы с обширными снежными массами на них, среди которых можно с большим трудом различить хребет *Холзун* и на горизонте – снежную горную группу *Таутекеле* <...>.

На одну версту ниже оконечности Катунского ледника, с западной стороны, в боковом глубоком ущелье низвергается чрезвычайно краси-

вый водопад *Рассыпной*. Ущелье круто спускается вниз, и по нему стремится каскадами бурный и мутный поток, в одном месте срывающийся с вертикальной 20-саженной скалы <...>. Если следовать по этому ущелью вверх, выше водопада, то составляющий его поток *Рассыпной* оказывается вытекающим из *Черного* ледника, ныне быстро уменьшающегося. Он назван так потому, что его нижняя часть издали кажется черной от множества камней на ней. Ледник питается снегами западного горба Белухи и начинается тремя ветвями, сливающимися затем в один водяной поток, имеющий 4 продольных каменных морены. Длина ледника по главному потоку – до 5 вер[ст], да около 3 вер[ст] представляют в совокупности два остальных потока. Ширина ледника в нижней части не превышает 300 сажен.

Верстах в 20-25 к юго-западу от Катунского ледника и приблизительно в таком же расстоянии к северо-западу от д. Берели расположено красивое горное озеро *Язево* при одноименной речке, впадающей в Белую Берель, озеро имеет версты три длины. К з[ападо]-с[еверо]-з[ападу] от д. Берели, верстах в 22, находится горное озеро *Черневское*, в верховьях р. *Черневой*, впадающей в Бухтарму, приблизительно такой же величины, как и Язево, а верстами десятью западнее его – небольшое озеро *Маралье*, в верховьях р. *Белой*, притока Бухтармы. К в[остоко]-ю[го]-в[остоку] от д. Берели, верстах в 35-40, находится *Бухтарминское* или *Черное* озеро, длиной более 4 вер[ст], а шириной более 1 вер[сты], расположенное у южных склонов *Аргутских* гор, составляющих водораздел между рр. Бухтармой и *Аргутом* (системы Катуня). Дно его каменисто, вода чиста и прозрачна, в озере водятся в изобилии хариусы. К в[остоко]-с[еверо]-в[остоку] от д. Берели в таком же приблизительно расстоянии, за перевалом через Аргутские горы из Черной Берели в р. *Кара-Алаху*, приток Аргута (система Катуня), в его верховьях, расположено красивое и глубокое *Кара-Алахинское* озеро с прозрачной водой черно-синего цвета, озеро окружено крутыми склонами высоких гор и имеет до 3 верст длины при ширине около 1 вер[сты]. Оно лежит на высоте лесного предела, и потому лес имеется только у его берегов, а выше горы уже лишены древесной растительности.

От поселка Урульского <...>, идет на восток дорога через пикет *Чиндагатуй* в китайские пределы. Эта дорога захватывает самый южный угол Бийского округа, Томской губ., у Чиндагатуй, который расположен на р. *Укёке*¹, притоке *Ак-Алахи* (системы Аргута и Катуня) близ

¹ Современное написание – Укок. (Ред.)

Чиндагатуйского озера, имеющего около 1 вер[сты] длины и сажен 200 ширины, подпруженного моренным валом, в озере водятся хариусы. К югу от Чиндагатуя находится плоскогорье *Укёк* или *Укок*. Оно расположено выше лесного предела и покрыто альпийскими лугами, частью же состоит из каменистых и болотистых пространств со множеством небольших белых озер. С плоскогорья открывается вид на снежную горную группу *Табын-Богдо-Ола* с высочайшей вершиной *Кийтыном* (не менее 15-16 тыс. футов), расположенной на самой границе с Китаем, и отходящим к западу от Кийтына снежным хребтом *Агайрыком*. Здесь в верховьях рр. *Бухтармы*, *Укёка*, *Алахи* и *Канаса* располагается несколько ледников. За Чиндагатуем путь направляется сначала вниз по р. *Укёку*, а затем вверх по р. *Калгутты*. В верховьях этой последней реки находятся 7 ледников, принадлежащих снежному хребту *Сайлюгему*, отходящему от Кийтына на северо-восток. Из них самый большой залегает непосредственно в истоке р. *Калгутты*. Далее путь направляется на перевал *Улан-Даба* в *Сайлюгеме*, за которым и вступает в китайские пределы, продолжаясь там на г. *Кобдо*.

Около вышеупомянутой д. Берели сходятся границы округов Усть-Каменогорского, Семипалатинской области, Бийского и Змеиногорского, Томской губернии.

Змеиногорский округ занимает площадь около 55 тыс. кв. верст и расположен в бассейне р. Иртыша за исключением своей северной части, захватывающей течение рр. *Чарыша* и *Алея*, притоков *Оби*. Три четверти его поверхности гористы, охватывая западные цепи Алтайской горной системы, и только одна четверть равнинна, заключая в себе восточную часть *Бельгагачской* степи и южную окраину *Кулундинской* степи. Таким образом, только в западной его четверти имеются черноземные почвы, а на остальной поверхности преобладают, так называемые, хрящеватые почвы (скелетные) горных местностей и пойменные почвы в речных долинах. Почти безлесна западная, равнинная часть округа (имеются только сосновые боры, местами на песках), а остальное гористое пространство лесисто, за исключением некоторых безлесных южных склонов гор и очень высоких мест в горах, входящих или в пояс альпийских лугов, или уже в полосу вечных снегов. Населения в *Змеиногорском* округе насчитывается около 244 тыс. душ, т. е. немного более 4 человек на кв. версту. Из числа населения 226 тыс. душ приходится на русских, почти же все остальное – на киргиз. Главные занятия жителей – хлебопашество, скотоводство, а, в частности, в горах

до некоторой степени мараловодство, горное дело, охота, звероловство, лесные промыслы, пчеловодство и некоторые другие отрасли. В округе высевается ржи до 35 тыс. четвертей, яровой пшеницы – до 125 тыс. четвертей, овса – до 110 тыс. четвертей, ячменя – до 20 тыс. четвертей и картофеля – до 15 тыс. четвертей. У населения округа насчитывается до 800 тыс. голов скота, в том числе лошадей – до 255 тыс. голов, крупного рогатого скота – до 250 тыс. голов, овец – до 230 тыс. голов, коз – до 15 тыс. голов и свиней – до 40 тыс. голов.

Возвратимся к Бийску и рассмотрим пути, идущие от него в малонаселенные центральную и восточную части Горного Алтая.

Пути, ведущие в центральную и юго-восточную части Алтая (Уймонский и Чуйский тракты), от Бийска до с. *Катунского* совпадают с трактами на Змеиногорск и Усть-Каменогорск; от Катунского же они направляются к большому торговому селу *Смоленскому* (волостное правление, училище и около 5 тыс. душ населения обоего пола). Оборот торговых заведений села достигает 350 тыс. рублей, из этой суммы около трех четвертей падает на долю торговли мануфактурными товарами. В Смоленском много плотников, а в его окрестностях развито кирпичное производство.

Из Смоленского тракт направляется холмистой местностью к *Старой Белокурихе*.

К югу от нее, верстах в 10, находятся около д. *Новой Белокурихи* известные на Алтае минеральные источники. *Белокурихинские* источники лежат в узкой, ограниченной крутыми и совершенно безлесными горами долине. Главный источник представляет собой колодезь с водой в два аршина глубины, из которого посредством насоса по желобам вода проводится в два бревенчатых здания, где и наполняет ванны. Кроме главного источника по берегам рч. *Большой Белокурихи*, на которой расположена деревня, есть еще несколько ключей с теплой водой. Вода прозрачная, мягкая и, несмотря на слабый сероводородный запах, приятна на вкус; температура ее доходит до 32° Цельсия. Из минеральных примесей в ней содержатся сода, глауберова соль, углекислая известь, магний и др. минеральные вещества, но в таких незначительных количествах, что вода причисляется к индифферентным. Около Белокурихинских вод довольно много домов, построенных крестьянами для приезжающих больных. Источники были открыты в 1866 г., но благоустроенный вид и известность их созданы С. Гуляевым и Мамонтовым значительно позже.

Из Старой Белокурихи тракт поворачивает на восток и, сделав несколько поворотов по долине между первыми сопками, вступает в гористую местность, направляясь в с. Алтайское, расположенное в широкой долине рч. *Каменки* между невысокими, частью лесистыми, частью безлесными горами. *Алтайское* было до конца XVIII в. самым крайним южным пунктом русской колонизации на Алтае и главным торговым центром; это большое село (3 000 душ об[оего] п[ола], волостное правление и сельское училище), здесь имеется более десятка торговых заведений, оборот которых превышает 120 тыс. руб., преобладающий тип торговли – мануфактурный. Среди населения развито кожевенное производство, техника выделки кож здесь доведена до относительно-го совершенства, выделяется замша. Между Бийском и с. Алтайским производится правильное еженедельное почтовое сообщение, но телеграфа нет. В Алтайском торговый алтайский путь разветвляется на три ветви: *Уймонский*, *Чуйский* тракты и дорогу на *Улалу*.

Уймонский тракт из Алтайского направляется долиной рч. *Каменки* на юго-запад лучшими хлебопахатными местами. Долина рч. *Каменки* стеснена довольно крутыми, частью лесистыми горными склонами. Вер[стах] в 8 от Алтайского в этой долине, у крутого поворота речки близ тракта возвышается группа сланцевых скал, в которых слои сланца поставлены вертикально («на головы»), вследствие чего скалы похожи на готическую постройку. Затем, притоком *Каменки*, рч. *Шумилихой* тракт поднимается между рр. *Каменкой* и *Песчаной*. Здесь сосновый лес, раньше покрывавший склоны долины, сменяется лиственничным. На 25-й версте от Алтайского находится перевал, на котором стоит деревянная часовня. Довольно отлогий спуск вначале «еланями», а затем редким лесом направляется в д. *Баранчу*, расположенную при одноименной речке, а далее спускается в долину р. *Песчаной*, которой и достигает при с. Кругане. Минуя большие села Круган и *Тоурак* (чистое, широкое село с хорошей церковью) дорога поднимается на значительный перевал между рр. *Песчаной* и *Ануем*, с которого открывается панорама на первые значительные, хотя еще и не снежные цепи Алтая: к западу на *Абинский* белок в виде шатра (в *Бацалакских* белках) и к югу – на *Талицкие* (или *Ануйские*) белки в виде хребта с выдающимся широким куполом среди других гор. На перевале среди лиственниц попадаются сланцевые скалы со стелющимся кедром. Далее тракт спускается в долину р. *Ануя*, к с. *Черному Аную*. Местность здесь гористая, вершины гор представляют обнаженные скалы, а по склонам расположен пре-

красный хвойный лес. Чудный сухой воздух, не накаливающийся даже в летние жары, богатая растительность, кумыс и удобное купание в р. Ануе привлекают сюда больных, страдающих легочными болезнями и переутомлением (это лучшее кумысное место на Алтае). Население Черного Ануя – крещеные киргизы и алтайцы, русских же здесь немного. Ранее эта местность была заселена калмыками. На пожертвование вдовы богатого крещеного телеута, убитого здесь калмыками, в Черном Ануе был образован миссионерский стан-церковь и дом для миссионера, с этих пор сюда стали переселяться крещеные киргизы, перешедшие уже к оседлому образу жизни и жившие по окрестным крестьянским селениям (особенно в виду стремления миссионера Акакия стянуть их в одно место), а затем стали переходить и русские поселенцы, кочевые же алтайцы, вследствие постепенного захвата жителями поселка их угодий, отдвигались все далее и далее в горы, на угодья, малоудобные для земледелия. В с. Черном Ануе имеются домики для больных, церковь и лавки.

В окрестностях с. Черного Ануя есть несколько довольно порядочных сопок, в числе их можно отметить сопки *Ахту* и *Маралду*, на восток от селения, *Джаным* – на юг и *Сосновую* – в 4 вер[стах] на север; южнее Сосновой сопки сосна здесь, по-видимому, не встречается. Недалеко от подошвы этой сопки имеется пещера.

Из с. Черного Ануя путь поднимается вверх по долине р. Ануя среди лугов и пашен, причем местами выдвигаются скалы и редкие лиственницы. Далее идет вброд через р. *Белый Ануи*, а за ним дорога достигает ст. *Келей* или *Бело-Ануйского*. Здесь находятся инородческая управа и дом ямщика. Близ станции попадают там и сям конические юрты алтайцев, крытые корой, и обширные их стада и табуны.

Вер[стах] в 5 за Келеем Уймонский тракт переваливает через *Талицкие* белки на высоте около 4 тыс. футов среди довольно густого лиственничного леса. Хребет состоит из гранита, сиенита и сланцев. Спуск идет открытыми лугами, а затем степью в долину р. *Кана*, притока Чарыша, которой и следует до течения последней реки. В котловинной долине Кана (имеющей до 3 верст ширины) находится небольшое и неглубокое озерко с болотистыми берегами, служащими приютом большому количеству водяной и болотной птицы, это озерко представляет остаток крупного озера, когда-то заливавшего всю *Канскую* степь, а затем дренировавшегося. Канская степь имеет ровную поверхность с песчаной и отчасти с каменистой почвой, покрытой невысокой травой, среди которой местами выступают скалы.

При впадении р. Кана в *Чарыш*, в 25 вер[стах] от Келея, расположено небольшое с. *Усть-Кан* (с церковью) в местности, по почве пригодной для земледелия и населенной по преимуществу крещеными алтайцами, которыми оно и основано. Впрочем, хлебопашество здесь слабо развито отчасти вследствие высоты места, почему хлеб нередко не вызревает или страдает от утренников, отчасти же по причине неразмежеванности земель оседлого населения от угодий кочевого, так что трудно уберечь посевы от потравы. Против села, на другом берегу реки, расположена хорошо устроенная усадьба братьев Мокиных, ведущих крупную торговлю скотом с Монголией и Восточной Сибирью. Немного южнее Усть-Кана тянется восточная часть *Коргонских* белков, и прямо против селения возвышается лесистая сопка *Кутюрген*.

Вер[стах] в 20 к западу от Усть-Кана, в долине р. *Чарыша*, находится небольшой поселок *Тюдралы* в чрезвычайно живописной, гористой местности, удобной для дачной жизни; в поселке изготавливается хороший кумыс. От Тюдрал[ы] вниз по р. Чарышу идет к западу 25-30-верстная дорога на дд. *Чечулину* и *Коргон*, описанные выше <...>.

За Усть-Каном дорога поднимается вверх по долине р. *Чарыша*, имеющей горно-степной характер (здесь растут кипец, могучка, серая полынь, сушеница, горечавка и пр.), с редкими лиственницами по склонам гор и усыпанной местами курганами с высокими камнями, установленными прямоугольными фигурами около них, здесь пасется много инородческого скота. Затем дорога поднимается по долине притока Чарыша, речки Кырлыка. Здесь, в верховьях речки в 25 вер[стах] от Усть-Кана, расположена станция *Кырлык* в виде одинокого станционного дома около невысокой известняковой гряды. Около *Кырлыка* имеется небольшой кожевенный завод, перерабатывающий до 500 кож в год.

За Кырлыком идет на высоте $4\frac{1}{2}$ тыс. футов перевал через горный узел между *Коргонскими* (на запад), *Теректинскими* (на восток), *Семинскими* (на северо-восток) и *Талицкими* (на с[еверо]-с[еверо]-з[апад]) белками. Дорога идет лиственничным лесом. Далее путь спускается к р. *Абаю*, притоку р. Коксу, и направляется его довольно сырой долиной с протоками и озерами, обильными водяной и болотной птицей, к с. *Абаю* или *Абайскому*. *Абайская* степь окаймлена холмами хлористого сланца, покрытыми старым лесом лиственниц, причем деревья редко отстоят друг от друга. Кругом безлюдно и пусто. Небольшое с. *Абай* вытянулось по берегу одноименной речки.

Из Абая отходит к юго-западу вьючная тропа через хребет *Холзун* на р. *Бухтарму*.

Река *Коксу*, в которую впадает Абай, оживляет унылую степь Абая, и по ее богатой долине раскинулись большие, частые леса березы, пихты и лиственницы. Калмыки живут здесь среди леса, занимаясь звероловством, и до последнего времени им не приходилось жаловаться на уменьшение дичи и зверя.

Верхняя часть долины р. *Коксу*, вытекающей из *Коксунских* белков, несущих на своих вершинах вечные снега, дика и мало исследована.

Среди инородческих земель долины *Коксу* успели за последнее время возникнуть и русские заимки, какова, напр., *Красноярка*, находящаяся за Абаем, по Уймонскому тракту в 14 верстах, и стоящая на берегу р. *Коксу* среди плодородных полей и прекрасного бора. Отсюда начинается самая красивая часть Уймонского тракта. Долина суживается, и река входит в глубокое ущелье сланцевых гор, поднимающихся над ней со страшной крутизной. Узкая, но довольно гладкая дорога вьется большей частью по крутому косоугору высоко над синей, шумливой *Коксу* с крупными елями на ее берегах и местами висит над крутым обрывом в реку. Река, имеющая до 20-30 саж[ен] ширины, так сильно сжата, что путник, проезжая по узкой тропинке на одном берегу, видит в подробности, что происходит в лесу на другом; проезжающим по дороге переселенцам часто приходилось любоваться медвежатами, играющими с медведицей на противоположном берегу. С шумом бегут ручьи, обращаясь при впадении в *Коксу* от высоты падения в сплошную пену и брызги. В верховьях впадающей в *Коксу* рч. *Тюгурюка* виднеется высокая гора *Хамсара-Тайха*, в *Теректинских* белках. Ниже *Тюгурюка*, над р. *Коксу*, высится так называемый *Синий бом*, очень красивый, в особенности, при вечернем освещении, и состоящий из голубых сланцев, отвесно обрывающихся в реку и отгороженный по краю перилами, так как по нему проходит тракт. Из долины *Коксу* виднеются на юго-востоке снежные вершины *Катунских* белков и хребет *Холзун*, ограничивающий ее с юга. Перед слиянием *Коксу* с *Катунью* скалы отступают от берега, и долина расширяется. Отсюда открывается величественная панорама на снежные *Катунские* белки. На правой стороне расположилось небольшое селение *Коксу*, вдали виднеются кочевья теленгитов, а против них, на левой стороне реки, лежит на высоте 3 064 ф[ута] над уровнем моря д. *Верхний Уймон*. Старообрядческое население ее, потомки «камен[ь]-щиков», живет весьма зажиточно; высота места обуславливает нередко

недозревание хлебов, зато мараловодство, охота и скотоводство дают им полное обеспечение. Табуны лошадей ходят лето и зиму в горах без пастухов, вырывая зимой траву из-под снега. Живя вдали от населенных пунктов, жители Уймона поздно узнают то, что происходит за пределами их гор, так, напр., в июле 1895 г. они еще не знали о кончине имп[ератора] Александра III (умершего осенью 1894 г.). Население занимается также пчеловодством. На полях всюду имеется искусственное орошение посредством арыков. За последнее время в долины Уймона и Катанды переселилось много православных переселенцев из России.

К северу долина Катуня здесь стеснена *Теректинскими* белками, имеющими более 7 тыс. фут[ов] средней высоты и несущими большие пятна и поляны вечного снега на своих вершинах. Гора *Саптан*, в Теректинских белках, достигает $7\frac{1}{2}$ тыс. фут[ов]. С Теректинских белков открываются прекрасные виды на *Катунские* белки, с горой *Белухой* во главе к югу, и на невысокие *Семинские* белки к северу. Через Теректинский хребет ведут две тропы: западная, от Нижнего Уймона по долине р. *Теректы*, перевалом на р. *Карагол* и на с. *Туету* в долине р. *Урсула*, расположенное при *Чуйском* тракте (см. ниже) и восточная – от Катанды вверх по р. *Нижней Катанде*, перевалом на р. *Еломан* и далее на заимку *Хабарову*, на *Чуйском* тракте (см. ниже). Калмыки, кочующие на Теректинском хребте, отличаются дикостью.

За В[ерхним] Уймоном тракт продолжается вниз по течению р. Катуня еще на 45 верст через *Уймоонскую* степь, мимо дд. *Горбуновой* и *Нижнего Уймона* до с. *Катанды*, расположенного в *Катандинской* степи, отделяющейся от Уймоонской небольшой гранитной грядой, отходящей от Теректинских белков.

Катанда, конечный пункт Уймоонского тракта, представляет собой небольшое селение с церковью. Население его состоит из старообрядцев, православных и крещеных калмыков и известно по своему мараловодству. Здесь можно достать хороших проводников в окружающие горы.

От Катанды и Уймона можно проникнуть к северным ледникам горы *Белухи*, в *Катунских* белках, а также перевалить по тропам в трех местах западнее Белухи Катунские белки (представляющие сильно зубчатый гребень, состоящий из сланцев и гнейсов, и покрытый большими скоплениями снега) и выйти на их южный склон, далее же проследовать на южные ледники Белухи и на Рахмановские ключи, описанные выше <...>. Из этих трех перевальных троп *Кураганская* (самая восточ-

ная) направляется из Катанды по заросшей густым лесом и богатой дикими ущельями долине р. *Нижнего Курагана* до снежного перевала *Иолдо*, в его верховьях, а затем долиной р. *Верхнего Курагана* спускается на верхнее течение *Катуни* и идет мимо ледников *Геблера* и *Берельского* (<...>). Второй, средний путь *Мультинский*, идет по более низким частям хребта и из Нижнего Уймона направляется долиной р. *Мульты* к ее верховьям, переваливает гребень и направляется мимо прекрасного горного озера *Тальменьего*, а далее идет по р. *Тургенсу*, по которой спускается к *Катуни* и у устья р. *Верхнего Курагана* сливается с *Кураганской* тропой. Третья, крайняя западная тропа, идет из В[ерхнего] Уймона по самой западной части *Катунских белков*, где хребет обращается в высокие плоскогорья (спускающиеся к р. *Коксу*), пересекает верховья речек *Сугаша* и *Зайчихи*, затем понемногу спускается к *Катуни*, долиной которой и поднимается до соединения с *Мультинской* и *Кураганской* тропами.

Ледников *Белухи*, на которые можно проникнуть с севера, от Катанды, четыре: западный *Муштуайры*, северный *Радзевича* или *Аккемский*, северо-восточный *Менсу* и восточный *Куркуре*. Для того, чтобы попасть на ледник *Муштуайры*, нужно из Катанды подняться вверх по долине правого притока *Катуни* р. *Кочурле* до прекрасного *Кочурлинского* горного озера, имеющего 4 версты длиной, берегом озера или по озеру на каком-либо самодельном приспособлении, вроде плота, добраться до устья рч. *Конийры* и долиной последнего достигнуть устья рч. *Муштуайры* (верст 7). Здесь виднеется ледник *Муштуайры*, особенно красив вид на него с лежащей на левом берегу р. *Конийры* высокой *Сайлянкиной* гривы <...>. Отсюда до нижнего конца ледника остается версты $2\frac{1}{2}$. Ледник имеет в длину до 7 верст, верхняя часть его достигает $1\frac{1}{2}$ версты длины, а нижняя сужена. Так как падение ледника невелико, то ледопадов и значительных трещин на нем не замечается. Р[e]ч[ка] *Муштуайры* вытекает из-под ледника сразу значительным потоком.

Для того, чтобы попасть на ледник *Радзевича*, нужно отправиться из Катанды на восток, вниз по течению *Катуни*. Эта тропа, ведущая на р. *Аргут*, проторена довольно хорошо. Ехать нужно до начала стесненного «бомами» течения *Катуни*, простирающегося до устья *Чуи* и называемого «прорывом *Катуни*». Около устья *Аксу* тропа переходит на правый берег *Катуни*, и отсюда надо вверх по рр. *Аксу* и *Аккemu* следовать до небольшого *Аккемского* озера, выше которого вер[стах] в 3 и

находится ледник *Радзевича (Аккемский)*, обрывающийся с северного, отвесного склона Белухи, окружающего его полукруглой стеной (см. выше <...>). С седла Белухи, с обоих ее горбов и с западных, примыкающих высот, сюда обрывается лавинами и скатывается потоками снег. Таким образом, здесь образуется «цирк», из которого в ущелье между двумя скалами выходит лед. Одна из этих скалистых грив (западная) кончается вершиной, лишь немного уступающей по высоте конусам Белухи. Выйдя из прохода, ледник расширяется в широкое (до $1\frac{1}{2}$ версты) ледниковое поле. Здесь к нему подходит до 5 боковых ледяных порогов. Вер[стах] в 3 от узкого прохода ледник снова суживается между окружающими его высотами и, перегибаясь, образует ледяной хребет, вследствие чего у его берегов зияют темные пропасти, в которых слышится глухое урчание воды. В них от времени до времени проваливаются с грохотом громадные камни морены. Таким образом, этот ледник отличается от других своей шумливостью. Далее лед спускается под более крутым углом и обрывается стеной к небольшому озерку, подпруженному моренными накоплениями, и через прорыв в них ледниковые воды устремляются далее в виде ручья с каскадами. Общая длина ледника достигает 7 верст, считая от седла Белухи до озерка.

Северо-восточный ледник Белухи – *Менсу* находится в верховьях рч. *Иедыгема*, устье которого пересекается вышеупомянутой Аргутской тропой, так что для достижения этого ледника нужно подняться вверх по течению рч. *Иедыгема*. Этот ледник питается теми же восточными частями Белухи, как и вышеупомянутый <...> Берельский ледник. Лучшее место для обозрения всего ледника Менсу представляет террасовидная площадка под вершиной *Кара-Оюк*, куда следует подняться левой мореной ледника во второй этаж его. Снежник ледника Менсу спускается с Берельского склона Белухи в виде двух уступов и обращается в ровное ледниковое поле шириной до $1\frac{1}{4}$ версты. Ниже уступов ледник принимает в себя два боковых ледяных потока. Длина ровного ледникового поля достигает 6 верст, а вся длина ледника – 10 верст. Против вышеупомянутой террасовидной площадки ледник сходит вниз крутыми ступенями, образуя великолепный ледопад, а затем спускается наклонно острыми правильными волнами. Некоторые из них поднимаются кверху на 2-3 сажени и при взгляде снизу имеют вид острых конусов. Это настоящее «ледяное море» Белухи. В конечном языке ледника, против так называемой «*Красной Лестницы*» (т. е. полированных скал у конца ледника), замечается вторая волна, оканчивающаяся зазубрен-

ными отростками. Мутный поток вырывается с левой стороны ледника из громадной мрачной ледяной пещеры еще выше Красной Лестницы, течет некоторое время вдоль льда и морены, затем снова скрывается подо льдом и вновь появляется у конца ледника в виде р. *Иедыгема* (*Менсу*). К юго-востоку от ледника Менсу находится еще один небольшой, самый восточный ледник Белухи, называемый *Куркуре*, дающий начало одноименному потоку. Ледник этот непосредственно соседит с вышеописанным <...> Малым Берельским ледником.

От устья Иедыгема Аргутская тропа продолжается долиной р. *Аргута* вверх, пересекает реку и вер[стах] в 35-40 от Иедыгема достигает притока Аргута рч. *Тополевки* (*Карагема*). Далее тропа идет вверх по последней реке на перевал в *Чуйских* белках. В верховьях рч. *Тополевки* имеются небольшие ледники версты в 2-3 длиной. Далее тропа проходит в виду главной вершины *Чуйских* белков горы *Иикту*, заметной в форме трехзубой снежной пирамиды, и спускается на северный склон *Чуйских* белков (см. ниже).

Возвращаемся к с. *Алтайскому*. Вторая дорога – *Чуйский* тракт направляется из него на юг, вверх долиной р. *Сарасы*, причем по мере удаления местность приобретает все более и более горный характер с большими пространствами хвойного леса. За д. *Сарасой* долина одноименной речки суживается, и горные склоны становятся круче. Здесь, в 3 вер[стах] за деревней, около дороги имеется небольшой ключ с температурой воды $8\frac{1}{2}^{\circ}$ Цельсия и с пузырьками газа. Немного далее, в известковой скале по правую сторону рч. *Сарасы*, находится небольшая пещера с узкими ходами в виде низких коридоров и небольшим подземным залом. Хотя со стен и потолка пещеры и падают капли, но сталактитов и сталагмитов здесь нет, вероятно, потому, что пещера недавно образовалась. В 27 в[ерстах] от с. *Алтайского*, при впадении в Сарасу рч. *Комары*, находится незначительная д. *Комара*. Отсюда тракт идет долиной этой последней речки и затем поднимается на перевал между рр. *Сарасой* и *Семой*. С высокого (3 200 футов) перевала открывается обширный вид на окрестные горы, то лесистые, то скалистые, и на *Семинские* белки вдаль. Далее дорога спускается горными лугами с группами лиственниц в долину р. *Семы* и здесь, в 23 верстах от *Комары*, достигает с. *Черги*. Это довольно значительное село с церковью, расположенное при впадении р. *Черги* в *Сему*. В село каждое лето наезжают дачники из Бийска, Барнаула и Томска, остаются здесь до начала августа и делают отсюда экскурсии верхом на Катунь и в окрестные горы.

Окрестности с. Черги очень привлекательны. В особенности красива долина р. *Черги*. Из окрестных гор выше остальных гора *Стая*, между долинами Черги и Семы, впрочем, не поднимающаяся выше предела лесной растительности. Горы к западу от Стаи, служащие водоразделом рр. Семы и *Песчаной*, называются *Чергинскими* белками и служат северо-западным отрогом *Семинских* белков, на которые открывается вид с горы Стаи.

За Чергой Чуйский тракт поднимается долиной р. Семы и, пройдя мимо д. *Муюты*, достигает большой деревни *Шабалиной*¹ (20 верст от Черги). На месте последней в начале XIX в., когда еще бийские купцы не осмеливались ездить для торга в Чуйскую степь, велась торговля с теленгитами и калмыками. Население Шабалиной и теперь принимает участие в торговом движении по Чуйскому тракту в роли возчиков товара. Часто здесь уже навьючивается товар на лошадей для доставки в Китай и происходит таможенный досмотр его. Далее дорога идет все той же долиной р. Семы на переселенческий поселок *Топучий*. Первые русские переселенцы застали здесь в 1881 г. только несколько овинов для сушки и амбаров для хранения кедрового ореха, принадлежавших разным орехопромышленникам. Первые основатели поселка не ужились здесь и отправились искать новых мест. Но место, оказавшееся удобным для земледелия, привлекло новых переселенцев. Кроме земледелия около половины местного населения занимается сбором орехов, некоторые же – охотой и извозом. Вскоре за Топучим начинается *Семинский* перевал. Высота перевала достигает 5 500 фут[ов]; в виду непроходимой чащи леса по обе стороны, мешающей просохнуть глинистой дороге, грязь и топь здесь, обыкновенно, непролазные, но дорогу легко было бы содержать в исправном виде, если бы на протяжении 5-6 в[ерст] расчистить чашу леса, построить 6 мостов через ручьи (от 2 до 4 саж[ен] каждый) и местах в двух-трех укрепить грунт.

Семинские белки, через которые переваливает здесь Чуйский тракт, составляют водораздел рр. *Урсула*, *Песчаной*, *Семы* и *Катуни*, являются северо-восточным отрогом *Коргонских*, *Теректинских* и *Талицких* белков <...> и не отличаются своей высотой, едва переходя за пределы лесной растительности в своих наиболее высоких частях. Горы состоят из глинистого сланца, известняка, гранита и диорита. В Семинских белках много живописных мест.

Спустившись лиственным лесом с Семинского перевала, дорога проходит через станцию *Песчаную* (35 верст от Шабалиной), состоя-

¹ Современное написание – Шебалино. (Ред.)

щую из единственной ямской избы с лошадьми, а затем, пройдя долиной р. *Теньги* (притока р. Урсула), мимо мелкого и довольно безжизненного *Теньгинского* озера с низкими берегами, достигает (в 22 в[ерстах] от Песчаной) с. *Теньги*, расположенного близ впадения р. Теньги в р. *Урсул*. Здесь на болотистой низине расположился единственный дом среди разбросанного калмыцкого поселка. Теньга представляет собой центр калмыцких стойбищ, здесь бываюи народные съезды, на которые собираются алтайцы со всех окрестных местностей. Это место предназначено было в 1878 г. для переселенческого поселка, но осевшие здесь четыре семьи принуждены были бросить постройки и уйти искать других мест поселения. Говорят, что их выжили калмыки.

В 17 вер[стах] от Теньги, в долине р. *Каярлыка*, находится каменная плита с поясным изображением женской фигуры, такой же именно камень с рисунком есть в 8 верстах от Теньги, в долине р. Урсула. Происхождение этих памятников не выяснено, алтайцы считают их памятниками пребывания здесь тех их предшественников, которых русские называют «чудью». В долинах Урсула и Каярлыка заметны также остатки старинных оросительных сооружений.

Следующая станция – переселенческий поселок *Туета*. Поселок был проектирован администрацией Алтайского округа в том же 1878 году, когда для колонизации местности, прилегающей к алтайским торговым трактам и тропинкам, был намечен целый ряд поселков. Туета быстро заселилась, причины, побуждавшие переселяться сюда, заключались в промысловом приволье нового поселка, растянутого в широкой долине р. *Урсула*. Кругом было много леса для звероловов, хорошие кедровники и обилие кормовых трав. Тем не менее, многие и отсюда ушли дальше, искать новых поселений, причина этого, кроме типичной для алтайских насельников непоседливости, заключалась в раздорах с калмыками, которым пришлось поступиться в пользу русских своими насиженными местами, недоразумения и притеснения продолжаются и до сих пор, но теперь более сильной стороной уже оказываются русские. Кроме земледелия население поселка занимается сбором орехов и разными кустарными промыслами и ремеслами. В поселке имеется два кожевенных завода, причем производительность одного из них достигает 1 000 кож в год.

Значительное село *Онгудай*, следующее за Туетой по тракту, представляет собой один из центров Горного Алтая. Здесь находится таможня, бывает значительная ярмарка, живут два миссионера, специальная алтайская администрация и фельдшер. В селе есть несколько домов

городской архитектуры. Население Онгудая достигает свыше 500 человек обою пола. Онгудай основан в половине XIX в. известным алтайским миссионером о. Акакием для обращаемых в православие язычников-алтайцев, переходящих к оседлому образу жизни, они и теперь составляют бóльшую часть населения Онгудая. И здесь, как и везде в Горном Алтае, образование русского поселка повлекло за собой захват лучших угодий инородцев. Население Онгудая кроме земледелия, сбора орехов и звероловства, занимается также извозом по Чуйскому тракту. Здесь подвергается таможенному осмотру и перевыючивается для доставки в Китай бóльшая часть идущих туда товаров. В селении имеются две мукомольных мельницы и кожевенный завод; значительная часть населения занята также кустарными промыслами и ремеслами, среди последних в Онгудае развито оружейное дело, причем сбыт ружей производится алтайским охотникам.

18 верстами далее за Онгудаем находится последнее сколько-нибудь населенное место по Чуйскому тракту – д. *Хабарова*, основанная еще в 1884 г. Поселок долгое время не мог прочно обосноваться, вследствие неблагоприятных отношений местных инородцев, и только в 1891 г., с отводом ему определенной земельной дачи, положение здешних русских поселенцев улучшилось.

От Хабаровой к юго-западу идет вышеописанная <...> тропа через *Теректинские белки* на *Катанду*.

От Хабаровой вплоть до Кош-Агача нет ни одного сколько-нибудь значительного селения и, хотя в нескольких местах и были предназначены поселенческие поселки, но, по малой пригодности для земледелия окружающей местности, они остались незаселенными. Еще следующая за Хабаровой заимка *Куликова (Кумпешень)* может стать земледельческим поселком, но уже *Усть-Иня*, расположенная недалеко от *Усть-Чуи*, где обитают три семьи новокрещеных алтайцев, и *Июдролы* (следующая вверх по Чуе станция) решительно пугают переселенцев. Между Хабаровой и Куликовой заимкой делают перевал через *Улегемский*¹ хребет (4 300 ф[утов]), представляющий собой северо-восточный отрог Теректинских белков.

На одной из тропинок, ведущих через эти горы, видны следы старой китайской дороги, в настоящее время заросшей деревьями и засоренной камнями, скатившимися с соседних гор, дорога была высечена в скале и идет зигзагами, но повороты ее некруты, а подъемы пологи.

¹ Современное написание – Улегемский. (Ред.)

За Куликовой заимкой совершается переправа через р. *Катунь*. Катунь отличается здесь быстротой течения, вырвавшись из известного *Прорыва Катунь* <...>.

По обеим сторонам Катунь указывают два огромных выступа, на которых видны следы каких-то старинных приспособлений к переправе.

Далее путь следует по долине р. *Чуи*, притока Катунь, отличающегося необыкновенно мутной водой.

К северу от Чуи остается *Сальджарский* хребет (6 000 ф[утов]), вдоль и поперек которого идет тропа. Подъем и спуск на хребет очень круты. Сальджарский перевал покрыт густым лиственным лесом, почему тропинки здесь грязны.

Здесь, верстах уже в 10 от Усть-Чуи, путник переходит первый опасный бом на протяжении 110 саж[ен], идя по нависшей над водой скале; ширина бома всего аршин; местами через расселины в скале перекинута мостики. Ряд бомов приходится проходить и далее вверх по течению Чуи.

В нижнем течении Чуи сохранились в одном месте едва заметные следы укрепления. Выше по Чуе тракт идет у подножия *Айгулацких* гор, составляющих восточное продолжение Сальджара, имеющих свыше 7 тыс. футов абсолютной высоты и достигающих снежной линии. Напротив, на левом берегу Чуи, находится *Малая Чуйская* гряда, достигающая $7\frac{1}{2}$ –8 тыс. футов и также имеющая пятна снега на своих вершинах.

Из населенных пунктов Чуйской долины, за неудавшимся поселком *Иодрал*, можно назвать *Чибит*, близ так называемой *Сартымайской* степи. Здесь был также проектирован поселок, но не осуществился, хотя земли вдоль речек и плоской возвышенности, разделяющей их долины (Сартымайская степь), удобны для земледелия и изрыты многочисленными арыками. Тут же видны следы оросительных сооружений народа, который занимал эту долину ранее пашущих здесь калмыков. Местоположение степи (4 500 ф[утов]) сравнительно весьма высокое. Здесь по рч. *Чибиту* находится родовое управление 1-й Чуйской волости. Другой центр инородческого населения и станция по торговому пути находится при впадении в Чую р. *Курая*, где образуется широкая долина, называемая *Курайской* степью, со всех сторон замкнутая высокими горными хребтами.

К северу долина замкнута *Курайским* хребтом (в который перешли к востоку Айгулацкие горы, упомянутые выше), имеющим свыше 8 тыс. футов абсолютной высоты и несущим вечные снега на своих вершинах,

главным образом, по северному склону. К югу, за р. Чуйей, тянутся еще более высокие *Чуйские* белки (см. ниже).

Берега рек Курайской степи и выходящие в котловину ущелья гор поросли лиственным и еловым лесом. Почва глинистая с примесью гальки и слабым травяным покровом. У современных обитателей Курайской степи (калмыков) хлеб нередко вымерзает (высота положения 5 000 фут[ов]), но следы многочисленных арыков свидетельствуют о существовании здесь земледелия у более ранних обитателей степи. Теперь на всем ее пространстве до 40 верст в длину и 24 в ширину кочует всего около 40 айлов алтайцев; здесь находится родовое управление 2-й *Чуйской* волости.

Между Чибитом и Кураем сохранились остатки старинного укрепления, некогда совершенно замыкавшего узкий проход, ведущий в расширяющуюся ниже долину р. Чуи. Близ Курая, верстах в 6 от тракта, находится каменное изображение мужской фигуры: лицо с усами и бородой, на голове остроконечная шапка с шишкой, с левого бока изображен привешенный меч, с правой – какой-то футляр, в правой руке фигура держит сосуд.

На полпути от Курайской степи к Кош-Агачу от Чуйского тракта отходит на юго-запад, вверх по течению притока Чуи р. *Чеган-Узуна* и его левых притоков (несущих наибольшее количество мути в Чую, отчего и произошло название *Чеган-Узуна*, обозначающего по-русски «Белый длинный»), тропа на *Чуйские* белки. К северу от этой дороги высится горный хребет – отрог Чуйских белков, на котором имеются значительные скопления снега и ледники в верховьях рч. *Актру*, в узле *Биш-Иирду*, где он отделяется от главной гряды Чуйских белков. Такие же скопления снега, но без ледников, имеются и западнее этого узла в Чуйских белках, в верховьях рч. *Маашей*. И тут, и там горы достигают свыше 12 тыс. футов абсолютной высоты. Впадающие в Чеган-Узун речки *Джелло с Талдурой* и *Ак-Коль* выходят из самых высоких частей Чуйских белков. Здесь лежат крупные ледники. В верховьях р. Джелло, выходящей из горного узла Биш-Иирду (от которого отделяется вышеупомянутый отрог Чуйских белков), находится ледник, имеющий до $7\frac{1}{2}$ версты длины, сливающийся из двух ледяных потоков и, по-видимому, соответствующий ледникам рч. *Тополевки* на южном склоне <...>. В верховьях рч. *Талдуры* находятся крупные ледники, спускающиеся с главной вершины Чуйских белков и второй после Белухи вершины Алтая – горы *Иикту* (13 700 футов). Эта вершина вырисовывается в верховьях

рч. Талдуры еще не доезжая верст пяти до оконечности ледников. Она имеет форму как бы расщепленную, в виде двух острых, клинообразных пирамид одинаковой высоты, прислоненных друг к другу; одна из пирамид – северная, бела от массы снега, а другая, южная, обращенная к долине р. *Ясатера*, совершенно черна от его отсутствия. Ниже белая пирамида обрывается почти отвесными, обнаженными скалами к леднику. Западные склоны горы Иикту, по-видимому, дают ледник в систему рч. Тополевки, именно в ее приток *Караяры* <...>. Между Иикту и лежащими к востоку от него вершинами *Ольгой*, *Близнецами* и *Ключем* (имеющими каждая более 12 тыс. футов абсолютной высоты) скопляются громадные массы снега и льда, собирающиеся на общей площади *Товарищества*, с которой и стекают в виде общего *Большого Талдуринского* ледника, имеющего в своем нижнем течении четыре морены. Длина Б[ольшого] Талдуринского ледника достигает 8 верст при ширине его в нижнем течении до $1\frac{1}{4}$ версты и общей площади до 18 кв. верст. Это наибольший ледник Чуйских белков, не уступающий в величине самым крупным ледникам Белухи (Менсу, Катунскому и Берельскому). Б[ольшой] Талдуринский ледник отличается большой доступностью для изучения, так как на нем нет крутых ледопадов, а хотя на широких волнах ледника и имеются поперечные трещины, но они не разбиты на отдельные ледяные скалы. Вдоль левого берега нижнего течения ледника можно даже проехать верхом на лошади до самой площади *Товарищества* и, перейдя через овраг под *Малым Талдуринским* ледником (не достигающим *Большого*), на лошади же выехать на *Поворотную* гриву, откуда открывается чудесный общий вид на ледник и окружающие вершины Чуйских белков. С *Поворотной* гривы можно с большой осторожностью, имея надежных проводников, перейдя пешком верхнюю часть Б[ольшого] Талдуринского ледника, подняться на седло восточнее пирамид Иикту. Это седло вертикальной страшной стеной, со щелистым, зазубренным, как пила, гребнем, обрывается к югу, к леднику *Мен*, питающему одноименный приток р. *Ясатера*. С седла открывается на юг грандиозная панорама: впереди где-то внизу протянулась глубокая долина р. *Ясатера*, а за ней виднеются *Аргутские* горы, плоскогорье *Укёк* и снежные горные группы *Табын-Богдо*, *Кийтын* и *Сайлюгем*.

Следующие к востоку ледники Чуйских белков находятся в долине р. *Аккола*, притока *Чеган-Узуна*. Для того, чтобы ближе попасть на них с верхнего течения *Чеган-Узуна*, нужно взойти из его долины по его притоку *Имене* на высокое плоскогорье, служащее водоразделом *Аккола* и *Че-*

ган-Узуна, отсюда открывается хороший вид на Чуйские белки с рядом их снежных вершин, среди которых выделяется снежная пирамида горы *Ирбисту* (см. ниже). Отсюда следует спуститься в долину р. Аккола и, следуя вверх по его течению, можно достичь *Софийского* ледника, спускающегося с трех вершин: *Брата* (12 600 футов), *Ксении* (12 400 футов) и *Сестры* (11 400 футов). Ледник, второй по величине в Чуйских белках после Б[ольшого] Талдуруинского, сходит с вершин пятью отлогими ледяными потоками, соединяющимися далее в один общий широкий поток. Этот глетчер имеет до 7 верст длины и отличается своей доступностью, так как только с правой стороны в нижней части ледника имеются около боковой морены ряды глубоких трещин, да таковые есть еще на правом среднем и восточном потоках, но крутых ледопадов нет. В конце языка ледника лежит небольшое озеро с ледяными берегами. Восточнее Софийского ледника лежит небольшой *Удачный* ледник, имеющий до 4 верст длины и питающий своими водами тот же Аккол. Чтобы попасть к ледникам, сходящим со следующей крупной вершины Чуйских белков к востоку, нужно спуститься по долине р. *Аккола* верст на 9-10 к небольшому мутному озеру (1 в[ерста] длины и 200 саж[ен] ширины), через которое протекает Аккол. Отсюда, немного ниже озера, можно перевалить через восточный водораздельный хребет в долину рч. *Караира* (приток Аккола). Перевал не представляет особых затруднений. В верховьях этой речки лежит в ее западном истоке 5 малых ледников, а в восточном – большой ледник *Ядринцева*, питаемый снегами вершины *Джан-Иикту* (12¹/₂ тыс. футов), почти сплошь заваленной снегом и имеющей с северо-востока вид египетской пирамиды, а с запада – округлую форму. Ледник сильно покрыт снегом, так что из его 5-верстной длины свободна от снега только нижняя часть, имеющая 1 версту протяжения.

К востоку от Джан-Иикту, в системе рч. *Елангаша*, притока Чуи, лежит последний к востоку ледниковый центр в Чуйских белках. Сюда можно попасть от Чуйского тракта, следуя вверх долиной р. Елангаша. В его верховьях над глубокими долинами возвышается пирамидальная снежная гора *Ирбисту* (*Барсовая гора*), с раздвоенной вершиной, достигающая свыше 12 тыс. футов абсолютной высоты. От этой вершины спускается к северу, с заворотом на запад, ледник, имеющий в длину 4 версты и в ширину около ¹/₂ версты, сбоку к нему, по-видимому, подходит еще второй ледник.

За устьем р. *Елангаша* Чуйский тракт приводит к *Кош-Агачу*, расположенному в *Чуйской* степи, близ впадения в Чую рч. *Чеган-Бургазы*. На-

звание Кош-Агач обозначает «Вьючное дерево», т. е. указывает на то, что вследствие отсутствия здесь леса, его приходится привозить сюда вьючным путем. Вид этого небольшого селения неуютен, так как постоянных жителей здесь весьма мало: Кош-Агач оживляется в мае и декабре, в период доставки сюда монгольских товаров и отпуска из здешних складов русских в обмен на них, а в остальное время здесь с трудом можно достать даже хлеб. Селение имеет оригинальный вид, весьма мало напоминающий обычное представление о селении. Немногие дома, имеющиеся в селении, так широко разбросаны один от другого, что напоминают скорее отдельные заимки, чем одно селение. Около каждого из них размещается несколько инородческих юрт. Здесь живут агенты и приказчики русских купцов, ведущих торговые дела с Китаем и местными инородцами. Кроме того, в селении имеются строения, принадлежащие Алтайской духовной миссии – деревянная церковь и таможня. Земледельческая культура здесь невозможна, по высоте местности и суровости климата.

Чуйская степь имеет около 60 верст длины и около 40 верст ширины и расположена на высоте 5-5¹/₂ тысячи футов над уровнем океана. Это волнистое плоскогорье в северной своей части несколько богаче травяной растительностью, а в южной представляет скорее каменистую пустыню, покрытую галькой и щебнем, с жалкими пучками травы между ними. Вообще вся травяная растительность Чуйской степи имеет блеклые тона, которые меняются на более сочные только близ речек и озерков. Климат настолько суров, что иногда даже в середине лета здесь выпадают крупа и снег при температуре 0°, мерзлый пласт земли здесь наблюдался на глубине 1¹/₂ аршина от поверхности. Поэтому Чуйская степь пригодна только для кочевого скотоводства. В степи нередко можно видеть вдали небольшие табуны диких сайгаков.

От Кош-Агача существует тропа вверх по течению рч. *Тархаты*, притока р. Чеган-Бургазы, ведущая перевалом, через восточную часть Чуйских белков в долину р. *Ясатера*. К северу имеются тропы через восточную часть *Курайского* хребта на рр. *Чульшман* и *Башкаус*.

Из Кош-Агача Чуйский тракт продолжается к востоку на пикет *Юстыд* (что значит «сто листовниц»), переваливает за ним через хребет *Сайлюгем* и направляется в китайские пределы на г. *Кобдо*.

Возвращаясь еще раз к с. *Алтайскому*, можно заметить, что последняя отходящая от него дорога направляется прямо на восток, к *Катуни* и, по пересечении водораздела между Катунью и рч. *Каменкой*, достигает на берегу Катуня с. *Айского*, лежащего против с. *Улалы* (см. ниже).

Возвратимся теперь к г. *Бийску*, отправному пункту на Горный Алтай, и исследуем пути от него в юго-восточную часть Алтая, известную под общим именем «*Алтайской черни*», наименее населенную и наиболее дикую по сравнению с остальными его частями.

Юго-восточная дорога отправляется из Бийска правым луговым берегом р. *Катуни* и в 35 в[ерстах] от города достигает с. *Сростков*, где имеются волостное правление и сельское училище, а также значительно развит щепной промысел. Далее путь достигает д. *Усятской*, в которой население издавна занимается судостроением, а затем приводит в с. *Тарханское* (18 в[ерст] от с. Сростков).

В расположенной в окрестностях Тарханского д. *Суртайке* находится значительный центр шерстобитно-пимокатного и щепного промыслов.

За Тарханским местность приобретает уже настолько волнистый характер, что на пути имеется даже два незначительных перевала и перед путниками вырастают предгорья Алтая. Здесь, по пересечении правого притока Катуни, р. *Иши*, путь в 30 верстах от Тарханского достигает довольно значительных смежных селений *Чергачака* и *Маймы*, за которыми в 9 верстах входит в большое торговое село *Улалу*, где находится свыше 10 торговых заведений с годовым оборотом около 115 тыс. руб., а также миссионерская станция. В селе имеется несколько двухэтажных домов, и его грязные улицы и покосившиеся домики производят впечатление скорее плохого захолустного городишки. Улала является узлом, откуда расходятся дороги и тропы по всему юго-восточному Алтаю.

О дороге, идущей от расположенного против Улалы на другом берегу Катуни с. *Айского* (к которому есть перевоз на проволочном канате), на запад, на с. *Алтайское*, мы упоминали выше <...>.

К югу от Улалы, вверх по долине р. Катуни, по ее правому берегу на юг идет дорога до *Чемала*. Собственно говоря, удобная колесная дорога идет через *Улалинский* монастырь (см. ниже) и далее горами до с. *Узнези* (см. ниже), а вдоль Катуни пролегает менее удобная, скорее похожая на тропу. Первое селение *Манжерок* расположено около известного и красивого порога на Катуни, именуемого *Манжерокскими воротами*. Поперек реки здесь располагается пять огромных камней, из которых три лежат несколько впереди, а два позади. Среди них с грохотом и плеском крутится вода, вздымаясь гребнями кверху, пока не находит выхода между берегом и одним из камней. Поток с правой сто-

роны относительно спокойнее и потому служит для сплава небольших плотов, проводимых опытными местными сплавщиками-специалистами с большим риском, так как плоты все-таки, стремительно проходя Манжерокские ворота, заливают водой до пояса стоящих на них людей, а иногда и выше того. За Манжероком на противоположном, левом берегу Катуня расположилась незначительная д. *Талда*, близ которой имеется пещера. За Талдой путь достигает с. *Чепош*. Недалеко отсюда, с левой стороны, в Катунь впадает р. *Сема* и подходит окончание *Семинских* белков, а потому на Катуня появляются скалистые, поросшие деревьями острова. В следующем селении Узнезе (12 верст от Чепоша) путь вдоль Катуня смыкается, как мы говорили выше <...>, с колесной дорогой из Улалы через Улалинский монастырь. Небольшое селение Узнезя расположено на ровном месте, окруженным крутыми горными склонами. От Узнези до *Эликманара*¹ дорога идет прекрасным сосновым лесом. Эликманар представляет собой небольшое селение с церковью, расположенное в красивой местности. Название его представляет искаженные калмыцкие слова «элик барар», что значит «козлы идут». Против Эликманара на левом берегу Катуня расположился небольшой поселок *Аюла*. В 5 верстах выше Эликманара путь достигает с. *Чемала*. Это довольно значительное инородческое селение, имеющее до 50 дворов, церковь, духовную миссию и перевоз через Катунь. Жители села занимаются хлебопашеством. За последнее время в Чемале стала развиваться дачная жизнь, которая здесь весьма дешева: простая, чистая изба стоит от 5 до 15 руб. в месяц, мясо и различные жизненные продукты продаются тут также по совершенно деревенским, малым ценам, имеется и кумыс, а также прекрасные прогулки верхом и пешком по окрестностям. Дачников здесь, как и во многих других местностях Алтая, называют «воздушниками» (от чистого воздуха, которого они ищут).

Чемал расположен вблизи подножия *Куминских* белков. Этот последний значительный хребет на правобережье Катуня поднимается в своих высших точках выше лесного предела, и на вершинах некоторых его крутых и отвесных утесов, на северном и восточном склонах хребта подолгу лежат нерастаивающие пятна снега, под утесами разбросано много мелких озерков, происшедших из снеговой воды и дающих начало стекающим с хребта речкам и ручьям. Таким образом, Куминские белки являются привлекательнейшим местом для экскурсий. Восточная часть *Куминских* белков, равно как и прилегающие к ней хребты, имен-

¹ Современное написание – Элекмонар. (Ред.)

но идущий на соединение с нижеописанной горой Алтын-Ту, а также водораздельный хребет между притоками Катуня и Башкауса, идущий на соединение с Айгулацкими горами <...>, почти не исследованы. От Чемала идет тропа на юг, вверх по правому берегу Катуня до *Эджигана*. Это селение расположено верстах в 7 от Катуня при рч. *Эджигане*, состоит из 8 русских и 30 инородческих дворов и имеет церковь. Жители успешно занимаются хлебопашеством (посевы ржи, ярицы, пшеницы, овса, ячменя, гречихи, проса и льна), так что хлеба всегда хватает на пропитание. Пчеловодство ведется на 4 пасеках, заключающих в общем 150-200 ульев. Развита также ореховый и охотничий промыслы: бьют медведей, каменных козлов (теке) и, изредка, маралов. На север от селения открывается хороший вид на южные склоны вышеупомянутых Куминских белков. На юг от Эджигана, при впадении рч. *Каинчи* в Катунь, стоит незначительное селение крещеных алтайцев *Усть-Каинча*, с церковью. Тропа продолжается вверх по течению Катуня до устья рч. *Сумульты*, где находится южный предел распространения сосны; за Сумультой одна ветвь тропы, перейдя Катунь, направляется на вышеописанное <...>с. *Онгудай*, а другая ветвь идет некоторое время вверх по долине Сумульты, затем поднимается в горы, переваливает их около гор *Тойлю-Арт* и *Айсин-Баш*, постепенно спускается в долину р. *Башкауса*, пересекает его в среднем течении и следует его левым берегом у подножия *Чулышманских* белков (см. ниже) к верховьям, затем переваливает *Курайский* хребет и соединяется с *Чуйским* трактом, восточнее *Кош-Агача*, около *Чибита* <...>.

От Улалы идет 150-верстный путь на *Телецкое* озеро. В 6 в[ерстах] от Улалы к юго-востоку на описываемом пути находится *Улалинский* женский монастырь, основанный в виде общины в 1863 г. Монахини здесь происходят по преимуществу из крещеных инородок; их главные занятия – воспитание и обучение инородческих детей и приготовление их ко крещению, а также уход за больными в Улалинской лечебнице, некоторые же занимаются иконописью. В 20 в[ерстах] от Улалы расположена на Телецком пути небольшая, бедная деревня *Карасук*, заселенная крещеными калмыками, эти последние, переняв русскую избу, тем не менее ставят рядом с ней свою берестяную коническую юрту, в которой и проводят лето. За Карасуком уже начинается вместо колесной дороги вьючная тропа. В 7 в[ерстах] за Карасуком тропа поднимается на водораздельный хребет между рр. *Маймой* и *Ишей*, притоками Катуня. Этот хребет, не выходящий из предела лесной растительности, начинается у восточного узла Куминских белков и направляется к северу, причем

севернее описываемой тропы он в двух своих ветвях получает названия *Шикшак* и *Убо*. С перевала на юго-востоке, в верховьях р. Иши, виднеется гора *Чептаган*. Затем тропа мимо двух заимок бр[атьев] Санзаровых с пасеками при них спускается к с. *Паспаулу*, расположенному на р. *Ише*. Это селение несколько больше Карасука, имеет церковь и населено также крещеными калмыками. За Паспаулом тропа переваливает через невысокий водораздельный хребет между р. Ишей, притоком Катуня, и р. *Кокшей*, притоком Бии, и более чем в 35 в[ерстах] от Паспаула достигает небольшого и сравнительно недавно возникшего поселка *Никольского*, расположенного в долине р. *Сара-Кокши*. От Никольского тропа идет к р. *Инерге* и потом к ее притоку р. *Се* небольшим перевалом.

Отсюда открывается обширный вид на горы *Серен* и *Кизил-Таш* на юго-востоке, на которых часто лежат пятна снега, и на горы *Юрбутту* и *Элизе* – на юге. Далее дорога спускается к с. *Инерге*, самому значительному поселку между Улалой и Телецким озером, имеющему церковь; население Инерге состоит из калмыков и русских. За Инергой тропа идет, придерживаясь течения р. *Кокши* и в 30 верстах от с. Инерге достигает берега р. *Бии*, отличающейся красивым темно-зелено-голубым цветом воды и текущей с шумом по каменистому руслу. Ширина Бии достигает здесь 80-100 сажень, и река здесь сильно напоминает Рону, в месте ее истока из Женевского озера. Переправившись на лодках через Бию, путник попадает в расположенное на ее правом берегу небольшое с. *Кебезень*, населенное русскими и крещеными калмыками. Отсюда до истока Бии из Телецкого озера считается верст 20, которые и нужно проехать по горной тропе, идущей долгое время мрачной «чернью», состоящей из кедров, пихт и елей. Тропа приводит к урочищу *Артыбаш*, на Телецком озере, откуда дальнейший путь уже совершается на лодке на протяжении 73 верст. У истока Бии расположены на небольшой прибрежной полянке рыбацья изба и конусообразные теленгитские юрты.

Отсюда открывается вид на *Телецкое озеро* (по-калмыцки «*Алтын-Коль*», т. е. «*Золотое озеро*»), с его водой аквамаринового цвета, заключенной среди темных лесистых гор, полоса которой, постепенно становясь все шире, уходит к юго-востоку за крутой мыс горы *Четту* (*Ишту*). Название «Золотое», по преданию, произошло оттого, что некогда в голодный год какой-то калмык бросил в озеро с высокой горы Алтын-Ту (в южной оконечности озера) свое золото, на которое отчаялся купить хлеб, так как нельзя было ни за какие деньги достать в окрестностях. Замечательно красивого цвета вода Телецкого озера

отличается и чрезвычайно большой прозрачностью: в главном плесе брошенный в воду металлический кружок перестает быть видимым только на глубине $4\frac{1}{2}$ –7 сажен и лишь в северо-восточном заливе озера исчезает на глубине $2\frac{1}{2}$ сажени. Температура воды в средней части озера весьма низка, посреди лета, в июле, в наибольшие жары здесь у дна наблюдается температура только в 4° Цельсия, а на поверхности она едва доходит до 12 – 15° Цельсия. В северо-западном конце озера, у истока Бии, в северо-восточном заливе и в южной части озера, близ устья Чулышмана, температура воды выше, поднимаясь у дна до более 5° , а на поверхности – до 17 – 18° , так как в этих мелководных частях она лучше прогревается. Низкой температуре озера способствует и так называемая «верховка», т. е. нередко дующий из долины р. Чулышмана сильный ветер, разводящий значительное волнение, перемешивающий таким образом недостаточно прогретые верхние слои воды с нижними студеными, а будучи особенно сильным зимой, он не дает озеру возможности покрыться льдом на главном плесе (озеро здесь покрывается льдом раз в семь лет) и тем защитить воду от продолжительного и бесплодного влияния жестоких зимних морозов. В северо-западном конце озера перед ненастьем дует так называемая «низовка», т. е. северо-западный ветер, разводящий здесь беспорядочное волнение. Таким образом, переход на лодках по озеру не обеспечен в течение большей части года от опасностей крушения. Наиболее спокойно озеро в мае и в июне и особенно беспокойно осенью и зимой, когда волны достигают более 2 сажен высоты. Случалось, что вследствие крушения лодок у подножья прибрежных скал, местные купцы просиживали по 3–4 недели, отрезанные недоступной природой от людской помощи. Поверхность озера, вследствие низкой температуры воды, отличается безжизненностью, несмотря на то, что озеро изобилует рыбой: здесь водится так называемая «телецкая селедка» из рода сиговых (*Coregonus Smitti*), огромные тальмени¹, достигающие длины человеческого роста, уксучи, хариусы, налимы, щуки, окуни, бычки и мн[огие] др[угие] рыбы. Безжизненности озера содействует и отсутствие на его лесистых и скалистых берегах (состоящих в северной части озера из сланцев, в южной – из гранитов и в юго-восточной – из конгломератов) населения; только в северо-западном конце есть несколько бедных маленьких поселков черневых татар, да в южном конце – четыре селения теленгитов. У инородцев на озере имеется большое количество маленьких долбленных челноков,

¹ Видимо, таймени. (Ред.)

да у русских торговцев есть десяток-другой больших неуклюжих лодок, на которых перевозятся пассажиры и товары для нужд местных инородцев или для торговли с Монголией (по р. Кемчику). Средняя ширина Телецкого озера в северо-западном конце (до горы Четту) достигает всего 150 сажен. Здесь берега более изрезаны, чем южнее, и у устья р. *Самыша* имеется мелководная перемычка. За Четту озеро сразу расширяется до 3-4 верст. Против Четту на южном берегу высится острокопечная гора *Пектым*, а несколько восточнее ее – гора *Туосадак*. Очень красивы примыкающие с востока к мысу Четту и обрывающиеся в воду скалы горы Ажу, на северном берегу. Первую остановку для отдыха гребцам, обыкновенно, делают против *Ажу*, на южном берегу озера, у устья р. *Колдора*, верстах в 25 от истока Бии. Здесь можно с величайшим трудом по кручам и зарослям подняться на склоны горы *Яныс-Коч* и оттуда полюбоваться на озеро, которое отсюда расходится тремя языками: на северо-западе к истоку Бии, на северо-востоке заливом в 6 верст длиной к устью р. *Кангмы* и на юг – главным плесом к устьям Чулышмана и *Кыги*. За устьем Колдора находится на западном, наименее доступном, по сравнению с другими, берегу озера, называемом *Чаек*, крутой мыс *Кулган*, а далее – скалистые мысы *Кок-Таш* и *Умак-Таш*, за которыми озеро резко поворачивает на юг. На восточном берегу здесь тянется снежный хребет *Горбу* (или *Корбу*). Вдаль, на юг видно, как озеро упирается в массив горы *Туолок* с вертикальной полосой снега на ней. Далее на юг можно остановиться на западном берегу у устья речки *Чоодора*. Напротив этого места на восточном берегу в хребте *Горбу* красиво высится гора *Кольджанат*, со снежными пятнами на склонах. Между этой горой и следующей, называемой *Тестенгей*, выходит к озеру узкая долина самой большой реки восточного берега, носящей название *Кокши*. Здесь также можно остановиться. Под горой *Тестенгей* и немного далее к югу, на восточном берегу несколько отступающими горами, образуются покатые плоскости с хлебными посевами на них и юртами теленгитов. В то же время на противоположном западном берегу обрываются совершенно отвесные, дикие скалы, между которыми встречаются у воды маленькие галечные площадки, запертые со всех сторон утесами и имеющие выход только в озеро. Огромные деревья высоко нависли над бездной озера и нередко с треском сваливаются туда. Здесь среди скал и зелени впадают в озеро тонкими струями водопады. Лодка плывет мимо основания высокой горы *Каракорума*, на западном берегу, и может пристать при устье довольно значительной

речки *Ян-Чили* (*Большого Чили*), где имеется площадка, состоящая из нагромождения гранитных валунов и гальки, поросшего лиственницами и березами. Отъехав версты 2 за Ян-Чили от берега, можно видеть на западном берегу, близ юго-западного угла озера, так называемого «отца гор», т. е. гранитную гору *Алтын-Ту* (или *Алтын-Таган*), со снежными пятнами на ней, возвышающуюся на 6 тысяч футов над его уровнем и почти отвесно падающую к Телецкому озеру. Верстах в 5 к югу от Ян-Чили, на западном берегу озера темной полоской обрисовывается среди отвесных скал сырое ущелье *Аю-Кечтес* («медведь не пройдет»). Выход ущелья к озеру завален гранитными глыбами, заросшими кустарником. По ущелью стремится поток, а в глубине его шумят водопады. Если пройти сажен сорок по ущелью под нависшими громадами скал, то можно увидеть один небольшой водопад, срывающийся с неприступных утесов. Если обернуться назад, то сквозь узкую щель выхода из ущелья, в черной раме видна небольшая полоска озера и громоздящиеся над ней горы на восточном его берегу. Часть хребта Горбу на юго-восточном берегу Телецкого озера называется *Телецким* хребтом, с вершиной *Туолок* (или *Тоголок*), возвышающейся на $5\frac{1}{2}$ тыс. футов над озером. Здесь находится самая широкая часть озера, достигающая 5 верст. У юго-восточного конца озера, образующего неглубокий залив до 2 верст длиной, развиты довольно рыхлые конгломераты, обнажающиеся легко размыаемыми обрывами в виде зубчатых столбов, напоминающих издали развалины башен и стен. Немного севернее этой юго-восточной бухты возвышается в Телецком хребте красивая гора *Чет*. От устья р. *Чульшмана* на север открывается прекрасный вид на уходящую вдаль широкую ленту озера, сжатую с боков крутыми горами.

Чульшманская дельта лежит в широкой долине и состоит из песчаных наносов и мелей, пески поросли мелким тальником и тополями. Следуя от урочища *Кырсай*, куда пристают лодки, вверх по долине Чульшмана хорошей колесной дорогой, идущей то луговинами, то березовыми перелесками, путник в верстах в 12 от берега Телецкого озера достигает *Благовещенского Чульшманского* мужского монастыря, расположенного на правом берегу Чульшмана. Монастырь состоит всего из одной небольшой деревянной церкви и двух-трех изб вокруг нее и расположен между р. Чульшманом и крутой стеной утесов правой стороны долины. Кругом раскидано несколько довольно старых сосен. В монастыре насчитывается 6 монашествующих, да несколько работников. Обитель имеет чрезвычайно редкие сношения с внешним миром, так как почта приходит сюда из Бийска обыкновенно раз в три месяца, с какой-нибудь оказией.

Из Благовещенского монастыря можно совершить интересную экскурсию на гору *Алтын-Ту* («Золотую гору»). Верстах в двух от монастыря, ниже его по Чулышману, в последний впадает слева рч. *Ачелман*, на которой имеется монастырская мельница. Отсюда, извиваясь между густой растительностью, зигзагами вверх поднимается тропа на Алтын-Ту. Через несколько часов подъема лес начинает редеть и тропа выходит на покрытый лугом перевал *Божё*, с которого открывается вид на двугорбую куполообразную вершину Алтын-Ту, с пятнами снега на ней. С перевала спускаются в небольшую долину речки *Божё*, поросшую лесом, и от нее уже поднимаются на самую вершину горы. Сначала подъем идет кедровым лесом, который часа через два расступается и понемногу уступает место альпийским лугам. Здесь, среди отдельных последних однобоких кедров открывается вид на юг, на хребет *Божё* и на более далекие горы со снежными пятнами, над которыми царит снежная гора *Белер*. Далее альпийскими лугами и каменными россыпями тропа поднимается на седло Алтын-Ту, откуда уже можно пробраться на любую из его вершин. Здесь на восточной вершине имеется небольшая колонка, сложенная из камней покойным исследователем Сибири Н.М. Ядринцевым в 1880 году, в память его восхождения на Алтын-Ту. С этой горы открывается изумительная панорама: весь горизонт кругом открыт за исключением небольших участков на севере (к горам вдоль западного берега Телецкого озера – *Чаяк*) и на западе (к *Куминским* белкам), немного закрытых соседними вершинами той же Алтын-Ту. На северо-восток под снежной поляной сбегает вниз ложбинка, через которую виднеется трехугольный кусок воды *Телецкого* озера, окаймленного полоской противоположного берега, за которым поднимаются крутые горы. За ними тянется еще более высокий хребет *Телецкий* и его продолжение – *Горбу* и *Абаканский*, своими острыми, частью снежными вершинами, уходящий в туманную даль. Впереди этих гор видна впадина Телецкого озера почти во всю длину, но воды не видно. На юго-востоке, за глубокой долиной Чулышмана, высятся снежные вершины *Саянского* хребта в истоках р. *Чульчи* (*Чельчу*), а на юге, за *Чулышманскими* белками с пятнами снега на них, на горизонте тянется снежный *Курайский* хребет, до которого отсюда по прямой линии нужно считать верст сто с лишним. На юго-западе громоздятся массы синих гор, местами с белыми пятнами снега.

По Чулышману вверх дорога идет его левым берегом и вер[стах] в 6 от Благовещенского монастыря достигает с. *Кумуртука* (*Усть-Башкау-*

са), расположенного при впадении р. *Башкауса* в Чулышман, на одном из протоков первого. Здесь есть небольшая церковь, миссионерская школа, дом священника-миссионера, по происхождению алтайского инородца, а также берестяные и деревянные юрты алтайцев. В Кумуртуке помещается таможенный пункт для осмотра товаров по торговле с Кемчиком (Монголией).

Тропа, идущая вверх по р. *Башкаусу*, вер[стах] в 5 от его устья, перед впадением р. *Чеддара*, входит в чрезвычайно дикое и тесное ущелье и так здесь неудобна, что ее с трудом проходят сами инородцы, развьючивая лошадей и неся тяжести на своей собственной спине. Верст на 40 выше ущелья, где Башкаус имеет не северное направление, как раньше, а течет с юго-востока на северо-запад между *Чулышманскими* белками и снежным *Курайским* хребтом, долина его достаточно широка и не имеет дикого и мрачного вида, как ранее, горные склоны здесь довольно пологи и местами поросли лесом. Местами река, впрочем, прорывается среди отдельных скал – «бомов», и тут, обыкновенно, перекинуты через нее незатейливые мостики. Здесь расположено на Башкаусе с. *Улаган*. Долина Башкауса населена теленгитами, живущими зажиточнее, чем их сородичи на Телецком озере; в описываемой местности они содержат довольно много скота, среди которого имеются и одомашненные яки. Курганы, остатки арыков, каменные бабы и камни, расставленные в виде различных геометрических фигур, показывают, что долина Башкауса была заселена издревле. Около впадения в Башкаус р. *Калбаказа*¹ тропа уклоняется на *Курайский* хребет <...> и по перевале его выходит в долину р. *Чуи*, где и соединяется около *Чибита* (восточнее Кош-Агача) с *Чуйским* трактом.

Тропа по р. *Чулышману* представляет также немало трудностей. Вначале долина реки имеет до 3 верст ширины и очень суха, местами встречаются участки теленгитских посевов ржи и ячменя, орошенные арыками. Около берега Чулышмана растут тополя и березы, а выше по склонам долина обыкновенно гола и покрыта каменными россыпями и кустарниками. Вер[стах] в 15 от Кумуртука в Чулышман справа впадает из дикого ущелья стремительная р. *Чульча*. Ущелье ее очень красиво, но доступно всего верст на 20; в верховьях Чульчи находится снежный хребет *Горбу*. Вер[стах] в 10 далее устья Чульчи, по дороге в долине Чулышмана, встречается небольшой перелесок из сосны и березы. Выше устья Чульчи долина Чулышмана поражает правильностью каменистых террас по берегам, прорытых поперечными оврагами. Эти терра-

¹ Современное название – Калбакая. (Ред.)

сы имеют вид железнодорожных насыпей. Вер[стах] в 12 от впадения Чульчи долина Чулышмана сжимается утесами – «бомами» в мрачное ущелье. Далее долина расширяется, а потом снова суживается. Здесь расположен известный величественный бом *Иты-Кая*, который приходится объезжать по воде реки и далее по естественному туннелю у подножия скалы, образованному упавшими со скалы каменными глыбами; в туннеле довольно темно, и он поворачивает посредине, под прямым углом налево, здесь он настолько низок, что всаднику приходится прижиматься к шее лошади, чтобы не стукнуться о потолок. Это место проходимо только при низкой воде, при высокой же воде приходится делать значительный объезд по горам. За бомом Иты-Кая, вер[стах] в 2 по правую сторону долины Чулышмана, расположен красивый водопад *Тудон*.

По впадающей в этих местах слева в Чулышман рч. *Карасу* можно подняться на *Чулышманские* белки и, пройдя мимо ряда незначительных озерков ледникового происхождения, спуститься по р. *Б[ольшому] Улагану* в долину р. *Башкауса*, к селению *Улагану* <...>. С этого перевала хорошо видны на севере снежные хребты *Горбу* и *Саянский*, а на юге – снежный же *Курайский* хребет.

Вер[стах] в 25 выше Карасу в Чулышман справа впадает р. *Шавла*, берущая начало в снежном *Саянском* хребте. Еще верст на 25 далее находится урочище *Язулу*, с теленгитским аилом, здесь живут крещеные теленгиты и имеют молитвенный дом. Занимаются они скотоводством и, отчасти, земледелием, хотя хлеб вызревает здесь, вследствие высоты места, не каждый год. Развиты также рыболовство в Чулышмане и охота. В Язулу есть мост через Чулышман, опирающийся на скалы обоих берегов.

От Язулу можно пройти по тропе перевалом *Чулышманские* белки и спуститься в долину р. *Башкауса*, по его притоку рч. *Кара-Дершу*. С Чулышманских белков в этом месте открывается обширный вид на совершенно неисследованную горную местность, к северу от р. Чулышмана, ограниченную с севера снежным хребтом *Горбу*, а с востока – снежным же *Саянским* хребтом; в этой местности текут в глубоких ущельях вышеупомянутые реки *Шавла* и Чульча, притоки Чулышмана. На юг с Чулышманских белков открывается вид на снежный *Курайский* хребет и на долину р. *Башкауса* перед ним.

Далее вверх по Чулышману постепенно прекращаются аилы теленгитов. Долина носит дикий характер, и дно ее густо заросло лесом,

преимущественно лиственничным, к которому примешиваются густые кусты ив и полярной березы, превышающей здесь человеческий рост. Крутые горные склоны также часто покрыты до верху лесной и кустарниковой растительностью. Ширина долины чем выше, тем становится больше и достигает даже 1 версты. Таким образом, тропа приводит на *Чулышманское* плоскогорье. Здесь находится на высоте 8 тысяч футов над уровнем моря предел лесной растительности. Последние жалкие рожицы лиственниц, высохшие на корню, показывают, что при более благоприятных климатических условиях когда-то сюда двинулся снизу лес, но не выдержал борьбы с суровыми условиями. Местность имеет частью степной, частью пустынно-каменистый характер, схожий с таковым Чуйской степи <...>. Вследствие отсутствия человеческих жилищ, здесь очень развито животное население: водятся волки, медведи, лисицы, горные козлы, горные бараны, маралы и северный олень. К сожалению, живущие рядом в пределах Монголии сойоны хищнически истребляют здесь диких животных и очень смело крадут забредший скот и лошадей теленгитов. Чулышман вытекает из значительного озера *Джувлу-Куль* (*Джюйлю-Коль*, или в переводе «*Крылатое озеро*»), имеющего в длину 10 верст, а в ширину – 3 версты. Озеро, ледникового происхождения, имеет грязно-желтую воду, непригодную для питья, при наибольшей глубине до 3 сажен. Дно озера покрыто толстым слоем вязкого ила и сильно заросло водорослями. Уловы рыбы (преимущественно укуча) на озере бывают значительны. Озеро окружено с севера пограничным *Саянским* хребтом, часть которого здесь носит название *Шапшал*. К востоку и к югу от озера Джувлу-Куль лежат горные группы *Монку* и *Муйлету*, составляющие горные узлы, от которых расходятся – на северо-запад *Саянский* хребет, на восток, в Монголию, хребет *Танну-Ола*, на юг – *Сайлюгем* и на запад – *Чулышманские* белки и *Курайский* хребет.

Шапшал, находящийся к северу от оз. Джувлу-Куль, поднимается над озером на $2\frac{1}{2}$ тысячи футов и достигает $10\frac{1}{2}$ тыс. футов абсолютной высоты. Название его в переводе значит «напасть». Этим именем сойоны хотели отметить трудность переезда через него. Действительно, на него ведет очень крутая и неудобная тропа, переваливающая в Монголию на р. *Кемчик*. Несмотря на значительную высоту, на хребте Шапшале почти нет снега. С вершины перевала, имеющей вид острого гребня, открывается обширная панорама на *Чулышманское* плоскогорье с оз. *Джувлу-Кулем*, на долины р. *Чулышмана* и р. *Кемчика* в Мон-

голии, на оз. *Кендыкты-Куль*, тоже в монгольских пределах и на снежные горные хребты *Саянский*, *Горбу*, *Монку*, *Танну-Ола* (уходящий в Монголию), *Сайлюгем*, *Муйлету*, *Курайский* и на покрытые снежными пятнами Чулышманские белки.

К востоку от оз. Джувлу-Куль имеется перевал *Чантан-Даба*, в хребте *Монку*, через который тропа уходит также в Монголию, на р. *Кемчик*. К югу от оз. Джувлу-Куль идет тропа, частью захватывая монгольские пределы, на р. *Таш-Оболон* и далее – на *Муйлету*, переваливает восточную оконечность *Курайского* хребта и выходит в долину р. *Чуи*, соединяясь с *Чуйским* трактом, у *Чибита* <...>.

Бийский округ расположен в системе рр. Бии и Катуня, истоков Оби, и захватывает часть верхнего течения последней, а на юге – приток Бухтармы, р. Берель (системы Иртыша), имея площадь около 112 тыс. кв. верст, с населением до 340 тыс. душ, т. е. по 3 жителя на кв. версту. Не более $\frac{1}{8}$ всего пространства округа приходится на равнину с черноземной почвой, а остальное занято сложной Алтайской горной системой, с каменистой и хрящеватой (скелетной) почвой горных местностей, в которых только долины рек имеют местами пойменную почву. Из населения округа 291 тыс. русских, до $41\frac{1}{2}$ тыс. черневых татар, а остальное приходится на разных алтайских инородцев (телесов, теленгитов и др.). Русское земледельческое население, вследствие устройства поверхности, естественно сгустилось только в северо-западной части округа, а в остальных, чисто горных частях, сидит гнездами, напр., по Катуня и ее притокам, частью по верхней Бии с Телецким озером и устьем Чулышмана и пр. Горы же с их непроходимыми лесами и альпийскими лугами находятся большей частью в пользовании редкого местного инородческого населения. Главные занятия жителей равнинной части округа – земледелие и подсобные домашние ремесла, обитателей горной части – скотоводство с мараловодством, лесные и горные промыслы, отчасти земледелие, пчеловодство, рыболовство, охота и звероловство. В округе высеивается до 25 тыс. четвертей ржи, до 150 т[ыс.] ч[етвертей] яровой пшеницы, до 115 т[ыс.] ч[етвертей] овса, до 20 т[ыс.] ч[етвертей] ячменя, до 8 т[ыс.] ч[етвертей] гречихи и свыше 20 т[ыс.] ч[етвертей] картофеля. У населения имеется до 1 800 тыс. голов скота в том числе лошадей – до 460 т[ыс.] г[олов]; крупного рогатого скота – до 420 т[ыс.] г[олов]; яков – до $1\frac{1}{2}$ т[ыс.] г[олов]; верблюдов – свыше 500 голов; овец – до 660 т[ыс.] г[олов]; коз – свыше 90 т[ыс.] г[олов] и свиней – до 125 т[ыс.] г[олов].

Белявский Ф.Н., Семенов-Тянь-Шанский В.П. Русский Алтай // Россия: полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 16: Западная Сибирь. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1907. С. 476-542.

Словарь терминов

Азям (перс.) – верхняя крестьянская одежда, которую обычно надевали в дорогу. По покрою напоминал длинный халат с глубоким запахом налево; подпоясывался кушаком.

Алтын (тат.) – русская монета достоинством в 3 коп. В 1704-1726 гг. чеканилась из серебра, затем из меди.

Амальгама – смесь.

Армяк (тюрк.) – верхняя долгополая распашная одежда в виде халата из толстой грубой шерстяной ткани или сукна (армячины).

Артель – добровольная организация людей для общей трудовой или иной хозяйственной деятельности.

Аршин (тат.) – русская мера длины = 16 вершков = 71,12 см.

Аршин кв. – единица измерения площади = 0,50580 м².

Аршин куб. – единица измерения объема = 0,35972 м³.

Ассигнации (лат.) – бумажные деньги, выпускавшиеся в России с 1769 г. В связи с резким обесцениванием и введением серебряных денег, аннулированы 1 января 1849 г. В дальнейшем так стали называться крупные денежные купюры.

Ауфтрагер (ауфтрайгер) (нем.) – рабочий, доставляющий в плавильную печь руды с плавнями в корытцах и уголь в решетках.

Байдон – массивная деревянная кувалда с длинной рукоятью.

Барка (фр.) – плоскодонное речное грузовое судно.

Батик – дубина.

Бахта – толстая хлопчатобумажная ткань с набивным узором.

Берггауэр (бергайер) (нем.) – горнорабочий, занимавшийся добычей руды или разработкой рудника. Так же назывались и низшие служители при заводах.

Берггешворен (нем.) – горный чин, соответствующий XII классу горной службы; чиновник, наблюдавший за работами внутри рудника под непосредственным началом бергмейстера.

Берг-коллегия (нем.) – орган по управлению горнорудными предприятиями в России. Учреждён в 1719 г. по инициативе Петра I вместо упразднённого Рудного приказа.

Бергмейстер (нем.) – должность горного чиновника, руководившего производственной и хозяйственной деятельностью на руднике (на поверхности и внутри), позднее – горный чин VIII класса по Табели о рангах, что соответствовало чинам майора и коллежского асессора.

Бергпробирер (нем.) – служащий горнозаводской лаборатории, определяющий содержание чистого металла в рудах.

Берграт (нем.) – горный чиновник V класса, так же, как обер-берггауптман.

Бликовое серебро – серебро высокой пробы, полученное при разделении металлов.

Большак – старший мужчина в семье, хозяин и распорядитель: отец, брат и т. д.

Большуха – старшая женщина в семье, хозяйка и распорядительница над женскими работами: жена хозяина, старшего сына и т. д.

Бом или **бон** – отрог горного хребта, загораживающий речную долину поперек.

Брекчия (итал.) – группа обломочных пород, состоящая из угловатых обломков одной или нескольких горных пород, связанных каким-нибудь минеральным веществом, носящим по отношению к обломкам название цемент.

Бригадир (фр.) – в России XVIII в. армейский чин между полковником и генерал-майором, приравнивался к V классу Табели о рангах.

Будочник (бутошник, бутосный сторож) – служащий, находящийся при заводах и рудниках для наблюдения за соблюдением тишины и спокойствия в них.

Бутара (бутарт) – деревянное устройство в виде корыта с решетками для промывки золотосодержащих песков.

Бучение холста – беление холста в щелоке.

Вагранка – печь для обжига цветных руд, известняка и плавки чугуна и цветных металлов.

Вакация – каникулы или зимние праздничные дни Рождества.

Вашгерд (нем.) – устройство, служащее для промывки и обогащения руд и золотосодержащих песков.

Верста – русская мера длины = 500 сажений = 1,0668 км.

Верста кв. – русская мера площади = 1,13806 км².

Вершок – русская мера длины = 4,445 см.

Воевода – военный начальник, правитель у славянских народов. С начала XVII в. городские воеводы заменили наместников и городских приказчиков, сосредоточив всю полноту власти на местах. Пост провинциального воеводы утвержден в 1719 г. Должности городских и провинциальных воевод упразднены в 1775 г.

Волость – административно-территориальная единица России. В Древней Руси – вся территория земли, княжества; полусамостоятельный удел; сельская территория, подчиненная городу. С конца XIV в. – часть уезда; с 1861 г. – единица сословного крестьянского управления. Упразднена в СССР административно-территориальной реформой 1923-1929 гг.

Гармахерский горн – разделительный или извлекающий горн, в котором от черной меди отделялось железо, и окончательно выжигались серные примеси.

Гарус – шерстяная пряжа для вышивания, вязания и ткачества.

Гезенк (нем.) – подземная вертикальная горная выработка, не имеющая выхода на поверхность и предназначенная для разведки и подъема руд, соединения между собой горизонтальных работ, выливки воды, свободного обращения воздуха и для входа и выхода рабочих внутри рудника.

Герт – масса, состоящая из пепла и глины, проникнутых свинцовым окислом и отчасти серебром, получаемая с разделительного горна.

Гиттенмейстер (нем.) – плавильный мастер, наблюдавший за устройством плавильных печей и за плавкой руд.

Гиттенфервалтер (нем.) – горный чин, соответствующий X классу гражданской службы, обычно управлявший металлургическим заводом.

Гиттеншрейбер (гиттеншрейбер) (нем.) – плавильный писарь, ведавший учетом руды, древесного угля, следивший за процессом плавки.

Грива – холм, поросший лесом.

Даба – китайская бумажная ткань типа бязи или холста.

Даха (доха) – шуба, надеваемая шерстью наружу. Она бывает жеребья, или оленья, собачья, овчинная.

Дворничество – содержание постоянного двора.

Денщик – солдат, находившийся при офицере или генерале для оказания личных услуг.

Десятина – русская мера площади = 2400 кв. саженей = 1,0925 гектар.

Десятник – помощник старосты в деревне.

Диабаз – горная порода из смеси полевого шпата и роговой обманки.

Дистрикт – округ: административный, судебный, избирательный в некоторых странах, например, в США, Англии. В России XVIII в. – низшая административная единица.

Доля – русская дометрическая мера веса = $\frac{1}{96}$ золотника = 44,435 мг.

Дурхшлаг (нем.) – пробив, пролом, углубленный на внутренние горизонтальные работы рудник, для спуска закладок, подъема руд и кругообращения воздуха или для соединения встречных работ.

Железный блеск – разновидность гематита с металлическим или полуметаллическим блеском.

Заворот – хозяйство.

Задельная плата – плата, которая выплачивается по количеству сделанной работы.

Захребетник – батрак, работник.

Золотник – русская мера веса = 4,266 г.

Зухорт (нем.) – горизонтальная разведочная выработка от подошвы или из середины горы для отыскания рудной жилы и пресечения внутренних прослоек, и для выпуска из работ воды.

Инородцы – в дореволюционной России уроженец окраин страны. В России XIX – начала XX вв. название в официальных документах ряда народов, обычно кочевых, проживающих на территории Казахстана и Сибири.

Исправник – глава уездной полиции в России. В 1775-1862 гг. избирался дворянами, назывался капитан-исправник, затем назначался правительством.

Кабинет Его Императорского Величества (Кабинет Его Величества) – особое государственное учреждение в России XVIII – начала XX вв. Возникло в 1704 г. при Петре I как личная канцелярия монарха. Вскоре после смерти императора Кабинет был упразднен, восстановлен в 1741 г. Елизаветой Петровной, после чего он просуществовал вплоть до 1917 г.

Калмыки – собирательное русское название монголоязычных племен, живших к западу от Алтайских гор.

Калым (тюрк.) – плата за невесту, выкуп, платимый женихом. Первоначально калым обращался в исключительную пользу родителей или родственников невесты, затем он стал делиться между ними и самой невестой и, наконец, поступать в полную собственность последней.

Кальцинирофен – обжигательная печь со сводами, применявшаяся для обжигания роштейна.

Каменщики (каменьщики) – жители Бухтарминского края из русских, жили в горных долинах, формировались из состава беглых крепостных крестьян, солдат, скрывающихся от властей старообрядцев, «гулящих» людей. До 1791 г. не подчинялись государственной администрации.

Каптенармус – должностное лицо в армии, ведавшее хранением и выдачей продовольствия, имущества и оружия.

Каргуз (гол.) – мужской головной убор с жестким козырьком.

Квершлаг (нем.) – горизонтальная, реже наклонная подземная выработка, проводимая по пустым породам под углом к линии простирания пластов полезного ископаемого. Служит для транспортировки грузов, передвижения людей, стока воды и др.

Кератит (греч.) – роговик, горная порода, состоящая из полевого шпата и кварца.

Киргизы – устаревшее название казахов.

Колки – вторичный лес, образованный зарослями осины и березы на месте хвойного леса в Сибири.

Колчедан – общее название руд, представляющих сернистые, мышьяковые и др. соединения некоторых металлов.

Коммерции советник – почетное звание. Жаловалось с 1800 г. купцам 1-й гильдии, пробывшим в ней не менее 12 лет. Давало право: на службу в Коммерции-совете, чин VIII класса Табели о рангах, на дворянский мундир, шпагу, проезд ко Двору и определение детей на государственную службу. С 1836 г. коммерции советники, их вдовы и дети могли причисляться к потомственным почетным гражданам.

Конфедератка – польский национальный головной убор в виде шапки с четырехгранным верхом.

Короб – русская дOMETрическая мера дров: поленица длиной 14 и высотой 8 четвертей, или 2,5 на 1,4 м.

Крица (криц) – губчатая масса железа, проваренная в кричном горне, и поступающая под кричный молот для обжимки, т. е. для удаления остатков шлака. После проковки крицу рассекали на части.

Кумандинцы – тюркский народ, проживающий в среднем течении р. Бии.

Кумирня и кумирница – языческий храм, место поклонения языческим богам.

Кунстштейгер (нем.) – горный мастер, заведующий гидравлическими механизмами и устройствами.

Курень – территория в лесу, где рубятся дрова, и выжигается из них древесный уголь для металлургических плавок.

Курья – старое русло.

Лемех – железная часть пахотного орудия (сохи, плуга и др.) в виде круглой скобы со стальным треугольным пером, подрезавшая пласт земли и подававшая его на отвал.

Лёсс (нем.) – однородная тонкозернистая, обычно неслоистая рыхлая горная порода, состоящая из мельчайших зерен кварца, глины и углекислого кальция, с примесью гидратов окиси железа, слюды и др. минералов.

Лёссовидный суглинок – порода, по некоторым свойствам сходная с лёссом (тонкость зерна, пористость и т. д.). Лёссовидные суглинки могут быть различного происхождения: речного, озерного и др.

Лигатурное золото – золото с примесью серебра.

Линия – оборонительная позиция на границах, имеющая большую протяженность, как правило, вдоль естественных преград – рек, горных хребтов. На ней устанавливалась система полевых укреплений и засек, пикетов и разъездов.

Ломь – обломки металла.

«**Лопоть**» (одер) – повседневная одежда.

Магазея – магазин.

Магарыч – угощение (обычно с вином) по случаю какого-нибудь приятного события, удачно заключенной сделки.

Манкировка – отсутствие, неявка.

Маркитант – мелочный торговец съестными припасами, напитками и предметами военного обихода, следовавший за войсками в походах.

Маркшейдер (нем.) – горный землемер, производивший съемку подземных выработок, чиновник IX класса.

Миля кв. – единица измерения площади = 2,59 км².

Миро – вареное деревянное масло (низший сорт оливкового масла), с красным вином и благовониями, освящаемое в Великий четверток, для совершения таинства миропомазания.

Миссионер (фр.) – лицо, посланное церковной организацией для распространения религиозного учения среди иноверцев.

Морена (фр.) – гряда валунов, постепенно сдвигаемая с гор подвижными ледниками.

Мутовчатая мельница – горизонтально расположенное водяное колесо с наклонными лопастями. Стремительная струя воды падала сверху на эти лопасти и силой своего удара поворачивала их. Колесо начинало быстро вращаться и приводило в движение механизм, который располагался на вертикальном валу; чаще всего это был мельничный жернов. Мутовчатая мельница – прообраз водяного двигателя нового типа, пришедшего на смену водяному колесу.

Надолбы – род изгороди.

Нанка – грубая хлопчатобумажная ткань из толстой пряжи, обычно желтого цвета. Название получила по городу Нанкину в Китае, откуда ее завозили в XIX веке.

Нетопырь – один из видов летучих мышей.

Обербергамт (нем.) – Главное горное управление.

Обер-берггауптман (нем.) – старший горный начальник, горный чин IV класса в России со второй половины XVIII в. до 1867 г. Соответствовал чинам генерал-майора, контр-адмирала, действительного статского советника.

Обер-гиттенфервал(ь)тер (нем.) – старший горный чиновник, исполнявший разные обязанности по горной и заводской части, собственно, старший специалист по плавильному делу; в 1790-1867 гг. в Горном ведомстве чин VIII класса.

Обер-штейгер (нем.) – старший штейгер, горный мастер, ведающий рудничными работами.

Опояска – пояс.

Орт (нем.) – горизонтальная подземная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода наружу.

Острог – деревянное укрепление в пограничной полосе, известен с XII в., с конца XVI – начала XVII вв. распространены в Сибири. Некоторые остроги впоследствии стали городами. В XVII–XIX вв. так стали называть тюрьму, обнесенную стеной или высоким частоколом.

Пажить – пастбище с густой сочной травой.

Палисад (полисадник) – оборонительное сооружение в виде частокола из заостренных сверху кольев.

Пест – стержень с округленным концом для толчения, дробления чего-либо.

Плис (швед.) – хлопчатобумажная ткань с ворсом. Из плиса шили верхнюю одежду и обувь.

Повинности – обязанность податного населения исполнять те или иные действия в пользу государства или общества. Делились на казенные (государственные), земские и мирские. Исполнялись натурой в виде предоставления транспорта (подводная), помещений для служащих или войск (постоянная, квартирная), охраны селений от пожаров и тушения их (пожарная), содействия полиции и т. п. Внутри деревни раскладывались на сходе и исполнялись по очереди.

Повытье (повыток) – повинность.

Поденная работа – работа по найму на один день, поблизости от дома.

Подлекарь – помощник лекаря, фельдшер.

Подушная подать – государственный налог, идущий на содержание армии, который с 1724 г. платило все податное население России.

Подушный оклад – сумма основных платежей в казну с государственных крестьян. Подушный оклад взимался только с мужчин, независимо от их возраста. Ежегодные платежи состояли из подушной подати – государственного налога на содержание армии и государственной подати – денежного оброка, который государственные крестьяне платили в казну.

Полба – род пшеницы, хлебный злак, употреблявшийся в пищу в виде каши.

Половник – человек обрабатывающий чужую землю, отдающий хозяину половину доходов, прибылей, урожая.

Полуштоф – мера объема жидких тел, водочная бутылка в 0,615 л. Употреблялась только для водки.

Помочи – способ производства каких-либо работ при нехватке рабочих рук, когда хозяева приглашали односельчан, а после работ обильно угощали их. Помочами осуществлялось строительство, спешная уборка хлеба, сенокос.

Посадские люди – в средневековой Руси жители городов, точнее посадов, платившие подати царю и занимавшиеся торговлей или ремеслами; с конца XVIII в. стали официально называться мещанами, хотя употреблялось и название посадские.

Прасол – человек, обычно из мещан, занимавшийся скупкой по деревням льна, пеньки, хлеба, меда, кож и др., а прежде всего скота и птицы для их перепродажи большими партиями, перегоном и перепродажей гуртов скота из степных районов.

Приварок – 1) довольствие в виде горячей, готовой для еды пищи; 2) паёк, продукты для приготовления пищи.

Приписные крестьяне – с XVIII в. до 1861 г. крестьяне, прикрепленные (приписанные) к казенным и частным заводам. Как правило, это были государственные крестьяне, жившие в районе расположения предприятия и отработывающие таким образом свои государственные подати.

Причт – в христианстве священно- и церковнослужители одного прихода, храма. В причт входят: настоятель, священник (иногда 2-3 и более), диакон, пономарь, псаломщик, чтец и т. д. Состав зависит от числа прихожан и утверждается архиереем.

Пробирщик – мастер, занимающийся пробированием, а также чиновник, наблюдающий за процессом пробирования: определение пробы благородных металлов, и накладывание на них соответственных меток с цифрой.

Провиант (нем.) – продукты для армии, которые отпускались натурой, главным образом, мукой и крупой, в отличие от приварка, на который выдавались деньги.

Прогонные деньги или **прогоны** – деньги, уплачиваемые людьми, проезжавшими по почтовым дорогам, по количеству верст и лошадей. Прогонные выдавались командируемым чиновникам, проезжающим по казенной надобности в зависимости от чина: состоявшим в III классе Табели о рангах – на 12 лошадей, в IV – на 10, в V – на 6, в VI – на 5, в VII – на 4, в VIII – на 3, обер-офицерам – на 3, канцелярским служителям – на одну лошадь. В зависимости от местности и типа станции (вольная, казенная) с версты и лошади платилось от 1,5 до 4 коп.

Промемория (лат.) – официальная бумага, памятная записка о чем-либо.

Пуд – русская мера веса = 40 фунтов = 16,3805 кг.

Разрез – длинная разведочная горная выработка небольшой глубины.

Рангоут (гол.) – общее название устройств для постановки парусов, выполнения грузовых работ, подъема сигналов и т. д.

Раскольники – официальное название сторонников старообрядчества в России.

Ревизия (лат.) – пересмотр и проверка финансово-хозяйственной деятельности предприятий, организаций, учреждений или должностных лиц за определенный период. В дореволюционной России XVIII –

первой половины XIX вв. перепись населения, главным образом, податного. Началась с введением подушной подати. Было проведено десять ревизий, последняя в 1857 г. В ходе ревизии учитывались «ревизские души».

«Ревизская душа» – единица учета мужского населения податных сословий в России XVIII – первой половины XIX вв. для обложения его подушной податью. Каждая «ревизская душа» считалась существующей до следующей ревизии даже в случае смерти человека.

Редут (фр.) – полевое фортификационное сооружение в виде квадрата, прямоугольника или многогранника, подготовленное к круговой обороне. Являлись опорными пунктами в системе укрепленных позиций. Использовались в XVI–XX вв.

Рекрут (фр.) – лицо, принятое на военную службу по найму или по повинности. В русской армии в 1705–1874 гг. – лицо, зачисленное в армию по рекрутской повинности, которой подлежали все податные сословия, и для которых она была общинной и пожизненной.

Ретирад (фр.) – отхожее место, уборная.

Рогатка – заграждение в виде продольного бруса, концы которого прикрепляются к опорам из скрещенных жердей или тонких бревен.

Роговая обманка – черный или зеленый минерал, который находят в магматических и метаморфических породах. Содержит железо и силикаты кальция, алюминия и магния.

Роговик – желтого, красного, бурого и серого цвета плотный кварц, с характерным занозистым изломом, плоскости которого слабо блестят или матовы. Часто заполняет жилы в рудных месторождениях. Образует псевдоморфозы, особенно, по известковому и плавиковому шпату, бариту; также служит окаменяющим веществом животных и растений. Иногда встречается в виде залежей среди осадочных пород, особенно, мергелей. Роговик, сильно окрашенный окислами железа в красный, желтый, бурый и др. цвета, называется яшмой.

Роговое серебро – минерал, хлорид серебра. Бурого, желтоватого, зеленоватого цвета. Под воздействием света меняет цвет на серо-фиолетовый. Входит в состав серебряных руд.

Роштейн (нем.) – сплав сернистых соединений меди и железа, получаемый при первой рудной плавке; сырец. Со второй половины XVIII в. этим термином стали называть только серебросодержащие сернистые полуфабрикаты.

Руга – плата причту в виде жалованья и помощь хлебом от прихожан.

Рудник – соединение горных выработок в систему, для наивыгоднейшей добычи полезных ископаемых.

Рушник (ручник, накрючник) – богато вышитое, иногда украшенное кружевными вставками и «затканкой» тонкое полотно, вешавшееся в крестьянской или мещанской избе на вбитые в стены крюки, божицы, настенные зеркала для украшения жилища.

Сажень – русская мера длины = 3 аршина = 2,1336 м.

Сажень куб. – русская мера объема = 9,7126 м³.

Сажень погонная – мера длины = 2,1336 м.

Самородное золото – природное золото с примесью небольшого количества серебра, меди и др. металлов.

Сарафан кубовый – сарафан темно-синего цвета.

Свинцовый блеск – серый, хрупкий металлический минерал, сульфид свинца. Главная руда для выплавки свинца. Встречается в виде зернистой массы, часто как кубические или восьмигранные кристаллы с серо-свинцовыми прожилками.

Синодик – так именовались помянники, книги, в которые записывались имена умерших для церковного поминовения их душ за упокой.

Скиния – древнееврейский переносной походный храм. По библейскому рассказу скиния была построена согласно образцу, показанному Богом Моисею на горе Синай. Скиния была разделена на 2 отделения: большее – святилище и меньшее – святая святых, где находился ковчег завета. Скиния в христианстве считается прообразом христианской церкви.

Скорбут – цинга.

Слобода – название различных поселений в Русском государстве в XI-XVII вв., население которых временно освобождалось от государственных повинностей.

Согласие – одно из течений внутри старообрядческого толка.

Староверы – одно из названий сторонников старообрядчества.

Старожил – крестьянин, издавна поселившийся в данной местности, привыкший к местным условиям.

Старообрядчество – совокупность религиозных групп и церквей в России, не принявших церковных реформ XVII в. патриарха Никона и ставших оппозиционными или враждебными официальной православной церкви. Сторонники старообрядчества до 1906 г. преследовались правительством.

Тайный советник – в России гражданский чин III класса, соответствовал чинам генерал-лейтенанта и вице-адмирала. Лица, его имевшие

занимали высшие государственные должности, например, товарища министра.

Такелаж (гол.) – совокупность судовых снастей: тросы, цепи, прутки для крепления рангоута, управления парусами, грузоподъемных работ.

Тальник – название некоторых ив, преимущественно кустарниковых, а также их зарослей.

Толк – разновидность религиозного направления, а также группа, примыкающая к этому направлению.

Торжок – рынок или базар, место купли и продажи.

Трейбофен, грейбгерт (нем.) – разделительная печь, в которой из серебряно-свинцового сплава удаляли свинец. Печь имела в плане круглую форму, из-за чего слитки очищенного серебра получались круглыми и назывались «кругами».

Тягло – в Русском государстве XV – начала XVIII вв. денежные и натуральные государственные повинности крестьян и посадских людей. В XVIII-XIX вв. единица обложения крестьян повинностями в пользу помещиков.

Уклад – сырцовая сталь, которую получали из железной крицы.

Унтер-гиттенмейстер (нем.) – звание нижнего горного чина, помощника гиттенмейстера из числа высококвалифицированных горнорабочих.

Унтер-шихтмейстер (нем.) – звание, присвоенное нижним чинам, занимающимся по разным частям горного и заводского производств и по письмоводству.

Урок – 1) норма обязательной дневной выработки для горнорабочего; 2) конкретный объем работ, заданный для выполнения, часто без указания определенного срока.

Урочник – тот, кто выполняет урочную работу.

Уставщик – должностное лицо, определяющее порядок проведения работ.

Утренник – утренний мороз весной или осенью.

Флюс (нем.) – природное соединение, добавляемое при металлургическом переделе руд с целью образования легкоплавких шлаков для более легкого удаления посторонних примесей.

Форлейфер (нем.) – горнозаводской рабочий, засыпающий руду в плавильную печь; засыпщик.

Форпост (нем.) – передовой пост, выставляемый войсками для своего охранения. Термин использовался в русской армии в XVIII-XIX вв.

Фунт (нем.) – русская мера веса = 32 лота = 409,5 г.

Фут (англ.) – единица длины в системе английских мер. Один фут равен 12 дюймам или 0,3048 м. Единица в системе русских мер: один фут равен одной седьмой сажени или 12 дюймам – 0,3048 м.

Фут куб. – мера объема = 28,317 дм³.

Футеровый камень – огнестойкий припас для внутренней подкладки плавильной печи.

Целина (целик) – земли, покрытые естественной растительностью, которые веками не распахивались.

Цинковая обманка – минерал, сульфид цинка. Может содержать до 18% железа. Цвет чистого сульфида цинка белый, но железо, почти всегда присутствующее в минерале, окрашивает его в желтый, серо-коричневый, красно-коричневый или черный цвет.

Чарки – кожаные мягкие башмаки с суконной опушкой и шерстяными завязками выше щиколоток. Мужская и женская обувь преимущественно в северных, северо-восточных и сибирских губерниях.

Чернь – густые пихтово-еловые леса с примесью осины и березы в Сибири.

Четверть – мера объема = 209,91 дм³.

Четверть – старорусская мера длины = 17,78 см.

Чикмар – колотушка, долбня, которой трамбуют землю, мнут глину и т. п.

Шабур (шобур) – старинная верхняя крестьянская одежда в виде легкого кафтана из домотканой материи.

Шахта (нем.) – 1) вертикальная или наклонная горная выработка, имеющая непосредственный выход на поверхность; 2) место добычи полезных ископаемых, рудник.

Шихтмейстер (нем.) – горный чин, соответствующий XIV и XIII классам гражданской службы (отменен с 1 янв. 1834 г.). Осматривал рудники, распределял людей на работы. Следил за инструментами и припасами, вел учет добытой руды, а также приход и расход денежных средств.

Шлих – руда, измельченная в мокрой толчее и очищенная промывкой в ситах или чанах.

Шлиховое золото – самородное золото, добытое из россыпей.

Шмельцер (нем.) – плавильщик, работавший у плавильной печи.

Шплейзофен (нем.) – самодувная плавильная печь, состоящая из топки с поддувалом, колосников, горнила и пода (горизонтальная

поверхность в печи, в печной топке, на которую кладется топливо) с гнездом для плавки металла. В этой печи дутье мехами не подавалось, а действовала она свободным притоком воздуха в поддувало.

Шрейбер – писарь.

Штаб-лекарь – военное звание старшего полкового врача в армии Российского государства XVIII – первой половины XIX вв.

Штейгер (нем.) – горный мастер, непосредственно заведовавший подземными работами в руднике. Эта категория специалистов горного дела в первой половине XVIII в. состояла из иностранцев.

Штольня (нем.) – подземный коридор в почти горизонтальном направлении и с выходом на поверхность земли, образуемый рудниковой выработкой.

Штоф (нем.) – 1) мера объема жидкости = 1,23 л.; 2) стеклянная емкость, преимущественно для водки: бутылка прямоугольной формы, с коротким горлышком и рельефным изображением двуглавого орла на стенке.

Штоф (нем.) – тяжелая шелковая или шерстяная ткань с тканым рисунком.

Юфть – кожа рослого быка или коровы, выделанная по русскому способу, на чистом дегте.

Ярица – пшеница или рожь ярового посева.

Ясак (тюрк.) – в России XV-XX вв. натуральный налог с народов Сибири и Севера, главным образом, пушной.

*И*менной указатель

- Абросов Илларион 169
Аксенов Ив. 171
Александр II 8
Александр III 539
Алексей Михайлович 163, 165
Альдегонд (Сент-Альдегонд, де) 396, 397, 399, 404, 408, 410, 411, 412, 418, 422, 429, 431, 432, 435, 436, 439, 442, 443, 459, 462, 463
Амфилохийев 172
Андреева Авдотия 224
Анна Ивановна 169, 174
Анненков 370
Антипин Сидор 170
Антипова Прасковья Дмитриевна 143
Ануфриева Варвара 224
Аршеневский 325
Арыков 226
Асташев 463
Ащаулов 226
Бакунин Федор 386
Баландин 463
Балле Даниил 386
Барсуков Дмитрий Петров 27
Баюнов Василий Филиппов 33
Баюнов Федор 33
Безпалов Леонтий 37
Беликов Д.Н. 5, 6, 148, 149, 150, 155, 159, 162, 167, 186, 211, 254, 263, 265
Беликов Дмитрий Никанорович 147
Белкина Екатерина 235
Белоусов Елевферий 216
Белоусов Иван 35
Белоусов Константин 216
Белоусов Прокопий 216
Белоусовы 528
Белявский Ф.Н. 5, 488, 563
Белявский Фотий Николаевич 486
Березовская Мария 226
Берестов Степан Федоров 34
Берестов Филипп 34
Береут 212
Беэр 173, 174, 350, 351, 352, 353, 355, 372, 375, 379, 385, 390, 391, 393

- Бирон 168, 169
Битков 180
Бобрищев-Пушкин 200
Богданов 210, 226
Богданов Даниил 170
Боголепов 186
Болтин 169
Болтовский Филипп 159
Боровиков 201
Боровских Василий 45
Боровских Филипп Иванов 45
Бородухин Зотей 169
Борошков 200
Бортников Максим 33
Бортников Степан Митрофанов
32, 33
Бортникова Афимья 32
Бочагов 172
Бояркин 196
Боярченко Федька 157
Бояшев 151
Бровцын Григорий 386
Бронников 214
Броноусова Анна 35, 36
Броноусова Пелагея 35
Брутов Игнатий 170
Бурнашев Ив. 350, 379, 392
Буткеев Петр 206
Бутурлин 155
Бухгольц 182
Буцинский П.И. 153, 158, 159,
160
Бушнев 231
Бызова Федосья 206
Вагин Ив. 170
Ванеев Нестер Яковлев 28
Ванеева Анна 28
Варадинов Н.В. 178
Варлаам 228
Васильев 376, 378, 379
Вдовин Василий 223
Вдовин Петр 223
Вдовина 223
Веймарн 183
Вельяминов 153, 158, 159
Веселой Михайло 189
Власов Василий 166
Власовы 235
Волишевский Дмитрий 57
Волишевский Иван 57
Вольф Б.М. 75
Вторушин Петр 224
Вяземской Семен 195
Гайман 123
Галдан-Цэрэн 208, 211
Гарбовский Филипп Автомонов
31, 32
Гвинтовка Матюшка 158
Геблер Вильгельм 411
Гельмерсен 499
Геннин 166, 173
Герман И.Ф. 358, 372, 373, 374,
377, 385, 391, 393, 394, 395, 396,
417, 420, 421, 453, 456
Гилев Федор 29, 63
Гилева Надежда 26
Гмелин И.Г. 149, 193, 194, 197,
207
Гоголь Н.В. 285, 487
Голенищев-Кутузов 151
Голодников К. 185
Голубев П.А. 77, 80, 81, 124,
258, 410
Голубцов 196
Горохов 489
Грибович Пашка 159

- Григорьева Матрена 190
Гришанов Кузьма 34, 35
Гросс 385
Грохотов Иван Остафьев 34
Губарь Янка 159
Гуляев 177, 187, 208
Гуляев Кузьма 170
Гуляев Н.С. 355, 396
Гуляев С.И. 206, 350, 352, 355,
370, 371, 384, 388, 415, 494, 497,
534
Гуляев Степан Иванович 173
Гусев Фома 42
Гусева Хавронья 42
Гусельников 231
Давыдовы 155
Девриен А.Ф. 487, 563
Делиль де ла Кройер Николай
386
Демидов 17, 165, 166, 174, 207,
230, 257, 350, 359, 362, 385, 391,
392, 431, 495, 496
Демидов Акинфий 173, 517
Денисов Матвей 49
Денисов Петр 49
Денисова Татьяна 49
Денисова Ульяна 49
Дерябин 279
Дионисий 156
Дмитриев 215, 223
Дмитриевы 23
Докунины 164
Долгов Иоаким 56
Долгов Селиверст 56
Долгова Степанида 56
Донских Харитинья 63
Достоевский Ф.М. 499
Древинг 411
Дубровин Иван 161, 298
Дюньдин Калистрат 34, 35
Егоров Моисей 35
Егорова Марфа 35
Екатерина I 169, 172
Екатерина II 6, 16, 175, 176, 178,
179, 181, 185, 194, 199, 259, 263,
264, 271, 277, 296, 388, 424
Екимов Егор 22
Елизавета Петровна 169, 174,
175, 176, 177, 229, 257
Елунин 214
Еремеев 499
Еремеев Гордей 180
Ереничков Кашка 203
Жданов Спиридон 67
Желябов А.И. 8
Жиганов Алексей 70
Жиганов Иван 70
Забабурин Дмитрий 235
Загряский Павел Федорович
167
Зажигаев Иван 224
Зайцев Назар 27
Залесский 103
Зарешнов Михайло Нестеров 75
Зарешнов Яков 75
Захарьев Алексей 56
Захарьев Кондратий 56
Захарьев Тимофей 56
Захарьева Елена 56
Звездочетов 218
Землянов Викула 75
Зобнин Н. 370, 376, 378, 410,
413
Зубарев Василий 32
Зубов Афанасий 54, 158
Зувев Иван 72

- Зятьков Никифор Иванов 28
Зятькова Анна Нестерова 28
Иван Васильевич 165
Иванов 183, 196, 264, 277, 307
Иванов В.П. 6, 256, 270, 322, 323, 331, 345
Иванов Василий 70
Иванова Ульяна 189
Иван-швед 186
Игнатий 157
Игнатов 158
Ильин Малофей 70
Ильин Трофим 70
Ильиных Федор 235
Иностранцев А.А. 486
Иоан Грозный 296
Иоанн Алексеевич 157
Ипат 159, 219
Ирка 205
Исайа 155, 198
Исаков Алексей 170
Кабанов Андрей 173
Кабанов Леонтий 173
Казанцев 55
Казанцев Василий 170
Казанцев Иван 69
Казанцева 55
Кайгородова Мавра 30, 31
Кайминоков Евстафий 48
Кайминокова Елена Спиридонова 48
Калачев Афанасий 226
Калинин Дмитрий 50, 51
Калинин Константин 50, 51
Каравайников 189
Каркавин 230
Карпов Игнатий 31
Карпова Просковья 31
Касаткин Иван Михайлов 41
Качанов Осип 204, 206
Качка 370, 371, 373, 374, 375, 377, 378, 384, 386
Кащенко Н.Ф. 148, 254
Кедров 236
Киндерман 352, 354, 355
Кирилл 206
Киселев Ефтей 42
Киселев Илья 41, 42
Киселев П.Д. 11
Кичеров Денис 67, 68
Клепиков 215
Ковалев Степан 209
Козаков Петр 71
Козлов 156
Койнов 196
Койнов Кирилл 171
Койнов Лука 27
Колесников 194
Колотилов Фома 170
Колоухов Алексей 35
Конев 67
Коновалов 38, 39
Кононов М.Н. 148, 254, 263
Коплин Ив. 177, 178
Копьев 231
Корел Егор 170
Корешков Григорий 28
Корешкова Лукерья 28
Корковин Алексей 74
Корковин Степан Яковлев 74, 75
Коровин Василий Семенов 68
Короткова Афимья Мироновна 27, 28
Корф 101
Костомаров Н.И. 162
Костров 12, 24, 182, 185, 463

- Костров Н.А. 11, 12, 13
Красильников Петр 169
Красновский И.И. 11
Кривых 274
Кричевцев Павел 68, 69, 70, 72,
73, 74
Кругликов 200
Кругликов Алексей 206
Круглов Лука 43
Круглова Марфа Архипова 43
Крылов 215
Кубышев Иван 231
Кудрявцев Матвей 173
Кузнецов Андрей 69
Кузнецов И.П. 153, 157, 158,
159, 195, 205, 219
Кузнецов Стефан Кирович 161
Кузьмин Илья 32
Кузьмин Павел Евсеев 32
Кулаковский Матвей 203
Кулибин А.И. 373, 374, 392
Куликов Арефий 46
Куликова Матрена 46
Курков 511
Лавров Дмитрий 209
Лавров Михаил 209
Лавров Семен 209
Лебеденок 214
Левины 164
Ледебур 381, 396, 424, 431
Лепехин И.И. 11
Лепехин Федор 239
Лепунов 38, 39
Лепунов Константин 34
Лепунов Фрол 34
Лепунова Павла 34
Лисных Егор 70
Лисных Пахом 71
Литосов Зиновий 150
Лихарев 182
Лопарев Хрисанф 185
Лопатин Прокопий 64
Лопаткин Фома 30
Лоскутов Иван 213
Лукиянов 236
Максимов С. 212
Максимов Томилка 150
Максоров Егор 230
Максоров Степан 230
Максоров Федор 230
Максорова Марья 230
Макушин П.И. 77, 150, 153, 258
Мальцев 225
Мамонтов 234
Манаков Василий 226
Маслов 178, 265, 521
Маслов Гаврило Григорьев 32
Маслова Марина 32
Матвеев П.А. 12
Матвеевы 19
Маховиков 33
Медер Иоган Виктор 386
Мезенцов Никанор Дмитрие-
вич 123
Меллер 369, 376, 377, 383, 386,
387, 388
Меллер Борис 254
Мельников П.И. 156, 178
Миллер 153
Милохов Максим Николаев 32
Милюков П.Н. 263
Минеев 216
Михаил Федорович 15, 163, 165
Михайлов 77, 153, 258
Михайлов Ефрем 171
Михайлович А. 78, 277

- Михайловская Акси́нья 189
Мокины 537
Молоков Василий 50
Молоков Гаврила 50
Молоков Игнатий 50
Молчанов 200
Морозов Алексей 72
Мухин 213
Мухортов Тимофей 58
Мухортова Фе́досья 58
Мятлев 184, 185
Нагибин Петр 29, 63
Нагибина Надежда 29, 63
Назаров Алексей 225
Назаров Архип 225
Недзвецкий А.Н. 78
Нелюбина Алена Ильина 233
Немчинов Федор 231
Нестеров Николай 72
Низовских Прохор 170
Никитенко Иван 68
Никитин 345
Никифоров Антон 170
Никифорова Мария 224
Никон 165, 296
Никонов Алексей 233
Новоселов Спиридон 179
Носов Антон Мартынов 55, 56
Нянинг Андрей 386
Овчинников Алексей 170
Ожогин Николай 51
Ожогин Сидор 51
Оленин А. 107
Олсуфьев 258, 352, 353, 357,
360, 361, 372, 383, 385, 386, 387,
419
Олсуфьев А. 359, 389
Опарин 232
Орехов Сысой Киприянов 68
Орлов Василий 170
Орлова В.И. 93, 94, 107, 114,
122, 143
Осинской Станислав 159
Осокин 55
Останин Яков 232
Отпетый В. 371
Павлуцкий 356
Паллас П.С. 11, 17, 189, 193,
202, 207, 220, 256, 265, 266, 268,
269, 270, 325, 521, 526
Панин Петр Иванович 175
Панков Логин 357
Панкрушин 214
Пастухов Андрей 68
Паутов 215
Пахомов Никифор 46
Пахомов Прокопий 46
Первухин Калистрат 71
Первых Емельян Ларионов 32
Перфильев 49
Перфильева Анна 48
Перхов Андрей 152
Пестерев 215
Пестерев Григорий 64
Пестерев Дмитрий 64
Пестряков Степан 224, 225
Петлин Петр 386
Петр I 161, 164, 165, 168, 169,
171, 172, 174, 175, 259, 264, 267,
271
Петр II 169
Петр Алексеевич 157, 210
Петр Великий 166, 180, 182,
192, 260
Петров Ерофейка 155
Петров М.Н. 163, 164

- Петров Трофим 209
Петров Юрка 155
Пиль 181
Пименов Денис 224
Пименов Иван 224
Пискунов Василий 170
Питирим 165, 166
Платонов 83, 106, 495, 507
Платонов И.К. 82
Плесковские 235
Плещеев 151
Плотников 180, 233
Плотников В. 222
Плотников Евсей 196
Плотников Ив. 169
Плотников Кондратий 196
Плохов Николай 386
Поводов 155
Подзоров 207
Позасухин Алексей Аксенов 29
Пойлова Екатерина Прокопье-
ва 33
Поламошнов Григорий 234
Полковников Яков 74, 75
Польгаев Михаил Семенов 31, 32
Поникаровский 222
Пономарев М. 176
Попов 59, 60, 463
Попов Ермолай 49
Попов Максим 29
Попов Павел 228
Попов Федот 459
Попова Авдотья 49, 50
Попова Агафья 29, 30
Поповы 159
Порошин 185, 197
Порфирий 167, 209
Посошков 162, 164
Постников Павел 386
Посысоев 68
Потанин Г.Н. 16, 184, 186, 17,
192, 198, 201, 217, 218, 351, 356,
390, 393
Потеряев Флор 209
Правиков Ф.Д. 176
Прасолов 215
Приезжев 181
Принцц А. 180
Прокопьев Никифор 167
Протопопов Федор 233
Пугачев 188
Пузин 353
Пыпин А.П. 165
Пырсыкова 233
Пятков 230, 231
Радлов 463
Рахманов 528
Ревягин Захар 23
Резанов Евлампий Васильев 27, 28
Ремезов 150, 160, 161
Ренованц 358, 372, 389, 393,
394, 437, 452, 453
Ржевский 260, 261
Ржевский Юрий 165, 166
Риддер 356
Римский-Корсаков Игнатий 157
Рогозин Никита 68
Родименький Василий 235
Роецкий Юрий 206
Романов 223
Рылова Е.П. 5, 7, 76, 77, 146
Рычков 223
Рязанов А.В. 326
Савин Полиевкт 67
Салтыков 261
Самарин Ф. 107

- Санзаровы 554
Сарров 504
Сартаков Семион 74
Сахаров Алексей 74, 75
Сахаров Иван Самойлов 74, 75
Сверчков 166
Селезневые 212, 214
Селиванов Лифонтий 64
Селиванова 64
Семенихин Илья 68
Семенов Созонт 153
Семенов Яков 153
Семенов-Тянь-Шанский В.П. 5, 7, 486, 488, 563
Семенов-Тянь-Шанский Вениамин Петрович 486
Семенов-Тянь-Шанский П.П. 7, 486
Сергий 172
Серенкова Марфа Иванова 226
Серов 279
Сетикеев Шалдычко 203, 204
Синявин Илларион 206
Сионин 235
Скиба Михайло 158
Скороходов И.Н. 152, 258
Скулимский И.Ф. 148, 254, 263
Слободчиков Николай 56, 57
Слободчиков Степан 56
Слободчикова Анна 56
Слободчикова Ефимия 56
Словцов П.А. 149, 152, 172, 185, 258, 262, 263, 265, 267, 270
Снегирев И.М. 11
Соболевский 152, 195
Созонов Климент 153
Соймонов 185, 187, 357, 370, 376, 377, 384, 387
Соколов 30, 31
Соколов Василий 30
Солнцев 170
Солнцев-Засекин 165
Соловьев С.М. 162, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 172, 176, 184, 212
Солодщичев 212
Соломатов Иван 209
Солонин Иван 72, 73
Солонин Николай 72
Солонин Филипп 72
Сорокин 215
Софья Алексеевна 152, 156, 164, 296
Ставалдины 176
Старков 203
Старковы 19
Старшина Настасья Иванова 47
Стаховский Антоний 167
Степанов Андронко 155
Степанов Василий 170
Степанов Мартышко 155
Степанов Тимошка 155
Сторожев Афанасий 153
Сторожев Петр 153
Сторожев Тимофей 153
Страннолюбский 77
Стремянов Алексей 209
Стремянов Иван 209
Строгановы 152, 166
Ступин 182
Субботин Потап 67
Суворин А.С. 173
Сусловы 201
Сухарев 355
Сухоруков 273
Сыхра В.А. 163, 164

- Табатчиков Петр 28, 29
Табунков 205
Талицкие 164
Таловский Илья 63
Тарабарин 53
Тарабарин Михаил 53
Тарабрин Мирон 31, 54
Тарабрин Мирон 54
Тарабрин Петр 54
Тарабрин Сидор 54
Тарасов Михайло 171
Тарновский В.В. 11
Татищев 169
Тачалова Настасья 23
Терехов Макар 48
Терехова Марья 48
Тимофеев 183
Толстиков 123
Толстово Михаил 157
Толстой 236
Тонков Ананий 35
Тропин Василий Андреев 42
Тропин Михаил Васильев 42
Тропина Степанида Алексеева 42
Тупицин Евсей 22
Тупянский 204, 205
Тургенев 236
Туясов Василий 353, 354
Тыжнов И.И. 5, 6, 7, 347, 485
Тыжнов Иннокентий Иванович
346
Тырков Василий 151
Тырышкин Ипат Алексеев 31
Тырышкин Савелий 68
Тютрюмов И.М. 94, 114
Угрюмов 208, 209
Угрюмов Яков 171
Удинцов 226
Ульрих Иоган Готлиб 385
Усольцев Дмитрий 228
Уфимцев Аристарх 44
Уфимцев Леонтий Осипов 44
Уфимцев Степан 44
Фальк И.П. 197, 207, 220, 235
Федор Иванонович 165
Федоров А.С. 107
Федоров Феклист 35, 36
Федорова Прасковья 226
Федулов 495
Фефелов Терентий 28
Филарет 17
Филиппов 67
Филиппов Евдоким 46, 47
Филиппова Наталья 46
Филлипов Василий 190
Фирснов Степан 53, 54
Фойницкий И.Я. 12
Фолин Иван 209
Фомин Елисей 28, 29
Фомина Федора 28
Фоминский Иван 171
Фраундорф 177, 183, 186, 216
Хитров 70
Хлыновский 206
Хомутов Иван 209
Хонжин Федор Яковлевич 153
Христиани Самуил 385
Худяшов 71
Цеван-Роптан 206
Цедеркопф 379
Цоплонов 29
Цьцурин Савва 206
Цэрин-Дондуба 206
Чанов 224
Чекрыжов Сидор 47
Чекрыжова Анна Герасимова 47

- Чепарин Тимофей 171
Черепанов 59, 60
Черепанов Зиновий 48
Черепанова Александра Агафо-
нова 59, 60
Чесноков Андрей 46, 47
Чиликин Андрей 51
Чиликин Иван 51
Чиликин Ион 51
Чиликин Петр 51
Чиликина Федосья 51
Чинцов М.В. 9
Чихачев 499
Чичерин 185
Чичерин Д.И. 200
Чудновский С.Л. 5, 6, 10, 75
Чудновский Соломон Лазаревич 8
Чулков Василий 386
Чумов Иван 235
Шадрин Семен 231
Шакурин Карп Герасимов 44, 45
Шанский 218
Шахов Семен 39
Швецов С.П. 76, 255
Швецова (Лаврова) Мария Ва-
сильевна 255
Швецова М.В. 5, 6, 256, 345
Шелепов Василий 47
Шелепов Иван Сидоров 47
Шелепова Татьяна Липонтьева 47
Шелковников Федор 206
Шелковниковы 235
Шерстобитовы 60
Шестаков 196
Шестаков Илья Михеев 29
Шестакова Анна 29
Шестакова Марфа Егорова 29
Шипилов Пантелей 31
Шипких 213
Широков 123
Шихалев Кирилл 30
Шихалева Александра 30
Шмурло Е. 314
Шпрингер 210
Штильке 123, 138
Шумилов 223
Щапов 17
Щапов А.П. 161, 162, 165, 169,
298
Щебальский П. 169
Щеглов И.В. 182, 183, 186, 189,
191, 206, 208
Щеглов Иван Михайлов 41
Щелканов 226
Щуровский Г.Е. 423, 441, 499
Эрисман Ф. 100, 101
Юдин Егор Михайлов 68
Ягловский 150
Ягужинский 168
Ядринцев 18, 19, 270
Ядринцев Н.М. 498, 558
Яковлев Семен 209
Якушкин Е. 10
Яренсков 215

Г *еографический указатель*

- Абай, р. 537, 538
Абайское (Абай), с. 537, 538
Абакан, г. 194
Абакан, р. 202, 239, 463
Абаканский, хребет 558
Абацкая, слобода 172
Абдалицкие, юрты 250
Абинские, горы 525, 535
Абышева, д. 240
Абышенские, юрты 250
Австрия, страна 271
Агайрык, хребет 533
Агафонова, д. 253
Ажинская, д. 244
Ажу, гора 556
Азов, г. 162
Айгулацкие, горы 546, 553
Айсин-Баш, гора 553
Айское, с. 23, 40, 55, 57, 500, 501
Акимовские, сопки 515
Акимовский, рудник 515
Аккем, р. 540
Аккемский (Радзевича), ледник 531, 540, 541
Аккемское, оз. 531, 540
Акколь (Ак-Коль), р. 547, 548, 549
Акколь, оз. 549
Аксенова, д. 150, 240
Аксу, р. 540
Актру, рч. 547
Аланская, д. 492
Алатау, хребет 460
Алаха, р. 533
Алей, р. 191, 192, 202, 208, 218, 236, 247, 257, 276, 328, 437, 438, 439, 491, 504, 516, 519, 523, 526, 527, 533
Алейская, вол. 92, 255, 257, 267, 276, 277, 279, 280, 281, 284, 293, 309, 319, 325, 331
Алейский, з-д 179, 243, 419, 420, 453
Алейский, станец 356
Алейское (Алейская), с. 16, 246
Александровка (Александровская), с. 22, 23, 36, 54, 182, 277, 278, 280, 293

- Александровская, вол. 85, 90, 91, 93, 97, 99, 102, 120, 129, 130, 137, 139, 255, 257, 267, 276, 277, 280, 284, 294, 294, 309, 319, 324, 328, 331
- Алеус, р. 250
- Алеусская, д. 250
- Аллак, р. 250
- Аллацкая, д. 250
- Алтай, регион 5, 6, 7, 8, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 30, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 44, 48, 55, 57, 60, 61, 62, 64, 65, 66, 71, 72, 73, 74, 77, 82, 124, 136, 173, 174, 180, 192, 207, 255, 256, 257, 258, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 275, 277, 285, 294, 296, 299, 304, 311, 347, 371, 376, 383, 385, 388, 389, 410, 411, 423, 430, 437, 441, 453, 459, 460, 463, 469, 485, 488, 496, 507, 512, 513, 515, 516, 517, 521, 527, 534, 535, 536, 547, 551, 552, 563
- Алтайская, вол. 8, 12, 14, 15, 22, 24, 28, 36, 39, 41, 53, 54, 55, 56, 59, 64, 65, 72, 277
- Алтайская, губ. 346
- Алтайская, станица 527
- Алтайские, горы 173, 178, 193, 229, 265, 512, 513, 514
- Алтайский горный, окр. 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 60, 61, 72, 75, 93, 116, 410, 411, 462, 495, 501
- Алтайский, окр. 73, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 90, 94, 99, 101, 106, 111, 114, 118, 124, 126, 128, 131, 136, 144, 146, 173, 179, 182, 255, 257, 258, 259, 261, 262, 271, 347, 368, 375, 392, 410, 485, 486, 495, 514, 544
- Алтайское, с. 16, 18, 22, 24, 39, 40, 535, 542, 500, 501
- Алтын-Ту (Алтын-Таган), гора 488, 552, 557, 558
- Аму-Дарья, р. 182
- Анбинская, д. 252
- Ангара, р. 9
- Андреево, с. 160
- Андреевский, пос. 526
- Андропова, д. 250
- Андыкова, д. 252
- Анисимово (Боровлянка, Боровлянское, Онисимова), с. 85, 92, 99, 120, 129, 130, 138, 139, 141, 194, 202, 245, 241, 248, 499
- Анкудинова, д. 239
- Антипина, д. 240
- Антониевская, крепость 210
- Антониевская, станица 138, 142, 524
- Антонова, д. 161, 241, 250
- Антоновский, форпост 182
- Антошкино, с. 185
- Ануй, р. 244, 513, 523, 524, 535, 536
- Ануйская, вол. 15, 28, 89, 91, 104, 111, 142, 277
- Ануйская, крепость 182, 243, 513
- Ануйские (Талицкие), горы 525, 535, 536, 537, 543
- Аракым, р. 423
- Арасан, р. 529
- Арасан-Су см. Рахмановские, ключи

- Аргут, р. 532, 540, 542
Аргутские, горы 532, 548
Арзамасский, у. 170
Арсенова, д. 241
Артамонова, д. 170, 251
Артыбаш, урочище 554
Артышка, рч. 241
Артышкинская, д. 241
Архангельская (Архангелогородская), губ. 16, 169, 174, 259
Асанова, д. 239
Астраханская, губ. 178, 259, 263
Астраханцева, д. 160
Атаманово (Атаманова), д. 151, 161, 241, 251, 489
Афонино (Афониная), с. 88, 142, 241
Ахту, гора 536
Ача, с. 87
Ачекрский, форпост 249
Ачелман, рч. 558
Аю-Кечпес, ущелье 557
Аюла, пос. 552
Аятская, слобода 171, 172
Аяш, рч. 252
Аяшинская, д. 252
Бабанакова, д. 239
Бабеева, д. 249
Бабышевы, юрты 239
Баево, с. 492
Бажева, д. 171
Баженова, д. 245
Базас, р. 460
Базунова, д. 202
Байкаимская, д. 241
Байкомская, д. 44
Балахнина, д. 240
Балгаштинские, юрты 244
Балтийское, море 270
Барабинская (Бараба), степь 178, 184, 185, 187, 192, 214, 217, 220, 260, 263, 265, 490, 491, 505
Бараицкая, д. 238, 239
Баранча, д. 535
Баранча, рч. 535
Барлакское, с. 117
Барнаул, г. 5, 23, 39, 72, 146, 149, 167, 193, 194, 207, 211, 212, 214, 230, 235, 243, 255, 322, 346, 351, 358, 380, 381, 388, 389, 390, 414, 437, 466, 471, 481, 482, 483, 485, 488, 489, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 503, 504, 505, 506, 507, 509, 510, 542
Барнаулка, р. 491, 495
Барнаульская, вол. 102, 117, 139
Барнаульская, д. 193, 245
Барнаульский, бор 193, 196, 214, 216
Барнаульский, з-д 173, 174, 187, 191, 193, 207, 243, 351, 357, 390, 392, 404, 406, 411, 414, 416, 435, 437, 438, 439, 441, 442, 443, 446, 447, 448, 449, 450, 462, 465, 478, 484, 495, 496
Барнаульский, окр. 9, 13, 18, 27, 40, 42, 74, 85, 86, 89, 91, 92, 95, 96, 97, 102, 103, 104, 105, 110, 116, 117, 119, 120, 123, 124, 128, 129, 131, 137, 138, 139, 140, 142, 167, 190, 192, 202, 236, 490, 492, 493, 494, 495, 497, 501, 502, 505, 506
Барнаульский, у. 195, 237, 242, 255
Барсовая см. Ирбисту, гора
Барсукова, д. 245, 248

- Барсуковский, рудник 525
Бартышево (Бартышевский), с. 160, 243
Бархотова (Кучук) д. 240, 248, 492
Басалаво, с. 160
Басалаева, д. 239
Батурино (Батурина), с. 85, 150
Батурова, д. 250
Бахматово см. Боровское, с.
Бачатская, вол. 44, 88, 142
Бачатское (Бачат, Бачатская, Бочатская), с. 191, 194, 196, 232, 241, 497, 501, 502
Бачацкие, юрты 238
Башкауc, р. 488, 500, 553, 559, 560
Башкирия, регион 165, 169
Бащелакские (Бащалакские), горы 525, 535
Баюнова, д. 33, 60, 245
Бедарева, д. 161, 241, 245
Бедрецкие, юрты 244
Бедрина, д. 204, 250
Бедринка, рч. 250
Безголосова, д. 246, 253, 504
Безменова, д. 239, 248
Безрукова (Новая Протока), д. 151, 194, 241
Безъязыково, с. 160
Белая Берель, р. 527, 529, 532
Белая Катунь, р. 531
Белая Уба, р. 423, 527
Белая, д. 27, 182
Белая, р. 173, 192, 399, 517, 526, 532
Белгородская, губ. 259, 260, 263
Белер, гора 558
Белкина, д. 240, 250
Белкова, д. 250
Бело-Ануйское см. Келей, с.
Белобородова, д. 150
Белова (Белово), д. 241, 247, 248, 251, 506
Белоглазово (Белоглазова, Чарыш), с. 193, 247, 505, 511, 514
Белоголова, д. 194
Белое, оз. 248, 518
Белое, с. 509
Белокуриха, д. 44
Белопухова, д. 250
Белорецкий, пос. 526
Белорецкий, форпост 182
Белоруссия, регион 176
Белоусова, д. 85, 150
Белоусовский, рудник 390, 406, 411, 417, 424, 428, 429, 432, 436, 450, 451
Белоярская, вол. 72, 235
Белоярская, с. 170, 171, 174, 190, 191, 201, 213, 221, 224, 225, 245, 351, 500, 508
Белоярский, острог 149, 230
Белуха, гора 180, 488, 512, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 539, 540, 541, 542, 547, 548
Белый Ануй, р. 536
Белый Июс (Юс), р. 238
Белый Камень, станец 243
Бельгагачская, степь 519, 520, 533
Бельмесева, д. 245
Беянина, д. 239
Бердская, вол. 105, 119, 139
Бердский, острог 202
Бердское, с. 229, 488, 489, 499

- Бердь, р. 194, 220, 229, 238, 242, 249, 251, 252, 489, 499
Бердюгина, д. 241
Бердюжинский, рудник 525
Бердюжская, вол. 23
Березов, г. 391
Березова, д. 240, 241
Березовая, рч. 240, 263
Березовка, д. 240, 244, 502
Березовка, р. 183, 259
Березовский, окр. 15
Берель, д. 527, 528, 532, 533
Берель, р. 528, 562
Берельский, ледник 529, 540, 541, 548
Беспалова см. Верх-Чумышская, д.
Бессарабская, обл. 189
Бестужева, д. 246
Бехтемирка, рч. 247
Бехтемирская, д. 29, 247
Бехтемирская, крепость 182
Бехтемирский, маяк 244
Бешенцева (Бешенцова), д. 245, 550
Бжицкова, д. 239
Бийск, г. 22, 51, 72, 149, 161, 183, 184, 197, 219, 257, 488, 502, 503, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 524, 534, 535, 542, 551, 557
Бийская, вол. 51, 63, 139, 277
Бийский, окр. 8, 9, 13, 14, 18, 27, 28, 40, 41, 69, 74, 79, 82, 85, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 97, 99, 102, 104, 105, 106, 111, 117, 120, 121, 128, 129, 130, 132, 137, 138, 141, 142, 178, 190, 191, 202, 209, 216, 236, 265, 452, 503, 505, 506, 506, 507, 508, 516, 523, 526, 532, 533, 562
Бикатунская (Бийская), крепость 149, 174, 182, 183, 190, 206, 226, 243, 257
Биткова, д. 251
Битоногова, д. 252
Биш-Иирду, горы 547
Бия, р. 237, 242, 244, 503, 508, 511, 554, 555, 556, 562
Благодать, гора 503
Бобкова см. Колбиха, д.
Бобровка, д. 235, 265, 266, 268
Бобровка, рч. 246
Бобровская, вол. 85, 264, 267, 270, 276, 277, 281, 285, 307, 322, 323, 331
Бобровская, защита 182, 243
Бобровское (Бобровская), с. 110, 244, 245, 264, 267, 277, 281, 282, 325, 503
Богатанская, д. 252
Богородское, с. 160, 194, 211
Боготольское, с. 189
Богоявленский, рудник 179
Боева, д. 250
Божё, рч. 558
Божё, хребет 558
Бозойская, д. 252
Болвашкина, д. 245
Болтовская, д. 150
Большая Белокуриха, рч. 534
Большая Зотина, д. 250
Большая Кокуйская, д. 245
Большая Оешская, д. 194
Большая Речка (Ново-Юрьево), с. 27, 269, 506, 508
Большая Тула, рч. 252
Большая Чили см. Ян-Чили, рч.
Больше-Панюшово, с. 504

- Большереченская (Большерецкая), д. 182, 244, 245, 247, 527
Больше-Уксунайская, д. 246
Большой Берельский, ледник 528, 529, 530
Большой Коргон, р. 525
Большой Оеш, д. 253
Большой Талдуринский, ледник 548, 549
Большой Тигирек, рч. 525, 526
Большой Улаган, р. 560
Борисова, д. 241
Бормотова, д. 240
Бормотушка, рч. 240
Боровая, д. 245, 247
Боровикова, д. 235, 248
Боровлянка см. Анисимово, с.
Боровлянка, рч. 248
Боровлянская, вол. 141, 255
Боровой Форпост, с. 120, 137, 140, 142
Боровское (Боровская, Боровое, Бахматово), с. 110, 241
Боровушка, д. 240
Боровые, оз. 493
Бородавкина, д. 251
Бородина, д. 194, 240
Бородины, юрты 239
Бородулино, с. 120
Бороздина, д. 251
Борочацкая, д. 241
Боярацка (Миронова), д. 241
Брагина см. Дуплянска, д.
Брюханова, д. 241
Бубенкова, д. 194, 230
Бугой, д. 252
Буготак, д. 253
Буготак, рч. 249, 253
Букина, д. 57, 241
Буланиха, с. 247, 509, 510
Булатова, д. 47, 67
Бунгур, р. 241
Бунгурская, д. 241
Бунькова, д. 252
Буранова, д. 193, 246
Бурла, рч. 196
Бурлинск, г. 249
Бурлинская, вол. 91, 95, 116
Бурлинский, у. 195, 248
Бурлукова, д. 241
Бурмистрова (Харева), д. 252
Бурнашева, д. 160, 204
Бутакова, д. 277, 278, 280, 290, 294, 303, 304, 308, 309, 317
Буткина, д. 246
Бутырский, рудник 179
Бутырское, с. 493
Бухтарма, р. 180, 181, 214, 259, 527, 532, 533, 538, 536
Бухтарма, с. 19, 180, 181, 275, 277, 423, 424
Бухтарминская (Верхняя), пристань 423, 424, 439, 440, 441
Бухтарминская, вол. 180, 424
Бухтарминская, крепость 423
Бухтарминский, край 180, 438, 441, 488
Бухтарминский, рудник 273, 440
Бухтарминское (Черное), оз. 532
Быкова, д. 182, 245, 246, 495
Былинных (Былина), с. 151, 160
Быструха, с. 268, 277, 278, 280, 282, 291, 293, 295, 324
Быстрый Исток, с. 68, 247, 507

- Быстрянка, д. 93
Ваганова, д. 240, 499
Валовая, д. 501
Валуйский, у. 263
Варюхино (Варюхина), с. 160,
194
Васькины, юрты 238
Васькова, д. 240
Великие Луки, г. 262
Великий Устюг (Устюг), г. 15,
154, 170
Верблюжьи, сопки 514
Верный, г. 509
Верткова, д. 252
Верх-Айское, с. 55
Верх-Алейская, станция 526
Верх-Ануйское (Верхне-Ануй-
ская), с. 32, 68, 244, 513
Верх-Белорецкая, защита 182,
243
Верх-Бухтарминская, вол. 27
Верх-Иртышская, крепость 356
Верх-Катунское, с. 51
Верхне-Боровлянка, д. 510
Верхне-Детлева, д. 251
Верхне-Дятлова, д. 501
Верхне-Идолова, д. 250
Верхне-Ирменская, д. 251
Верхне-Караканская, д. 251
Верхне-Кинтеревская, д. 251
Верхне-Ненинский (Верх-Не-
нинский), маяк 237, 242, 244
Верхне-Омское, с. 185
Верхне-Суетинская, д. 251
Верхне-Сузунская, д. 251
Верхне-Тогульская, д. 246
Верхне-Убинская, станция 527
Верхне-Чемровская, д. 244
Верхне-Чингинская, д. 251
Верхние Чемы, д. 253
Верхний Кураган, рч. 540
Верхний Уймон, с. 538, 539, 540
Верхняя Ачинская, д. 239
Верхняя Ишпекова, д. 240
Верхняя Каменька, д. 240
Верхняя Колыванка, рч. 192
Верхняя Соколова, д. 248
Верхотомский (Верхне-Том-
ский), острог 149, 160, 161, 194,
203, 204, 240
Верхотомский, окр. 200
Верхотурск (Верхотурье), г. 15,
149, 151, 152, 157, 195
Верхоюнинская, д. 502
Верх-Сетовка, д. 72
Верхтомская, вол. 128
Верх-Туманская, д. 253
Верх-Убинская, защита 182, 243
Верх-Убинское (Лосиха, Верх-
Убинская), с. 41, 89, 96, 97, 102, 142,
244, 264, 265, 266, 267, 268, 273,
277, 280, 281, 282, 291, 293, 295, 302,
303, 304, 306, 318, 322, 324, 325, 327
Верх-Чумышская (Безпалова,
Верх-Чумыш), д. 242, 245
Верх-Чумышская, вол. 74, 89,
96, 97, 102, 142
Вершинина, д. 150, 160
Ветка, г. 178, 184, 193, 224, 265,
270, 271, 296, 299, 521
Виданова см. Красилова, д.
Владимирская, вол. 27, 41, 128,
142, 255, 257, 264, 267, 276, 280,
284, 285, 293, 294, 309, 318, 319,
324, 331
Владимирская, губ. 144

- Власиха, с. 96, 105, 123, 138, 142
Власихина, заимка 245
Волга, р. 263
Вологодская, губ. 16
Вологодский, край 155
Волчиха (Волчинское), с. 277, 278, 280, 293, 294, 295, 319, 493
Волчья, д. 250
Волчья-Бурлинская, д. 490
Воробьева, д. 247, 252
Воровскова, с. 161
Воронеж, г. 114
Воронежская, губ. 32, 114, 118, 260
Воронина, д. 150, 245
Вороново (Воронова), с. 117, 141, 160
Восина, д. 253
Восточная Сибирь, регион 489, 537
Выдриха, с. 93, 244, 269, 274
Вылкова, д. 248, 251
Выползова, д. 245
Высока Грива, д. 250
Вьюна, д. 252
Вянина, д. 251
Вятка, г. 15, 154
Вяткина (Вяткино), д. 247, 506
Вятская, губ. 255, 271
Вятский, край 174, 259
Гавриловская, д. 44
Гавриловский, з-д 179, 374, 394, 397, 406, 451, 465, 478, 481, 484, 501
Гагарина, д. 240
Гаева, д. 171
Ганькина, д. 247
Ганюшкино зимовье, д. 248
Геблера см. Катунский, ледник
Герасимова, д. 161
Гериховский, рудник 430
Гилев Лог, пос. 493
Гилевское (Гилева), с. 16, 171, 193, 247, 250, 251
Глазкова, д. 239
Глубокая, рч. 178, 183, 240, 259, 263, 265
Глубокое (Глубокая), с. 193, 225, 240, 244, 268
Глухой, станец 243
Глушихинская, д. 245
Глядень, гора 517
Голубцова, д. 500
Гольцева, д. 192
Гольцева, рч. 192
Гольцовский, рудник 179
Гонбинское (Гонбина), с. 39, 66
Гонохова, д. 250
Горбу см. Корбу, хребет
Горбунова, д. 539
Горевская (Горевка), д. 251, 253
Горкина, рч. 240
Горлово, с. 489
Горносталева, д. 250
Горный Алтай, регион 488, 513, 525, 533, 544, 545, 501
Городишенска, д. 250
Горская, д. 196
Горскина, д. 241
Грамотина, д. 248
Грачевский, станец 243
Грибанова, д. 160
Громотуха, д. 239
Грошевская, д. 161
Грязнуха, д. 252
Гулинская, д. 252

- Гунина, д. 250
Гурьевск, с. 142
Гурьевский, з-д 390, 397, 399, 406, 407, 408, 434, 451, 465, 470, 471, 479, 484, 501, 510, 511
Гуселетова, д. 251
Гусельникова, д. 245, 251
Гуськина, д. 161
Гутовское (Гутова), с. 118, 139, 141, 160, 240, 252, 253
Давидкины, юрты 238
Давыдов Лог, д. 245
Данилова, д. 245
Девкина, д. 251
Демидовский, рудник 517
Демина, д. 28
Демьяновское (Демьянка, Демянск), с. 24, 184, 185
Десятова, д. 160
Джан-Иикту, гора 549
Джаным, гора 536
Джело, рч. 517
Джувлу-Куль (Джюйлю-Коль), оз. 561, 562
Дмитрева, д. 245
Дмитротовское, с. 75
Долганова, д. 253
Долгова, д. 204, 253
Долговых, д. 161
Долгополова, д. 241
Долонская, крепость 182
Долонский, форпост 243
Дон, р. 183, 212, 262
Дорогина заимка 251
Дорохова, с. 160
Дранишникова, д. 245
Драченина (Дроченина), д. 241, 245
Дресвянка, д. 250
Дросково, с. 255
Дрянная, д. 224, 245
Дубровинское (Дубровина), с. 119, 123, 124, 252
Думчева, д. 245
Дунай, р. 285, 341
Дуплянска (Брагина), д. 247
Дурашкина, д. 251
Дятлева, д. 251
Ебышлы, юрты 250
Евдокимова-Титова, д. 245
Европейская Россия, регион 15, 16, 77, 80, 143, 153, 154, 158, 282, 284, 290, 311, 424, 497, 520, 522
Евсевьева, д. 240
Евсина, д. 251
Евтина, д. 241
Евтифеева, д. 161
Егоза, р. 241
Егозова, д. 241
Екатеринбург, г. 379, 496
Екатеринбургские, з-ды 453
Екатерининский, форпост 193, 259
Екатерининское (Екатерининская, Екатерининка), с. 16, 182, 193, 244, 265, 266, 267, 268, 269, 277, 280, 281, 292, 293, 294, 295, 325, 327, 328, 521, 523
Елангаш, рч. 549
Еланская, д. 247, 249, 251
Елбанское (Елбанская), с. 132, 138, 250
Елбаш, рч. 238, 242
Елбаш, с. 489
Елгина, д. 239
Елизарова, д. 160, 194

- Еловка, д. 245
Еломан, р. 539
Елтышева, д. 253
Елунина, д. 245, 251
Елфимова, д. 239
Ельцовка (Ельцовская), с. 63, 244, 247, 251, 252
Емельянова, д. 160
Енисей, р. 238, 239
Енисейск, г. 8, 157, 158, 194
Енисейская, провинция 183, 185, 189, 191, 197
Енисейский, у. 192
Енисейское, с. 64, 244
Ербинска, д. 239
Еремеева, д. 241
Еремина, д. 251
Ересная, д. 245, 251, 252
Ересная, рч. 252
Ерофеева, д. 240
Ерыкалова, д. 240
Ефремова, д. 161
Жаркова, д. 248
Железинская, крепость 182, 249
Женевское, оз. 554
Жерново (Жерновское), с. 102, 130, 139
Жилино (Жилина), с. 245, 508
Жукова, д. 194
Жуланиха, д. 47, 500
Жуланихинская, вол. 500
Журавлиха, рч. 245
Журавлихинская (Журавлиха), д. 179, 247
Забродина, д. 245
Заварзина, д. 160
Заводинский, рудник 406, 433, 434, 436, 438, 440, 442
Завьялова, д. 234, 247, 251, 489, 490
Загадново, пос. 502
Загайново (Зайганова, Загайлово), с. 248, 509
Задева, д. 194
Зайсан, оз. 180, 258
Зайцева, д. 171
Заицкова, д. 160
Зайцова, д. 245
Зайчиха, рч. 540
Заковряшина, д. 245, 251
Закурдаева, д. 245
Залесова, д. 245
Замятина, д. 247
Западная Сибирь, регион 6, 60, 77, 211, 370, 487, 498, 499, 563
Запльвина, д. 245
Звонкова, д. 241
Зевакина, д. 193, 201, 244
Зеледево (Зеледеевское), с. 119, 130, 142, 160, 214
Зеленская, д. 30
Зенкова, д. 241
Зерцало, оз. 245
Зими́на (Совина), д. 246, 247, 504
Зимовская (Зимовье), д. 277, 278, 280, 281, 290, 291, 293, 294, 319, 320, 321, 331
Змеевая, гора 516
Змеевка, рч. 516
Змеиногорск (Змеев), г. 85, 106, 214, 216, 224, 295, 303, 374, 381, 389, 423, 488, 504, 505, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 521, 523
Змеиногорская, вол. 12, 71
Змеиногорский (Змеевский), з-д 380, 393, 397, 406, 423, 436,

438, 442, 443, 449, 450, 451, 465,
478, 481, 484

Змеиногорский (Змеевский),
край 430, 439, 466, 478, 479, 481

Змеиногорский (Змеевский),
рудник 179, 180, 182, 187, 193,
207, 243, 257, 353, 354, 356, 380,
390, 393, 394, 396, 406, 411, 414,
416, 427, 429, 430, 431, 433, 435,
436, 437, 438, 439, 440, 441, 447,
466, 467, 468, 471, 475, 477, 481,
484, 516

Змеиногорский окр. 6, 209, 255,
256, 265, 276, 277, 285, 290, 345,
516, 520, 526, 527, 533

Змеиногорский, у. 255

Золотушинский, рудник 179,
406, 429, 430, 432, 436, 451

Зорина, д. 250

Зубоскалова, д. 245

Зудилова, д. 495, 499

Зырянка, рч. 251

Зыряновская (Зырянска, Зыря-
нова), д. 234, 239, 245

Зыряновский, рудник 179, 181,
236, 380, 390, 406, 411, 423, 424,
428, 429, 431, 433, 434, 436, 438,
440

Ивановские, горы 281, 527

Иганина, д. 241

Идибские, юрты 238

Иедыгем, рч. 541, 542

Изревинская (Изревинска), д.
252

Изылинская, д. 253

Изылы, рч. 253

Иикту, гора 488, 542, 547, 548

Ик, рч. 489

Иконникова, д. 209, 244

Икса, рч. 253

Иксинская, д. 253

Иктаринское (Иктара), с. 160

Ильино, с. 160

Ильинский Погост см. Красно-
ярское, с.

Ильинское см. Красный Яр, с.

Имень, р. 548

Инерге, р. 554

Инерге, с. 554

Инская, д. 250, 251

Инские, горы 526

Инченкова, д. 241

Инюшева, д. 245

Иня, р. 238, 240, 241, 242, 249,
252, 253, 524, 525, 526

Иодралы, пос. 545, 546

Иолдо, перевал 540

Ипатова, д. 159

Ирбинская (Ирбинка), д. 225,
245, 253

Ирбинский, з-д 191

Ирбисту (Барсовая), гора 549

Ирбит, г. 72, 73, 341

Иргиза, р. 263

Иркутск, г. 9, 174, 177, 182, 183,
185, 208, 212, 264, 357

Иркутская, губ. 189, 190, 199

Ирменский, бор 251

Ирменское, с. 213, 214, 251

Ирмень, р. 252

Ировская см. Усть-Чумышская, д.

Иртыш, р. 160, 178, 180, 182,
184, 191, 193, 208, 211, 220, 242,
259, 263, 265, 276, 400, 423, 425,
438, 440, 441, 463, 491, 514, 520,
523, 527, 528, 533, 562

- Иртышская, крепость 206
Иртышская, линия 182, 183, 186, 257, 266, 354, 356, 357
Исеть, р. 155, 195
Искитимские, юрты 239
Исток, рч. 240
Истоминское, с. 23
Иткульский винокуренный, з-д 51, 508
Иткульское (Иткульская), с. 28, 185, 221, 222, 249
Иткульское, оз. 219
Ичинское, с. 185
Иша, р. 551, 553, 554
Ишим, г. 255
Ишим, р. 157
Ишимский, окр. 23, 170, 171, 269
Ишкепова, д. 240
Иштанская (Иштан), д. 155, 160, 213
Июс (Юз), р. 202
Кабанова, д. 247
Кабаново, оз. 212
Кабановская, защита 243, 247
Кавказ, регион 157
Казакова, д. 252
Казанкова (Казанка), д. 226, 245
Казанская, губ. 170, 174, 260
Казанской Божьей Матери, форпост 192, 243
Казань, г. 147, 157, 161, 162, 169, 298
Кайгород, г. 154
Кайлинская (Кайлина), д. 251, 252, 253
Кайлинская, вол. 85, 87, 92, 99, 103, 120, 129, 130, 139, 141
Каинский, окр. 18, 346
Каинский, форпост 191, 194, 249
Каинча, рч. 553
Калаганова, д. 253
Калачева, д. 226, 241
Калачиково, с. 161
Калбакая (Калбаказа), р. 559
Калгутты, р. 533
Калдинская, д. 239
Калинина, д. 241
Калиновка, д. 246
Калистратова, д. 247, 503
Калманка, рч. 246
Калманское (Калманка, Калманская), с. 193, 247, 504, 505, 506, 514
Калтайское (Калтайский, Калтанская), с. 119, 241
Калтакские, юрты 238
Калтирак, д. 240
Калягина, д. 240
Кама, р. 152
Каменка, рч. 245, 252, 535, 500
Каменская (Каменска, Каменка), д. 31, 54, 56, 247, 250, 252, 267, 277, 280, 281, 293, 295
Каменские, юрты 239, 244
Камень, с. 95, 123, 214, 490, 492
Камчатка, д. 247
Камысла, рч. 241
Камышенка, д. 32, 240, 247, 506
Камышлинская, д. 241
Камышловская, слобода 171
Камышная, рч. 240
Кан, р. 536, 537
Канаева, д. 160
Канарбург, р. 253

- Канарбурская, д. 252, 253
Канас, р. 533
Кангмы, р. 556
Кандалетной, маяк 238
Канская, степь 536
Каплина, заимка 247
Кара-Алаха, р. 532
Кара-Алахинское, оз. 532
Карабинска, д. 244
Карагайла, рч. 241
Карагайлинская (Карагайка), д. 50, 241
Карагем (Тополевка), рч. 542, 547, 548
Карагол, р. 539
Карагужева, д. 247, 248
Кара-Дершу, рч. 560
Караир, рч. 549
Караканская, д. 172, 241
Караканский (Караконский), маяк 237, 244
Каракорум, гора 556
Каралдинские, юрты 238
Карамышевский, рудник 406, 431, 433, 434, 436, 442, 447, 449, 450, 451, 515
Кара-Оюк, гора 541
Карасева, д. 251, 253
Карасу, рч. 560
Карасук, р. 196
Карасукская (Карасуцкая, Карасутская, Карасук), д. 103, 202, 250, 553, 554
Карасукская, вол. 28, 86, 91, 103, 104, 110, 129
Карачинская, д. 185, 249
Кара-Чумыш (Карачумыш), р. 438
Караяры, р. 548
Карбыкатская, д. 251
Карбышева, д. 249
Карганская, д. 249
Карганские, юрты 250
Каргаполова, д. 246, 250
Каргатска Дуброва, д. 249
Каргатская (Каргацкая), степь 213
Каргатские, юрты 250
Каргатский, форпост 249
Карлова, д. 193
Кармацкая (Карматская), д. 171, 245
Карпова, д. 14, 161, 193, 241, 247
Карпысак, с. 87
Карымы, д. 193
Касмала, рч. 179, 194, 247, 248
Касмалинская, вол. 96, 110
Касмалинский, бор 494
Касмалинское (Касмала, Прижимова), с. 194, 213, 245, 492
Касьма, рч. 241, 242
Касьминская, вол. 44, 74, 118
Катаковы, д. 160
Катанда, р. 539
Катанда, с. 539, 540, 545
Катунская, крепость 182, 209, 243, 513
Катунские, горы 180, 488, 528, 529, 538, 539, 540
Катунский (Геблера), ледник 528, 529, 532, 540, 548
Катунское (Катунская), с. 70, 508, 513, 534
Катунь, р. 161, 202, 210, 219, 236, 508, 511, 513, 528, 529, 530,

- 532, 538, 539, 540, 542, 543, 546,
550, 551, 552, 553, 554, 562
Каурацка, д. 240
Качусова, д. 247
Кашгарай, с. 194
Кашино, с. 193, 221, 247, 428,
504
Кашкарагаиха, д. 245
Кашкарагаиха, р. 245
Каяк, д. 249
Каярлык, р. 544
Кебезень, с. 554
Кевроль, г. 154
Келей (Бело-Ануйское), с. 536,
537
Келетские, юрты 238
Кемчик, р. 556, 559, 561, 562
Кендыкты-Куль, оз. 562
Керженская, вол. 170
Кетский, острог 204
Киев, г. 262
Кизил-Таш, гора 554
Кийтын, гора 533, 548
Килино, с. 160
Кинтереп (Кинтереб), рч. 238,
249, 253
Киприна, д. 250
Киргизска, р. 186
Киргизская степь 19, 275
Киселева, д. 253
Кислуха, д. 245, 499
Китай, страна 78, 527, 533, 543,
545, 500
Китова, д. 245
Кичигина, д. 253
Клепикова, д. 247
Климина, д. 245
Клинцы, посад 270
Клочкова, д. 248
Клюева, д. 245
Ключевский, маяк 182, 243
Ключевской (Ключевская), пос.
240, 526
Кобдо, г. 533, 550
Кобылина, д. 240
Коен (Коенская), с. 251, 489
Козанкова, д. 241
Козина, д. 253
Козиха, д. 251
Козловское, с. 185
Козлушка, рч. 280
Козьмино, оз. 247
Койниха, рч. 252
Койново (Койнова), с. 105, 119,
171, 245, 251
Коко-Даба, перевал 527
Коксу, р. 538, 540
Коксу, с. 538
Коксунские, горы 538
Кокуй, д. 240, 250
Кокуйские, горы 514
Кокша, р. 554, 556
Колбиха (Бобкова), д. 247
Колбиха, рч. 239
Колдор, р. 556
Колесникова, д.
Колмаково (Колмаковская,
Колмакова), с. 185, 239, 249
Колмогорова, д. 241
Коломышская, д. 247
Колонкова, д. 247
Колпакова, д. 232, 504
Колчугина, д. 241
Колыванка, д. 192, 193
Колывано-Воскресенские, з-ды
173, 179, 187, 190, 193, 207, 257,

- 258, 259, 347, 350, 356, 357, 358,
359, 360, 362, 373, 376, 378, 379,
380, 383, 385, 386, 388, 390, 392,
393, 395, 396, 399, 409, 410, 411,
425, 431, 437, 439, 453, 455
- Колыванская (Колывано-Вос-
кресенская), линия 182, 183, 186,
187, 193, 207, 257, 391
- Колыванская, вол. 138
- Колыванская, обл. 194, 195,
237, 254, 383, 511
- Колыванская, фабрика 380,
399, 400, 401, 402, 416, 517, 518,
519, 525
- Колыванский, з-д 173, 174, 182,
184, 191, 193, 197, 207, 208, 215,
223, 243, 257, 392, 411, 453, 488,
495, 519
- Колыванский, окр. 452
- Колыванский, хребет 515, 517,
518, 519, 526
- Колыванское (Колывань), с. 87,
121, 138, 295, 517, 518
- Колыванское, оз. 515, 518, 519
- Кольонский, станец 187
- Колычева, д. 240
- Кольджанат, гора 556
- Комар, д. 542
- Комар, рч. 542
- Комарова, д. 219, 247
- Кондома, р. 149, 194, 241, 503
- Кондратьева, д. 161
- Кондусла, д. 249
- Конева, д. 100, 241, 250
- Конийры, рч. 540
- Коновалова, д. 241
- Константиново, д. 160
- Конташина, д. 245
- Копены, д. 239
- Копылова, д. 239, 245, 500
- Корболиха (Корболихинская),
д. 193, 247, 519
- Корболиха, р. 515, 516
- Корбу (Горбу), хребет 556, 557,
558, 559, 560, 562
- Корбы, с. 160
- Коргонская (Каргонская), д.
216, 525, 537
- Коргонские, горы 525, 526, 537,
543
- Корековский, форпост 249
- Корелина, д. 239
- Коренева, д. 246
- Корнилово (Корнилова), с. 239,
240, 250, 492
- Коровина, д. 241
- Корогужинская, д. 67
- Корчуганска, д. 240
- Косиха, д. 245
- Кособоково, с. 221, 247
- Косогорова, д. 239
- Костенкова, д. 241
- Кострома, г. 143
- Костромская, губ. 143
- Костылева, д. 250
- Котина, д. 241
- Коткова, д. 240, 252
- Котлин, остров 162
- Котлина, д. 250
- Коурак, с. 97
- Кочурла, р. 540
- Кочурлинское, оз. 540
- Кош-Агач, с. 488, 545, 547, 549,
550, 553, 559
- Кошелева, д. 248
- Краева, д. 160

- Крайчикова, д. 245
Крапивина, д. 241
Красилова (Виданова), д. 215, 245
Краскова, д. 248
Краснореченское, с. 189
Краснощекова, д. 247
Красноярск, г. 206, 211, 356
Красноярский, у. 192
Красноярский, форпост 192, 193, 243
Красноярское (Красноярка, Красноярская, Ильинский Погост), с. 105, 119, 123, 142, 193, 194, 224, 234, 240, 244, 247, 249, 523, 538
Красный Яр (Ильинское), с. 123, 160, 161, 171, 241, 490
Красулино (Красулина), с.161, 241
Крекова, д. 240
Кречкунова см. Шарина, д.
Криводанова, д. 252
Кривой, станец 243
Кривошапкина, д. 252
Кривошеева, с. 160
Кривощеково, с. 139, 141, 252, 510
Кривощековская, вол. 88, 117, 128, 139, 141, 142
Кротова, д. 224, 250
Крохалевское, с. 222, 252
Круголь, юрты 250
Кругая Березовка, д.193
Кругиково, с. 150
Кругинская, д. 225
Кругиха (Кругихинское), с. 91, 116, 129, 489, 490, 491, 492, 494
Кругиха, рч. 246
Крутишинская, д. 250
Крутоберезовская, вол. 268
Крутоберезовская, слобода 423, 424
Крутологовское (Крутые Лога), с. 185, 249
Крылова, д. 239
Крюковский, рудник 406, 424, 433, 434, 436, 441, 442, 443, 444, 447, 448, 449, 450, 451
Кубавинская, д. 252
Кугеган (Кугегон), с. 22, 24, 28, 39, 535
Кузедеева, д. 503
Кузедеевские (Кузедеевские), юрты 111, 238
Кузедеевский, форпост. 238
Кузнецк, г. 149, 151, 154, 156, 159, 160, 167, 170, 172, 177, 182, 190, 191, 193, 194, 195, 197, 200, 205, 206, 209, 211, 217, 239, 233, 238, 488, 499, 501, 502, 503
Кузнецкая, вол. 57, 89, 123, 131, 132
Кузнецкая, линия 182, 183, 187, 193, 210, 356, 391
Кузнецкий, край 161
Кузнецкий, окр. 9, 13, 18, 40, 57, 74, 88, 89, 97, 111, 118, 123, 128, 130, 131, 132, 139, 142, 153, 154, 190, 191, 2158, 229, 259, 488, 496, 501, 502
Кузнецкий, острог 149, 158, 205, 206
Кузнецкий, у. 167, 177, 190, 195, 205, 236, 237, 255
Кузнецово (Кузнецова), с. 105, 240, 253

- Кулаково, с. 119, 150, 160
Кулебакина, д. 241
Куликова (Кумпешень), д. 245, 248, 545, 546
Кулук, р. 238
Кулунда, р. 201, 242, 248, 491
Кулундинская (Кулунда), степь 201, 212, 217, 490, 491, 505, 514, 518, 519, 533
Кулундинская, вол. 85, 91
Кулундинское, оз. 242, 248, 491, 492
Кулчины, юрты 250
Куминские, горы 552, 553, 558
Кумуртук (Усть-Башкаус), д. 488, 558, 559
Кунгурова, д. 245, 253
Кураганская, слобода 171
Курай, р. 546
Курайская, степь 546, 547
Курайский, хребет 546, 550, 553, 558, 559, 560, 561, 562
Кураковская, д. 160
Курбеевский, форпост 182
Курза, д. 171
Куркуре, ледник 540, 542
Курская, губ. 259
Куртукова, д. 151, 161, 241
Куру-Искитимска, д. 240
Курунский, маяк 244
Курчинова, вол. 224
Курчуганские, юрты 239
Курьинская, вол. 276
Курья (Курьинская), д. 193, 247, 514, 515
Кускова, д. 240
Кусменска, д. 240
Кутюрген, гора 537
Кучук см. Бархотова, д.
Кучук, оз. 491, 492
Кучук, рч. 242, 248, 491
Кыга, р. 556
Кызланские, юрты 250
Кызылбашский, станец 249
Кыргынцова, д. 241
Кырзинска, д. 250
Кырзы (Кырза, Кыргызинская), р. 177, 196
Кырлык, рч. 537
Кырлык, станция 537
Кытманово (Китманово), д. 243
Кяхта, д. 246
Лаврова (Лавровых), д. 160, 161
Лагунова, д. 253
Лаева, с. 160
Лазурский, рудник 406
Ларионова, д. 246
Лебедева, д. 240, 253
Лебяжий, маяк 244
Лебяжий, форпост 243
Лебяжья, д. 503
Лебяжья, рч. 238, 239
Легачева, д. 246
Легостаево (Легостаева, Легостаевское), с. 194, 239, 247, 251, 506
Легостаевская, вол. 92, 141, 220
Лейпциг, г. 371
Лепехина, д. 230
Лешаковое, оз. 250
Лиственка, д. 248
Литва, регион 160
Литвинова (Юлыбердь), д. 246, 248
Локтевка, р. 173, 192, 218, 438, 514, 517

- Локтевская, вол. 71, 141
Локтевский, з-д 179, 181, 380, 390, 398, 406, 413, 416, 419, 420, 430, 440, 450, 451, 465, 478, 488, 519
Локтевский, рудник 406, 428, 429, 430, 436, 439, 440, 443, 484
Локтевское (Локоть, Локтева, Локтевая, Локтевская), с. 92, 110, 141, 247, 250, 251, 253, 295, 519
Локтевское, оз. 519
Лонщикова, д. 194
Лосиха см. Верх-Убинское, с. Лосиха, рч. 246
Луговая, д. 246, 247, 251, 252, 253
Луговской (Луговский) станец, д. 193, 247
Лукошкина, д. 240
Лутчева, д. 241
Лушникова, д. 246, 248, 251, 252
Лютаева (Лютаевка), с. 14, 36, 38, 53
Лянино, с. 105, 139
Лянинская, вол. 105, 116, 139
Ляпка, рч. 240
Маашей, рч. 547
Магадава, д. 150
Мажамиха, д. 24
Майма, рч. 553
Майма, с. 551
Макарово (Макарова), д. 160, 246, 252
Макрушина, д. 240
Максимова, д. 241
Максорова, д. 230
Мала-Уксунайская, д. 245
Малахова, д. 246
Малая Кокуйса, д. 245
Малая Ояшская (Малой Оеш), д. 194, 234, 253
Малетина, д. 251
Малинина, д. 252
Мало-Зотина, д. 250
Мало-Кривощекова (Малая Кривощекова), д. 176, 252
Мало-Нарымская, д. 527
Малороссия, регион 176, 285
Мало-Убинское (Малая Убинка), с. 267, 277, 278, 280, 282, 293, 295, 527
Малыгина, д. 253
Малые Изылы, рч. 238, 240, 249
Малый Берельский, ледник 528, 529, 530
Малый Талдуринский, ледник 548
Малый Тигерек, р. 526
Мальшевская, вол. 105
Мальшевская, слобода 169, 170, 174, 190, 191, 201, 202, 213, 220, 228, 251, 351
Мальшевское (Мальшево, Мальшева), с. 105, 250, 492
Мальцева (Мальцова), д. 231, 247
Мамонова, д. 248
Мамонтова, с. 502
Мамушева, д. 194, 197
Манжерок, с. 551, 552
Маношкина, д. 500
Мануйлово, с. 86, 103
Маралду, гора 536
Маралиха, станица 89, 93, 99, 104, 142, 182, 524
Маралихинская, защита 243

- Маралье, оз. 532
Маральих рог, шанец 182
Мариинский, окр. 18, 204, 218
Маркова, д. 253
Мартыново (Мартынова), с. 246, 247, 503
Марушка (Марушна), с. 244, 503
Маслянино (Маслянина), с. 131, 141, 248
Масляшинская, д. 251
Маханова, д. 247
Медведевка, с. 14
Медведское (Медвецкая), с. 141, 251, 499
Медынина, д. 240
Мезенцова, д. 251
Мезень, г. 154
Мелесский, острог 194, 204
Мельникова (Мельнична), д. 244, 253
Менсу, ледник 540, 541, 542, 548
Меньшикова, д. 161
Мережская, д. 44
Меретская (Мерецкая), д. 212, 241, 493
Метелева, д. 247
Микишкины, юрты 250
Милованова, д. 250, 251, 490
Мильтюша, рч. 251, 252
Мильтюшская, д. 252
Минчеретская, д. 241
Миронова см. Боярацка, д.
Митина, д. 241
Мишиха, пос. 500
Мозжуха, рч. 240
Мозжухина, д. 240
Мозжухины, юрты 239
Мокроусова, д. 161, 241
Молокова, д. 251
Молчаново, с. 151
Монастырская, д. 215, 226, 239
Монголия, страна 537, 556, 559, 561, 562
Монку, хребет 561, 562
Моношкина, д. 246
Морозова, д. 202, 241, 252
Москва, г. 15, 107, 151, 152, 156, 157, 158, 165, 167, 183, 311, 333, 343, 381, 441, 520
Московская, губ. 93, 94, 107, 114, 118, 143, 170, 174
Московский, у. 14, 184
Мостовая (Мостова), д. 240, 251
Мосты, с. 499
Моткова, д. 253
Мохнатые, горы 519
Мохнатый Лог, д. 235
Мохова, д. 241
Мочищенская, д. 253
Мрасса, р. 460
Муйлету, хребет 561, 562
Мульта, р. 540
Мунгат, р. 241
Мунгатский, острог 149, 194, 241
Мунгатское, с. 229
Мундыбаш, р. 503
Муратова, д. 194
Мураши, с. 185
Мурзинка, гора 514
Мурзинка, рч. 514, 515
Мурзинский, рудник 514
Муручак, рч. 240
Муручацкая, д. 240
Мухосранова, д. 241

- Муштуайры, ледник 540
Муштуайры, рч. 540
Муюта, д. 543
Мыковские, юрты 250
Мылникова, д. 245
Мысовская, д. 253
Мышланова, д. 252
Назарово, с. 185
Нарым, г. 150, 183
Нарым, р. 527
Нарымский, край 191
Наумова, д. 239, 246
Невель, с. 486
Невьянск, г. 173, 177, 193
Невьянский, з-д 169
Недорезова, д. 241
Нелюбина, д. 160, 194
Немирова, д. 240
Ненинска, д. 244
Нерчинск, г. 176, 187, 215, 357
Нерчинский, з-д 357, 375
Нечунаева, д. 247
Нижегородская, губ. 144, 170, 174
Нижне-Идолова, д. 250
Нижне-Каянча, д. 14, 37, 40
Нижне-Кинтеребская, д. 251
Нижне-Кулундинская, вол. 27
Нижне-Лазурский, рудник 258
Нижне-Ненинский (Нижний Ненинский), маяк 237, 244
Нижне-Суетинская, д. 251
Нижне-Сузунский, з-д 249
Нижне-Сузунское (Нижне-Сузунская), с. 251, 492
Нижне-Чарышская, вол. 68, 132, 138
Нижне-Чемровска, д. 244
Нижне-Чингизская, д. 251
Нижние Чемы, д. 253
Нижний Кураган, р. 540
Нижний Новгород, г. 166, 493
Нижний Сузун, рч. 252
Нижний Уймон, д. 539, 540
Нижняя Драченина, д. 241
Нижняя Каменька, д. 240
Нижняя Катанда, р. 539
Нижняя Терса р. 460
Николаевка, д. 85, 89
Николаевская, вол. 131, 141, 501
Николаевский, маяк 182, 244
Николаевский, пос. 104, 129, 138, 523
Николаевский, рудник 258, 380, 390, 406, 411, 424, 428, 429, 433, 436, 442, 444, 447, 449, 450, 451
Николаевское, с. 160
Никольское (Никольский), с. 160, 550, 554
Никонова (Шляпова), д. 246, 248
Нова-Абышева, д. 240
Нова-Егозова, д. 241
Нова-Изылинска, д. 240
Нова-Инюшева, д. 245
Нова-Обвинцова, д. 248
Нова-Пердунова, д. 246
Нова-Пестерева, д. 242
Нова-Повалиха, д. 246
Нова-Пяткова, д. 248
Нова-Хабарова (Нова-Хобарова), д. 250
Нова-Чагырская, д. 247
Новая Белокуриха (Ново-Белокуриха), д. 45, 534
Новая Озерная, д. 247

- Новая Омутная, д. 251
Новая Орская, д. 247
Новая Протока см. Безрукова, д.
Новая, д. 423
Новгород, г. 107
Новгородская, губ. 94, 107, 114,
118, 143
Новгородский, край 270
Новиковский, форпост 182
Новиковской, маяк 244
Ново-Алейская, д. 244, 246
Ново-Алейский, форпост 45, 243
Новодраченина, д. 245
Ново-Камышенка, д. 246
Ново-Красилова, д. 245
Ново-Макарова, д. 246
Ново-Николаевск, г. 488, 509,
510
Ново-Оплеухина, д. 75
Ново-Павловский см. Павлов-
ский, з-д
Ново-Панфиловский, пос. 53
Ново-Разино, с. 185
Ново-Семипалатная, крепость
243
Ново-Тутальское, с. 185
Ново-Тырышкино (Ново-Ты-
рышкинское), с. 185
Ново-Чемровское (Ново-Чемров-
ка), с. 26, 44, 51, 52, 65, 510
Новочесноковка, д. 59
Ново-Шаронская, д. 42
Ново-Шмаково, д. 248
Ново-Юрьево см. Большая Реч-
ка, д.
Ногина, д. 246
Обь, р. 149, 152, 155, 158, 160,
169, 170, 171, 179, 194, 205, 211,
212, 213, 217, 224, 235, 236, 245,
247, 250, 251, 252, 253, 276, 438,
488, 489, 490, 491, 492, 493, 494,
495, 499, 500, 503, 505, 506, 507,
508, 513, 528, 533, 562
Овечкино (Овечкина), с. 248,
253, 492
Овчинникова, д. 246, 249, 508
Огневая (Огнева), д. 182, 248
Огурцова, д. 246
Одесса, г. 8, 9
Оеш, р. 194, 253
Озерки, д. 192
Озерное (Озерна, Озерная), с.
246, 514
Озерный, станец 243
Окулова, д. 246
Окунева, д. 240
Олонец, г. 170
Олонецкие, з-ды 393
Олонцовы, юрты 244
Омск, г. 9, 194, 208, 255, 345,
346, 499
Омская, крепость 182, 249
Омутная, д. 225
Омь, р. 249, 252, 253
Онгудай, с. 99, 544 545, 553
Оплеухина, д. 246
Орда, д. 171
Ординская (Ордино), с. 176,
252, 490
Ординская, вол. 30, 85, 105, 119,
123, 128, 142, 234
Орел, г. 255
Оренбургская, губ. 33, 178, 259,
263
Орловка, с. 277, 278, 280, 294,
295

- Орловская, губ. 31, 255
Орская (Орской, Орские), д. 110, 249, 250
Осиновая, р. 460
Осиновые Колки, с. 185, 249, 346
Осморыжской, форпост 249
Островная, д. 202, 248
Острогожский, у. 114
Ошмарина, д. 241
Ояш, с. 89, 91, 118, 123, 141
Ояшинская, вол. 86, 89, 91, 100, 118, 119, 123, 124, 130, 134, 141, 142
Павловск (Павловское), с. 374, 380, 494
Павловский (Ново-Павловский), з-д 179, 193, 221, 235, 243, 390, 399, 406, 411, 413, 416, 438, 441, 443, 444, 451, 465, 478, 484, 494
Павлодар, с. 294, 492
Падунская, д. 249
Пайвино (Пайвина), с. 88, 128, 142, 248
Панафидина, д. 253
Панкрушиха, д. 251
Панова, д. 194, 248
Панфилова, д. 20, 41, 242, 246
Панюшева, д. 193, 247
Парфеново (Парфеновское), с. 96, 110, 201, 247
Паспаул, с. 554
Паутовское (Паутова), с. 16, 253, 513, 523
Пача, р. 155
Пачинское (Пачинская), с. 155, 159, 160, 203, 204, 211
Пашенная, рч. 240
Пашково (Пашкова), с. 160, 194
Пектым, гора 556
Пенкова, д. 248
Переборна, д. 246
Пермская, губ. 16
Пермь, г. 15, 154
Перова, д. 160
Першино, с. 160
Пестерева (Пестеревка), д. 74
Песчаная (Пещаная), д. 14, 28, 68, 246, 248, 543
Песчаная (Пещаная), рч. 248, 513, 535, 543
Песчание (Пещаное), оз. 248
Песчанский, станец 249
Петенева, д. 499
Петербург см. Санкт-Петербург, г.
Петлина, д. 161
Петрова, д. 160
Петровский, рудник 179, 406, 431, 433, 436, 442, 443, 447, 449, 450, 451, 515, 519
Петропавловское (Петропавловская), с. 244, 523
Петрушиха, д. 246
Петухова, д. 252
Пещеркова, с. 160
Пименова, д. 252
Пинигина, д. 240
Писана Речка, д. 240
Писаная, рч. 239
Пихтовка, с. 277, 278, 280, 294, 296, 319
Пичугова, д. 252
Платово, станция 504
Плешково (Плешки, Плешкова), д. 41, 202, 219, 240, 248, 510

- Плоская, защита 182, 243
Плоский (Плоская), с. 244, 527
Плотникова, д. 251
Повалиха (Повалихинская), д. 246, 495, 499
Повенец, д. 261
Поволжье, регион 165
Погорелка (Погорельска), д. 225, 246, 253
Подабаская, д. 241
Подволошная, д. 194, 253
Поддъякова, д. 240
Подойникова, д. 251
Подолия, область 264, 270, 271, 285
Подонинская, д. 26
Подпускной, станец 243
Подстепной, станец 249
Покровская, вол. 120, 137, 140, 142
Покровское, с. 250
Половинка, д. 37, 52, 66
Поломошная, д. 150, 488
Полтавская, губ. 114, 118
Польсаева, д. 241
Польша, страна 6, 16, 157, 168, 178, 185, 192, 224, 256, 259, 260, 262, 263, 264, 265, 269, 270, 271, 277, 285, 296
Помельцова, д. 253
Поморцова, д. 241
Понкина, д. 252
Попадейкино, с. 150
Поперечная, рч. 279, 438
Поперечное (Поперешна, Поперечная), с. 252, 277, 278, 279, 280, 290, 294, 295, 324, 327
Поперечный Искитим, д. 239
Попова, д. 161, 239, 240
Порожева, д. 193
Порозиха (Порозская), д. 247, 253
Поротникова, д. 251
Портнягина, д. 242
Поспелиха, д. 247
Потелово, с. 160
Похабова, д. 250
Почитанская, д. 187
Прапорщикова, д. 193, 244
Приангарский, край 9
Прижималова, д. 202
Прижимова см. Касмалинское, с.
Прокудукина, д. 253
Промышленная, рч. 238
Прослоушинска, д. 251
Протопопово (Протопопова), с. 150, 242
Протошны, юрты 238
Проходная, гора 281
Пруссия, район 157
Псков, г. 262
Псковская, губ. 486
Пустынька, д. 246
Пучеглазова, д. 241
Пушкарева, д. 251
Пущенская, д. 170
Пыстынька, рч. 247
Пышма, р. 171
Пыштылинский, маяк 237, 242, 244
Пыштылы, р. 237, 242
Пьяноярский, редут 233
Пьяно-Ярский, станец 243
Пяткова, д. 239
Пято-Рыжской, станец 249

- Рагози́ха, д. 247
Радзевича см. Аккемский, лед-
ник
Рассказиха, д. 202, 246
Рассыпной Камень, гора 526
Рассыпной, водопад 528, 532
Рахмановские (Арасан-Су),
ключи 528, 529, 539
Ребикова, д. 240
Ребриха, рч. 202
Ревневая, гора 517, 518, 519, 526
Рекина, д. 242
Речкуново (Речкунова), д. 192,
246
Рига, г. 270
Риддерская, вол. 71, 142, 255,
257, 264, 271, 276, 277, 278, 279,
280, 285, 293, 294, 309, 318, 319,
324, 331
Риддерский, край 314, 331
Риддерский, рудник 179, 273,
278, 279, 380, 390, 406, 411, 416,
419, 420, 424, 433, 436, 441, 442,
443, 444, 447, 448, 449, 450, 451
Риддерское (Риддерск), с. 63,
142, 281, 423, 488
Рогервик, г. 167
Рождественское, с. 238
Рошне́в Лог, д. 50
Рошнева, д. 253
Романова, д. 246
Россия, страна 6, 7, 15, 61, 69,
101, 107, 143, 152, 160, 161, 162,
163, 164, 165, 166, 169, 174, 180,
184, 185, 189, 190, 194, 196, 197,
202, 219, 229, 236, 260, 261, 270,
285, 291, 297, 298, 299, 300, 311,
371, 452, 486, 487, 497, 539, 563
Ростоши, д. 54
Русакова, д. 240
Рязанская, губ. 144
Савинский, станец 247
Сайлюгем, хребет 533, 548, 550,
563
Саклатский, маяк 244
Сакмара, р. 263
Саксония, регион 386
Салаир, с. 130, 139
Салаирская, вол. 44, 130, 139, 142
Салаирский, край 430, 466, 478,
481, 499
Салаирский, рудник 179, 216,
380, 390, 406, 411, 414, 416, 429,
430, 433, 434, 436, 442, 444, 447,
448, 449, 450, 451, 462, 466, 477,
481, 484, 501
Салаирский, хребет 486, 489,
499, 501, 503, 505
Саломатово (Саломатова), с.
150, 160, 240, 374
Салтыкова, д. 240, 241
Сальджарский (Сальджар),
хребет 531, 546
Самара, р. 263
Самарова, д. 184, 185
Самарская, губ. 54, 178, 299, 304
Самодуровская, вол. 299
Самсонова, д. 247
Самыш, р. 556
Сандыбский, форпост 237, 242,
243, 244
Санкина, д. 194
Санкт-Петербург, г. 8, 9, 75, 76,
147, 162, 171, 183, 255, 344, 389,
417, 486, 487, 518, 563
Санникова, д. 246, 495

- Сапогова, д. 242
Саптан, гора 531, 539
Сара-Кокша, р. 554
Саракулова, д. 253
Сарапкина, д. 240
Сараса, д. 18, 542
Сараса, рч. 542
Саратов, г. 263
Саратовская, губ. 178, 189
Сарбальцкая, д. 253
Саргоятские, юрты 250
Сартакова, д. 253
Сартымайская, степь 546
Сары-Чумыш, р. 237, 242
Сары-Чумыш, с. 89, 118, 123, 139, 142
Сары-Чумышские, юрты 238
Сары-Чумышский, маяк 238
Саушка, с. 276, 515
Сахаринский, рудник 434
Сахарова, д. 74, 75
Саянский, хребет 558, 560, 561, 562
Светолобова, д. 239
Святого Антония, форпост 243
Се, р. 554
Северная Уньга, рч. 240
Сеитовский, редут 182
Секисовский, редут 244
Секисовское (Секисово, Секи-совка), с. 128, 142, 224, 244, 265, 266, 267, 268, 271, 277, 278, 280, 281, 282, 285, 291, 293, 295, 300, 302, 303, 321, 527
Сектинская, д. 249
Селезнева, д. 251
Сема, р. 542, 543, 552
Семенова, д. 242
Семеновка, рч. 517
Семеновский, рудник 179, 243, 390, 406, 417, 433, 436, 442, 447, 449, 450, 451, 517
Семено-Красилово, с. 97
Семилужное (Семилужки), с. 160, 187, 189, 194, 221
Семинские, горы 537, 539, 542, 543, 552
Семипалатинск, г. 72, 193, 295, 492, 499, 505, 506, 509, 521
Семипалатинская (Семипалатная, Старо-Семипалатная), крепость 182, 212, 224, 243
Семипалатинская, обл. 523, 527, 520
Семипалатинский, окр. 452, 520
Семиярский, форпост 243
Сенная, д. 182
Сентелек, пос. 525
Сентелек, рч. 525
Сергино, с. 185
Серебреникова, д. 247, 501
Серединина, д. 150, 205
Середчиха, д. 246
Серен, гора 554
Сетовка, д. 31, 49, 53, 55, 64
Сеченова, д. 160
Сибирская, губ. 258, 263
Сибирцова, д. 249
Сибирь, регион 6, 15, 16, 17, 18, 19, 61, 73, 77, 78, 148, 149, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 160, 165, 166, 167, 169, 170, 174, 175, 176, 177, 178, 180, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 190, 191, 192, 193, 194, 196, 197, 198, 199, 201, 202, 206, 207, 208, 212, 217, 227, 229, 256,

- 258, 262, 263, 264, 265, 282, 285, 299, 306, 330, 346, 347, 351, 360, 374, 424, 452, 485, 496, 497, 498, 499, 557
- Сибирячиха, д. 22, 524
- Сидоренкова, д. 242
- Сидорова, д. 161, 242
- Симбирская, губ. 144, 503
- Синюха (Синяя Сопка), гора 173, 515, 517, 518, 519, 526
- Синянина, д. 250
- Скала, рч. 253
- Скалинская, д. 194, 253
- Сколовская, д. 244
- Слюденка, рч. 524
- Слюденский, маяк 182, 244
- Слюденский, пос. 524
- Сметанниково, с. 161
- Смоленск, г. 262
- Смоленская, вол. 12
- Смоленская, губ. 190
- Смоленское, с. 68, 69, 70, 72, 128, 534
- Смоленской Богоматери, с. 244
- Смолина (Смольина), д. 196, 240
- Снегирева, д. 236
- Совина см. Зимина, д.
- Соколово (Соколова), с. 161, 202, 219, 242, 248, 251, 253, 507
- Сокольный, рудник 451
- Солдатовая, д. 248
- Соломина, д. 240
- Солонешный, рудник 406
- Солоновка, рч. 492, 493
- Соль Камская, провинция 165
- Сольвычегодск (Соль Вычегодская), г. 15, 154
- Соляной Поворот, станец 249
- Соплякова (Соплячиха), д. 170, 251
- Сорокино (Сорокина), с. 137, 139, 246, 500
- Соскочернова, д. 253
- Сосновая, гора 536
- Сосновка, рч. 239
- Сосново, с. 240
- Сосновская, д. 252
- Сосновские, юрты 238
- Сосновский, маяк 182, 244
- Сосновский, острог 149, 160, 167, 191, 194, 196, 203, 351
- Сосновский, рудник 258
- Сосновый Лог, с. 63
- Софийский, ледник 549
- Софронова, д. 242
- Сошникова, д. 510
- Спасо-Яйское, с. 187
- Спаская, вол. 85, 124, 134
- Спасское, с. 124, 134, 159, 160, 194, 221
- Спирино (Спирина), с. 251, 490, 491
- Средне-Алеусская, д. 250
- Средняя Азия, регион 258
- Средняя Терса, р. 460
- Сростинская, вол. 12, 50, 64, 139
- Сростки, с. 139, 501
- Стара-Пестерева, д. 241
- Староалейское (Староалейская, Старо-Алейская), с. 46, 182, 193, 244, 265, 266, 267, 268, 270, 277, 280, 281, 291, 292, 293, 294, 301, 302, 321, 322, 324, 325, 327, 331, 345, 521, 523
- Старо-Белокуриха (Старая Белокуриха), с. 21, 36, 43, 534, 535

- Стародубье, г. 265, 270, 296
Старо-Красилова, д. 254
Старо-Обвинцова, д. 248
Старо-Пердунова, д. 246
Старо-Тогульское, с. 503
Старо-Тырышкина (Старо-Тырышкинское), с. 68
Стая, гора 543
Степной Чумыш, д. 248
Столбовая, д. 251
Стрежное (Стрежная), с. 277, 278, 280, 290, 294, 295, 319
Стрельная, рч. 240
Стрельны, юрты 239
Стуково, с. 123
Сугатовское (Сагатовское), с. 493
Сугаш, рч. 540
Сугналай, р. 246
Суенга, р. 499
Суетка, д. 172
Суетка, рч. 250
Суждальская, д. 170
Суздаль, г. 170
Сузун, рч. 251
Сузун, с. 380, 489, 490, 493, 494
Сузунский монетный, двор 394, 395
Сузунский, з-д 179, 222, 374, 390, 395, 397, 404, 406, 407, 408, 411, 414, 416, 438, 441, 442, 443, 444, 450, 451, 465, 471, 479, 484
Сумульта, рч. 553
Суранское, с. 194
Сургут, г. 151, 183, 212, 391
Сургутановский, рудник 430
Суртайка, д. 501
Суседова, д. 252
Суслова, д. 202, 248
Сухаринский, рудник 502, 503
Сухая Чемровка, с. 503
Сухова, д. 240
Сухострелова, д. 240
Сылва, р. 155
Сыр-Дарья, р. 182
Сыропятская (Сыро-Пятская), д. 250
Сычевское (Сычевка), с. 24, 55, 56
Табачникова, д. 253
Табын-Богдо-Ола, горный массив 533, 548
Таврическая, губ. 189
Тагапские, юрты 244
Тайменка, р. 155
Тайменская, д. 155
Талая, д. 26, 41
Талда (Талдинская), д. 242, 552
Талдура, рч. 547, 548
Талица, рч. 242, 246, 249
Талицкие см. Ануйские, горы
Талицкий, форпост 243
Талицы (Талица), д. 29, 64, 246
Таловка, д. 527
Таловский, рудник 179, 406, 428, 429, 431, 432, 436, 450, 451
Тальменка (Тальменька, Тальменская, Тальменское), с. 117, 137, 139, 141, 194, 239, 246, 252, 489, 499
Тальменка (Тальменька,), рч. 248
Тальменская, вол. 117, 137, 139, 141
Тальменье, оз. 540
Тальская, вол. 26
Тамаринская, д. 253

- Тамбовская, губ. 55
Танакова, д. 240
Тандовские, юрты 250
Танну-Ола, хребет 561, 562
Тара, г. 172, 177, 184, 209
Тарабарина, д. 242
Тарабинская, д. 246
Тараданова, д. 251
Тарадановы (Тарадинские), юрты 238, 244
Тарасова, д. 239
Тарбагановы, юрты 238
Тарский, округ 170
Тарсминская, вол. 97
Тарсьма, рч. 240
Тартасский, форпост 194
Тарханское (Тарханск), с. 19, 270, 277, 281, 331, 501
Тархата, рч. 500
Тарчинская, д. 160
Таскаева, д. 246, 252
Тастагаевы, юрты 244
Татарский, станец 249
Таш-Оболон, р. 562
Тверская, губ. 270
Телеутка, рч. 246
Телеутская, д. 251
Телеутские (Телегутские), юрты 238
Телецкий, хребет 557, 558
Телецкое, оз. 182, 208, 237, 242, 244, 263, 488, 508, 512, 553, 554, 556, 557, 558, 559, 562
Тельбес, р. 503
Темнова, д. 253
Теньга, р. 544
Теньга, с. 544
Теньгинское, оз. 544
Теректинские, горы 531, 537, 538, 539, 543, 545
Теректы, р. 539
Терентьева, д. 242
Терехина, д. 239
Терешкина, д. 242
Терлегинские, юрты 238
Терская, защита 243
Терский, шанец 182
Терской, пос. 138
Тесинская, д. 239
Тестенгей, гора 556
Тигирек, р. 197, 524
Тигирекский (Тигирецкие), горы 515, 518, 526
Тигирекский (Тигирецкий), форпост 182, 183, 243
Тигирекский (Тигирецкий), пос. 525, 526
Тимонова, д. 239
Титова, д. 240
Титовский, рудник 179
Тихонова, д. 161, 242
Тобол, р. 157
Тобольск, г. 149, 151, 177, 178, 182, 183, 185, 186, 187, 195, 200, 209, 211, 212, 357, 496
Тобольская, губ. 8, 23, 185, 199, 255, 269
Тобольская, обл. 153, 165, 170, 171, 183
Тобольский, у. 157, 184, 21
Тогульские, юрты 238
Тогульское (Тогульская), с. 225, 246, 248, 502
Тогучин, рч. 240
Тогучинска, д. 240
Тойлю-Арт, гора 553

- Токарева, д. 246
Толмачева, д. 161, 253
Толмовинские, юрты 238
Томск, г. 8, 12, 34, 72, 77, 78, 134, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 157, 158, 159, 160, 166, 167, 172, 177, 183, 184, 185, 186, 189, 191, 193, 194, 195, 197, 200, 203, 204, 209, 210, 212, 213, 217, 219, 224, 233, 254, 263, 346, 463, 489, 497, 500, 509, 542
Томская, губ. 11, 12, 14, 15, 16, 18, 141, 180, 189, 191, 192, 194, 214, 218, 255, 346, 459, 463, 495, 496, 497, 511, 512, 516, 532, 533
Томский, з-д 179, 215, 238, 372, 374, 380, 390, 398, 406, 407, 408, 411, 414, 416, 434, 438, 465, 470, 471, 474, 479, 484, 502
Томский, край 6, 148, 149, 150, 152, 153, 155, 159, 160, 161, 162, 165, 167, 169, 170, 173, 176, 182, 184, 185, 186, 187, 189, 192, 193, 194, 195, 199, 201, 202, 211, 212, 229, 234, 254, 263, 265
Томский, окр. 13, 18, 24, 26, 40, 85, 86, 87, 88, 89, 92, 99, 100, 103, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 124, 128, 130, 132, 134, 135, 136, 139, 141, 142, 154, 191, 259
Томский, острог 149, 158
Томский, у. 167, 177, 190, 195, 203, 206, 214, 237
Томское, с. 502
Томь, р. 149, 155, 160, 203, 205, 211, 213, 217, 238, 240, 241, 242, 438, 488
Томь-Чумыш, р. 179, 237, 238, 242
Тонтура, д. 249
Тополевка см. Карагем, рч.
Топучий, пос. 543
Тотьма, г. 177
Тоурак (Туэрик), с. 22, 36, 39
Тропина, д. 253
Трубачева (Трубачево), д. 27, 160, 251
Тугозвонова, д. 170, 247
Тугучин, рч. 238, 249
Тудон, водопад 560
Туета, с. 539, 544
Тула, рч. 252
Тула, с. 489
Тулатинка, рч. 525
Тулатинска, защита 243
Тулинское (Тулатинский), с. 139, 325
Тульская, губ. 144
Туманова, д. 28
Туолок (Тоголок), гора 556, 557
Туосадак, гора 556
Тура, р. 157
Тургенсу, р. 540
Тургусунские, горы 423, 527
Туринск, г. 195
Туркестан, регион 182
Турумовское, с. 185
Турунтаевский, станец 187
Туруханский, у. 192
Турция, страна 157, 271
Тутальская, вол. 89, 103, 116, 119
Тутальская, д. 103, 239
Тырышкина, д. 202, 248, 253
Тюгурюк, рч. 538
Тюдрала, с. 89, 91, 93, 104, 111, 142, 537

- Тюкалинск, г. 255
Тюменцево (Тюменцева), с. 85, 91, 123, 251, 494
Тюмень, г. 123, 149, 172, 504
Уба, р. 16, 178, 180, 182, 183, 192, 193, 216, 244, 257, 259, 263, 265, 276, 279, 328, 329, 523, 526, 527
Убинская, д. 192, 225, 244, 249
Убинская, крепость 182
Убинская, слобода 423, 424
Убинские, горы 526
Убинские, юрты 250
Убинский, форпост 194, 243
Уваровская (Уваровский), д. 193, 243
Угренева, д. 248
Удачный, ледник 549
Узко-Заостровский, станец 249
Узнезя, с. 551, 552
Уйбат, р. 202
Уймон, д. 275, 277, 239, 539
Уймонская, степь 539
Уймонский, тракт 488, 524, 535, 536, 538, 539
Укок (Укёк), плоскогорье 533, 548
Укок (Укёк), р. 532, 533
Уксунайская, вол. 89, 123, 139, 142, 215
Улаган, с. 559, 560
Улала, с. 19, 488, 535, 550, 551, 552, 553, 554
Улан-Даба, хребет 533
Улегемский (Улегомский), хребет 545
Улыбердь, рч. 248
Улыбина, д. 252
Ульба, р. 16, 178, 183, 259, 263, 265, 276, 527
Ульбинские, горы 527
Ульбинский (Ульбинская), д. 182, 233, 244
Умревинская, д. 249
Умревинский острог 149, 194, 224, 253
Уньга, р. 240
Упа, р. 202
Урал, регион 165, 166, 169, 173, 174, 176, 177, 503
Уральский, хребет 155, 160, 165, 169
Уранский, маяк 237
Ургун, д. 252
Уропская, д. 242
Урская, д. 242
Урсул, р. 539, 543, 544
Уртамская, вол. 117, 118, 121, 139, 141
Уртамская, слобода 195
Уртамский, острог 149, 152, 158, 160
Урульский (Уруль, Урыль, Урыльский), пос. 327, 527, 532
Урюпина, д. 201, 247, 252
Урю-тюк, станец 249
Ускатские, юрты 238
Усова, д. 246
Усольский, у. 154
Усть-Алейская (Усть-Алей), д. 246, 505, 506
Усть-Ануйское, с. 248, 507
Усть-Башкаус см. Кумуртук, д. 527
Усть-Бухтарминская, станция 527
Усть-Волчиха, д. 493

- Усть-Гавриловка, д. 508
Усть-Глубока, д. 239
Усть-Ермилихинская, д. 247
Усть-Иня (Усть-Инская), с. 252, 545
Усть-Искитимская, вол. 25
Усть-Искитимское (Усть-Искитимская), с. 20, 25, 40, 41, 239
Усть-Каинча, с. 553
Усть-Калманская (Усть-Калманка), д. 193, 247, 514, 515
Усть-Каменный Исток, с. 513, 514
Усть-Каменогорск, г. 34, 178, 182, 183, 184, 193, 201, 208, 211, 521, 527
Усть-Каменогорская (Нижняя), пристань 406, 423, 440, 441, 442, 443, 447, 450, 451
Усть-Каменогорская, вол. 257, 424
Усть-Каменогорская, крепость 182, 206, 242, 243, 259, 263, 423, 424, 438, 440
Усть-Каменогорская, слобода 423, 424
Усть-Каменогорский, окр. 533
Усть-Каменогорский, у. 527
Усть-Кан, с. 537
Усть-Кат, рч. 241
Усть-Лукова, д. 250
Усть-Меретская, д. 251
Усть-Мосиха, д. 248
Усть-Мосиха, рч. 248
Усть-Стрельна, д. 240
Усть-Тарсминская, д. 240
Усть-Тартасский, форпост 249
Усть-Чарышская (Усть-Чарыш), д. 169, 226, 247
Усть-Чарышская Пристань, д. 244, 506
Усть-Чемская, д. 252
Усть-Чумышская (Усть-Чумыш, Ировская), д. 169, 194, 245
Усть-Чуя, с. 545, 546
Усть-Янцева, д. 192, 247
Усть-Янцева, рч. 192
Устюженина, д. 242
Устюжский, край 174, 259
Устюжский, у. 154
Усятская, д. 49, 67, 215, 242, 248, 501
Уфа, р. 152
Уфимская, губ. 325
Уфинцова, д. 242
Ушайка, рч. 149, 233
Ушакова, д. 242, 253
Федорова, д. 240
Федосово (Федосиха, Федосова), с. 43, 85, 128, 253
Филатова, д. 75
Филиппова, д. 246
Фирсова, д. 246, 247
Фоминское (Фоминка, Фоминская), с. 161, 248, 507, 508
Фомиха, р. 499
Форафонова, д. 247
Фунтикова, д. 246, 504
Хабазина, д. 504
Хабарова, д. 539, 545
Хаир-Кумин, р. 423
Хайрюзовка, с. 508, 509
Халдеева, д. 187
Хамсара-Тайха, гора 538
Ханхара, р. 524
Харева см. Бурмистрова, д. Харина, д. 252

- Харлова, д. 247
Харьков, г. 153, 163, 164
Харьковская, губ. 259
Херсон, г. 8
Хлопунова, д. 247, 252
Хмелева, д. 242
Хмелевская, с. 501
Хобдо, г. 181
Холзун, хребет 180, 423, 531, 538
Хомутинска, д. 250
Хорошеборска, д. 239
Хорькова, д. 246
Христо-Рождественское, с. 89, 123, 131, 132
Худяшева, д. 67, 71
Цыганова, д. 160
Чагалинская, д. 253
Чагирский, рудник 356, 406, 451, 524
Чагырская (Чагырка, Усть-Чагырка), д. 524
Чарыш см. Белоголазово, с.
Чарыш, р. 191, 192, 193, 201, 216, 247, 438, 439, 506, 514, 515, 518, 524, 525, 526, 533, 536, 537
Чарышская, вол. 110, 277, 501
Чарышский, окр. 524
Чарышский, форпост 182, 243
Чарышское (Чарышская), с. 102, 170, 524, 525
Чаусская, вол. 110, 116, 117, 139, 141
Чаусский острог 149, 170, 171, 172, 177, 191, 194, 202, 220, 224, 229, 231, 351
Чаусское, с. 117, 139, 141
Чахлово, с. 160
Чащина, д. 240
Чебдар, р. 559
Чеган-Бургазы, рч. 549, 550
Чеган-Узун, р. 547, 549
Чёма, р. 253
Чемал, с. 551, 552, 553
Чемская см. Безголосова, д.
Чепош, с. 552
Чептаган, гора 554
Червева, д. 240
Черга, р. 542, 543
Черга, с. 49, 542, 543
Чергачак, с. 501
Чергинские, горы 543
Чергинский, аул 18
Черданцова, д. 242
Черемна-Подгорная, д. 246
Черемное (Черемново), с. 89, 91, 93, 102, 105
Черемушкина, д. 246
Черемховый, станец 243
Черемшанка (Черемшанска, Черемшанская), с. 248, 251, 253, 263, 264, 268, 277, 278, 280, 281, 282, 209, 291, 294, 295, 300, 301, 304, 305, 318, 321, 324, 327, 331
Черемшанка, рч. 253
Черепанова (Черепанина), д. 242, 251, 252, 253
Черепановка, р. 517
Черепановский, рудник 390, 406, 433, 436, 442, 447, 449, 450, 451, 517
Черкасова, д. 242
Черкунова, д. 171
Черлатский, форпост 249
Черная Берель, р. 529, 532
Черная Уба, р. 527

- Черная, д. 194
Черная, рч. 252
Черневая, р. 522
Черневское, оз. 532
Черниговская, губ. 270
Чернова, д. 52, 55, 239, 240
Чернодырова, д. 247, 252
Черное см. Бухтарминское, оз.
Черномыские, юрты 150
Чернопятова, д. 246
Черноретской, форпост 249
Черноярский, станец 249
Черный Ануй, с. 73, 535, 536
Черный Иртыш, р. 180
Черный, ледник 528, 532
Черный, станец 243
Чертенкова, д. 253
Черхинские, юрты 238
Чесноковка (Чесноковска), д. 72, 242, 244, 246
Четту (Ишту), гора 554, 556
Чечулиха (Чечулина), д. 216, 525, 537
Чибит, рч. 546
Чибит, с. 546, 547, 553, 559, 562
Чиковская, д. 259
Чику, рч. 253
Чилино (Чилининская, Чилинское), с. 118, 121, 139, 141, 253
Чингинское (Чингизское), с. 228
Чиндагатуй, пикет 532, 533
Чиндагатуйское, оз. 533
Чириковский, пос. 504
Чистополька, с. 277
Чистюнька (Чистюньская), с. 90, 102, 117, 193, 247, 504
Чистюньская, вол. 90
Чичирбаева, д. 242
Чоодора, рч. 556
Чубур, р. 150
Чудак, рудник 493
Чудотворица, пос. 500
Чуйская, вол. 546, 547
Чуйская, степь 488, 549, 550, 561
Чуйские, горы 488, 542, 547, 548, 549, 550
Чуйский, тракт 488, 512, 513, 534, 535, 539, 542, 543, 545, 547, 549, 550, 559, 562
Чулым, р. 202, 204, 205, 239, 249
Чулымское (Чулымская), с. 129, 185, 251
Чулышман, р. 237, 238, 342, 244, 488, 550, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 562
Чулышманские, горы 553, 558, 559, 560, 561, 562
Чулышманское, плоскогорье 561
Чульча (Чельча), р. 558, 559, 560
Чумыш, р. 229, 231, 237, 241, 242, 245, 246, 247, 438, 499, 500, 503
Чумышская, вол. 137, 139, 179, 225, 234
Чумышские, юрты 244
Чупина (Чюпина), д. 202, 247, 252
Чуя, р. 546, 547, 549, 559, 562
Чюлские, юрты 238
Чюлымские, юрты 250
Чююлхаевы, юрты 238
Шавла, р. 560

- Шагалова, д. 253
Шадрина, д. 193, 246, 252
Шадринская, вол. 89, 91, 95,
102, 123, 138, 142, 172, 235
Шадринцова, д. 246
Шангинские, юрты 238
Шандурова, д. 251
Шапшал, хребет 561
Шарабска, д. 242, 252
Шарап, рч. 241, 242
Шарина (Кречкунова), д. 252
Шарчина, д. 248, 252
Шатунова, д. 246, 252
Швеция, страна 157, 164
Шебалино (Шабалино, Шабалина), с. 161, 543
Шегарка, р. 155
Шегарская, д. 155, 160
Шелаболиха (Шелаболихинская, Шалаболиха), д. 248, 494
Шелегина, д. 248
Шелковниково, с. 89
Шелковниковская, вол. 105, 141
Шемонаевский (Шемонаихинский), форпост 182, 192, 193, 259
Шемонаевское (Шеманаихинская, Шемонаевка Шемонаиха), с. 85, 90, 91, 97, 99, 129, 13, 141, 193, 244, 266, 267, 268, 277, 280, 281, 291, 293, 294, 295, 309, 321, 322, 323, 324, 325, 327, 328, 330, 331, 521, 523
Шемонаиха (Шемонаевка), рч. 182, 257
Шемонаихинский, рудник 179
Шепелева, д. 240
Шерохова, д. 242
Шестакова, с. 502
Шибанова, д. 242
Шигаева, д. 252
Шикшак, хребет 554
Шилова, д. 246
Шимки, д. 22
Шипицина, д. 246
Шипкова, д. 252
Шипуново (Шипуниха, Шипуновка, Шипуновское), с. 16, 67, 92, 247, 248, 252, 267, 277, 280, 281, 293, 295, 327
Широкова, д. 247
Шитикова, д. 239
Шицкая, д. 240
Шишкина, д. 202, 246
Шлепкина, д. 252
Шляпова см. Никонова, д.
Шмакова, д. 246, 248
Шорохова, с. 161
Шубенка, с. 248, 510, 511
Шубина, д. 239
Шульба, р. 173
Шульбинский, з-д 173, 191, 193, 207, 243, 392
Шульбинский, форпост 243
Шульгин Лог, с. 37, 44, 52, 53, 65
Шумилиха, рч. 535
Шумиха, д. 240, 502
Шурыгина, д. 252
Щербакова, д. 250
Ыныр, с. 88, 89, 99
Эджиган, рч. 488, 553
Элекмонар (Эликманар), с. 552
Элизе, гора 554
Южакова, д. 509
Южина, д. 253
Юлыбердь см. Литвинова, д.

- Юрбутту, гора 554
Юрманский, рудник 434
Юрские, юрты 238
Юстыд, гора 550
Ядринцева, ледник 549
Язево, оз. 532
Язовая (Язова), д. 27, 182, 202,
246
Язулу, аил 560
Яйское, с. 221
Якутская, обл. 158
Ялуторовск, г. 8, 9
Ялуторовский, окр. 170
Ямино, с. 503
Ямная, рч. 239
Ямное (Ямна), с. 239
Ямышевская, крепость 182, 206,
212, 242, 243, 248, 249
Яновской, пос. 500
Ян-Чили (Большая Чили), рч.
557
Яныс-Коч, гора 556
Яренск, г. 154
Ярки (Ярковское), с. 28, 29, 87,
91, 104, 110, 123, 134, 249, 492
Яровой, маяк 244
Яровский (Яровская), пос. 251,
525
Яровский, форпост 182, 525
Ярская (Ярска), д. 176, 252
Ясатер, р. 548, 550
Яя, р. 160, 194, 204

Список сокращений

вол. – волость

вып. – выпуск

г. – год

гг. – года

г. – город

гор. – город

д. – деревня

дер. – деревня

др. – другой, другие

друг. – другой, другие

з-д – завод

засел. – заселок

кв. – квадратный

квадр. – квадратный

мин. – минута, минуты

муж. – мужской

напр. – например

наприм. – например

оз. – озеро

окр. – округ

обл. – область

пос. – поселок

р. – река

р. – рубли, рубли

рр. – реки

рч. – речка

руб. – рубль, рубли

С.-Петербург – Санкт-Петербург

см. – смотри

сс. – села

ст-ца – станция

стр. – страница

т. – том

табл. – таблица

шт. – штук, штука

пр. – прочее

проч. – проч.

у. – уезд

час. – часов, часы

чел. – человек

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	стр. 5
<i>Чудновский С.Л.</i> Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа.....	стр. 8
<i>Рылова Е.П.</i> Начальная школа в Алтайском округе в 1894 году...	стр. 76
<i>Беликов Д.Н.</i> Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: (общий очерк за XVII и XVIII столетия)	стр. 147
<i>Швецова М.</i> «Поляки» Змеиногорского округа.....	стр. 255
<i>Тыжнов И.И.</i> Из истории горнозаводского населения на Алтае: (материал для истории крепостного права в Сибири)	стр. 346
<i>Белявский Ф.Н., Семенов-Тянь-Шанский В.П.</i> Русский Алтай.....	стр. 486
Словарь терминов	стр. 564
Именной указатель	стр. 578
Географический указатель.....	стр. 588
Список сокращений	стр. 623

АЛТАЙ в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков

Формат 70x100/16. Гарнитура Octava. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. Тираж . Заказ

Типография

